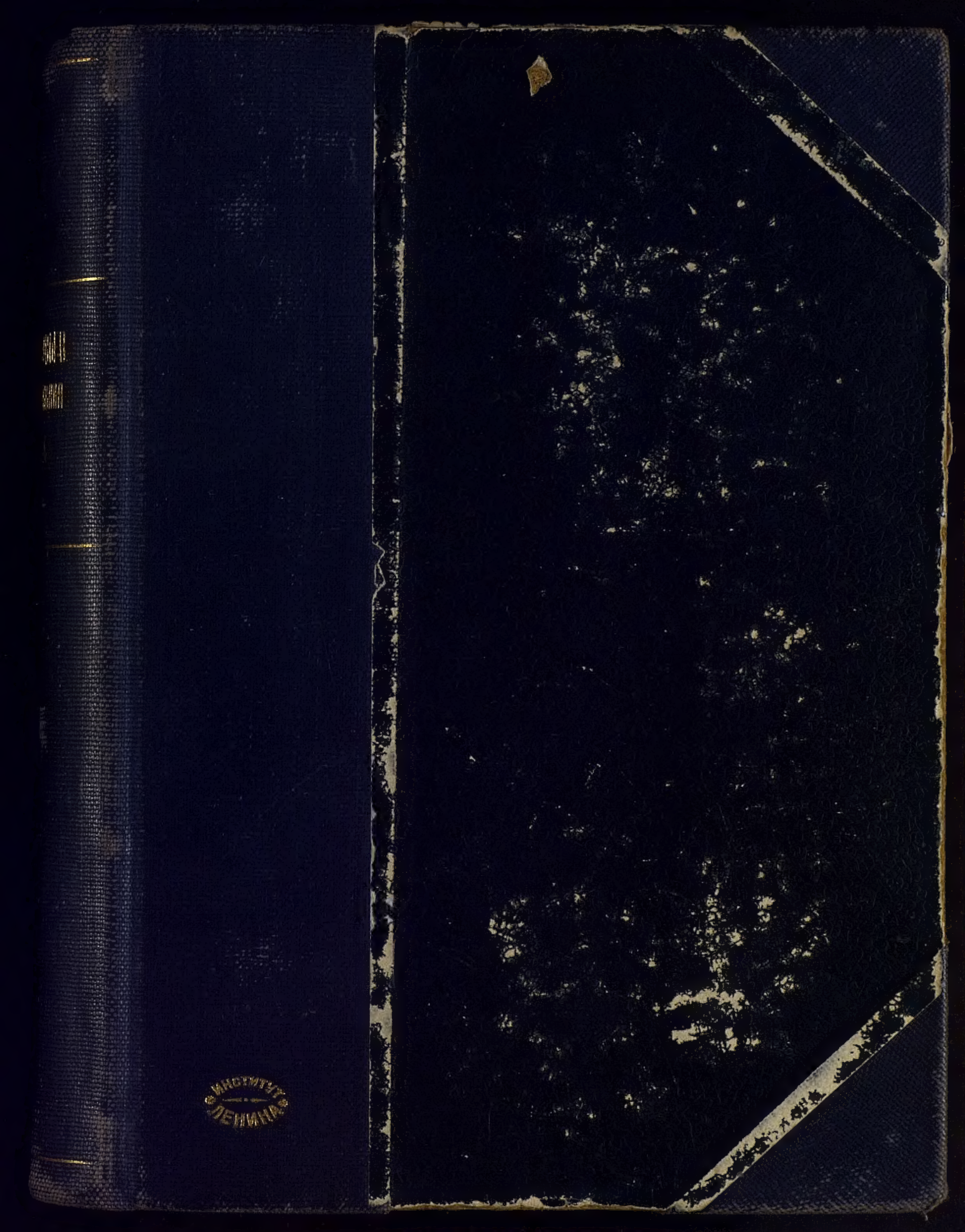
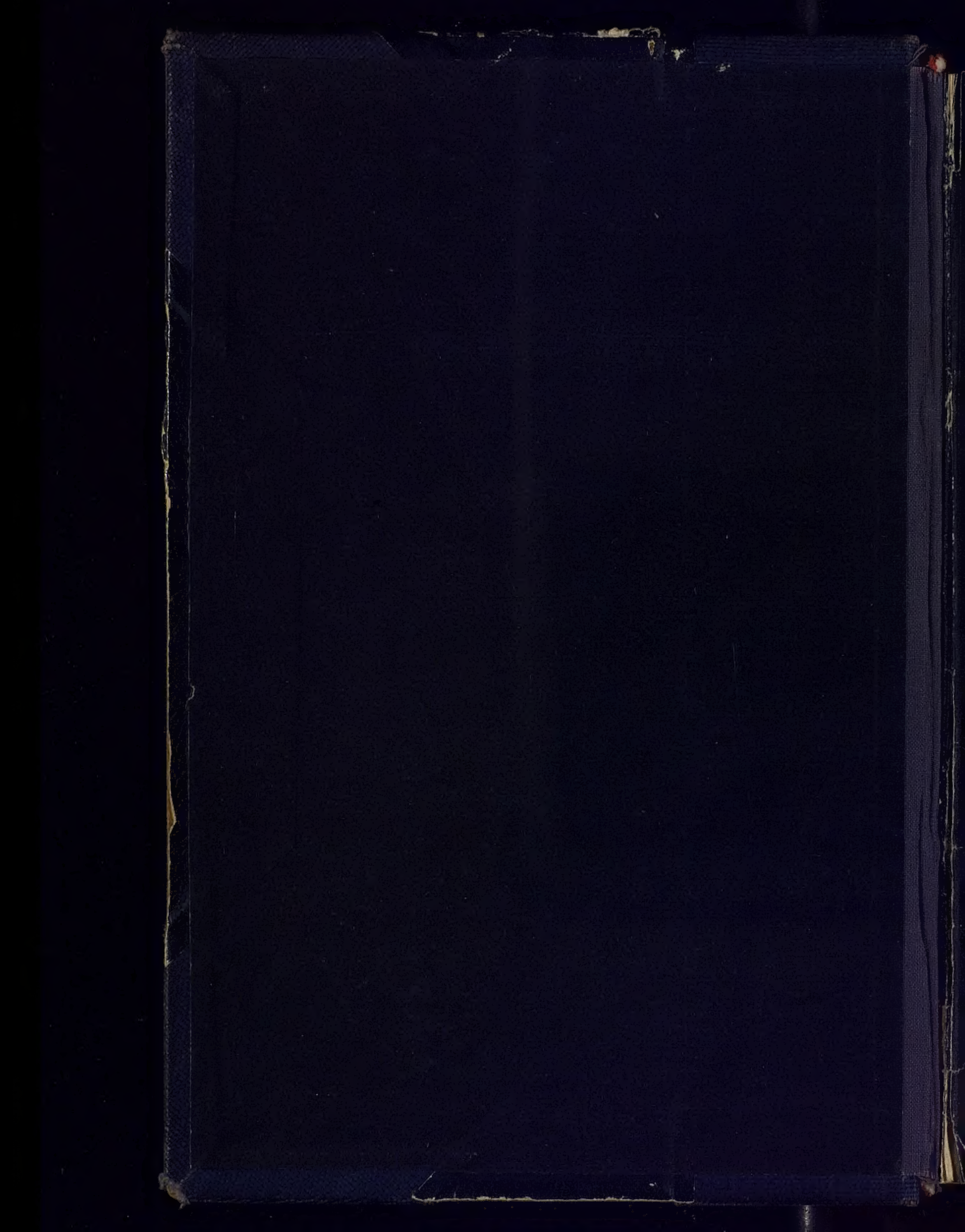
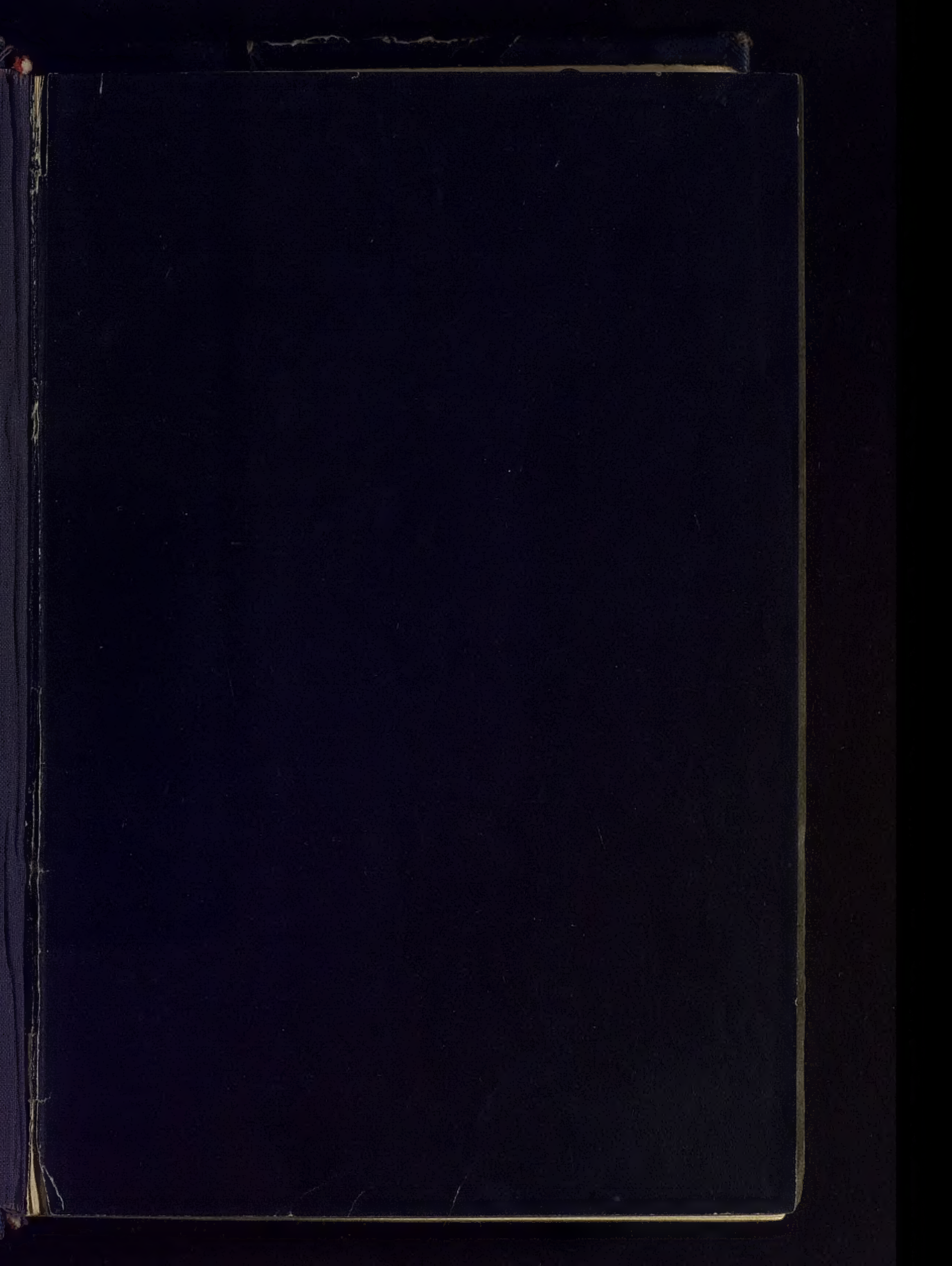

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗМ

ИЗ ЭПОХИ
„ЗВЕЗДЫ“ И „ПРАВДЫ“
(1913—1914 гг.)

ТОМ
IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
1926

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ IV

БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗМ

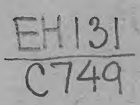
ИЗ ЭПОХИ „ЗВЕЗДЫ“ И „ПРАВДЫ“

(1913—1914 гг.)

1911–1914

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1926

Гиз № 6753.
Ленинградский Гублит № 935.
38½ л. Отпеч. 20.000—10.000 экз.

ВОИНСТВУЮЩИЙ МАРКСИЗМ ПРОТИВ «ЧИСТО-РАБОЧЕЙ» ПОЛИТИКИ (1).

Если «чисто-рабочая» политика английского типа до сих пор не привлекала к себе в России сколько-нибудь широких симпатий со стороны писателей, претендующих на звание марксистов, — то того же далеко нельзя сказать о «чисто-рабочей» политике бельгийского образца. К последней питали и питают немалое пристрастие многие и многие из русских «тоже» марксистов. Мы не говорим уже о представителях истинно-русского «чисто-кооператизма»—всех этих Тотомианцах, Поссе и К°, которые тоже не прочь при случае «родными счесться» с марксизмом и которые всего охотнее противопоставляют «доктринерской», «узкой», «догматической», «книжной», «интеллигентской» ортодоксии широкую, чисто рабочую политику. С этими защитниками «чистого кооператизма», которые, кстати сказать, все более открыто подают руку русским либералам-марксистам, придется еще считаться. Но сейчас дело не в них. «Бельгийским образцом», «бельгийским типом» рабочего движения увлекались и увлекаются многие другие из наших писателей, воображающие, что они-то совершенно свободны от влияния на них буржуазной идеологии. Ведь все российские сторонники «широкой рабочей партии», все эти пророки и «новаторы», которые уже давно носятся с более или менее ликвидационными планами по отношению к будто бы уже устаревшему, «отжившему» ортодоксальному типу движения, — все они ведь чуть ли не всю свою аргументацию строили именно на «бельгийском опыте». Это с одной стороны. А с другой стороны, и русские ревизионисты «слева», все наши проповедники полу-синдикалистского «организационного монизма» (т.-е. полного устранения разделения труда между отдельными формами рабочего

движения) тоже ведь всегда апеллировали к тому же «бельгийскому типу» и на нем строили все свои планы.

Бельгия — страна, в которой рабочее движение развивается не со вчерашнего дня. О бельгийском рабочем движении много писалось в русской и международной марксистской литературе. И тем не менее надо признать, что о бельгийском рабочем движении мы до сих пор знали и очень много и очень мало. С одной стороны как будто тщательно исследованы все его формы, описан каждый его уголок, с другой — как будто полнейшая terra incognita (неведомая земля). Тем большее значение имеет вышедшая только-что (в издании «Neue Zeit») коллективная работа двух бельгийских ортодоксальных марксистов, де-Брукера и де-Мана,—«Рабочее движение в Бельгии». Работа эта вышла пока только на немецком языке; она предназначена для информации представителей международного марксизма и носит явно демонстративный характер. Бельгийские марксисты в этой книге переходят от обороны к наступлению, они бросают перчатку бельгийскому реформизму («чисто-рабочей политике» — тож). Впервые перед широким кругом читателей бельгийские марксисты открыто обнажили все язвы бельгийского реформизма, впервые бельгийскими марксистами нарисована бесстрашно правдивая картина прежде всего фактического положения рабочего движения в Бельгии. Картина эта настолько красноречива, что она несомненно заставит и многих из подлинных марксистов отказаться от некоторого, как оказывается, необоснованного оптимизма насчет бельгийского движения. Недаром указанная литературная новинка уже обратила на себя внимание почти всей международной марксистской печати. Она заслуживает величайшего внимания со стороны всех интересующихся судьбами марксизма.

Бельгийская «широкая» рабочая партия состоит не из политических организаций. Она, как выражается один из наших авторов, де-Ман, представляет собою «свободное» (lose) соединение организаций самых различных родов: кооперативов, касс взаимопомощи (на случай болезни и т. п.), профессиональных союзов, обществ избирателей, образовательных обществ, певческих, гимнастических, артистических и иных ферейнов, женских групп, групп молодежи и т. п. И не в том, конечно, беда, что бельгийские социалисты посвящают много внимания всем этим разнообразнейшим формам рабочей организации, вплоть до самых

невинных. Наоборот, в этом разнообразии форм, в этом обслуживании социалистами всех потребностей рабочего могла бы быть сила, мог бы быть залог прочности и мощи бельгийского социалистического движения. Но — лишь в том случае, если б... если бы у бельгийцев существовала прежде всего особая самостоятельная политическая партия, распространяющая свое марксистское влияние на все эти перечисленные виды рабочей организации, если бы в Бельгии самостоятельная политическая партия не подменивалась бесформенным смешением всех вышеперечисленных организационных коллективов. Действительная широта, т.-е. массовидность и разнообразие функций классовой партии, — огромное благо. Но это, конечно, не «широта», при которой в море бесформенных объединений тонет главное, тонет то, чего не хватает и бельгийцам: тонет партия.

Присмотримся же поближе к главным из указанных видов организации бельгийских рабочих. Начнем с кооперативов, тех самых кооперативов, которые в известном смысле прославили Бельгию.

— «Материальную основу бельгийской рабочей партии представляют собою кооперативы, в особенности потребительские кооперативы», — пишет де-Ман.

«...Действительную основу нашей организации представляют кооперативы. Они оказывают помощь организации, они являются ее опорой, они опекают все наши группы», — подтверждает и де-Брукер.

По последним данным 1909 года бельгийская рабочая партия насчитывает всего 185.319 членов, платящих по 10 сантимов ($3^1/_2$ к.) в год в центральную партийную кассу. Не меньше половины этого числа членов — по словам де-Мана—составляют кооперативы. И вот эти-то прославленные бельгийские кооперативы, образующие хребет бельгийской рабочей партии, пропитаны насквозь мелкобуржуазными тенденциями, «кооперативным кретинизмом», как выражается де-Ман.

Вот несколько ярких фактов, рисующих духовный облик бельгийских «социалистических» кооперативов. Ряд крупнейших кооперативов открыто превратился в чисто-акционерные общества (оставаясь тем не менее «партийными»). Таков, например, один из известнейших гентских кооперативов (руководимых известным кооператором Анзелем), который недавно, превратившись в акционерное общество, взял в кредит у одного

банкира миллион франков и допустил этого банкира стать одним из управляющих кооператива. Залы кооперативных народных домов, в погоне за барышами, сдают под различные сомнительные «увеселения» разным предпринимателям—вместо того, чтобы служить, как предназначались эти залы, для рабочих собраний. Известный гентский кооператив «Вперед» ввел для своих служащих ультра-эксплуататорскую систему «американской» заработной платы. На недавней брюссельской выставке павильон социалистических кооперативов украсил себя знаменем с надписью: «Потребители всех стран, соединяйтесь! Кооперативы гарантируют справедливое распределение социальных благ!..» — Пропагандистский орган брюссельского кооперативного народного дома «Maison du Peuple» украшен, например, следующим «социалистическим» изречением: «Кооперативы уничтожают границы, отделяющие имущие классы от неимущих».—Один «социалистический» кооператив открыл модный магазин и, чтобы не отпугать покупателей, скрыл, что это предприятие кооперативное, и т. д. и т. п. Дух меркантилизма, дух лавочничества и узкого ограниченного влечения к «своей колокольне» почти безраздельно властвует, по словам бельгийских марксистов, в кооперативном движении в Бельгии. И все эти отрицательные свойства кооперативов, конечно, сообщаются и бельгийской рабочей партии, составной частью которой эти кооперативы являются. Опять-таки, тесная связь кооперативов с основной формой организации, разумеется, — превосходная вещь. Но когда вместо тесной связи мы видим подмену партии кооперативами, тогда приходится констатировать, что подобный «монизм» ничем не лучше так называемого «чистого» нейтрализма...

— А бельгийское профессиональное движение? Все или почти все слабые стороны бельгийских кооперативов свойственны и ему. Оно прежде всего страшно слабо количественно (меньше 10% всех рабочих Бельгии сорганизовано в професс. союзы). Членов всех професс. союзов, стоящих на точке зрения классовой борьбы, насчитывалось в 1906 году — 128.116, в 1908 году — 106.521, в 1910 г. число членов опять несколько поднялось. Так называемых «нейтральных» професс. союзов в Бельгии совсем мало, и в этом, конечно, одно из преимуществ бельгийского профессионального движения. Но вместе с тем и професс. союзы Бельгии страдают — по словам компетентных свидетелей де-Брукера и де-Мана — узостью кругозора, локализмом, отсутствием боевой

способности и т. п. Некоторые професс. союзы являются просто кассами взаимопомощи, другие — кружками свободомыслящих рабочих и т. д. «Я знавал даже, — рассказывает де-Ман, — такие професс. союзы, которые на деле являются только кружками молодежи». Только некоторые из более крупных профессиональных союзов, которыми, кстати сказать, руководят марксисты, представляют собою блестящие исключения: в них жив дух борьбы, они действительно заслуживают названия классовых организаций.

Не лучше обстоит дело и с чисто политической работой бельгийской рабочей партии. Пресса развита слабо. Пропаганда путем собраний поставлена крайне плохо. Огромное большинство членов партии, говорит де-Брукер, в течение года не посещает ни одного собрания, на котором разбирался бы какой-либо важный политический вопрос. Число голосов, подаваемых за партию на выборах в парламент, падает. В 1898 году оно равнялось 538.600, теперь же, по самым оптимистическим подсчетам, оно равняется 490.000 (точного подсчета сделать нельзя, в виду того, что бельгийские социалисты почти всюду идут на выборы в союзе с либералами, в общем списке). Число социалистических депутатов равнялось в 1900 г. — 32 (на 152 депутата), в 1910 г. — 35 (на 166), т. е. процент нисколько не возрос (21,1%). В органах местного самоуправления число социалистических депутатов за последнее десятилетие значительно уменьшилось. Сколько-нибудь крупных законов по охране наемного труда до сих пор провести не удалось. В партии господствует дух децентрализма. Взносы в центральную кассу ничтожны, решения центральных учреждений часто остаются висеть в воздухе, местные группы действуют всякая по-своему и т. д.

В результате Бельгия, как констатируют наши авторы, — «является самой отсталой страной из всех культурных промышленных государств *) в смысле высоты заработной платы и величины рабочего дня».

По оффиц. статистике 1896 года, 70.000 рабочих работали меньше 10 часов в день; 215.000—10 часов; 95.000—$10^1/_2$ часов; 1.000.000 — 11 часов; 1.250.000 — больше 11 часов. Из них зарабатывали: 1.130.000 меньше 95 коп. в день; 87.000—от 95 коп. до 1 р. 10 коп.; 100.000 — от 1 р. 10 коп. до 1 р. 25 коп.;

*) За исключением все же России, разумеется.

115.000 — от 1 р. 25 коп. до 1 р. 60 коп. Сельские рабочие получали 40 коп. в день, а работницы 25 коп.

Клерикализм пользуется в Бельгии огромной силой. В связи с этим народная темнота поразительно велика для такой промышленно развитой страны как Бельгия. В 1900 году в Бельгии было 19% жителей выше восьмилетнего возраста, не умевших ни читать, ни писать. На 10.000 рекрутов в Бельгии — 1.010 неграмотных, тогда как в Германии их только 5, а во Франции 470. Еще в 1900 году Бельгия насчитывала 37.905 монахов, а с тех пор сила клерикализма еще больше возросла. В руках клерикалов чуть ли не все школьное дело, они посредством различных организаций (ссудо-сберегательных, кооперативных и иных) держат в руках огромную массу деревенского населения.

Де-Брукер различает в жизни Бельгийской рабочей партии два периода. Первый, от 1885 до 1900 г., — период быстрого роста, период, охватывающий известную всеобщую забастовку 1893 года, кончившуюся значительным успехом. Второй период — приблизительно со времени поражения 2-й всеобщей забастовки 1909 года до наших дней—период непрерывного упадка, измельчания, в лучшем случае застоя. За время второго периода Бельгийская рабочая партия все больше погружается в трясину реформизма и тянет движение назад. Ревизионистская теория здесь успеха не имеет. Бельгийские реформисты придерживаются только одной «теории»: что никакой теории настоящим «практикам» рабочего движения не нужно. Но зато реформистская практика проникла здесь во все поры движения. Бернштейн 10 лет проповедует реформизм, а наши бельгийцы больше десяти лет осуществляют этот ревизионизм, говорит де-Брукер. Выше мы видели горькие плоды этой ревизионистской тактики...

Социалистические депутаты в парламенте действуют в постоянном блоке с либералами, которые и в Бельгии трусливы и блудливы, как везде. «Блок», по словам де-Брукера и де-Мана, заключается не в чем ином как в том, что социалисты в большинстве случаев идут в хвосте либералов, — совершенно так же, как английские независимые. Либералы не любят клерикалов, но классовое рабочее движение они ненавидят. И поэтому, как только последнее делает решительный шаг, либералы сами готовы помочь клерикалам затянуть потуже петлю... За последние годы бельгийские реформисты носятся с идеей образования либерально-

социалистического министерства и уже прямо хотят, если им удастся «победить» клерикалов, проделать опыт «мильерановщины». Их в этом мудром плане не останавливает ни оппозиция со стороны марксистов, ни прямые постановления международных съездов. Вандервельде, занимающий по виду «среднюю» позицию, на деле идет с реформистами. И когда ему указывают, что принятие министерского портфеля запрещено Амстердамской резолюцией, он, как остроумно отмечает де-Брукер, возражает: запрещено принять один портфель, а 4 — 5 министерских портфелей принять можно... Чтобы спастись от ига клерикализма, реформисты лезут в хайло предательского либерализма, или, по замечанию Брукера, — чтобы уберечься от дождя, бельгийские ревизионисты лезут в воду. Идя по стопам германских крайних реформистов, бельгийские ревизионисты стали появляться в придворных сферах, на торжественных обедах и т. п. Многие из видных реформистов вступают в буржуазные общества «свободомыслящих» и т. п. Легко себе представить, какую деморализацию все это вносит в рабочие массы...

Но бельгийские марксисты не складывают в унынии руки. Они полны бодрости и веры в свое дело. Среди них замечается уже здоровая реакция. На фоне этой реакции и появилось в 1909 году в Бельгии марксистки оформленное течение. На съезде 1910 года марксистов было около $^{1}/_{8}$ голосов. «Но мы имеем твердое желание стать большинством», — говорит де-Брукер...

Своеобразный ход развития бельгийского рабочего движения бельгийские марксисты объясняют всей историей Бельгии, рядом основных экономических причин, о которых подробнее в другой раз. После десятилетий «чисто-рабочей» политики мы видим, наконец, появление и в Бельгии марксистского течения. Извилистыми путями идут к марксизму бельгийские рабочие массы, но — идут. Чтоже сказать о тех политиках, которые, видя такие уроки западно-европейского движения, тащат назад от марксизма к «чисто-рабочей политике» в таких странах, в которых марксизм в силу исторических условий (запоздалого капиталистического развития и т. п.) с самого начала получил господствующую роль в рабочем движении?..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1911 г., № 1, декабрь; подпись — «Гр».

ТРИ ЗАПРОСА [1].

Стенографические отчеты Г. Думы — даже III Думы — представляют собою замечательно интересный и поучительный политический материал. Не будет преувеличением сказать, что приложение к «бутербродной» газете «Россия» ценнее всех либеральных газет. Ибо либеральные газеты прикрашивают либералов, притупляют острые углы в постановке вопроса «правыми», с одной стороны, и представителями действительных масс населения, с другой, вносят всегда и неизменно фальшь в оценку сути нашей «внутренней политики». А именно в постановке соответствующих вопросов, именно в оценке сути дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности.

Попытаемся пояснить сказанное, насколько возможно, на прениях к трем вопросам: об «охране власти», о голоде, о «временном» положении 1881 года [2].

Первое заседание текущей сессии Думы открылось речью председателя-октябриста о Столыпине. Интересно здесь то, что, по словам вождя октябристов, «неусыпной работой его (Столыпина) было неуклонное, хотя и осторожное, осмотрительное движение вперед по пути развития политической и общественной жизни России». Не правда ли, хорошо сказано? Столыпин в качестве «прогрессиста»! Почему иного «прогресса», кроме настоящего, данного, не удовлетворяющего даже октябристов, не может быть при всей той системе управления, при том государственном устройстве, при сохранении того класса, политику которого проводил Столыпин, — на этом, вероятно, останавливалась мысль не одного демократического читателя родзянковской речи. К сожалению, никто из тех думских депутатов, присутствовавших при произнесении этой речи *) и причислявших

*) Из речи Маркова 2-го мы узнаем, что рабочие депутаты не присутствовали. «Вы, — обращаясь к ним, сказал Марков 2-й, — откровенно выразили свое отношение... когда пустовали ваши скамьи сейчас... Вы ушли... Я за это вас если не уважаю, то понимаю». Марков 2-й ведет себя в Думе очень часто совершенно по-хулигански. Но в приведенных его словах, как и в очень многих заявлениях его коллег, видна прямая постановка вопроса с точки зрения определенного класса. Эта прямота

себя к демократии, не пожелал остановиться на разъяснении классовых корней столыпинской формы «прогресса».

А повод для этого был удобный при прениях об охране.

... Столыпин «верил достопочтенному А. И. Гучкову — гремел Марков 2-й — и его не менее достопочтенным друзьям из середины Думы. Он был наказан смертью за свою доверчивость. Успокоение, которое нам пришлось пережить, это есть успокоение могилы. Другого успокоения нет (голос слева: правильно). Есть подъем революции... Нет успокоения, а грядет революция. С революцией надо биться, биться грудью, лоб о лоб (смех слева), нужно вешать этих негодяев, изуверов и мерзавцев. Вот что я имею сказать против спешности этого вопроса».

Такова была постановка вопроса у представителя помещиков.

После Маркова 2-го говорил—уже по существу вопроса — Родичев. Он говорил, как всегда, красно. Но постановка вопроса у этого красноречивого либерала до невероятия убогая. Либеральные фразы, фразы и больше ничего. «Когда центральный комитет октябристов, — восклицал г. Родичев, — заявляет по отношению к оппозиции, что она стремится к убийству своих политических противников, это есть постыдная ложь. И эту ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью, — покончить с шпионократией» (см. 23 стр. отч. «России», и на стр. 24 еще раз, тоже с «клятвой»).

Эффектно, «ужас» как эффектно! Родичев готов простить октябристов, если они «поклянутся» покончить. Полноте врать, г. говорун: не только октябристы, но и вы, кадеты, сколько бы ни «клялись», — покончить ни с каким серьезным злом не можете. Фразами о «клятвах» по такому серьезному вопросу вы затемняете политическое сознание масс, вместо того, чтобы просветлять его, вы засоряете головы шумихой слов, вместо того, чтобы объяснять, спокойно, просто, ясно излагать, почему эта «змея» овладела, могла овладеть, должна была овладеть данной властью.

Не объясняя этого, боясь просто и прямо взглянуть в корень вопроса, г. Родичев отличается от октябристов не постановкой

сплошь да рядом во сто раз полезнее для развития политического сознания масс, чем избитые фразы либералов, претендующих на «надклассовую» позицию.

вопроса, отличается от них не принципиально, а только размахом красноречия. Он стоит, если посмотреть чуточку повнимательнее на его речь, если подумать над ней хоть слегка, — он стоит, в сущности, на точке зрения октябристов, только поэтому он и может обещать им «прощение», если они «поклянутся». Все эти прощения, все эти клятвы — одна сплошная комедия, которую играют боящиеся сколько-нибудь последовательной демократии либералы. Отсюда та постановка вопроса, которую мы видим у Родичева в словах о «пропорции», в защиту Лопухина и т. д. Отличия по существу в позициях октябристов и либералов нет.

Теперь, напротив, вдумайтесь в речь Покровского 2-го ([8]). Он начинает с указания на то, что запрос его и его коллег «по существу совершенно отличен» от запроса октябристов. И хотя в запросе Покровского 2-го и его коллег есть не совсем удачные места, но это отличие по существу было отмечено правильно. «Нас беспокоит не то, — говорит Покровский 2-й, — что охрана гибельна для правительства, что беспокоит вас, нас беспокоит то, что охрана, которая культивируется правительством при вашем содействии, что эта охрана несет гибель стране...»

И Покровский 2-й старается объяснить — не декламировать, а объяснить, — почему нужна власти охрана, каковы классовые корни подобного учреждения (классовые корни «клятвами» и «прощениями» не затрогиваются). «Правительство, — говорит Покровский 2-й, — ставшее совершенно чуждым обществу, оно, не имевшее в обществе никакой опоры, так как оно стало врагом демократии, оно имело в самом себе только жалкие остатки из вымершего класса дворянства, оно должно было окопаться, отделиться и изолироваться от общества — и вот оно создало охрану... И вот, по мере роста широкого общественного движения, по мере того как все широкие слои демократии захватываются этим движением, растет значение и влияние охраны».

Покровский 2-й, видимо, сам чувствовал, что слово «общество» тут не точно, и потому стал заменять его верным словом: демократия. Во всяком случае он дал — и в этом его громадная заслуга — попытку объяснения сущности охраны, к уяснению ее классовых корней, ее связи со всем государственным устройством.

Если даже оставить в стороне необузданное и безвкусное фразерство г. Родичева, неужели не очевидно, что постановка

вопроса у Покровского 2-го и Гегечкори (4), как небо от земли, отличается от постановки вопроса у Родичевых? А между тем в постановке вопроса рабочими депутатами существенным было последовательное применение демократизма, только демократизма. Выяснение глубокой разницы между демократизмом настоящим и кадетским либерализмом (либерализмом «общества»), всуе приемлющим имя демократии, есть одна из важнейших задач в III Думе вообще, после периода 1906 — 1911 г.г. в частности, перед выборами в IV Думу в особенности.

Перейдем ко второму вопросу — о голоде. Первым говорил Дзюбинский (5) и говорил из рук вон плохо. Не то, чтобы у него не было верных фактов, — нет, он подобрал факты безусловно верные, и просто, ясно, правдиво изложил их. Не то, чтобы у него не было сочувствия к голодающим, — нет, такое сочувствие у него несомненно есть. Не то, чтобы он упустил из виду критику правительства, — он критиковал его все время. Но он говорил не как демократ, а как либеральный чиновник, и в этом коренной грех его речи, в этом коренной грех всей позиции «интеллигентов» трудовой группы, еще яснее выступавший, например, из протоколов первой и второй Думы. Дзюбинский отличался от кадетов только тем, что у него не было контрреволюционных ноток, которые всякий внимательный человек всегда замечал у кадетов, по своей постановке вопроса дальше точки зрения либерального чиновника Дзюбинский не пошел. Поэтому его речь была бесконечно слаба, так убийственно скучна, так убога — особенно по сравнению с речью его коллеги по партии, крестьянина Петрова, в котором чувствуется (как и во всех почти к р е с т ь я н а х-трудовиках и первой и второй Думы) настоящий, нутряной, «почвенный» демократ.

Посмотрите, как начинает г. Дзюбинский. Говоря о голоде, он во главу угла ставит... что бы вы думали?.. продовольственный устав «временных правил 12 июня 1900 года»! (6) Вы чувствуете сразу, что этот человек, этот политический деятель самые живые впечатления о голоде почерпнул не из личного опыта, не из наблюдения над жизнью масс, не из ясного представления об этой жизни, а из учебника полицейского права, при чем, разумеется, он взял новейший и лучший учебник, самого либерального, самого что ни на есть либерального профессора.

Г. Дзюбинский критикует правила 12 июня 1900 года. Посмотрите, как он критикует: «почти со времени издания правил 12 июля 1900 года они были признаны и самим правительством и самим обществом неудовлетворительными»... Самим правительством признаны неудовлетворительными—значит, задача демократии исправлять правила 12 июня 1900 года, чтобы их могло само правительство «признать удовлетворительными»! Так и переносишься мысленно в обстановку российского провинциального присутственного места. Воздух затхлый. Пахнет канцелярией. Присутствуют губернатор, прокурор, жандармский полковник, непременный член, два либеральных земца. Либеральный земец доказывает, что надо возбудить ходатайство об исправлении правил 12 июня 1900 года, ибо они «признаны самим правительством неудовлетворительными»... Помилосердствуйте, г. Дзюбинский. К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и в нее будем переносить язык и манеру, образ «политического» мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были вообще извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии, в уютном мещанском «гнездышке» — кабинете либерального инженера, адвоката, профессора, земца? Для этого не нужно никакой Думы!

Пословица говорит: «скажи мне, с кем ты знаком, и я тебе скажу, кто ты такой». Когда читаешь стенографические отчеты Думы, то хочется переделать эту поговорку по адресу того или иного депутата следующим образом: «покажи мне, с кем ты говоришь, когда ты выходишь на трибуну Г. Думы, и я тебе скажу, кто ты такой».

Г. Родичев, например, говорит всегда, как и все кадеты, с правительством и с октябристами. Г. Родичев, как и все кадеты, приглашает их «поклясться» и под этим условием соглашается их «простить». В сущности, эта гениальная родическая фраза — нечаянно до правды договорился — великолепно передает весь дух кадетской политической позиции вообще, во всех Думах, во всех важнейших выступлениях к. д. партии и в парламенте, и в печати, и в передней у министра. «Ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью», — эти слова следует выгравировать на памятнике, который пора уже поставить г. Родичеву.

Но г. Дзюбинский не кадет; он не принадлежит к числу тех политически безграмотных людей, которые считают кадетов

демократической партией; он называет себя трудовиком, народником. И у него настолько нет демократического чутья, что он, входя на трибуну Г. Думы, продолжает говорить с чиновниками. У него настолько нет чутья, что он адресуется — а это возможно в России именно из Думы и пока-что едва ли не только из Думы — не к миллионам крестьян, которые голодают, а к сотням чиновников, знающих про правила 12 июня 1900 года.

«Правила 12 июля, — говорит г. Дзюбинский, — имели чисто политическое значение; они имели в виду устранить земские общественные организации и передать это дело продовольственной помощи населению, передать его всецело в руки правительства».

«Правила 12 июля имели чисто политическое значение»... Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25 — 30 тому назад, в проклятой памяти 80-е годы прошлого века, «Русские Ведомости» писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время что вы изволили почивать, старая Россия умерла, народилась новая Россия. Нельзя говорить с этой новой Россией таким языком, что в упрек правительству ставится «чисто-политическое» значение его правил. Это — язык гораздо более реакционный, при всей его благонамеренности, чинности и аккуратной благожелательности, чем язык реакционеров III Думы. Это — язык такого народа, или такого отпуганного от всякой политики провинциального чиновника, который считает «политику» чем-то в роде наваждения и мечтает о продовольственной кампании «без политики». С современной Россией можно говорить только апеллируя от одной политики к другой политике, от политики одного класса к политике другого класса или других классов, это азбука не только демократизма, но даже самого узкого либерализма, если брать серьезное значение этих политических терминов.

Вся речь Дзюбинского проникнута тем же духом, что и ее начало. Он говорит о циркулярах насчет взимания податей, о податном винте, о льготных тарифах для косарей и ходоков, о том, что семена получаются позже посевов, о выдаче ссуд под корову — ибо правительству нужнее прокормление скота, чем прокормление людей, — о том, что крестьяне предпочитают занять 75.000 р. из 12% в частном банке, чем волокиту

беспроцентного займа 70.000 р. у казны (в заключение он приводит поучительнейшие письма с мест, рисующие нужду ужасных размеров). Но во всей этой благонамереннейшей речи нет ни искорки демократического чувства, ни капли понимания задач демократической «политики». Из речи вытекает несомненно, — и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский, — что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его речи «следует» в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника.

Через оратора после Дзюбинского говорил граф Толстой, депутат от Уфимской губернии, очень далекий от трудовичества, но говорил он точь-в-точь подобно Дзюбинскому: «из-за каких-то политических соображений, которыми руководствуется правительство, систематически устраняя земство от участия в продовольственном деле, от этого страдает громадная часть простого народа»... Речи Дзюбинского и графа Толстого могли быть сказаны и двадцать и пятьдесят лет тому назад. В этих речах еще живет старая, и к счастью уже умершая, Россия, в которой не было классов, сознавших или начавших сознавать различие «политики» различных элементов населения, научившихся или начавших учиться бороться открыто и прямо за свои противоположные интересы. Россия «простого народа» внизу и либерального земца при нелиберальном в большинстве случаев чиновнике вверху. И «простой народ» и либеральный земец пуще огня боялись тогда «каких-то политических соображений».

Переверните пару страниц стенографического отчета. Перед вами речи, которые не могли быть сказаны в России ни пятьдесят, ни двадцать, ни даже семь лет тому назад, если взять эти речи в их совокупности. Тут уже дуэль Маркова 2-го и Петрова 3-го (7) — людей с номерами, случившаяся как нарочно, чтобы показать, что перед нами типичные представители соответствующих классов, такие, каких много. Марков 2-й нападает по-старому, Петров 3-й обороняется и переходит от обороны к наступлению не по-старому.

Марков 2-й... «Голословные и совершенно не вызванные фактическим положением дела нападки объясняются, конечно.... тем, что что бы ни делало правительство русское, необходимо наш народ бунтовать»... «в западных губерниях... люди трудятся на земле и делают то, чего у вас на Волге не хотят делать» — (к кому обращается оратор со словами: «у вас на Волге», — не со-

всем ясно, ибо раньше него говорил лишь трудовик Кропотов из Вятской губернии, очевидно, «у вас па Волге», — это сказано не про думских депутатов, не про то, что есть или было в Думе, а про нечто другое), «ибо на Волге слишком много лодырей, и это надо помнить... Мы знаем, что у вас много среди голодающих тех, кого действительно надо заставить поголодать, дабы он работал, а не бездельничал».

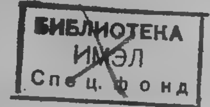
Петров 3-й, хотя он не с Волги, а от Пермской губернии, отвечает: «Опять напоминаю, господа, если Марков 2-й не лодырь, то он должен вспомнить 1906 год, после которого господа помещики получили миллионные пособия из государственного казначейства. Что это значит? Прежде об этом должны вспомнить, а бросать вызов крестьянам вы не имели на то права».

Марков 2-й (с места): «Потише, любезный».

Как грубо ведут себя эти «вторые» и «третьи», не правда-ли?

Какая разнузданность по сравнению с тем чинным, достойным государственным языком, которым Дзюбинские доказывали предводителям дворянства несовершенство продовольственных правил 1850-го... то бишь 1900-го года! — Точно из приличного кабинета приличного «общественного деятеля» мы попали куда-то на площадь, на улицу, в толкотню, суматоху. Какое неприличие, какое беспокойство! Но мы увидим сейчас, как водворил «порядок» — не подумайте: председатель, нет — приличный общественный деятель, член конституционно-демократической партии г. Шингарев. Но сначала покончим с современной картинкой нравов.

Петров 3-й... «Говорят, что если вы отпустите средства на продовольствие, то они их снесут в кабак. Господа, это неправильно. От кого зависит предупредить это? Ведь в настоящее время население многих губерний просит убрать кабаки, а их не убирают. Может быть, да, известную часть пропивает население. Но надо Маркову 2-му и другим посмотреть на себя, на сколько вы, господа дворяне, пропиваете. Может быть, если мы разложим на единицы, то получится, что вы пропиваете куда как больше, чем крестьяне... Пока та земля, которая должна принадлежать крестьянам, находится в руках таких Марковых, Пуришкевичей и комп., само собою, голодовки непрерывно будут продолжаться. А эти господа будут говорить, что голодовки оттого, что крестьяне лодыри.

Марков 2-й (с места). Наши не голодают.

Петров 3-й. Я думаю, господа, коренной вопрос, как уничтожить всякие голодовки, именно заключается в том, чтобы взять землю из рук тех, которые ее не возделывают, этих господ «не лодырей», и передать тем, которые ее возделывают, и до тех пор пока вы не передадите, — я это знаю наверно — крестьянское население будет голодать. Само собою ясно, что та война, которая была в 1905 году, она неизбежна, к этому ведете вы, потому что голодный человек, он, что зверь, и в этом отношении вы вызываете население на то, что ему принадлежит по праву».

Если бы председателем III Думы был Муромцев, он, наверное бы оборвал оратора: в первой Думе он обрывал за такие неуместные речи. За отсутствием Муромцева «порядок» водворил следующий оратор Шингарев. Маркова 2-го он прямо пристыдил за «балаганные ноты», Петрову 3-му преподал урок, как следует полемизировать с Марковыми. Товарищ Марков — по фракции Вишневский — сказал г. Шингарев, — «говорил искренно» и говорил за принятие запроса. Он, Шингарев, надеется, что правительство будет умнее, чем речь депутата Маркова... долг русского народного представителя сказать таким господам «стыдно вам».

Родичев и Шингарев окончательно пристыдили Маркова, а Шингарев своей образцовой полемикой с Марковым уничтожил совсем «третьего».

Последний из запросов, которым посвящены настоящие заметки, был запрос о «временных» правилах 14 августа 1881 г., т.-е. о знаменитом Положении об охране, возобновляемом неуклонно в течение тридцати лет и представляющем из себя фактическую российскую конституцию. Главные речи по этому вопросу произнесли Тесленко (8) и Милюков, при чем заключительным эпизодом явилось «исключение Еллинека», т.-е. исключение на 15 заседаний Тесленко за цитату из Еллинека (9), несмотря на заявление Тесленко, что его слова «были чужды того смысла», который, очевидно, хотят придать теперь те, кто желает голосовать «за исключение».

Не входя подробнее в оценку этого интересного эпизода, отметим только, что даже по этому — политически столь простому и ясному — вопросу о положении 14 августа 1881 года лидер партии к.-д. г. Милюков сумел проявить во всем «блеске»

специфически кадетскую узость и фальшь постановки вопроса. «Господа, — восклицал Милюков, — нет вопроса более жгучего, чем тот вопрос, который мы поставили, ибо это есть основное, коренное противоречие русской жизни (можно ли назвать противоречие между бумагой и русской жизнью противоречием русской жизни?), это есть противоречие между существующей формой государственного строя и приемами государственного управления»...

Неправда, г. Милюков! Именно положение 14 августа 1881 г., именно его тридцатилетний юбилей, именно его «своеобразная» «юридическая природа» доказывает, что между «существующей формой государственного строя» и приемами управления есть полнейшее соответствие, а вовсе не «противоречие». Усматривая тут противоречие, пытаясь конструировать пропасть между «строем» и «управлением», г. Милюков тем самым низводит свою критику зла с уровня демократической борьбы до уровня либеральных благожеланий. Создавая на словах, фиктивно, пропасть между тем, что в жизни неразрывно связано, Милюков именно этим поддерживает юридические и государственно-правовые функции, обличающие оправдание зла, затемняющие его действительные корни. Милюков именно этим становится на почву октябризма, который тоже зла не отрицает, но старается устранить формальные противоречия, не устраняя реального всевластия бюрократии снизу доверху и сверху донизу.

В качестве настоящего кадета, Милюков не только не замечает того, что он безнадежно запутался, как «демократ», что он рассуждает по-октябристски, — мало того, — он даже гордится своей «государственной» постановкой вопроса. Немедленно вслед за приведенными словами его речи читаем:

> ... «Противоречие это, господа, настолько очевидно, что даже из вашей среды (г. Милюков разговаривает, конечно, только с «руководящей партией третьей Думы», с октябристами) не раз довольно часто на него указывали, но очень редко доходили до существа, до того корня, до той первопричины, о которой мы говорим сегодня. Обыкновенно, к чему вы сводили этот вопрос о противоречии строя и управления? Вы ссылались на то, что нравы администрации нельзя уничтожить сразу»... (правильная ссылка, — если... если не устранить всей «администрации», на что не идут и кадеты)... «вы ссылались на то, что местная администрация не слушается центральных указаний, указаний из центра, самое большее, на что вы решались, это — вы обвиняли центр в том, что он не дает

надлежащих указаний. Всегда вы ставили вопрос об этом как вопрос факта, мы ставим, — как вопрос права».

Вы побиваете себя великолепно, г. Милюков. Октябристы правы, вполне и всецело правы, когда они указывают на тесную, неразрывную, теснейшую, неразрывнейшую связь центра с местной администрацией. Отсюда надо делать вывод демократический, ибо отрицать эту связь — после всего, что знает Россия о Толмачеве (10), Думбадзе (11), Рейнботе (12), Илиодоре (13), убийцах Герценштейна и т. д. — было бы смешно. А вы делаете отсюда наивный в своей половинчатости «вопрос права». Кто же будет определять размеры этого права? Как вы достигнете здесь «соглашения»? Что такое политическое право, как не формулировка, регистрация отношений силы? Вы списываете свои определения права из западно-европейских учебников, записавших то, что явилось в результате целого периода долгих битв на Западе, в результате установившегося (впредь до принципиально иных движений рабочего класса) отношений силы между равными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д. В России этот период только еще начался, вопрос стоит у нас — такова данная историческая обстановка — именно как вопрос «факта», а вы пятитесь назад от прямой и ясной постановки, прячете голову под крыло, одеваете себе шапку-невидимку из фикций «права». Вы стоите на точке зрения либерального чиновника, а не на точке зрения демократа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1911 г., № 1, декабрь; подпись — «Петербуржец».

[2]) Временное положение 1881 г. — официально именовалось «Положением о мерах к охранению государственного порядка». Издано оно было в первый же год царствования Александра III, т. е. в пору, когда царь переживал панический ужас перед революционным движением, незадолго до того поразившим царизм убийством Александра II. Задачею «положения» было стремление правительства отдать всю общественность под контроль полиции, которая получала возможность действовать неограниченно. «Положение» широко вводило разного рода изъятия из области судебного ведения, при чем последнее заменялось усмотрением полицейской администрации. Особенное внимание «положения» было обращено на аресты «подозрительных лиц», которые могли производиться без какого бы то ни было участия следственной власти. Новым

актом царизма отменялись даже призрачные намеки на гражданственность, заключавшиеся в разных местах «Свода законов», вводилась система узаконения перлюстрации писем, запрещения свободы передвижения и т. д. Особым, специальным дополнением к «положению» явился изданный в тот же день (14 августа) указ об исключительных полномочиях петербургского градоначальника, становившегося фактическим диктатором столичной жизни во всех ее проявлениях. «Положение», для внешнего приличия, считалось «временным», но временность эта систематически была возобновляема на протяжении всего царствования Александра III и даже уживалась с «конституцией» 17 октября 1905 г.

[3]) Покровский 2-й — член Гос. Думы, социал-демократ.

[4]) Гегечкори — член Гос. Думы, социал-демократ, меньшевик, после Октябрьской Революции примыкал к контр-революционному течению меньшевизма, особенно проявив себя во время владычествования меньшевиков в Грузии.

[5]) Дзюбинский — член Гос. Думы, трудовик.

[6]) Временные правила о продовольствии 12 июня 1900 г. устанавливали точку зрения царского правительства на то, какие именно органы более всего, по его мнению, пригодны для проведения различных мероприятий в случае столь обычного голода. Власть пуще всего боялась допустить к борьбе с голодом общественные организации и потому все надежды возложила на пользовавшийся полным доверием царизма институт земских начальников. Последние считались вполне надежными людьми, так как вербовались исключительно из дворян с земельным цензом, т.-е. из помещиков. Им то правительство с 1900 г. и поручало осуществление «продовольственных правил». Деятельность новых продовольственников проявлялась главным образом в отчетах, где всячески замалчивались размеры голодовок, замененных менее страшным словом «недород».

[7]) Петров 3-й — член Гос. Думы, социал-демократ.

[8]) Тесленко — член Гос. Думы, московский кадет.

[9]) Еллинек, Г. — известный германский юрист, автор труда «Право современного государства». Депутат Тесленко был исключен за приведенную им в своей речи цитату из Еллинека: «... не забывайте, что такой порядок действий (т.-е. управление путем исключительных законов) стоил трона двум государям»; при этом Тесленко имел в виду намек Еллинека на исторические факты лишения трона и головы, имевшие место в 1649 г. (казнь английского короля Карла I) и в 1793 г. (гильотинирование французского короля Людовика XVI). Давая потом Гос. Думе свои объяснения по поводу этой цитаты, Тесленко всячески пытался ослабить ссылку на поучительные для Романовых примеры двух королей, поэтому он стал уверять думских черносотенцев в нежелании провести революционную аналогию, крайне растерялся и убеждал думцев, что его «слова были чужды всякого смысла», чем и вызвал издевательский смех с правых скамей. Поведение Тесленки было очень характерно для обычной кадетской тактики.

[10]) Толмачев — одесский градоначальник, известный своею реакционною дикостью.

[11]) **Думбадзе** — ялтинский градоначальник, административная фигура, во всем схожая с Толмачевым. Оба они считались у Николая II образцовыми исполнителями его «предначертаний», особенно благодаря их антисемитизму, проявлявшемуся в самых уродливых формах.

[12]) **Рейнбот** — московский градоначальник, оскандалившийся крупным взяточничеством.

[13]) **Иллиодор** — изувер-монах, крайний черносотенец, демагог, вступил в пререкания с синодом, был сослан в монастырь, потом снял с себя сан, уехал за границу, где и издал книгу «Святой чорт» (о Распутине).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА [1].

(Гессен, Струве, Пуришкевич).

За последнее время печать и общество сильно интересовались запросом рабочих депутатов III Думы по вопросу о судьбе некоторых втородумских депутатов, осужденных в 1907 году на каторгу.

Не имея возможности входить в подробную оценку указанного судебного процесса, мы ограничимся нижеследующей исторической справкой.

2 июня 1907 года — т.-е. накануне роспуска второй Думы и опубликования манифеста 3 июня — рабочие депутаты, выдачи которых потребовало правительство, сделали предложение второй Думе: прервать прения по вопросу о местном суде и поставить вне очереди вопросы о надвигающемся перевороте, роспуске Думы, обсудить в виду грозящего переворота отношение Думы к бюджету и т. д.

На это предложение г. В. Гессен, представитель кадетского большинства II Думы, ответил следующей речью (цитируем по стенографическому отчету заседания Г. Думы 2 июня 1907 года):

> Гессен. — Господа народные представители, от имени конституционно-демократической партии протестую против сделанного здесь членом Думы Церетели предложения. Разумеется, мы переживаем в настоящее время условия далеко не обычные, но именно эти необычные условия требуют от Государственной Думы полного самообладания и строгого исполнения ее долга. То, что нам предлагается в настоящее время, несомненно носит характер решительно антиконституционный. (Аплодисменты центра.) В пределах существующих законов, в пределах наказа, принятого Думой, мы не можем прервать обсуждение вопроса, уже поставленного на очередь, и приступить к обсуждению вопросов, которые в настоящее время обсуждению Государственной Думы не подлежат. Конституционно-демократическая партия, к которой я имею честь принадлежать, всегда стремилась оставаться на строго конституционной почве и действовать в рамках существующих законов, стараясь использовать на благо народа те права, которые принадлежат по закону Государственной Думе, и с этой почвы конституционно-демократическая партия в настоящее время, при серьезных условиях, переживаемых Думой и страной, не сойдет, ибо, по глубокому нашему убеждению, в укреплении, а не в колебании конституционного строя

заключается единственное спасение страны. (Бурные аплодисменты центра.)

После этой не безынтересной речи г. Гессена кадетское большинство голосованием отклонило предложение рабочих депутатов о полном закрытии прений по вопросу о местном суде и переходе к более важным вопросам. Тогда представитель трудовиков г. Березин предложил по крайней мере сократить прения по местному суду до 10 минут каждому оратору,— дабы все же можно было перейти к более насущному вопросу. В ответ на это Пуришкевич произнес следующую речь, которую тоже приводим по стенографическому отчету:

Пуришкевич. — Господа народные представители, хотя я не имею чести принадлежать к партии Народной свободы и этой чести иметь не желаю, но, тем не менее, я всецело присоединяюсь к тому, что говорил почтенный оратор В. М. Гессен. Как бы мы ни находились, как вы изволите говорить, под Дамокловым мечом того переворота, о котором говорил депутат Церетели, расписавшись в преданности конституционным принципам,—что мне кажется более, чем странным слышать из его уст, — но я нахожу, что раз на повестку поставлен столь крупной важности серьезный вопрос, то, что бы ни происходило здесь сегодня вечером или завтра, мы не можем и не имеем права укладывать в Прокрустово ложе тех ораторов, которые будут касаться столь крупного вопроса как вопрос о местном суде. Поэтому я позволю себе высказаться за то, чтобы вопрос о сокращении прений до десяти минут был отклонен. Вопрос о местном суде чрезвычайно важен и серьезен. Многие из депутатов не уверены, будет ли Дума существовать завтра или нет, но, во всяком случае, в летописях думских заседаний должно быть вполне выражено все то, что накипело в душах ораторов по вопросу о местном суде. В 10 минут нельзя много сказать, и поэтому я не только присоединяюсь к тому, что говорил В. М. Гессен о продолжении прений по этому новому вопросу, но предлагаю, чтобы не было ограничено время для рассмотрения этого вопроса. Я отлично понимаю цели и мотивы, которыми руководствуется депутат Церетели и вышедший за ним на кафедру депутат Березин. Полагая, что Дума доживает последние моменты, они желают занять думские заседания некоторыми вопросами, которые не имеют серьезного значения, но могут показать стране, что вот-де мы являемся мучениками; вот правительство, вот кровопийцы, вот как они относятся к народным нуждам... Раз на повестку поставлен тот или иной вопрос, раз мы имели вчера возможность обсудить повестку, раз председатель дал нам возможность рассмотреть то, что мы желаем рассматривать сегодня, и в каких размерах, то нет основания ex abrupto ex ungue leonem [2]) (смех) сразу переменять рассмотрение вопросов и ставить на обсуждение совершенно другой вопрос.

После этой не менее интересной речи кадеты вместе с друзьями Пуришкевича провалили и предложение Березина. Тогда рабочие депутаты предложили, по крайней мере, устроить специальное вечернее заседание для того, чтобы Дума могла реагировать на грозящий государственный переворот *).

В ответ на это предложение Струве, ездивший в тот день на Елагин остров (³), произнес следующую речь (цитируем опять-таки по стенограмме):

> П. Струве. — Я полагаю, что в высшей степени не рационально было бы обсуждать этот вопрос в предстоящем вечернем заседании. Я полагаю, что есть целый ряд соображений, по которым не следует обсуждать его. Я обращаю ваше внимание на то, что по этому чисто формальному вопросу возникли разногласия в бюджетной комиссии. В наш распорядок дел ворвалось то дело, которым занята сейчас избранная нами комиссия. В составе ее членов находятся и члены бюджетной комиссии. Они не смогут принять участия в обсуждении того важного вопроса, который возник в недрах бюджетной комиссии и будет слушаться по докладу ее. Конечно, если вы будете искать повода, чтобы устроить заседание для произнесения громких речей, то вы можете его устроить по какому угодно поводу. Но если вы желаете до конца сохранить спокойствие и помнить о возложенных на вас задачах, то вы таким образом не поступите.

Итак, Гессен, Струве и Пуришкевич — небольшая, но теплая компания!!.. Читатель, надеемся, не посетует на нас за эту маленькую историческую справку.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1911 г., № 1, декабрь, подпись — «Г.».

[2]) Ex abrupto ex ungue leonem — внезапно узнать по когтям льва.

[3]) Елагин остров — местность в Петербурге; там, между прочим, проживал председатель совета министров, Столыпин; в 1906 г. дача

*) Председатель 2-й Думы, не безызвестный кадет Головин (⁴), прервал на этом месте, согласно стенограмме, оратора рабочей партии следующей бессмертной фразой: «Оратор, на каком основании вы говорите, что мы накануне государственного переворота? Прошу вас не касаться этого вопроса, так как он не подлежит обсуждению Думы». (См. стенографический отчет).

министра была взорвана террористами, сам Столыпин остался жив, несколько охранников было убито и ранено.

[4]) **Головин, Ф. Ф.** — крупный московский капиталист, кадет, был председателем 2-й Гос. Думы, затем отказался от этого звания, так как получил возможность очень выгодных коммерческих комбинаций, которые были совершенно неприличны для председателя «парламента».

ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ (1).

I.

Не подлежит никакому сомнению, что марксисты, как целое, примут самое деятельное участие в предстоящей кампании по выборам в 4-ю Государственную Думу — какие препятствия ни поставили бы им люди третьего июня. Бойкот Булыгинской и 1-й Гос. Дум сыграл свою историческую роль. Раз выяснилось, что Россия вступила в более или менее длительную эпоху отсутствия непосредственных проявлений высших форм общественной активности, для марксистов стало необходимо участие в Гос. Думе. Уже летом 1906 года (2) было сделано в печати совершенно правильное заявление: «Марксисты левого крыла должны пересмотреть вопрос о бойкоте». Метод действия, пригодный при одних условиях, мог бы получить реакционное значение при других серьезно изменившихся обстоятельствах. Марксисты левого крыла приняли участие во второй и в третьей Гос. Думах, они примут участие и в выборах в 4-ю Думу.

Но зачем шли марксисты левого крыла в 3-ю Думу, зачем пойдут они в 4-ю Думу? — Они не идут для «законодательствования», для положительной работы. Они не возлагали надежд и не питали иллюзий насчет возможности добиться от 3-й Думы каких-нибудь серьезных непосредственных улучшений — где эти улучшения за 4 с лишним года работы 3-й Думы? Они не возлагают таких надежд и на будущую 4-ю Думу. Состав 4-й Думы не может радикально измениться, если останется в неприкосновенности избирательный закон 3 июня, а этот последний не может измениться в течение оставшихся до выборов нескольких месяцев, если не возникнут совершенно непредвиденные серьезные события вне Думы. Как бы ни полевела страна за последнее 4-летие, при существующем избирательном законе антидемократическим элементам механически обеспечено большинство; судьба 4-й Думы находится в руках землевладельцев — в том смысле, что только полевение этих последних могло бы несколько изменить физиономию Думы. Но полевение землевладельцев имеет свои чрезвычайно узкие рамки. Насколько можно сейчас предвосхитить события, можно сказать, что в 4-й Думе будут те же два большинства, на которые поочередно опирался

в 3-й Думе П. А. Столыпин: октябристско-кадетско-«прогрессистское» большинство и октябристско-черносотенное или, поновому, октябристско-националистско-правое большинство. Самое большее, что октябристы будут несколько больше зависеть от кадетов. — Очень возможно, что усилятся крайние фланги. И совсем ничтожны шансы на то, чтобы могло создаться и третье большинство: оппозиционно-левое. Не ждите никаких непосредственных улучшений от 4-й Думы, — скажут совершенно открыто марксисты тем, кто к их голосу прислушивается. Не за этим пойдут в 4-ю Думу марксисты.

Так зачем же?

Коротко говоря, ответ на этот вопрос таков: для политического просвещения народа с трибуны того учреждения, которое стало не случайным, а неизбежным звеном в системе третьеиюньского режима. Крупная роль, сыгранная в этом отношении рабочей фракцией 3-й Думы, вряд ли может теперь подвергаться спорам. Политическая атмосфера 3-й Думы меньше всего располагает к маниловщине, к иллюзорным надеждам на то, что Дума что-либо «даст» демократии, к тому, что называют «парламентским кретинизмом». Наоборот, это почтенное учреждение, в котором хозяйничают Марковы, Гучковы, Крупенские, Пуришкевичи, Маклаковы, которое каждым своим шагом подтверждает старую истину о том, что слуги реакции — не краснобаи — это учреждение дает представителям рабочей демократии уроки самого глубокого политического реализма в лучшем смысле этого слова. Ничто так не поучительно и, быть может, ничто так убедительно не свидетельствует о правильности политической позиции марксистского левого крыла, как эволюция, происшедшая в характере деятельности третьедумской рабочей фракции. Эта фракция вошла в 3-ю Думу с рядом предрассудков против агитационного — или, как выражаются либералы, «митингового» — метода работы. Отсюда—ряд серьезнейших ошибок фракции на первых порах ее деятельности. Но оглянитесь теперь назад, когда за фракцией лежит уже 4 с лишним года работы, попробуйте подытожить всю ее работу в целом, и вы увидите, что вся политическая обстановка в стране — и прежде всего сама 3-я Дума — каждый день все больше толкала третьедумскую рабочую фракцию от точки зрения «положительной работы» к т. н. агитационному методу, от точки зрения «общенациональ-

ной оппозиции» ко все более резким выступлениям против либералов. Та же эволюция происходила в основном и в деятельности перводумской и втородумской рабочих фракций. И там, несмотря на фракционный катехизис, развитие шло в том же вышеуказанном направлении — этого настоятельно требовала вся политическая обстановка, и в этом опять-таки было величайшее подтверждение правильности политической позиции марксистов левого крыла. Вспомните, как перводумская фракция отнюдь не сделала своим лозунгом: «ответственное (т.-е. кадетское) министерство». Теперь, в особенности после недавних разоблачений бывших министров и неудавшихся кандидатов в министры, уже всем марксистам ясно, что при тогдашней обстановке сделать своим этот лозунг—и, таким образом, отодвинуть в туманную даль другие, действительно свои лозунги — значило просто стать слепым орудием в закулисных торгах с переторжками, происходивших тогда между Муромцевыми, Милюковыми, Петрункевичами, с одной стороны, и Треповым и Столыпиным, с другой... Вспомните, как randодумская рабочая фракция, вопреки своим первоначальным планам и схемам, всем ходом политических событий вынуждена была, например, осуществлять в Думе так называемый «левый блок» с представителями радикальной буржуазной демократии (прежде всего, с представителями неимущего крестьянства) против кадетской либеральной буржуазии. И главное взгляните — теперь на расстоянии это виднее — как с неизбежной необходимостью, со стихийной силой все три фракции толкались на практике именно к т. н. агитационному методу.

Когда журналисты-ликвидаторы теперь, подводя итоги четырехлетней работе третьедумской фракции, жалуются на то, что «призывами и напоминаниями о разрушении Карфагена в одних и тех же (!) стереотипных (!!) выражениях заканчиваются все (о, ужас!) речи депутатов с.-д. фракции за время последней сессии» *), — они своим брюзжанием по поводу деятельности рабочей фракции в 3-й Думе только подчеркивают, что их метод «положительной работы» потерпел полнейший крах, и что использовать современный русский «парламентаризм» иначе, чем предлагают делать марксисты левого крыла, невозможно.

*) «Наша Заря» № 6, стр. 67, ст. А. Мартынова.

В переходные эпохи общественной жизни каждой страны с особенной силой выдвигается для марксистов необходимость исключительно т. н. агитационного метода при использовании парламентаризма. Так смотрят не только русские марксисты левого крыла, так смотрели и ортодоксальные марксисты Германии. Вот, например, взгляд Бебеля и Либкнехта в 1870-х годах, когда Германия переживала переходный момент, когда не было известно, не перейдет ли конституционный кризис в Германии в кризис революционный. Разумеется, параллелизма между современной Россией и Германией 70-х годов нет; положение в России во сто крат более чревато неминуемыми великими событиями... Но даже для тогдашней переходной эпохи в Германии вожди ортодоксального марксизма намечали тактику использования парламентаризма — именно в духе той, которую мы очерчивали выше.

В резолюции, составленной Бебелем и Либкнехтом и предложенной ими Штуттгартскому съезду германской с.-д. рабочей партии, задачи с.-д. в тогдашнем рейхстаге характеризовались следующим образом:

— «С.-д. рабочая партия принимает участие в выборах в рейхстаг и таможенный парламент исключительно из агитационных соображений. Представители партий в рейхстаге и таможенном парламенте имеют задачей, насколько возможно, защищать интересы рабочих и в общем и целом должны занимать позицию критиков и отрицателей (sich negierend verhalten). Они должны пользоваться каждым случаем, чтобы разоблачать во всем его ничтожестве все то, что происходит в этих двух учреждениях, и разъяснять массам комедиантскую игру, происходящую там.

«...Партия не входит ни в какие союзы и компромиссы ни с какой другой партией...» *) и т. д.

Либкнехт, — рассказывает Бебель, — требовал еще более резкого выражения этой точки зрения. Один-два голоса раздалось даже в пользу бойкота. Но съезд единодушно принял вышеприведенную резолюцию Бебеля и Либкнехта.

В другой раз германским ортодоксальным марксистам пришлось высказываться относительно методов парламентской работы в переходный период — после издания исключительного закона против социалистов. Это было в ту эпоху, когда германские

*) См. недавно вышедшие «Воспоминания Бебеля», т. II стр. 117, нем. издан.

марксисты (в отличие от наших доморощенных фетишистов «борьбы за легальность») нашли нужным вычеркнуть из своей программы заявление о том, что они борются за свои цели всеми легальными средствами (³), — чем подчеркнули, что они против исключительного закона будут бороться всеми средствами... Опять-таки Германия начала 80-х годов была далеко не тем, чем является Россия 910-х годов. Но даже для Германии 80-х годов ортодоксальные марксисты подчеркивали именно то, что русским марксистам так необходимо подчеркнуть сейчас.

На съезде германской рабочей партии в Ст.-Галлене — съезд. в виду гонений, происходил за пределами Германии и тайно — Бебель, Зингер и Либкнехт провели резолюцию о деятельности в рейхстаге, в которой говорилось:

— «...Центр тяжести в деятельности парламентской фракции должен лежать в критической и агитационной работе... Не следует делать себе никаких иллюзий насчет «положительной работы» в парламенте при современных условиях...» *).

Если эти положения верны были для Германии указанных эпох, то кольми паче справедлива формула марксистов российских, гласящая:

....«На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль» рабочей фракции в 3-й (или 4-й) Думе...

II.

Но признать, что выборы в 4-ю Думу и сама работа в ней должны итти под углом агитационного метода, — еще мало. Надо еще условиться о том, за что агитировать, что должно явиться руководящими требованиями в предстоящей избирательной кампании. Теперь, когда даже такие люди как Н. Р-ков начинают проповедывать, что «старые лозунги превратились в слова без реального содержания», что эти лозунги будто бы «не способны возбудить энтузиазм в массах» **) и т. п., теперь особенно необходимо подчеркнуть нашу верность именно страшным нашим не укороченным, не урезанным требованиям. Ликвидаторы на-

*) См. протоколы С.-Галленского съезда, стр. 15.
**) См. его статью в № 9 — 10 «Нашей Зари».

перебой преподносят один прожект за другим: одни предлагают заменить «старые лозунги» единственным требованием всеобщего избирательного права, другие предлагают как объединяющую формулу: «борьбу по всему фронту за действительную конституцию, за политические права» *). Все, как нарочно, выбирают формулы, совершенно приемлемые, по крайней мере на словах, для либеральной буржуазии. Максимум, до чего подымаются эти бывшие марксисты, это до формулы: «борьба за легальность», опять-таки в совершенно либеральном истолковании ее. Всем этим прожектам суждено неминуемо повиснуть в воздухе, ибо — именно они «неспособны возбудить энтузиазм в массах»... Как мы понимаем агитацию за «старые лозунги» и в какой взаимной связи они должны войти в избирательную платформу рабочей партии — об этом высказался уже наш журнал (см. статью К. Тулина **). Здесь мы хотели бы обратить внимание на один практический пункт предстоящей агитации: на необходимость осветить самым широким образом действительный характер избирательного закона 3 июня 1907 года, закона, на основе которого ведь будут производиться выборы и в 4-ю Думу.

В избирательном законе 3 июня, как солнце в малой капле вод, отразилась вся третьеиюньская система. Он совершенно точно отражает соотношение сил внутри контр-революционного лагеря, он дает совершенно отчетливое представление о том, на каких классах и слоях сосредоточены все надежды и чаяния современного режима, и на кого наш «прижим» не возлагает надежд.

Возьмите, например, следующую маленькую табличку:

1 выборщик приходится на:

230	человек	— в землевладельческой курии (помещики).
1000	»	— в первой городской курии (крупные собственники).
15600	»	— во второй городской курии (средняя буржуазия).
60000	»	— в крестьянской курии.
125000	»	— в рабочей курии ***).

*) См. «Дело Жизни» № 9, стр. 34.

**) Псевдоним В. И. Ленина.

***) См. более подробно об этих вычислениях в превосходной статье П. Орловского, сборник «Темы дня», Спб., 1907 год.

Говоря проще, эта табличка означает, что по существующему избирательному закону 3 июня 1907 года 230 помещиков имеют столько же прав, сколько 60.000 крестьян и 125.000 рабочих. Какой возможен еще более наглядный ответ на вопрос о том, на какие именно классы правительство возлагает надежды, в каких именно социальных слоях приходится видеть опору режима? Что может быть более поучительно для широких слоев демократии, чем усвоение той истины, которая вытекает из приведенных выше немногих цифр? — Вы хотите знать, что такое современная конституция? — Вы хотите знать, что такое режим 3 июня? Вот вам ответ. Присмотритесь повнимательнее к приведенной маленькой табличке!

Поистине: перефразируя слова Лассаля, можно смело сказать, что, когда широкие массы усвоят действительный общественный смысл приведенной таблички, и когда эти массы приготовятся сделать все соответствующие выводы, — туго тогда придется тем, кто опирается на избирательную систему 3 июня...

По старому (1-ая Дума) избирательному закону соотношение выборщиков по 53 губерниям было такое: всего выборщиков — 6200, в том числе:

от частных землевладельцев	1.952 — 31,48%
» городских избирателей	1.381 — 22,27%
» крестьян	2.659 — 42,89%
» рабочих	208 — 3,36%

По новому закону (3 июня 1907 г.) соотношение выборщиков по тем же 53 губерниям такое: всего выборщиков — 5252, в том числе:

от частных землевладельцев	2.594 — 49,39%
» 1-й Городской курии	788 — 15,01%
» 2-й » »	590 — 11,23%
» крестьян	1.168 — 22,24%
» рабочих	112 — 2,13%

Сопоставление этих двух табличёк тоже как нельзя более поучительно. Какой поворот! Число выборщиков от крестьян сокращено абсолютно почти на 60%, а относительно тоже почти вдвое *). За что такая немилость? Чем провинились русские крестьяне? И какой социальный смысл имеет это изменение

*) Не говорим уже здесь о других приемáх, при помощи которых господство помещиков над крестьянами на выборах вполне обеспечено.

в избирательном законе? Русский крестьянин провинился тем, что «не оправдал» надежд ([4]), что он оказался в 1-й и 2-й Думе трудовиком, а то и полевее, что он, в лице своего авангарда, выступил — хотя и не без колебаний — защитником принципиально иного строя, что он был ближе к тому, чтобы стать «опорой» нового строя, нежели к тому, чтобы укрепить старый режим. Косность и неподвижность русского крестьянина вплоть до самого начала 900-х годов сделали то, что вселили веру в его преданность и «законопослушность» даже среди более дальновидных представителей старой России. Крестьянам по старому избирательному закону уделена была почти половина (43%) мест в создавшейся Думе — вот до чего крепка была вера в консерватизм и монархизм (крестьянского черепа). Правда, над Думой с самого начала был поставлен Государственный Совет, правда, Дума с самого начала создавалась как орган безвластный, но тем не менее такое «доверие» к крестьянину поистине достойно удивления.

Русский крестьянин не оправдал видов начальства и был жестоко наказан. Иллюзии были уничтожены. Правящие слои теперь оценили силу врага. Они лучше, чем иные друзья народа из либералов и бывших марксистов, поняли, какую роль сыграет русское крестьянство в тех общественных потрясениях, через которые неминуемо должна пройти Россия...

Насчет рабочего класса у правящих слоев не было иллюзий уже с самого начала. 3,36% выборщиков по старому избирательному закону, 2,13% — по новому закону, это — одинаковое издевательство над избирательными правами рабочих. И тогда и теперь на рабочий класс не возлагали никаких надежд. Отлично знали, что здесь враг — непримиримый. В сфере отношений к рабочему классу с самого начала господствовал трезвый реализм. Отсюда никакого добра для себя не ждали, и — не без основания.

Что же оставалось правящим слоям, как не искать опоры в помещиках и зажиточной буржуазии?

Помещики и по старому избирательному закону имели почти целую треть выборщиков (31,48%). Но бедным помещикам оказалось и этого мало. Пришлось им чисто механическим путем обеспечить половину всех выборщиков (49,39%). Пришлось далее увеличить на 5% число выборщиков от городской буржуазии, да еще сверх того выделить в особую курию

крупнейших домовладельцев, первогильдейских купцов, высших чиновников и проч., которым предоставлена львиная часть всего представительства городской буржуазии (15,01% из 26,24%). И только тогда режим 3 июня мог уповать на то, что Дума будет сколько-нибудь «приемлема» для него...

Очень ценный и наглядный материал дают приведенные цифры и по вопросу о том, каково соотношение сил **внутри** третьеиюньской коалиции, для которой 3-я Дума сыграла такую большую роль. **Внутри** этой коалиции в общем и целом обеспечено несомненное преобладание за помещичьим землевладением. Большинство в 64,40% — вот тот фундамент, на котором построен избирательный закон 3 июня. И из этих 64,40% большинство в 49,39% принадлежит частному землевладению *), а 15,01% — крупным богачам из 1-й курии. Конечно, в живой действительности дело обстоит не так просто, и слагаемые на деле оказываются гораздо сложнее, чем 49,39 + 15,01. Часть (и, к сожалению, очень значительная пока), 2-й городской курии, т.-е. средней буржуазии, идет за кадетами. И эта партия в особенности в годы контр-революции, оказалась весьма близка к открыто-реакционным слоям. И, хотя и оставаясь «в оппозиции» (не забудьте родительного падежа), кадеты по сути вещей тоже входят составной частью в «третьеиюньское» **большинство**. В силу этого, а также в силу ряда особенностей избирательного закона, дающих городской буржуазии некоторую возможность усилить свое представительство, — соотношение сил между помещиками и городской буржуазией оказывается более благоприятным для последней, нежели пропорция 49 : 15. Создаются те **два большинства**, о которых мы говорили выше. Но во всяком случае руководящая роль внутри блока 3 июня очень часто принадлежит именно землевладению. И при всех тех попытках приспособления, которые — с полной неудачей — делает старая власть, осуществляющая «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию», — крепостники помещики имеют возможность отстаивать «свою власть» и «свои доходы» попрежнему.

---

*) Недурная иллюстрация к утверждению Н. Р-кова (см. «Нашу Зарю»), будто «представители нашего крупного землевладения» являются «маленькой кучкой», группирующейся вокруг Пуришкевича и Маркова и «**бессильно**» (!) брызжущей слюной.

Чтобы создать «парламент» по образу и подобию своему, третьеиюньскому блоку пришлось еще, конечно, особо позаботиться о сугубом сокращении избирательных прав окраин. Даже по сравнению со старым — тоже достаточно анти-демократичным — избирательным законом из числа азиатского населения империи 8.353.522 российских граждан лишены всяких избирательных прав. Число депутатов от «крамольного» Кавказа низведено от 29 до 10. Число депутатов от «угодившей», но не во всем, Польши ([5]) — от 37 до 14. Если к этому прибавить, что на последних стадиях выборов помещики и крупная буржуазия имеют еще полную возможность в числе неизбежных по закону рабочих и крестьян провести наихудших, наиболее близких к реакции рабочих и крестьянских выборщиков, — то станет понятным, каких огромных усилий требуется от рабочей демократии, чтобы обеспечить себе сколько-нибудь достойное ее представительство в 4-й Думе.

III.

Во всех предшествовавших избирательных кампаниях марксистов — да и не их одних — весьма интересовал один чрезвычайной важности практический вопрос. Это — вопрос о так называемой черносотенной опасности. В предстоящей избирательной кампании этот вопрос тоже займет свое место.

Прежде всего, — что понимали и что будут понимать под «черносотенной опасностью»? Понимали ли под черносотенной опасностью просто наличность определенных классов, слоев, общественных организаций, склоняющихся к черносотенству? Нет, не это понималось под «черносотенной опасностью», или, по крайней мере, не столько это понималось во время споров в эпоху выборов во 2-ю и 3-ю Гос. Думы. Вопрос о черносотенной опасности ставился гораздо уже, ставился главным образом с точки зрения непосредственных результатов выборов при данном избирательном законе. Вопрос ставился главным образом в связи с спорами об избирательных соглашениях рабочей партии с партией к.-д.

Была ли в России в 1906 и 1907 годах при выборах в 1-ю и 2-ю Думы черносотенная опасность в более широком смысле слова, в смысле наличности в стране реальных общественных сил и организаций, стоящих под знаменем черносотенства? — Несо-

мненно, да, была. Уже тогда совет объединенного дворянства подымал голову, уже тогда октябристы усиливали свою партию, уже тогда фабриканты и заводчики укрепляли свои якобы «нейтральные» и якобы «чисто-экономические», а на самом деле и политические — контр-революционные организации, уже тогда союзники старались обрасти сочувственной средой, которая состояла бы не только из шпионов и пропойц, уже тогда в армии велась черносотенная агитация и т. п. Устранить эту реальную черносотенную опасность при посредстве каких бы то ни было блоков и хитроумных «парламентских» комбинаций было, конечно, невозможно. Тут нужны были совсем другие средства.

Ну, а была ли тогда черносотенная опасность, понимаемая в более узком смысле слова, непосредственная опасность прохождения на выборах в 1-ю и 2-ю Думы большинства или большого числа черносотенцев? (6). Была ли та «избирательная» черносотенная опасность, относительно наличности которой сломано было так много копий среди марксистов обоих крыльев.

Нет, такой «черносотенной опасности» не было. Факты, неопровержимая статистика показали, что не было.

Марксисты спорили между собой главным образом, если не исключительно, относительно черносотенной опасности в городской курии. Относительно исходов выборов в рабочей курии сомнений не было. Относительно выборов в крестьянской курии были взгляды более или менее оптимистические, но, особенно после выборов в 1-ю Думу, никто не сомневался в том, что здесь черносотенной опасности нет. Среди землевладельцев рабочая партия, конечно, на сколько-нибудь серьезный успех не рассчитывала и никакими блоками изменить здесь исхода выборов не могла. Оставалась только курия городских избирателей. Вот несколько цифр, бесспорно показывающих, что именно в этой курии черносотенной опасности не было.

При выборах в 1-ю Думу 20 городов, имевших самостоятельно выбираемых депутатов, дали 1761 выборщика. Из них 1468 были кадеты, прогрессисты и левые. Процент прогрессивных выборщиков равен был 85 и лишь 15% досталось беспартийным, октябристам и черным. Далее, из 571 выборщика по городским съездам при выборах в 1-ю Думу — 424 принадлежали к одной к.-д. партии, тоже почти 80%. Минимальная цифра

оппозиционной группы всех городских выборщиков исчислялась в 65%.

При выборах во 2-ю Думу, несмотря на сенатские разъяснения и проч., городская курия дала в общем 84,38% прогрессивных выборщиков, из них около 30% (29 с лишним) одних крайних левых *). В выборах во 2-ю Думу по городской курии, относительно «черносотенной опасности», в которой так много было споров среди марксистов, оказалось всего-навсего каких нибудь $15^1/_2$ правых и октябристов. Пресловутая черносотенная опасность оказалась мифом. И все построения, вытекшие из предпосылки о наличности этой опасности, оказались совершенно неверными и жизнью опровергнутыми.

Обратимся теперь к выборам в 3-ю Думу и к предстоящим выборам в 4-ю Думу. Как обстояло дело с «черносотенной опасностью» при выборах в 3-ю Думу? и как оно стоит при предстоящих выборах. Была ли и есть ли «черносотенная опасность» в широком и прямом смысле слова, т.-е. в смысле наличности реальных черносотенных сил в стране? — Еще бы! Конечно была и есть. И «объединенное дворянство» (7), и октябриствующая буржуазия укрепились и упрочили свои организации. Противник перед демократией теперь более серьезный, чем когда бы то ни было. Но опять-таки не об этом шел и не об этом пойдет спор...

Далее. Была ли и есть ли черносотенная опасность в более узком смысле, т.-е. в смысле конечного исхода выборов, в смысле окончательного состава 3-ей (resp. 4-й) Гос. Думы, избранной на основе закона 3 июня? Опять-таки, да, есть — в отличие от состава 1-й и 2-й Гос. Думы. Какой бы тактики ни придерживались левые партии на выборах в 3-ю Думу, раз выборы происходят на основе такого избирательного закона, некоторые образчики которого мы дали выше, — помещичий, крупно-буржуазный состав ее неминуем. Но еще раз: не об этом шел и пойдет спор.

Спор среди марксистов шел, — и, быть может, пойдет о том, есть ли черносотенная опасность при выборах среди городских избирателей, точнее при выборах во 2-й городской курии. Насчет рабочей курии сомнений нет. В крестьянской курии марксисты путем блоков могли бы очень мало помочь, да

*) См. А. Смирнов. Как прошли выборы во 2-ю Думу. Стр. 398.

и оформленных партий там почти нет. Среди помещиков и 1-й городской курии марксисты, конечно, большим влиянием едва-ли пользуются. Там борьба будет итти только между правыми, октябристами и кадетами. Остается 2-я городская курия. И вот вопрос заключается в том: есть ли здесь черносотенная опасность. На этот вопрос мы, не колеблясь, отвечаем: нет!

Создание при новом избирательном законе специальной 1-й городской курии имело, конечно, то отрицательное значение, что отдало кучке первоклассных богачей вполне обеспеченную 1,6 часть выборщиков. Но оно косвенно имело то положительное значение, что оно сделало еще более минимальной черносотенную опасность среди городских избирателей. В 1-ю курию отошла огромная часть тех элементов, которая раньше голосовала за октябристов, правых и т. д. Атмосфера очистилась благодаря этому, оставшиеся во 2-ой курии городские избиратели представляют из себя теперь относительно более демократическую среду.

Как известно, закон 3 июня сократил состав лиц, пользующихся избирательным правом и в городах. Но все же не настолько, чтобы тут радикально изменилось дело. Закон 3 июня выезжает не на том, чтобы непременно урезать число голосующих в городах — пусть, дескать, себе голосуют на здоровье. Закон выезжает на том, что число городских (по 2-й курии) выборщиков, непосредственно выбирающих депутатов, — ничтожно, и в губернских собраниях чисто механически обеспечена победа помещикам и купцам. Поэтому-то «черносотенной опасности» в смысле исхода избрания выборщиков по 2-й курии нет. В 5 наиболее крупных городах и важнейших центрах с.-д. влияния — Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса — введена система прямых выборов с перебаллотировками, так что здесь дело упрощается совершенно. Вообще же выборы во 2-й городской курии в 3-ю Думу показали самым убедительным образом, что здесь, т.-е. во 2-й городской курии, взятой в целом, черносотенной опасности нет. В «Звезде» (№ 41) мы приводим уже подробные данные о выборах по всей России при выборах в 3-ю Думу. 2-я городская курия дала 80% оппозиционных выборщиков и даже 1-я городская курия — курия купцов и домовладельцев—дала 54% оппозиционных выборщиков. Добиться того, чтобы по 2-й городской

курии не прошел **ни один** правый (или октябрист), конечно, было бы крайне желательно. Но это вряд ли возможно. Даже при выборах во 2-ю Думу, т. е. при старом избирательном законе, городская курия дала свыше 14% правых выборщиков. А теперь она вооружена еще, напр., ст. 35-й полож. о выборах, позволяющей по произволу кромсать — в интересах черных — городских избирателей по национальности и т. п. И если не считать черносотенцами кадетов и черносотенной опасностью — **кадетскую** опасность, то черносотенной опасности при выборах во 2-й городской курии **нет**.

Усвоение этой истины имеет большое практическое значение. Вспомните печальные результаты того самогипноза «черносотенной опасности», которого мы были свидетелями при выборах во 2-ю Думу. Те, кто раньше верили в черносотенную опасность, из нее исходили, о ней кричали перед избирателями, сами с горечью должны были потом признать, что они только сыграли этим на руку кадетам. Вот, например, одно из таких ценных признаний. **Вл. Горн** ([8]), подводя итоги выборам во 2-ю Думу, в журнале Череванина, больше всего кричавшего о черносотенной опасности, пишет:

— «Большую долю влияния имела также и боязнь черносотенной опасности, **заставлявшая многих, сочувствующих крайним, голосовать за кадетов**, лишь бы провалить Гучкова и Грингмута... *). Недурное признание! Сами сначала в течение месяцев запугивали избирателей «черносотенной опасностью», а потом разводят руками: многие, сочувствующие левым, голосовали за кадетов... Да по вашей же вине, господа!

А возьмите результаты выборов во 2-ю Думу по Петербургу. Всего 1573 голосов не хватало левым, чтобы одержать победу над кадетами в Петербурге. А кто же из сколько-нибудь следивших за ходом выборов в Петербурге сомневался в том, что гораздо большее число голосов, чем 1573, отдано было кадетам **благодаря** необдуманным и неосновательным крикам о черносотенной опасности! Глубоко прав В. Горн, который, хотя бы задним числом, признал: боязнь (**неосновательная**) черносотенной опасности (**несуществовавшей**) заставила многих левых отдавать голоса кадетам.

---

*) «Дело Жизни», Москва, 1907 г. № 3, стр. 2.

А кадеты превосходно воспользовались ошибкой части марксистов. Там, где победа зависела от левого избирателя, кадеты спекулировали на мнимую черносотенную опасность. А там, где они могли обойтись без всякой помощи с.-д., там они наотрез отказывались даже от разговора с левыми. Тот же орган Череванина, так много вместе с другими шумевшего о черносотенной опасности, после выборов сообщал (со слов газеты «Товарищ»), напр., следующий факт относительно выборов в Тверской губ.:

— «Блок кадетов с левыми не состоялся. Кадеты мотивировали свой отказ тем, что включение в блок левых оттолкнуло бы благонамеренного избирателя» *).

Кадеты, как видите, знали, где раки зимуют...

Лучше поздно, чем никогда. При выборах в 4-ю Думу марксисты — надо надеяться, все марксисты — сделают соответствующий вывод из ошибок прошлого и не позволят кадетам улучшать своих дел за счет рабочей партии **).

И без того слишком неблагоприятно положение рабочих при выборах по закону 3 июня.

IV.

В спорах по вопросу об избирательных соглашениях среди с.-д. сломано не одно копье. Вопрос этот служил одним из серьезнейших предметов расхождений между марксистами и ревизионистами также в Западной Европе. Точка зрения ортодоксальных марксистов с классической ясностью сформулирована была А. Бебелем на прошлогоднем съезде германской партии в Магдебурге.

— «Если я, — говорил Бебель, — как с.-д., вхожу в блок с буржуазными партиями, то в 999 случаях из 1000 в выигрыше будут не соц.-дем., а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше. Это политический закон, что повсюду,

---

*) «Дело Жизни». Москва. 1907 г. № 3, стр. 7.

**) Тем более что 106 ст. полож. о выборах предусматривает в городах перебаллотировки там, где кандидат не собрал абсолютного большинства. Значит, отказываясь от всяких соглашений с кадетами на первой стадии, мы не рискуем даже в виду отдельных казусов косвенно облегчить прохождение правого.

где правые и левые вступают в союз, левые теряют, а правые выигрывают»... «Если я вхожу в политический союз с принципиально враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.-е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевать... *).»

Русские марксисты левого крыла подписываются под каждой буквой этого исторического заявления Августа Бебеля.

Вначале взгляды по вопросу об избирательных соглашениях и среди русских марксистов меньшевиков заключались в том, что «на всех выборах» следует выступать «как самостоятельная классовая партия, отвергать всякие соглашения с непролетарскими партиями и группами о выставлении общих кандидатов». Стокгольмское решение (1906 г.) марксистов ([9]) того же крыла тоже рекомендовало «выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями». Это были очень правильные заявления, и можно только пожалеть о том, что авторы их впоследствии проделали такую большую эволюцию в сторону от прежних своих взглядов...

Споры о соглашениях особенно разгорелись среди русских марксистов накануне выборов во 2-ю Думу. Традиция ортодоксального марксизма была тогда еще настолько сильна, что даже Л. Мартов и Ю. Ларин по инерции сначала продолжали выступать против блоков с кадетами. Вслед за марксистами левого крыла Л. Мартов писал:

— «Я бы рекомендовал отстаивать полную самостоятельность нашего участия в 1-й стадии выборов, т.-е. там, где мы выступаем перед массами... Я бы рекомендовал допущение соглашения с левыми (левыми!—*Г. З.*) партиями там, где речь идет о достижении внутри коллегии выборщиков (или уполномоченных) необходимого абсолютного большинства, которого не добилась наша партия; цель таких соглашений должна быть очень тесная — распределить между партиями думские места пропорционально их относительным силам, след. не сговаривание о выставлении определенных общих (курсив М—ва) кандидатов, а прямой договор об обязательстве одной

*) См. протоколы Магдебургского съезда, стр. 252.

партии поддержать голосами своих выборщиков (или уполномоченных) кандидатов другой, и обратно» *).

Никаких соглашений на 1-й стадии, технические соглашения с левыми и лишь в крайнем случае с кадетами на 2-й стадии, когда борьба перед массами кончена — такова была совершенно правильная позиция Мартова, занятая им вслед за марксистами левого крыла. Чтобы не оставлять сомнений насчет того, что он в данном случае солидаризируется с ортодоксальными марксистами (большевиками), Мартов прибавлял:

— «...При этом центру придется взвешивать не только общие условия выборов, но и конкретную физиономию данных кандидатов: соглашение, удобное с иным левым к.-д. (читатель помнит, что речь идет исключительно о 2-й стадии выборов *Г. З.*) было бы неприлично по отношению к Муромцеву или иному окраинному к.-д.».

Золотые слова, г. Мартов! Но почему вы так скоро позабыли их?..

Не менее резко восстал против блоков Ю. Ларин, который теперь является одним из самых видных основателей «столыпинской» рабочей (?) партии и которого теперь самого так трудно отличить от кадета. Ю. Ларин называл соглашение с кадетами «таким самоубийством», на «которое не найдется много охотников».

Ю. Ларин писал тогда:

— «...Мы должны решительно высказаться против всяких проектов о голосовании за общие списки кандидатов в выборщики, выставленные с.-д-ами и кадетами, мысль о чем бродит, повидимому, в некоторых головах, к сожалению, считающихся меньшевистскими. Такого рода избирательный блок — блок при избрании выборщиков первой степени, т.-е. при голосовании массы, блок, подразумевающий выставление общих списков,—не только не сплачивал бы все тяготеющие к социализму элементы, но, наоборот, вредил бы главнейшей задаче с.-д.: обособлению классового движения пролетариата. Такой блок означал бы забвение всех наших задач как марксистов и превращение в простую составную часть прогрессивной демократии вообще... Такое соглашение вовсе даже и практически не нужно **).

Помните ли вы эти ваши слова, почтенейший ликвидатор? Впрочем, кто не увлекался в молодости, кто не грешен тем, что

---

*) См. письмо Мартова по вопросу о подготовке изб. комп. и статьи в газете «Товарищ» (1907 г.).

**) См. «Широкая рабочая партия и рабочий съезд», стр. 35—36.

платил дань розовой мечтательности юности? Теперь вы умудрены опытом, почтенный г. Ларин, и вы, конечно, не станете повторять таких «сектантских», «узких» и «утопических» положений...

Среди марксистов обоих направлений завязалась упорная борьба. Марксисты левого крыла энергично и до конца защищали свою позицию: против блоков с кадетами на 1-й стадии *) при борьбе перед массами; увлекать за собою левые, народнические элементы для нанесения ударов кадетам, там, где это возможно («левый блок»); допускать технические соглашения на 2-й стадии—где борьба перед массами уже кончена, и где все уже предопределено составом выборщиков — с левыми против кадетов и, в случае крайней необходимости, с кадетами против черносотенцев **). Схватка была горячая. И я думаю, мы в праве сказать, что сторонники блоков с кадетами особенно обильных лавров в этой борьбе не пожали — достаточно вспомнить о том, как отнеслись к нашим спорам широкие слои петербургских рабочих ***). Появились, конечно, «примирители» и «сторонники» «средней» линии. Троцкий и еврейские марксисты предлагали не выбирать одного из принципов, а решать вопрос «от случая к случаю»: и левый блок не хорош, и блок с кадетами не дурен... Сколько-нибудь серьезной роли эта «средняя» линия, разумеется, не сыграла. Боролись только две платформы.

*) Перебаллотировок старая избирательная система не знала.

**) Принципиальная разница между избирательной борьбой на 1-й стадии и выборами на последних стадиях избирательной процедуры ясна. Там борьба идет массами, в больших городах даже по закону 3 июня— пред десятками тысяч избирателей; здесь — чисто технические соглашения в составе нескольких десятков выборщиков, когда борьба уже кончена, когда силы так или иначе уже определены.

При избирательном законе 3-го июня левым тем более необходимо итти на соглашение при последних стадиях выборов, что иначе и трудовическая и рабочая оппозиция рисковала бы не получить почти никакого представительства в Думе.

***) Г. Ф. Дан в своей статье «К постан. изб. комп.» в № 7—8 «Нашей Зари» утверждает, что в Петербурге тогда осуществился фактически блок народников и марксистов, стоявших за блоки. В действительности дело стояло наоборот. До последней минуты народники также плелись за кадетами, как и Дан и его единомышленники. Только протест рабочих заставил народников в последнюю минуту поколебаться и отойти от кадетов.

Л. Мартов, как с ним водится, очень скоро повернул *) и не только стал защищать блоки с кадетами, но и дал вместе с Череваниным «философию» этих блоков. Череванин, предвосхищая основную мысль известного ликвидаторского «пятитомника» («Общественное движение», выходящего под редакцией Маслова, Мартова и Потресова), приводил тогда в защиту блоков тот аргумент, будто:

— «Кадеты в своих политических стремлениях стоят пока не позади большинства крестьянства, а впереди его». (См. журнал «Наше Дело», № 3). А. Л. Мартов, углубляя вопрос, писал:

— «Вопрос об общих списках свелся к вопросу о том, свершилось ли уже историческое банкротство буржуазной демократии или нет». (Мартову следовало выразиться: буржуазного либерализма, ибо речь у него идет о кадетах.—*Г. З.* **)

На поставленный вопрос (о том, совершилось ли банкротство кадетов) Л. Мартов отвечал тогда отрицательно и отсюда выводил необходимость блоков. Решился-ли бы и теперь Л. Мартов и его единомышленники отвечать таким же отрицательным образом на этот вопрос? В этом позволительно усомниться. Уже при выборах в 3-ю Думу сторонники Мартова выражались па этот счет гораздо осторожнее. Поэтому-то в рядах марксистов при выборах в 3-ю Думу таких острых разногласий не возникло. Во-первых, избирательный закон 3 июня во многом «упростил» дело, так что и т. наз. «практические соображения» в пользу блоков с кадетами приводить стало трудно. Во-вторых кадеты своим предательским поведением позаботились о том, чтобы даже самые доверчивые люди хорошенько подумали раньше, чем сказать, что историческое банкротство кадетов еще не совершилось. Ведь недаром даже Мартов по поводу частичных выборов в Петербурге в 1909 году писал, что «первой причиной успеха к.-д.» является избирательная система Крыжановского [10], (см. «Новый День», № 9), иными словами, что кадеты входят как один из контрагентов «в конституцию 3 июня».

А в каком направлении изменилось в этом отношении дело со времени 3 июня 1907 года! Самые выборы в 3-ю Думу

---

*) Теперь Мартов в органе ликвидаторов («Живое Дело») опять начал с отказа от блока с кадетами на 1-й стадии. Чем то он кончит к моменту начала выборов?

**) См. брошюру «Избирательные соглашения», стр. 9.

по новому закону окончательно доказали на опыте, что «практических» соображений за блоки с кадетами нет абсолютно. А главное кадеты всей своей политикой за годы контр-революции убедили, кажется, уже всех в том, что говорить об их банкротстве в будущем времени не приходится. Загляните в послужной список кадетской партии за последнее четырехлетие. Голосование за ассигновки на тюрьмы и военные суды. Вотирование бюджета в целом. Поддержка всех милитаристических затей. Голосование за займы, производимые на явно антинародные цели. Поездка в Лондон. Поддержка националистического («нео-славистского») угара. Позиция самого прошлого национал-либерализма в вопросах иностранной политики. «Вехи». Совещание кадетских светил с «представителями (обладателями) миллионов» в Москве. Штрейкбрехерство во время движения — чисто академического — учащейся молодежи в 1908 году. Подлое предательство элементарных интересов демократии во время движения, связанного со смертью Л. Н. Толстого. Циничные выступления против элементарных требований рабочих в вопросах рабочего законодательства. Поведение в связи с событием 1 сентября. Ползание на брюхе и предложение блока октябристам и так далее, и тому подобное... Все это вопиет о том, что кадеты окончательно порвали с демократией. Если это не есть «историческое банкротство» кадетов, как партии, желавшей, чтобы ее считали демократической, то что же тогда называется банкротством? — Борьба на два фронта, т.-е. и против реакции, и против контр-революционного кадетского либерализма, этот лозунг может и должен быть теперь признан всеми действительными марксистами...

Говоря о марксистах, мы, конечно, не имеем в виду бывших марксистов, т.-е. ликвидаторов. Но достойно замечания то обстоятельство, что даже в лагере этих последних насчет блоков с кадетами «по нынешним временам» говорят с довольно кислой миной. Почитайте, например, Ф. Дана, намечающего в «Нашей Заре» линию поведения партии ликвидаторов на предстоящих выборах в 4-ю Думу.

— «Наш избирательный закон — пишет Ф. Дан — так сложен, создаст такие разнообразные ситуации для отдельных отрядов с.-д. армии, что, вообще говоря, трудно наметить тактические правила, с тою степенью простоты, конкретности и повсе-

местной применимости, как это возможно, например, при выборах по всеобщему и пр. избирательному праву *).

Откуда такая нерешительность, такие, можно сказать, меланхолические ноты? И у кого же? — У Ф. Дана, этого самого «реального» политика из ликвидаторов, у Ф. Дана, который еще в 1907 году, когда он еще не был ликвидатором, не остановился перед тем, чтобы, ради блока с Милюковым, внести прямой раскол в ряды рабочих и итти на тайные переговоры с кадетами. Чем же объясняется это меланхолическое настроение Дана? Да просто тем, что кадеты настолько прогрессировали вправо, что теперь они более чем прохладно относятся к блокам с левыми. Если кадеты о каком - либо блоке думают, так это — о блоке с октябристами. И нечего сваливать на «разнообразные ситуации», г. Дан! Конечно, при выборах на основе всеобщего избирательного права дело решается куда проще, но общую-то линию можно и нужно наметить и при нашем «сложном» избирательном законе. Вот насчет общей линии поведения (исключения не в счет) по отношению к кадетам потрудитесь дать ответ. Правда, на всякий случай Ф. Дан оставляет себе лазейку и говорит о том, что возможны и «раздел участков», и «наконец общие списки выборщиков» и т. д. **).

Но все это говорится безо всякой веры в политическую осуществимость столь много возлюбленного, превознесенного и возлелеянного «великого блока» с кадетами. Очевидно, у ликвидаторов нет уверенности в том, чтобы кадеты теперь вошли в блок не только с марксистами, но даже с бывшими марксистами.

Марксисты левого крыла остаются в вопросе о «великом блоке» с кадетами целиком на старой своей позиции. Весь ход общественной жизни в России целиком подтвердил эту позицию. И поэтому, когда, намечая основы избирательной тактики для предстоящей кампании, нам говорят, что «очередною задачей для переживаемого Россией момента является, несомненно, преодоление господствующей дворянско-бюрократической реакции» ***) — мы отвечаем:

---

*) «Наша Заря», № 7—8, стр. 63.
**) Там же, стр. 65.
***) Там же, стр. 64, ст. Дана.

В приведенных словах содержится лишь половина правды, мы обязаны бороться на предстоящих выборах также и против буржуазной реакции, против кадетского либерализма, сплошь «веховского». Мы обязаны бороться на два фронта— иначе мы остаемся во власти вульгарно-демократических идей, иначе пролетариат не может вновь стать руководителем во всей освободительной борьбе.

Меринг в одном месте справедливо сказал: «...Буржуазный либерализм вряд ли когда-либо упускал случай обнаруживать по отношению к рабочему движению по меньшей мере такую же злобную вражду, как и феодальная реакция». И раз это так,— а это несомненно так — рабочее движение должно в свою очередь бороться и с феодальной реакцией и с буржуазным либерализмом. В особенности — у нас в России. Ведь недаром П. Струве еще в 1898 году писал: «чем дальше на восток, тем подлее и трусливее буржуазия». Вещее сердце Струве повидимому уже тогда предчувствовало и собственные превращения героя «Вех»... На два фронта — это обязательный лозунг русских марксистов в предстоящей избирательной кампании.

* *
*

В течение 4-летнего существования 3-й Думы мы видели частичные выборы в нескольких городах. Выборы в Петербурге (вместо Колюбакина) (11) в 1909 году и в Москве (вместо Головина) в 1910 году дают поучительный материал, из которого следует сделать некоторые выводы и для предстоящих генеральных выборов.

Некоторые из писателей, причисляющих себя к марксистам, ухитрились и из этих частичных выборов вынести ту мораль, будто марксисты грешили на этих выборах чрезмерным «кадетоедством», т.-е., что они слишком много уделяли внимания полемике и борьбе с кадетами. По меньшей мере странный упрек! И в Петербурге и в Москве (по 2-й курии) нашим единственным конкурентом является именно кадетская партия. Используя свою легальность в борьбе с с.-д., опираясь на политическую отсталость известных слоев населения и, наконец, прямо обманывая некоторые круги городской демократии, кадеты до сих пор захватывали представительство столиц в свои руки. Даже значительные слои приказчиков и служащих во вред своим собственным интересам до сих пор поддерживали кадет-

скую партию. Какая же задача могла быть более настоятельной для марксистов на этих выборах, как не задача высвобождения из-под влияния к.-д. партии всех сколько-нибудь демократических слоев населения! И посмотрите, — с кем боролись **сами кадеты** на этих выборах?—Единственно и исключительно с—«врагами» слева, единственно и исключительно с «красной опасностью».

К каким только гнусностям ни прибегали на этих выборах герои «народной (?) свободы (?)» в борьбе с ненавистными с.-д.! В Петербурге большие и малые Милюковы специально разработали целую систему «пужания» обывателя тем, что якобы октябристы на зло кадетам будут поддерживать с.-д. кандидата: правительство и октябристы считают-де самым серьезным врагом кадетов и поэтому дают «свободу» левым, дабы они ослабили своими выступлениями кадетов. Как ни нелепа эта версия — всем политически грамотным людям известно, что именно **кадетам** дается свобода, главным образом, для того, чтобы они ослабили левых, а все же нашлись наивные люди, которые поверили этой провокаторской басне.

А в Москве! Здесь кадеты не остановились перед тем, чтобы накануне выборов пустить слух о том, что марксисты-де сняли своего кандидата [12]) «в виду безнадежности» его избрания, и будто марксисты предлагают избирателям голосовать за кадета. Кажется, предел бесстыдства! Мало того, что правительство помогло кадетам, устранив с поля борьбы самого опасного для к.-д. конкурента, кандидата марксистов. Мало того, что передовой демократии не дали рта открыть во время этой «избирательной кампании» в Москве. Кадетам всего этого мало. И чтобы обеспечить возможно более «блестящую» победу над демократией своему кандидату г-ну Тесленко, кадеты опускаются до такого низкого приема, как приведенный выше.

И перед лицом этаких фактов люди, причисляющие себя к марксистам, предостерегают против излишнего «кадетоедства»!.. Нет, и тысячу раз нет! Если есть о чем пожалеть рабочей демократии, так только о том, что ей не удалось еще до сих пор развернуть достаточно резкой, систематической и планомерной агитации против кадетов. И сделать это во время предстоящей избирательной кампании в 4-ю Думу есть одна из самых важных задач рабочей демократии.

Волей закона 3 июня кадеты одержали победу над демократией и в Петербурге и в Москве, хотя число голосов левых

поднялось. Избирательный закон 3 июня вообще чрезвычайно благоприятен для кадетов при выборах в городах. Можно подумать, что закон специально пристроен так, чтобы доставить в этой курии дешевые лавры кадетам. И кадеты, конечно, от своего «счастья» не отказываются, точно так же, как они не брезгуют воспользоваться в своих интересах «прижимом» затыкания рта левым и отправки левых кандидатов в места не столь отдаленные... (см. выше московский пример). Что же сказать в виду этого о новоизобретенном Л. Мартовым гениальном плане: сойтись с кадетами на общей платформе отстаивания одинаковой свободы выборов для всех партий? (См. в газете «L'Avenir» ст. Мартова «Вместе бить».) Так вот вам и станут кадеты отстаивать свободу выборов для других партий, например,—для социал-демократии! Да ведь кадеты тем только и живы, что имеют монополию легальной «оппозиции!» Кто из честных политических деятелей решится утверждать, что вышеприведенный доблестный подвиг кадетов в Москве есть только единичный исключительный факт?..

В связи с частичными выборами в СПБ и Москве много было разговоров и о т. н. «левом блоке». Левый блок, как конкретная система определенных избирательных соглашений, на предстоящих выборах будет, вероятно, играть очень скромную роль *). Но как политическая линия — левый блок остается совершенно правильным принципом. Левый блок — это значит систематическая борьба рабочего класса как руководителя за присоединение к себе всей подлинной демократии (прежде всего неимущего крестьянства) для самых решительных совместных усилий, направленных к достижению ближайшей цели: создания нового политического строя, который может быть завоеван лишь в борьбе и против старого режима

*) На выборах в СПБ в 1909 году кандидат рабочих был поддержан буржуазной демократией без всяких условий и соглашений. К этому, конечно, следует стремиться всегда. Но на выборах 1909 г. у сторонников рабочей кандидатуры в агитации были несомненно ошибки; некоторые марксисты правого крыла вложили в «левый блок» то, чего в нем не должно быть: они стали «забывать подчеркивать особые классовые интересы рабочих, они ослабили чисто социалистическую агитацию. В этом, однако, повинна отнюдь не идея «левого блока», а исключительно усердие не по разуму некоторых плохих марксистов. Марксисты левого крыла первые протестовали против таких уклонений.

и против предательского либерализма. Ни о каком смешении рядов здесь, конечно, не может быть и речи... В этом смысле «левый блок» остается самым жизненным принципом, подтвержденным всем ходом общественной жизни и в бурные годы, и в эпоху контр-революции.«

Выборы надвигаются. Марксисты должны быть готовы. — Они не могут и не должны забыть, что кроме всего прочего им придется считаться и с новой партией т. наз. ликвидаторов. Орган ликвидаторов «Наша Заря» устами г. Маевского давно уже заявил, что на выборах в 4-ю Думу эта партия выступит со своими кандидатами. Затем и Ф. Дан в связи с перевыборами проповедует «возникновение новой (!) организационной сети» *). С этой якобы рабочей партией борьба, конечно, неминуема. Тем более сплоченно должны действовать марксисты обоих старых направлений. Передовому авангарду рабочих предстоит большое испытание. Надо показать, что класс-гегемон в освободительной войне попрежнему готов к этой роли...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1912 г., № 3—4, февраль—март; подпись—«Г. Зуев».

[2]) Вопрос о бойкоте Гос. Думы был пересмотрен в 1906 г. в смысле отказа от прежней тактики бойкота (решение это было принято на Стокгольмском съезде партии в 1906 г.).

[3]) Германские марксисты вычеркнули в своей программе борьбу всеми легальными средствами на конгрессе германской социал-демократии в Видене (1880 г.). Дело в том, что параграф 2-ой Готской программы (1875 г.) гласил: «социал-демократическая рабочая партия стремится всеми законными средствами к свободному государству и социалистическому обществу». В виде протеста против «исключительного закона о социалистах» Виденский конгресс постановил изменить программу партии, давая уже ту формулировку, что партия стремится к своей цели всеми,—а не одними только «законными» целями.

[4]) Русский крестьянин не оправдал надежд правительства и правых партий, которые охотно пропускали крестьян в 1-ю Думу, рассчитывая, что забитое, безграмотное крестьянство проявит себя верноподданнически, но на самом деле оно оказалось весьма неуступчивым в очень больном вопросе для правительства и помещиков — в аграрном. Вообще, крестьянин отнюдь не проявил себя покладливостью, и правых крестьян в Думе было очень немного.

---

*) См. «Наша Заря», № 7—8, стр. 55.

[5]) Угодливая Польша всячески старалась не раздражать царизм сближением с оппозицией. Интересуясь только своею внутреннею автономиею, очень выгодною для польского панства, думские депутаты польской буржуазии («коло») держали себя очень осторожно в отношении обще-политических вопросов всей России, отделываясь словами, что это-де поляков не касается. Недаром на съезде в 1903 году польские национал-либералы постановили всячески «охранять Польшу от чуждых ей тлетворных веяний» русской общественности. Характерно, что одна из наиболее влиятельных партий польского мещанства так и называлась «уговцами».

[6]) Черносотенная опасность чаще всего указывалась кадетами в тех случаях, когда социал-демократы выставляли на выборах в Гос. Думу своих собственных кандидатов. Тогда кадеты принимались пугать с.-д. тем, что произойдет разбивка голосов и может пройти черносотенец. О черносотенной опасности любили толковать и меньшевики, защищая систему «блоков» с либералами.

[7]) «Объединенное дворянство», точнее «Совет объединенного дворянства», — одно из черносотенных объединений после революции 1905 года. Если «Союз русского народа» формировался исключительно из мелких торговцев, чиновников и охотно принимал в свою среду разного рода темных людей, не брезгая и определенными хулиганами, то его «разночинство» сообщало ему известный своеобразный «демократизм». «Объединенное дворянство», как показывает само название, было уже «аристократической» организациею. Оно пыталось оказать свое давление на правительство, но при всех его громадных к тому возможностях результатов не получилось из-за крайней неспособности «объединения», поэтому оно преимущественно занималось составлением бесчисленных «докладных записок», особенно по еврейскому вопросу, в грубо-антисемитическом направлении.

[8]) Вл. Горн — социал-демократ, меньшевик, литератор.

[9]) Стокгольмское решение 1906 г.—резолюции Стокгольмского съезда (объединительного).

[10]) Крыжановский, С. Е. — товарищ министра внутренних дел, специализировался при Столыпине по части фабрикации различных законов, имевших в виду урезку прав Гос. Думы; его же редакции принадлежит «закон 3 июня 1907 г.», которым система выборов в Гос. Думу подвергалась окончательному изуродованию в интересах правительства.

[11]) Колюбакин, А. М. — кадет, член Гос. Думы, удаленный из состава ее, по требованию Столыпина (1909 г.), при чем последний обосновывал аннулирование избрания Колюбакина чисто формальными соображениями. Колюбакин был убит во время империалистической войны; это дало возможность кадетам шумно продемонстрировать в Думе и вне ее свое верноподданничество и патриотизм, так что даже крайне-правые примкнули к чествованию памяти Колюбакина.

[12]) Кандидат от марксистов — А. М. Никитин, меньшевик, при Керенском был недолго министром почты и телеграфа.

НА СЛАВНОМ ПОСТУ [1].

Германская социал-демократия на выборах и после них.

I.

Политическая Немезида жестоко отомстила правящей клике Германии. За краткий миг «победы» над социал-демократией в 1907 году во время «готтентотских» выборов эта клика заплатила теперь очень значительным поражением во время выборов 1912 года.

— «Ур-р-ра! Социал-демократия выбита из седла, теперь ее надо доканать окончательно», — таков был победный клич всей юнкерско-монархической шайки Германии. «В железо социал-демократию!» — шипели немецкие Меньшиковы. «Гром победы раздавайся» — затягивали германские Пуришкевичи и Марковы 2-е, принимавшие, конечно, самое деятельное участие в тех уличных манифестациях, которые на радостях по поводу «победы» над с.-д. устраивали в 1907 г. германские князья и принцы, сопутствуемые придворными дамами и становившиеся объектом восторженных оваций со стороны германских банкиров.

Объединивши в одну «сплошную реакционную массу» помещиков и все буржуазные партии под лозунгом спасения «отечества» в борьбе против «антипатриотизма красных», правительство Бюлова всеми правдами и неправдами в 1907 году добилось того, что германская социал-демократия, выиграв $1^1/_4$ миллиона голосов, потеряла сорок депутатских мест, и в широких слоях германской буржуазии создалось тогда такое представление, что объединенными усилиями всех буржуазных партий социал-демократию можно будет всегда лишать все большего числа мест и, быть может, даже почти совсем вытеснить ее из рейхстага.

Историческое значение выборов 1912 года в этом прежде всего и состоит, что они засвидетельствовали тщету таких надежд, что они показали, что даже на арене буржуазного парламентаризма социал-демократия способна наносить очень сильные удары буржуазному строю и тогда, когда все буржуазные партии выступают сплоченным строем против «красной опасности». Нет ни малейшего сомнения в том, что если бы у буржуазных партий была возможность, сплотившись всем вместе, нанести удар на выборах германской социал-демократии, они бы, не колеблясь,

это сделали. Но в том то и дело, что буржуазная партия в Германии уже не в силах осуществить этого, раз с.-д. партия имеет за собою $4^1/_4$ миллиона избирателей.

Под оболочкой монархии, и притом такой монархии, в которой внутри правящего блока огромное преобладание принадлежит юнкерскому землевладению, созрела огромная анти-монархическая, глубоко революционная сила, сила, враждебная не только данному строю капиталистических отношений, но и враждебная капитализму вообще. Направители и вдохновители монархии Гогенцоллернов, рулевые ее политики уже издавна отлично видят, как поминутно увеличивается эта враждебная им сила, как медленно, но неуклонно катится на них, нарастая по пути, великая снежная лавина, долженствующая их раздавить. Но беда правящей группы в том и состоит, что «взять в железо» социал-демократию для нее не менее опасно, чем laisser faire *), чем «попустительствовать» и предоставлять все естественному ходу вещей. И это нетрудно понять даже не блещущим гениальностью политикам правящего класса. $4^1/_4$ миллиона голосов, поданных за социал-демократию, это достаточно осязательный аргумент. Отсюда беспрерывная глухая борьба двух враждебных лагерей, отсюда все более накаляющаяся атмосфера, с каждым днем явственно приближающая начало открытия гражданской войны, отсюда лихорадочное стремление каждой из сторон организовывать свои силы, увеличивать свою боевую способность, копить порох для предстоящих решающих битв.

Германский либерализм с его обычной для всех либералов тактикой половинчатости, золотой середины, вечных шатаний слева направо особенно бессилен в виду такого крайнего обострения между двумя главными лагерями. Реакционное юнкерство обладает гегемониею в государстве, и не раз эта гегемония дает себя знать весьма больно и либеральной буржуазии, которую помещики всячески оттесняют от власти. Юнкера тяжелым сапогом наступают на ногу либеральным буржуа. Эти последние скулят от боли, иногда даже оскаливают зубы против юнкеров. Но дальше таких безвредных для юнкерства демонстраций либералы не идут и не могут итти, будучи угрожаемы другим, еще более опасным для них, врагом — пролетариатом и его соц.-дем. партией.

---

*) По-русски: «предоставить событиям итти своим ходом».

Классовая борьба и общественная дифференциация пошли так далеко, что никакой демократии, кроме социал-демократии, в Германии почти нет, если не считать некоторых незначительных групп городской буржуазной демократии. Вся Германия все больше и больше делится на два непримиримых лагеря... А на таком-то фоне в Германии за последние годы вспыхивают все более грандиозные проявления классовой борьбы, возникают все более жаркие форпостные стачки. И в этой стране, где, если судить по внешности, господствует такая «сильная власть», в этой стране, повидимому, произойдут первые битвы за социализм, первые битвы за свержение всего капиталистического строя...

Германская социал-демократия находится на трудном и ответственном, но вместе с тем чрезвычайно славном посту. Она является авангардом и застрельщиком всей международной армии пролетариата. Каждый шаг ее как величайшей в мире политической партии связан с самыми серьезными последствиями. Эпоха мирного накопления сил и спокойной подготовительной пропаганды сменяется новой эпохой — эпохой бурь, острых столкновений и великих битв. История предъявляет большие требования и ставит великие испытания германской социал-демократии. Но все говорит за то, что германская социал-демократия выйдет из этих испытаний со славой и приведет германский пролетариат кратчайшим путем к победе.

* * *

Германское правительство и партия «центра» очень хорошо отдавали себе отчет в том, что выборы 1912 года должны принести им поражение. И они пошли, что называется, во все тяжкие. Правительство попрежнему и слышать не хотело о требовании более справедливого распределения избирательных округов, ибо оно знало, что это дало бы социал-демократии еще несколько десятков мандатов. Правительство пустило в ход самые беззастенчивые меры давления на ход выборов. Оно открыто запугивало чиновников и государственных служащих, требуя от них голосования против «преступной» социал-демократии. Оно откровенно предоставляло весь свой аппарат в распоряжение консерваторов и центра, оно прикрывало и поощряло прямые избирательные мошенничества, — лишь бы только сократить представительство с.-д. Центр в области надувательства,

демагогии и эксплоатации религиозных чувств известных слоев населения в своих своекорыстных целях превзошел сам себя. В Баварии, например, дело дошло до того, что один из благочестивых патеров, агитировавших за центр, собрал женское население одной из деревень (Богенберг) и держал такую речь:

— «Предостерегите ваших мужей от великого греха. Скажите им, чтобы они голосовали за центр. Голосование—тайное, но бог все видит, и всевышний будет знать, чье имя напишут ваши мужья на избирательном бюллетене так же, как он знает то, что вы говорите на духу. Всякий, кто подаст голос за социалиста, предстанет пред божьим судом. Идите и скажите им это...»

Кажется, дальше некуда итти...

И все же социал-демократы получили на первых выборах 4.250.329 голосов, провели сразу 64 депутата и попали в 123 перебаллотировки, из которых 46 кончились в пользу с.-д.

Следующая таблица дает представление о темпе и силе роста германской социал-демократии, о том, как неудержимо она идет вперед, все вперед.

Год.	Всего подано голосов.	Прибавилось + или убавилось —	За соц.-дем. подано голосов.	Прибавилось + или убавилось —	Число с.-д. депутатов.
1871	3.884.000	—	113.000	—	2
1874	5.190.300	+ 1.305.500	351.700	+ 249.300	10
1877	5.401.000	+ 210.700	498.400	+ 141.700	13
1878	5.760.900	+ 359.900	437.200	— 56.200	9
1881	5.097.800	— 663.100	312.000	— 125.200	13
1884	5.663.000	+ 566.200	550.000	+ 238.000	24
1887	7.540.900	+ 1.877.900	763.100	+ 213.100	11
1890	7.228.500	— 312.500	1.427.300	+ 664.200	35
1893	7.674.000	+ 445.500	1.786.700	+ 359.406	44
1898	7.752.700	+ 78.700	2.107.000	+ 320.300	56
1903	9.495.600	+ 1.742.900	3.010.800	+ 903.000	81
1907	11.262.800	+ 1.767.200	3.259.000	+ 248.200	43

За исключением периода накануне издания исключительного закона против социалистов, мы видим постоянное и непрерывное увеличение числа голосов, поданных за с.-д.

И еще одно очень важное явление отмечает К. Каутский на основании приведенной таблички. В годы, когда особенно значительно увеличивается число участвовавших в выборах, социал-демократия не сразу завоевывает этих новых избирателей и относительно даже теряет. Но уже через 3—4 года, на следующих выборах социал-демократия обычно одерживает большую победу и сразу очень сильно увеличивает число своих голосов и депутатских мест. Так в 1887 году число избирателей сразу сильно увеличивается, почти на целых 2 миллиона. А социал-демократия, несмотря на этот огромный скачок в числе избирателей, увеличивает число своих голосов всего на 213.000 голосов и теряет даже при этом 13 мест. Но на следующих после этого выборах, в 1890 году, социал-демократия отвоевывает новых 664.200 голосов и выигрывает 24 депутатских места. Аналогичное явление наблюдается в выборах 1907 и 1912 гг. В 1907 году мы видим опять-таки огромное увеличение контингента избирателей—тоже почти на 2 миллиона. А между тем социал-демократия выиграла только 248 тыс. голосов и потеряла 38 мест. И лишь на выборах 1912 года соц.-демократия завоевывает новых 990 тысяч голосов и 67 мандатов.

Разумеется, тут имеют значение и междупартийные комбинации и различные чисто парламентские фокусы. Но в общем прав Каутский, объясняющий указанное волнообразное движение следующим образом. Когда контингент избирателей сразу очень сильно увеличивается, это значит, что подняты к политической жизни новые пласты, что разбужены такие слои населения, которые раньше были безразличны к политике. Пробудить их к участию в политике вообще очень часто сильно помогают и буржуазные партии и даже правительство. В бешеной погоне за голосами—не забудьте, в Германии всеобщее избирательное право — центр, консерваторы, либералы и т. д. вынуждены втягивать в политику все новые и новые слои населения. И на первых порах буржуазным партиям удается обмануть эти новые слои неискушенных и политически неопытных избирателей — крестьян, мелкое мещанство, ремесленников, приказчиков и т. д. Буржуазные партии одерживают избирательную победу. Но эта победа оказывается очень кратковременной. Новые слои избирателей очень скоро разочаровываются в буржуазных партиях, убеждаются в том, что их обманывают, политически эксплуатируют. Тогда они постепенно начинают переходить к социал-

демократии и оказывается, что господа буржуа работали на социал-демократов, что они вспахали почву для с.-д. партии и подготовили обильную жатву именно для социал-демократов, для своих худших врагов. Отсюда особенно головокружительные избирательные победы с.-д. через несколько лет после того, как сразу сильно возрос контингент избирателей.

Вот еще одна чрезвычайно красноречивая табличка, показывающая, что рядом с постоянным ростом силы и влияния с.-д. сила центра — главного врага с.-д. — хотя и с некоторыми колебаниями, но в общем неуклонно тает.

Из каждых 100 голосов подано:

	За соц.-дем.	За центр.
В 1887 году	10,12	20,11
» 1890 »	19,75	18,57
» 1893 »	23,28	19,14
» 1898 »	27,18	18,77
» 1903 »	31,81	19,75
» 1907 »	29,00	19,40
» 1912 »	34,82	16,67

Больше трети избирателей имеет теперь за собой германская социал-демократия. Это значит, что из общего числа германского населения вообще за социал-демократией идет гораздо больше трети.

Масса рабочей молодежи не имеет избирательных прав, а влияние социал-демократии среди нее очень велико. В таких городах как Берлин социал-демократия имеет уже $3^1/_4$ избирателей; из 408.567 всех поданных в Берлине голосов за социал-демократию голосовало 309.262. Это значит, что из каждых 4-х человек, которых вы встречаете на улицах Берлина, в среднем трое сочувствуют социал-демократии и поддерживают ее на выборах. 1-й берлинский округ Вильгельму II пришлось отбивать от с.-д. для либералов при помощи избирательных бюллетеней имперского канцлера и министров. Потсдам, резиденция Вильгельма II, завоеван социал-демократами, несмотря на угрозы двора покинуть город, если население выберет «красного»...

В результате выборов партийный состав нового рейхстага таков:

Социал-демократов	110
Либералов (обе фракции)	90
Центр	90

Консерваторов	72
Поляков, эльзасцев (2)	30
Независимых	2

Центр потерял 15 мест, консерваторы — 12 мест.

Реакционная партия потеряла 300 тысяч голосов. В 1912 г.— 4.333.000, в 1907 г.—4.638.000. Один «центр» потерял 167 тыс. голосов, получив вместо 2.179.000 (1907 г.) 2.012.000 голосов. Либералы возросли в числе голосов на 13% (с.-д. на 30%). Национал-либералы имели в 1907 году 1.637.000 голосов, а в 1912 году получили 1.671.000. «Прогрессисты» имели 1.233.000, а теперь получили 1.556.000.

* *
*

Главная работа на выборах проделана германскими социал-демократами в борьбе против всех буржуазных партий, в том числе и либеральных. Лишь на перебаллотировке социал-демократы заключили частичное соглашение с «прогрессистами», о котором подробнее — ниже. Германские ревизионисты — те самые, на которых германская буржуазия возлагает теперь так много надежд, — рисовали себе, конечно, совершенно иную картину избирательной кампании. Они не прочь были повести дело так, чтобы с либералами с.-д. партия вовсе не вела борьбы и заключила бы с ними с самого начала «великий блок» для борьбы с «черносотенной опасностью». Некоторым либералам тоже очень нравилась эта идея. Еще бы. Ведь, как оказалось, после 12 января на первоначальных выборах одна из фракций либералов — «прогрессисты» — не получила ни одного места, а другая фракция — национал-либералы — получила только 4 места (вместо 19 в 1907 году).

Либералам пришлось в поте лица своего на перебаллотировках завоевывать свои старые местечки. Естественно, что им очень улыбалась бы тактика ревизионистов. Один из либералов, профессор Ландсберг, прямо и выступил с предложением: «не трогать тех округов, где борьба идет только между с.-д. и либералами, т.-е. предоставить с.-д. те места, которые они имели с 1907 года, а либералам те, которые были за ними, избирательную же борьбу вести «всей оппозиции» только против реакции. Таков был план крайних ревизионистов», а журнал «Sozialistische Monatshefte» — немецкая «Наша Заря» (по пра-

вильному замечанию Плеханова, полностью поддержал изумительное предложение профессора Ландсберга *).

Каково было умопачертание ревизионистов, видно и из того, что они писали немедленно по окончании выборов.

Бернштейн писал — вдобавок в буржуазной газете, постоянно брызжущей злобной слюной по адресу с.-д. — следующее:

> — «Избирательная кампания прошла под знаком борьбы двух коренным образом различных культурных представлений: на одной стороне защитники авторитарности в сердце государства, церкви, школы, народного хозяйства, защитники наследственных привилегий и адвокаты застаревших предрассудков. На другой стороне, в различных партийных оттенках, — защитники нового, представители тех принципов, которые выражают собой право будущего, борцы за преодоление устаревших традиций... борцы за науку против старых догм, защитники прав производительного труда против привилегий собственности» («Neues Tageblatt» в Штуттгарте).

Национал-либералы — только маленький оттенок в общей армии «защитников труда» против привилегий собственности. Вот до чего дошел певец великого блока с либералами Бернштейн!

Другой германский ликвидатор, Квессель, писал о необходимости во что бы то ни стало установить «общую работу» (Arbeitsgemeinschaft) с.-д. с либералами, а ревизионист Шредер зарапортовался настолько, что заговорил о «либерально-социалистическом братании» («liberal-socialistische Verbrüderung») **).

Эта ликвидаторская тактика, разумеется, встретила резкий отпор со стороны всех марксистов и сколько-нибудь серьезного применения на практике не нашла.

Но и между самими марксистами после выборов наметились некоторые серьезные разногласия.

Как известно, с тех пор как Германия вошла в полосу довольно бурных событий, в самом марксистском лагере возникали уж не раз очень острые споры. Разногласия таятся в объективном положении вещей. Необходимость перейти от подготовительной эпохи к эпохе начала боевых действий создает массу трудностей и на этой почве — массу трений. В спорах по поводу выборов мы видим уже в известном смысле новую группи-

*) См. статью Лео Арнса «Sozialistische Monatshefte», № 1, 1912 год.
**) «Soc. Mon.», № 3, стр. 148; № 4, стр. 207.

ровку сил. В прежних столкновениях — по поводу споров о призыве ко всеобщей стачке и т. д. — мы видели на одной стороне партийное правление (во главе с Бебелем), решительно поддерживаемое Каутским и Мерингом, а с другой стороны — Розу Люксембург, Паннекука, отчасти Ледебура, поддерживаемых некоторыми видными практиками. Теперь несколько иная группировка. Меринг, например, занял в своих статьях, помещенных в журнале «Neue Zeit» (редактируемом Каутским) и не оспоренных редакцией, позицию, гораздо более близкую к Р. Люксембург, чем к партийному правлению. И насколько можно судить по началу дискуссий, Фр. Меринг и Роза Люксембург находятся гораздо ближе к истине, чем партийное правление.

Спор возник по вопросу об избирательном соглашении, заключенном партийным правлением с «прогрессистами» на перебаллотировках. Никто из германских марксистов, разумеется, не отвергает в принципе соглашений с либералами на 2-й стадии выборов, в данном случае на перебаллотировке. Но оппозиция с Р. Люксембург во главе утверждает—и утверждает основательно,— что при заключении данного конкретного соглашения Vorstand (партийное правление) допустил крупные практические ошибки. Обвинения предъявлены к Vorstand'у по следующим 4 пунктам.

1) Vorstand долгое время держал втайне от широких партийных кругов все соглашение, что придало соглашению характер какой-то закулисной сделки.

2) В то время как соц.-дем. правление давало прямой лозунг членам с.-д. партии поддерживать на перебаллотировках «прогрессистов», эти последние, согласно договору, не обязывались прямо призвать членов своей партии голосовать за с.-д., а дали лишь недоговоренный лозунг: «против правых».

3) Иенский съезд с.-д. партии ставил непременным условием для поддержки буржуазного кандидата на перебаллотировке официальное публичное заявление этого кандидата, что он будет стоять за сохранение нынешнего избирательного права, против ограничения свободы коалиций, против всяких исключительных законов, против увеличения налогов и пошлин на предметы первой необходимости и т. д. Между тем партийное правление сочло возможным при заключении соглашения с «прогрессистами» отказаться от этого условия и удовольствоваться ссылкой «прогрессистов» на их программу, где в той или другой степени поддерживаются вышеуказанные требования.

Но все эти «3» пункта обвинений сравнительно не так серьезны. Гораздо большее значение имеет четвертое обвинение.

4) Партийное правление, по требованию «прогрессистов», согласилось на то, чтобы в 16 округах с.-д. ослабили, «притушили» (dämpfen) свою с.-д. агитацию — дабы кандидаты прогрессистов могли одержать верную победу. С.-д-ким договором запрещалось в этих 16 округах распространять воззвания и т. п.

Этот пункт соглашения подвергается самой резкой критике. Достаточно сказать, что сами местные товарищи в этих 16 округах в большинстве случаев не подчинились правлению — факт неслыханный в германской с.-д. партии с ее образцовой дисциплиной. Достаточно сказать, что и официальный орган правления («Vorwärts»), в общем одобряющий его позицию в вопросе о перебаллотировке, по данному пункту в сущности сдает позицию критикам правления *).

Либералы («прогрессисты»), несмотря на заключенное соглашение, как водится, в решительный момент предали с.-д. и сыграли в руку реакции. В первый же день перебаллотировки «прогрессисты» своими голосами помогли пройти реакционерам в 20 округах. Теперь подсчитано, что во всех тех округах, где победа с.-д. зависела от поддержки прогрессистов, прогрессисты имели на первоначальных выборах 213.709 голосов. Между тем число голосов за с.-д. кандидатов во всех этих округах, вместе взятых, увеличилось на перебаллотировке лишь на 105.299 голосов. Это значит, что 108 тыс. «прогрессистских» избирателей, вопреки соглашению, частью остались дома, частью

---

*) Само правление тоже в этом вопросе чувствует себя не вполне уверенно. На собрании берлинской с.-д. организации правление, в лице Отто Брауна, на-днях давало свои объяснения по поводу блока, заключенного на перебаллотировке. Была внесена резолюция, выражающая сожаление по поводу того, что правление пошло на урезку с.-д. агитации в округах. Тогда Отто Браун, согласно отчету «Vorwärts'a», заявил следующее:

— «Здесь предложено выразить сожаление по поводу соглашения на перебаллотировке постольку, поскольку это соглашение обязывает нас притушить избирательную борьбу в 16 округах. От имени правления я могу заявить, что здесь мы, в сущности, солидарны. Мы тоже сожалеем об этом (восклицания: «слушайте! слушайте!». «С этого вам следовало начать»...), мы тоже сожалеем, что нам пришлось сделать эту уступку прогрессистам, чтобы обеспечить все соглашение». («Vorw.» от 19 марта 1912 года).

голосовали за черных. Да и увеличение на 105 тыс. голосов лишь в незначительной части объясняется поддержкой прогрессистов. Большая часть этих 105 тыс. составилась из с.-д. «резервов», т.-е. принадлежит с.-д. же избирателям, явившимся на перебаллотировку в большем числе, чем на первых выборах; что такие резервы бывают весьма значительны, показывает пример 1-го берлинского округа, где у с.-д. не было блока «с прогрессистами», а была самая яростная борьба именно между с.-д. и прогрессистами. И вот на первом туре с.-д. собрали 4408 голосов, а на перебаллотировке — 5579 голосов. Увеличение почти на 30%, составившееся исключительно благодаря с.-д. резервам.

II.

Роза Люксембург привела далее следующие цифровые данные, с несомненностью свидетельствующие о предательстве «прогрессистов». В округе Потсдам-Остгавелланд «прогрессисты имели на первоначальных выборах 11.603 голоса. На перебаллотировке же число с.-д. голосов увеличилось лишь на 2794, а консерваторов — на целых 8331! Ясно, что огромное большинство прогрессистских избирателей голосовало за консерваторов. В округе Этвеге при 5801 прогрессистском голосе 4306 отошло к центру, а с.-д. увеличили свои голоса лишь на 1561 голос. В Иерихове из 8291 либеральных голосов 5386 прошло к центру и т. д. Этих данных не оспаривает и партийное правление в своих статьях в «Vorwärts'e». Форштанд (правление) настаивает лишь на том, что опыт надо было проделать, что иначе ответственность пала бы на с.-д., а теперь все видят, что либералы — предатели. Но как же мог форштанд пойти на договор об урезке с.-д. агитации в 16 округах во имя проблематической поддержки со стороны либеральных предателей? Это оправдать едва ли возможно. Как могло партийное правление даже только войти в переговоры с либералами по поводу такого требования? Некоторые защитники правления указывают на то, что надо же было чем-нибудь вознаградить «прогрессистов», раз они, блокируясь с с.-д., отказывались таким образом от той поддержки, которую им оказали бы правые. Но ведь это же все равно, — возражает Меринг — как если бы, скажем, X. («прогрессисты»), долгое время обделывавший темные делишки с И. (реакционерами),

пришедши к полному банкротству, явился бы к Z. (социал-демократам) и сказал: я готов теперь на время порвать с мошенником И., но на одном условии — чтоб за мою добродетель вы заплатили мне такой-то эквивалент (16 депутатских мест)...

Чем же объяснить столь серьезный промах со стороны таких испытанных вождей, как руководители партийного правления? Несомненно тем, что они придали чрезмерное значение внутрипарламентским комбинациям, и что, имея пред собой несомненно очень важную задачу: сломить большинство черно-голубого блока, правление склонно было пойти слишком далеко в поддержке столь ненадежных союзников как германские либералы... На момент возникла иллюзия, будто можно будет создать в новом рейхстаге левое большинство из с.-д. и либералов, и для того, чтобы достигнуть этого, правление готово было на очень большие уступки. Отсюда и то соглашение с «прогрессистами», которое резко осуждено теперь некоторыми крупными партийными организациями (Гамбург, Бремен), которое подверг жестокой критике Меринг и которое по существу не одобрил и «Vorwärts».

Гнусное поведение либералов в вопросе о президиуме рейхстага очень скоро разбило иллюзию о «левом большинстве». Национал-либералы каждым своим шагом в новом рейхстаге все больше освежают в памяти ту истину, что они на деле несравненно ближе к центру и консерваторам, чем к соц.-демократии. Действительное большинство в рейхстаге,—говорит Меринг, — это 287 против 110 (с.-д.) или в лучшем случае 250 против 150, т.-е. против с.-д. и «прогрессистов» *). Фантом так называемой «практической работы» в новом рейхстаге тоже рассеивается очень быстро,—продолжает тот же Меринг. «Ни одного шага в то болото, в котором сидят либералы, мы не должны делать» и лишь в этом случае сможет скоро исчезнуть то угнетенное настроение (gedämpfte Stimmung), которое охватило широкие круги партии в связи с неоправдавшимися иллюзиями **).

Бернштейн и другие ревизионисты продолжают пропагандировать блок с либералами. Что нам 110 голосов? — говорит Бернштейн. Ведь вот французские социалисты имели же в 1898 — 1902 г.г. только 38 депутатов, а влияние их на госу-

---

*) «N. Z.», № 21, 722.

**) См. «Neue Zeit», № 221.

дарство было в сто раз больше, чем теперь, когда у них 76 депутатов. А почему? — вопрошает Бернштейн. И отвечает: потому, что тогда социалисты входили в правящий буржуазный блок. «У нас в Германии с восторгом приветствовали (м а р к с и с т ы, *Г. З.*) отказ французских социалистов после Амстердамского конгресса участвовать в республиканском блоке. Для консолидации французского социалистического движения этот отказ м о ж е т б ы т ь (sic!) и был полезен. Но что касается общего политического развития во Франции, то — это уменьшило благотворное влияние социалистов на республиканское большинство и тем увеличило разлагающее влияние финансовых сфер *).

Вот до каких пошлостей договорился Бернштейн! По его логике французские социалисты должны были бы теперь войти в блок с Брианом и Мильераном, дабы оказать «благотворное влияние» на этих двух персонажей. Насколько благотворное влияние такой блок оказал бы на французских рабочих и на французский социализм — до этого Бернштейну нет дела.

Однако «фантом рассеивается» все быстрее; в этом совершенно прав Ф. Меринг, и марксисты все дадут дружный отпор подобной развращающей проповеди ревизионистов. — «Когда имеешь дело с трупом, ты не должен удивляться, если встретишься с процессом гниения» — замечает Меринг по поводу неудавшейся попытки установить длительный союз с либералами. И то обстоятельство, что журнал «Neue Zeit» прямо признал, что указанное соглашение Vorstand'а насчет 16 округов «прямо противоречит традициям и существу с.-д. партии», а также и то, что даже «Vorwärts» лишь ищет обстоятельств, объясняющих ошибку и облегчающих вину партийного правления — позволяет надеяться, что временное колебание не внесет сколько-нибудь серьезного расстройства в ряды германских марксистов, на которых с надеждой сосредоточены взгляды всей мировой социал-демократии.

Избирательные страсти улеглись. Отлетела мишура слов, и остались реальные классовые отношения. Все с большей силой разгорается классовая борьба. Германский пролетариат все больше сочетает глубокую преданность революционной идее с практической трезвостью в лучшем смысле этого слова. Только социал-либералам в роде г. Русанова (3), может казаться,

*) См. «Soc. Mon.», № 3, стр. 146 — 147.

что германский пролетариат недостаточно р-р-революционер. И только подобные «р-р-радикальные» буржуазные интеллигенты могут заявлять, что они «предпочитают» крикунов французского синдикализма германским социал-демократам... Забастовка $1^1/_4$ миллиона горнорабочих, получающих голодную заработную плату и терпящих нужду гораздо больших размеров, чем даже 5 лет тому назад, была первым крупным движением после выборов. В этой забастовке пролилась рабочая кровь... Завтра дороговизна жизни, стотысячные локауты, новые миллионные затраты на милитаризм вызовут новое движение за 8-часовой рабочий день, за всеобщее избирательное право в ландтаги. И все эти движения будут все больше и больше обобщены социалистическими требованиями и будут втягивать в борьбу все новые и новые миллионы пролетариев. Уйдет ли в отставку Бэтман-Гольвег, будет ли председателем Шпан или Пааше, будут ли сегодня либералы интриговать с правыми или с левыми, все эти парламентские комбинации — какие все это пустяки по сравнению с тем великим всемирно-историческим движением рабочих масс, которое на наших глазах протекает в Германии!

Светлый идеал социалистического будущего, сплотивший вокруг себя $4^1/_4$ миллионов тружеников — какое величавое зрелище, какая могучая армия! Эта небывалая в истории могучая сила выполнит свое назначение. Германская социал-демократия остается на славном посту застрельщицы всех борцов за социализм...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1912 г., № 3—4, февраль — март; подпись — «Н. Скопин».

[2]) Эльзасцы — жители французской провинции Эльзас, отторгнутой от Франции после франко-прусской войны 1870—71 г.г. по требованию германского империализма. В течение 40 лет вопрос об Эльзасе и другой провинции — Лотарингии был предметом острой распри между Германией и Францией, причем мнением жителей этих провинций ни та, ни другая держава не интересовались. По Версальскому миру обе провинции опять присоединены к Франции и в них идет самое настойчивое вытравление всех следов германской культуры и влияния.

[3]) Русанов, Н. С. (Кудрин) — правый эсер; активной роли в партии не играл, и вся его деятельность протекала преимущественно в области литературы.

О ФЛЮГЕРАХ [1].

«Fraktion Drehscheibe», фракция флюгеров, фракция «нос по ветру» — так называют германские с.-д. одну из наиболее увертливых фракций германских либералов. Наши русские ликвидаторы бесспорно тоже могли бы с большим основанием претендовать на эту кличку. Российские ликвидаторы выдвинули прямо виртуозов по части тактики «нос по ветру». Таков, например, Л. Мартов. Малейшее дуновение ветерка в сторону ревизионизма, и «чуткий» флюгер немедленно вертится направо. А как только марксисты дали хороший отпор ревизионистам, наш флюгер хотя и не с такой чуткостью, спешит повернуться влево, прикрывая свой оппортунизм каскадом «левых» фраз и «марксистских» словечек. Если-бы проследить в целом этап, пройденный фракцией «нос по ветру» в течение каких-нибудь 2 — 3 лет, картина получилась бы весьма назидательная, Но задача данной заметки гораздо более скромна: отметить лишь один из поворотов одного из флюгеров направо.

Дело идет о недавних германских выборах и оценке их Л. Мартовым, одним из самых выдающихся представителей породы «нос по ветру».

С германскими выборами ликвидаторам вообще не повезло. Задолго до выборов «Дело Жизни» напечатало статью г. Вл. Розанова, в которой последний доказывал, что Бебель лишь по старости лет считает самым важным на выборах выдержанную с.-д. агитацию и пропаганду, а на самом деле у ревизионистов есть «здоровое чутье», и правы именно ревизионисты, утверждающие, что главное это мандаты, мандаты, мандаты. Когда мы в «Звезде» указали на это откровенно-ревизионистское выступление ликвидаторского журнала, редакция «Д. Ж.» месяца этак через 2 заявила, что статья Розанова помещена по... недосмотру. Теперь Мартов выступил почти с такою же «исторической» статьей, как Розанов.

Мартов имел несчастье писать свою статью о германских выборах (см. «Нашу Зарю», № 1 — 2, 1912 г.) в такой момент, когда могло казаться, что кой в чем чаша весов наклонилась в сторону ревизионистов, когда новая обстановка вызвала некоторые колебания, когда часть либералов, обозленная пинками

юнкеров, сделала кратковременный зигзаг «влево», когда на минуту у бесхарактерных оппортунистов могла создаться иллюзия возможности в ближайшем будущем «великого блока» с.-д. с либералами. И Мартов пришел прямо в экстаз. Он ликует. Он упоен «левизной» немецких национал-либералов, он провозглашает наступление «новой эры».

— «. . . . . Создается действительная концентрация всех буржуазно-прогрессивных элементов страны вокруг рабочей партии... Под ее знаком будет развиваться политическая жизнь Германии» *), — торжественно объявляет Л. Мартов.

Из-за чего же весь этот шум? Всего только из-за того, что часть либералов согласилась голосовать при выборах президиума за одного с.-д. кандидата в числе 3-х членов президиума рейхстага.

Но как же быть теперь со всей вашей схемой, г. Мартов? Ведь вы, вероятно, уже слышали, что пленившие вас национал-либералы выгнали из президиума с.-д. члена его, стоило только хозяевам Бетмана-Гольвега свистнуть либералам. Вы знаете и то, что национал-либералы, сначала «пугавшие» правительство, проявили при изгнании с.-д. депутата максимум предательства, трусости и подлости. Куда же девалась ваша «действительная (?) концентрация (??) всех буржуазно-прогрессивных элементов вокруг рабочей партии??». Под каким «знаком» будет теперь развиваться политическая жизнь Германии, когда Бебель в рейхстаге прямо заявил, что, в виду экстраординарно-подлого поведения национал-либералов, с.-д. в дальнейшем отказываются от всяких переговоров с ними?

Германский национал либерал это нечто среднее между нашими Тизенгаузеном (²) и Маклаковым. И вот этакие господа по схеме Мартова должны были «концентрироваться» вокруг с.-д. партии. Кто, кроме представителя партии флюгеров, мог написать такую пошлость?

Чтобы придать своей схеме хоть некоторую вероподобность, Мартов принужден был при передаче простых фактов об избирательной кампании — прямо... отступить от истины.

Посудите сами. Все германские с.-д., — и обе спорящие между собой группы марксистов и даже ревизионисты — конста-

*) „Н. З.", № 1, стр. 2, 69, 70.

тируют тот факт, что прогрессисты (и еще более национал-либералы) на перебаллотировке предали с.-д. и помогали реакции. Вся с.-д. печать особенно подчеркивает тот факт, что сами массы либеральных избирателей шли в деле поддержки реакции еще дальше своих партийных штабов, что свидетельствует, конечно, об особенной резкости классовой размежевки, которой не устранить никакими моментальными предвыборными блоками. Всякий политически грамотный немецкий читатель знает эти факты. А правдолюб Мартов, наперекор фактам, пишет:

— «Ныне и партийные центры, и либеральная пресса, и особенно (!) массы избирателей (именно не «особенно», г. Мартов. *Г. З.*) вели себя, в общем, более соответственно той цели, которую ставил себе либерализм — цели борьбы прежде всего за низвержение черно-голубого блока»... «Национал-либералы, в общем, дальше нейтралитета (нейтралитета! — *Г. З.*) при борьбе между правыми и социалистами не шли». *)

Это же простая неправда, г. Мартов! Зачем вы вводите в заблуждение русских читателей? Национал-либералы держали «нейтралитет» в борьбе социалистов и правых! Да всякий германский марксист рассмеется вам в лицо, если вы ему это скажете. В огромном, подавляющем большинстве случаев национал-либералы (да и «прогрессисты») шли против социалистов, и обе эти либеральные фракции и теперь петушком, петушком поспевают за колесницей «черно-голубых» реакционеров, как об этом правильно пишет Фр. Меринг.

Почему же Мартов занял такую до очевидности неверную, фальшивую позицию? Потому, что флюгеру показалось, что ветер веет направо. Среди части германских с.-д. были преувеличенные надежды на либеральную поддержку. Ревизионисты заговорили даже о «либерально-соц.-демократическом братании» — почти как Мартов. И Мартов моментально поддался настроению, «углубил» ревизионистов, возвел в теорию минутные колебания и провозгласил свою, отныне знаменитую, «концентрацию» национал-либералов вокруг с.-д. партии.

Теперь, когда «облетели цветы», когда мираж либерально-соц.-дем. блока окончательно рассеялся, когда журнал «Neue Zeit» устами Меринга констатировал «gedämpfte Stimmung» (разочарование)

---

[1]) «Н. З.», № 1, стр. 65.

у тех, кто надеялся на либералов, Мартов, конечно, начнет поправляться и доказывать, что он «совсем не в том смысле» говорил о «концентрации» немецких Тизенгаузенов и Маклаковых вокруг Бебеля. На то и флюгер, чтобы вертеться...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1912 г., № 3—4, февраль — март; подпись — «Г. З.».

[2]) Тизенгаузен — член Гос. Думы, октябрист, барон, крупный помещик, поставленный во главе «комиссии по рабочему вопросу».

ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СТРАНА [1].

Государственный акт 3 июня 1907 г. ознаменовал собою окончательный переход старого режима от обороны к наступлению по всей линии.

Главным вдохновителем акта 3 июня было объединенное дворянство. Некоторые влиятельные элементы объединенного дворянства не прочь были и совершенно упразднить Государственную Думу. Так далеко правительство, однако, не могло пойти. С одной стороны, западно-европейская финансовая буржуазия, от которой правительство находится в такой большой зависимости (займы), требовала, чтобы в России существовал хоть какой-нибудь «парламент». С другой стороны, с полным упразднением Государственной Думы не могли бы примириться и те слои отечественной торгово-промышленной буржуазии, которые должны были войти в «третьеиюньский» блок.

Старый строй, если он хочет уберечь себя от неминуемой гибели, должен приспособиться хоть в малой степени к интересам буржуазного развития — так говорили наиболее дальновидные руководители режима.

Отсюда стремление сделать еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, необходимость сохранить Думу, как представительство во всероссийском масштабе антинародных сил, дружественных старому режиму, и как арену соглашения этих сил со старой властью.

При таком положении дел существование Думы сделалось неизбежным, Дума стала неотъемлемым элементом в политической системе 3 июня. Старой власти оставалось только позаботиться о том, чтобы на деле роль Думы свелась к прикрытию лжеконституционными формами наготы старого режима. Для этого необходим был «надлежащий» состав Думы. Ограбление тех небольших избирательных прав, которыми пользовалось раньше население, стало неизбежным. Вторая Дума была разогнана. Ничтожные избирательные права рабочих и крестьян были уменьшены вдвое, а помещикам и крупной городской буржуазии актом 3 июня механически было обеспечено 64,4% всех выборщиков.

В борьбе за свое существование старый режим в течение всех последних лет вынужден был находиться в открыто вра-

ждебном отношении к самым широким слоям населения, и прежде всего к руководителю освободительного движения — к рабочему классу. За 5 лет зарегистрировано 3.149 смертных казней; из казненных свыше 80% рабочие и крестьяне. В тюрьмах средним числом находится до 200.000 заключенных. В 1905 году «тюремное население» составляло 85 тысяч человек. К 1911 году оно более чем удвоилось и составило уже свыше 180 тысяч человек. Печать преследуется, как никогда, и особенно — рабочая печать. За 5 последних лет отмечено по самым неполным подсчетам 973 штрафа на сумму в 400 тысяч рублей. Рабочие организации подвергаются самым жестоким гонениям. Одних легальных профессиональных союзов рабочих закрыто за 5 лет, по минимальным подсчетам, 497 и отказано в разрешении 604-м. За один 1910 год закрыто 120 рабочих союзов.

Бюджетная политика правительства нисколько не изменилась к лучшему. Косвенные налоги, т.-е. налоги на неимущую массу потребителей, попрежнему составляют около половины обыкновенных доходов — в 1912 г. 48,6% всего бюджета. Попрежнему бюджет наш заслуживает названия «пьяного бюджета», ибо почти 25% всех доходов берется от казенной винной монополии. Расходы на милитаризм неимоверно растут и ложатся все более тяжелым бременем на трудящееся население. Ассигновки на военное и морское ведомство за последнее пятилетие возросли более чем на 100 миллионов и достигают по смете 1912 года 658 миллионов. На полицию тратится около 60 миллионов в год (59,4 милл. на 1912 год), на тюрьмы тратится в год 34 миллиона народных денег.

Неудивительно, что при такой бюджетной политике и особенно благодаря тяжелому экономическому положению крестьянства наметившийся промышленный подъем не может развиваться. В то же время неимоверно увеличивается дороговизна жизни, ставящая широкие слои малоимущего населения в самое безвыходное положение.

В бюрократическом аппарате попрежнему господствуют подкупы. Достаточно вспомнить одни только интендантские процессы. Разложение бюрократического аппарата привело к усилению таких бедствий как холера, чума... Огромная волна самоубийств прокатилась по России. Наконец, теперь в стране начался небывалый по размерам голод.

Травля угнетенных национальностей и более культурных областей, как Финляндия, Польша, Северо-Западный край, политика колониальных захватов, направленных против проснувшихся к свободной жизни Персии, Китая, довершают картину.

В 3-й Думе было все время два большинства: черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Если первое большинство вело открыто-черносотенную и явно антинародную политику, то второе большинство оказывалось совершенно бессильным. Все те решения, которые в Думе проведены были октябристско-кадетским большинством и которые шли вразрез с планами черносотенного дворянства, безжалостно отменялись Государственным Советом.

3-я Дума занялась рабочим вопросом. Под видом страхования рабочих она провела страхование фабрикантов и заводчиков за счет рабочих, а под видом закона о «нормальном отдыхе» торговых служащих—закон о лишении отдыха торговых служащих. Чего не доделала черная Дума, то теперь довершает Государственный Совет, еще более ухудшая эти законы против рабочих.

Это все, что сделала 3-я Дума в связи с рабочим вопросом, если не считать закона, касающегося служащих в министерстве финансов, и отмены пресловутой статьи 51-й, карающей за мирную стачку как за уголовное преступление.

В области аграрного вопроса роль Думы свелась только к регистрации того, что было уже сделано П. А. Столыпиным. Указ 9 ноября 1906 года, который, по выражению его творца, делал «ставку на сильных», отдавал многомиллионную крестьянскую массу на поток и разграбление этим «сильным», т.-е. деревенским кулакам, мироедам и помещикам. Аграрная политика правительства направлена была к разложению общины и к созданию новой опоры для старого режима в лице тех новых «помещиков», которых создавал указ 9 ноября, разделяя деревню на два лагеря и усиливая в ней начала буржуазного развития. Эта буржуазно-крепостническая аграрная политика правительства была необходимым звеном в политике режима 3 июня.

14 июня 1910 года указ 9 ноября сделался уже законом, подвергшись лишь незначительным изменениям. С судьбами этого закона связали свои интересы не только партии помещиков и крупной буржуазии, но на деле и контр-революционный либерализм. Насколько успешна была аграрная политика правительства и Думы

на практике, показывает тот красноречивый факт, что как раз к пятилетию издания указа 9 ноября страну постиг новый голод, охвативший до 30 миллионов крестьян...

Так заботилась 3-я Дума о рабочих и крестьянах. Зато 3-я Дума покорно вотировала разорительный для трудящихся масс бюджет, осмелившись только на то, чтобы, по предложению графа Бобринского, разыграть комедию так называемого «конституционного рубля», т.-е. сокращением одной сметы на... 1 рубль. Зато 3-я Дума взяла под свою защиту азефовщину, всю систему гнуснейшей провокации, пыток в тюрьмах, ссылки на каторгу облыжно обвиненных в «заговоре» рабочих с.-д. депутатов 2-й Думы. Зато 3-я Дума приняла активное участие в преследованиях учащейся молодежи и гонениях на свободную высшую школу. Зато 3-я Дума оказывала поддержку мракобесным «запросам» крайних черносотенцев, всегда направленным к тому, чтобы навлечь репрессии и погромы на головы той или иной национальности (евреи), той или иной области (Кавказ).

Лишь в виде исключения Дума иногда выходила из повиновения и проводила отдельные законопроекты, вносящие тень улучшения в быт отдельных групп населения. Так было с вероисповедными законопроектами, долженствовавшими принести с собою подобие «свободы» совести. Так отчасти было и с «всеобщим» обучением. Для того, однако, и существует наша «верхняя палата», чтобы подобные «увлечения» исправлять, и она исправляет их самым усердным образом.

В итоге, 3-я Дума — Дума Пуришкевичей, Марковых II, Гучковых, Крупенских, Бобринских, Маклаковых — выступала п р о т и в народа во всех тех вопросах, которые обсуждались в Думе: в вопросе рабочем, крестьянском, гражданской свободы, национальном, суда и самоуправления, народного образования и т. д.

Одна только группа депутатов 3-й Думы решительно и до конца разоблачала большинство Думы, последовательно и планомерно защищала интересы рабочих, крестьян, служащих, всей демократии вообще. Это — р а б о ч и е д е п у т а т ы, это — с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к а я ф р а к ц и я, оставшаяся верной старым заветам, просвещавшая народ с думской трибуны насчет того, что только новый народный подъем может принести выход из нынешнего невыносимого положения, и высоко державшая знамя рабочей демократии.

Попытка режима 3 июня приспособиться к условиям развития, попытка правительства и Думы разрешить аграрный вопрос сверху неминуемо должны были потерпеть крушение. Внутри самого контр-революционного блока начались свары и перебранки, служащие признаком того, что и правящие слои населения начинают сознавать неудачу этих попыток.

Третьеиюньский блок состоит из двух важнейших составных частей: объединенное дворянство и верхи торгово-промышленной буржуазии. Господство внутри этого блока безусловно принадлежит помещикам-крепостникам. Правительство лавирует между обоими своими союзниками, стараясь ублаготворить их обоих. Фактически все 5 лет Россия жила под диктатурой Марковых II, Пуришкевичей, Дурново. Власть и доходы крепостников стояли и стоят на первом плане, их интересам подчинено все остальное.

Естественно, что при таком положении вещей рабочая демократия, которая добивается полного уничтожения эксплоатации человека человеком, вынуждена прежде всего заботиться о расчистке пути для торжества рабочего класса.

Главными ее требованиями в избирательной кампании попрежнему являются:

1) Действительная и полная власть народа.

2) 8-часовой рабочий день.

3) Отчуждение помещичьих земель без всякого выкупа.

Только в свете этих основных требований, в соподчинении им, в неразрывной связи с ними получают все свое значение остальные требования рабочей демократии, как-то: свобода коалиций, национальное самоопределение, государственное страхование рабочих, всеобщее избирательное право, выборность судей и чиновников, народная милиция, свобода печати и т. д.

Рабочая демократия за реформы борется принципиально отличным от либералов образом. В современной России речь идет не о реформах, а о «реформе», речь идет о глубоком изменении всех общественных отношений. Именно поэтому отвергается либеральная «борьба за право» и борьба за «частичные улучшения», выдвигаемые в противовес борьбе за общее и целое. Единственное требование, которое рабочая демократия предъявляет к режиму 3 июня, это — его отмена.

Демократический строй гарантирует народу невозможность разгона его представительных органов: парламента (Думы), освобо-

ждение крестьян от ига крепостников, свободу организации рабочего класса и всех общественных сил, невозможность заточения на каторгу народных представителей, более правильную постановку народного образования и т. п.

Во главе нового освободительного движения попрежнему пойдет рабочий класс. Первая волна освободительного движения оказалась не победоносной не потому, что пролетариат будто бы держался ложной тактики, переоценил свои силы и т. п. Освободительное движение 1905 года не победило несмотря на то, что во главе его шел пролетариат, и несмотря на то, что пролетариат держался верной линии и выказал такой героизм и такое самопожертвование, которых до тех пор не знала всемирная история. Пролетариат останется гегемоном, руководителем и застрельщиком во всей дальнейшей освободительной борьбе. Пролетариат — единственный класс, по своему социальному положению способный вести борьбу до конца. Его гегемония в освободительной борьбе одновременно дает и гарантию того, что плодами победы не воспользуется, превратив рабочих в пушечное мясо, одна радикальная буржуазия. Движение будет итти при новой обстановке, и старые методы сочетаются с новыми. Рабочая демократия показала, что она на лучшем пути к разрешению этой задачи.

Последние годы были тяжелыми годами для демократии. На улице контр-революции был праздник. Все слабое духом, все неустойчивое перекочевывало на сторону господ положения. Вчерашние «левые», и в первую голову либералы, валом валили на службу к режиму 3 июня, к денежному мешку. Дух отреченства и ренегатства получил широчайшее распространение. Рабочий класс стонал под двойным игом. Атмосфера широкой буржуазной реакции, питавшей режим 3-го июня, вносила элементы буржуазного влияния и в среду, соприкасающуюся с рабочим движением. Но жив дух в рабочем классе России. Он выказал огромную силу сопротивления разлагающим влияниям и остался на славном посту и теперь.

Главная задача рабочей демократии на выборах это, конечно, борьба с реакцией, которая душит нашу страну в своих мертвых объятиях, но буржуазный либерализм есть тоже фактор, часто мешающий победоносной борьбе демократии с реакцией. Такими актами как пресловутая поездка кадетов в Лондон, как голосования кадетских депутатов в 3-й Думе за ассигнования на

тюрьмы, за антинародный бюджет в целом, за антинародные займы и т. п. кадеты несомненно упрепляли реакцию. Получерносотенная агитация кадет-веховцев против освободительного движения, штрейкбрехерство кадетов в студенческом движении, поддержка кадетами империалистических стремлений правящих сфер, их активное участие в шовинистической «неославистской» кампании — все это безусловно было водой на мельницу реакции. Для успешной борьбы с этой последней необходимо систематическое разоблачение буржуазного либерализма.

В вопросах рабочего законодательства кадеты ничем серьезным от октябристов не отличались. Они резко боролись против поправок с.-д. к законопроектам о страховании рабочих. Они столь же яростно выступали против предложений с.-д. расширить и улучшить законопроект о нормальном отдыхе торговых служащих. Это последнее надо особенно хорошо запомнить приказчикам, которых кадеты до сих пор обманывали.

Задачи рабочей демократии не совпадают ни с одной из программ других партий, в том числе и якобы социалистических «трудовых» групп. Рабочая демократия выступает на выборах самостоятельно, под собственным знаменем, что, конечно, не исключает того, что на перебаллотировках и в собраниях выборщиков рабочие будут заключать соглашения с буржуазной демократией против либералов, а затем и с либералами против всех черносотенных партий.

На выборах в 4-ю Думу борются три основные силы: 1) правительственные партии, вплоть до октябристов; 2) либералы; 3) демократия, с рабочей демократией во главе. Росказни либералов, будто страна должна разделиться только на два лагеря: прогрессистов и не прогрессистов — направлены лишь к тому, чтобы побудить избирателей, сочувствующих демократии, отдать голоса либералам.

Пароль рабочих: против реакции, но и против буржуазного либерализма, косвенно помогающего реакции. За рабочую демократию!..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1912 г., № 5—7, апрель-июнь; подпись — «Г. Зуев».

СВОБОДА КОАЛИЦИЙ (1).

После долгого, мучительного пятилетия реакционного засилья, сковывавшего по рукам и ногам движение рабочего класса, российский пролетариат, наконец, вновь поднял голову. Еще совсем недавно газеты, выражавшие настроение наших «сфер», писали, что рабочего вопроса у нас, «слава богу», уже нет, что это только где-то там, на Западе, рабочий вопрос стоит довольно остро, а у нас — тишь да гладь, да божья благодать. Возрождение массовой политической стачки в России горько разочаровало этих «оптимистов». Зашевелился реакционный муравейник. «Идеологи» старого режима еще раз убеждаются, что на одном штыке долго не усидеть, и для борьбы с современным рабочим движением выдвигают план создания «христианских» рабочих союзов.

Либералы тоже обратили свое благосклонное внимание на рабочее движение. Дело дошло до того, что даже кадетская «Речь» выступила с прямым предложением, адресованным героям 3 июня, дать рабочим некоторую свободу коалиций... «Предоставление рабочим права союзов (и собраний) становится делом, насущно необходимым». Она предлагает поослабить «прижим», в собственных интересах буржуазии и правительства, ибо это «предохранит общественную жизнь от трагических неожиданностей»; а что до «опасных крайностей и уклонений», то «противоядием» против них будет, во-первых, закон, а во-вторых, то, что вокруг правительства тогда сплотятся все благонамеренные буржуазные элементы общества («Речь», № 127).

Либеральные рабочие политики (ликвидаторы) тоже стремятся напялить на пробуждающегося великана свой либерально-узкий камзол. По их мнению, весь «смысл развитой в эти дни кампании (речь идет об апрельско-майских политических забастовках (2) — в том, что на очередь дня в Гучковско-Коковцовской России поставлен вопрос о свободе профессиональной борьбы» («Живое Дело», № 15, ст. Л. Мартова «Молитвенное усердие»)... Либеральные рабочие политики, устами Ст. Ивановича и других, тоже пытаются убедить власть предержащую в том, что с точки зрения «порядка», тишины и спокойствия ей самой выгоднее «дать» рабочим свободу коалиций. Либеральные рабочие политики — сознательно или бессознательно — исходят из следующей перспективы: речь идет — и пой-

дет в дальнейшем — лишь о конституционных «реформах», лишь об отвоевании уступочек у режима 3 июня, лишь о приобретении «частичного права». Эти политики стараются не только сузить и урезать «смысл» уже развитой рабочими кампании, но, объективно, их проповедь обкарнывает и дальнейшее движение.

Вместе со всеми марксистами, мы полагаем, что действительный «смысл» развитой рабочими весною этого года кампании гораздо шире, чем простая постановка вопроса «о свободе профессиональной борьбы». Мы не согласны ни с Мартовым, ни с кадетской «Речью», которая, подводя итоги недавнему стачечному движению рабочих, уже после первомайской забастовки, тоже нашла, что «в рабочем движении выступила вперед, на первый план, не его революционность, а его строго-профессиональный характер». Мы полагаем, что объективный смысл начавшегося движения — тот, что оно ставит, и чем дальше, тем настоятельнее будет ставить, вопрос о коренном изменении основных отношений современной российской действительности. С этой точки зрения мы попытаемся изложить систематически взгляд марксистов на значение требования свободы коалиции во всей системе наших требований и на условия, при которых свобода коалиции действительно осуществима в нашей стране.

I.

Остановимся в самых кратких чертах на истории завоевания права коалиции в Западной Европе.

Первое место по праву принадлежит рабочему классу Англии. Автор книги «Das Koalitionsrecht der Arbeiter» («Рабочие и право коалиций») справедливо утверждает, что борьба английских рабочих за право коалиции стоит в таком же отношении к страданиям и борьбе за это право рабочих континента, как великая французская революция — к небольшим революциям в остальных европейских государствах *).

История сохранила нам сведения, что в средние века в Англии, вместо нынешнего закона о минимальной заработной плате, существовали законы о максимальной заработной плате. Государство заботилось не о том, чтобы рабочему был обеспечен известный минимум заработка, дающий ему возможность жить и содержать свою семью, а о том, чтобы хозяева не платили

*) I. Ingwer, Wien, 1919.

рабочему больше известного, крайне недостаточного, максимума. Понадобилось около четырех веков развития (закон о максимальной плате издан при королеве Елисавете в 1562 году, но в общих чертах этот принцип был провозглашен еще в 1349 году), пока в начале XX века английские углекопы, благодаря своей количественно огромной забастовке, добились признания государством принципа минимальной заработной платы...

Почему в указанную эпоху возможны были такие законы, какие экономические факторы обусловили тогдашний образ действия государства — об этом здесь распространяться не место, и мы отсылаем читателя, интересующегося этим вопросом, к гениальным главам I тома «Капитала». Здесь же важно отметить следующее.

Совершенно так же, как с законодательным регулированием заработной платы, обстояло вначале дело и с правом коалиций. Государство при определенном уровне развития промышленности прямо запрещало предпринимателям платить рабочим выше установленного максимума. Государство в определенную историческую эпоху не только не разрешало рабочим никаких коалиций, но еще издавало специальные законы о запрещении рабочих коалиций. Так, при Георге II законы о запрещении коалиций в Англии были распространены уже не только на ткачей и прядильщиков, но и на рабочих всех других мануфактур.

Еще в 1799 и 1800 гг., когда английская промышленность сделала уже огромные успехи, английский парламент на сопротивление рабочих понижению заработной платы ответил новым законом, запрещавшим всякие союзы рабочих под страхом наказания. Закон этот строго проводился в жизнь. Рабочих за малейшую попытку устройства союза сажали в тюрьмы, между тем как предприниматели пользовались полной свободой союзов.

Проходили десятилетия. Английский рабочий класс развивался. «То, чего рабочие не могли делать открыто, они делали тайно» *). История почти каждого крупного английского рабочего союза начала XIX века знает такую полосу тайного существования.

---

*) См. вышеупомянутое сочинение Ingwer'a, стр. 9.

В 1824 году отменяются специальные запретительные законы против свободы коалиций. Право коалиции «в принципе» не отрицается, но закон регламентирует, главным образом, те случаи, когда право коалиции не действует, и когда рабочие опять-таки наказуются тюрьмой (до 2-х месяцев).

Наконец, в 1875 году закон уже категорически признает за рабочими право коалиции и лишь оговаривает некоторые «изъятия», которые, однако, чрезвычайно существенно урезывают свободу коалиции. Даже в последние годы мы были свидетелями того, как в Англии, этой классической стране «конституционной свободы», правящие классы делали неоднократные покушения на свободу союзов. Именно теперь, когда стотысячные и миллионные стачки столь часто потрясают «нормальный» ход промышленной жизни Англии, когда английские рабочие явственно становятся на путь самостоятельной классовой политики и освобождаются от буржуазных влияний, — господствующие классы усиленно думают о том, как бы сузить, урезать право коалиций для рабочих.

Во Франции в средние века тоже существовали законы, прямо запрещающие свободу коалиции. Особенно знаменательно, как отнеслись к вопросу о свободе коалиций буржуазные революционеры времен Великой Французской революции. 14 июня 1791 года они высказались за прямое запрещение свободы коалиций, так как коалиции рабочих являются-де «покушением на свободу и декларацию прав человека». В 1800 году был издан закон, прямо запрещавший всякую рабочую коалицию, имеющую целью стачку, борьбу за повышение заработной платы и т. д. В 1810 году, при Наполеоне, знаменитая статья 415-я прямо запретила всякие рабочие коалиции, при чем «подстрекателям» угрожало наказание тюрьмой от двух до пяти лет. Февральская революция ([3]) почти ничего в этом отношении не изменила. В 1864 году, при Наполеоне III, свобода коалиции в принципе была как будто признана, но тут же устанавливалось наказание от 6 до 3-х лет тюрьмы за «подстрекательство» к стачке и к «насильственным» действиям. Только закон 16 марта 1884 года отменил это наказание и признал в принципе свободу союзов. Только в 1903 году французское правительство предложило отменить пресловутые 414 и 415 статьи и торжественно заявило: «правительство полагает, что теперь пришел момент сделать еще один шаг вперед. При правительстве свободы каждый

рабочий имеет неприкосновенное право соглашаться или отказываться от работы и свободно устанавливать условия договора. Понятно, что это же право имеют также не один, а многие рабочие и многие предприниматели, раз каждый из них в отдельности имеет это право». Тем не менее закон оставил строжайшие наказания за «угрозы», за «оскорбления» штрейкбрехеров и за посягательство на так называемую «свободу труда». На деле и сейчас огромные категории французских рабочих и работниц лишены свободы коалиции. Брианы современной республики своей главной задачей ставят — свести на-нет все права коалиции.

В Германии законы 1731 и 1762 годов устанавливали максимальную заработную плату и запрещали всякие коалиции. Брентано (4) указывает, что в Баварском законодательстве остались еще от 20-х годов XIX столетия статьи, которые прямо приглашают работодателей к образованию хозяйских союзов и вместе с тем запрещают всякие союзы рабочих, имеющие целью повышение заработной платы. В 1835 году Саксонское правительство издало специальный закон против союзов ремесленников. Немецкие ремесленники и ремесленные ученики в ту пору много странствовали за границей, и там они образовывали тайные политические союзы, которые вступали в сношения с рабочими в Германии. В 1835 году саксонское правительство потребовало от иностранных держав запрещения этих союзов немецких ремесленников и специальных преследований против них, так как «революционные партии продолжают всеми силами сбивать с правильного пути ремесленников». В 1840 году союзные правительства издают специальный закон, который вводит черные списки «неблагонадежных» рабочих. В 1845 году законодательным путем устанавливается наказание до одного года тюрьмы за призыв к стачке. В 1865 году Шульце-Делич (5) и К°, под влиянием бичующей критики Лассаля, увидели себя вынужденными внести законопроект о свободе коалиций точнее — только об отмене специальных запретительных законов, против свободы коалиции. Лишь в 1869 году проведен был закон, признающий в известных рамках свободу коалиций. Тут же, под видом защиты «свободы труда» (т.-е. штрейкбрехеров), сделан ряд изъятий и ограничений в праве коалиции. Полной свободы коалиций у германских рабочих нет и поныне. Новейшие попытки германских юнкеров урезать и свести на-нет коалиционное право рабочих — достаточно известны.

В Австрии известное признание права коалиций вырвано было приблизительно тогда же, когда в Германии. Драконовские законы 1845 года распространялись и на Австрию. Лишь в 1869 году под давлением рабочих масс вопрос о коалиционном праве сдвинулся с мертвой точки. Решающим моментом была 30.000-я демонстрация рабочих перед зданием парламента. Правительство привлекло к суду и осудило «зачинщиков» демонстрации, но право коалиций в 1870 году в известных — весьма узких — пределах было признано...

Приведенные краткие данные позволяют сделать несколько общих выводов.

Всюду во всех западно-европейских странах свобода коалиции, хотя бы в самых узких, ограниченных рамках, завоевана лишь после завершения буржуазных революций, лишь после того, как буржуазия для себя уже завоевала в той или иной форме политическую свободу. Больше того. От момента буржуазной революции до момента признания государством хотя бы узкой и ограниченной свободы коалиций иногда проходил ряд десятилетий.

Буржуазия и правительства упорно сопротивляются признанию свободы коалиций. Они как бы придерживаются своего рода «теории стадий». Сначала — запретительные законы, огульно отрицающие какую бы то ни было свободу коалиций. Вторая стадия — признание «в принципе» свободы коалиций и регламентация «исключений» и изъятий, на деле почти равносильная полному отрицанию свободы коалиций. Третья «стадия» — признание в принципе свободы коалиций считается уже чем-то само собой разумеющимся, но путем наказаний за «угрозы», путем защиты «свободы труда» и особой опеки над «государственно-необходимыми» отраслями труда — свобода коалиций в действительности урезывается и извращается. Четвертая «стадия» — еще нигде почти не достигнутая — полная и всесторонняя свобода коалиций осуществится тогда, когда завоевана будет действительно полная и всесторонняя политическая демократия, которая обеспечит действительное господство народа, а не только буржуазных верхов его, как это мы видим, например, во Французской «демократии».

Западно-европейские правительства и буржуазия так упорно сопротивлялись признанию свободы коалиции, несмотря на то, что в большинстве стран в ту пору не было еще организо-

ванных и сколько-нибудь сильных социал-демократических рабочих партий. Наличность таких партий, которые, конечно, планомерно использовали бы свободу коалиций в интересах рабочего класса, сделала бы сопротивление буржуазии и правительства еще более упорным. Классовый инстинкт и практический опыт говорили буржуазии, каким огромным, каким могучим оружием является в руках рабочих действительная свобода коалиций. Буржуазия не стала бы сама давать этого оружия в руки своего врага. Действительная свобода коалиций предполагает и действительную свободу рабочего класса — свободу его слова, свободу печати, демократически организованный суд и т. д. Давать все это пролетариату в действительности у буржуазии не было и нет никакой охоты. Она «дает» только то, что в самом деле уже в з я т о рабочими при помощи организованной б о р ь б ы. Поэтому действительную и полную свободу коалиций пролетариат может завоевать лишь при действительной и полной политической демократии . . .

Добрые буржуазные социал-реформаторы делали попытки отчасти разжалобить буржуазию, отчасти убедить ее, что свобода коалиций вовсе для нее не страшна. Свобода коалиций нужна рабочим не для какого-нибудь социализма, не для «бунтарских» планов против господства всего капиталистического строя — так говорили эти господа. Наоборот, дайте рабочим свободу коалиций, и они будут мирно и безмятежно вести свою мирную профессиональную борьбу, а о разных социалистических «утопиях» они и думать забудут. «Профессиональное движение — смертельный враг социал-демократии» . . . Так по-либеральному истолковывали требование свободы коалиций буржуазные социал-реформаторы и либералы, которые в былые времена тоже вносили это требование в свои программы.

Опыт классовой борьбы и обострение ее с каждым днем скоро показали тщету надежд на этакое социальное «мирнообновленчество». Рабочие своей борьбой показали, что о н и вкладывают совсем другое, не либеральное содержание в требование свободы коалиций, и что они намерены воспользоваться свободой коалиций отнюдь не для установления «гармонии интересов» с капиталистами. Буржуазия скоро учла это сама и в глубине души очень плохо верит в басни о «смягчении» классовых противоречий путем предоставления рабочим свободы коалиций.

Марксисты никогда не старались позолотить пилюлю для буржуазии и изображать ей свободу коалиций в свете невинной социальной реформы, могущей только послужить на пользу самих капиталистов и принести последним одно удовольствие. Такой проповедью занимались только иные псевдо-марксисты.

Вот какую классическую оценку значения рабочей коалиции дал К. Маркс еще в 1847 году:

«Крупная промышленность скопляет в одном месте массу незнакомых людей. Конкуренция разделяет их интересы. Но поддержание данного уровня заработной платы — их общий интерес, враждебный интересам их хозяина, — объединяет их в одной и той же мысли о сопротивлении, о коалиции. Таким образом, коалиция всегда преследует двоякого рода цель: прекратить взаимную конкуренцию между рабочими и тем самым сделать возможной их общую конкуренцию с капиталистом. Если первоначальной целью сопротивления было только поддержание данного уровня заработной платы, то, по мере того как капиталисты в свою очередь объединяются в видах репрессии, коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и перед лицом объединяющегося капитала поддержание ассоциации становится для них более необходимым, чем поддержание уровня заработной платы. Это до такой степени справедливо, что английские экономисты не мало удивляются рабочим, жертвующим добрую долю заработка в пользу ассоциаций, которые, по мнению этих экономистов, созданы только ради поддержания заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы, необходимые для грядущей битвы. Однажды достигши этого пункта, ассоциация принимает политический характер»*).

Маркс и Энгельс говорили прямо и открыто: профессиональные союзы, это — школы социализма. Профессиональные союзы имеют только «первоначальной целью» борьбу за повышение заработной платы. Основное социальное назначение их — общая защита интересов пролетариата в «гражданской войне» и в «грядущих битвах» за полную эмансипацию рабочего класса и уничтожение эксплоатации человека человеком. Таково же мнение всех последовательных марксистов.

---

*) «Нищета философии», стр. 128 русск. перев., изд. Алексеевой.

II.

Как же ставили и ставят вопрос о свободе коалиций русские марксисты в применении к общественно-политической обстановке в России? Обратимся сначала к эпохе до 1905 г.

Вырабатывая свою программу, русские марксисты, конечно, выдвинули в той части, которая формулирует минимальные требования, лозунг свободы союзов, стачек и собраний (свободу коалиции). Марксисты, однако, ставили вопрос глубоко реалистически — в лучшем смысле этого слова. Поэтому они тут же заявляли, что добиться сколько-нибудь серьезной свободы коалиций, как и ряда других свобод, действительно заслуживающих этого названия, русские рабочие могут не в результате «реформ сверху», а под давлением снизу.

Среди людей, причислявших себя (увы, без достаточного основания) тогда к марксистам, были такие, которые совершенно не разделяли указанной марксистской концепции. Мы говорим о русских ревизионистах того времени, т.-е. о так называемых «экономистах».

Наши русские б е р н ш т е й н и а н ц ы следующим образом приложили «теорию» ревизионистов к российским условиям.

. . . Главная идея западно-европейских ревизионистов заключается в том, что они «ликвидировали» с о ц и а л ь н у ю революцию и в своих построениях заменяли ее социальными реформами и мирным незаметным «врастанием» в социализм. Классовые противоречия, по их мнению, не обостряются, а смягчаются. Под влиянием «культурной» борьбы рабочего класса буржуазия будет делать уступку за уступкой, реформу за реформой. В результате этой постепенной эволюции, без всякой диктатуры пролетариата и всяких катастроф, мы в один прекрасный день проснемся в социалистическом строе. . .

В России в эту пору стоял (да и теперь стоит) не вопрос о переходе власти от буржуазии к пролетариату, а вопрос о замене крепостнического порядка режимом буржуазной политической свободы. Русские ревизионисты применили идею «врастания» к предстоящему в России б у р ж у а з н о м у перевороту. Борьбу за у н и ч т о ж е н и е крепостничества они стремились разменять на борьбу за ряд «частичных прав», «частичных уступок», которые в сумме своей должны привести к преобразованию крепостнического режима в режим более или менее полной конституционной свободы.

Это, разумеется, чрезвычайно сближало последовательных «экономистов» с либералами, но это их так же мало смущало, как и нынешних ликвидаторов, восстановивших во всей красе знаменитую либеральную теорию частичных прав и доведших ее окончательно до либерального абсурда.

«Экономисты» писали совершенно определенно, что рабочее движение не должно ставить политических задач во всей полноте. «Его первой политической задачей может быть только борьба за ближайшие политические требования, каковы: свобода союзов, стачек, собраний». (Ответ ред. «Рабоч. Дела», стр. 25.)

Марксисты, конечно, выступали против этих либеральных идей самым решительным образом. Вот как, например, оценивал теорию «частичных прав» Л. Мартов, который в ту пору был еще марксистом. Мартов писал:

— «Экономистам казалось, что, окрепнувши и организовавшись в стачечной борьбе, рабочие смогут приобрести влияние на государственную политику, заставить правительство считаться с мнением рабочих так, как оно подчас... считается с мнением фабрикантов. А затем задачей пролетариата будет добиваться, чтобы это действительное влияние было закреплено в виде политических прав. Стачки, например, станут сначала безнаказанными, а потом государство издаст закон, признающий стачки. Тоже с союзами и собраниями... Таким образом в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав. Надежда на такой путь развития была неосновательна, потому что пролетариат может приобрести хотя бы малое влияние на ход дел в государстве, только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все население.

«Эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти. А это уже вредно влияло на развитие... духа в рабочих массах». (См. 2-е изд. брошюры «Рабочее знамя в России».)

Крайне поучительно сейчас словами именно Мартова, нынешнего адвоката ликвидаторов (лишь повторяющих в вопросе о «частных правах» экономистов и еще вдесятеро усугубляющих ошибку этих последних), разоблачить ошибку писателей из «Нашей Зари». К тому же Мартов в приведенной цитате передал марксистскую характеристику ликвидаторов того времени весьма ясно и популярно.

Авторы знаменитого «Credo» Прокопович и Кускова выступали особенно последовательно с защитой либеральной рабочей

политики. Они прямо проповедывали, что политическая борьба должна быть предоставлена либералам, а рабочие должны заниматься лишь экономической борьбой. И в полном соответствии с этим они особенно усердно защищали теорию «частичных прав».

В известном «Vademecum'е» Г. В. Плеханов опубликовал мнения на этот счет г.г. Кусковой и Прокоповича.

Г-жа Кускова писала:

— «Разве защита имущественных интересов не потребует в ближайшем будущем политических прав? Но требование политических прав рабочими ничего не имеет общего с отменой... старого режима».

Недаром г. Кускова выступает ныне в либеральных органах с восхвалением ликвидаторов...

Г. Прокопович в свою очередь пояснял:

— «... Если мы говорим о том, что мы не можем теперь говорить о борьбе со старым режимом, это не значит, что мы отказываемся от политической агитации. Пожалуй, если понимать под борьбою со... старым режимом политическую агитацию, т.-е. выставление требований рабочих: право сходок, слова, собраний и т. п., — то против этого нельзя ничего иметь». («Vademecum», стр. 18, стр. 32—34.)

В переводе на простой язык—вожди «экономистов» заявляли, что они предпринимают борьбу за «частное право» именно потому, что эта либеральная борьба «ничего общего не имеет» с марксистской тактикой борьбы во всей полноте. Поучительно для оценки тактики нынешних последователей Кусковой и Прокоповича!..

Разбирая доводы Кусковой, Прокоповича, Мартынова, Кричевского и других сторонников теории «частных прав», научный орган марксистов, издававшийся в начале 900-х годов при ближайшем участии Г. В. Плеханова, П. Аксельрода и др., писал:

— «Итак, «сначала» мы добьемся свободы союзов, стачек и т. д. (т.-е. свободы коалиции. — *Г. З.*), а потом перейдем к «завоеванию полной политической свободы»... Если можно говорить об «умеренности и аккуратности» в среде с.-д., то трудно найти себе более умеренную и более аккуратную программу... Что такие политические права как свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенности личности служат необходимым условием дальнейшего всестороннего раз-

вития рабочего движения — не подлежит никакому сомнению. Но возможно ли хотя бы на одно мгновение достигнуть существования такого монстра, как всероссийское крепостничество, уживающееся со свободой союзов, и т. д.? Когда наши либералы доказывали и доказывают возможность такого совмещения, мы можем понять психологический процесс, приводящий к таким логическим абсурдам. Но мы совершенно не можем понять, как такие логические противоречия могут уживаться в головах социал-демократов» («Заря», № 1, стр. 126 и 127).

Под этими прекрасными словами, конечно, и сейчас подпишется каждый марксист. Они попадают не в бровь, а в глаз нынешним «экономистам»-ликвидаторам.

III.

В какой же плоскости развивался в последние годы контрреволюции и развивается теперь спор между марксистами и ликвидаторами по вопросу о характере агитации за свободу коалиции?

Обстановка по сравнению с до-революционной эпохой, конечно, во многом изменилась. Задача стала сложнее и труднее. Видоизменилась и аргументация той и другой стороны. Но в конечном итоге в главном и основном нынешние наши споры марксистов с ликвидаторами чрезвычайно похожи на споры марксистов с «экономистами» в конце 90-х и в начале 900-х годов.

Ни один ликвидатор не станет спорить, если мы скажем, что у ликвидаторов их постановка «коалиционной кампании» теснейшим образом связана с их более общим лозунгом: «борьба за легальность». Какой же политический смысл имеет этот последний общий лозунг, в свете которого развивается вся идейная работа ликвидаторов? Только один: «борьба за легальность» в том истолковании, которое ей придали «Наша Заря», «Живое Дело» и «Дело Жизни», означает именно борьбу за «частное право», за «обновление» старого режима путем частичных улучшений, за реформы, достижимые на почве данной легальности, — одним словом, стремление «врасти» в конституционный строй и полное неверие в другой путь.

Этого не скрывают — или по крайней мере еще недавно не скрывали — сами ликвидаторы. Ликвидаторство зарождалось

и оформлялось в течение 1908 и 1909 годов—годов самого бешеного разгула контр-революции и максимального упадка общественного настроения. Ликвидаторство, как идейное течение, теснейшим образом связано с тогдашним общим контр-революционным упадком в стране. Оно является несомненнейшим продуктом контр-революционных настроений, пышным цветом распустившихся в указанные годы... В это тяжелое время ликвидаторство, как течение, вполне и безусловно исходило из того, что никаких надежд на возобновление недавних высших форм общественной активности нет, что революция кончена, что австро-прусский путь ([6]) установлен незыблемо и что исходить из других построений могут только «революционные романтики». Ларины, Левицкие, Ежовы говорили это совершенно откровенно. Наиболее колеблющиеся ликвидаторы желали этот кардинальной важности вопрос «оставить открытым», но и они изо всех сил оспаривали декабрьское (1908 г.) решение марксистов ([7]), исходившее из неизбежности возобновления указанных форм решительной борьбы за демократию, несмотря на то, что старый строй сделал еще один шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Даже самый увертливый из ликвидаторов, г. Мартов, в ту пору писал совершенно определенно:

— «В свое время, лет 10 тому назад, смешна была мысль, что, по мере роста массового рабочего движения, пролетариату удастся закрепить свои частичные победы над своими врагами в форме завоевания отдельных политических прав.

«... Марксисты обязаны были бороться с этой утопией, которая при превращении в практику могла вести только к подмену революционных задач пролетариата частными реформистскими лозунгами... Направление всей работы... марксистов в целом определялось предстоящей перспективой постановки в определенный момент политического вопроса всего целиком, в определенной форме — «старый строй или политическая свобода?».

Все это было когда-то. Тогда борьба за «частичные права» была «смешной», а «теория» этой борьбы—«реформистской».

Теперь же совсем другое дело. Времена изменились.

— «Кризис, к которому в настоящее время движется русская жизнь, будет кризисом конституционным (курсив наш — *Г. З.*)... Двигаясь навстречу этому кризису, рабочий класс имеет полную возможность... вырывать от поднимающейся к власти буржуазии частичные уступки, способные расширить рамки его борьбы и организации».

Рядом с этим ясным заявлением, по обыкновению, следует оговорочка за оговорочкой.

В общем концепция совершенно ясна: буржуазный переворот постепенно и мирно завершается, буржуазия «подымается к власти», пролетариат отвоевывает частичные уступки. То, что было «смешно» 10 лет тому назад, становится величайшей тактической мудростью сейчас, ибо других перспектив, кроме «конституционного кризиса» (а не какой-нибудь радикальной перемены) нет и быть не может... Мартов продолжает свою мысль:

— «... Бесправные «низы» постараются реализовать для себя те формальные и фактические уступки, которые имущая «белая» кость (дворянство.—*Г. З.*) вынуждена будет делать имущей же «черной» (буржуазия.—*Г. З.*). Таков смысл формулы «борьба за легальность», которой пытались обобщить объективную тенденцию современного движения... Эта идея должна стать «регулирующей идеей», проникающей собой все частные и частичные усилия». («Возрождение», 1910 г., апрель. № 5, стр. 16 и 17.)

«Борьба за легальность» должна стать «регулирующей идеей» современного движения... Теперь Л. Мартов выразился бы значительно уклончивее. Не то было тогда. Тогда со всех ликвидаторских крыш превозносили этот «новый» лозунг. Тогда была «эра» Ларина и Левицкого...

Естественно, что марксисты не могли не восстать против этого возрождения худших сторон «экономизма». Против ликвидаторского истолкования лозунга «борьбы за легальность» восстали не только марксисты того течения, к которому принадлежит и пишущий эти строки, но также и марксисты-меньшевики. Так, Г. В. Плеханов в сентябре 1910 г. писал по этому поводу следующее:

— «В то время, когда появилось «Credo» *), даже «экономисты», сознательно сочувствовавшие Бернштейнам и Жоресам (например, Теплов и Кричевский), не решились до конца итти за его авторами в их «борьбе за легальность». Теперь главная мысль этих авторов развивается и громко защищается даже теми нашими нео-экономистами, которые наивно считают себя безупречными «ортодоксами». Времена меняются. Тогда волна освободительного движения поднималась вверх, теперь она упала. Ее падение отразилось в литературе разными эротизмами, мистицизмами, религиозными исканиями и т. д., и т. д., а в с.-д. среде оно повело к возрождению экономизма в его самой яркой и законченной форме».

---

*) Речь идет о программе «экономистов», написанной Прокоповичем и Кусковой.

Какой смысл имеет лозунг «борьба за легальность»? — спрашивает Плеханов. Если это просто борьба за политическую свободу, тогда марксисты ведь давным давно этот лозунг выставили и эту борьбу ведут. Ликвидаторы придают этому лозунгу какое-то другое, «новое» толкование. «Но какой же смысл придают ему их толкования?» — спрашивает Плеханов, и отвечает:

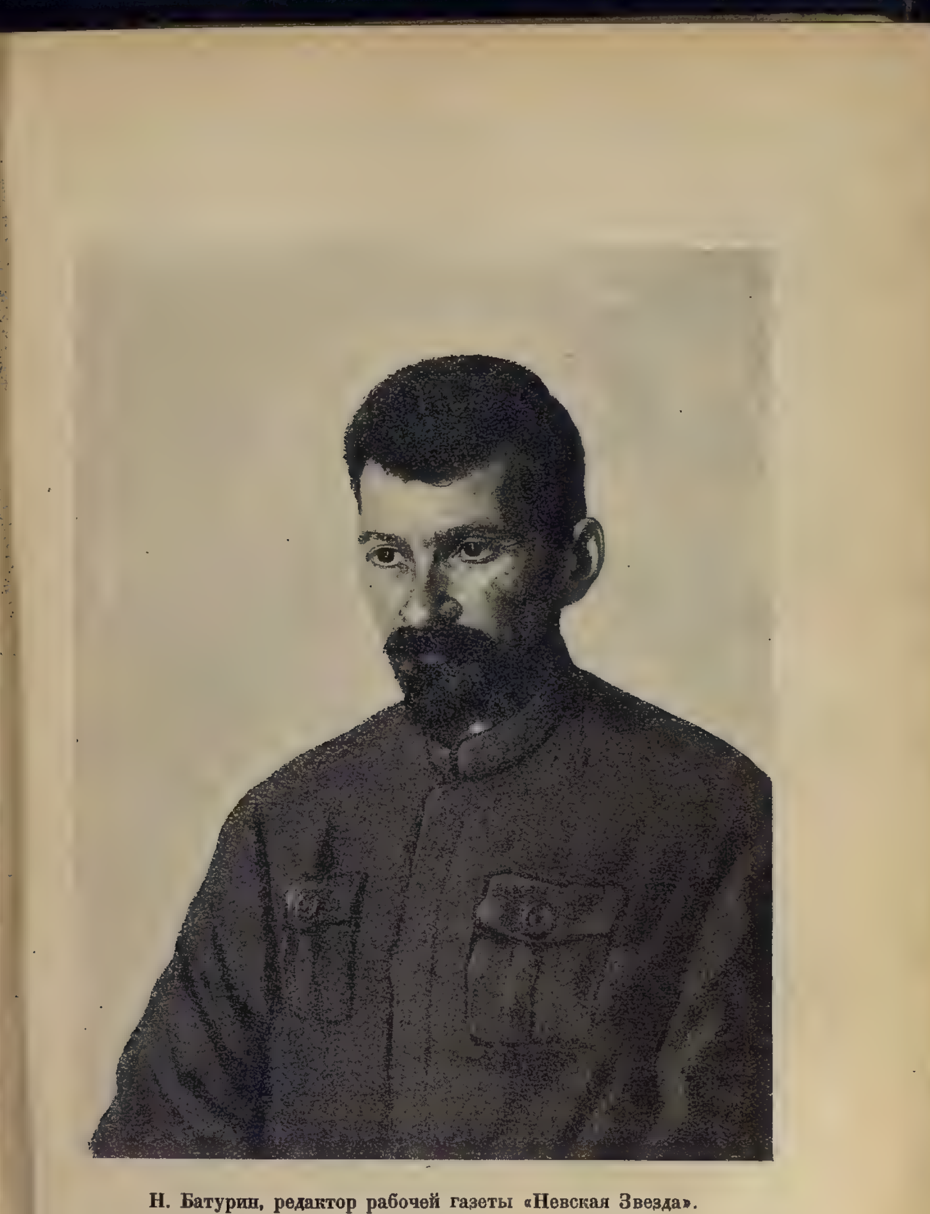
— «Тот самый, какой он получил еще под пером публицистов «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» *). Это в лучшем случае. Бывает еще так, что новые истолкователи старого «лозунга», в своем усердии не по разуму, делают его совершенно бессмысленным».

Ликвидаторское истолкование «борьбы за свободу коалиции» есть лишь частное применение их общей формулы «борьба за легальность». Последняя, по единодушному мнению марксистов обоих течений, есть не что иное, как «возрождение экономизма в его самой яркой и законченной форме, не что иное, как продукт либеральной рабочей политики...

Надо точно условиться, о чем идет спор. Некоторые ликвидаторы и их помощники представляют дело так, будто спор идет из-за того, что мы, марксисты, просто якобы недооцениваем великого значения свободы коалиции для рабочего класса и поэтому отказываемся от борьбы за свободу коалиции. Это, конечно, вздор, которому поверят либо очень неосведомленные в наших спорах, либо очень недалекие люди. Едва ли этому «объяснению» наших споров верят сами ликвидаторы. Много ли сообразительности нужно, чтобы понять, что если марксисты борются, скажем, против знаменитой ревизионистской формулы Бернштейна «движение — все, конечная цель — ничто», то это еще вовсе не значит, что марксисты «недооценивают» движения или «отказываются» от движения? Этакое «объяснение» наших споров у некоторых ликвидаторских журналистов есть простая «диверсия», рассчитанная на демагогию и непонимание, имеющая задачей отвести спор в сторону **). Есть ликвидаторы, которые искренно

*) Органы «экономистов».

**) Совершенно в таком же духе поступают некоторые — по счастливой характеристике Г. В. Плеханова — «Милюковы ликвидаторства» и в других вопросах. Например, в вопросе об единстве марксистских рядов. Еще, можно сказать, вчера Дан писал в «Нашей Заре» прямые руководства к истреблению анти-ликвидаторов. Еще вчера Потресов и Левицкий объявляли, что партии вообще не существует, а уже сегодня все эти господа, для «дипломатических» надобностей, во все горло кричат о своем миро-

Н. Батурин, редактор рабочей газеты «Невская Звезда».

заблуждаются на этот счет. Опять-таки повторяется история с «экономистами». Когда «экономистам» указывали на всю нелепость и угловатость их «стачкизма», т.-е. их однобокого возведения экономической стачки в сан единоспасающего средства борьбы «с хозяевами и правительством», — некоторые из них искренно восклицали:

— Так, значит, вы против экономических стачек?

Когда им указывали, что, низводя всю борьбу рабочего класса до борьбы за «копейку на рубль», они принижают движение пролетариата, — эти добрые люди с той же искренностью заявляли:

— Так стало быть вы не считаете важным, чтобы рабочие вели борьбу за повышение заработной платы?

Им и в голову не приходило, что ортодоксальные марксисты придают огромное значение *и* экономическим стачкам, *и* повышению заработной платы, но именно поэтому марксисты и требовали самостоятельного участия пролетариата в политике...

Так и теперь с борьбой за свободу коалиций. Марксисты говорят: свобода коалиций нужна нам, как воздух для легких. Бороться за нее необходимо, но мы хотим не только бороться, но и победить. Поэтому нам необходимо уяснить себе условия, при которых единственно возможна победа, поэтому нам нужно борьбу ставить так, чтобы она была действительно борьбой, чтобы она била в точку. Ведь вот и кадетская «Речь» и беззаглавно-либеральные «Запросы Жизни» заявляют теперь, что они тоже за свободу коалиций. Может ли быть сомнение, что, следуя их либеральной постановке «борьбы за свободу коалиций», рабочие не приближались бы, а отдалялись бы от действительного завоевания свободы коалиции? Беда нашего либерализма не только в том, что он ставит узкие цели народному движению, но и в том, что он систематически сеет либеральные иллюзии насчет того, при каких условиях возможна победа народной свободы даже в этих узких пределах. Совершенно ясно: существует марксистская борьба за свободу коалиций и — либеральная постановка этой борьбы.

любии и «примиренчестве», о том, что они «за единство, против раскола» (раскола чего? — ведь, если что-нибудь не существует как целое, то этого и расколоть нельзя) и т. п. «Игрушечного дела людишки!» Этих резких слов Г. В. Плеханова указанная группа ликвидаторов вполне заслужила.

Неужели кто-нибудь может отрицать, что часть наших либералов теперь склонна защищать свободу коалиций? Неужели кто-нибудь станет отрицать, что в их постановке лозунг «свобода коалиций» превращается в либеральный лозунг?

Марксисты ставят требование свободы коалиций в тесную и неразрывную связь со всеми остальными своими основными демократическими лозунгами.

Когда ликвидаторам говорят: ваша постановка борьбы за свободу коалиций есть либеральная постановка, они обижаются и спешат ответить негодующе, что свободу коалиций мы объявляем либеральным лозунгом. Бедняги никак не могут понять, что речь идет не о том, хороша ли или плоха для рабочих свобода коалиций, не о том, нужно ли рабочим бороться за свободу коалиций, а только о том, что есть две постановки этой борьбы за свободу коалиций (как и за всякую другую реформу): марксистская и либеральная. Отсюда у ликвидаторов и их друзей—в роде Троцкого—жалкие попытки объяснить принципиальный спор какими-то кружковыми счетами, чуть не «личностями».

Посмотрим, например, на Л. Мартова. С какой беспомощностью говорит он хотя бы, например, в апрельской книжке «Нашей Зари» о необъяснимой «холодности (с.-д. думской) фракции к коалиционной кампании»! Думская фракция, — пишет Мартов,—«оказалась не в состоянии стать во главе первого движения в массах, явившегося в немалой мере результатом агитационного успеха ее думской деятельности. Я говорю о коалиционной кампании, в которой фракция, как целое, не пришла на помощь передовым рабочим в должной мере» *).

С точки зрения ликвидаторов — поистине загадочное происшествие. Сама думская фракция вела агитацию за свободу коалиции. Агитация эта успех имела, а между тем думская фракция какими-то неисповедимыми путями выказывает «холодность» к ликвидаторской «коалиционной кампании». Нечто совершенно непонятное. Мартовы с Троцкими опять спешат и здесь объяснить все дело борьбой кружков и лиц и злокозненной «фракционностью». Беднягам невдомек, что ларчик открывается очень просто: с.-д. фракция, как и все марксисты, ведет посильную агитацию за свободу коалиции, как и за свободу слова, печати, 8-часовой рабочий день и т. д. Эта ее агитация падает на благодар-

*) «Наша Заря», № 4, 1912 г., стр. 10.

ную почву и имеет большой успех, как признает даже Мартов. Думская социал-демократическая фракция отказывается примкнуть к ликвидаторской постановке агитации за свободу коалиций и к ликвидаторской проповеди «борьбы за легальность».

Третья Дума и разыгрывающаяся в ней борьба, Марковы 2-е и Пуришкевичи, которых социал-демократическая фракция видит живьем и политическую диктатуру которых она осязает непосредственно, — все это не располагает фракцию к легалистской маниловщине, к вере в постепенное «врастание» в конституционный строй, являющийся в результате борьбы за «частичное право». Вся политическая обстановка, наоборот, располагает думскую социал-демократическую фракцию к политическому реализму в лучшем смысле этого слова. Она отвергает ликвидаторскую «коалиционную кампанию», но она всеми силами поддерживает марксистскую агитацию за свободу коалиции, объясняя рабочему классу всю тесную и неразрывную связь этого требования со всей суммой демократических требований. Думская фракция, не боясь обвинений в том, что ее агитация «стереотипна» (см. ст. Мартынова в «Нашей Заре», № 6 за 1911 г.), ведет выдержанную марксистскую линию, и за это Мартовы обвиняют ее в «холодности» к борьбе рабочих.

Когда ликвидаторы начинали свою «коалиционную кампанию», их виднейшие представители писали прямо:

— «Политика «великих праздников» должна быть оставлена... Выставив положение «борьба за свободу коалиции», петербургские рабочие (не петербургские рабочие, а — Ежов с Левицким. — *Г. З.*) осуждают тактику громкой фразы» *).

И дальше:

«Характерно, что она («петиционная кампания» **) с лозунгом «свобода коалиции») выливается не в форме старых избитых фраз. Дума скверна, никуда не годится, укрепляет реакцию» и пр. ***). Все это может быть и так: 3-я Дума, конечно, скверна

*) «Наша Заря», № 3, 1911 г., стр. 69, ст. г-на Б. Богданова.

**) О самой «петиционной кампании» теперь распространяться не стоит; теперь уж всем ясно, что это была пустая кабинетная, чисто интеллигентская затея, никакого успеха в массах не имевшая. Носиться с этой не состоявшейся «кампанией», как с писанной торбой, способен только еще разве Троцкий, продолжающий суетиться вокруг этой мнимой «кампании», устраивать «анкеты» о ней и т. п.

***) «Наша Заря», № 3, 1911 г., стр. 70.

и укрепляет реакцию, но зачем об этом кричать, зачем говорить «избитые», «старые» фразы! Нужно вести «борьбу за легальность». И вовсе еще ничем не доказано, что 3-я Дума не «даст» нам свободы коалиции».

Когда из рядов даже дружественных ликвидаторам стали указывать, что третья Дума «дать» свободы коалиций не может, и что рабочим как-никак надо сказать это прямо,—«Наша Заря» объявила эти указания «метафизикой», а своих друзей, сделавших эти указания, обругала — большевиками!

Этот инцидент стоит более подробного рассказа.

В первой половине 1911 года состоялось «совещание деятелей легального движения». Из присутствовавших многие были тесно связаны с ликвидаторами. Решения прошли в духе кающегося ликвидаторства: «совещание» сделало много уступок духу времени и марксистам.

В частности, по вопросу о свободе коалиции «совещание» высказалось так: оно одобрило «коалиционную кампанию», но поставило на вид, что в агитации «должно быть ясно оговорено, что рабочие на 3-ю Думу не возлагают надежд, а пользуются ею, чтобы огласить свои требования».

Кажется, довольно скромное и для марксистов само собою разумеющееся указание. Не так взглянула «Наша Заря». Она заявила, что такие сторонники «коалиционной кампании», как участники указанного совещания легальных деятелей, «нередко поддаются влиянию большевистской (искренно благодарим за комплимент. *Г. З.*) идеологии».

«С агитационной точки зрения, — писала «Наша Заря», — этот прием (сказать рабочим, что не следует возлагать надежд на 3-ю Думу) ничего, кроме вреда (!) принести не может, так как необходимым условием вовлечения рабочих масс в движение за какое-нибудь конкретное требование является вера (вера в Думу Пуришкевича и Гучкова—в данном случае.—*Г. З.*) в то, что их борьба будет иметь осязательный успех».

Так проповедывала прямой обман рабочих ликвидаторская «Наша Заря». Она продолжала:

«Указанный прием (легальных деятелей) не выдерживает критики и в других отношениях: он не может быть оправдан исторически... он не может найти себе достаточного оправдания и в условиях теперешней России. Чистейшей метафизикой

является мысль о том, что до такой-то политической черты в данном строе (т.-е. **при режиме 3 июня!** — *Г. З.*) исключена возможность коалиций, а за этой чертой эти возможности начинают процветать».*)

Если это не либеральная постановка борьбы за свободу коалиции, то что же это такое?

Теперь ход борьбы принудил уже наиболее «чутких» из ликвидаторов начать полегонечку поворачивать. Мартов, в уже цитированной статье «Молитвенное усердие», пишет, что рабочие, «конечно, знают», что от третьей Думы «мы не дождемся свободы коалиции». Очень хорошо. Рабочие «знают», а публицисты и литераторы ликвидаторов? Справьтесь у Коссовского и «Нашей Зари», что думают они об этом, и смотрите, не объявят ли они вас «большевиком» или, по меньшей мере, «метафизиком». Тот же Мартов теперь пробует изобразить, будто ликвидаторская постановка «коалиционной кампании» имела только благую цель: по мере сил «расшатывать» третьеиюньский режим, одержимый «внутренними противоречиями», а вовсе не какую-нибудь «борьбу за легальность». Если бы это было так, — споров никаких не было бы. Если бы и с вашей точки зрения в перспективе был не «конституционный» кризис, а расшатывание здания, вы легко согласились бы с нами, марксистами, и не стали бы говорить жалких слов о «кровавом (!) оскорблении», наносимом нами рабочим, которым мы будто бы внушаем, что борьба за «частное право» поведет рабочих (?) на путь зубатовщины (см. «Живое Дело», № 15).

Рабочие очень недурно «расшатывали» здание, скажем, в 1903 и 1904 годах. Они в ходе борьбы захватывали одну за другой отдельные вольности. Союзы печатников завоевывали явочным путем свободу слова и т. д. «Расшатывали» старую постройку и самочинные организации рабочих, но не об этом спор. Потрудитесь сказать прямо, что для того, чтобы завоевать и обеспечить полную свободу коалиций (как и свободу слова и ряд других свобод), — надо расшатать здание.

---

*) «Наша Заря», № 9—10, 1911 г., стр. 21, 22, ст. ликвидатора г. Коссовского. Оговорок от редакции никаких, значит — солидарность с автором полная.

IV.

Еще одно важно принять здесь во внимание. Двум вышеочерченным концепциям борьбы за свободу коалиций соответствуют и две различные концепции социального назначения рабочих профессиональных союзов вообще и два различных взгляда на то, в каком отношении профессиональные союзы должны находиться к партии.

Кто уверяет буржуазию, что свобода рабочих коалиций принесет ей одно удовольствие, кто лелеет мечту о безболезненном «восстании» и безмятежной «борьбе за легальность» — тот, естественно, считает, что единственной задачей профессиональных союзов является борьба за «копейку на рубль», что союзы должны быть строго «нейтральны» к политике и к партии «никакого отношения» иметь не должны. Таков либерально-ревизионистский — у нас, в России, ликвидаторский — взгляд, такова одна концепция.

Кто же разделяет вышеприведенный взгляд Маркса на значение рабочих коалиций, тот, естественно, считает, что профессиональные союзы не могут быть «нейтральны», что они не могут чуждаться политической борьбы, что между ними и рабочей партией должны быть самые тесные, неразрывные отношения. Таков взгляд марксистов.

Всюду в Западной Европе «нейтрализм» все больше и больше теряет всякую почву под ногами. Все более и более разгорающаяся классовая борьба крушит вдребезги нейтралистские мечтания.

Возьмем Англию, страну классического нейтралитета, обетованную землю узкого трэд-юнионизма. Разве не ясно, что могучие стачки, как лавина катящиеся по Англии за последние годы, каленым железом выжигают мелкобуржуазную иллюзию, будто «политика» — одно, а «экономика» — другое, и будто рабочие союзы, заинтересованные только в «экономике», должны быть нейтральными. Вся обстановка стачечной борьбы в Англии, все перипетии этой борьбы таковы, что она, как вполне верно заметил Каутский *), наглядно убеждает каждого рабочего в необходимости иметь самостоятельную классовую партию и в необходимости теснейшей связи между союзами и рабочей партией.

*) См. его недавнюю статью против нейтрализма, помещенную и в петербургской ежедневной рабочей газете «Правда».

Возьмем мелкобуржуазную Швейцарию. Швейцарская социал-демократия, в которой так сильны ревизионистские влияния, долго держалась за идею нейтрализма. Ход классовой борьбы и ее заставляет сдать эту позицию. Еще недавно вышли в свет две брошюры, содержащие доклады, одобренные съездом швейцарской с.-д., в которых авторы — Гримм ([8]) и Эугстер-Цюст ([9]) отряхают нейтралистский прах с ног своих и заявляют: «партия и профессиональные союзы должны входить в сношения не только от случая к случаю, но — постоянно. Ибо нет ни одного партийного вопроса, который не затрагивал бы профессиональных союзов, и «обратно».

О Германии и говорить нечего. Нейтрализм отмирает, пароль «партия и профессиональные союзы едино суть» становится общепризнанным, — говорит Каутский. Больше чем когда-либо все марксисты *) едины в том, что «нейтрализм» глубоко вреден для рабочего движения.

У нас в России «нейтрализм» менее всего желателен и менее всего возможен. Защищать его до конца могут только партии и группы, слабые среди рабочего класса (народники, либералы и т. п.; черносотенные «нейтралисты», конечно, не в счет). При нейтральности и эти слабые группы надеются добиться «равноправия», надеются облегчить себе доступ в рабочие профессиональные союзы и работу отвлечения пролетариата от классового знамени с.-д. Нейтрализм настолько беспочвенен в России, что даже отдельные деятели, близкие к ликвидаторам, начинают от него открещиваться. Так, в последней книжке «Нашей Зари» такой писатель как К. Дмитриев заявляет, что «жизнь втягивает кооперативы в политику, а политика требует партийного самоопределения. Как и в профессиональном движении, политическая (не организационно-партийная) нейтральность и здесь — ничего не прикрывающий фиговый листок» . . .

---

*) Было время, когда Август Бебель из практических соображений делал уступки нейтрализму. Наши российские нейтралисты, несомненно, сильно преувеличивали уступчивость Бебеля, когда записали его по своему ведомству. Вот что писал сам Бебель еще в начале 1900-х годов:

«Прежде всего я должен протестовать против того извращения мыслей, которое особенно распространено среди известной части буржуазной печати и которое приписывает мне защиту неполитических професиональных союзов, или, что то же, некоторого рода нейтралитета. Такой мысли у меня не было и не могло быть». (См. «Профессиональное движение и политические партии», изд. Алексеевой, стр. 3.)

Всегда ли «организационно-партийная» связь невозможна и не нужна — об этом мы с К. Дмитриевым еще успеем поспорить. Пока же по поводу его решительного осуждения нейтрализма мы можем сказать только: в добрый час!... Давно пора!...

Нейтрализм всюду в странах старого рабочего движения отмирает. Местами он послужил немалым тормозом для развития рабочего движения. У нас в России мы должны не дать упрочиться нейтрализму, дабы он не мог стать таким тормозом. Марксистской агитации за свободу коалиции должен соответствовать марксистский взгляд на значение профессиональных союзов и их взаимоотношения с рабочей партией.

* *
*

Наше русское рабочее движение опоздало, по сравнению с западно-европейским, на ряд десятилетий. Зато мы должны суметь воспользоваться великими уроками борьбы европейского рабочего класса и, в первую голову, — его борьбы с буржуазными влияниями на отсталые слои пролетариата. Мы должны иметь в виду, что наша буржуазия и наши правящие круги тоже учились у «Запада». Они тоже по-своему учитывают опыт «Европы». Да они и своего опыта накопили немало в недавние бурные годы русской истории. Возрождающемуся движению они будут оказывать сопротивление гораздо более отчаянное, чем когда бы то ни было до сих пор. Задачи, стоящие перед русским рабочим классом, необычайно сложны и трудны, но он справится с ними, несмотря на многочисленность врагов и вопреки колебаниям, вносимым не понявшими великих задач российского пролетариата друзьями. Н. Г. Чернышевский недаром говорил, что «история как бабушка страшно любит младших внучат». История, надо полагать, выкажет особую нежность к таким «младшим внучатам», как молодой российский рабочий класс. Этот класс уже в юном возрасте развернул такое великое богатство духовных сил, перед которым в изумлении остановится весь западно-европейский пролетариат. Нет сомнения: русское рабочее движение через все препятствия вновь выходит на широкую дорогу и готовится довести до конца свою освободительную миссию...

* *
*

P. S. Статья эта была написана непосредственно за ленскими событиями. После ее написания появилась (в № 5 «Нашей Зари») статья Троцкого, направленная специально против меня.

Автор настоящих строк не видит оснований подробно останавливаться здесь на этой статье Троцкого. В главном и существенном Троцкий дал только перепев статей Мартова, Ежова, Левицкого и других ликвидаторов. Что касается специальной барабанной «полемики» Троцкого, то останавливаться на ней и подавно не стоит.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в журнале «Просвещение», № 8—9, июль—август 1912 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

²) **Апрельско-майские политические забастовки** — вызваны были расстрелом рабочих на Ленских приисках. Даже по официальным сведениям, несомненно преуменьшенным, в 1912 г. было 2.032 стачки. Кроме забастовок протеста по поводу ленских событий, рабочие ознаменовали тот год демонстрациями 1 мая и после вынесения приговора севастопольским морякам.

³) **Февральская революция** — вооруженное восстание в Париже. 23—25 февраля 1848 г., при сочувствии средней и мелкой буржуазии решительным выступлением пролетариата была уничтожена так называемая «июльская монархия» короля Луи-Филиппа, занявшего престол после июльского переворота 1830 г. Эпоха Луи-Филиппа, по характеристике К. Маркса, была «не чем иным как акционерной компанией для эксплоатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, 240.000 избирателей и их присными. Луи-Филипп был директор этой компании». В февральские дни рабочий класс, лишенный всех политических прав, выступил на борьбу с финансовой аристократией. Он заставил буржуазию провозгласить республику, от которой ожидал коренного изменения своего социального положения. Но на деле оказалось, что все содержание февральской революции свелось лишь к укреплению буржуазного режима под республиканским флагом. 22 июня 1848 г. парижский пролетариат вновь выступил на улицы, которые быстро покрылись баррикадами. Военный министр Кавеньяк, фактически располагавший правами диктатора, дал движению разрастись, чтобы потом нанести рабочим удар, от которого они долго не могли бы оправиться. Рабочие защищались отчаянно, впервые появились красные знамена, ставшие после этого революционным символом пролетариата. Погибло не менее 3.500 революционеров, около 5.000 были осуждены военным судом в каторгу.

⁴) **Брентано, Л.** — германский экономист. В данном случае подразумевается его труд «Профессиональные организации» (есть русский перевод 1903 г.). Брентано явился одним из основоположников так называемого «катедер-социализма» — профессорского социализма. «Катедер-социалисты» признают необходимость фабричного законодательства и профессиональных рабочих союзов, но отказываются от научного социализма, так как стремятся сохранить буржуазное общество. Ф. Меринг характеризует его как «бунт молодых ученых против старозаветной мудрости,

бунт, выросший в академической теплице». Сплоченной экономической школы «катедер-социализм» не дает. Брентано типичен тем, что считает возможным спасение буржуазного строя. Едва ли не интереснейший его труд—«Опыт теории потребностей» (есть русское издание, Казань. 1921 г.).

⁵) Шульце-Делич, Г. — германский экономист (1808 — 1883). Впервые он обратил на себя внимание еще во время революционной бури 1848 г. Его почину принадлежит организация первого в Германии рабочего ссудного товарищества, и впоследствии он стал уже ревностным пропагандистом разных форм подобных товариществ. С конца 50-х гг. Шульце-Делич принимает участие в основании и развитии «прогрессистской» партии, которая возникла из соединения старой либеральной партии с буржуазными демократами, отказавшимися даже от требования всеобщего избирательного права. С этого времени Шульце-Делич получает широкое признание среди буржуазии, так как рекомендуемые им организации строятся исключительно на принципе самопомощи рабочих при отказе от какой бы то ни было политической борьбы. Рабочие не должны бороться с капиталистами, они действуют лишь сбережениями и, накопляя средства, вступают в конкуренцию с капиталом. Методы Шульце-Делича, его конечные цели, естественно, не встретили ни малейшего сочувствия у пролетариата и за ним пошли исключительно ремесленники, мелкие самостоятельные производители. «Катехизис немецких работников» Шульце-Делича — напечатанная сводка ряда его публичных выступлений — уверял рабочих, что «капитал есть верный помощник человека в производстве». Теорию и практику Шульце-Делича политически верно оценил консервативный деятель того времени Мейер, отметив, что в выдуманных Шульце-Деличем союзах «цвет рабочего класса должен был получить такую дрессировку, чтобы буржуазия могла вербовать в его среде преданнейших унтер-офицеров и с их помощью усиливать свое влияние на массу». Энергичным разоблачителем тлетворного учения Шульце-Делича был Ф. Лассаль, издавший (в 1864 г.) книгу «Господин Бастиа-Шульце из Делича».

⁶) Австро-прусский путь — соотношение общественно-социальных сил в России, проявившееся после революции 1905 г. в пору столыпинского режима. Большевизм ясно учитывал, что русская контр-революция по своему классовому содержанию являлась продуктом объединения вокруг монархии Николая II всех оттенков имущих классов. Последние заключили блок, в который входили: крепостническое дворянство, капиталистическое землевладение, состоятельная буржуазия, духовенство и бюрократия. Система, формулированная «третье-июньским» строем, была отчетливым этапом на пути превращения абсолютистского строя в буржуазную монархию, которая строилась на сделке между феодальными и буржуазными элементами этого блока. В результате ряда компромиссов резко обозначилась гегемония крупной буржуазии как группировки, экономически наиболее сильной. Таким образом, буржуазная Россия вступала на путь общественного движения, аналогичный австро-прусскому в прошлом.

⁷) Декабрьское решение марксистов — Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П., состоявшаяся в декабре 1908 г. На ней

партия выявила свой взгляд на политическое положение России в связи с победой контр-революции. Основной тезис доклада В. И. Ленина констатировал, что, «став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала» (см. Собрание сочинений Г. Зиновьева, т. I, стр. 130 — 136).

[8]) **Гримм, Р.** — швейцарский социал-демократ, автор изданной в 1911 г. в Берне книжки: «Die Gewerkschaftsbewegung als Folgeerscheinung der kapitalistischen Wirtschaftsweise» — «Профессиональное движение как следствие капиталистического хозяйства».

[9]) **Эугстер-Цюст, Г.** — швейцарский социал-демократ, автор доклада на Сен-Галленском съезде швейцарских профессиональных союзов (1911 г.). Доклад этот был отпечатан в том же году, в Цюрихе, под заглавием: «Muss ein gewerkschaftlich organisierter Arbeiter Socialdemokrat sein?» — «Должен ли профессионально организованный рабочий быть обязательно социал-демократом?»

ОТВЕТСТВЕННЫЕ И БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЕ (1).

Дело Кузнецова—Гололобова недаром названо было казусным делом. Г-н Гололобов, когда он еще не был вице-губернатором, а был депутатом 3-й Думы, привлек к ответственности Кузнецова, а также всех остальных с.-д. депутатов (и трудовиков) за «клевету», которую Гололобов узрел в запросе, внесенном социал-демократами в 3-й Думе (2).

Дело это долго мытарили по всем инстанциям. Сразу не решились отменить свободу слова депутатов Думы.

Но уже летом этого года, когда дело это рассматривалось в 1-м департаменте сената, газеты сообщали, что многие члены департамента высказывались в том смысле, что «все зависит от обстоятельств», что произнесенную в Думе речь необходимо в каждом отдельном случае подвергать всесторонней оценке в связи со всей совокупностью условий и обстоятельств» («Правда», № 58).

Попросту говоря, это значило: депутат депутату—рознь. Одно дело — Пуришкевич с братьей, другое дело — рабочие депутаты.

Теперь по делу Кузнецов—Гололобов дано сенатское решение: член Думы подлежит уголовной ответственности за суждения и мнения как в заседаниях Гос. Думы, так и в отделах и комиссиях.

Если это решение будет проводиться в жизнь полностью, это будет попросту значить, что у депутатов отнята свобода слова, что единственный уголок в России, где можно было говорить более или менее свободно, теперь «разъяснен». Не успеет еще депутат сказать речь, как затронутые им чины администрации и просто частные лица уже тащат депутата в суд. Хороша свобода слова, хороша депутатская неприкосновенность!..

Формально это разъяснение относится ко всем депутатам, без различия партий. На деле, конечно, будет иное: правые по-прежнему будут безответственны, левые будут ответственны за все то, что не понравится тому или иному Гололобову.

Ведь против Пуришкевича уже раз пробовали поднять дело за речь, произнесенную им в 3-й Думе. И что же? Немедленно было разъяснено, что закон этого не допускает, что депутаты пользуются свободой слова. А ныне оказывается совсем иное.

Попытка поделить депутатов на ответственных и безответственных логически вытекает из всего того «делания» выборов в 4-ю Думу, по поводу которого взвыли даже октябристы и нацио-

налисты. Рабочие депутаты 4-й Думы лишь в той мере смогут бороться против затыканья им рта, в какой за ними будет поддержка самих рабочих масс...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 157, от 1 ноября 1912 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Запрос с.-д. (5 дек. 1911 г.) имел в виду убийство в 1907 г. члена 2-й Гос. Думы—трудовика Караваева. В распоряжении с.-д. фракции при запросе были неопровержимые документы, устанавливавшие непосредственное отношение депутата Гололобова—правого—к убийству, совершенному по его инициативе и при его организационной помощи. Гололобов «обиделся» и привлек члена с.-д. фракции Кузнецова к суду за «клевету». (См. ниже, ст. «Депутатская неприкосновенность» (стр. 220).

ОТКРОВЕННОСТЬ [1].

Что попытка лишить думских депутатов свободы слова направлена исключительно против левых партий, в первую голову против с.-д.,—это было ясно с самого начала. Факты всегда говорят громче слов. Когда жалобе г. Гололобова против социал-демократов дали ход, а Пуришкевича по аналогичной жалобе освободили, всякому должно было стать ясно: есть две мерки—одна для черных, другая—для представителей рабочего класса и крестьянства.

Недавнее решение сената, направленное к лишению депутатов свободы слова, реакционеры пытались обосновать «юридически» и выдать за меру, которая одинаково будет-де распространена и на правых и на левых и которая, якобы, имеет целью только «благодетельную борьбу с клеветой».

Но казенная «Россия» недолго удержалась на «юридической» почве и откровенно призналась, что речь идет просто-напросто о политической мести левым депутатам.

На этих днях эта малопочтенная газета раскрыла карты. Она заявила прямо:

«Куда они (левые) стремятся, что именно защищают и против чего спорят—во всем этом нет ни одной частности, которая представлялась бы неясной. Следовательно, сколько бы ни прикрывались и как бы ни подходили к вопросу, то главное и основное, во имя чего ведется борьба, прикрытым не останется. И в этом отношении решение сената, которое так не нравится левым, поставило вопрос с полной определенностью». («Россия», № 2133.)

Это—откровенная постановка вопроса. Это—прямая угроза с.-д. депутатам. Речь идет уже не о «клевете» с думской трибуны, а просто о том, что «защищают» и против чего «спорят» левые.

Левые «защищают» демократию и «спорят» против реакции. И вот именно за это левых депутатов будут предавать суду.

Правые «защищают» реакцию и «спорят» против демократии. В награду за это правым депутатам—и только им—обеспечивается свобода слова.

«Как бы ни «прикрывались» левые депутаты, «как бы ни подходили к вопросу»,—угрожает казенная «Россия»,—левым депутатам будут затыкать рот и тащить их в суд. Ибо... ибо Пуришкевичам не нравится то главное и основное, во имя чего ведется борьба.

Это — по крайней мере, откровенно. Карты раскрыты, карты на столе. Коротко и ясно нам заявляют: с.-д. депутатов будут преследовать за то, что они — с.-д., за то, что «главное и основное», во имя чего народ послал их в Думу, не нравится реакционерам.

Так и запишем, господа из «России»...

Однако, ведь вы по опыту знаете, что попытки «разъяснения» не всегда сходят вам «гладко»...

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 158, от 2 ноября 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

ДЕНЕЖНЫЙ МЕШОК НА ВЫБОРАХ В ДУМУ (1).

Мы говорим не о том денежном мешке, при щедрой помощи которого восторговцы «делали» выборы. Мы говорим о русском купце, о русском денежном тузе—о тех, которые в крупных городах составляют цвет так называемой 1-й курии.

Этот денежный мешок «полевел», это—несомненнейший факт. Если московский провал октябристов по 1-й курии еще можно было отчасти объяснить ненавистью к лицу, борьбой просто клик, то интересная победа безымянных прогрессистов (каких-то Барышниковых (2) над именитыми октябристами ясно показывает, что денежный мешок хотел выбрать не октябриста, а кадета.

А еще более знаменательны недавние выборы от промышленников в Государственный Совет. Выбирали «настоящие» купцы и промышленники, господин капитал здесь был представлен в его самом чистом виде. И он выбрал опять-таки—кадета и «прогрессиста». (3)

Пока что реакционеры только огрызаются по поводу этого фрондирования капитала. На избрание промышленниками кадетов в Государственный Совет казенная «Россия» нашлась ответить только указанием, что эти промышленники «должны расцениваться как элементы, объявившие борьбу умеренным русским кругам». Капитал выбирает кадетов—тем хуже для капитала... На этой позиции реакционеры удержатся недолго. Мошна—для реакции великая штука...

Либеральные рабочие политики по поводу провала Гучкова уже дописались до уверений, будто «даже пролетариат, в свое время сильно напугавший этого самого солидного» обывателя, теперь кажется для него более приемлемым, нежели гучковская конституция («Луч», № 36).

Это—явное и чрезвычайно вредное преувеличение. Первокуриальный, «самый солидный», избиратель только предпочел октябристу правого кадета и бесформенного «прогрессиста». А отсюда до предпочтения «пролетариата» гучковцам—дистанция огромного размера.

Именно о представителях пролетариата эти господа и слышать не хотят. Новинка нынешних выборов, между прочим, заключается в том, что в ряде случаев (Рига, Екатеринодар, Петербург и пр.)

реакционеры прямо соединялись с кадетами для провала именно представителей пролетариата.

Марксисты говорят: да, «самый солидный» избиратель 1-й курии будирует, да, он недоволен, он «левеет», он ворчит на Пуришкевичей, — учтемте это, используемте это. Но знайте, что в борьбе против подлинной демократии, против «напугавшего» его пролетариата, «левеющий» буржуй завтра соединится с Пуришкевичем. Победить можно не только вопреки Пуришкевичу, но и вопреки «левеющему» сейчас крупному буржуа.

А у либерала настолько от радости в зобу дыханье сперло, что он говорит несуразности, будто «самый солидный» буржуа готов предпочесть представителей пролетариата гучковцам.

Денежный мешок сейчас ворчит против черной сотни, — он «левеет». Надо готовиться для борьбы и против черной сотни и против «полевевшего» на неделю (пока опять не превратится в испуганного) денежного мешка. Такова точка зрения рабочей демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 160, от 4 ноября 1912 г. подпись — «Г.».

²) Барышников, А. А. — петербургский архитектор, из богатой купеческой семьи, домовладелец, был проведен в 4-ю Гос. Думу под кадетским флагом, хотя формально числился «прогрессистом».

³) Кадет и прогрессист, избранные от промышленников в Гос. Совет — Е. Л. Зубашев и П. Ф. Иорданов. Первый из этих «промышленников» приобщился «денежному мешку» после директорства в томском технологическом институте, затем завел «сибирское товарищество печатного дела» и стал принимать участие в железнодорожном строительстве. Иорданов же, врач по образованию и по основной профессии, попал сперва в таганрогские городские головы, а затем сделался петербургским представителем таганрогского биржевого комитета.

РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ (1).

Постыдный торг неграми уже давно воспрещен. Но это вовсе не значит, что совсем опустели невольничьи рынки. К счастью для рабовладельцев, существуют еще такие страны, как Россия, из которых голод и холод выгоняют в далекие края десятки тысяч нищих и бездомных людей, становящихся предметом простой купли-продажи для плантаторов.

В печати не раз уже приходилось читать о том, как бесчеловечно жестоко обходятся с русскими рабочими-переселенцами плантаторы Гавайских островов (2). При чтении этих описаний волосы становятся дыбом и как-то невольно переносишься воображением в те времена, когда открытая торговля рабами не считалась зазорной и когда раба откровенно трактовали как скот.

Недавно газеты сообщили, что в Рио-де-Жанейро (3) устраивается новый невольнический рынок для русских рабов. Передают, что в устройстве этого рынка неволи, горя и страданий для русских крестьян и рабочих деятельное участие принимает наш добровольный флот, созданный, как известно, на народные деньги. «Новое Время» сообщает, что в договоре добровольного флота с директором бразильского переселенческого управления имеется следующая, совершенно неслыханная статья:

Добровольный флот обязуется не рекомендовать переселенцам определенной колонии и не давать им никаких советов. По прибытии в Рио-де-Жанейро переселенцев распределяет по своему усмотрению администрация переселенческого отдела.

Это значит, что рабовладельцы выговаривают себе «законное право» погнать наших переселенцев в те непроходимые леса и убийственные болота, куда не ступала еще нога человеческая и откуда нет возврата. Это значит, что русских мужиков, выгнанных нуждою из своих голодных и холодных хибарок, хотят употребить на те работы, на которые не идут даже негры.

А вот и цена русским рабам: 8 фунтов стерлингов (80 рублей) за каждого эмигранта старше 12 лет, 4 фунта (40 рублей) — от 7 до 12 лет и т. д. Немногим больше чем тридцать сребренников...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 162, от 7 ноября 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Гавайские острова—иначе Сандвичевы—находятся на Тихом океане; на них расположены большие плантации сахарного тростника, риса и т. п. Так как местное население не подходит по своей слабосильности для тяжелой физической работы, то особые вербовщики всюду набирают рабочих для плантаций, прибегая ко всевозможным обманам.

[3]) Рио-де-Жанейро — главный город южно-американской республики Бразилии.

О ЧЕМ ДУМАЕТ ОКТЯБРИСТ, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ? (1)

Унылую картину представляет собою октябристская партия после выборов. Она вышла из избирательной кампании чрезвычайно ощипанной. Ей ободрали перья с двух сторон — справа и слева. «Саблеровцы» мстили октябристам за то, что они не столь охотно распростирались ниц перед Григорием Распутиным и другими, отнюдь не распутными, «старцами». Крупная буржуазия проваливала октябристов и голосовала за более «левых», желая этим путем насолить правительству за хозяйничанье Пуришкевича, за Хвостова, за мобилизацию духовенства...

В результате — октябристская партия сидит ощипанная, у разбитого корыта.

Закон 3 июня дал этой ощипанной партии 75 — 85 депутатских мест. Но все, и в том числе и сами октябристы, чувствуют, что над октябристской партией в старом ее виде уже веет дуновение смерти.

Октябристы петушатся, делают вид, что потеря благоволения со стороны начальства им нипочем, и готовятся перейти в «оппозицию». Существуют политики, которые на «полевении» октябристов строят все свои планы, которые чуть не готовы проповедывать блок с октябристами. Но вглядитесь в писания октябристов.

О чем думают октябристы? Каковы их сокровенные мысли? На чем строят они свои надежды?

Исключительно на том,—не перессорятся ли черносотенцы между собой, не перессорится ли с правыми правительство и не распустит ли оно 4-ю Думу? Тогда, авось, октябристам вновь улыбнется счастье министерского благоволения.

Самый «боевой» из октябристов, г. Громобой, все время размышляет вслух в этаком роде:

«Распустят ли эту думу? («Голос Москвы», № 251.)

И, точно споря с какими-то, более радужно настроенными октябристами, восклицает:

«Конечно, нечего и мечтать, что эту четвертую думу распустят. Не таковы веяния». («Г. М.», № 248.)

Вся «оппозиция» октябристов заключается в том, что они сидят и гадают на кофейной гуще: распустит начальство 4-ю Думу за неблагонравие или нет?

Жалкая, дряблая партия! На нанесенный ей удар бича она оказалась в состоянии ответить только бесчисленными хныкающими письмами в редакцию, в которых слезоточит по поводу обид, причиненных тем или другим губернатором тому или иному октябристу. А единственной политической перспективой этих бывших людей является сладкая «мечта»: а может быть Хвостов и Пуришкевич все-таки не потрафят, и их распустят, чтобы опять призвать на действительную службу нас, солидных октябрей?

Когда отвергнутому — и потому перешедшему в «оппозицию» — октябристу не спится, он думает о «веяниях» и уносится мечтою ввысь: авось еще вернутся золотые деньки, авось их превосходительства еще сами образумятся и найдут, что мы, хлопчатобумажные, ничем не хуже барчука Маркова 2-го.

Если это называется оппозицией, то что же называется холопством, растерянностью, бессилием и беспринципностью?

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 163, от 8 ноября 1912 г.; подпись — «Г. З.».

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА [1].

Опять волна догоняет волну. Опять политическое движение теснейшим образом сливается и переплетается с экономическим.

Весь опыт нашего рабочего движения, начиная с 1905 г. и посейчас, есть сплошное подтверждение той истины, что политика у нас неразрывно связана с экономикой. И как экономическое движение тесно связано было с политическим, так судьбы экономических организаций рабочих неразрывно связаны были с судьбами политических рабочих организаций. Пора наибольшего упадка профессиональных союзов была вместе с тем и порой наибольшего упадка политической организации рабочего класса, и наоборот...

Возьмите 1905 г. Всего в стачках, согласно правительственной статистике, участвовало в этом году около 3-х миллионов рабочих. Точная цифра: 2.863 тысячи. Из этого числа 1.439 тыс. — в экономических стачках и 1.424 тыс. — в политических стачках, т.-е. почти поровну. На 100 политических стачечников в среднем приходится около 100 же стачечников экономических.

В 1906 году из 1.108 тыс. стачечников было 458 тыс. экономических стачечников и 650 тыс. политических стачечников. Тоже почти поровну.

Эти годы были годами наивысшего подъема рабочего движения. В смысле успеха стачек это были тоже самые выдающиеся годы. В 1905 г. 71% всех стачек кончился успехом рабочих, в 1906 г. — 67%. Это — повторяем — по правительственной статистике.

В 1907 г. начинается одновременно падение политического и экономического движения. В 1908 и 1909 гг. падение еще больше. В 1910 году начинается перелом к лучшему. 1911 г. и — особенно — 1912 г. приносят новый рост — опять-таки одновременно — и той и другой формы движения.

Не в том дело, чтобы непременно в каждой отдельной стачке каждого данного предприятия выдвигались одновременно и политические и экономические требования. А дело в том, что в общем одна волна догоняет другую. Лучший пример — стачки 1912 г. Взгляните на движение этого года в целом. Начало года ознаменовывается сильной волной экономических забастовок. Весною

(апрель) эту волну догоняет волна политических стачек — ленских и первомайских. Обе волны сливаются, и движение крепнет, становится более жизненным. Экономические стачки переходят в политические, и — обратно.

Затем политическая волна временно спадает, а экономическая продолжается, постепенно ослабевая. Летние месяцы приносят некоторое затишье и в той и в другой области. Осень приносит новое усиление политического движения: «выборная» стачка и стачка протеста по поводу судьбы матросов. Снова — волна политических стачек, и опять на наших глазах ее начинает догонять волна экономических стачек. Усиление экономических стачек явно замечается и в Питере, и в Москве, и в провинции. Сначала бастуют более крупные предприятия, затем — мелкие. Петербург — впереди. Москва раскачивается медленнее. И опять «политика» догоняет «экономику» и обратно — сливаясь друг с другом.

Ничто так не обеспечивает жизненности, силы, массового характера движения, как то, что «экономика» идет рядом с «политикой», дополняя и укрепляя друг друга.

* *
*

Такова точка зрения последовательной рабочей демократии. И это — вопрос, в котором должен разобраться всякий сознательный рабочий. Перед лицом протекающего перед нами рабочего движения нет более важного, более злободневного вопроса, чем этот.

Ликвидаторы дают на этот вопрос ответ, совершенно противоположный марксистскому. Известный представитель ликвидаторского течения В. Ежов в газете «Невский Голос» не так давно прямо писал:

— «Нецелесообразно осложнять свой протест экономическими требованиями, точно так же, как и обыкновенную стачку осложнять принципиальным требованием... Перед нами полоса экономических стачек. Было бы непоправимой ошибкой (разрядка наша. — *Г. З.*), если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих. Такое смешение вредно отразилось бы как на экономической борьбе рабочих, так и на политической».

Когда полоса экономических стачек начинает сливаться с полосой стачек политических, ликвидатор громогласно объявляет: это — «непоправимая ошибка». Жизнь, конечно, идет своим чередом. Отделить экономику от политики нельзя. Это — пустая кабинетная затея оторванных от рабочей жизни людей. Но —

независимо от воли ликвидаторов — их проповедь имеет одно значение: поменьше политики, господа...

В более робкой форме ту же проповедь ведет теперь и «Луч». По поводу последних стачек в Петербурге и в Москве «Луч» находит в своем арсенале только кислые фразы о том, что, мол, «масса не может бастовать по 10, по 20 раз в году, — это слишком обессиливает ее и лишает самую забастовку значения очень сильного средства». («Луч», № 41.)

По мнению «Луча», стачки последних дней свидетельствуют, главным образом, о том, что «массы не запаслись и не приобрели еще усовершенствованного оружия для политической борьбы». (Там же).

«Усовершенствованной» борьбой ликвидаторы считают «петиционную кампанию». А протест сотен тысяч рабочих наводит их на какие-то весьма меланхолические размышления...

Опять-таки, независимо от воли ликвидаторов, их проповедь получает одно значение: поменьше политических стачек, господа...

Две линии намечаются ярко и на живом примере. Одна линия ведет к размену общих требований только и исключительно на требования отдельных конституционных реформ на почве данного. Другая — к борьбе за новую почву... Рабочему — последовательному с.-д. — выбор не труден.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 168, от 14 ноября 1912 г.; подпись — «З.».

ДУМСКИЙ ПРЕЗИДИУМ И РАБОЧИЕ ДЕПУТАТЫ (1).

Состоялось открытие 4-й Думы и выборы председателя.

Выборы председателя и всего президиума парламента всюду имеют несомненное политическое значение. Здесь прежде всего определяется, какое большинство складывается в данном законодательном учреждении, какие политические союзы намечаются между отдельными политическими партиями и т. д.

Имеют известное политическое значение и выборы президиума в 4-ю Думу.

Конечно, у нас на все своя «истинно-русская» манера. То, что в Европе делалось бы хоть более или менее гласно, у нас совершенно покрыто тайной. Не подлежит ни малейшему сомнению, что за последние дни и в «сферах» и за кулисами думских буржуазных партий шел сплошной торг с переторжками относительно того, как поделить местечки в думском президиуме.

Кадеты торговались с прогрессистами и октябристами. Октябристы торговались с националистами, с Пуришкевичем и К°. Добрые папаши из числа «их превосходительств» старались помирить слишком строптивых «лидеров» отдельных буржуазных клик.

Торг оказался не в пользу правых. Октябристы, прогрессисты и кадеты «спелись» и провели в председатели Думы правого октябриста Родзянко, хорошо известного тем, что, в качестве председателя 3-й Думы, он старательно зажимал рот оппозиции. В товарищи ему намечается правый, кн. Волконский (2), и прогрессист Ефремов (3), в секретари — октябрист Дмитрюков (4) и в старшие товарищи секретаря — кадет Некрасов (5).

Родзянко произносит «строго конституционную» речь, уделяя равное внимание и «укреплению основ народного представительства», и «укреплению военной мощи России», и развитию самоуправления, и устранению «недопустимого произвола» (разве есть еще и произвол «допустимый»?), и «утверждению повиновения закону» в населении. Закончил он указанием па опасность грозящей войны и патриотическим призывом положить «наши силы и нашу жизнь» для блага государства. Октябристы, прогрессисты и кадеты дружно хлопают. Правые демонстративно отсутствуют. Им не повезло! Но надолго ли хватит согласия в лагере «прогрес-

сивного» большинства? До первой кости, которую правительство бросит прежде всего октябристам.

Тогда пойдут новые торги и переторжки.

Одна только социал-демократическая фракция могла себе позволить роскошь принципиального отношения ко всему вопросу о выборе президиума.

Социал-демократы не могут участвовать в этих торгах. С первого же шага думской деятельности с.-д. депутаты подчеркивают, что ни малейшей ответственности за Думу 3 июня они на себя не берут, что они пришли в эту Думу только для одной цели: бичевать с этой трибуны врагов народа, поведать о требованиях рабочих и крестьян, звать демократию к сплочению рядов...

Для этого рабочие послали с.-д. депутатов в 4-ю Думу. И уже при первом шаге 4-й Думы рабочие депутаты своим отказом от участия в выборах президиума именно это считали нужным подчеркнуть.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 170, от 16 ноября 1912 г. подпись — «А. Б.».

[2]) Волконский, В. М., князь, — товарищ председателя 4-й Думы, тамбовский депутат, внефракционный правый.

[3]) Ефремов, И. Н. — депутат 4-й Думы, прогрессист, от области войска Донского.

[4]) Дмитрюков, И. И. — секретарь 4-й Думы, калужский октябрист.

[5]) Некрасов, Н. В. — томский кадет; при Временном Правительстве был министром путей сообщения.

ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ (1).

(О бойкоте страховых законов).

Идея бойкота страховых законов кое-где все еще встречает некоторых сторонников. Так, большинство правления петербургского союза деревообделочников вновь поднимает вопрос о бойкоте, стремясь к утвердительному решению его. Например, в типографии Тренке среди рабочих, которым предстояло выбрать уже уполномоченного для участия в выработке устава кассы, голоса разделились почти поровну: 28 — за бойкот, 33 — за участие.

Товарищи, продолжающие колебаться в этом вопросе, независимо от своей воли, сильно вредят рабочему делу. Бойкот страховых законов при нынешних условиях был бы непоправимой, роковой ошибкой.

В самом деле — можно ли хоть на минуту надеяться, что у рабочего класса уже в данный момент найдутся силы, чтобы сбойкотировать, сорвать антирабочие законы о страховании и добиться немедленного введения новых законов о действительном страховании рабочих...

Не надо смешивать бойкота с протестом. 3-я Дума создала такие законы о страховании рабочих, против которых не может не протестовать всеми силами рабочий класс всей России. И рабочие действительно пользуются всяким случаем, чтобы заклеймить это творенье помещичьей Думы, чтобы выразить негодование по поводу этих законов, изуродовавших идею страхования.

Но действительное государственное страхование рабочих достигнуто будет не в результате бойкота (словесного) нынешних законов, а — в результате борьбы всего рабочего класса за старые, неурезанные требования его. А правящие классы, пытаясь предотвратить его полную победу, будут выбрасывать частичные улучшения и «реформы» — в том числе, вероятно, и улучшенные законы о страховании... Рабочие не остановятся на полдороге. Они используют все, всякую точку опоры для дальнейшей борьбы.

И если даже закон о фабричных старостах при нынешних обстоятельствах стало выгодным использовать для рабочих, то, несомненно, это относится и к страховым кассам...

Мы хотели бы обратить внимание еще на одно. Сторонники бойкота страховых законов являются заведомым, крайне неболь-

шим меньшинством среди деятелей рабочего движения. И социал-демократия, и профессиональные союзы, за некоторыми исключениями, решили не бойкотировать страховых законов. Конечно, вполне законно было спорить и дискуссировать до тех пор, пока не настала пора действовать. Но теперь именно наступила иная пора. Теперь надо дружно, сплоченными едиными рядами действовать практически. Трудностей много. Только при планомерных и дружных усилиях можно выполнить новую тяжелую задачу.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 170, от 16 ноября 1912 г.; подпись — «Н. Ск.».

СТАЧКИ И ЛОКАУТЫ В ГЕРМАНИИ [1].

I.

Сильнейшие в мире социал-демократические профессиональные союзы Германии подводят итоги стачечной борьбы рабочих за 1911 г. и сопоставляют их с данными за прошлые годы. Есть чему поучиться у этой могущественнейшей рабочей организации.

Начнем с количества стачечников. Во всех экономических конфликтах 1911 года принимало участие немногим более одного миллиона рабочих: 1.011.669 человек. Однако, непосредственно в стачках участвовало лишь 325 тысяч человек. Дело в том, что около двух третей этих экономических конфликтов разрешились без стачек. Немцы различают два понятия: экономические конфликты и экономические стачки. Число первых всегда значительно больше.

Так, число участников экономических конфликтов было в 1905 г. 890 тысяч человек, 1906 г. — 917 тысяч, 1907 г. — 806 тысяч, 1908 г. — 576 тысяч, 1909 г. — 480 тысяч, 1910 г. — 1.025.542, 1911 г. — 1.011.669. А число рабочих и работниц, участвовавших непосредственно в стачках, в эти годы равнялось всего: 570.960, 316.042, 281.030, 126.883, 131.244, 369.011, 325.253.

Таким образом, если брать даже цифру участников всех экономических конфликтов, мы получаем, что 1 миллион — самая высокая цифра для Германии. А русский рабочий класс в 1905 г. дал более трех миллионов прямых участников стачек.

Но откуда в Германии такая громадная разница между числом экономических конфликтов и числом стачек и локаутов?

Ответ ясен. Далеко не все конфликты между рабочими и хозяевами кончаются стачками. За последние годы из каждых 100 экономических конфликтов по меньшей мере 60—65 кончаются без стачек. А в 1908 году «мирным» путем кончилось целых 78 процентов всех экономических конфликтов и лишь в 22 случаях из 100 дело доходило до забастовок.

Откуда же такое «миролюбие» у германских фабрикантов и заводчиков? Почему они стараются не доводить дела до прямого объявления стачки? Ведь фабриканты и заводчики в Германии превосходно организованы в хозяйские союзы с богатейшими кассами, с великолепным аппаратом. Ведь германские хозяева

имеют и свое сильное представительство в парламенте. Да и правительство им всячески помогает в борьбе с рабочими. Так, по данным самого правительства, в Германии и полиция, и суд очень деятельно боролись со стачками. Вот статистика вмешательства германской полиции на каждую сотню стачек:

Годы.	Полиция.				Суд.			
1902 . . .	23,9	случаев	на	сто.	12,8	случаев	на	сто.
1903 . . .	26,8	»	»	»	17,1	»	»	»
1904 . . .	21,6	»	»	»	16,6	»	»	»
1905 . . .	22,7	»	»	»	17,7	»	»	»
1906 . . .	24,2	»	»	»	17,7	»	»	»
1907 . . .	26,3	»	»	»	17,3	»	»	»
1908 . . .	25,8	»	»	»	18,4	»	»	»
1909 . . .	29,1	»	»	»	19,4	»	»	»
1910 . . .	27,2	»	»	»	18,3	»	»	»
1911 . . .	28,6	»	»	»	18,9	»	»	»

Это — чрезвычайно интересная табличка. Она показывает, что из каждых 100 стачек от 35 до 46 процентов и в Германии протекает при вмешательстве полиции и классового суда. В какую сторону, в чью пользу «вмешиваются» суд и полиция — ясно само собой. Конечно — в пользу фабрикантов и заводчиков.

Так почему же все-таки германские фабриканты и заводчики из всех сил стараются кончать дело «миром»?

В чем здесь загадка?

Ларчик открывается очень просто. Дело объясняется силой и сплоченностью рабочих профессиональных союзов.

За каждым экономическим требованием организованных рабочих в Германии стоят их миллионные профессиональные союзы, стоит их миллионная с.-д. партия, стоят дисциплинированные и сознающие свои интересы миллионы рабочих, стоят богатые союзные кассы, стоят кооперативы, готовые помогать стачечникам. Фабрикант знает, что «его» рабочие не одни, что их требования взвешены в профессиональном союзе, и, раз организация взяла на себя их дело, она так легко не отступит.

Прибавьте к этому, что момент стачки выбирается союзом, знающим положение рынка, число заказов у данного фабриканта и т. д., и вы поймете, почему германский фабрикант без «крайности» не доводит дела до стачки.

Отсюда понятно, почему такой огромный процент «мирно» улаженных конфликтов кончился в пользу рабочих. Из числа «наступательных» конфликтов (т.-е. когда рабочие требовали улучшений), кончившихся «мирно», в 1911 г. 96% принесли рабочим неполный или частичный успех. В 1905 г. они дали 96,4% успеха, в 1906 г.—97%, в 1907 г.—94% и т. д.

Фабрикант знает, что у рабочих не пустые угрозы, что за ними стоит сила, что стачка начнется завтра же, если он не уступит.

«Миролюбие» хозяев объясняется силой и организованностью рабочих. Таковы своеобразные явления классовой борьбы.

II.

Германские с.-д. профессиональные союзы и их статистика отличают стачки наступательные и стачки оборонительные. К числу первых относятся те стачки, которые объявлены рабочими в целях добиться нового улучшения: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д. Ко второй групе принадлежат стачки, объявляемые рабочими для того, чтобы отбить намерение хозяина ухудшить условия труда. В первом случае рабочие нападают, хозяин «обороняется», во втором случае хозяин нападает, — рабочие обороняются.

И вот важно посмотреть, в каком соотношении находятся наступательные и оборонительные стачки друг к другу.

Взять хотя бы 1911 год. Всего стачек и локаутов было в Германии за этот год 2.914, с числом рабочих и работниц в 325.523. Во всех этих случаях прямой борьбы было 58,5% наступательных стачек, 34,4% оборонительных стачек и 7,1% — локаутов.

Процент оборонительных стачек надо сложить с процентом локаутов. Ибо здесь — явления однородные: и в том и в другом случае наступает хозяин, обороняется рабочий. Для 1911 года при сложении получится 41,5% наступлений хозяев и 58,5% наступлений рабочих. Это значит, что в этом году из 100 случаев прямой борьбы в 58 случаях рабочие боролись за улучшение своей жизни, а в 42 случаях фабриканты боролись за ухудшение жизни рабочих.

Однако в 1911 году процент локаутов был особенно невелик. С самого 1905 года он не был столь мал. В 1910 году локауты

составили свыше 30% всех случаев борьбы. В 1905 — 1909 годах локауты в среднем давали 4 — 12%.

Главными требованиями хозяев при локаутах за все эти годы было их желание: 1) чтобы рабочие вышли из с.-д. партии и с.-д. профессиональных союзов (в 1911 г. из-за этого было 14 локаутов), 2) согласились бы выполнять заказы тех предприятий, где рабочие бастуют (5 локаутов), и 3) отказались бы от празднования 1-го мая (9 локаутов).

В общем при оборонительных стачках требования хозяев были те же самые, что и при локаутах. Разница только та, что здесь большую роль играли попытки хозяев удлинить рабочий день.

Если сложить локауты и оборонительные стачки, получим, что случаи борьбы делятся, приблизительно, поровну: в 1905 году из ста случаев борьбы в 54 случаях наступающей стороной являются рабочие, в 46 случаях—хозяева, в 1910 г. в 44 случаях наступают рабочие, в 56 — хозяева. В среднем за 12 лет — от 1900 до 1911 г. — в 51 случае из ста наступают рабочие, в 49 случаях— фабриканты и заводчики.

Это показывает, насколько обострена борьба между двумя классами в Германии. Не дремлет ни та, ни другая сторона. И у хозяев, и у рабочих — очень сильные организации. Между тем и другим лагерем идет регулярное сражение. То отступает одна армия, то отступает другая. «Мирные» переговоры и соглашения, тарифные договоры и т. д. И каждая из сторон думает только о том, как бы использовать перемирие для целей дальнейшей войны.

Класс против класса! Вот о чем говорят приведенные цифры.

III.

На свою боевую деятельность, т.-е. на стачки и помощь при локаутах, германские профессиональные союзы тратят главную часть своих сумм. За время с 1890 по 1911 г. рабочими издержано на это 111 миллионов марок (около 53 миллионов рублей). Число потерянных рабочих дней при одних локаутах за это время равно 20 миллионам.

Во имя чего же рабочие идут на такие жертвы? Чего достигли они этой борьбой?

Из всех стачек и локаутов за время 1890 — 1911 гг. 50,6% кончились полным успехом рабочих, 21,7%—частичным успехом

рабочих, 22,6% — поражением (исход остальных — неизвестен). Таким образом, из каждых 100 стачек и локаутов германские рабочие в среднем выигрывали (полностью или частично) не менее 72. Есть из-за чего жертвовать и бороться!

Вот успехи рабочих стачек, выраженные еще более наглядно.

Завоевано путем стачек:

Сокращение рабочего дня.

1905 г.	61.666	чел.	213.467	час. в нед.
1906 »	75.646	»	298.804	» » »
1907 »	50.985	»	191.500	» » »
1908 »	6.540	»	20.046	» » »
1909 »	17.102	»	47.226	» » »
1910 »	142.535	»	274.691	» » »
1911 »	85.733	»	225.610	» » »

Увеличение заработной платы.

1905 г.	11.265	чел.	253.166	мар. в нед.
1906 »	154.253	»	359.506	» » »
1907 »	104.490	»	233.892	» » »
1908 »	20.010	»	53.828	» » »
1909 »	65.329	»	140.978	» » »
1910 »	388.578	»	1.015.042	» » »
1911 »	123.057	»	239.531	» » »

Для каждого года союзы могут сказать совершенно точно: в нынешнем году мы путем стачек добились сокращения рабочего дня для стольких-то рабочих, таких-то профессий, на столько-то часов в неделю, увеличения заработной платы добились для стольких-то рабочих, отбили столько-то локаутов, отстояли от расчета столько-то показавшихся «крамольными» рабочих и т. д.

Массы знают эту работу союзов, чувствуют ее результаты на каждом шагу и спешат в ряды этих организаций. Союзы эти являются социал-демократическими. И это не только не отталкивает массы (как это должно было бы быть по «теории» писак из нашей казенной «России»), но еще больше привлекает их.

Казенная «Россия» задается вопросом: почему хиреют наши русские профессиональные союзы?

Вот когда наши союзы будут иметь хотя бы такую свободу, как в Германии, вот когда они смогут развернуть такую же стачечную деятельность, как германские союзы, — тогда они перестанут хиреть...

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», №№ 171 и 175, от 17 и 23 ноября 1912 г.; подпись — «А. Б.».

СТОИЛО ЛИ ОГОРОД ГОРОДИТЬ [1].

Этот вопрос, наверное, невольно просился на уста у их превосходительств, когда они узнали об избрании г. Родзянко на должность председателя 4-й Думы и когда они вообще увидели первые шаги 4-й Думы.

В самом деле, для чего затеяна была целая кампания «делания» выборов? Во имя чего пошли на то, чтобы на всю Россию и даже на всю Европу прослыть беззастенчивыми «делателями» выборов?

Во имя того, конечно, чтобы иметь Думу совершенно черномастную, абсолютно пуришкевичевскую. Даже октябристско-либеральное большинство, какое иногда складывалось в 3-й Думе, и то наотрез отказалось «терпеть». Даже гучковская «оппозиция» оказалась недопустимой и «противогосударственной».

Чтобы сломить октябристско-либеральное, тоже достаточно контр-революционное, большинство, — для этого и пошли во все тяжкие на выборах в 4-ю Думу. И — результат? Результат тот, что это большинство, несмотря на все усилия, не сломлено. В 4-й Думе опять будет два большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-либеральное. Да, пожалуй, в 4-й Думе второе большинство может рассчитывать на более частое осуществление, чем в 3-й.

Так стоило ли огород городить? Стоило ли беспокоить духовенство, мобилизовать Восторговых, писать столь щедрой рукой чеки, допускать такие кричащие беззакония?

Чего добились господа «делатели» выборов? Они имели в 3-й Думе коленопреклоненного октябриста, в 4-й они получат октябриста, играющего в «оппозицию». Они заставили «полеветь» купца, обозлили даже националистов, посеяли недоверие к своей политике среди самых отсталых и самых покладистых. Не хотели, например, допустить, чтобы рабочие выбрали в депутаты социал-демократов. Получили и с.-д. депутатов, и стачки протеста против «разъяснения» избирательных прав. Хотели «искоренить» оппозицию, — добились усиления ее. И так во всем...

Неужели реакция уже дошла до той «черты», когда — не довернешься — бьют, перевернешься — бьют?

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 173, от 20 ноября 1912 г.; подпись — «А. Б.».

МУЗЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1).

В Берлине есть постоянная выставка, почти не посещаемая приезжими из России, а между тем достойная особенного внимания. В роскошном здании в Шарлоттенбурге помещается открытая правительством в 1900 году «выставка предохранительных мер для безопасности рабочих». Здесь собраны все экспонаты, так или иначе предохраняющие рабочих от увечий, болезни и смерти при работе, а также все способствующее в той или иной степени улучшению жизни рабочего на фабрике и дома. Уже по одному этому можно судить, насколько она обширна. В течение 3 часов мне едва удалось обойти лишь четвертую часть всех выставленных машин, приспособлений, моделей и диаграмм. Очень богат статистический материал, по которому можно судить о постепенном уменьшении количества несчастных случаев, благодаря введенным предохранительным мерам, и о выдачах пособий по страхованию рабочих. Эти пособия исчислялись в 1885 году в 58.792.014 марок, а в 1909 году достигли уже 762.161.106 марок (всего с 1885 по 1908 год выдано 8.441.894.406 марок). Нельзя в короткой газетной заметке хотя бы кратко перечислить и описать все, что имеется здесь. Все отделы промышленности, горное дело, пароходство, все фабричные отрасли — дали сюда свои экспонаты. Экспонентами являются как сами заводы, так и изобретатели.

Все машины приводятся в движение электричеством, и посетителям очень любезно демонстрируют и объясняют устройство их.

Большая часть из выставленного уже принята в законодательном порядке и применяется в жизни, за чем следят как фабричная инспекция, так и инспекция по рабочему страхованию.

В некоторых случаях экспонентами являются рабочие организации, которые этим путем стремятся провести то или иное улучшение в жизни и работе своих товарищей.

При виде всего этого в голове невольно встает мысль о том, что сделано в этом отношении у нас. Я думал: «Хорошо было бы устроить такой музей у нас!» Но потом сообразил, что если бы даже и построить для него помещение, то оно осталось бы пустым, так как у нас почти нет ничего, чем мы могли бы похвастаться в этом отношении.

Всякому, кто хоть немного интересуется жизнью рабочей массы, мой искренний совет по приезде в Берлин побывать в этом музее,—здесь многое можно увидеть и многому поучиться.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 178, от 27 ноября 1912 г., подпись — «Г. Зуев».

СОБРАНИЯ РАБОЧИХ ПО ВОПРОСАМ СТРАХОВАНИЯ (1).

Недостаточно деятельное отношение рабочих к вопросу о предстоящем введении страховых законов в России грозит самыми печальными последствиями. Петербург — надо это признать открыто — до сих пор непростительно отстал в этом отношении.

В далекой провинции, в Самаре, уже состоялось (на основании правил 4 марта) два больших рабочих собрания, на которых несколько сот рабочих подробно обсуждали страховые законы. А в Петербурге сделан только первый опыт...

Нечего и говорить, какую большую роль могут сыграть рабочие собрания, посвященные вопросам страхования. Если на собраниях перебывают сотни, — результаты скажутся на тысячах рабочих. Возможно, что на этом пути встретится ряд препятствий, но рабочие должны стремиться к тому, чтобы коллективно обсудить все шаги, связанные с введением страхования.

Устройство собраний для обсуждения всех практических и принципиальных вопросов касательно страхования — один из самых важных очередных шагов.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 178, от 27 ноября 1912 г. подпись — «Г.».

ЦЕНА КРОВИ (¹).

Во что обходятся человечеству войны? Каковы потери людьми? Каковы потери деньгами, которые берутся из народного кармана?

За второе полстолетие XIX века пало убитыми в наиболее крупных войнах этого периода:

Крымская война	750.000	чел.
Итальянская	45.000	»
Датская	8.000	»
Американская междоусобная	80.000	»
Австро-прусская	45.000	»
Русско-турецкая	250.000	»
Мексиканская	40.000	»
Кохинхинская	25.000	»
Франко-германская	215.000	»
Всего	2.178.000	чел.

Свыше двух миллионов убитых! А у каждого убитого, конечно, были близкие, родные, дети, друзья. Сколько горя, сколько страданий! Какое поистине безумное истребление человека человеком!

А вот приблизительные расходы на войны за последний век, на основании официальных данных воевавших государств (в миллионах рублей):

Наполеоновские войны	6.187
Русско-турецкая	187
Алжирская	450
Испанская и Португальская	468
Канадская	20
Каффрская	18
Мексиканская	108
Китайская	82
Крымская	2.850
Итальянская	562
Американская междоусобная	975
Абиссинская	80
Парагвайская	450
Франко-германская	5.812
Война англичан с ашантиями	10

Войны в центральной Азии	421
Русско-турецкая	2.250
Война англичан с Афганистаном и зулусами .	159
Война англичан с Суданом	39
Мадагаскарская	39
Итало-абиссинская	215
Кубинская	1.875
Трансваальская	1.500
Японо-китайская	562
Всего . . .	42.729

Сорок два миллиарда рублей! И это, не считая постоянных расходов на содержание армий и не считая убытков и разорений, вносимых в промышленную жизнь страны кризисами, порождаемыми войной.

Вот она, — колоссальная, неисчислимая цена крови!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 182, от 1 декабря 1912 г. подпись — «А. Б.».

ВМЕСТО УШАКОВА (1).

Вместо Ушакова (2)—Снежков (3). Каждый подъем рабочего движения выдвигает на сцену нового «героя». Надо же реакционерам что-нибудь предпринимать против «подымающего голову» рабочего движения, кроме голых репрессий! В былые времена для борьбы с рабочим движением нанимали крупных представителей «полицейского социализма» — Зубатова, Шаевича и тому подобных господ. Теперь реакция измельчала даже в этом: для той же цели совращения рабочих с пути борьбы она оказывается в силах выдвинуть лишь такие ничтожные фигуры как Ушаков, а ныне — Снежков.

После ленских стачек, в Петербурге усиленно заговорили о возрождении малопочтенной деятельности г. Ушакова. Черная сотня переполошилась по поводу роста стачек и ничего лучшего не могла придумать, как вновь пустить в ход Ушакова. Снова заговорили об ушаковском «рабочем союзе», о возобновлении его «патриотической» газеты и т. д.

Однако толку вышло мало. И вот теперь, после нового подъема, вместо Ушакова двигают г. Снежкова, который основывает «союз рабочих националистов» и шумит о своей высокополезной деятельности в «рабочей» газете... «Новое Время».

Программа — все та же. Чтобы обмануть совсем темных рабочих, говорят на словах о «тяжбе с хозяевами» и о борьбе за улучшение экономического быта рабочих. А на деле — тянут рабочих в сети черной сотни. За это ведь и платят мастерам сих дел... А до рабочих и до их тяжелой экономической жизни этим господам Снежковым, разумеется, столько же дела, сколько до прошлогоднего снега.

Г. Снежков, главный руководитель «рабочих националистов»,— чиновник министерства народного просвещения. Имя этого господина всплыло в связи с еврейским погромом в Киеве и с натравливанием русского населения Холмщины на поляков. Вполне достойный сподвижник нововременского Иудушки-Меньшикова, главного литературного представителя всероссийского черносотенного «союза националистов»!

И эти люди надеются овладеть умами русских рабочих.

Впрочем — дерзайте, господа! Рабочая демократия давно ведь вам советует: заводите «христианские» рабочие союзы, устраивайте

«патриотические» рабочие организации, разворачивайте свою работу пошире. Только... только не плачьтесь потом на результаты...

«Делайте вашу игру», господа! И — кстати, расскажите-ка, какой прием встретили первые воззвания Снежкова и К⁰ на петербургских фабриках и заводах!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 183, от 2 декабря 1912 г.; подпись — «Г.».

[2]) Ушаков — появился в рабочем движении в 1905 — 1906 гг., пытаясь в противовес революционным организациям пролетариата, создать «независимый рабочий союз», фактически находившийся под опекой охранки. Но так как от этого «рабочего союза» явно отдавало контрреволюцией, то рабочие сразу же отшатнулись от Ушакова и его клевретов, которые не имели ни малейшего успеха среди рабочих масс.

[3]) Снежков — черносотенец, по почину союза русского народа затеявший создать «союз рабочих националистов», долженствовавший целиком находиться под влиянием этой монархической организации. На этот раз этот провокатор явился на фабрики и заводы уже не в рабочей блузе, а в «литературном виде», но преуспел не больше Ушакова.

КАДЕТЫ И ЕВРЕИ [1].

Кадеты перед выборами, не скупясь, надавали самым различным группам населения самые различные обещания. В том числе — и евреям. Теперь пришла пора платить по векселям, и кадеты, нимало не смущаясь, объявляют эти векселя бронзовыми.

Когда недавно видный кадетский депутат г. Александров [2] выступил со странным заявлением, будто

> «...в настоящее время, когда все реакционные партии выставили главным лозунгом антисемитизм, было бы чисто провокационным (!) выступать с еврейским вопросом»,

можно было еще думать, что это только личное мнение отдельного депутата.

Но теперь газеты сообщили уже новый, очень важный факт: вся кадетская фракция отказалась в объяснительной записке к своему проекту о гражданском равенстве развить требование еврейского равноправия. Этот шаг кадетов вызвал уже негодующую резолюцию еврейской демократической группы и большое недовольство во влиятельных среди еврейской буржуазии газетах.

Евреи, поддерживавшие кадетов на выборах, с недоумением разводят руками: как? ведь кадеты сами «выставили в своей платформе перед выборами в 4-ю Думу равноправие»! Куда же девалось это равноправие теперь, после выборов? «Молчать, чтобы не рассердить исправника» — так формулирует (и совершенно справедливо) «Киевская Мысль» умоначертание кадетских Александровых, которые считают «провокацией» подымать еврейский вопрос потому, что силен антисемитизм... как будто не ясно, что именно в виду усиления антисемитизма борьба против гонений на евреев становится особенно обязательной.

«Молчать, чтобы не рассердить исправника» — это не в бровь, а в глаз кадетам. Напрасно только еврейские либералы и радикалы думают, что кадеты исключительно в еврейском вопросе проявляют такую половинчатость и такое малодушие перед «исправником». Напрасно не видят они того, что во всех больных вопросах русской жизни кадеты ищут средней линии, сделки, соглашения с господином «исправником» и ни в каком случае не хотят причинить господину исправнику серьезных огорчений...

Жизнь учит. Она научит не верить буржуазным краснобаям, которые перед выборами готовы пообещать горы благ, дюжины реформ и сотни свобод.

Жизнь учит. Она научит и тому, что единственными борцами за полное равенство в общественных отношениях, за полное уничтожение позорных гонений на евреев, поляков, финнов и прочих «инородцев» — являются только рабочие и только рабочая демократия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 192, от 13 декабря 1912 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Александров, А. М. — депутат 4-й Думы, екатеринославский кадет.

ХУЛИГАНЫ ПРОТИВ «ХУЛИГАНСТВА» [1].

Нет теперь более «модной» темы для черносотенной и вообще реакционной печати, как вопрос о борьбе против «хулиганства» в деревне [2].

Помилуйте, «мужик совсем от рук отбился»! Ну, как это стерпеть Пуришкевичам и их прихвостням?.. И вот — «пошла писать губерния». Учреждены специальные комиссии, которые с ученым видом знатока рассуждают о том, каково «научное» определение понятия хулиганства. Черносотенные земства, отодвинув вдаль вопросы о земской школе, о борьбе с голодом и т. д., страстно обсуждают вопрос о том, как бороться с крестьянским «хулиганством». «Земщина», «Русское Знамя» наперебой предлагают излюбленные средства борьбы с этим «хулиганством».

Каковы же эти «средства»?

Арсенал реакционеров достаточно известен. «Голодает 20 миллионов крестьян в половине России». У представителя помещиков, г. Маркова 2-го, готов ответ: Это потому, что мужики — лодыри. Нужно «подтянуть»... «В деревне растет недовольство».— Надо сечь — отвечает другой «народный» представитель, г. Пуришкевич, который еще на-днях заявил без стеснения в 4-й Думе:

— «С горечью (?) должны мы приветствовать... внесение вновь законопроекта о введении телесного наказания, о введении розги».

Таковы наиболее откровенные черностенцы. А вот и господа октябристы из «Голоса Москвы». Обсуждают они растущее в деревне «хулиганство». Находят, что все зло от того, что среди крестьянок «чрезвычайно распространена страсть к нарядам», а среди крестьян — «обычай бесполезного разрушения исключительно для забавы». Вывод? — вывод тот, что нужна «коренная реорганизация полиции в уезде», дабы крестьянские «хулиганы» не остались «безнаказанными». («Голос Москвы», № 285.)

Бедный, горемычный русский крестьянин! Кто только не насаждает «добрых нравов» в его среде, кто только не оберегает его от разврата и «страсти к нарядам»!

«Хулиганством» в деревне господа хулиганы из реакционных газет называют все то, что не подходит под их представление о «тишине и спокойствии».

Деревня голодает. В деревне страшная «земельная теснота». Деревня нищает. Что «постепенно уплывает из рук крестьянина земельная собственность», признал в Думе даже Пуришкевич. В деревне во многих местах страшнейшая темнота. А ее хотят кормить розгами да моральной проповедью о вреде пьянства...

Откровенный г. Пуришкевич, говоря в Думе о крестьянском «хулиганстве», обронил одну знаменательную фразу. Он объяснил хулиганство в деревне тем, что — «подросло то дикое (!) поколение, которое они воспитали в 1905 году».

Отсюда — все зло.

Ну, теперь мы знаем, что Пуришкевичи понимают под крестьянским «хулиганством».

Они хулиганами называют огулом все молодое поколение деревни, переросшее старые крепостные деревенские порядки и отказывающееся униженно ломать шапку перед каждым красным околышем. И весь крик поднят не потому, что в деревне растет хулиганство, а потому, что приходит конец хулиганству самих Пуришкевичей и Марковых.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 197, от 19 декабря 1912 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Модная тема — по своей «литературной истории» — началась с прошумевшей книжки казачьего офицера И. Родионова «Наше преступление». В этой «этнографии» автор самыми отчаянными красками расписывает «дикаря-мужика», который преисполнен, по его мнению, разными сквернами, происходящими, конечно, от его «нравственной дикости», а никак не от того, что царско-помещичий режим обволок крестьянский уклад сплошной «властью тьмы». Любопытно, что большая часть «либеральной» критики не разглядела истинной подоплеки родионовской клеветы на деревню и восторгалась «силою» этой книги.

ВОЗДУШНЫЙ МИЛИТАРИЗМ ([1]).

Расходы на воздушный флот начинают составлять огромные суммы в бюджете «цивилизованных» государств. В современном буржуазном обществе, основанном на озлобленной конкуренции и борьбе всех против всех, каждое великое изобретение прежде всего используется в интересах истребления человека человеком. То же случилось и с летательными аппаратами, которые теперь все больше начинают применяться в военных надобностях.

Франция в этой области идет впереди всех. Но не отстает и Германия.

В Германии уже сейчас существует 50 крупных фабрик, занятых изготовлением летательных аппаратов, и все эти предприятия живут исключительно заказами от правительства, усиленно хлопочущего над созданием воздушного флота. 7 миллионов марок (3—4 миллиона рублей) регулярно расходует Германия на воздушный милитаризм, согласно обычной смете. Кроме того, несколько миллионов на эти же цели берется из других ассигновок (например, из фонда «на военные упражнения» и т. д.).

Но теперь этого оказалось мало. Германское правительство вносит в рейхстаг предложение о дополнительной ассигновке специально на воздушный флот еще 17 миллионов марок. Всего расходы на воздушный флот достигнут таким образом почти 30 миллионов марок (около 15 миллионов рублей). Ни больше, ни меньше!

И, разумеется, это только еще «цветики, ягодки—впереди». Ведь техника аэронавтики еще только начинает развиваться. Что же будет, когда воздух будет окончательно покорен, и истребительная война приобретет новое небывало-сильное орудие?

Германия сейчас тратит на милитаризм 2 миллиарда марок (почти миллиард рублей) в год. Прибавляя еще среднюю заработную плату для 700.000 человек, получаем, что милитаризм стоит Германии даже целых $1^1/_2$ миллиарда рублей в год. Развитие воздушного милитаризма грозит еще увеличить эти колоссальные расходы и взвалить на плечи трудящихся масс еще более непосильные тяготы.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 197, от 19 декабря 1912 г.; подпись — «А. Б.».

ПРОГРЕССИСТЫ И ПРИЛИЧИЕ [1].

В печати прошел мало замеченным следующий факт. Когда при первых выборах думской комиссии по военным и морским делам октябристы и черные, вопреки постановлению думского совещания, не пустили в указанную комиссию социал-демократа депутата Хаустова [2] и трудовика Рыслева [3], — вслед за кадетами из комиссии вышли, в виде протеста, и прогрессисты. Но когда произошли вторично выборы в эту комиссию, и правый блок провалил не только с.-д. и трудовика, но и Милюкова, — прогрессисты больше не протестовали и сами остались в комиссии в компании с черной сотней.

Спрашивается: что изменилось? Почему вначале зазорно было пойти с черными без остальных представителей оппозиции, а теперь не зазорно?

Сами прогрессисты объясняют дело так: первый раз была совершена некорректность, неприличие — в последнюю минуту правые, нарушив соглашение, изменили список. А во второй раз все произошло-де прилично и законно.

Нечего сказать, хорошее представление о приличии!

На деле тут вопрос вовсе не в «приличии». Дело в том, что октябристы для прогрессистов в тысячу раз ближе, чем социал-демократы и демократы вообще. Прогрессисты **сходятся** с октябристами в защите «сильной власти» и проповеди национал-либеральной политики захватов и грабежей. Именно поэтому для прогрессистов так важно участвовать в упомянутой комиссии...

Сделали красивый «жест», отказались от места, а потом раздумали: из-за чего же мы, дескать, станем отказываться от своего счастья? Неужели из-за каких-то рабочих и крестьян?

Кадетов выручило то, что Милюкова, в силу каких-то закулисных личных интриг, не переизбрали, и им не пришлось опять бороться с соблазном. А господа прогрессисты сидят теперь с черными и трудятся над созданием «сильной власти». Туда вам и дорога, господа...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 204, от 30 декабря 1912 г.; подпись — «З.».

2) **Хаустов**, В. Н. — член 4-й Думы, уфимский с.-д.

3) **Рыслев**, А. И. — член 4-й Думы, трудовик Амурской области.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1912 ГОДУ (¹).

Если 1911 год был для русского рабочего движения годом перелома, то 1912 год можно считать уже годом прямого подъема его.

Первыми ласточками возрождающегося пролетарского движения были летние экономические стачки 1910 года. В 1911 году становится ясно, что мы вступаем в новую полосу. В 1912 году количество участников движения увеличивается, а качество повышается. Рабочее движение в России переходит от обороны к наступлению.

И в Западной Европе в 1912 году волны рабочего движения вздымались высоко. Достаточно вспомнить могучую миллионную стачку английских горнорабочих, слившуюся с забастовками горнорабочих Германии, Австрии, Бельгии, Франции. Достаточно вспомнить великую победу германских рабочих на парламентских выборах, грандиозные стотысячные международные демонстрации рабочих против войны и дороговизны жизни и, наконец, — вспомнить Базельский международный социалистический съезд.

Но даже на фоне этого грандиозного международного объединения движение русских рабочих не только не кажется незначительным, а — наоборот. Даже если приложить к нашему молодому рабочему движению мерку западно-европейских стран, то и тогда мы видим, как могуч наш юный русский пролетариат, какая сокровищница неиссякаемых сил таится в недрах его, какая великая историческая роль предназначена ему всем общественным развитием!

Главной формой борьбы русских рабочих в 1912 году была стачка. Сейчас нельзя еще подвести точного итога стачкам этого периода. Но, если принять во внимание уже опубликованные данные фабрикантов, заводчиков и других, надо признать несомненным, что число участников политических и экономических стачек недалеко от полутора миллионов. 1912 год по числу стачек приблизился к 1906 году (тогда, по правительственным данным, бастовало 1.108.000) и даже превзошел его. Уровень стачечного движения 1912 г. начинает приближаться к среднему пропорциональному между 1905 и 1906 годами.

В 1912 г. стачка начинает уже захватывать не только главные центры рабочего движения, но и отдаленные углы. Спят

еще Кавказ, Сибирь, Северо-Западный край, даже отчасти Польша. Но вслед за Петербургом и Москвой уже заговорил юг, и начали пробуждаться центрально-промышленная область, Поволжье и Урал.

1912 год чрезвычайно наглядно и убедительно показал, как тесно переплетается—и порою сливается—экономическая стачка с политической.

Начало 1912 года ознаменовалось усиленным экономическим стачечным движением. Ленские события вызывают могучий поток политических стачек, пишущих на своем знамени известные три основные лозунга (2). Ленскую стачку догоняет первомайская забастовка. Затем политическая стачка сливается с экономической, а в летние месяцы опять преобладает экономическая стачка. Далее месяца на два следует затишье. После — новое возрождение политической стачки, в связи с судьбой 17-ти матросов. Опять параллельно с этим увеличивается экономическое движение. Год заканчивается новыми вспышками политических стачек (в связи с страхованием и т. д.), идущими рука об руку с постепенным нарастанием экономических забастовок.

Экономическое движение придает силу политическому, и — наоборот. В том, что обе эти формы движения переплетаются и взаимно дополняют друг друга, — залог их мощи. И если смотреть объективно на то, что происходит вокруг, нельзя не признать, что стачечное движение не только не исчерпало себя, но, наоборот, еще только начинает будить отставшие элементы.

Капитал организуется — эту истину 1912 год опять и опять подчеркнул с крайней ясностью. Растут союзы предпринимателей. Наглеют фабриканты и заводчики, чувствуя за своей спиной поддержку реакции. Достаточно вспомнить знаменитую конвенцию петербургского союза фабрикантов и заводчиков (3) или пресловутые правила о найме, выработанные московскими толстосумами. Достаточно вспомнить локауты текстильных рабочих в Костроме, Петербурге и др. местностях, — локауты, которыми заканчивается 1912 год.

Реакция делает все возможное, чтобы не только подорвать путем репрессий рабочее движение, но и внести в него разврат и разложение. Для этого пытались в начале года оживить труп «ушаковщины», для этого выдвинули снежковский союз рабочих-

националистов. Для этого носятся с идеей создания так называемых «христианских» (штрейкбрехерских) союзов.

Но ничто не поможет врагам рабочего класса. Рабочее движение живет и будет жить. Реакция может погубить десятки легальных рабочих профессиональных союзов. Но она не в силах помешать тому, что стачечное движение русских рабочих носит уже теперь более грандиозный характер, чем в крупнейших капиталистических странах. Реакция может позвать на службу Снежковых и Ушаковых, но она не в силах помешать тому, что рабочие отворачиваются от них с презрением. Реакция может пытаться внести раскол в среду рабочих, но она не в состоянии помешать все более и более тесному объединению рабочих, росту сплоченности и солидарности, отзывчивости на взаимопомощь (которая так ярко выразилась в щедрой денежной помощи максвельцам, подвергшимся локауту). Реакция может **мешать** рабочим выбирать в Государственную Думу социал-демократов, но она не в силах **помешать** им в этом. Реакция может сверху назначить «представителей» рабочих в совет по страхованию, но она не в силах помешать громкому голосу протеста десятков тысяч рабочих. Реакция может преследовать рабочую печать, но она бессильна помешать рабочим массам своими многочисленными жертвами обеспечить существование рабочей газеты— несмотря ни на что.

Многие из стачек этого года носят особенно упорный характер. Рабочие завода Сименс и Гальске держались месяцы. Харьковский паровозостроительный завод упорно бастовал несколько недель кряду. Это не единичные случаи. Противоречия обостряются. Классовая сплоченность, стойкость и сознательность растут.

Вступая в новый год, рабочие могут бодро смотреть в будущее. Рабочий класс вышел с честью из избирательной кампании, несмотря на все препятствия. Он развил могучее стачечное движение, он становится опять во главе всех живых демократических сил страны. Он с первых же шагов окружил свою думскую фракцию и свою рабочую газету любовью и вниманием. Он добился того, что опять на всю страну громко зазвучал его бодрый, зовущий к новой жизни голос.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 2, от 3 января 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Политические стачки 1912 г. проявились в виде четырехкратной волны; первый подъем ее был связан с ленскими событиями, когда почти весь российский пролетариат — даже по официальным сведениям, не менее 60% фабрично-заводского элемента — ответил забастовками на расстрел безоружных рабочих.

1 мая того же года рабочие энергично манифестировали за свой день международной солидарности. Достаточно вспомнить, что в одном Петербурге в грозном спокойствии вышло на улицу около 100.000 человек.

В октябре революционные рабочие протестовали против всех безобразий правительства во время выборов уполномоченных по рабочей курии Петербурга, при чем движение быстро приняло широкий политический характер.

И, наконец, четвертый период стачечного оживления вызван был жестокостью севастопольского военно-окружного суда; правительство воспользовалось брожением среди моряков Черноморского флота, в результате чего был создан процесс 142 матросов, из которых 17 человек было приговорено к смертной казни, а 106 — к долголетней каторге. Сигнал к братской поддержке моряков был дан из пролетарских районов Петербурга, его дружно подхватила Москва и мощно откликнулась вся рабочая Россия.

[3]) Конвенция союза фабрикантов была выработана в июне 1913 г. Она откровенно пыталась сковать петербургского рабочего цепью хозяйского произвола, обязав в то же время предпринимателей круговою порукою единства действия. Поэтому вся эта капиталистическая организация налагала на своих сочленов запрещение делать какие-либо сокращения рабочего времени, увеличивать дни отдыха, платить бастующим за период стачки, допускать старост или посредничество каких-либо профессиональных объединений. Кроме того, вводились особые «черные списки» нежелательных рабочих, которые не должны были находить себе заработок в «конвенционных» предприятиях. Другими словами, создавалась замкнутая со всех сторон ловушка, в которой рабочий должен был задохнуться от хозяйской предусмотрительности. Зато капиталистам давалась полнейшая свобода ухудшать положение рабочих, при чем отдельная инициатива фабрикантов в этом отношении не подвергалась никакому стеснению.

КАДЕТЫ И ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО (1).

Кадеты — великие мастера по части двойной игры. Вот и теперь: с одной стороны они делают октябристскую политику, зубами держатся за союз с октябристами; с другой стороны — «для народа» обещают внести законопроект о всеобщем избирательном праве и шумят об этом во-всю (2).

Подождем — увидим, каков на деле будет этот кадетский законопроект, и насколько Милюков и К° «разъяснят» всеобщее, равное, прямое и тайное. Пока же интересно отметить только то, что ни одна политическая группа не берет всерьез кадетского жеста насчет всеобщего избирательного права. Все отлично понимают, что это — одна игра, одна бравада, что кадеты вносят этот законопроект только потому, что уверены в провале его четвертой Думой.

Вот, например, мнение октябристов, кадетских братьев по блоку: Громобой, один из самых ярых сторонников союза октябристов с кадетами, пишет по этому поводу следующие интересные строки:

— «По существу, о прямой, тайной, равной и всеобщей—теперь и речи быть не может. И сами кадеты, будь они у власти, никогда не совершили бы над собой такого политического харакири, при котором от Петербурга и Москвы вместо Милюкова и Маклакова прошли бы социал-демократы. После опыта второй Думы говорить в России о чем-либо, приближающемся к всеобщей подаче голосов, нельзя без глубокого лицемерия. Тогда надо итти в революционный лагерь» («Голос Москвы», № 273).

Браво, браво, почтеннейший союзник кадетов! Очень благодарны на откровенном слове. При всеобщем избирательном праве — говорите вы — главной партией станут социал-демократы, а потому только они и могут искренне отстаивать всеобщую и равную подачу голосов. Мы же, т.-е. октябристы и кадеты, можем играть «руководящую» роль только при избирательном законе 3 июня. Так и запишем...

Что у Милюкова на уме, то у Громобоя на языке... Разоткровенничавшийся октябрист нечаянно сказал совершеннейшую правду. Контр-революционные либералы (каковыми являются на деле кадеты), при современной политической сознательности

*

рабочей и крестьянской демократии, могут лицемерно болтать о всеобщем избирательном праве. Но бороться за него они не могут и не будут (остается только изумляться, как этого не поняли некоторые трудовики из «Столичных Откликов», см. № 11).

Бороться за всеобщее избирательное право — в тесной связи с тремя главными и основными народными требованиями — в России будет только настоящая, подлинная демократия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 5, от 6 января 1913 г.; подпись—«Н. Ск.».

[2]) Всеобщее избирательное право было сочинено кадетами в январе—марте 1913 г. Уже вводные слова Милюкова к этой думской шумихе сразу же открыли сущность кадетского усердия, мотивируя необходимость всеобщего избирательного права тем, что лучше дать это право «с высоты престола», чем допустить величайшую, с точки зрения кадетов, опасность иного пути — «быть вырванным открытой борьбой народных сил». Когда же националист Крупенский задал кадетам ядовитый вопрос, сколько, в силу этого «всеобщего» права, могло бы пройти в Гос. Думу адвокатов, то Милюков ответил в том смысле, что адвокаты являются весьма желательным думским элементом уже потому, что они «учились делать то, зачем их сюда посылали», т.-е. главным образом—говорить. Этот же взгляд на сущность парламентской «работы» гораздо более откровенно выяснил еще раньше кадетский адвокат Мандельштам во время предвыборной кампании в Екатеринбурге, которую он вел против рабочего кандидата Егорова. Мандельштам прямо сказал, что «хороший оратор стоит десятка депутатов».

Ратуя за «всеобщее избирательное право», Милюков усердно подчеркивал, чем царскому правительству угрожают требования демократии, появятся столь неприятные царю и кадетам «насильственные формы, насильственные приемы и средства борьбы». В силу этого нужно «для успокоения и спасения короны» немедленно осуществить кадетский законопроект. Вообще же весь кадетский законопроект был сплошным лицемерием и вносился исключительно с целью произвести политическую шумиху; последнее верно отметил октябрист Шидловский, подчеркнув, что «Милюков, собственно, отказался от принципа всеобщности избирательного права, когда заявлял, что это требование является лозунгом, который полностью не может быть осуществлен». В конце своей речи Шидловский уколол кадетов, сказав, что по такому серьезному вопросу лидер «партии русской интеллигенции мог бы высказаться во всей широте и не размениваться на мелочи». Кадетский законопроект был снят с очереди, Милюков не особенно протестовал, считая, что эффект поклона по адресу «короны» сделан, хотя и не «во всей широте».

НЕНАПИСАННАЯ СТАТЬЯ ([1]).

(Письмо в редакцию.)

Позвольте выразить свою искреннюю благодарность редакции «Луча». Вот уже несколько дней прошло со времени стачки 9 января, а до сих пор, к нашему приятному изумлению, в «Луче» еще не появилось ни одной статьи против этой стачки... По нынешним временам, это — большой шаг вперед.

Как оставить неотмеченным такое «отрадное явление»? В самом деле. До сих пор, с правильностью астрономического явления, повторялось следующее. После каждой крупной стачки «социал-демократическая» газета «Луч» неизменно доказывала, что стачка была легкомысленна, что она только подчеркнула слабость рабочих, что политические стачки вообще обоюдоострое оружие, что увлекаться стачками—преступно, что это — «игра», «анархизм», «синдикализм» и — как там еще...

Понятно, что каждый раз, раскрывая «Луч» и не находя там статьи против стачек, мы готовы посылать благодарственный адрес редакции — хоть передышку маленькую дали.

Посылая свою благодарность «Лучу» за ненаписанную (еще ненаписанную?) статью против стачки 9 января, мы отлично знаем, что здесь может быть только маленькая отсрочка, и Ф. Д. в ряде статей, быть может, еще пространно докажет нам, что 9 января рабочие Питера, Риги и т. д. проявили свой грешный «синдикализм». Мы знаем, что «Луч» широко пользуется своей монополией писать против стачек, бранить тех, кто не может отвечать на той же арене, преуменьшать стачки, уверяя, что бастовало 14 тысяч, тогда как на деле бастовало 40 тысяч. Пусть! Мы все эти слабости ликвидаторской газеты знаем. И все-таки... и все-таки мы публично благодарим «Луч» за ненаписанную статью против стачки 9 января.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 12, от 16 января 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

СТАЧКИ И ДОРОГОВИЗНА ЖИЗНИ (1).

Общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района — то самое, которое прославилось знаменитым проектом каторжных правил о найме — занялось выяснением причин забастовок последних лет. Московские предприниматели склонны объяснить все забастовочное движение единственной причиной: ростом дороговизны жизни (2). В подтверждение этой мысли московские фабриканты сравнивают среднюю заработную плату рабочим Московской губ. за 1901 — 1909 годы со средними рыночными ценами на предметы первой необходимости. У них получается следующая табличка:

Заработная плата за 1901—1909 гг.: в текстильной группе — 171 р. 58 к. — 211 р. 15 к., прирост 23%; в металлообрабатывающей группе — 309 р. 12 к. — 359 р. 05 к., прирост 16%; во всех группах — 201 р. 37 к. — 237 р. 43 к., прирост 18%.

По этим данным выходит, что в годы 1901 — 1909 плата рабочим Московской губ. поднялась в среднем на 18%.

Относительно роста цен на предметы первой необходимости московские предприниматели приходят к заключению, что за это же время они поднялись на 14%.

Отсюда у них вывод: в стачках виноват только рост дороговизны жизни. А в дороговизне виновата-де только хлеботорговая политика, понижающая цены на заграничных рынках и повышающая их на внутреннем рынке (3).

Что сказать об этих соображениях московских предпринимателей?

Конечно, большой «прогресс» виден уже в одном том, что стачки не объясняются просто происками зловредных «агитаторов». Но все же в выводах московских фабрикантов содержится только одна *маленькая* частица правды.

Дороговизна жизни, разумеется, играет большую роль в росте стачечного движения рабочих. Можно с уверенностью сказать, что рост дороговизны на деле за 1901 — 1909 годы был даже выше того, что предполагают московские фабриканты. Даже экономисты казенной «России» поведали о вздорожании жизни на целых 24 процента. Но все же рост дороговизны жизни — только *одна* из причин стачечного движения рабочих.

Посмотрите на цифры, приводимые самими московскими капиталистами. По их собственным словам, сотни тысяч работающих на них текстильных рабочих зарабатывают около 17 рублей в месяц. Как же людям, живущим на такой нищенской голодной плате, не думать о борьбе за повышение заработка — независимо даже от роста дороговизны жизни?

И далее — как не бороться рабочим против тех полукрепостнических порядков, которые вновь установились на фабриках и заводах в годы контр-революции? Как не бороться вновь за отнятые завоевания 1905 года, стоившие стольких жертв (заработная плата в 1905 году повысилась на 20 процентов)? Ведь вся эта экономическая борьба, — как и политические стачки, — должна развиваться независимо от дороговизны.

Бешеный рост дороговизны жизни в России, разумеется, страшно обостряет необходимость стачечной борьбы. Не будь стачек, дороговизна совсем задавила бы рабочего. Но необходимость в стачке для рабочего класса создается в современном капиталистическом государстве целым рядом сложных причин. И это особенно верно относительно такой страны как Россия, где еще так сильны остатки крепостничества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 23, от 29 января 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Дороговизна жизни отнюдь не явилась в 1912 г. грозным явлением для капитала, усиленно боровшегося за удержание рабочего бюджета в его нищенских рамках. Данный период, даже по признанию буржуазного экономиста Туган-Барановского, был временем большого финансового подъема, который объяснялся им «скоплением за последние годы значительных свободных капиталов на денежном рынке». Тот же автор устанавливает, что «банки жадно искали помещения для многих сотен миллионов незанятого капитала».

[3]) Хлеботорговая политика ни в коем случае не могла быть оправдываема плохим состоянием урожая. Напротив, 1912 год отмечался в России превосходным урожаем, но повышательная тенденция к взвинчиванию цен на хлеб составляла характерную черту последнего пятилетия, чем, конечно, и способствовала стремлению «незанятого капитала» спекулировать на хлебе.

«ХУЛИГАНСТВО» В ДЕРЕВНЕ (1).

«Ненасытная жажда земли делает крестьянина зверем».

(Из изречений одного черносотенного земца.)

Правая печать продолжает заполнять свои столбцы воплями о пресловутом «хулиганстве» в русской деревне (2). То и дело появляются письма перепуганных помещиц, жалующихся на «непочтительность» со стороны мужичков. Изредка к хору Пуришкевичей и современных госпож Коробочек присоединяется голос какого-нибудь «деятеля» церковно-приходских школ, священника, реакционного земца и т. д. Конца краю не видать жалобам. Осерчали господа, да и только. Уж так огорчает их мужик необразованный, что прямо пером не описать...

Делу дан «законный ход».

Главное управление по делам местного хозяйства, по словам «Утра России», разослало специальный циркуляр о хулиганстве в деревне, в котором пишет:

— «Сильно развившийся в последнее время в сельских местностях особый вид озорничества, известный под общим именем хулиганства, в связи с наблюдающейся среди молодежи распущенностью, делает для землевладельцев и благонамеренной части крестьян жизнь в деревне невозможной».

Среди губернаторов произведен опрос о мерах борьбы с хулиганством. По словам октябристского «Голоса Москвы»,—«по крайней мере, половина губернаторов категорически высказалась за применение телесного наказания» (за эту же меру высказался, как известно, в четвертой Думе депутат Пуришкевич (3). Скоро вопрос перейдет в «междуведомственное совещание, куда, кроме чинов министерства внутренних дел и нескольких губернаторов, войдут представители от духовенства, министров — юстиции, народного просвещения, финансов и военного», а затем «результаты будут внесены в совет министров» («Голос Москвы», 23 дек. 1912 г.).

Чем вызваны эти усиленные толки, этот, можно сказать, переполох по поводу так называемого крестьянского хулиганства?... Ведь та же правая печать—и, особенно, казенная газета «Россия» — каждый день уверяет читателей, что закон 9 ноября о разрушении общины привел к великим результатам, что польза

его необъятна, что благотворность его признает каждый русский крестьянин.

По правде сказать, нам, грешным, кажется, что неистовый шум о «хулиганстве» крестьян вызван именно тем, что самые горячие сторонники «аграрной реформы», проведенной третьей Думой, теперь воочию видят, что закон 9 ноября приводит не к «успокоению», а к обратным результатам. Земельный голод растет. Разделение деревни на массу бедняков и кучку богатеев идет вперед семимильными шагами. Растут недовольство, раздражение, протест.

Один из черносотенных земцев, кременчугский гласный Устимович ([4]), превосходно выразил философию реакционеров насчет того, почему мужик кажется господам помещикам самым отчаянным «хулиганом». Устимович изрек:

— «Ненасытная жажда земли делает крестьянина зверем. Он уничтожает проселочные дороги, насаждения, производит порубки. Он спит и грезит, как бы ограбить помещика».

Отсюда ясно и средство борьбы: «Г. Устимович призывал власть скрутить мужика в бараний рог, сокрушить его грабительские тенденции» («Русское Богатство», январь 1913 г. ([5]).

«Ненасытная жажда земли!»... Эта жажда действительно присуща русскому крестьянину. И не может не быть ему присуща при нынешнем положении, когда еще в 1911 году голодало, по официальным данным, около 20 миллионов крестьян, когда 699 крупных помещиков владеет 21 миллионом десятин земли, а мужику — «курицу и то некуда выпустить» ([6]).

Если земельный голод, «ненасытную жажду земли» называть хулиганством, тогда, конечно, хулиганство существует в России.

Тревога, которую забили Пуришкевичи и Устимовичи реакции по поводу мнимого «хулиганства» в русской деревне, свидетельствует всего только о том, что деревня не склонна оправдать надежд, возложенных на нее всевозможными «успокоителями».

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 28, от 3 февраля 1913 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Хулиганство в деревне было пущено в ход помещичьим классом, который, мстя за пережитые им годы аграрных волнений (1905 — 1907), стал всячески добиваться правительственных репрессий против крестьянства, при чем последнее — особенно молодежь — выставлялось правым писательством в самом неприглядном виде. Застрельщиком этой «литературной» тактики была книжка И. Родионова — «Наше преступление», где

отдельные факты деревенской некультурности обобщались в виде массовой психологии крестьянства. Либеральная часть печати тоже довольно охотно отводила место хронике «хулиганства», сдабривая в этом отношении тему всякими разглагольствованиями о «пользе просвещения».

[3]) Пуришкевич высказался за применение телесного наказания во время обсуждения в Гос. Думе запроса кадета Маклакова по поводу последних правительственных распоряжений о «борьбе с хулиганством» (8 марта 1913 г.). В своей речи Пуришкевич нашел нужным отметить то обстоятельство, что запрос Маклакова был «обращен не лично к министру внутренних дел, так как неудобно же обращаться к родному брату». Конкретно Пуришкевич предложил «в широчайших размерах применять розгу».

Социал-демократическая фракция задала прежде всего вопрос: кто же является рассадником тьмы в деревне, как не «то самое правительство, которое финансовое благополучие страны строит на пьяном бюджете и на вырождении нации, то самое правительство, которое покрыло всю Россию густой сетью кабаков». Рядом примеров социал-демократы доказали, что подлинными хулиганами нужно считать совершенно далекие от деревни слои, где процветает система всех видов разврата, высшею властью покровительствуемая.

[4]) Устимович сочетал обязанности гласного кременчугского земства с должностью прокурора полтавского окружного суда.

[5]) «Русское Богатство» привело мнение Устимовича в «Хронике внутренней жизни» А. Петрищева. Обозреватель сообщал при этом, что «значительная часть» земств также примкнула к проповеди главным образом карательных мер.

[6]) «Курицу и ту некуда выпустить» — из комедии Л. Н. Толстого — «Плоды просвещения».

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ С РАБОЧИМИ (1).

Мы уже говорили на страницах «Правды» не раз о том, как велико общее число даже тех только несчастных случаев, которые зарегистрированы фабричной инспекцией. Посмотрим теперь, в каких отраслях рабочие больше всего подвергаются несчастным «случаям».

Число случаев, окончившихся смертью, в отчетах фабричных инспекторов установлено более точно. Зарегистрировано фабричной инспекцией за годы: 1905 — 337 смертных случаев. 1907 — 453, 1908 — 374, 1909 — 417, 1910 — 458, 1911 — 485. И на первом месте по числу смертных случаев стоит Харьковский округ. За пять лет там отмечено 515 смертных случаев, тогда как в других округах количество смертных случаев было не выше 350.

В так называемый «Харьковский округ» наша фабричная инспекция включает, кроме Харьковской, всю Екатеринославскую губернию, Донскую область, часть Кавказа и т. д. Сюда входит, значит, большая часть русских шахтеров. Среди шахтеров процент несчастных случаев особенно высок.

Вот почему Харьковский округ имеет сомнительную честь стоять во главе всей России по числу ежегодно убиваемых во славу капитала рабочих. Недаром в песне южно-русских шахтеров поется:

Распроклятая жизнь шахтера.
День и ночь мы работаем,
Ровно в каторге сидим.
День и ночь мы со свечами
Смерть таскаем за плечами...

Мы подсчитали далее число всех заявленных фабричной инспекции несчастных случаев за пять лет. Этот подсчет дал нам следующую табличку:

	Заявлено за 5 лет.	
Московский округ	101.601	случаев.
Петербургский »	91.134	»
Харьковский »	88.895	»
Варшавский »	52.961	»
Киевский »	24.373	»
Поволжье	31.788	»

Цифры достаточно внушительны и говорят сами за себя. Доктор Погожев (2) нисколько не преувеличивал, когда писал, что

«самые лютые войны, самые отчаянные схватки, по процентной убыли из строя раненых, являются лишь невинной забавой сравнительно с той убылью из строя, какая замечается среди фабричных рабочих»...

Насколько число несчастных случаев в России больше, чем в Западной Европе, видно из следующей (приведенной у Пажитнова) (³) таблицы смертельных случаев, составленной Кеппеном.

Годы.	Франция.	Бельгия.	Англия.	Пруссия.	Россия.
	Коэффициенты убитых на 100 человек.				
1891—1895 . .	0,563	0,730	0,792	1,203	1,401
1896—1900 . .	0,610	0,649	0,784	1,180	1,523.

Россия стоит «впереди» всех других стран. По числу смертельных случаев она в $2^1/_2$ раза превосходит Францию, в два раза Англию и т. д. В то время, когда во Франции гибнет 10 рабочих, русских рабочих гибнет 25! Да к тому же во всех почти государствах, как показывает табличка, число смертных случаев падает, а в России оно растет.

Одна из катастроф (на Охтенском заводе в СПБ.) (⁴) недавно была предметом запроса в 4-й Думе. 4-я Дума, в виде исключения, приняла этот с.-д. запрос. Но серьезных результатов, конечно, не последует. Опять свалят вину на стрелочника, и дело ограничится только болтовней.

Не отсюда придет избавление. Пока мы не получим политической свободы, пока не удовлетворены основные требования социал-демократов в области рабочего законодательства, нет надежды на то, чтобы сколько-нибудь серьезно уменьшилось число несчастных случаев с рабочими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 33, от 9 февраля 1913 г.; подпись — «Г. З.».

²) Доктор Погожев, А. В. — автор целого ряда исследований в области фабрично-заводской медицины и рабочей статистики.

³) Пажитнов, К. А. — автор трудов по истории социализма в России и рабочего движения.

⁴) Катастрофа на Охтенском заводе взрывчатых веществ произошла дважды: 17 декабря 1912 г. и 3 января 1913 г. Пять человек было убито на месте, свыше ста пятидесяти рабочих умерли от ран. Причиною взрыва была ужасающая небрежность высшей военной власти, в ведении которой состоял завод, обслуживавший

артиллерийское ведомство, где начальствовал дядя Николая II — Сергей Михайлович. Ответ на думский запрос о виновниках катастрофы дал через пять месяцев помощник военного министра Вернандер, который с утонченнейшею предупредительностью к «избранникам народа» заявил, что его объяснение 155 смертей «буквально займет две минуты внимания господ членов Гос. Думы».

ГАЗЕТА «ZAIT» (¹).

Еврейский еженедельник «Zait» (Цайт), очень близкий по направлению к ликвидаторам, останавливается (№ 7) на вопросе о единстве русской социал-демократии. Еврейские ликвидаторы, учинив раскол в Польше, теперь тоже пылают любовью к «единству». Для этого, по их мнению, необходимо только одно: чтобы марксисты примирились с проповедью ликвидаторов. Повторяя лживые россказни, будто на ликвидаторской конференции объединилось «большинство» русской социал-демократии, и будто только «большевистская часть на это не пошла», «Zait» следующим образом отзывается об органе ликвидаторов «Луче».

— «Все утверждения, будто «Луч» ликвидаторский орган— фальшивы. Правда, в «Луче» можно найти материал для новых утверждений, что он борется против подполья и т. д. Новый толчок к этому дала неудачная передовая статья «Луча» в № 101, которая не у одного сторонника «Луча» вызвала чувство удивления. Но вообще песенке о «ликвидаторстве» пора бы уже раз навсегда сойти со сцены».

И дальше «Zait» выражает свое неудовольствие по поводу известного письма четырех депутатов-большевиков о выходе из «Луча», каковой выход будто бы «встретил осуждение большей части сознательных рабочих».

Чтобы читатель мог судить о степени беспринципности людей, называющих знаменитую передовицу в № 101 «Луча» просто «неудачной», напомним главное место этой передовицы:

— «Кое-где в рабочей среде даже оживают и крепнут симпатии к «подполью». Мы нисколько не закрываем глаз на этот прискорбный, по нашему мнению, факт» («Луч», № 101).

Можно соглашаться с этим «прискорбным» основным положением ликвидаторства или не соглашаться. Но отписаться словом «неудачно» могут позволить себе только люди, безнадежно ущемленные дипломатией. С одной стороны, как будто и неловко, но и с другой, — никак нельзя обидеть своих приятелей из «Луча».

«Zait» утверждает, что ликвидаторства и ликвидаторов вообще нет на свете. Советуем ему присмотреться поближе к своим собственным сотрудникам.

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹) Статья напечатана в газете «Правда», № 38, от 15 февраля 1913 г.; подпись — «Г.».

ХВОСТОВ И БАРАЧ [1].

Бедному бывшему нижегородскому губернатору Хвостову поистине не повезло. Готовился в председатели 4-й Думы, а оказался не только не у дел, но вынужден примириться еще и с тем, что в прошлой его государственной деятельности открываются теперь некоторые, весьма серьезные... изъяны.

На-днях биография Хвостова дополнена новым, весьма ярким штрихом. А. Стахович, опираясь на судебные документы, рассказал в печати [2], как Хвостов, будучи губернатором, сделал однажды распоряжение о «приводе» к нему «на ужин» двух оперных певиц, выступавших на нижегородской сцене... Певицы не сочли нужным принять столь грубое «приглашение», антрепренер Циммерман не пожелал оказать на них «воздействия» в желательном г-ну губернатору духе. Посланец губернатора (полицеймейстер) должен был уйти ни с чем. А через месяц антрепренер подвергся суровым административным карам за неподчинение властям...

Враги Хвостова весьма подробно рассказали еще об увеселительных прогулках сего бывшего губернатора на волжских пароходах. Но о сем умолчим...

Однако, свет не без добрых людей. В русской печати нашлись еще люди, которые взяли на себя благодарную задачу защитить от поношений доброе имя Хвостова.

Газета, выступившая в защиту Хвостова, конечно, — «Земщина». Кто же еще вступится за губернатора, хотя и бывшего? Но кто тот «писатель», которого выпустила на эту роль сия малопочтенная газета? В защиту Хвостова выступил не кто иной как... Барач [3].

В изображении Барача Хвостов, конечно, оказывается невинным, аки голубица. «Если бы правительство крепко держало вожжи в своих руках, — жалуется Барач, — то никто не посмел бы раскрывать государственную тайну о Хвостове и двух певицах». «Но министерство юстиции почему-то предпочло само принять участие в преследовании г. Хвостова». Неблагодарное отечество! Не сумели оценить великого патриота!

Защита члена Гос. Думы Хвостова его почтенным коллегой членом Гос. Думы Барачем — блестяща. Но... неужели «Земщина» не могла найти никого другого для защиты Хвостова,

кроме как... Барача? Ведь это же почти то же самое, что в защиту нравственности Гурко выслать заступником, скажем. Лидваля (4). Где же ваше чувство смешного, господа из «Земщины»?

Видно, правду говорят, что иной раз услужливый... доброжелатель — опаснее врага.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 43, от 21 февраля 1913 г.; подпись — «Г.».

2) Рассказ Стаховича был помещен в «Речи».

3) Барач, П. А. — член Гос. Думы от дворян Нижегородской губ. До своего избрания служил приставом нижегородской полиции, откуда и попал в Таврический дворец как человек, близко «знающий нужды края».

4) Гурко, Лидваль — герои грязной истории с закупкой хлеба для голодающих губерний; Гурко, один из ответственнейших чиновников министерства внутренних дел, приобретал хлеб через поставщика Лидваля. Отсюда выросло огромное дело о всяческих злоупотреблениях.

ЖЕНСКИЙ ТРУД В РОССИИ (1).

Насколько глубоко назрел вопрос о женском рабочем движении в Росии, видно из следующих цифр. Согласно последнему своду отчетов фабричных инспекторов, оказывается, что к концу 1911 г. рабочие, подчиненные надзору фабричной инспекции, распределялись следующим образом:

Рабочих-мужчин	1.412.921
Работниц-женщин	638.277
Всего	2.051.198.

Если судить по промышленным заведениям, подчиненным фабричной инспекции, то выходит, что на каждую сотню рабочих уже сейчас приходится почти полсотни (46) работниц. Ясно, какое огромное значение приобретает женский труд.

И заметьте: женский труд начинает применяться все больше и больше. За десятилетие 1901 — 1910 гг. «относительное количество лиц женского пола среди рабочих, — читаем мы в своде отчетов за 1911 г., — повысилось с 26 процентов до 31,1%». Это значит, что если в 1900 году на каждую сотню лиц, продающих свою рабочую силу, женщин-работниц было 26, в 1910 г. их было уже 31 человек. Если в 1911 г. доля участия рабочих и работниц возросла одинаково, то это, по мнению фабричной инспекции, лишь потому, что в этом году наиболее успешно развивались те производства, где труд женщин не применяется широко».

«Тем не менее, — продолжает свод отчетов, — стремление к замене рабочих-мужчин работницами продолжало проявляться и в отчетном (1911) году». Такая замена замечалась: в Петербургской губернии (главным образом, в связи с заменой мюльных прядильных машин — ватерными), в Харьковском округе, в Херсонской, Полтавской, Келецкой губерниях и т. д. Такая же замена отмечалась в Петербургской губ. в производствах: переплетном, картонажном, типографском, производстве обуви и галош и даже кирпичном.

В такой важной промышленной губернии как Костромская в 1911 г. впервые число занятых в промышленных заведениях женщин превысило число мужчин на 1.065 человек.

Женский труд особенно широко применяется в текстильном производстве. Там из 100 рабочих — 52 женщины и 48 мужчин.

В одной Петербургской губ. в текстильном производстве в 1911 г. занято было 49.240 женщин, в Московской — 136.183, во Владимирской — 103.265, в Петроковской — 65.368, в Костромской — 46.262 и т. д.

Мы приближаемся к тому моменту, когда ни одной крупной стачки рабочие не смогут провести успешно, если к движению не примкнут работницы. Заменяя рабочих работницами, предприниматели сразу убивают двух зайцев: и рабочая плата ниже, и способность рабочих к борьбе становится меньше. Не оттого ли так «свободно» держат себя текстильные фабриканты-локаутчики, что большинство работающих у них — неорганизованные женщины?

Приведенные цифры убедительно показывают, что приобщение женщин к нашему рабочему движению является буквально вопросом жизни и смерти для всего пролетариата. Укрепить женское рабочее движение теперь не просто одна из наших задач, а — одна из самых главных и основных наших задач.

Бороться с локаутами, бороться за лучшие условия труда можно будет только при крепкой организации рабочих и работниц. Только самое деятельное участие работниц в профессиональных союзах и во всем нашем рабочем движении лишит возможности фабрикантов опираться на работниц против рабочих. Либо мы разовьем сильное женское рабочее движение, либо на нашем пути будет постоянное препятствие.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 44, от 22 февраля 1913 г.; подпись — «Г. З.».

10 МИЛЛИАРДОВ (1).

В буржуазной французской газете «Matin» помещена статья буржуазного экономиста Эдмонда Тери о военных издержках шести европейских государств за 1912 г. Извлекаем оттуда некоторые цифровые данные.

Суммы, ассигнованные на военные издержки Францией, Англией, Россией, Германией, Австро-Венгрией и Италией, достигают на 1913 год невероятной суммы в 10 миллиардов рублей.

В период 1883 — 1893 гг. военные издержки шести вышеупомянутых держав возросли на 539 миллионов, что составляет возрастание ежегодно на 53.000.000 франков (франк = 37 коп.).

Период 1893 — 1907 гг. (14 лет) дает увеличение расходов на 2.036 миллионов франков, или 145.400.000 ежегодного возрастания.

Годы 1907 — 1912 дают возрастание расходов на 1.930 миллионов за 5 лет из ежегодных 386 миллионов франков.

Впереди всех вышеупомянутых государств стоит Германия, которая увеличила издержки на милитаризм с 504 до 823 миллионов, т.-е. ежегодно на 21.900.000 франков.

Под влиянием экономической конкуренции Англия за период от 1893 до 1907 г. увеличивает свои военные издержки на 49.400.000 франков ежегодно.

С 1907 по 1912 г. пальма первенства в увеличении издержек на милитаризм принадлежит России. Вследствие иностранной политики Австрии, расходы России, которые в 1883—1893 годы увеличивались ежегодно на 6.100.000 франков, в годы 1893 — 1907 (14 лет) возрастали на 28.600.000 франков ежегодно, включая и годы русско-японской войны (1904 — 1905). Возрастание же расходов за последнее пятилетие (1907 — 1912 годы) поднялось на 139.400.000 франков.

Но эти невероятные расходы на милитаризм, повидимому, не достигли еще своего апогея, и до каких размеров дойдут они — трудно предвидеть. Одно ясно — расходы возрастают и возрастут еще. Уже намечено на 1916 г. расширение морских сил Англии и Германии (2). От этих двух держав не отстанут, конечно, ни Австрия, ни Франция, ни Россия, ни Италия. Каждая из этих стран, посылая своих представителей на заседание лиги мира,

*

будет в то же время сверх всяких сил безмерно увеличивать свои военные издержки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 44, от 22 февраля 1913 г.; подпись — «З.».

[2]) Расширение морских сил Англии и Германии учитывало неизбежную перспективу конфликта их экономических интересов. Это отразилось и на морском бюджете остальных «великих держав», готовившихся ринуться в империалистическое взаимоистребление. Рост германского флота заставлял призадуматься и царскую Россию, которая была уже втянута в орбиту влияния английской дипломатии. Если в 1907-1908 гг. по расходам на военный флот Россия занимала пятое место среди других империалистических держав, то накануне мировой бойни—в 1912-1913 гг.—она уступала первенство в трате денег на броненосцы и крейсера только Англии и Соединенным Штатам. Такой скачок на пути «маринизма» прежде всего отразился на остальных нуждах государственного бюджета и вызвал новый нажим налоговой системы в сторону неимущих классов.

В ДЕРЕВНЕ (1).

В черносотенных газетах не прекращается вой против так называемого крестьянского «хулиганства». Больше всего эти газеты оплакивают «непочтительность» крестьян по отношению к помещикам и к деревенским властям.

Нельзя отрицать того, что эта «непочтительность» — действительно весьма распространенное явление. Но вот вопрос: чем вызывается такое отношение крестьян, чем питается оно?

Чтобы ответить на этот вопрос, приведем пару фактов из области отношений помещиков и крестьянских властей к крестьянам. Заимствуем эти случаи из той массы однородных фактов, которые собраны обозревателем внутренней жизни в журнале «Русское Богатство».

— Два крестьянских мальчика деревни Чапльгиной, Фатежского уезда, Курской губ., братья Савелий — 15 лет и Александр — 8 лет, проезжая на двух подводах, встретились на дороге с коляской председателя уездной земской управы Батезатула. Старший, Савелий, зная барские претензии, во избежание скандала, поспешил свернуть с дороги. Восьмилетний же Александр, как ни старался, не мог справиться с лошадью и не свернул. На помощь младшему брату поспешил Савелий, но было уже поздно: Батезатул набросился на 8-летнего Александра и собственноручно расправился с ним. Затем накинулся на Савелия и нанес ему тяжелые побои. Мать избитых детей подала жалобу на Батезатула.

Вот вам первая картина нравов!

Хулиганами в правой печати объявлены были, конечно. крестьянские дети, а не помещик и черносотенный земец Батезатул.

А вот другая картина, рисующая отношение деревенского начальства к крестьянам.

В калужском окружном суде свидетельскими показаниями установлен такой факт.

Крестьянин Желков пришел к земскому начальнику Иванову попросить «жертвенной» муки, т.-е. муки, присланной на голодающих Красным Крестом.

— «И велел мне земский, — рассказывает крестьянин Желков на суде, — снять шапку и, несмотря на сильный дождь со снегом

ждать на улице. Ждать пришлось долго — с 8 часов утра до 2 часов дня. Потом позвал он меня в комнату, заставил кланяться в ноги и ползать на пузе, а потом говорит: «молись богу и читай: ваше высокоблагородие, простите, христа ради...» Когда все это я исполнил, земский приказал целовать ему ноги. Заставлял еще одно место целовать...» Тут свидетель замялся и дальнейшие подробности он передавал суду при закрытых дверях.

Вот как обращаются с крестьянами те представители власти и имущих классов, которых крестьянин видит каждый день, которыми он соприкасается на каждом шагу!..

Кто посмеет утверждать, что Батезатулы и Ивановы представляют только печальное исключение? Кто не знает, что именно Ивановы и Батезатулы характерны, что именно они показательны?

С «неотесанным» мужиком можно обращаться как со скотиной. «Ведь он же привык», — так рассуждают крепостники еще со времен Некрасова.

И вы хотите, чтобы к Ивановым да Батезатулам крестьяне питали нежные чувства, — вы, оскорбляющие и топчущие человеческое достоинство мужика на каждом шагу?! И вы, сами вполне заслужившие имя хулиганов, говорите о «хулиганстве» русских крестьян!..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 46, от 24 февраля 1913 г.; подпись — «Гр.».

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ С РАБОЧИМИ (1).

Последние катастрофы на шахтах, в Петербурге, в Варшаве, на Урале и т. д. поставили особенно остро вопрос о несчастных случаях с рабочими — случаях, которые все больше перестают быть «случайными».

Насколько угрожающим становится это бедствие для рабочих, видно хотя бы из очень недостаточных цифр, публикуемых в официальных сводах отчетов фабричных инспекторов.

Вот маленькая табличка о числе несчастных случаев, заявленных фабричной инспекции. Это — только небольшая часть всех действительно имевших место несчастных случаев. Кто знает нашу истинно-русскую постановку фабричной инспекции, кто обратит внимание на то, что, по данным самих инспекторов, расследовать им удается, в лучшем случае, 10 случаев из 100, — тот не сомневается, что тысячи и тысячи несчастных случаев просто остаются неотмеченными фабричной инспекцией.

	Число заявленных несчастных случаев.	
Годы.	Всего.	На 100 рабочих.
1904	69.697	41,9
1905	71.345	42,1
1906	78.734	45,8
1907	84.358	46,6
1908	76.409	42,3
1909	70.999	38,8
1910	77.608	39,8
1911	86.745	42,3.

1912 год, несомненно, будет еще более «рекордным». Если 1911 г. превысил 1910 г. на 12%, то еще более превысит его 1912 год.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год прямо указывает, что увеличение числа несчастных случаев «зависело, несомненно, как от увеличения числа занятых рабочих, так и от повышения интенсивности их работы, в связи с оживлением промышленной деятельности. Особенно отразилось на увеличении несчастных случаев — говорит отчет — оживление металлообрабатывающей промышленности, дающей наибольшее число таких случаев».

Оживление промышленности приносит рост прибавочной стоимости — фабрикантам и заводчикам, рост числа убитых и изувеченных — рабочим. Одним — побольше барышей, другим — побольше несчастий... Равномерное распределение, нечего сказать!..

Какую ничтожную роль играет нынешняя русская фабричная инспекция в деле удовлетворения рабочих за потерю трудоспособности при несчастных случаях, видно из следующей таблички:

Годы.	Фабричной инспекции заявлено несчастных случаев:	Ею расследовано несчастных случаев:
1905	71.345	6.618
1907	84.358	7.503
1908	76.409	7.051
1909	70.944	7.417
1911	86.745	12.710

Из ста случаев фабричная инспекция расследует только девять, десять, самое большее — двенадцать. А девяносто случаев остается даже нерасследованными! Да и какова цена этим казенным расследованиям — рабочие очень хорошо знают... Нет, не на нынешнюю фабричную инспекцию, назначаемую сверху, могут надеяться русские рабочие, ежегодно поставляющие десятки и десятки тысяч жертв на алтарь капитала!..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 46, от 24 февраля 1913 г.; подпись — «Г. З.».

МАРКСИЗМ В РОССИИ (1).

Марксизм как система идей, за которой стоят широкие рабочие массы, существует в России сравнительно с недавних пор. И это по очень простой причине: потому что и само массовое движение рабочих и даже самый рабочий класс как класс, охватывающий миллионы и миллионы, — существует у нас тоже сравнительно с недавних пор.

Но зато с тех пор как массовое движение в нашем рабочем классе началось, с этого времени оно все обвеяно духом марксизма.

На этих днях (1/14 марта) исполнилось 30 лет с того времени, как умер великий провозвестник научного социализма Карл Маркс.

Два славных юбилея совпали для русских марксистов с этой великой годовщиной. Один — тридцатилетний же — юбилей первой русской социал-демократической группы — группы «Освобождения Труда». Другой — пятнадцатилетний — юбилей формального образования российской рабочей партии. Ни о том, ни о другом юбилее мы не можем здесь сказать всего, что нужно бы сказать. Остается ограничиться немногим.

Когда указанная первая марксистская группа (главным деятелем которой был Г. В. Плеханов) начинала свою деятельность, марксисты не только не преобладали в среде русских социалистов, но были в ней буквально единицами. В те времена у нас процветал так называемый «русский социализм», т.-е. народничество, смешанное в различных пропорциях с анархизмом и другими видами мелкобуржуазных идей. В России нет — и едва ли будет — рабочего класса, — уверяли народники. Россия пойдет особыми путями. В ней возможен только крестьянский социализм. Фаза капиталистического развития минует-де нашу богоспасаемую страну, и мы сразу перескочим из патриархальной России в царство социализма.

Первые марксистские сочинения Г. В. Плеханова встречены были народниками крайне недружелюбно. Рассказывают, что местами фанатики народничества жгли эти кощунственные, на их взгляд, сочинения. А марксистам подсказывали, что, раз они исходят из неизбежности развития капитализма в России, то им-де следует самим заняться насаждением фабрик, кабаков и т. д.

Как еще близки и, вместе с тем, как далеки эти времена!..

До конца 80-х годов первые русские марксисты могли вести теоретическую борьбу с народничеством и развивать идеи марксизма почти исключительно в зарубежной печати. В 90-х годах русские марксисты получают некоторый доступ на легальную арену. В журналах «Новое Слово», «Начало», «Жизнь» и др. русские марксисты продолжают войну с народничеством. Впервые марксизм становится крупным фактором открытой общественной жизни. Война с народниками становится все более и более победоносной. Две главных марксистских книги наносят решительный удар мелкобуржуазным народническим взглядам и дают прочный фундамент русскому марксизму. Мы говорим о сочинениях Г. В. Плеханова (Бельтова) — «Монистический взгляд на историю» и В. И. Ленина (В. Ильина) — «Развитие капитализма в России».

В ходе борьбы оказалось, что в самом «легальном» марксизме скрывалось два течения.

В борьбе с утопиями народников к марксизму прилипло много буржуазно-либеральных элементов. Лишь начавшиеся крупные выступления рабочего класса отделили пшеницу от плевел. От марксистов окончательно отошли все эти господа Струве, Туган-Барановские, Бердяевы и прочие будущие кадеты.

К концу 90-х годов и к началу 900-х русский марксизм оказывается опять в подпольи. Но рабочее движение растет и развивается. И с ним вместе растет, несмотря ни на что, русский марксизм.

Марксизму этой эпохи приходится вести новую борьбу с отсталыми полу-либеральными теориями так называемых «экономистов», т.-е. предков нынешних ликвидаторов. Экономисты тоже урезывали политическую борьбу рабочих, выдвигали на первый план цеховую и «экономическую» точку зрения, не понимали задач авангарда класса (партии) по отношению к самому классу. Марксистам пришлось пройти через ряд расколов и пережить тяжелую внутреннюю борьбу. Но движение вышло из этой борьбы еще более окрепшим, еще более сплоченным и могучим.

Приближались великие годы русской истории. Рабочий класс стал вождем всей освободительной борьбы. На его плечи легли великие исторические задачи. Марксисты были с ним. Русский марксизм в огне битв окончательно спаял свою судьбу с судьбами русского пролетариата. Потом великие праздники

сменились буднями, мрачными, тоскливыми буднями. Для рабочего класса наступили особенно тяжелые времена. Русские марксисты опять были с ним. И эпоха контр-революционных будней, быть может, не менее наглядно, чем эпоха праздников, показала, что русский марксизм неразрывно уже связан с русским рабочим движением, что рабочее движение в России насквозь проникнуто идеями марксизма.

Теперь на арене нынешнего «легального» марксизма опять происходит очистка пролетарского учения от примесей либерализма и половинчатости (ликвидаторства). И, несомненно, опять движение выйдет на дорогу еще более крепким, бодрым и сильным.

Как мало прожито, как много пережито!

Еще маленькой горсточкой были мы 30 лет назад. Еще только начинающим, зародышевым политическим коллективом обладали рабочие 15 лет тому назад. Великой силой становятся (и стали) русские рабочие теперь, идя под знаменем марксизма.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 52, от 3 марта 1913 г.; подпись — «Н. Скопин».

О ШТРАФАХ (1).

В «Правде» нам пришлось уже указывать, как заботливо и любовно господа фабриканты и заводчики разрабатывают систему взимания штрафов с рабочих. Чего стоят, например, «правила», выработанные обществом фабрикантов и заводчиков московского промышленного района! За «непредъявление паспорта»—штраф, за опоздание на 5 минут —штраф. За «курение в недозволенных местах», «за потерю очков», за «хождение по другим мастерским»—штраф, штраф и штраф...

Свод отчетов фабричных инспекторов позволяет до некоторой степени подсчитать, как велика та жатва, которую капиталисты снимают в виде штрафов.

За 1911 год взыскано с рабочих штрафов 605.314 руб. 08 коп.

Подсчитано, что в 1911 г. на каждые 100 руб. заработной платы в общем среднем по империи взыскано штрафов 16,2 коп., а с каждого рабочего—40,9 коп. в год.

Интересно посмотреть на движение штрафов за последнее десятилетие (согласно данным фабричной инспекции). Следующая табличка дает весьма наглядное представление об этом движении:

Годы.	Число фабрик и заводов, на которых взыскивались штрафы. Абсолютно.	В %.	Число рабочих на этих фабриках.
1901	4.756	26,7	1.222.382
1902	4.831	28,9	1.233.737
1903	4.827	29,6	1.254.528
1904	4.678	30,8	1.261.311
1905	4.058	22,9	1.268.283
1906	3.836	18,4	1.250.148
1907	3.209	20,2	1.204.070
1908	3.547	22,2	1.276.838
1909	3.647	23,6	1.319.381
1910	3.614	22,2	1.376.835
1911	4.069	23,9	1.480.163

В этой табличке бросается в глаза следующее. За памятные 1905 и 1906 годы число предприятий, в которых налагались штрафы, уменьшилось почти вдвое: оно падает с 30,8 процента в 1904 г. до 18,4 процента в 1906 году.

Это — очень знаменательное явление. В те же памятные годы заработная плата росла быстрее всего. Когда рабочий наиболее энергично боролся, тогда он выигрывал во всех отношениях.

Штрафы по сути дела являются, конечно, уменьшением заработной платы рабочих, и, в конце концов, идут в карман предпринимателей. Борьба со штрафами есть дело совершенно необходимое. В годы борьбы рабочие при забастовках неоднократно выставляли требование: штрафные капиталы отдать в кассу рабочих организаций. Недавно в Сибири типографщики, бастуя, выставили требование: отдать штрафной капитал данного предприятия в рабочую газету «Правда»... Цифры даже фабричной инспекции ясно показывают, какое огромное зло представляют собой для рабочих штрафы.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 59, от 12 марта 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

РАСХОДЫ НА ТЮРЬМЫ (1).

В нынешнем году на тюрьмы предполагается израсходовать ни больше, ни меньше как 38 миллионов рублей.

Вот несколько цифр, показывающих, как головокружительно быстро растут у нас расходы на тюрьмы. Расходовалось:

в 1907 году		16.992.000 рублей
» 1910 »		31.123.000 »
» 1912 »		33.740.259 »
» 1913 »	(испрашивается) . .	38.242.804 »

Всего за 5 лет расходы на тюрьмы увеличились почти в $2^1/_2$ раза! Поистине, другие ведомства могли бы позавидовать тюремному... Да, кроме того, мы еще увидим, что добрая часть также страшно возросших расходов на полицию тоже должна быть отнесена к тюремным расходам.

С такой же ужасающей быстротой растет и количество «тюремного населения». Еще в 1905 году число арестантов равнялось 85 тысячам, в 1912 году оно равнялось—190 тысячам.

Содержалось в тюрьмах империи на 1 января:

в 1907 году		123.616 человек
» 1908 »		160.025 »
» 1909 »		178.665 »
» 1910 »		173.363 »
» 1911 »		179.841 »
» 1912 »		190.201 »

Да сюда еще не вошли не учитываемые центральной статистикой арестанты, находящиеся в пути, заключенные в земских домах, волостных правлениях, в помещениях при полиции и т. д. По мнению авторов объяснительной записки к тюремному бюджету, составленной в министерстве юстиции, эти категории заключенных составляют 30.000 человек. Так что всего «тюремное население» России к 1913 году (без ссыльных) составляло 220.000 человек. Из этого числа—каторжан 31.629 человек, присужденных в исправительные отделения—39.326 человек, а всего долгосрочных—45 процентов.

Где, в какой стране во всем мире тюремное население достигает таких размеров?!

1 миллион рублей на покрытие тюремных расходов берется из заработной платы заключенных—труд арестантов за последние

годы сильно возрастает (общая сумма заработка заключенных возросла с $1^1/_2$ миллионов в 1907 году до 4 миллионов в 1911 году). А все остальные 37 миллионов, конечно, — с рабочих и крестьян.

Министерство юстиции обнадеживает нас еще, что в ближайшие годы «тюремное строительство примет особенно широкие размеры», и что «число содержащихся под стражей должно удержаться в ближайшие годы в повышенном составе» «вследствие событий 1905 года и последних лет, окончательно нарушивших нормальный прирост» заключенных... (Объяснительная записка, стр. 10, 20.)

Четвертая Дума, конечно, согласится выдать из народного кармана все деньги, требуемые на тюремное ведомство. Ведь даже кадеты в третьей Думе голосовали за ассигновки на тюрьмы... Все «упорядочение» тюрем третья Дума свела (в своей формуле перехода) к пожеланию о «мерах» к пресечению побегов и увеличению числа надзирателей... О насилиях над политическими заключенными, об условиях, создающих одичание и вымирание заключенных, вообще о всем уродстве нашей тюремной системы поведают с трибуны только рабочие депутаты. И только они заявят: ни копейки на тюрьмы!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 63, от 16 марта 1913 г.; подпись — «Г. З.».

РАСХОДЫ НА ПОЛИЦИЮ [1].

Рядом с расходами на тюремное ведомство расходы на полицию занимают крупнейшее место в нашем бюджете.

Расходы на различные полицейские учреждения — от департамента полиции до городских, уездных и окружных полицейских управлений, на сыскную часть, награды и пособия чинам полиции и т. д. равнялись в 1912 году — 63.109.072 руб., а в 1913 году предполагается 64.648.007 руб.

Сюда не вошли расходы на врачебно-полицейские надобности, на воспитание детей высших чинов полиции, на комитеты по делам печати (по существу дела являющиеся органами полиции) и т. д. Сюда не вошли также полицейские расходы, проведенные по сметам других министерств.

И все-таки намеченные расходы на полицию составили на 1913 год около 65 миллионов рублей!

Вся смета расходов по министерству внутренних дел на 1913 год исчислена в 102.438.237 рублей. И вот из этих 102 миллионов — 65 миллионов уделено на полицию. Иначе говоря, расходы на полицейские надобности в бюджете главного нашего министерства — внутренних дел — составляют целых 63 процента! Из каждого рубля, расходуемого министерством внутренних дел, — 63 коп. идут на чисто полицейские расходы. Да эти расходы на полицию к тому же сильно возрастают. «Объяснительная записка министра внутренних дел» откровенно сознается: «Главнейшие увеличения коснулись кредитов, испрашиваемых на полицейские надобности».

Поистине — какое-то полицейское министерство.

Одних полицейских расходов, «не подлежащих оглашению», в смете значится около четырех миллионов рублей! Эти суммы, разумеется, тратятся на постановку политического сыска, «внутреннего освещения» и прочие операции, влекущие за собой дела Азефов, Кулябок [2] и т. п.

За период 1903 — 1911 гг. расходы на полицию и тюрьмы увеличились на 83%, за годы 1903 — 1913 они увеличились более чем на 100 процентов.

В подробных пояснениях, полагаем, все вышеприведенные цифры не нуждаются. Рабочие депутаты в самой Думе при обсуждении бюджета смогут остановиться на этих расходах

более подробно. А пока ограничимся сказанным и лишь спросим господ из кадетской партии: проголосуете ли вы и в этом году за выдачу из народного кармана всех требуемых на полицию ассигновок?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 65, от 19 марта 1913 г. подпись — «Г. З.».

[2]) Кулябко, Н. Н. — подполковник, начальник киевского охранного отделения, замешанный в провокационной тактике тов. министра внутренних дел Курлова, окончившейся убийством Столыпина Богровым.

ДЕТСКИЙ ТРУД В РОССИИ (1).

В поисках за дешевым трудом ненасытный капитал не только закабаляет на фабриках и заводах огромное число женщин, но не останавливается перед калечением детей самого нежного возраста. Посмотрите на последний Свод отчетов фабричных инспекторов. От этих сухих цифр, от этих казенно-гладких, бездушных объяснений веет прямо ужасом...

К концу 1911 года в одних тех предприятиях, которые подчинены фабричному надзору, занято было 220.802 детей и подростков, из них — 92.412 девочек и 128.390 мальчиков.

И — главное: число малолетних и подростков в 1911 году возросло почти в два раза больше, чем взрослых рабочих и работниц!

Число занятых на фабриках и заводах малолетних и подростков возросло за этот год на $8^1/_2$ процентов, тогда как число взрослых возросло лишь на 4,7 процента!

Применение труда малолетних расширилось в 1911 году, главным образом, в текстильном производстве (см. Свод отчетов). Общее число малолетних, занятых при обработке волокнистых веществ, составляло в конце 1910 года — 11.580, а к концу 1911 г. — 12.808, т.-е. больше на 1.228 детей, или на 10,6 процентов. Текстильные фабриканты систематически заменяют мужчин женщинами и детьми.

В общем составе всех рабочих, подчиненных фабричной инспекции, малолетние и подростки составляют 10,8 процента. Это значит, что из каждой сотни наемных рабочих — почти 11 человек детей. Капиталу недостаточно одного рабочего — подай ему еще жену рабочего, мать, сестру, подростков и малых детей.

Старший фабричный инспектор Московской губ. пишет по этому поводу:

— «В отношении малолетних рабочих следует отметить грозное явление: число их, все время падавшее (?), вот уже второй год возрастает. Некоторые инспектора объясняют это явление все увеличивающейся конкуренцией фабрик, прибегающих к труду малолетних как к наиболее дешевому... Может быть, пора было бы в законодательном порядке повысить норму возраста для допущения малолетних на работу, хотя бы до 13 лет, как это давно уже принято в Германии и Франции».

Господин старший фабричный инспектор весьма «скромен» в своих желаниях. Интересно знать, согласился ли бы он на то, чтобы его дети шли на каторжный фабричный труд с 13-летнего возраста... Но и то, чего желает господин старший инспектор, пока — «бессмысленные мечтания». Коковцов в своей недавней думской декларации обещал законопроект только о сокращении рабочего времени детей и подростков. Да и то — улита едет, когда-то будет.

Рабочие и рабочая партия требуют воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами. Это — самое меньшее, что нужно рабочим для того, чтобы хоть сколько-нибудь уберечь своих детей от вырождения, от ранней смерти.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 71, от 26 марта 1913 г. подпись — «Г. З.».

«НЕ ВМЕР ДАНИЛО...» (1).

Обращаем внимание читателя на одну любопытную статейку в защиту ликвидаторства, напечатанную в «Луче». Автор ее, некий Вано, «до сих пор» гордился «званием плехановца», а теперь, после статьи Плеханова в № 56 «Правды» (2), торжественно «от этого звания отказывается». Но интересно не это, а то, как он формулирует самую суть ликвидаторства.

Он пишет:

— «Ликвидаторы отрицали не политическую партию пролетариата а старую организацию этой партии, доказывая, что партию надо организовать заново при помощи легальных организаций и легальной работы, ибо старая нелегальная организация—уже труп, и оживить ее нет возможности» («Луч», № 65).

Так защищают ликвидаторство в «Луче» без малейшего протеста со стороны редакции этой газеты!

Но ведь это — не защита, а самое красноречивое обвинение против ликвидаторства, господа!

Вы говорите, что ликвидаторы не отрицали политической партии пролетариата? Это — неправда! «Сам» Троцкий писал в 1910 году:

— «Так называемые легалисты и ликвидаторы плывут по течению контр-революции, отрицая вообще необходимость организованной партии» «Vorwärts», от 27 августа 1910 г., № 201, стр. 4).

Но это оставим в стороне. Сейчас важно ваше собственное признание, что, по вашему мнению, старая партия—«труп», что ее «надо организовать заново», и притом при помощи только (ни о чем другом у вас нет речи) «легальных организаций и легальной работы».

Ведь это же и есть ликвидаторство, господа!

Легальные организации (союзы, клубы, газеты, кооперативы), легальная с.-д. работа — необходимы. Об этом нет никакого спора, как нет и спора о том, что нужны новые формы строительства и в иной области... Но вот — кто должен вести легальную (и иную) с.-д. работу? Кто должен перестраивать и искать новых путей? И нужно ли вообще «подполье», которое вы, господа, походя поносите? — Вот в чем вопрос.

Хорошая защита: мы, мол, не ликвидировали партии, а только (только!) говорим, что она — «труп» и что «оживить ее нет возможности».

Это называется поправиться из кулька в рогожку.

— Не вмер Данило, — болячка задавила, — говорят малороссы. Мы не ликвидировали партии, а только объявили ее трупом, — говорят ликвидаторы... Так и запишем...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 71, от 26 марта 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Статья Плеханова — «К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Гос. Думы» («Правда», 1913 г., № 56). В ней Плеханов с резкой отчетливостью устанавливал незыблемый факт, что ликвидаторская пресса пыталась «навязать нашим партийным элементам объединение с такими господами, которые в тяжелую для нашей партии годину, в то время, когда она истекала кровью, подвергаясь ударам на время восторжествовавших реакционеров, изменили ей, кричали, что не только не надо защищать ее, но надо бежать из нее без оглядки, словом, отнеслись к ней несравненно хуже, чем библейский Хам к своему ослабевшему отцу». Далее Плеханов утверждал, что те из меньшевиков, которые поддерживали подобных отступников, действовали так «главным образом из ненависти к товарищу Ленину».

И ТЫ, БРУТ? (1)

Тяжелые времена! Какое глубокое падение нравов! Ни в ком нельзя быть уверенным. Самые верные друзья изменяют. Самые огнеупорные патриоты не хотят оценить твоих заслуг перед дорогим отечеством. Измена, кругом измена...

Нет, вы подумайте только... Мы понимаем, что «жидомасоно-кадеты» и разные там «социалы» подняли «гвалт» по поводу того «обуздания» печати, которым решил облагодетельствовать Россию министр внутренних дел Маклаков (и съезд объединенных дворян). С грехом пополам мы можем еще понять, когда «октябри» ворчат против предполагаемого нового закона о печати. Но... нет, это — свыше меры, это — свыше человеческого разумения! Измена крылась, можно сказать, в собственном доме. Изменил... кто бы вы думали?.. сам Дубровин!

В передовой статье (№ 59) высоко-«патриотическая» газета «Русское Знамя» пишет:

— «Много шума наделал проект обуздания печати. Нас никто не может заподозрить в сочувствии безграничной свободе печати (еще бы! Чай не «жиды» какие-нибудь и не социал-демократы... — *Гр.*), но все же и мы не можем не примкнуть к тем, кто находит представление в цензуру газет за 3 часа до их печатания неудобным и противоречащим смыслу газетного дела... Имея право конфисковать издание, цензура будет задерживать выход газет просто по капризу... Конфисковываться будет издание, еще не выпущенное в свет, и суд будет судить за то, что предполагалось разгласить, но не было разглашено... Таким образом, суд будет карать за несодеянное... Такая же цензура, которая запрещает огулом... является глубоким абсурдом» и т. д.

И ты, Брут?

Вот до чего мы дожили! На кого же теперь надеяться? Где искать опоры? Остается посыпать пеплом главу и предаться печальным размышлениям на тему о людском коварстве.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1) Статья напечатана в газете «Правда», № 72, от 27 марта 1913 г.; подпись — «Гр.».

НА ОЧЕРЕДИ [1].

К страховой кампании.

Происходящее теперь воплощение в жизнь страховых законов затрагивает самые насущные интересы рабочих. А между тем — надо это прямо сказать — рабочие проявляют далеко не столько внимания и энергии, сколько можно было бы ожидать.

Сначала довольно сильно было бойкотистское настроение по отношению к страховой кампании [2]. Это теперь, кажется, уже превзойденная ступень. Никто не спорит более против того, что страховая кампания может быть использована в интересах рабочего класса, несмотря на то, что третья Дума выработала страховые законы в пользу капиталистов.

Но зато местами бойкотизм сменился индифферентизмом, безразличием. Что хуже — неизвестно. Вернее,—и то, и другое хуже.

Безразличие, недостаточное внимание к страховой кампании, между прочим, выражается в том, что часто приходится слышать даже от сознательных товарищей: не все ли равно, кто будет выбран в уполномоченные: с.-р., беспартийный, ликвидатор и т. д.? Лучших с.-д. сил из рабочих не стоит, мол, уделять сюда, для них найдется более важная работа.

Нет ничего ошибочнее такой точки зрения. Вести дело таким образом — значит вести дело спустя рукава. Оттого-то и становятся возможными случаи в роде того, что произошел у Эриксона [3].

Выборы уполномоченных в страховые кассы такое же важное дело, как выборы, скажем, в Думу, как любые серьезные выборы от всего рабочего класса.

Посмотрите на Германию, на Австрию! Там все представители рабочих в страховых учреждениях — социал-демократы. Кандидатов намечают социал-демократические профессиональные союзы и социал-демократические партийные группы рабочих...

Главная хорошая сторона даже нынешних русских антирабочих страховых законов — в том, что на заводах мы получаем выборные рабочие коллективы. Нам не давали — а часто не дают и теперь — выбрать даже старост. А тут нам вынуждены давать выбирать по 100 уполномоченных.

А мы пропустим этот случай и не поможем рабочим выбрать стойких и последовательных защитников их интересов?!

Нет, и тысячу раз нет! Каждый уполномоченный должен быть из числа последовательных рабочих демократов. Каждый кандидат в правление кассы — тем более. Никому не следует добровольно уступать этих мест. Каждая группа, каждый одиночка с.-д. должен работать в этом направлении. В страховые кассы должны быть двинуты лучшие рабочие силы. Иначе они станут ареной шатаний, путаницы, оппортунизма, использования против последовательной рабочей демократии... Время не ждет!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 74, от 29 марта 1913 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Страховая кампания была связана с выборами рабочих представителей в «Совет по делам страхования рабочих» и в «СПБ. страховое присутствие». Законы соответственного характера были выработаны в Гос. Думе. В сентябре 1912 г. состоялся съезд фабричных инспекторов, имевший целью непосредственно озаботиться о том, чтобы были проведены в практику решения бывшего незадолго до того совещания, созванного министром торговли и промышленности, «о порядке осуществления законов». На этом совещании рабочих представителей не было, и оно прошло так, как этого пожелали промышленники, приглашенные министром весьма полно. То же самое произошло и на съезде. Все это вызвало сильное и естественное раздражение в рабочей среде, хотя ликвидаторская печать и старалась прозрачно намекать на то, что-де интерес у рабочих к страхованию падает. Поэтому, когда в средине декабря петербургские рабочие объявили однодневную забастовку протеста против всех насилий власти, ликвидаторы пытались подорвать значение этого движения, утверждая, что состоялось якобы «выступление лишь ничтожной части рабочих». За такое искажение фактов ликвидаторы были сурово изобличены в «Правде». Но затем у рабочих стало проявляться, действительно, пассивное отношение к вопросу, в известной степени объясняемое пропагандою того бойкота кампании, который встретил сильное порицание на страницах той же «Правды», энергично разъяснявшей пролетариату всю отрицательность в этом случае подобной тактики.

[3]) У Эриксона — на телефонной фабрике Эриксона. Здесь, под влиянием бойкотистов, прибегавших к самым беззастенчивым приемам, рабочая среда подверглась разнобою, и выборы протекли очень скомканно.

КЛУБЫ И СОЮЗЫ ([1]).

Среди рабочих идут усиленные толки о необходимости организационного закрепления того громадного оживления в рабочей среде, какое наблюдается в последнее время. И действительно, нет более важного, более жгучего вопроса, чем этот.

Вопрос стоит вовсе не так: или дальнейшее массовое движение, стачки и т. п., или постоянные организации. Одно не только не противоречит другому, а наоборот, — одно создает условия для другого. Не «или-или», а «и-и» — так стоит вопрос... А рабочие клубы и профессиональные союзы, в числе других форм рабочей организации, естественно, являются одним из самых важных предметов забот всех передовых рабочих.

На пути к развитию рабочих клубов и союзов стоит, как известно, не мало препятствий. Не будем здесь распространяться о слишком известных препятствиях, сводящихся к тому, что клубы и союзы просто не разрешаются или насильственно закрываются. О тех случаях, когда рабочей организации не дают даже родиться или когда ее механически лишают жизни, приходится всегда говорить в тесной и неразрывной связи с вопросом: об общем политическом положении нашей страны.

Но возьмите те — весьма немногие — случаи, когда рабочей организации удается добиться формального разрешения на существование. Сколько раз эти организации гибли от того, что им хотя и разрешали существовать, но не разрешали что бы то ни было серьезное и полезное для рабочих делать! Открытые рабочие организации, в роде союзов и клубов, только тогда и могут стать массовыми, когда каждый рабочий непосредственно ощущает пользу организации: когда широкие слои видят, что союз может вести их стачечную экономическую борьбу, широко поставить культурно-просветительную работу и т. д. А наши союзы, просветительные общества и т. п. до сих пор не стали массовыми организациями — именно за невозможностью нормально выполнять эти задачи.

На почве нарастающего теперь оживления в рабочем движении создается возможность сделать и в этой области шаг вперед. Надо только правильно поставить задачу.

Постоянно слышатся жалобы, что в рабочих организациях ощущается недостаток в энергичных работниках-руководителях. Надо перестать жаловаться и понять, что только из среды самих рабочих могут теперь вербоваться руководители. «Интеллигенты» ушли. Их нет и едва ли будут (мы говорим о правиле, а не об исключениях). На все функции должны итти сами рабочие. И в просветительных обществах, и в клубах давным-давно пора начинать выступать в качестве докладчиков и лекторов самим рабочим. Первые шаги трудны. Но трудности надо преодолеть. Их преодолели немцы, преодолеют и русские рабочие.

Возьмем более близкий пример—Финляндию. Громадная работа по организации рабочей партии, союзов, отчасти кооперативов, всевозможных просветительных и т. п. обществ — все это сделано почти исключительно руками рабочих; интеллигентов в финской социал-демократии можно пересчитать чуть ли не по пальцам. То же самое придется делать и у нас. Все равно — жалобами на отсутствие интеллигенции делу не поможешь.

Затем остается самый важный вопрос — о содержании, о направлении открытых рабочих организаций. Тут слишком часто идут по линии наименьшего сопротивления и размениваются на мелочи. Вспомним хотя бы давнишнее заявление меньшевиков Выборгского района — противников так называемых «легалистов».

— «В обществе образования—писали эти меньшевики в 1909 году,— есть «социал-демократы», препятствующие чтению лекций по общественным наукам и докладов по таким важным вопросам, как о страховании пролетариата, о женском съезде, о бюджете, о земельном вопросе и т. д. Наоборот, всюду слышна проповедь обучения арифметике, грамматике, устройства чайных, биллиардных, шашечных, «своего хлеба» и прочих малых дел».

Правда, так было в самую тяжелую полосу реакции. Но и теперь не везде отделались от этого тяжелого наследия.

Рабочие клубы являются одним из видов просветительных рабочих обществ. Клуб — более свободная, более текучая, менее оформленная организация. В этом, при известных условиях, — большое преимущество. Но их направление должно быть строго марксистским, и они должны быть в той или иной форме связаны хотя бы рабочими профессиональными союзами.

Создание рабочих клубов, попытки создать, расширить и укрепить профессиональные союзы на основе закона 4 марта

при нынешнем оживлении являются, в числе других дел, крайне важной очередной задачей.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 74, от 29 марта 1913 г.; подпись — «Н. Ск-н».

НАШ БЮДЖЕТ [1].

I.

Рост косвенных налогов.

Косвенные налоги составляют огромную часть нашего приходного бюджета. Кроме доходов от казенной винной монополии, косвенные налоги составляют в 1913 году $657^1/_2$ миллионов рублей. А вместе с доходами от продажи водки косвенные налоги составят около $1^1/_2$ миллиарда рублей, т.-е. почти половину бюджета.

Косвенные налоги — наиболее разорительная для неимущих слоев форма обложения. В огромном большинстве случаев косвенными налогами облагаются предметы первой необходимости: спички, керосин, табак и т. д. Главными потребителями этих предметов являются рабочие, крестьяне, вообще неимущее население.

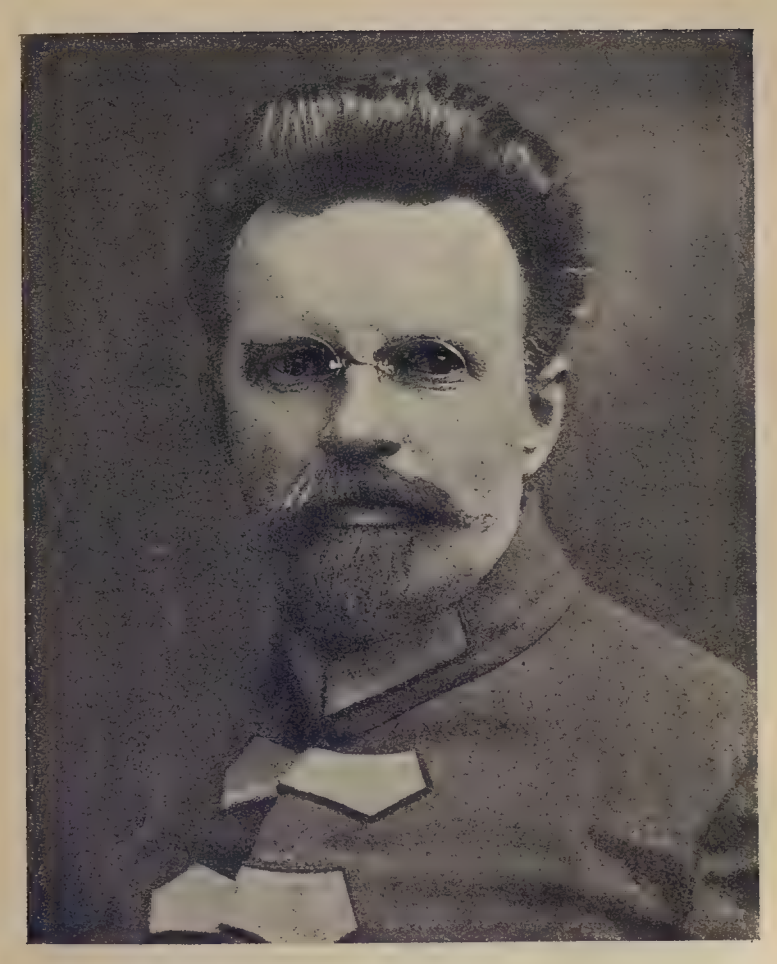
Таким образом, и главная тяжесть косвенных налогов падет на их плечи.

Возьмите смету 1913 года.

Акциз на сахар постановлено увеличить на целых $10^1/_2$ миллионов рублей по сравнению с 1912 годом. Общая сумма акциза на сахар в 1913 году предполагается в 138.250.000 рублей. В 1910—11 году потребление сахара составило 72.073.968 пудов, в 1911—12 году — 73.000.000. На 1913 год ожидается такое же потребление. Рост потребления сахара часто ниже естественного прироста населения. Зато рост потребления отечественной водки идет вперед гигантскими шагами. Увеличение акциза на сахар в размере $10^1/_2$ миллионов рублей в последнем счете падает, конечно, на бедноту, составляющую потребительскую массу.

Акциз на спички исчислен на 1913 год в 19.600.000 рублей — на 600.000 рублей больше 1912 года. В думской комиссии поднимается еще вопрос, нельзя ли обложить особым сбором и зажигательные машинки «в виду их распространения среди сельского населения». Пока это отложено.

Акциз на нефтяные продукты увеличен на 2 миллиона по сравнению с назначением 1912 года: с 46 миллионов до 48.035.000 руб. В последнем счете тяжесть и этого увеличения падет на трудящиеся массы.

Степан Степанович Данилов (Демьянов) один из редакторов «Правды» в 1912 году.

(Фотография 1924 г.)

Акциз с табака исчислен в 67.000.000 рублей — на 3 миллиона больше прошлогоднего. Законом 7 июня 1909 года введено уже было значительное повышение акциза с табачных изделий. Этого оказалось мало. И вот, — новое увеличение на 3 миллиона. В 1911 году доход этот дал 61.310.584 рублей, в 1912 году — 67.399.865 рублей, на 1913 год предположено — 70.000.000 рублей, а на деле получится еще несколько более.

Таким образом, уже на этих трех предметах первой необходимости предполагается выкачать из населения косвенных налогов на 16 миллионов больше, чем в 1912 году. И так — относительно абсолютно всех предметов массового потребления.

Социал-демократия стоит за полную отмену косвенных налогов. Уже при господстве нынешнего буржуазного общества социал-демократия предлагает заменить их введением прогрессивного подоходного налога, налога на наследство и т. д.

Прогрессивный подоходный налог означал бы, что капиталист, выкачивающий из рабочего прибавочную стоимость, по крайней мере, платил бы соответственный его богатствам налог на поддержание буржуазного «порядка». И налог этот прогрессивно возрастал бы по мере роста его богатства.

Это — минимальное требование демократии.

II.

«Пьяное» ведомство.

Существует в нашем государственном хозяйстве такое ведомство, носящее скромное название: «Главное Управление Неокладных Сборов и Казенной Продажи Питей». Это скромное ведомство является, однако, одним из самых прибыльных и играет самую важную роль в нашем, хромом на обе ноги, полукрепостническом бюджете.

Посудите сами. По смете исчислено: доходов обыкновенных — 1.123.123.825 рублей, расходов обыкновенных — 226.429.098 рублей.

Чистая прибыль: 896.694.727 рублей, т.-е. почти миллиард. Это ли не кругленькая сумма?

Львиная доля этих «доходов» падает на продажу водки (около 800 миллионов), остальное дает акциз на предметы первого потребления.

Пусть читатель полюбуется на следующие цифры, дающие представление о том, какие быстрые «обороты» делает наше всероссийское «пьяное» ведомство:

П р о д а н о в о д к и:

	ведер:	на сумму:
в 1909 году	84.321.000	716.250.000 рублей.
в 1910 »	89.542.000	759.675.000 »
в 1911 »	91.650.000	776.748.000 »
	(по предварительным данным)	
в 1912 »	96.469.000	814.365.000 рублей.
	(предполагается по смете)	
в 1913 »	95.500.000	810.000.000 рублей.

На 1913 год как будто ожидается некоторое уменьшение продажи водки. Но это—только отвод глаз. Доклад думской комиссии прямо отмечает, что каждый год в смете ведомством «пьяных дел» ставятся пониженные цифры, и практика обыкновенно «превышает расчетную цифру». Так что скорее можно ожидать, что в нынешнем году мы доведем дело до потребления ровным счетом **ста миллионов** ведер водки!

Уже само главное управление по продаже водки исчислило по знаменитому параграфу 21-му («доход от продажи казенных питей») доходы на 1913 год в 789.480.000 рублей, на 34.760.000 рублей более сметного назначения на прошлый, 1912 год. Но помещичья Государственная Дума тоже не дремлет. Думская комиссия (см. стр. 19 ее доклада) постановила: исчисление по параграфу 21 увеличить еще на 20.620.000 рублей и назначить всего 820.800.000 рублей дохода по этой статье. Слава богу, у нас есть конституция!..

Великолепно идут дела в ведомстве «пьяных дел». Одна только Сибирь потребляет 7 миллионов ведер водки. Цену на монопольную водочку всегда можно поднять — как это уже и делалось. Словом—не жизнь, а масленица.

Государственная Дума не только не беспокоит наше «пьяное» ведомство, но поощряет его. Один только раз помещичья третья Дума — для-ради шутки, что ли—высказала пожелание «о представлении в возможно скором времени предположений по вопросу о **научной** постановке дела изучения **борьбы с пьянством**». Но Главное Управление по продаже водки оказалось не менее находчивым: на предмет «научной» борьбы с пьянством ведомство внесло законопроект о создании какого-то одного несчастного «противоалкогольного института» в Петербурге...

Оно и резонно: нельзя же в одно и то же время «поощрять» и увеличивать барыши от спаивания населения водкой и «научно» бороться с пьянством... Ведь это же все равно, что поручать борьбу с пьянством былым откупщикам и целовальникам, или борьбу с хулиганством поручить Пуришкевичу, или курятник поручить охранять лисице...

Нет, не отсюда можно ждать действительной борьбы с пьянством, иными путями добьется этого крестьянская и рабочая демократия в России.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 75 и 76, от 30 и 31 марта 1913 г.; подпись — «Н. Ск.» и «Г. З.».

ИЗ ИТОГОВ 1912 года (1).

(К вопросу о стачках.)

1912 год имеет крупнейшее историческое значение для русского рабочего движения. Этот год начал собою новую славную страницу в нашей истории. Отдать себе ясный отчет в том, что составило главное содержание рабочего движения за этот год, какие формы движения наметила жизнь, куда идет дальнейшее развитие — в этом, несомненно, первая задача всех участников рабочего движения, и прежде всего — марксистов.

Каковы главные формы проявления русского рабочего движения в 1912 году?

Конечно — стачки.

Политические и экономические стачки буквально заполняют собою весь 1912 год. Нельзя сознательно сделать ни одного шага на поприще нашего рабочего движения, не выработав себе вполне ясного и определенного отношения к стачкам.

Отсюда — необходимость самым тщательным образом разобраться в том споре, по поводу стачечного движения 1912 года, который возник между марксистами, с одной стороны, и ликвидаторами, с другой, и в тех доводах, которые приводят ликвидаторы против стачек.

1. Как стоит вопрос.

Именно потому, что вопрос идет об оценке совершенно конкретного явления, близкого к нам по времени и не только не отошедшего в прошлое, но продолжающего развиваться, — спор об оценке стачек приобретает чрезвычайно жгучий и вместе с том вполне определенный характер. Спор идет не о различных идеологических надстройках, воздвигаемых каждой из сторон на базе одного и того же движения, одинаково признаваемого положительным явлением. Нет, речь идет о том, нужно ли, целесообразно ли при данных условиях самое это явление, т. е. сами эти стачки?

Мы говорим, разумеется, не относительно той или иной отдельной стачки. Тут возможны различные оценки при одина-

ково положительном отношении к массовой стачке вообще в данную эпоху. Дело совсем не в том, кто как оценивал, скажем, стачку 15 ноября 1912 года, при открытии 4-й Думы.

Вопрос идет о том, каково должно быть отношение к массовой стачке вообще, как она наметилась в русском рабочем движении всем 1912 годом. Как раз в этой области вполне обрисовались непримиримые разногласия чрезвычайной политической важности между марксистами и ликвидаторами.

Когда орган ликвидаторов «Луч» открыл свою кампанию против стачек, он писал в одной из первых своих статей на эту тему следующее:

— «Забастовка—орудие тонкое. От частого употребления оно изнашивается, тупеет... Если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать—она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение. Петроградские рабочие подошли к этой грани. Дальше уже начинается не борьба, а стачечный азарт. Этот азарт свидетельствует только о том, что массы неспособны к систематическому действию; что они готовы до поры до времени нести тяжелые последствия репрессии, но что они неспособны к постоянным каждодневным усилиям». *)

Дело идет у ликвидаторов не об отрицательном отношении к той или другой теории (скажем, большевиков), не об отрицательном отношении к призывам того или иного коллектива, той или иной группы. Нет, дело идет об отрицательном отношении к самому данному движению масс, как оно вылилось в 1912 году.

Вердикт, вынесенный ликвидаторами рабочим массам, очень суров. Обвинение формулировано точно и ясно: господа рабочие, вы занимаетесь не борьбой, а «стачечным азартом».

Сейчас мы еще не входим в рассмотрение того, верно ли или неверно утверждение ликвидаторов. Может быть, при ближайшем рассмотрении окажется, что на самом деле русские рабочие массы так уже плохи, а ликвидаторы так уж хороши. В данный момент нам важно установить предмет спора.

Мы ниже разберем еще подробно довод относительно того, кто, как и почему «перестает сочувствовать» стачкам. Сейчас мы констатируем только факт: по мнению «Луча», стачки

*) «Луч» № 53. «Что же дальше?», редакционная статья.

*

1912 года показали, что «массы неспособны к систематическому действию» и что «петроградские рабочие подошли к грани», после которой «начинается уже не борьба, а стачечный азарт».

Таков взгляд ликвидаторов на стачки 1912 года, до сих пор не оспоренный ни одним из сотрудников «Луча».

Совсем по-иному оценивают стачечное движение 1912 года русские марксисты. Они, разумеется, знают, что сейчас русскому рабочему движению недостает крепких, прочных, постоянно действующих организаций. Они вместе с тем не могут не видеть, что при данном положении вещей русские рабочие в 1912 году проявили чудеса организованности в деле стачечной борьбы. Удивляться надо не тому, что в движении давали себя чувствовать элементы неорганизованности, а тому, что при столь тяжких внешних обстоятельствах все же проявлялось столько планомерности и организованности. В самом деле, разве худшие враги рабочего класса — и черносотенцы и либералы — не вынуждены были признать, что ленские дни и майские стачки прошли чрезвычайно стройно, «по мановению жезла», как выражался Иуда Меньшиков.

Нам приходится брать стачечное движение 1912 года таким, каково оно есть — говорят марксисты. И беря его таковым, беря за образец именно так непонравившихся «Лучу» петроградских рабочих, шедших все время во главе, мы приходим к заключению, что это была не «азартная игра», не «маханье кулаками» *) а величайшее историческое движение, которому предстоит еще дальнейшее развитие и расширение вширь и вглубь.

Речь идет не только о различии доктрин, о различии теоретических формул. Речь идет о том, как смотреть на данное конкретное стачечное движение масс в 1912 году, втянувшее в свою сферу около 1 миллиона рабочих и стоившее рабочим, даже по подсчетам фабричной инспекции, 2.200.000 рабочих дней. Там, где марксисты говорят «да», ликвидаторы говорят «нет», там, где марксисты видят белое, ликвидаторы видят черное.

Рабочие массы не всегда идут по самому правильному пути. Теоретически говоря, мыслим случай, когда социал-демократия должна была бы выступить против известных форм движения, хотя бы за них стоял и целый миллион рабочих. Имеется ли налицо в данных обстоятельствах именно такой случай — об этом

*) Фельетон В. А. в № 56 «Луча».

мы поговорим подробно. Сейчас же важно уяснить себе, как стоит вопрос, и о чем идет спор.

Мы видели уже, что спор идет о том, считать ли происходящее на наших глазах грандиозное стачечное движение продуктом стачечного азарта и проявлением неспособности масс к систематическому действию, или — чем-то совсем другим.

2. Кто «перестанет замечать и сочувствовать»?

Чтобы покончить с той основной выпиской из ликвидаторской статьи против стачек, которую мы привели выше — остановимся на вопросе о том, кто перестанет «замечать» и «сочувствовать» стачкам, если они будут применяться «слишком часто».

— «От частого ее (стачки) применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать — она постепенно будет терять свое общественно политическое значение («Луч» № 53, редакционная статья).

Кто «перестанет замечать» стачки? Рабочие? Крестьяне? Городская демократия.

Можно с уверенностью сказать, что ничто не имеет такого огромного воспитательного значения, как именно стачки, подобные тем, которые шли весь 1912-й год. Рабочие целых огромных районов (Центральная Россия, Волга, Кавказ, Северо-Запад, даже Польша) еще не приобщились к возродившемуся стачечному движению. Наиболее активные рабочие Петрограда, Юга, Москвы показывали им пример не «азарта», а борьбы... Весть о стачках, происходящих в главных центрах рабочей жизни и политической борьбы, доносится до самых глухих уголков необъятной России. Тысячами нитей связаны рабочие и с деревней. Слухи и толки доходят и туда. Рабочая, сермяжная, демократическая Россия, миллионы и миллионы населения не только не «перестанут замечать» стачек, а, наоборот, неизбежно будут все внимательнее и внимательнее прислушиваться к ним.

Так кто же «перестанет замечать»? Нельзя ли выражаться яснее, господа ликвидаторы!

Зато гораздо яснее вопрос о том, кто «перестанет сочувствовать» стачкам. Ликвидаторы имеют здесь в виду сочувствие буржуазии, сочувствие либералов.

Нет никакого сомнения, что сочувствие буржуазного «общества» данной стачке, при прочих равных условиях, содействует

успешному ее исходу. Следует ли из этого, что рабочая стачка хороша, уместна и нужна только тогда, когда ей сочувствует буржуазия? Не видим ли мы во всей Европе, что развитие классовой борьбы делает все более и более редкими те случаи, когда либеральные и (даже) мелко-буржуазные слои общества сочувствуют рабочей стачке?

Это почти в одинаковой мере относится и к экономической и к политической стачке. Английские шахтеры во время своей недавней великой экономической забастовки отлично понимали, что хорошо было бы иметь сочувствие буржуазного общества на своей стороне. Стачка шахтеров ударила, однако, не только по финансовым королям Англии, но отчасти и по мелкобуржуазному населению, повысив цены на уголь и т. д. Значило ли это, что шахтеры должны были отказаться от забастовки, боясь того, что ей «перестанут сочувствовать»? Возьмем подготовляющуюся теперь всеобщую политическую стачку бельгийских рабочих, с требованием равного избирательного права. Конечно, рабочим очень желательна поддержка либеральной буржуазии, но последняя на деле все больше отходит от рабочих на сторону реакции. Только крайние бельгийские ревизионисты иногда проговорятся: бастовать можно, но только если не «перестанет сочувствовать» буржуазия.

Что означает это ликвидаторское в применении к России, «перестанут сочувствовать»? Сочувствовали ли либералы всем стачкам 1905 года? Сочувствовала ли буржуазия стачкам по поводу Лены? Сочувствовала ли она первомайской стачке и недавней забастовке по поводу судьбы матросов?

Не выходит ли по логике ликвидаторов, что и майская стачка была собственно «стачечным азартом»? Не вытекает ли из статей «Луча», что рабочие раньше, чем забастовать, должны справиться у кадетов: сочувствуете ли, господа либералы? А если либералы «перестали сочувствовать», то рабочие должны перестать бастовать?

3. Синдикализм или либерализм?

С целым рядом статей, «теоретически» защищающих антистачечную позицию ликвидаторов, выступил в «Луче» г. Ф. Д. Его статьи до сих пор не встретили возражений в «Луче», и их приходится рассматривать как символ веры, объединяющий всех «лучистов» — от В. Ежова до Н. Троцкого.

В своих 6 статьях против стачек, помещенных в «Луче», г. Ф. Д., по крайней мере, 60 раз обвиняет сторонников нынешнего стачечного движения в «синдикализме» и «анархизме». Синдикалисты за границей кстати и некстати зовут рабочих к всеобщей стачке. В России марксисты, противники ликвидаторства, стоят в данный момент за развитие и расширение начатого самими рабочими стачечного движения. Не ясно ли, что русские марксисты, сторонники стачечного движения, те же синдикалисты.

Всякому политически грамотному человеку бросается в глаза следующее кардинальное различие: нигде и никогда социалистам, борющимся с синдикализмом, не приходилось обрушиваться на миллионные рабочие массы так, как это случилось с нашими ликвидаторами. Почему это так? Да потому что синдикалисты только разглагольствуют о стачках и о вреде с.-д. участия в парламентах, а передовые рабочие идут себе своим путем, очень мало обращая внимания на синдикалистскую декламацию.

Синдикалисты болтают о стачках там и тогда, где и когда для стачечного движения нет основных предпосылок и где, наоборот, налицо как раз условия для других форм борьбы. Синдикалисты назначают (или, по крайней мере, назначали) десятки опереточных «всеобщих» стачек в год, при чем никто, и прежде всего — рабочие, этих стачек всерьез не брали. У синдикалистов — болтовня о стачках б е з действительных стачек, б е з отклика самих рабочих масс. У нас в России — широчайшее стачечное движение (наиболее великое во всем мире) б е з синдикалистско-анархистской болтовни. Ф. Д., не заметив этой маленькой разницы, уверяет, будто одно равно другому.

По расчетам ликвидаторов, рабочие массы в 1912 году должны были пламенеть любовью к «петиционной кампании» и ни в каком случае не итти дальше лозунга «свобода коалиции» и «борьба за легальность», а тут вдруг рабочие нарушили все ликвидаторские чертежи.

Не умея объяснить себе смысла событий, не веря в силу нарастающего движения, ликвидаторы ставят свой диагноз:

— «стачечный азарт», «синдикализм».

Врачу, исцелися сам! Отбросьте свои л и б е р а л ь н ы е предрассудки, перестаньте свое маловерие и малодушие приписывать массам, тогда вы перестанете видеть синдикалистское извращение там, где налицо здоровое, мощное, имеющее прекрасное будущее движение.

Цепляясь за фалды европейских марксистов, справедливо ведущих борьбу против синдикализма, Ф. Д. во славу ликвидаторства прибег даже к одному заведомому... извращению истины. Ф. Д-ну во что бы то ни стало хотелось доказать, что ликвидаторы находятся в одной компании с Каутским, Бебелем и Гэдом, между тем как анти-ликвидаторы будто бы находятся в компании с Жоресом и другими оппортунистами. Ф. Д., рассказывая о решениях Штуттгартского и Базельского конгрессов, относительно борьбы против войны, утверждает:

— «Глашатаями всеобщей забастовки во что бы то ни стало оказываются оппортунисты Жорес и Кейр-Гарди, ее противниками — Бебель, Каутский, Гэд, Адлер» («Луч» № 67).

Выходит, что Бебель, Гэд и другие марксисты безусловно отвергают всеобщую стачку, и — тоже потому, что они считают ее «стачечным азартом». Они, Гэд с Бебелем, хотят ограничиться только «борьбой за легальность».

Это — абсолютное искажение истины. В противовес Жоресу и Кейр-Гарди, видевшим во всеобщей стачке какое-то всеисцеляющее средство, марксисты не хотели видеть в стачке единоспасающего средства, но не больше.

— «Точка зрения марксистов на всеобщую стачку», справедливо говорит по этому поводу Г. В. Плеханов — «обобщает всякие возможности, т.-е. между прочим возможность не только всеобщей стачки, но и.... гораздо более острых форм борьбы».

Ф. Д. попытался изобразить дело так, будто Гэд и Бебель против массовых стачек, а за них только синдикалисты и оппортунисты.

Не о росте синдикализма говорит могучее стачечное движение русских рабочих в 1912 г., а о росте идей марксизма среди широчайших рабочих масс. Только либерал может видеть в этом движении синдикализм и анархизм. Крики ликвидаторов о «синдикализме» русских рабочих являются свидетельством о бедности, которое выдают себе сами ликвидаторы. Только мы, марксисты, идя рука-об-руку с массами и охраняя классовую чистоту движения, боремся на деле с синдикализмом. Столь же решительно мы боремся и с либеральными влияниями на рабочих. Движение 1912 года чуждо и враждебно бесплодному синдикализму. Оно не менее враждебно либерализму оторвавшихся от масс ликвидаторов.

4. Невысказанные предпосылки или «Европа» и мы.

Зачем «хватаются» русские рабочие за «обоюдоострое оружие забастовки» там, где европейские рабочие заявляют свой протест или свою политическую волю собраниями и митингами? *). Это — основной мотив в жалобах г. Ф. Д. на стачечную тактику русских рабочих. Зачем у нас не как «в Европе»?

Это все потому, что у нас возможна Лена, совершенно немыслимая ни в какой «Европе», потому, что у нас возможно восстановление телесного наказания по отношению к крестьянам, возможны в современной России эксперименты Кассо, похождения Азефа и Пуришкевича. И многое, многое другое...

Ликвидаторы в по-октябрьской России не хотят замечать уцелевших твердынь России до-октябрьской.

Между до-октябрьской и по-октябрьской Россией несомненно существует серьезная разница. Это марксисты, как целое, вполне определенно указали еще в декабре 1908 года, когда они сказали, что старый режим делает «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию».

Марксисты сказали не только это. Проанализировав все положение страны, они пришли к заключению, что попытка приспособиться к потребностям буржуазного развития страны не удастся. Они указали, что «власть и доходы» остаются «за крепостниками-землевладельцами». Они сделали — еще в 1908 году, в разгаре реакции — тот вывод, что «объективные задачи буржуазно-демократической» трансформации «в России остаются нерешенными».

Вывод этот вполне подтвержден последними годами развития. И крестьянская голодовка 1911 года, и распад третьеиюньского блока, и движение в рабочем классе, и разочарование даже либералов относительно возможности серьезных реформ — подтверждают этот вывод целиком.

Именно этого главного указания марксистов, сделанного в 1908 году, ликвидаторы не приемлют. Они взяли первую часть о «шаге по пути превращения в буржуазную монархию» и довели ее до абсурда, предположив, что «превращение» уже совершилось. Они отбросили вторую, главную часть.

*) «Луч», № 65, Ф. Д.

Когда ликвидаторы кричат о необходимости только «европейских» способов борьбы, о возможности у нас сейчас «европеизированной» «открытой» социал-демократической партии, о борьбе за «легальность» и т. д., — невысказанной преднопосылкой ликвидаторов является, что в основном и у нас уже «Европа», что Россия вошла уже в тихую гавань, что бури закончены и предстоит постепенное конституционное врастание.

Не должно быть и мысли о насилии — выкладывает простодушно Н. Р—ков эту мысль в одной из книжек «Нашей Зари».

Не нужна «лишь» одна «физическая сила кулака» — изворачивается на этот счет ликвидатор Ф. Д.*).

По существу дела — одно и то же.

В «до-октябрьской России», говорит Ф. Д., у рабочего класса «не было в руках почти никаких других средств, кроме забастовки и уличной демонстрации». Не то теперь. Теперь есть думская фракция, рабочая печать, петиции и т. д. А потому теперь очередным делом является «борьба за легальность».

— «В до-октябрьской России такая борьба за легальность была бы утопией; в после-октябрьской России она «...прямая и осуществимая (курсив Ф. Д.) задача» («Луч», № 69).

Нельзя выразиться яснее.

В то время как марксисты говорят: в после-октябрьской России у нас есть некоторые «легальные возможности», давайте используем эти новые формы для борьбы при новой обстановке за старые цели, — ликвидаторы говорят: у нас есть некоторые легальные возможности — чего же нам больше? Не ясно ли, что теперь у нас совсем как «в Европе», и нам нужна «борьба за легальность», а не «стачечный азарт» и «маханье кулаками».

---

*) «Луч», № 68. Вообще, ликвидаторам стал сильно не нравиться «кулак». «Только кулак в той или иной форме есть вещь, а прочее все гиль» — насмешливо формулирует настроение стачечников Ф. Д. (№ 69). «Нам бы лишь призыв для маханья кулаками», «ладно, мол, махнем кулаками» — вторит ему в «Луче» (№ 56) В. А., статью которого Ф. Д. нашел «прекрасной».

Дался вам «кулак», господа. До сих пор «кулак» не давал спокойно спать только Изгоеву и Струве. Не напишет ли Ф. Д. исследование «о вреде кулака»?

5. Опыт прошлого.

— ...«Неужели же она (российская соц.-демократия) не обязана учесть весь этот (западно-европейский) опыт, а наоборот, обязана встать на... точку зрения синдикализма?.. Разве собственный русский опыт трех последовательных политических забастовок 1905 года не достаточно громко говорит»...

Это все, что мы находим относительно старого опыта в шести статьях Ф. Дана против стачек, помещенных в «Луче». Ф. Д. только заикнулся о русском опыте и сейчас же повернул оглобли. Жаль; в интересах дела было бы крайне желательно, чтобы ликвидаторы не ограничивались неопределенными попреками по поводу прошлого, а сказали бы ясно, чем именно «три последовательных политических забастовки 1905 года» были плохи.

Опыт прошлого очень не нравится ликвидаторам. Это мы знаем также из известного ликвидаторского сборника «Общественное движение в России в начале XX столетия» (статья Кольцова и друг.). Раз теперь от осуждения опыта прошлого ликвидаторы переходят к осуждению опыта настоящего, — им следовало бы высказаться пояснее.

Прошлый опыт показал, что в массовой стачке упомянутых годов экономика «то и дело переплеталась с политикой». «Массы предъявляли экономические требования одновременно с политическими и обратно. Полоса политических стачек сменялась полосой экономических, и — наоборот. Волна догоняла волну. Политические стачки переходили в экономические и т. д.

Это своеобразие русской массовой стачки было абсолютно неизбежно при данных обстоятельствах, и именно это переплетение служило залогом силы и мощи движения.

Ликвидаторы решительно осудили этот характер стачек в прошлом. И они же осуждают и нынешнее стачечное движение за то же.

Сейчас же после ленских дней известный ликвидатор г. В. Ежов выступил в «Невском Голосе» с знаменитым заявлением:

— «Перед нами полоса экономических стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих».

Относительно 1905 и 1906 годов ликвидаторы выражали неудовольствие, почему политические стачки осложнялись экономикой (8-час. днем, напр.). Относительно 1912 года они ворчат, зачем экономические стачки «осложнять» политикой. Выходит, что «политика» и «экономика» должны всегда жить врозь. Рабочие массы никак не угодят ликвидаторам.

Относительно 1905 и 1906 годов ликвидаторы ссылались на фальшивое соображение о том, что, если бы рабочие не потребовали 8-часового рабочего дня, капиталисты не бросились бы в объятия реакции, и «общенациональная оппозиция» могла бы победить. Чем же они могут защитить план «не осложнять» экономических забастовок политическими требованиями? Кого «отталкивает» от нас, от кого «изолирует» нас это «осложнение»? Не равносилен ли этакий совет паролю: теперь вообще нужно поменьше политики, так как сейчас время экономических мирных стачек и не чего-либо другого?..

Не везет рабочим массам во мнении ликвидаторов — и в прошлом, и в настоящем. Таков уж удел ликвидаторов. Сначала все свои насиженные в кабинетах настроения они объявляют совершенно точным выражением воли самих масс, как было с историей «открытой» партии, «петиционной кампании», «свободы коалиции» и т. д. Проделав же целую эпоху ошибок и убедившись, что массы ничего знать не хотят об этих «планах» — объявляют массы «примитивными», не способными к систематической борьбе.

Старая история!

6. «Смысл философии всей».

Нам остается разобрать еще второстепенные доводы против стачек, чтобы затем подвести итог.

Ликвидаторы любят указывать, что стачки мешают созиданию постоянных рабочих организаций. Ликвидаторы говорят:

> «Масса растрачивает накопленный в ней запас политических сил без остатка, не находя в себе после энергии для сплочения своих рядов в постоянно действующие организации, а не внезапно, хотя бы и часто вспыхивающую толпу» («Луч», № 53).

Итак, или постоянно действующая организация, или часто бастующая «толпа». Третьего, следовательно, быть не может.

«Организационное» закрепление начавшегося оживления среди рабочих и мы считаем самым важным, самым насущным делом. Постоянно действующие рабочие организации (профессиональные союзы и проч.) и их укрепление являются, конечно, первейшей задачей рабочих. Кто станет спорить об этом, но откуда видно, что развитие забастовочного движения противоречит задаче созидания «постоянно-действующих» организаций?

Противопоставление стачек созиданию рабочих организаций в корне фальшиво. Постоянные организации не создаются только благодаря повторению слов о «постоянных организациях». Они создаются в ходе рабочего движения, одной из форм которого являются стачки. Если у нас до сих пор не могли создаться прочные организации (профессиональные союзы), то это не потому, что так сильно разрослось стачечное движение, а несмотря на то, что это движение с своей стороны способствует созданию организаций.

Против «вспышкопускательства», против бесплодной растраты сил, против однобокого «стачкизма», т.-е. стачек ради стачек, не считающихся с тем, что хозяева могут ответить всеобщим локаутом, не взвешивающих соотношения сил, истощающих рабочих, — мы первые будем предостерегать самым решительным образом.

Где же мы видим сейчас хоть что-нибудь подобное?

Стачечное движение достигло еще только размеров приблизительно 1906 года. Благотворное влияние стачек 1912 года на экономическую борьбу рабочих до сих пор вне всякого сомнения. Организованность рабочих растет. О том, что рабочие могут стать жертвой какого-то «стачечного азарта», в действительности не может быть и речи.

Если бы ликвидаторы деловым образом возражали только против данной отдельной стачки или против стачек в данной отрасли промышленности, где положение рынка позволяет капиталисту ответить локаутом и т. п., — вопрос не стал бы в ту плоскость, в которой он стоит. Но дело стоит не так. Возражения ликвидаторов направлены не против отдельных «необдуманных» стачек, а именно против всего духа движения, против всей полосы стачек 1912 года.

Каков смысл всей ликвидаторской философии?

Всякий, кто следил за политической эволюцией ликвидаторства, поставив себе этот вопрос, должен ответить следующим образом:

Ликвидаторы не верят в резкий поворот событий и считают невероятным повторение нового движения. Вся их тактика рассчитана на медленное конституционное развитие, прерываемое иногда более или менее острыми конституционными конфликтами, но не более. Рабочий класс с их точки зрения не может рассчитывать на роль вождя в дальнейшей общенациональной освободительной борьбе. Он должен просто думать лишь о том, чтобы устроиться получше в рамках «конституции» и вести свою борьбу за экономические улучшения и т. п.

Всю теперешнюю полосу рабочего движения ликвидаторы рассматривают лишь как результат промышленного подъема. облегчающего борьбу за частичные реформы, самое большее — за свободу коалиций.

Так оценили они и ленские дни, и майское движение. «Смысл развитой в эти ленские дни кампании — тот, что на очередь дня в России поставлен вопрос о свободе профессиональной борьбы», писал лидер ликвидаторов Л. Мартов («Живое Дело», № 15).

«Поставлен вопрос о свободе профессиональной борьбы». В этом «смысл» событий. И — только *).

Таковы взгляды ликвидаторов. Отсюда их борьба против стачек. В этом «смысл философии всей».

Мы не можем сказать здесь всего того, что на затронутую тему о стачках следовало бы сказать. Если освободительному движению суждено развиваться, то, несомненно, будет развиваться и стачечное движение рабочих. До сих пор кривая освободительного движения совпадала с кривой стачек. Январь этого года показал, что интенсивность движения не уменьшается, а увеличивается.

Марксисты не видят в стачке какого-то лекарства от всех бед. На стачке свет клином не сошелся. Русские рабочие применяли и иные средства борьбы — однозначащие и даже более значащие по политическому весу. Важно согласиться лишь насчет

---

*) В данном основном вопросе кадеты оказались вполне солидарными с либеральными рабочими политиками (ликвидаторами). Кадетская «Речь» тоже нашла после ленских дней, будто «в рабочем движении выступила вперед на первый план не его революционность, а его строго-профессиональный характер».

Либералы охотно верят в то, во что им так хотелось бы верить... не революционность, а строго-профессиональный характер — таков идеал либералов.

того, в какую сторону идет развитие, каков «дух времени». Тогда уже легко сговориться и относительно форм. Именно этого согласия нет теперь между марксистами и ликвидаторами.

Разногласия углубились. Раньше большевики и меньшевики спорили о том, как итти, каким темпом, в каком союзе и т. д. В это время путь, направление были едины. Никто не исходил из надежд на «врастание» в конституцию. Теперь ликвидаторы поставили под вопросительный знак именно само направление и путь.... (То же самое, в скобках сказать, относится и к спору о «подполье». Раньше спорили о формах его, но никто не отрицал его самого. Ныне ликвидаторы пишут передовицы о том, что возрождающиеся среди рабочих симпатии к нему — «прискорбны»).

Ни один серьезный человек, если он хочет участвовать в рабочем движении сознательно, не может обойти этих вопросов. Одно определенное решение он должен себе выработать. Объяснения Троцкого, будто все это просто «интеллигентские» споры, теперь звучат такой наивностью, что едва ли их сочтет за серьезные аргументы хоть один толковый марксист.

С марксистами или с ликвидаторами? Так поставлен вопрос не какими-либо кружками, а всем ходом рабочего движения в 1912 году. В этом — один из итогов минувшего года.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана въ журнале «Просвещение», 1913 г., № 3, март подпись — Г. Зиновьев».

ПРИВЕТ МЕТАЛЛИСТАМ ([1]).

После долгих мытарств петербургским металлистам удалось добиться того, что их профессиональный союз снова зарегистрирован.

Не малых усилий стоило металлистам этого добиться. Те, кому сие ведать надлежит, имели решительное намерение именно металлистам, больше чем какой-либо другой категории рабочих, помешать сорганизоваться. Так было в Москве, так было в Питере. Причины ясны: металлисты шли во главе всего рабочего движения в последнем (и не только последнем) году. Металлисты вообще одна из наиболее передовых профессий. Наконец, в Петербурге, худо ли, хорошо ли, союз металлистов в самые тяжелые времена объединял 2—3 тысячи членов...

Насколько прочным окажется легальное существование нового союза металлистов—покажет будущее. Во всяком случае, сейчас дело всех рабочих металлистов дружно взяться за работу, сплотить и укрепить свою профессиональную организацию.

Времена надвигаются серьезные. Не за горами экономический кризис. Неминуема новая полоса наступления капитала, который локаутами и всеми другими средствами попытается вновь понизить плату, увеличить рабочий день и т. д. Надо напрячь все силы. Где раньше были десятки членов—теперь должны быть сотни. Где были сотни — должны быть тысячи.

Приветствуя товарищей-металлистов с возобновлением их профессиональной организации, мы откровенно, по-товарищески, хотели бы обратить их внимание еще на следующее. Профессиональное движение безусловно должно быть едино. Оберегать это единство—дело союза. А между тем орган металлистов часто допускал шаги, содействующие расколу. Мы имеем в виду нападки на «подполье» и защиту ликвидаторства, которые часто допускались на страницах «Металлиста».

— «Не там — в подпольи... хотят рабочие ковать свое будущее», — писал «Металлист» (№ 3, стр. 1).

Ю. Ч. упрекал с.-д. фракцию 3-й Думы в «оторванности» от рабочих за то, что она не поддерживала ликвидаторов (№ 9, стр. 3). Примеров можно бы привести много. В любой статье—хотя бы о дороговизне жизни—ликвидаторы стремились ввернуть словечко против «подполья».

Мы знаем, что такое ненормальное ведение органа часто вызывалось дезорганизацией, обусловленной преследованиями, отсутствием устойчивого положения. Мы знаем, что союз, как таковой, на своих общих собраниях никогда не поручал вести свой орган в ликвидаторском духе. Мы знаем, что среди питерских металлистов, давших из своей среды Бадаева, большинство верно старому времени и отвергает ликвидаторство.

Тем более надо добиться, чтобы орган не бросал вызова рабочим и не сеял раскола.

Еще раз пошлем приветствие металлистам и дружно, как один человек,—за работу!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 80, от 6 апреля 1913 г.; подпись — «З.».

УРОКИ ЖИЗНИ (1).

— «Забастовка—орудие тонкое. От частого употребления оно изнашивается, тупеет... И если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать — она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение.

«Петербургские рабочие подошли к этой грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт.

«Этот азарт свидетельствует только о том, что массы неспособны к систематическому действию; что они готовы до поры, до времени нести тяжелые последствия репрессии, но что они неспособны к постоянным каждодневным усилиям»...

Товарищ - читатель! Где это мы с вами недавно читали эти, так чудовищно звучащие, особенно после 4 апреля, слова, полные неверия в рабочие массы, полные либерального брюзжания против всего хода русского рабочего движения?

Этот суровый приговор стачечному движению русских рабочих мы читали — увы — не в какой-нибудь буржуазной газете. Мы привели их дословно (нам принадлежит только разрядка) из «рабочей» газеты «Луч», которая напечатала их в редакционной статье «Что же дальше?» в № 53.

Не для мелочных споров и перекоров вспоминаем мы еще раз этот отзыв «Луча» о рабочих стачках и, в частности, о стачечном движении петербургских рабочих. Нет. Но надо же чему-нибудь учиться у жизни, господа. И не разрешаются ли наши споры такими уроками жизни, как 4 апреля, гораздо лучше, чем десятками газетных и журнальных статей?

Как дико звучит, в особенности перед лицом 4 апреля, упрек в стачечном азарте, брошенный самому передовому слою русского пролетариата — петербургскому — «рабочей» газетой «Луч». На кого угодно похожи петербургские рабочие, но, кажется, менее всего — на азартных игроков.

Стачки «перестанут замечать», «массы неспособны к систематическому действию», массы «неспособны к каждодневным усилиям»... Все это — перспективы, которые были бы очень приятны для... реакции, если бы... если бы мы имели в живой действительности хоть что-нибудь подобное тому, что нарисовало испуганное воображение оторванного от рабочей

жизни интеллигента-ликвидатора. К счастью, чем дальше идут события, тем все большей насмешкой (над самими ликвидаторами) звучат приведенные слова ликвидаторской газеты...

Ликвидаторы видят, что русское рабочее движение усиливается и разрастается. Ликвидаторы, несомненно, сочувствуют рабочему движению. Но беда их в том, что они подходят к нему с предвзятыми полулиберальными схемами, что они мысленно наперед обкарнают движение, подгоняя его к излюбленным ликвидаторским лозунгам. Ликвидаторы страдают дальтонизмом. Они не способны различать известных цветов. Иногда белое кажется им черным и — особенно часто — красное розовым... Поэтому они видят рабочее движение последних годов в совершенно извращенном свете.

Возьмите хоть вопрос о лозунгах движения. Ликвидаторы с упорством, достойным лучшей участи, твердят, будто ленское движение (и вообще движение 1912 года) не шло дальше лозунга «свобода коалиций». Это, разумеется, совершенно неверно. Всякий сознательный рабочий знает, под какими формулами в действительности шло движение. Будущий историк по документам установит с бесспорностью, что движение шло (и идет) под гораздо более широкими формулами. (Свободу коалиций эти формулы включают, как целое — часть.) Но ликвидаторы, блюдя свою кабинетную схему, твердят, что все дело только в свободе коалиций... Конечно, от слова не станется. Факты останутся фактами. Но ликвидаторы-то, исходя из ложных предпосылок, естественно, делают и ложные выводы...

И от этого-то ликвидаторы продолжают безбожно путать в таком важном вопросе как о стачках, даже тогда, когда жизнь не оставила никаких сомнений в ложности и глупости криков о «стачечном азарте». Теперь, с божией помощью, оказывается, что политическую стачку великодушно готов «признать» и «Луч». «Но одного этого орудия, — заявляет «Луч», — оказалось уже недостаточно... В 1905 году стачечной борьбой все уже разрешалось»... «Почти единственным способом борьбы, какой знал и на какой способен был рабочий класс 1905 года, — была стачка»... Теперь «осложнившееся положение требует более сложных, более трудных способов борьбы». Так пишет Е. М. в «Луче», № 165, называющий в числе тяжелых и сложных «орудий осады»... — воздержитесь от смеха, товарищи, — пресловутую петиционную кампанию.

*

В новейших рассуждениях ликвидаторов о стачках опять, что ни слово, то — путаница и фальшь. И в 1905 году стачкой не «все уже разрешалось». И в 1905 году «почти единственным способом» стачка не была. И в 1912 — 1913 гг. никто как единственное средство стачку не предлагал. «Дополнения» всегда и всеми признавались и рабочими осуществлялись. Классический пример—то же 4 апреля, последний урок жизни.

Раньше, чем учить рабочих, разберитесь-ка лучше сами, господа, в том, что вы пишете. И тогда с вами не будет случаться таких скандальных историй, как объявление «стачечным азартом» той золотой страницы, которую вписал в историю рабочего движения героический пролетариат Петербурга в 1912 году.

Уроки жизни дадут свои результаты. На почве того неурезанного движения, которое единственно жизненно, рабочие различных направлений в марксизме подадут друг другу руки. Сближение и единство снизу пойдут тем успешнее, чем яснее станет вся вздорность интеллигентских криков о «стачечном азарте» и о том, будто мощное движение последнего года обнаружило всего только «неспособность» масс к систематическому действию.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 86, от 13 апреля 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

КАК ПОДДЕРЖИВАТЬ «ПРАВДУ»? (1)

Читатель и друг рабочей газеты не может смотреть так, что «писатель пописывает, а читатель почитывает». Рабочий понимает, что он не может ограничиться только тем, что читает свою газету. Он знает, что его газета есть орган его борьбы. Он знает, что никто ей не поможет, если он сам ей не поможет. Он знает, что препятствий на ее пути стоит миллион.

Вот только вопрос: как, каким образом помогать «Правде»? В какие формы должна вылиться эта поддержка?

Год издания «Правды», год борьбы дал и в этом отношении ценный опыт.

Прежде всего необходимо из передовых рабочих в каждом городе, в каждом районе, каждом заводе и каждой фабрике создавать *рабочие комиссии* по содействию «Правде». В некоторых местах опыты делались и — с большим успехом.

Рабочие комиссии прежде всего снабжают газету материалом о жизни рабочих: письмами с фабрик и заводов, корреспонденциями и проч. Они, далее, сообщают редакции свою критику: указывают, что̀ надо улучшить в газете, чего не хватает, что̀ хорошо, что̀ плохо, чем интересуются и т. д.

Затем рабочие комиссии вербуют *постоянных подписчиков* для «Правды». Каждый сознательный рабочий должен быть *постоянным подписчиком* «Правды», а не только ее случайным покупателем. Тот—не социал-демократ, тот—не передовой рабочий, кто не подписывается на свою газету. Так смотрят германские с.-д., у которых пресса лучше всего поставлена. И они правы. Нам надо итти в этом отношении по немецкому пути. Современем «Правда» могла бы начать публиковать, сколько постоянных подписчиков на каждом заводе.

Каждый завод, каждая фабрика должны стать крепостью «Правды». Она должна читаться там каждым рабочим. И в ней должна освещаться жизнь каждого предприятия.

Далее — необходимо организовать постоянные и регулярные *рабочие сборы* в фонд «Правды». Товарищи знают, при каких тяжелых условиях издается «Правда», существующая исключительно на рабочие гроши. Рабочие сборы имеют, кроме того, еще огромное моральное значение и дают возможность некоторого подсчета сил...

Ни одна получка не должна проходить без сбора на «Правду». Пусть каждый рабочий дает хоть одну копейку, но пусть помнит, что он должен заботиться о «Правде». Ибо — больше некому.

И, наконец, надо помогать газете расширить отдел объявлений. Во всей заграничной печати объявления играют большую роль: они дают доход и позволяют расширять дело. Рабочие, покупая что-нибудь в лавке и т. д., должны всегда спрашивать: почему же не даете объявлений в «Правду»? А покупая в той фирме, которая дает объявления в «Правде», должны всегда говорить: «Мы пришли по объявлению в «Правде». Это — маленькое дело, но нужное...

«Правда» должна расширить свой формат во что бы то ни стало. Для этого надо удесятерить помощь.

В одном Петербурге и окрестностях — 300 тысяч рабочих! По немецкому масштабу, «Правда» должна бы иметь, по меньшей мере, 150 тысяч подписчиков. И она будет их иметь, если все передовые рабочие, друзья «Правды», дружно, как один человек, возьмутся за работу поддержки своей родной газеты.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 92, от 23 апреля 1913 г.; подпись — «А. Б.».

4-Я ДУМА [1].

Приставская часть 4-й Думы выпустила в свет справочник 4-й Думы. Некоторые из цифр этого справочника, конечно, помимо желания составителя его, очень недурно выясняют, что такое Дума 3 июня.

Из 439 депутатов оказывается:

дворян	218
бывших чиновников	60
лиц, имеющих придворное звание	24
представителей духовенства	45
крестьян	77
казаков	15
Всего	439

По роду занятий депутаты разделяются следующим образом:

помещиков («землевладельцы»)	249
домовладельцев	82
адвокатов	35
врачей	9
городских деятелей	92
земских деятелей	94

Рабочие особо не выделены. Их в 4-й Думе 10 человек. Большинство из них отнесено к крестьянам. Крестьян числится 77. Но число действительных хлеборобов, настоящих крестьян (а не только по званию)—несравненно ниже. Избирательный закон, как известно, таков, что большинство «крестьянских» депутатов в сущности назначается помещиками. Отсюда — такое большое число «хозяйственных» мужичков среди «крестьянских» депутатов...

Интересно сравнить состав 4-й Думы с составом 3-й Думы. Согласно картограммам, изданным секретарем октябристской фракции Бахаревым, состав 3-й Думы был таков:

потомств. дворян	192 чел.	(44%)
духовенства	47 »	(11%)
купцов и «почетных» граждан	54 »	(12½%)
крестьян	99 »	(23%)
проч.	45 »	(9½%)

А по роду занятий 3-я Дума давала следующее распределение:

помещиков	202 чел.	(44½%)
земледельцев	65 »	(14%)

духовенства	47 чел.	(10%)
торгово-промышл.	32 »	(7½%)
чиновников	29 »	(6½%)
адвокатов	30 »	(7%)
рабочих и ремесл.	11 »	(2½%)
прочих	37 »	(8%)

Картина ясна. 4-Дума оставила еще далеко позади даже 3-ю Думу. В 3-й Думе помещиков было 202, в четвертой их — 249, — на 47 человек больше! В 3-й Думе чиновников было 29, в 4-й их — 60, — на 31 больше! В 3-й Думе крестьян было 99, в 4-й их — 77, — на 22 меньше!

4-я Дума стала еще больше помещичьей и чиновничьей. Таков главный вывод из цифр октябристов и приставской части.

Число дворян (218) + число бывших чиновников (60) + число лиц, имеющих придворное звание (24) + число представителей духовенства (45) дает 347 депутатов. Вот оно, — действительное большинство 4-й Думы, на деле представляющее лишь интересы ничтожнейшего меньшинства населения!

Такова наша «нижняя палата», которую черносотенец Марков 2-й для издевки назвал самым демократическим парламентом в мире. Да и может ли быть иначе при избирательном законе, дающем 230 помещикам столько же прав, сколько 60.000 крестьян и 125.000 рабочих!

В 4-й Думе отлично представлены помещики, чиновники, духовенство, лица, имеющие придворное звание. Но где же подлинная Россия, где рабочая и крестьянская Русь?!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 104, от 8 мая 1913 г.; подпись — «Г. З.».

ПЕРЕД ПРОМЫШЛЕННЫМ КРИЗИСОМ [1].

Новый промышленный кризис в России надвигается с неумолимостью рока. Можно спорить о том, придет ли этот кризис через год, или через $1^1/_2$, или через 2 года. Но что он уже приближается, что он непредотвратим в течение сравнительно очень близкого времени — в этом теперь не может уже быть сомнения.

Наши официальные сферы не хотят еще признавать этого факта. Но нет-нет, а и у них сорвется тревожная нотка. Так, министр финансов выдерживает всю свою объяснительную записку к бюджету 1913 года в радужных, оптимистических тонах. Но уже в объяснительной записке министерства торговли и промышленности на тот же год звучат пессимистические нотки и слышатся невеселые признания. В ней мы читаем уже о «громадных залежах» товаров в той или иной отрасли промышленности, о «пережитой заминке», о «менее благоприятном положении» и т. д. (стр. 25 — 26).

Что за каждым промышленным подъемом в капиталистическом обществе неизбежно следует промышленный кризис, это — простой факт, которого не может отрицать ни один даже буржуазный ученый. Капиталистическая анархия в производстве, при которой все основано на конкуренции, на купле-продаже, на погоне за прибылями и т. д., ничтожная покупательная способность широких масс населения, живущих в нищете и все больше обременяемых налогами, — все это делает промышленные кризисы столь же неизбежными при капитализме, как неизбежны известные физические явления.

Но у нас в России дело еще осложняется целым рядом приходящих явлений. Давно уже сказано, что Россия страдает не столько от развития капитализма, сколько от остатков *крепостничества*, задерживающих это развитие. Голодное и разоренное крестьянство, неурожаи, обостряемые отсталостью техники в нашем земледелии, страшное малоземелье, опека и стеснения в политической области, дающие себя чувствовать на каждом шагу, — делают то, что промежутки между оживлениями и кризисами у нас особенно *коротки*, что оживления — мимолетны, а кризисы — особенно долги, упорны и тягостны для трудящегося населения. Это легко понять: нигде в передовых капиталистических странах невозможны уже теперь такие явления, как массовая голодовка

миллионов крестьян. А у нас, не далее как в 1911 — 12 годах, в годы высокого промышленного подъема, голодало 30 миллионов крестьян. Понятно, что уже одна эта голодовка имела неисчислимые последствия на ход промышленной жизни в стране.

В данной статье мы интересуемся только тем, какое значение имел последний (отчасти еще переживаемый) промышленный подъем **д л я р а б о ч и х**, насколько увеличился спрос на рабочие руки, насколько, благодаря подъему, увеличилась заработная плата рабочих и т. д.

Министерство торговли и промышленности в своей докладной записке на 1913 год приводит следующие данные относительно числа занятых рабочих за последние годы.

К концу 1909 года число рабочих, занятых в подчиненных надзору фабричной инспекции промышленных заведениях, равнялось 1.832.783. К концу 1910 года это число поднялось до 1.951.955. К концу 1911 года оно поднялось до 2.051.198 (за 1912 год точных данных еще нет). Таким образом, за 1910 год число занятых рабочих поднялось на 119.172, или на $6^1/_2$ процентов. А уже за 1911 год число занятых рабочих поднялось уже только на 99.243, или на 5 процентов.

Число промышленных заведений (опять-таки только подчиненных надзору фабричной инспекции) в 1909 году равнялось 14.733. В 1910 году оно поднялось до 15.721. В 1911 году — до 16.600. В 1910 году увеличение почти на 7 процентов, в 1911 году — только на $5^1/_2$ процентов.

Из данных последнего свода отчетов фабричных инспекторов получаем (см. «отчет», стр. XV) следующую табличку, показывающую, как возростало и падало число занятых рабочих за последнее десятилетие. (Знак + означает прирост, знак — означает уменьшение):

	Число рабочих.	
1902 год	— 8.852	— 1,7 проц.
1903 »	+ 47.660	+ 3,0 »
1904 »	— 21.254	— 1,3 »
1905 »	+ 32.630	+ 1,9 »
1906 »	+ 38.608	+ 2,2 »
1907 »	+ 46.591	+ 2,7 »
1908 »	— 570	— 0,1 »
1909 »	+ 26.614	+ 1,4 »
1910 »	+ 19.172	+ 6,5 »
1911 »	+ 99.243	+ 5,1 »

Рост числа занятых рабочих за последние годы самого высокого промышленного подъема сам по себе — очень небольшой. На два с лишним миллиона рабочих, подведомственных фабричному надзору, число занятых рук в течение трех самых горячих лет возросло круглым счетом на 200 тысяч. Это дает увеличение всего на 10 процентов, или, средним числом, в год на $3^1/_2$ процента. Да и то надо еще иметь в виду, что добрая часть цифрового роста должна быть отнесена просто за счет улучшения регистрации фабричными инспекторами подведомственных им предприятий и рабочих. Т.-е., другими словами, рабочие-то работали и раньше, но не были зарегистрированы, не были занесены в статистику фабричной инспекции. Так что рост спроса на рабочие руки, вызванный специально промышленным подъемом, еще сокращается.

Фабричная инспекция обнимает у нас меньшинство всех рабочих, она распространяет свой надзор, вероятно, менее чем на $^1/_3$ всех русских рабочих. Но, тем не менее, данные фабричной инспекции очень показательны. Ей подчинены самые крупные, самые важные в производстве, самые известные и значительные предприятия. И если даже на этих важнейших фабриках и заводах спрос на рабочие руки возрос за целых три года самое большее на 10 процентов, то по всей России, среди всех рабочих и работниц, этот рост был, наверное, еще гораздо ниже.

Итак, мы видим, что спрос на рабочие руки в течение последних лет промышленного подъема увеличивался очень слабо. Это — факт, подтверждаемый официальными цифрами фабричной инспекции и министерства торговли и промышленности.

Факт этот имеет самое важное значение для всего рабочего класса России. Польза от промышленного подъема для рабочих ведь измеряется прежде всего увеличением спроса на рабочие руки, т.-е. уменьшением постоянной запасной армии безработных, дающим возможность повести более успешную борьбу за увеличение заработной платы и другие коренные экономические требования рабочих.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 104, от 8 мая 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

ДЕПУТАТСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ (1).

Более двух лет тянется казусное «дело» Кузнецов—Гололобов (2). Для того, чтобы «разъяснить» депутатскую неприкосновенность — даже у нас потребовалось изрядное время.

Это «дело», как известно, началось с того, что бывший правый депутат третьей Думы (впоследствии полтавский вице-губернатор) Гололобов узрел «клевету» в одной из речей бывшего с.-д. депутата Кузнецова и в одном из запросов, внесенных социал-демократами и трудовиками. Недолго думая, Гололобов взял да и подал жалобу на неприятных ему депутатов.

Откуда у Гололобова явилась эта «счастливая» идея—непонятно. Как человек, сведущий в законах, он не мог не знать, что—на бумаге, по крайней мере—депутатам обеспечена полная свобода слова и неприкосновенность. Наконец, он не мог не знать, что когда однажды попробовали привлечь к суду за думскую речь депутата Пуришкевича, то немедленно последовало разъяснение о том, что депутат неприкосновенен (3).

И тем не менее Гололобов смело повел «дело», будучи, очевидно, крепко уверен, что одно дело—Пуришкевич, а совсем другое дело—рабочие депутаты. И надежды Гололобова оправдались. «Дело» Кузнецова мытарили по целому ряду ведомств и инстанций. В 1-м департаменте откровенно говорили, что все зависит от обстоятельств, и что каждую депутатскую речь надо «в каждом отдельном случае подвергать всесторонней оценке в связи со всей совокупностью условий и обстоятельств». И вот теперь, после долгих мытарств, сенатор П. Кемпе составил обвинительный акт против Кузнецова. Депутатская неприкосновенность, по крайней мере относительно рабочих депутатов, окончательно «разъяснена».

Интересно посмотреть, чем мотивируется для внешнего мира попытка «разъяснения» неприкосновенности. В газетах «Новое Время», «Петербургские Ведомости» и других опубликовано заключение министра юстиции И. Г. Щегловитова по поводу возбужденных членами Государственной Думы законодательных предположений «об установлении безответственности членов Государственной Думы и Государственного Совета». Познакомимся, хотя бы в кратких чертах, с этим мнением авторитетного представителя правительственных взглядов.

Щегловитов начинает прежде всего с общих доводов.—«Я не могу не остановиться,—говорит он,—на том общеизвестном, отмечаемом и публицистикой, и юридическою литературою факте, что авторитет и значение парламентских учреждений повсеместно падает... Общие причины, это—все понижающийся уровень личного состава парламентских учреждений и крайняя обостренность отношений входящих в их состав партий. Эти же обстоятельства, несомненно имеющие место в нашем отечестве, побуждают...» и т. д.

Довод, не лишенный оригинальности... Мы тоже слышали, что авторитет буржуазного парламентаризма кое-где падает, и что некоторым реакционным «парламентам» народ начинает все меньше доверять. Сделки буржуазного парламентаризма с реакцией, закулисная игра депутатов-дельцов,—все это действительно роняет авторитет также «парламентских учреждений». Но неужели с этим можно бороться отнятием свободы слова у депутатов? Тогда, может быть, еще лучше прямо превратить парламенты в канцелярию, а депутатов — в столоначальники.

Или—еще одно. Мы слышали также, что кое-где падает авторитет не только «парламента», но и административных властей, «личный состав» которых тоже не всегда блестящ. По логике автора «заключения», выходит, что для борьбы с падением авторитета административных властей следует уменьшить объем их прав. Согласится ли с этим Щегловитов?..

Министр в своем «заключении» продолжает: «Протекшие семь лет не только не дали каких-либо данных в пользу установления безответственности членов наших законодательных учреждений в тех пределах, как то определено в западно-европейских конституциях... но наоборот» и т. д.

Тут уже аргументация совсем проста: «что немцу здорово, то русскому—смерть»,—то, что обеспечивают западно-европейские конституции, то не нужно в России.

На основании всего этого, г. министр юстиции решительно высказывается против внесенного в Думу законопроекта о свободе думского слова для депутатов... Посмотрим, что скажет теперь Государственная Дума. Во всяком случае, рабочая демократия, отстаивающая полную свободу слова для всех граждан, тем более отстаивает это требование для народных представителей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 105, от 9 мая 1913 г.; подпись — «Гр.».

[2]) «Дело» Кузнецова — Гололобова — см. выше, ст. «Ответственные и безответственные» (стр. 106).

[3]) Попробовали привлечь к суду Пуришкевича в 1908 г. за речь его в Гос. Думе, обвинявшую во взяточничестве правителя канцелярии наместника на Кавказе Петерсона. Последний возбудил дело против Пуришкевича, но совет министров, под председательством Столыпина, постановил «жалобе хода не давать», сославшись на «депутатскую неприкосновенность» Пуришкевича, хотя Воронцов-Дашков, наместник Кавказа, очень энергично поддерживал жалобу Петерсона, не угодившего крайне-правым.

ЛИБЕРАЛЫ и ЛИКВИДАТОРЫ (1).

Сначала—простой вопрос факта: давали ли русские либералы какую-либо оценку ликвидаторства, и если да, то какую? Отношение к ликвидаторству такой общественной группы как либералы во всяком случае имеет крупный политический интерес.

Наш ответ гласит: русский либерализм очень внимательно, можно даже сказать—любовно, следит за развитием ликвидаторства с самого появления последнего на общественной арене и отзывается о нем самым благосклонным образом.

Вот несколько, наудачу взятых, фактов, кажется достаточно красноречиво подтверждающих наше заявление.

Еще в 1909 году, во время частичных выборов в Петербурге (в Государственную Думу), Милюков на петербургских митингах неоднократно с наслаждением цитировал против с.-д. ораторов первые литературные произведения ликвидаторов и заявлял, что он, Милюков, с ликвидаторской критикой «подполья» и т. д. «совершенно согласен» (см. отчеты в «Речи»).

Когда вышел в свет известный ликвидаторский сборник «Общественное Движение»—эта своего рода энциклопедия ликвидаторства, излагающая всю «философию» ликвидаторов, их отречение от своего прошлого и т. д.—главный теоретический орган либералов «Русская Мысль» поспешил выступить с чрезвычайно одобрительным отзывом по поводу этой главной книги ликвидаторства.

Кадеты из «Русской Мысли» писали:

— «Авторы (т.-е. ликвидаторы) обнаруживают во многих случаях известную свободу от односторонности и нетерпимости (ну, еще бы!—*Г. З.*), которыми так грешило в недавнем прошлом представляемое ими течение.

«Прежде всего обращает на себя внимание в сборнике отсутствие столь обычного безвкусного преувеличения политического значения рабочего класса и близорукого пренебрежения к непролетарским общественным группам.

«Они (ликвидаторы) бесстрашно сознаются, что историю в этот период делало прежде всего (!) «общество», что «народ» еще не заявлял о себе, социалистические же партии опирались тогда лишь на интеллигентную молодежь и рабочие верхи.

«Г. Ерманский (один из столпов ликвидаторства) вынужден... признать, что «революционеры не всегда проявляли достаточно такта» и т. д. («Русская Мысль», июль 1911 г., стр. 277, 278).

Вот как лобызали контр-революционные кадеты ликвидаторов за их отречение от старого, за их извращение «политического значения рабочего класса», за их измену знамени марксизма. Еще бы либералам не ликовать, когда бывшие марксисты переходят на их точку зрения!

Добавим, что первоначально в редакцию указанного сборника приглашен был и Г. В. Плеханов. Но когда он увидел, до чего дошли ликвидаторы, он вышел из редакции этого сборника и публично заявил, что в это, по его выражению, «неприличное место» ни один марксист итти не может. А между тем этот сборник был не случайной книжкой. Он был и останется евангелием ликвидаторов, их знаменем, их символом веры.

И далее. Когда вождь ликвидаторства Потресов в самую тяжелую для рабочего движения годину выступил с пресловутым заявлением, что партии не существует (см. «Наша Заря», 1910 г., № 2, стр. 71),—его немедленно за это поздравили те же кадеты.

Ренегат г. Изгоев писал тогда:

«Г. Потресов дает исчерпывающий ответ (на вопрос о причинах идейно-партийного разложения социал-демократии), и ответ этот совершенно согласуется с тем, что писалось в поносимых им «Вехах», что говорят публицисты «Русской Мысли»... И выход указывает г. Потресов, и опять совершенно в духе «Вех», в том направлении, в котором высказывалась и «Русская Мысль» (см. «Русская Мысль», 1910 г., № 8, стр. 67).

Читатель знает, что упомянутый Изгоевым сборник «Вехи» есть позорнейшая и контр-революционнейшая из книжек, когда-либо написанных контр-революционнейшими из либералов. В ней что̀ ни строчка, то плевок в рабочих, в крестьян, в демократическую интеллигенцию. Г. Изгоев—один из главных а̀второв в этом сборнике-пасквиле. И вот этот господин солидаризируется с вождем ликвидаторства Потресовым, восхваляет его и даже милостиво преподносит ему звание «вехиста среди марксистов».

Если вы возьмете далее ежедневный орган кадетов «Речь» и особенно орган правых кадетов—«Русскую Молву» (2), то вы увидите, что при всяком удобном случае они славословят ликвидаторов за их «терпимость», «благоразумие», «трезвость» и т. п. приятные для буржуазии качества.

Во время выборов в Государственную Думу «Речь» не раз похвально отзывалась о ликвидаторах, противопоставляя их «непримиримым» марксистам. Еще недавно в целом фельетоне «Речи» тот же Изгоев курил фимиам «Лучу» и ликвидаторам.

А «Русская Молва» не далее как 1 мая этого года почтила «Луч» за его трезвенные размышления о всеобщем избирательном праве следующим букетом либеральных любезностей. Она писала:

«Своими рассуждениями «Луч» показывает, что партийная изгородь не вполне закрывает для газеты далекий и мглистый политический горизонт. Трезвость этих рассуждений в особенности ценна (либералам!—*Г. З.*) при обращении к рабочим и крестьянским массам, всегда обнаруживающим естественное нетерпение»... («Русская Молва», № 138.)

Таков голый, неприкрашенный факт: насколько либералы ненавидят марксистов, настолько же приветливо относятся они к ликвидаторам.

Как объяснить этот факт?

Ликвидаторы скажут: это—случай, или это—либеральное непонимание. Ни то, ни другое—не верно. Слишком много «случаев», господа! Нет ли тут системы? Один либерал может не понимать своих классовых интересов и путать насчет того, где—его друзья, и где—враги. Но целая партия, целый общественный слой, вся группа его идейных вождей редко тут ошибается. Нет, это — не случайность.

Рабочая партия в 1910 году единогласно указала, что ликвидаторство есть буржуазное влияние на пролетариат. Ликвидаторство в годы контр-революции проявилось, как широкое общественное течение, заразившее проказой маловерия и отречения многих. Оно проявилось не только в среде марксистов, но и среди народников, и среди демократии вообще.

Именно этими своими чертами ликвидаторство не могло не стать близким и дорогим русскому либерализму, давно уже насквозь проникнутому контр-революционностью. И нет ничего удивительного в том, что либералы особенно оценили «марксистское» ликвидаторство: через ликвидаторов надеялись они пробить себе дорожку к рабочему классу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда», № 107, от 11 мая 1913 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) «Русская Молва» — газета, выходившая в Петербурге; ее издателем был кадет Д. Д. Протопопов, редактором — единомышленник издателя — А. А. Велихов.

К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ (1).

Закончилась I сессия 4-й Государственной Думы. Срок, достаточный для того, чтобы можно было судить о роли и значении новой Думы. Ее «работа» обрисовалась совершенно ясно, и не нужно быть пророком, чтобы предсказать, в каком направлении будет работать и дальше сие почтенное учреждение.

Подведем же некоторый итог тому, что произошло в Думе и вокруг Думы в течение первой сессии.

1. Кто они?

Обратимся, во-первых, к составу нового «народного» представительства. Выборы так усердно «делались» и в городе и в деревне, в этом «делании» выборов такое деятельное участие приняло все начальство, кончая последним урядником, что любопытно посмотреть: что же «они» в конце концов «сделали»?

Присмотримся же поближе к цифрам, которые лучше всего нам скажут, кто эти таинственные незнакомцы, составляющие большинство нашего третьеиюньского «парламента».

Приставская часть 4-й Думы не так давно выпустила в свет думский справочник. Некоторые из цифр, приведенных в этом справочнике, весьма наглядно выясняют, что такое 4-я Дума.

Из 439 депутатов оказывается:

дворян	278
бывших чиновников	60
лиц, имеющих придворное звание	24
представителей духовенства	45
крестьян	77
казаков	15

По роду занятий депутатов 4-я Дума разделяется на:

помещиков	249
домовладельцев	82
адвокатов	35
врачей	9
«городских деятелей»	92
«земских деятелей»	94

Рабочих в 4-й Думе 10 человек (они особо не выделены приставской частью и причислены к крестьянам).

Крестьян, действительно выбранных крестьянской массой, а не назначенных помещиками — человек 20. Все остальные депутаты принадлежат к имущим классам — буржуазии и помещикам. При этом огромное большинство внутри представителей владельческих классов принадлежит помещикам.

4-я дума оставила далеко позади себя даже свою предшественницу — 3 Думу. В 3-й Думе помещиков было 202, в 4-й их 249 — больше на 47 человек. Чиновников в 3-й Думе было 29, в 4-й их — 60, на 31 больше. В 3-й Думе крестьян числилось 99, в 4-й их 77, на 22 меньше.

Кое-чего достигли таки делатели выборов. Они увеличили число помещиков и чиновников. Уже и сейчас число дворян (213), сложенное с числом чиновников (60), представителей духовенства (45) и лиц придворного звания (24) дает 347 депутатов, т.-е. больше $^{3}/_{4}$ всей Думы.

Вспомнив, что по положению 3 июня, 230 помещиков имеют столько же избирательных прав, сколько 60.000 крестьян и 125.000 рабочих, приходим к выводу: 4-я Дума является помещичьей в самом точном смысле этого слова. Когда черносотенец Марков 2-й сказал, что наша Дума есть «самое демократическое» народное представительство во всем мире, он допустил «маленькую» неточность. Ему надо было сказать: самое антидемократическое представительство во всем мире...

2. Два большинства.

Однако, не весь помещичий класс и не вся буржуазия окрашены в один цвет. Есть несомненно между ними очень важные точки соприкосновения. Пример: все они в большей или меньшей степени контр-революционны. Но все-таки это не сплошная «реакционная масса». Марксист отнюдь не может считать безразличными те политические группировки, которые наблюдаются внутри владельческого большинства.

В 1-й Думе большинство было только одно: кадетское. Демократия имела численно большое меньшинство, но только меньшинство. Реакционеры составляли незначительную оппозицию справа.

Во 2-й Думе возможны уже были изредка два большинства: как правило господствовало опять-таки кадетское большинство, но в исключительных случаях могло складываться и более ради-

кальное большинство. Правая оппозиция попрежнему оставалась численно ничтожной.

В 3-й Думе — после переворота 3 июня — оказалось два большинства, но уже совсем других. К концу 3-й Думы (1912 г.) в ней откристаллизовались следующие основные большинства: октябристско-черносотенное и октябристско-либеральное.

По отношению к 4-й Думе «делатели» выборов поставили себе задачей сделать еще один шаг «вперед»: добиться того, чтобы в ней было уже только одно большинство, совершенно «независимое» не только от либералов, но даже от октябристов. Абсолютное большинство должно было достаться Пуришкевичу, Маркову, Хвостову, Замысловскому, Бобринскому, Крупенскому, и К°. Это, однако, не удалось. И в этой неудаче, в скобках сказать, действительная подкладка всех думских «кризисов» и «конфликтов» последнего времени. Делатели выборов никак не могут примириться со своей неудачей и все колеблются: а не попробовать ли счастья сызнова...

Почему не удался этот план создания одного большинства в 4-й Думе, на этом сейчас останавливаться не буду. Факт тот, что составить большинство одним Пуришкевичам не удалось. Вопреки закону 3 июня, вопреки деланию выборов, — возросшее оппозиционное настроение в стране прорвалось наружу. В пределах третьеиюньской Думы рамки оказались, конечно, убийственно узки. Все, что удалось избирателям сделать, это — оставить 4-ю Думу при прежних двух большинствах.

Правый лагерь определяет политический состав 4 Думы так: «настоящих» правых, «хвостовской» марки [2]) — 80 человек, националистов — 80, беспартийных — 20, правых октябристов — 20. Все правое крыло — 200. Октябристы центр и «левые» октябристы, прогрессисты, кадсты, «националы» — 225. С.-д. и трудовики — 25.

Даже при этих цифрах тоже получается два большинства. Одно правое крыло большинства не имеет. Одни октябристы — тоже. Но октябристы образуют большинство и с правыми и с либералами.

Между тем, правые на самом деле преувеличивают свои силы. В действительности главные группировки в 4-й Думе определяются следующими основными цифрами: около 100 октябри-

стов, около 170 правых и националистов, около 150 либералов (кадеты, прогрессисты, национальные фракции, беспартийные и проч.), около 30 демократов и социалистов. Оба большинства в цифровом отношении почти одинаковы: октябристско-кадетское (точнее: октябристско-либеральное) — до 250, октябристско-черносотенное — до 270.

Этими двумя большинствами определяется вся «работа» 4-й Думы. Бывают исключения. Октябристы часто раскалываются. Националисты иногда ближе к октябристам, нежели к Пуришкевичам. Но как правило, остаются два друг друга сменяющих, колеблющихся большинства.

Политическая разница между тем и другим большинствами, конечно, существует. Но резкую грань провести тут трудно. Большей частью тенденция как будто такова, что в вопросах социально-экономических октябристы чаще идут в союзе с черными, а в вопросах политического устроения — с либералами. Но в эту схему далеко не все укладывается, да и связана неразрывными узами экономика с политикой.

Возьмем такой важный вопрос как аграрный. Тут октябристы были как будто ближе к правым, нежели к кадетам. Формально Столыпинское аграрное законодательство прошло в 3-й Думе при оппозиции либералов. Но так ли на деле далеки либералы от октябристов в этом вопросе? И разве более искренние либералы (Трубецкой и друг.) не высказывались прямо за то основное, что содержится в новейшей аграрной политике?

Или взять такой вопрос, как рабочее законодательство. Пресловутый закон 3-й Думы о страховании рабочих проведен октябристами при поддержке правых и при внешней оппозиции либералов. Но много ли дальше в области охраны труда склонны итти кадеты по сравнению с октябристами?

В таких вопросах как расширение бюджетных прав Думы, как увеличение доли власти буржуазии вообще, как более целесообразная (с точки зрения буржуазии), «обновленная» постановка религиозного дела и т. п. октябристы больше склонны образовывать октябристско-либеральное большинство. В таких вопросах как суд, земство, школа и т. п. октябристы чаще склонны итти в блоке с черными. Тут, повторяем, резкой грани не провести. А есть и такие — весьма важные — вопросы, где октябристам вовсе не приходится выбирать между черными и

либералами, по той простой причине, что тут весь буржуазно-помещичий лагерь един — от Пуришкевича до Милюкова. Таковы, например, вопросы милитаризма и иностранной политики. В этих вопросах кадеты давно уже выступают как национал-либералы худшей марки, которые по части забот о «внешнем могуществе» и захватах, того и гляди, дадут еще несколько очков вперед правым.

Образование поочередно двух большинств возможно потому, что в лице октябристов мы имеем среднюю переходную группу между либералами и чистыми реакционерами и, главное, — потому, что между реакцией и либерализмом в ряде вопросов существуют уже весьма существенные точки соприкосновения.

3. Кадетско-октябристский блок.

Первое голосование, которое произошло в 4-й Думе, дало 251 октябристов и либералов против 150 правых и националистов. Дело шло о выборе председателя 4-й Думы. Это голосование означало зарождение октябристско-кадетского блока. И это голосование предопределило многое в будущей «работе» 4-й Думы за всю первую сессию. Оно не только подчеркнуло самый факт блока между октябристами и либералами, оно сразу же показало и то, кто будет гегемоном в этом блоке: кадеты подлаживались к уровню октябристской «оппозиционности».

Официальные политики кадетской партии могут сколько угодно отрицать самое существование кадетско-октябристского блока. Дело не в официальных, вполне оформленных договорах между октябристами и кадетами. Дело — в политической линии, важен действительный ход политической борьбы. А наблюдая ее, всякий добросовестный политический деятель должен признать, что и решения последней кадетской конференции были направлены к блоку с октябристами, и почти вся первая сессия 4-й Думы прошла под знаком этого блока.

Разумеется, и у октябристов и у кадетов осталась «свобода действий», нужная каждой из этих партий для удержания своих избирателей. Так, октябристы, конечно, не «скомпрометировали» себя поддержкой декларативных законопроектов к.-д. о свободе собраний, всеобщем избирательном праве и т. д. Но октябристы посмотрели сквозь пальцы на эти «демократические» упражнения кадетов. Они отлично знали, что это у к.-д. «не

всамделишнее», что это делается только для приманки левого избирателя. Конечно, таких «несерьезных» шагов не могли одобрить не только октябристы, но даже многие из прогрессистов. Однако, к охлаждению между друзьями это не привело.

С другой стороны, и кадеты не могли одобрить таких шагов их друзей октябристов как поддержка черносотенного антифинляндского законопроекта в думской комиссии, или как голосование за ассигновки на церковно-приходскую школу, которые даже сами октябристы отвергали в 3-й Думе, когда они еще не «полевели».

Но и кадетам приходилось прощать октябристам многие их «слабости»...

— «Сегодняшнее событие, открытие 4-й Думы, — писала «Речь» 15 ноября 1912 года, — несомненно будет учтено в стране как новый этап к победе общественности над силами старого порядка. И надо думать, сегодняшний выбор председателя 1 Думы даст первое осязательное выражение этому общему (?) чувству».

Торжественный момент избрания Родзянки «Речь» описывает так:

— «Михаил Владимирович Родзянко — 251 избирательных и 150 не избирательных. Оппозиция и октябристы встречают этот результат бурными, долго не смолкающими аплодисментами».

Еще в 1911 году, когда Родзянко проходил в председатели голосами октябристов и черной сотни, та же «Речь» писала:

«Выбор г-на Родзянки есть примирение со Столыпиным».

Прошел год, и теперь оказывается:

— «Вчера конституционное большинство сложилось около конституционной декларации председателя» (Родзянко)...

Теперь кадеты заговорили о «золотой мечте», об «объединении вчерашнего большинства 4-й Думы около лозунгов манифеста». Теперь «Речь» пишет:

— «Без сомнения это было бы то, что нас, наконец, сдвинуло бы с мертвой точки, что заставило бы страну снова жить одной жизнью со своими народными представителями, как это было во времена первой и второй Думы» («Речь», 16 ноября 1912 года).

Блок с октябристами заключен. Заключен вокруг имени вчерашнего любимца Замысловских и Пуришкевичей. И кадеты бьют по этому поводу в большой барабан и считают, что возвращаются времена первой и второй Думы...

В течение всей сессии кадеты не перестают подлаживаться под октябризм *) и славословить своих союзников октябристов, позволяя себе лишь изредка слегка пожурить своих братьев по блоку. А подводя первые итоги истекающей сессии, тот же центральный орган к.-д. партии поет следующий дифирамб октябристам:

— «Все недовольны (даже националисты, мол, недовольны), об октябристах — о тех и говорить не приходится. Они вотировали формулу недоверия министерству внутренних дел, отказали ему в некоторых кредитах, уже использованных; отвергли ассигновку, связанную с реформой военно-медицинской академии. Короче говоря, они не ограничиваются как националисты словом, а переходят к делу» («Речь» от 22 июня 1913 года, передовица).

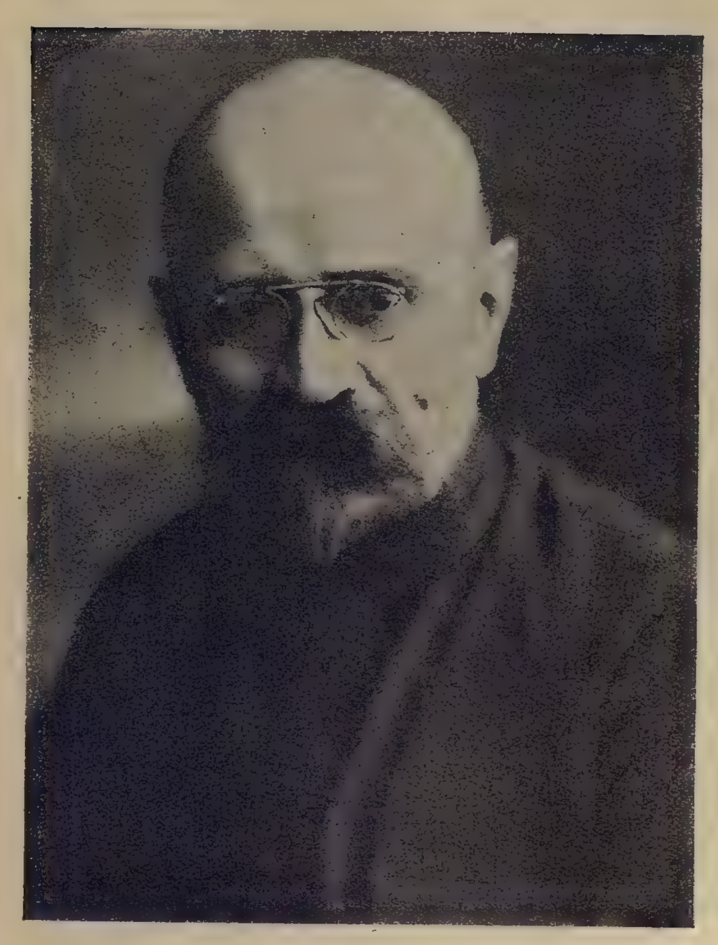
Октябристы «переходят к делу»! Можно ли более бесстыдно обманывать читателя! Можно ли более бесцеремонно втирать очки избирателям! Можно ли больше унизить самих себя перед октябристами!

Октябристы «переходят к делу»! Да, только к какому делу? Не к реакционному ли? Ибо ведь «формулы», «пожелания», «оппозиционные» речи по большим праздникам это все — слова, слова, слова. А дела-то октябристов были именно реакционные. Это они предали неприкосновенность депутатов (случай Петровского), это они проголосовали за все сметы по бюджету, которые предложены были начальством, это они покрыли политику Щегловитова и Кассо, это они предоставили земским начальникам право издавать судебные приказы, это они готовят восстановление розги под видом борьбы с «хулиганством» крестьян, это они по первому мановению руки готовы схватить за горло Финляндию, это они помогли провести черносотенный закон о самоуправлении в Польше, это они — как уже упоминалось выше — теперь одобрили те кредиты на церковно-приходскую школу, которые они же ранее (в 3-й Думе) отвергли!

Таковы дела октябристов, кадетских братьев по блоку...

Этим мы отнюдь не хотим сказать, что октябристы не стали более оппозиционны. Оппозиционность их выразилась, между прочим, и в том, что они согласились пойти с кадетами. Ведь

*) А. Пешехонов совершенно прав, когда в № 6 «Р. Бог.» отмечает, что даже в таком вопросе как свобода печати кадеты в своем законопроекте делают серьезные уступки реакции, или, что то-же, подлаживаются под октябризм. Жаль только, что на известном совещании представителей печати друзья г. Пешехонова сами всецело пошли за кадетами и не сумели отстоять позицию демократии.

И. И. Степанов-Скворцов, один из деятельных работников газеты «Наш Путь».

(Фотография 1924 г.).

и при 3-й Думе кадеты без мыла готовы были влезть в душу к октябристам. Но октябристам тогда больше улыбался блок с черными... Формула недоверия м-ву внутр. дел, проведенная октябристами, тоже есть серьезный симптом. Настроение в стране изменилось. Третьеиюньская политика все больше терпит крах. Старые «устои» неминуемо расползаются по швам. Снова проснулся рабочий класс. А ворчание буржуазии, дополняя картину, есть лишний признак нарастающего недовольства. И демократия, разумеется, не имеет причины не огорчаться по поводу того, что в I сессии Думы чаще осуществлялся блок октябристов с кадетами, чем октябристов с черными. Но демократия не может закрывать глаза и на то, что кадетско-октябристский блок, во-первых, бессилен, а, во вторых, контр-революционен.

4. «Ску-у-чно».

Верно ли, что октябристско-кадетский блок бессилен? Несомненно, да.

Вспомните, читатель, систематически повторяющиеся жалобы октябристов и кадетов на «скуку». Они только что заключили между собой союз! Они переживают свой, можно сказать, медовый месяц. У них — большинство в Думе, не взирая ни на что. Они проводят свой президиум. На их стороне вся буржуазия. У них прекрасные связи в «Европе». У них в Думе все их первоклассные партийные силы. А они только тем и занимаются, что скулят:

— «Ску-у-чно! Ску-у-чно!»

— «В Думе скучно. Вкус к думским прениям пропал. Стоит ли обращать серьезное внимание на бюджет, когда все предопределено заранее? Все слова уже сказаны. Повторяться не стоит».

Ску-у-чно! Одно время эта жалоба буквально заполняла собой всю кадетскую и октябристскую печать. Нельзя было взять в руки номер газеты, чтобы не натолкнуться на эти жалобы заскучавших октябристов и кадетов.

Откуда же эта внезапная скука?

Эта «скука» и есть выражение бессилия октябристско-кадетского блока.

Сколько времени прошло, пока октябристы сблизились с кадетами! Сколько трудностей стояло на пути! Наконец, элементы

притяжения одержали победу над элементами отталкивания. Союз заключен. Самое трудное как будто позади. Но тут-то как раз и оказывается, что господами положения все-таки остались Пуришкевичи, хоть у них и не вполне «свое» большинство в Думе. Госуд. Совет не дает осуществиться самомалейшей реформе, раз она проведена кадетско-октябристским блоком против правых. Какой-нибудь влиятельный «салон» больше в силах настоять на своих желаниях, чем октябристско-кадетское большинство Думы...

Пример со сметой синода был чрезвычайно поучителен. Страсти разгорелись. Черносотенцы целовались друг с другом по случаю победы над октябристско-кадетским блоком. Но в сущности, что мог сделать этот блок, даже если бы случайно не облегчилась победа черных. Смета синода, по вычислениям Шингарева, забронирована почти на 90%. Самое большее, что можно было, это провести еще одну «оппозиционную» формулу и еще с десяток «пожеланий». Но — и только. Фактически либерально-октябристское большинство Думы бессильно перед синодом.

Отсюда вопль: ску-у-чно!

«Нам скучно потому, что мы политически бессильны». Так могло бы формулировать кадетско-октябристское большинство свое положение...

На чем могли сойтись либералы и октябристы? На том, что они против революции, но и против «крайностей» реакции. На том, что они стоят за некоторые «реформы». На том, что власть должна вступить на «европейский» путь и т. д.

Представитель группы «центра», близкого к октябристам, г. Львов заявил с трибуны:

«— ...Настало время, когда правительство должно сойти с исключительного положения административного воздействия и вступить на путь широкого применения во всем строе России разумных европейских начал правового порядка».

«Разумные» (дабы избегнуть революционного безумия стихий) «европейские начала «буржуазного» правового порядка» — это и есть то, что объединяет либералов с «лучшими» из октябристов.

Но именно этих-то «начал» не хотят и не могут хотеть Пуришкевичи, безжалостно разбивающие либеральные иллюзии о возможности реформ при сохранении старого господства и заставляющие либерально-октябристский блок жаловаться на тоску и «скуку» в этом худшем из миров, где вопросы права являются вопросами силы...

Октябристско-кадетский блок не только бессилен добиться либеральных улучшений, но сам по себе едва ли может надеяться отстоять даже status quo (прежнее положение).

Еще на-днях само «Новое Время» в реакционной статье писало о «чересчур экспансивных рептилиях», которые, «вдохновляясь настроением своих патронов... выступают с такими проектами как нажим сверху — в виде пересмотра действующих основных законов для замены Г. Думы каким-то «представительным учреждением», «единомышленным» с правительством... распустить 4 Думу» и т. д. («Новое Время», № 13388).

Угрозы разгоном Думы — мы охотно допускаем это — мало реальны. Они пускаются в ход большею частью для того, чтобы запугать октябристов и кадетов. Но спрашивается: что может противопоставить «патронам», вдохновляющим «чересчур экспансивные рептилии», кадетско-октябристский блок, пока он бессильно топчется на почве третьиюньской «лойяльности» и «законности»?

Или возьмите пресловутый «марковский инцидент», так напугавший либерально-октябристский блок, породивший целый «конфликт» и опять поставивший вопрос о роспуске Думы. «Голос Москвы», орган октябристов, сам с юмором висельника смеется над бессилием своей партии, когда рассказывает, что весь «конфликт» вызван борьбой «влиятельных гостиных».

— «На сцену закулисных дел — объясняет «Голос Москвы»,— выступили Ширинский-Шихматов [3]), Дедюлин [4]), гр. Игнатьева [5]), кн. Мещерский [6]) и другие. Все они начали проводить свою политику... Особенно стараются кн. Мещерский и его друзья В. К. Саблер и гр. Витте» («Голос Москвы» № 124).

Разумеется, мы не знаем, не перепутал ли некоторых имен. «Голос Москвы». Всю ответственность за эту сторону дела оставляем на нем. Органу октябристов лучше знать о борьбе «салонов», чем нам. Но спрашивается: не бессильно ли октябристско-кадетское большинство Думы даже перед этими «салонами», пока оно остается на почве желания мира с Пуришкевичем и борьбы с демократией?

Наверное можно сказать, что представителям названных «Голосом Москвы» салонов редко бывает скучно. А вот кадетско-октябристскому большинству все больше и больше приходится хныкать: ску-у-чно, ску-у-чно.

Причина этого единственно — в безнадежности «реформаторства» контр-революционной буржуазии в современной России

5. Как «добить революцию» или — тень Бисмарка.

— «Добить революцию!» Это — лозунг, который в общей формулировке объединяет всех представителей владельческого большинства Думы, начиная от В. Пуришкевича и кончая кадетом В. Маклаковым. Кадету Маклакову выпала даже на долю «честь» особенно выпукло формулировать этот почтенный лозунг в только что истекшую сессию. И вождь кадетов формулировал его именно в этих цинично-оголенных словах: «добить революцию» (см. его речь в смете министерства юстиции).

С «революцией» получается вообще нечто весьма своеобразное. В течение нескольких лет контр-революционеры разных мастей кричали со всех крыш, что она умерла. А теперь готовы разодраться между собой из-за вопроса о том, как целесообразнее «добить» мнимую покойницу...

Замечательно, что во всех сколько-нибудь принципиальных прениях в Думе самое видное место неизменно принадлежит вопросу о «революции». Несомненно, что самыми важными моментами думских прений за истекшую сессию были прения о декларации правительства в начале сессии и бюджетные прения в конце ее. И нет никакого сомнения, что выступления главных партий, часто помимо сознания ораторов, вертелись в сущности вокруг этого «проклятого» вопроса.

Разумеется, тут прежде всего выделялся первый лагерь — демократический (с.-д. и частью трудовики), резко враждебный именно контр-революционерам.

А контр-революционеры составляли два других лагеря: в одном идейными руководителями являются Пуришкевичи: во втором — тон задают кадеты и прогрессисты.

И в центре вопросов, разделивших всю Россию на три главных политических лагеря, всегда и неизменно стояли в принципиальных думских дебатах три коренных вопроса: аграрный, рабочий и общеполитический.

Послушайте Пуришкевича во время прений о декларации:

— «Полевение городов, общее полевение продолжается систематически, а от этого общего полевения — один шаг до катастрофы... Подготовляется момент второй, быть может великой, и может быть более ужасной русской революции... Мы предви-

дим все картины французской революции в гораздо большей степени... Мы познаем весь ужас, весь гнет, весь кошмар народовластия». (Стеногр. отчет, стр. 144, 151.)

С этой перспективой Пуришкевич, конечно, приглашает бороться. Каковы же средства борьбы? У Пуришкевичей — весьма простые:

— «С горечью должны мы (реакционные помещики — *Г. З.*) приветствовать законопроект о введении телесного наказания» и т. п. (Стенограф. отчет, стр. 144.)

И в дальнейшем, говорит ли Пуришкевич (о народном образовании), или Хвостов (о бюджете), или Марков (о земле), — всегда мы слышим те же нотки. А наиболее «бесстрашный» из реакционеров, кн. Святополк-Мирский [7]), тот уже не только «добить» революцию» хочет, но заявляет прямо:

— «Я пришел к твердому и сознательному убеждению, что русское крепостное право сыграло благотворную роль, оно дисциплинировало... крестьян и давало смысл существованию помещиков... Мое глубокое убеждение, что нормальное развитие нашей внутренней социальной жизни скомпрометировано в 60-х годах рядом преждевременных (!) «скороспелых реформ» (Стеногр. отчет 1659, 1664).

Таков первый лагерь.

Не так проста аргументация контр-революционеров либеральных. Либералы не только не плачутся на «преждевременные» реформы, а сами только и живут, что иллюзиями насчет возможности новых реформ при сохранении старого строя. И поэтому у них пароль «добить революцию» всегда дополняется воздыханием: ах, где бы нам найти своего русского Бисмарка, который осуществил бы «революцию сверху», дал бы реформы и сберег бы историческую власть от «разнузданной» демократии.

О русском Бисмарке давно уже мечтают вслух такие идеологи контр-революционного либерализма как П. Струве, А. Изгоев и другие «веховцы». «Германский» путь конституционного полуабсолютизма против «французского» пути русские либералы отстаивают еще со времен кануна 1905 г. (Теоретический орган либералов «Русская Мысль» годами ведет защиту именно «германского» пути, оставляющего львиную долю власти за помещиками против «французского» (республиканского) пути. Еще в последней книжке этого журнала г. Изгоев в статье-дифирамбе ликви-

лидаторам *) иронически вопрошает: «Почему как во Франции, а не в Германии?» т.-е. почему мы, марксисты, отстаиваем «французский» путь против германского?..

О русском Бисмарке, который «добил бы революцию», но и дал бы реформы, возмечтала теперь открыто и октябриствующая буржуазия.

Депутат Львов из группы Крупенского говорил во время бюджетных прений по смете мин. внутр. дел:

— «Мы думаем, что наступил тот момент, когда всякая консервативная партия должна пойти на уступки, памятуя золотые слова Бисмарка, что революция делается не умами революционеров, а не во-время данными реформами, в которых страна нуждается».

Шумные и продолжительные аплодисменты на скамьях октябристов и оппозиции» (см. стеногр. отчет) только подчеркнули, что умеренный Львов выразил святая святых всего октябристско-либерального блока.

«Золотые слова Бисмарка» всегда вспоминаются нашим либералам, когда они чувствуют, что движение демократии растет.

Из числа кадетских представителей в Думе особенно откровенно защищает формулы: «добить революцию» и «дайте нам Бисмарка» — господин Маклаков, это — типичный и яркий представитель контр-революционного либерализма. Если он иногда говорит вслух то, о чем Милюковы либерализма предпочли бы пока помолчать, то от этого его речи становятся еще более ценным материалом для характеристики нынешнего русского либерализма.

Первая речь кадета Маклакова в истекшую сессию (по министерской декларации) была на ту же тему: добейте революцию, дайте нам некоторые реформы, допустите и буржуазию к власти, установите прусского типа конституционную монархию. Но особенно откровенна была его недавняя бюджетная речь. Он говорил:

*) «Р. М.», июнь 1913, стр. 125. Кстати, г. Изгоев так захвалил бедных ликвидаторов, что хочется воскликнуть: помилосердствуйте, почтеннейший веховец, хвалите, но не до бесчувствия. Ведь ваши поцелуи прямо горят на щеках бедных ликвидаторов. Что скажут рабочие?.. Не поздоровится от этаких похвал... Пощадите же ваших друзей из «Луча» и... не хвалите их так усердно.

— «Когда наша власть борется с революцией, это ее право и долг... Когда наша власть борется с проявлением общественной (читай: либеральной) самодеятельности, это — безумие».

И, апеллируя все к тому же Бисмарку, лидер к.-д. прибавляет:

— «Утихла и революция. Она потеряла сочувствие общества, потеряла веру в себя, и от прежнего пожара остались отдельные искры. Мудрая власть могла бы понять, что развитие нового (умеренно-конституционного — *Г. З.*) строя не только бесповоротное дело, но и подлинный конец революции... Она могла понять, чем можно добить революцию... В ее руках было бы дать потухнуть этим искрам, сделав массу страны огнеупорной, в руках ее было раздуть их в новый пожар. Она пошла этим последним путем, сумела сделать необходимую реакцию глупой».

В этих словах — вся философия контр-революционного либерализма. Контр-революция «необходима». Но контр-революция Бисмарковская, умная, а не «глупая». Надо добавить «революцию» не по Пуришкевичу, а по Бисмарку.

Под речью Маклакова *) подписалась вся кадетская партия, Вся кадетская печать превознесла эту речь до небес. Но и без этого ясно, что это именно политическая сущность современного русского либерализма.

Либерализм в современной России — контр-революционен. Он боится демократии больше, нежели реакции. Он пошел в рабство к реакции, поскольку он не хочет допустить победы демократии, и от этого либерализм, как самостоятельное общественное течение, отстаивающее «средний» умеренный путь там, где так резко столкнулись два непримиримых мира — поразительно бессилен.

Этот факт начинают открыто признавать и сами либералы.

*) Ликвидаторский «Луч» назвал речь Маклакова «профессорской», кабинетной. Эта оценка не верна. Лик-ры не хотят назвать по имени контр-революционный либерализм. Речь Маклакова менее всего была «профессорской». Это, напротив, речь боевого политика, стоящего на почве либерального контр-революционизма.

6. «В дураках».

— «...Мы, в течение десятков лет употребляющие все усилия достичь своих идеалов проповедью, мы остаемся в дураках».

Эта знаменательная фраза сорвалась с уст наиболее импульсивного оратора г. Родичева в одной из его речей в истекшую думскую сессию.

Это в своем роде — историческая фраза. Быть может самое ценное, и уж во всяком случае самое искреннее, что было сказано за эту сессию кадетами, содержится именно в этой фразе.

Родичев не один и даже не первый среди либералов, кто открыто высказал эту грустную для либерализма истину.

Так, еще в феврале 1911 года видный представитель умеренного либерализма кн. Е. Трубецкой сделал в «Русской Мысли» следующее не менее ценное признание.

> — «... При данных исторических условиях, — писал он, — у нас легче, возможнее осуществить неограниченное «народное самодержавие», чем манифест 17 октября...». Проект «передачи всей земли всему народу» безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.-е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный (?) проект «принудительного отчуждения за вознаграждение...» Реальной силой в данный момент вообще могут обладать у нас только крайние течения, т.-е. крайняя демократия... пугачевско(!!)-эсдековского типа, и столь же крайняя олигархическая реакция дворянско-чиновничья. Центр таким образом обречен висеть в воздухе». («Р. М.», II, 1911).

Что это, как не то же признание, что либерализм, отстаивающий «среднюю» позицию, остается явно в «дураках»?..

И даже такой кадет как г. Изгоев писал недавно, подводя итоги, что

> — «Все признаки свидетельствуют о том, что приближается Вальпургиева ночь» («Р. М.», IV, 1913), и что
>
> «Возвещенное 17 октября «обновление» не удалось... Очень скоро в политике воскреснут все старые приемы. Добром это не кончится. Следующий этап... уже намечается... Вопрос — во времени и во внешних, способных ускорить или оттянуть события, обстоятельствах» («Р. М.», VI, 1913).

Разве это опять-таки не то же самое родичевское «в дураках», только выраженное другими словами?..

Родичев, Трубецкой, Изгоев говорят открыто, что думают многие и многие либералы. Ведь даже у В. Маклакова, со сладо-

страстием говорящего о том, как бы получше «добить революцию», срываются нотки о том, что либералы стоят перед разбитым корытом.

И в самом деле, возьмите хоть I сессию 4-й Думы. Кадеты рвались «законодательствовать». Они наконец дожили до блока с октябристами. Тут ли не приняться за долгожданные и многовоспеваемые либералами реформы? А что оказалось в действительности? Даже «Речь» в статьях «Итоги сессии» констатирует:

— «По фактическим результатам сессия была совершенно бесплодной» («Р.» № 168). Вермишель да пара крупных реакционных законопроектов (о польском самоуправлении, о Холмщине и т. п.) — вот и весь итог I сессии.

Значит, те, кто ждали реформ при нынешнем положении, опять и опять «в дураках»...

Казалось бы, отсюда либерализм должен был бы сделать соответствующие выводы. Не век же в «дураках» сидеть! И можно сказать с уверенностью, что часть населения, верившего либералам, неизбежно будет делать выводы из банкротства либерализма и станет переходить от сидящих в «дураках» на сторону демократии. Расслоение в либерализме неминуемо. Чем интенсивнее, чем ярче разгорится демократическое движение, тем быстрее пойдет это расслоение. Но добрая доля либералов предпочтет все-таки сидеть в «дураках» с Пуришкевичами, чем бороться вместе с демократией. Ибо несомненно, что для многих и многих «прогрессистов», кадетов и вообще либералов лозунг «добить революцию» гораздо более дорог, чем лозунг: «поскорее бы добиться реформ».

Во всяком случае, сейчас так и запишем видные представители и идеологи либерализма сами признают, что либералы остаются в «дураках» и обречены «висеть в воздухе».

А от себя прибавим: современный русский либерализм не может не быть бессилен, раз он контр-революционен. При таких обстоятельствах он не может не остаться в «дураках».

7. С.-д. фракция и ее тактика.

Только с.-д. фракция вела в Думе выдержанную линию, вполне соответствующую интересам рабочего класса и всей

*

вообще демократии. Вся политическая обстановка в Думе и вне Думы сделала то, что для другой тактики рабочих депутатов, кроме как «большевистской», буквально не оставалось места. И в своих политических выступлениях с думской трибуны с.-д. фракция близка была именно к этой тактике.

Уже в ходе избирательной кампании с полной ясностью обрисовались две линии. Ликвидаторы выдвигали формулу: «вырвать Думу из рук реакции» и для этого предлагали исходить из деления страны на 2 лагеря (прогрессивный, реакционный). Большевики выдвинули формулу: сплочение демократии для борьбы против реакции и для преодоления контр-революционности либералов и констатировали, что в действительности в стране сейчас борются три основных деления: реакция, либерализм, демократия. Ликвидаторы считали, что дальше требования частичных конституционных реформ (всеобщее избирательное право, свобода коалиции) с.-д. итти не должны. Большевики указывали, что в центре борьбы стоят три старых требования. Ликвидаторы объявляли «кадетоедство» смертным грехом. Большевики указывали, что шагу нельзя с.-д.-ам сделать, не разоблачая контр-революционности кадетов, подлаживания либералов под октябризм и т. д. Ликвидаторы колебались в сторону того, что в Думе возможно будет «законодательствовать». Некоторые ликвидаторы (напр., г. Коссовский в «Нашей Заре») находили даже, будто «метафизикой» является думать, что Дума 3 июня не может дать свободы коалиции. Большевики указывали, что с.-д. в Думе должны придерживаться только агитационного метода.

Таковы в общих чертах были разногласия.

Что же, подводя итоги I сессии, кто усомнится в том, что большинство политических выступлений фракции с трибуны было ближе к нашему пути?

Вспомним 1-ю декларацию с.-д. фракции: вспомним, что проповедью частичных реформ занялись в 4-й Думе не с.-д., а кадеты и прогрессисты; вспомним отказ с.-д. фракции принять участие в предложенных кадетами совещаниях «всей оппозиции», вспомним тот факт, что более тесные отношения у с.-д. фракции естественно сложились только с трудовой группой (преступной, с точки зрения ликвидаторов, «левый блок»); вспомним речь Чхенкели и Чхеидзе (не говорим уже о речах Малиновского и Петровского), в которых они касались вопроса о новой полосе

«бурь» *), а не о «конституционном кризисе», как полагается с точки зрения ликвидаторства; вспомним правильное поведение фракции в связи с выборами членов президиума; вспомним их социалистическую мотивировку отказа голосовать за бюджет; вспомним отношение фракции к польскому коло; вспомним, что почти во всех своих выступлениях фракция придерживалась именно агитационного («митингового», как говаривали пренебрежительно либералы и ликвидаторы) метода.

Да, повторяем, никакого места для другой тактики социал-демократов не оставалось в политической обстановке. Могли ли с.-д. итти с кадетами, когда те шли с октябристами? Могли ли с.-д. итти на совещание с польским коло (что, в скобках сказать, предлагали во 2-й Думе все меньшевики и из-за чего велся жестокий спор на Лондонском конгрессе), когда оно становилось уже явно черносотенным и стремилось в объятия Замысловских? Могли ли с.-д. проповедывать «теорию» частичных реформ, когда тут же либерал Родичев признавался, что кадеты с этой теорией остаются «в дураках»?

Наиболее безжизненно звучали в Думе как раз те речи (напр., п. п.-совского депутата Ягелло), в которых ораторы стремились не итти дальше частичных конституционных реформ, защиты амнистии и т. п. И наибольший успех среди масс имели те речи, которые ставили во весь рост главные вопросы нашей жизни...

Фракция недостаточно еще разоблачила контр-революционность либералов, и в этом недостаток ее деятельности. Когда Чхенкели по поводу наглой речи В. Маклакова о том, как «добить революцию» только и нашелся, что назвать Маклакова «проповедником»,—он обнаружил недостаточное чутье действительности. Но важно то, что задача поставлена правильно. Самый ход политической жизни несомненно заставит фракцию усилить разоблачение предательств и контр-революционности либералов. Да

---

*) По поводу таких именно речей Гегечкори, Петровского, Войлошникова в 3-й Думе ликвидатор Мартынов в «Нашей Заре» недовольно замечал: «Этими призывами и напоминаниями о разрушении Карфагена в одних и тех же (!) стереотипных (!!) выражениях заканчиваются все речи депутатов с.-д. фракции за время последней сессии». («Н. З.», № 6, 11 г.). Что-то скажут теперь Мартыновы по поводу «стереотипных» напоминаний новой с.-д. фракции!

и теперь фракция сделала уже в этом отношении столько, что едва ли она может, напр., рассчитывать па такие-же комплименты со стороны г. Изгоева, какие сей... персонаж расточает ликвидаторскому «Лучу».

В голосованиях фракции были иногда промахи (голосование за прогрессистскую формулу по первой министерской декларации, воздержание при голосовании сметы почтового ведомства). Но это — частности. Линия, намеченная партией в декабре 1908 года, остается в основном правильной. Бывают изредка случаи в Думе, когда от голосов с.-д. зависит исход голосования. Это бывает, когда раскалываются октябристы, когда правые для демагогии голосуют несвойственным им образом, и т. д. В этих случаях создается «маятниковое» положение, и с.-д. приходится быть особенно осторожными. Правильное решение фракция и тут может найти лишь на почве указанной «декабрьской» линии. Тут остается только кой-что детализировать на основе практического опыта...

В общем политическими выступлениями с трибуны Думы, многочисленными запросами, рядом прекрасных речей фракции марксисты могут считать себя вполне удовлетворенными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1913 г., № 6, июнь; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) «Хвостовская» марка — происходит от Хвостова, сперва нижегородского губернатора, а потом — члена 4-й Гос. Думы. Он первый ввел в практику систему привлечения под разными предлогами членов 3-й Думы к суду, с целью лишения их впоследствии избирательных прав при выборах в Думу. В Думе стоял во главе крайне-правой фракции, в 1915 г. был назначен министром внутренних дел, но скоро был удален за создание нелепого плана убрать Распутина при помощи разных авантюристов, для чего им была выдана крупная сумма.

[3]) Ширинский-Шихматов, А. А. — князь, обер-прокурор синода, один из вожаков придворно-бюрократической партии, всячески поддерживавшей реакционную политику Николая II.

[4]) Дедюлин, А. А. — сперва петербургский градоначальник (из жандармов), потом — дворцовый комендант.

[5]) Игнатьева, С. С. — графиня, имела в Петербурге «салон», т.-е. где собирались представители реакции, там же составлялись планы придворной политики крайне-правого, разумеется, характера.

[6]) **Мещерский, В. Ц.** — князь, крайне-правый публицист, редактор-издатель основанной им газеты «Гражданин», в которой поддерживались взгляды самого закоснелого крепостничества.

[7]) **Святополк-Мирский,** князь, — член 3-й Гос. Думы, правый (не смешивать с другим: П. Д., министром внутренних дел, бывшим после Плеве, и некоторое время либеральничавшим).

К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ [1].

Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия.

В нашей статье «О том, как бундовцы разоблачили ликвидаторов» *) мы отметили тот факт, что пресловутую бундовскую культурно-национальную автономию, которую Г. В. Плеханов справедливо назвал «приспособлением социализма к национализму», Бунд отстаивает не один, а вместе **со всеми буржуазными еврейскими партиями и группами**. Это почему-то особенно задело бундовцев и их покровителей из «Луча». В № 105 (191) органа ликвидаторов с возражениями против нашей заметки выступил некий С. Л. Манин, отстаивающий бундовское «приспособление социализма к национализму» при полном сочувствии редакции «Луча», ни звуком не оговаривающей своего несогласия с г. Маниным. Этот господин Манин, приведя наши слова о том, что «культурно-национальную автономию» бундовцы отстаивают вместе с еврейской буржуазией, разражается следующей тирадой:

— «Такое бесцеремонно-лживое утверждение, очевидно, рассчитано на невежество читателя, на то, что он на слово поверит «компетентному» автору. Любопытно было бы, чтобы автор указал хотя бы **одну** еврейскую буржуазную партию или группу, которая вместе с Бундом «отстаивает» культурно-национальную автономию. Нет, любезный изобличитель, вы этого не укажете, потому что этого нет, потому что ваше утверждение или заведомая ложь, или свидетельствует о вашем полном невежестве в вопросе, о котором вы с таким апломбом говорите».

Мы нарочно выписали полностью всю эту коллекцию ругательств («лучисты», как известно, ужасные любители «хорошего тона», «товарищеской полемики», «единства» и тому подобных хороших вещей), чтобы читатель имел удовольствие сам поглядеть на то сердитое бессилие, в которое впадает бундовец, когда ему указывают на непререкаемый **факт** духовного родства его с еврейской националистической буржуазией. Однако, укрыться за эту коллекцию ругательств мы сердитому, но бессильному бундовцу не позволим. На что рассчитывал рассерженный бун-

---

*) См. «Просвещение», 1913 г. № 3; перепечатано в собр. соч. Г. Зиновьева, т. II.

довец, когда он с такой забавной... наивностью вздумал отрицать общеизвестные факты, мы не знаем. Наказан он будет прежде всего тем, что пред ним теперь продефилируют уже текстуально те пункты из программ буржуазных еврейских националистов, которые, как две капли воды, похожи на бундовскую «национально-культурную автономию».

Для удобства сравнения выписываем сначала ту формулировку «культурно-национальной автономии», которая принадлежит «самому» Бунду. Она гласит:

«... Таким обеспечением (максимума гарантий против национальных конфликтов), помимо общей демократизации государственного строя, является создание государственно-правовых учреждений, открывающих каждой нации возможность свободного культурного развития... При разноплеменном составе населения Российского государства и невозможности территориального разграничения населяющих его национальностей... указанные учреждения могут вылиться лишь в экстерриториальную форму национально-культурной автономии». (Резол. VI съезда 1905 г.)... «Национально-культурная автономия: изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передача их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых... на основе всеобщего и т. д. изб. пр.» *).

Из этой формулировки ясно следующее: 1) бундовцы отнюдь не видят гарантии решения национального вопроса в общей демократизации государственного строя. Они ищут решения этого вопроса еще и в других мероприятиях «помимо» этой демократизации; 2) они отстаивают культурно-национальную автономию в той ее форме—экстерриториальной,—в которой ее не признает даже компромиссная национальная программа австрийцев; 3) бундовцы говорят прямо, что они добиваются «изъятия» культурных дел из ведения государства, даже демократизированного (см. выше: «помимо» общей демократизации), как и из ведения местного и областного самоуправления, тоже демократизированного. Этим прямо подчеркивается, что бундовцы хотят вести еврейских рабочих к объединению с еврейской буржуазией в вопросах «культуры» и к отмежеванию

*) Там же, п. 3.

(«изъятию») их в этих вопросах от рабочих других националь-постей; 4) бундовцы для вопросов «культуры» не видят «классов», а видят «нации» («передача их нации»); 5) для осуществления культурно-национальной автономии бундовцы хотят создания каких-то особых национальных учреждений, местных и областных.

Так выглядит бундовская культурно-национальная автономия.

Теперь присмотритесь к соответствующим пунктам программ еврейских буржуазных партий. Возьмем для начала так называемую Volkspartei («Народную партию»).

«Еврейская Народная Партия ставит себе целью, сверх требования демократического народного представительства и полного осуществления гражданских политических свобод, развить и провести в жизнь начала еврейского национального равноправия... Национальная автономия евреев, не составляющих большинства ни в одной из областей России, выражается в форме не областной, а общинной организации. Единицей самоуправления является еврейская национальная община. Органом самоуправления в каждой общине является Общинный Совет, периодически избираемый ее членами, на основе 4-членной формулы без различия пола. Для объединения деятельности всех общин в России образуется Союз еврейских общин, являющийся представителем объединенного российского еврейства... Органы национального самоуправления как местные, так и центральные, имеют право, каждый в сфере своей деятельности, учреждать, содержать и поддерживать всевозможные институты и корпорации, предназначенные для целей: а) народного просвещения, б) взаимной и трудовой помощи, в) руководства переселением» и т. д. Центральные органы еврейского самоуправления... имеют право подачи петиций и посылки депутаций в общеимперские и областные конституционные учреждения по делам, касающимся всего российского еврейства или определенной его группы. Как центральные, так и местные органы еврейского самоуправления пользуются всеми правами юридических лиц. Им принадлежит право принудительного обложения еврейского населения для тех специальных местных нужд, которые не обеспечены суммами из общегосударственного бюджета, пропорционально отчисляемыми в распоряжение еврейских общин»... «Органами Еврейского Общинного Союза являются: а) периодические съезды делегатов от общин, созываемые

один раз в год, а в чрезвычайных случаях и чаще; б) постоянный Исполнительный Комитет, избираемый съездом и ответственный перед ним. Решения съездов по общееврейским вопросам обязательны для всех органов национального самоуправления» *) и т. д.

Читатель не посетует на нас за эту длинную выписку. Он увидит из нее, что бундовец, кричавший о «заведомой лжи» и «невежестве», пойман, что называется, с поличным.

В самом деле, кому же не ясно, что бундовская культурно-национальная автономия совпадает с программой «народной» партии. Различия, существующие между бундовской программой и программой «Народной» партии, суть только различия оттенков и деталей. Самому Бунду и «Народной» партии может казаться, что их разногласия не весть как важны. С точки зрения марксизма ясно, что обе эти группы расходятся в мелочах, но сходятся в главном и основном. Бунд ищет решения национального вопроса в мероприятиях «помимо» общей демократизации. «Народная» партия ищет их в мероприятиях «сверх» общей демократизации. Бунд желает передать «культурные вопросы нации особым учреждениям, местным и центральным». «Народная» партия хочет того же. Она только отличается от Бунда тем, что называет конкретно эти вопросы (народное просвещение и т. д.) и говорит не просто об «учреждениях», а называет эти учреждения по имени: «Общинные Советы», «Национальные Съезды», «Исполнительный Комитет» и т. п. С таким же успехом эти учреждения могли бы быть названы «Еврейским Национальным Сеймом» и т. п., как это делают «сеймовцы». Здесь различие только в слове, но не в существе.

— «Наиболее систематически разработана программа национальных прав в проекте Volkspartei («Еврейская Народная Партия»), основанной в конце 1906 года на началах вышеупомянутого культурного автономизма—пишет г. С. Дубнов... Программа партии, имея в виду экстерриториальность еврейского народа, кладет в основу его внутреннего самоуправления не область, а общину—эту историческую ячейку еврейской автономии; но это не религиозная община средних веков и не жалкая Kulturgemeinde (просветительная община) совре-

*) Все цитаты из программ приводим по работе известного еврейского деятеля С. Дубнова «Евреи» (см. сборник «Формы национального движения», 400—423).

менности, а **национальная община**, т.-е. определенная частица народа, в качестве местной единицы самоуправления. Органом ее является выборный общинный совет. Все общины в России объединяются в союз общин» *) и т. д.

Итак, Бунд говорит: «национально-культурная автономия». Народная партия говорит: «культурный автономизм».

Разве это не одно и то же?

Бунд строит программу на **экстерриториальности**. «Народная» партия — тоже. Бунд говорит просто о «нации» и «учреждениях». «Еврейская народная партия» говорит о нации в **лице** союза общин и об учреждениях под названием «Общинных Советов», «Исполнительного Комитета» и т. д.

Еще раз, где же тут принципиальная разница?

Не в праве ли мы сказать, что Бунд и «Народная» Еврейская партия **вместе** отстаивают пресловутую «культурно-национальную автономию»?

Одни из сторонников «культурно-национальной автономии» говорят только о каких-то загадочных «учреждениях», другие называют эти учреждения «Общинами» и «Союзом общин», третьи «Сеймом», четвертые говорят о «национальных кадастрах, национальных статс-секретарях» и т. д. По существу дела это все одно и то же.

У некоторых еврейских буржуазных партий «культурно-национальная автономия» разработана подробнее, чем у Бунда. Они справедливо высмеивают Бунд за непоследовательность, за то, что, сказавши А, он боится сказать Б, за то, что между туманными «учреждениями» и конкретно названными «общинами» он видит какую-то принципиальную разницу. В главном Бунд и еврейские буржуазные партии едины. Это — простой факт, отрицать который просто... неумно и невозможно для сколько-нибудь уважающих себя политических деятелей.

В частностях и в конкретных деталях публицисты Бунда все больше сближаются с буржуазными партиями. И пропорциональный бюджет и принудительное обложение на нужды еврейской культуры они вынуждены признать, поскольку они исходят из необходимости «изъять» еврейские дела из сферы общегосударственного, **местного** и **областного** самоуправления и передать их «нации» в лице «особых учреждений»...

*) С. Дубнов. «Евреи» (сборник «Формы национального движения», стр. 411).

Мы видели полнейшее сходство бундовской «национально-культурной автономии» с программой «Еврейской Народной Партии». Последняя, как, впрочем, и сионисты, и «достиженцы», беря пример с русских к.-д., называют себя «внеклассовой» партией (см. Дубнова, стр. 411). Но «Луч», надеемся, не станет отрицать, что партии эти на самом деле буржуазные. Да и сам Бунд всегда трактует их именно таким образом.

Итак, «хотя бы одну» такую буржуазную партию мы бундовцам и лучистам показали. Но мы можем увеличить число примеров.

Еврейский «Союз Полноправия», буржуазный sans phrases (бесспорно), так формулирует свои программные задачи:

«В области национальных прав союз добивается: а) свободы национально-культурного самоопределения, в частности выражающейся в самой широкой автономии общин»...

Речь идет здесь не о национальном самоопределении — т.-е. о праве большинства каждой нации демократическим путем решить, к какому государству эта нация хочет принадлежать,— не о самоопределении исключительно в политическом смысле, как это всегда понимала российская социал-демократия.

У еврейского «Союза Полноправия» речь идет о национально-культурном самоопределении, т.-е., другими словами, о той же «национально-культурной автономии», при чем вместо бестелесных бундовских «учреждений» опять взяты конкретные общины. Здесь есть разница в терминологии, но нет разницы по существу.

Я опять спрашиваю бундовцев: чем же их «национально-культурная автономия» отличается от «национально-культурного самоопределения», защищаемого архи-буржуазным еврейским «Союзом Полноправия»? Не похожи ли они друг на друга, как две капли воды?

Вот уже вам вторая буржуазная еврейская партия, которая... и т. д.

Российская сионистская организация, называющая себя тоже «внеклассовой», но на деле являющаяся партией чисто буржуазной, — пишет в своей программе:

— «Функции национального самоуправления осуществляются на местах общинными советами, в автономных областях областными съездами, в пределах всего государства —

всероссийскими еврейскими съездами. Органы национального самоуправления распоряжаются суммами, пропорционально отчисляемыми из государственных или местных средств на еврейские нужды, и пользуются, кроме того, правом принудительного дополнительного обложения еврейского населения.

«Органы национального самоуправления имеют право учреждать, содержать и поддерживать всевозможные институты, предназначенные для целей: 1) народного просвещения, 2) народного здравия, 3) взаимной и трудовой помощи» и т. д. (резолюции 3 съезда §§ 2, 4, 5).

Спрашивается: чем же «национальное самоуправление для целей народного просвещения» и т. д. отличается от «национально-культурной автономии?»

Абсолютно ничем, это и ребенку ясно.

Еврейские буржуа хотят, чтобы в вопросах просвещения, народного здравия и т. д. еврейский рабочий чувствовал себя евреем, а не пролетарием, и вы своей культурно-национальной автономией объективно добиваетесь того же.

Это уже третья еврейская буржуазная партия, с которой Бунд разделяет узко-националистические тенденции. В основном к той же позиции более или менее приближается и «Еврейская народная группа». Таким образом, здесь представлены все сколько-нибудь значительные еврейские буржуазные партии и группы в России.

Имея перед своими глазами только что приведенные программы еврейских буржуазных партий, безнадежно надо запутаться, чтобы утверждать, что «ни одна буржуазная партия или группа не пишет на своем знамени культурно-национальной автономии».

Мы не будем здесь распространяться ни о «заведомой лжи», ни о «невежестве» бундовцев. Мы не обвиняем их ни в том, ни в другом. Мы обвиняем их только в том, что они, вот уже несколько лет, говорят буржуазно-националистической прозой, сами того не замечая. Для преодоления буржуазного еврейского национализма они постепенно сами... стали на путь уступок этому национализму и, сами того не сознавая, проводят влияния буржуазного национализма в среду еврейских рабочих. Они позволяют возобладать в своей среде тенденциям еврейской мелкой буржуазии. Мы обвиняем их в том, что своими уступками национализму они — независимо от своей воли — начинают отда-

лять еврейских пролетариев от русских, польских и т. д., вместо того, чтобы ломать все предрассудки, которые мешают окончательно слиться пролетариям всех национальностей, населяющих Россию.

Бундовцы обиделись на наше указание, что их «культурно-национальная автономия» разделяется всей еврейской буржуазией, и поэтому попытались отделаться сердитой выходкой. Здесь затронут не шуточный вопрос. И тема эта — не для полемической перепалки.

Не случайно, в самом деле, Бунд разошелся с партией российского пролетариата как раз в том, в чем он сошелся со всеми партиями еврейской буржуазии. Это совпадение объясняется только тем, что бундовцы поддались влиянию еврейской буржуазии.

Неужели же бундовцы только теперь заметили, что еврейская буржуазия в основном выставляет то же сепаратистское требование культурно-национальной автономии, что и они? Неужели Бунд до сих пор скрывал этот основной политический факт от себя и от еврейских рабочих?

Наша вина перед бундовцами заключается только в том, что мы поднесли им зеркало, в котором они увидели себя в интимно идейной близости с еврейской буржуазией, во главе с Винаверами и К-о.

Бундовское требование «культурно-национальной автономии», отвергаемое российскими марксистами, в основном целиком признается еврейской националистической буржуазией.

Это — факт печальный, наводящий на грустные размышления относительно принципиальной устойчивости бундовцев. Печальный факт — все-таки факт . . .

* *
*

Читатель знает уже из нашей заметки (см. «Просвещение», № 3), что господа ликвидаторы из интересов презренной «дипломатии» пошли на сделку со своей совестью и «признали», будто бундовская национально-культурная автономия «не идет вразрез» с программой русских марксистов, выработанной в 1903 году.

Мы доказали с цитатами из речей Мартова, Мартынова, Кольцова и друг., произнесенных на 2 съезде по вопросу о национально-культурной автономии, что не только огром-

ное большинство 2 съезда, но и будущие вожди ликвидаторства резко осуждали и отвергали бундовскую национально-культурную автономию.

На это ни «Луч», ни защитник Бунда господин Манин не ответили ни звука. Конечно, они ничего не могли ответить . . .

Депутат 4-й Государственной Думы тов. Чхенкели, поддавшись влиянию ликвидаторов и бундовцев, в своей речи решился отстаивать бундовскую «национально-культурную автономию» и «учреждения». Мы привели двусмысленную похвалу бундовцев тов. Чхенкели, поздравивших его (в «Цайт») с тем, что он сошел «с окостенелой точки зрения, на которой стоит официальная теория в национальном вопросе». («Цайт», № 9, передовая, столбец 3). «Луч» и господин Манин обходят полным молчанием эту цитату и продолжают твердить, будто национально-культурная автономия не идет вразрез с программой. Если «не идет вразрез», то с какой же стати вы поздравляли тов. Чхенкели за то, что он сошел с «окостенелой точки зрения, на которой стоит официальная теория», т. е. программа. Не ясно ли, что вы сугубо запутались . . .

Господин Манин пробует еще опереться на Стокгольмские решения, будто бы санкционировавшие бундовскую национально-культурную автономию. Это уж — при всем нежелании прибегать к резким словам — сознательное отступление от истины. Странная манера! Программа — и в том числе национальная программа — вырабатывалась в 1903 году, на втором съезде. Ликвидаторы и бундовцы апеллируют не к этому съезду, а к тому, который вовсе не обсуждал ни программы, ни национального вопроса . . . И в Стокгольме ни один марксист (как б-ки так и м-ки) не скрывал своего резко враждебного отношения к националистическим тенденциям Бунда, но съезд хотел объединения. Он провел его — с условием, чтобы всюду на местах состоялось единство снизу, и чтобы еврейские рабочие, соединившись на местах с рабочими других национальностей, сами решили спорные вопросы. Съезд был уверен, что именно этим путем национализм Бунда будет ослаблен и потом уничтожен самым безболезненным образом. Съезд, конечно, не мог предвидеть, что Бунд, приняв это условие, потом, вульгарно выражаясь, сбежит от объединения на местах, и что против рас-

кольнических тенденций Бунда не помогут никакие решения партии, неоднократно принимавшиеся и в 1907 и в 1908 годах...

В Стокгольме Бунд не был еще раз осужден за национализм. Из этого выводят, будто Стокгольм одобрил или признал законность национально-культурной автономии. Логично, нечего сказать...!

Известно, что польская социал-демократия (вернее, некоторые из ее вождей) оспаривает пункт программы российских с.-д. о национальном самоопределении. В Стокгольме объединились с поляками, не оговорив того, что отрицание национального самоопределения недопустимо с точки зрения российских марксистов. По логике адвокатов культурно-национальной автономии выходит, что стокгольмские решения одобрили нелепое отрицание национального самоопределения.

Оставим мелкие софизмы и игру буржуазным дипломатам. Пролетариату всех национальностей России нужно полное единство на местах, полное слияние, единство снизу, сплочение всех сил.

Надвигаются серьезные события. Национальный вопрос приобретает особенную остроту. Пролетарии никому не позволят вносить разъединение во имя «национальной культуры». Еврейские пролетарии, мы уверены в этом, тоже не пойдут на путь «социалистического» национализма. Русские сознательные рабочие братски протягивают им руку, — им, трижды угнетенным в современной России. Долой всяческий сепаратизм. Необходимо полное интернациональное объединение. Необходима полная ясность в национальном вопросе. Долой какие бы то ни было искажения ее. — На этом, мы уверены, сойдутся все рабочие марксисты, к какой бы национальности они ни принадлежали.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1913 г., № 6, июнь; подпись — «Н. Ск.».

РАБОЧАЯ ПРАВДА

ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Годъ изданія первый

СЕГОДНЯ ВЪ НОМЕРѢ:

СТАТЬИ:

СТАЧКИ:

ПО РОССІИ:

ЗА РУБЕЖОМЪ:

№ 2. Воскресенье, 14 іюля 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

НОВЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ В ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ (1).

I.

В чем суть спора?

Подводя итог недавним выборам в прусский ландтаг (2), можно было уже предвидеть, что исход этих выборов неминуемо должен вновь поставить перед германской социал-демократией вопрос о всеобщей стачке. Так оно и случилось. Вопрос поставлен еще шире — не только о всеобщей стачке, но и о всей тактике рабочего класса на ближайшую эпоху.

Последние выборы в германский рейхстаг принесли огромную победу германской социал-демократии. Она получила $4^1/_4$ миллиона голосов и завоевала 110 депутатских мест. Поэтому в некоторых кругах рабочих — да и в самой партии — не могли не возникнуть преувеличенные надежды: теперь-то уж социал-демократия должна, мол, добиться серьезных положительных улучшений. Неужели-де и при таких силах она ничего не добьется на парламентской арене?..

Однако ход событий приуготовил жестокое разочарование тем, кто питал такие надежды.

Правда, социал-демократия оказалась самой сильной партией в парламенте. Но там, где дело касалось серьезных изменений в пользу рабочего класса, господствующие классы сплачивались, социал-демократии противостояли все владельческие партии, как один человек, начиная от крайних правых помещиков и кончая буржуазными «прогрессистами».

Толкнуть рейхстаг влево не удалось. Надежды ревизионистов на «великий блок» с либералами отцвели, не успевши расцвесть, прежде всего потому, что сами либералы искали союза с правительством и помещиками, а не с рабочими. Не только не удалось добиться на парламентской арене никаких улучшений для

трудящихся масс, но дело дошло даже до прямых ухудшений. Это стало совершенно ясным, когда правительство внесло в рейхстаг новые военные законопроекты. Все партии, кроме социал-демократии, с энтузиазмом поддержали новую милитаристскую затею и голосовали за огромное увеличение армии и новые тяготы, возлагаемые на народные массы.

А к этому же времени подоспели выборы в прусский ландтаг. Как ни напрягали свои силы рабочие, а при господствующем в Пруссии трехклассном избирательном праве — ничего не удалось сделать. Социал-демократия отвоевала всего 4 новых мандата. Прусский ландтаг, как был, так и остался неприступной крепостью помещичье-черносотенной реакции.

И вот до боли ясно стало, что на арене одной только парламентской борьбы нельзя решать назревшие больные вопросы, волнующие миллионы народа. Отсюда возникала глубокая потребность критически оценить пройденный путь, поискать новых средств борьбы.

Этим и объясняется, как родились новые тактические дебаты в германской социал-демократии; они все больше захватывают партию, заполняют всю германскую с.-д. печать, все партийные собрания, перекочевывая теперь и в профессиональные органы, почему последним предстоит занять видное место на предстоящем съезде германской социал-демократии в Иене.

Германская социал-демократия уже приблизительно с 1910 года переживает новый, переходный период. Дело не идет уже больше по старой гладкой, накатанной дорожке. Прежний подготовительный период, давший германской социал-демократии так много в смысле пропаганды, организации и т. д., начинает сменяться новым периодом — еще большего обострения классовых противоречий, империализма, неустойчивости на мировом поприще. Для нового времени нужны новые песни...

И происходящие теперь дебаты, быть может, яснее всего подчеркнули наступление именно этого нового, переходного периода.

Прежде всего характерно, что споры ведутся совершенно не по старым двум линиям: марксисты — на одной стороне и ревизионисты — на другой. И даже нет более трех новых делений — марксистский центр, марксистская левая и ревизионисты. Сами партийные «низы» ощупью ищут новой дороги. Характерно, что дискуссия начата именно провинциальной прессой и мест-

ными организациями. Руководящие органы лишь теперь вмешались в нее. Больше всего заинтересовались новым положением передовые рабочие.

Но раздаются голоса и крайне пессимистические. Указывается на то, что местами приостановился приток (и даже сократилось прежнее число) членов организации и подписчиков на партийную печать — явление, совершенно небывалое в германской социал-демократии со времени падения исключительного закона против социалистов. Отдельные голоса разочарованно говорят о том, будто немецкий рабочий, в силу расовых особенностей, якобы вообще неспособен на более яркую, более решительную борьбу. Но это именно голоса одиночек, легко поддающихся настроению.

Во всяком случае, положение всеми признается очень серьезным. Партия переживает болезнь нового, быть может, еще более грандиозного роста. Ей предстоит, вероятно, еще больше увлечь за собой миллионные массы. Но пока необходимо проложить новые пути, сейчас период их исканий.

«Премудрым пискарям» (3) либерализма кажется — или они делают вид, что им кажется, — будто германская социал-демократия одряхлела, обессилела, будто нынешний кризис говорит чуть ли не о медленном умирании партии германского пролетариата. Один из таких либеральных пискарей (некий Коральник (4) поспешил в «Речи» пропеть чуть ли не заупокойную по германской социал-демократии. Нечего говорить о том, что это просто либеральный вздор. Либералам хочется, чтобы социал-демократия умерла. Их желание — мать их вымысла.

Но та полоса брожения, переоценки ценностей, созидания новой тактики, которую переживает теперь германская партия, действительно необычна и заслуживает самого серьезного внимания со стороны всех социал-демократов.

И поэтому в центре всех нынешних дебатов в среде германской социал-демократии теперь стоит вопрос о массовой политической стачке.

II.

Вокруг всеобщей стачки.

Мы рассказали в общих чертах, какова главная основа происходящих сейчас внутри германской социал-демократии принципиальных споров. Осью этих споров служит вопрос о всеобщей (или, как в Германии чаще говорят — м а с с о в о й) стачке.

Уже в 1905 году на Иенском съезде партии германская социал-демократия после доклада Бебеля высказалась в том смысле, что массовая стачка при известных условиях может оказаться в Германии возможной, желательной и необходимой.

С тех пор прошло 8 лет. За это время вопрос о массовой стачке в теоретических дискуссиях подымался не один раз. Но и теперь вопрос о всеобщей стачке никем не ставится в Германии как вопрос уже завтрашнего дня или непосредственного призыва.

Посмотрим сперва, как относится в наши дни к идее массовой стачки правое крыло партии.

Ревизионистское крыло партии, как таковое, поскольку оно вообще высказалось в начинавшихся новых дебатах, выступило резко против идей массовых выступлений. Теоретический орган ревизионистов «Социалистический Ежемесячник» (по выражению Плеханова—немецкая «Наша Заря») поместил громовую статью против сторонников массовой стачки, обвиняя их в революционном «путчизме», заговорщичестве, бланкизме ([5]) и т. п. грехах. С точки зрения ревизионистов, все обстоит благополучно. Надо только, чтобы социал-демократия еще признала «великий блок» с либералами, и тогда все пойдет отлично. Мечтать о внепарламентском вмешательстве самих рабочих масс могут только «заговорщики», люди, склонные к бесплодному шуму,—к «путчу». Парламентаризм, парламентаризм и еще раз парламентаризм! Вот в чем спасение.

Органу ревизионистов вторят и некоторые руководители профессиональных союзов, принадлежащие к правому крылу партии. Профессионалисты не высказываются еще открыто, но из этой среды идет глухое недовольство по адресу «новаторов» и слышатся упреки в том, будто начавшаяся дискуссия только затрудняет профессиональным союзам их и без того нелегкую работу.

Однако и среди ревизионистов оказываются диссиденты ([6]). Из их среды с горячей защитой массовой стачки выступил один из виднейших вождей ревизионизма—депутат Франк. Правда, защита его весьма своеобразна. Он не думает о серьезной перемене тактики. Ему кажется, что можно вполне соединить ликвидаторскую тактику союзов с буржуазией в Бадене, с тактикой массовой стачки в Пруссии. Его зигзаг влево как нельзя более характерен для представителя оппортунистической интеллигенции. Эрве во Франции «разочаровался» в мнимо-левой тактике анархо-

синдикализма и метнулся в сторону самого правого ликвидаторства, защищая старый блок с радикалами, так много вреда принесший французскому социализму. Франк, «разочаровавшись» в некоторых символах веры ревизионистской, готов броситься «налево» и начать упрощенную проповедь массовой стачки, по существу далеко отличную от той, которую ведут марксисты.

Как бы то ни было, однако, брожение, начавшееся даже в правом крыле партии, показывает, что наступило нечто новое, что партия находится на повороте к новой эпохе...

Ну, а марксисты? Существует ли среди них согласие насчет переживаемого момента и новых задач? Увы, нет! В их рядах происходит сейчас жестокая полемика. В пылу борьбы сторонников перехода обвиняют в забвении марксизма, в уступках синдикалистским тенденциям и т. п. А ревизионисты злорадно используют споры марксистов между собой, подхватывая каждое преувеличенное обвинение, раздувая его и т. д.

Партийное правление и центральный орган партии, которых поддерживает и такой авторитетный теоретик, как Каутский, склонны толковать ограничительно иенскую резолюцию 1905 года, признавшую всеобщую стачку. Всеобщая стачка может стать неизбежной. Но — лишь в том случае, если бы реакция сделала нападение на всеобщее избирательное право в рейхстаг, на свободу коалиции и т. д. Тогда сами массы пришли бы в такое возбуждение, что серьезные выступления стали бы необходимы. Большая борьба, способная втянуть миллионы рабочих, вообще может разыграться только вокруг имперского рейхстага, а не вокруг прусского ландтага. Ибо только в первом ставятся вопросы, кровно интересующие самые широкие слои народа. Ибо там уже завоевано всеобщее избирательное право, и массы приучились видеть центр борьбы там... Марксистский центр признает, таким образом, всеобщую стачку, как оборонительный шаг в случае нового натиска реакции, который затронул бы кровные интересы народных масс.

Другая часть марксистов полагает, что этого мало. Она настаивает на том, что вся тактика германской социал-демократии должна принять более наступательный характер. Не в том дело, чтобы эта часть партии требовала немедленного назначения всеобщей стачки и т. п. Нет, она прямо заявляет, что этого она не требует. Но вопрос о более решительной

тактике должен быть поставлен на очередь, должен быть перенесен в широкие круги рабочих. Партия должна сознать, что вся политическая обстановка неудержимо влечет ее к эпохе «массовых акций». Может быть, это будет вовсе не стачка, а, скажем, демонстрационное движение. Может быть, это будет не одна стачка, а целая цепь перемежающихся стачек и других выступлений. Важно то, что тон и темп работы должны измениться. Парламентская работа социал-демократии принесла колоссальные результаты. Но нельзя теперь в ней видеть центр тяжести. Надо готовить умы к тому, что приближается эпоха, когда во главе угла станут вне-парламентские выступления самих масс.

Растет дороговизна жизни, милитаризм ложится все более тяжелым бременем на массы, империализм главенствует над всей жизнью, в международной политике наступает все большее обострение, легальность начинает все более «стеснять» самих реакционеров, и те волей-неволей должны подумывать о переворотах. Недовольство среди масс растет с огромной быстротой. По старому пути дело не пойдет. Надо сознательно и планомерно итти навстречу этим новым временам, новой эпохе «массовых акций», надо ясно отдавать себе отчет в том, что новая эпоха приближается.

Представители этих взглядов среди марксистов указывают, что в организациях старая традиция выработала некую рутину, бюрократизм. Для самостоятельности и инициативы масс осталось слишком мало места в рамках старой организации, более всего приспособленной к парламентской избирательной работе. В ряде случаев партия—по мнению этих товарищей—проявила недостаточную активность. Она не развила должной энергии для протеста против милитаризма, она оборвала демонстрации по поводу избирательного бесправия при выборах в прусский ландтаг, она не отозвалась на некоторые события при берлинском дворе и т. д.

Отсюда—наблюдающийся в некоторых местах застой (и даже сокращение) в числе членов организации. Недовольство масс нашло себе выражение и в некотором охлаждении к партийной печати. Так, например, число подписчиков центрального органа «Вперед» обнаруживает тенденцию к падению. На одном партийном собрании, обсуждавшем причины этого явления, соредактор газеты Штадтгаген высказался в том смысле, что причину следует искать в недостаточно боевом характере ведения органа.

Резолюции, которые проводят теперь перед съездом сторонники этих взглядов, носят общий характер. Они не предлагают никаких прямых призывов к всеобщей стачке. Они ставят только вопрос о пропаганде этого метода в массах вообще, о придании всей тактике более резкого и наступательного характера. И в этом — сильная сторона данных резолюций...

Займется ли предстоящий конгресс в Иене намеченными разногласиями — сказать трудно. Съезд, вероятно, пройдет под знаком траура. Перед свежей могилой великого вождя международной социал-демократии — А. Бебеля, — споры будут, вероятно, на время отложены. Но брожение уже началось. Глубоко важные жизненные задачи выросли перед германской социал-демократией. Она должна будет решить их во что бы то ни стало...

III.

Вокруг милитаризма и прямых налогов.

Все последнее политическое полугодие в Германии прошло под знаком нового роста милитаризма. Известный закон об увеличении военных сил поглотил все внимание рейхстага за последнюю сессию. Естественно, что и политическая партия Германии, и широкие круги населения вообще чрезвычайно интересовались всем, что происходило вокруг этого закона.

В социал-демократической партии и в ее парламентской фракции наметились различные разногласия в связи с вопросом о поведении фракции при обсуждении и голосовании военного закона. Съезду с.-д. партии, который соберется через 2 недели, придется, в связи с ежегодным отчетом ее парламентской фракции, разобраться и в этом вопросе.

Что в с я партия, как один человек, отнеслась резко к самому факту увеличения «военной мощи государства», т.-е. к росту милитаризма, нужного только правящим классам, — это ясно само собой. Германская социал-демократия не имела бы за собой $4^1/_2$ миллионов избирателей, если бы она с первых же дней своей жизни не относилась непримиримо враждебно к милитаризму. Но в рейхстаге вопрос на практике стал сложнее.

Все б у р ж у а з н ы е партии, начиная от самых черносотенных и кончая самыми либеральными, разумеется, стояли з а увеличение «военной мощи». В этом отношении весь рейхстаг, кроме 110 с.-д. депутатов, представлял собою одну сплошную

реакционную массу. Но относительно того, как погасить новые расходы на военщину, среди буржуазных партий наметились некоторые расхождения. Либералы и центр (клерикалы) при наличии всеобщего избирательного права все же зависят от довольно широких кругов малоимущих мелкобуржуазных избирателей, которые едва ли были бы восхищены новыми военными налогами на милитаризм. Перед либералами и центром всегда стоит призрак социал-демократии. Они вынуждены остерегаться таких, слишком циничеcких шагов против народа, которые могли бы оттолкнуть от них мелкобуржуазные слои населения и сделать из них попутчиков социал-демократии.

И вот эта часть более дальновидной буржуазии стала добиваться того, чтобы новые расходы на милитаризм были покрыты частью путем прямых налогов: на имущество и т. д.

Консерваторы делали вид, что они считают такой путь совершенно неприемлемым, они кричали, что это «разбой,» грабеж, конфискация, «осуществление социал-демократической программы» и т. п. На самом деле и они достаточно знают, что бесконечное выжимание налогов путем косвенного обложения имеет свои невыгодные стороны. Весь шум они подняли только для того, чтобы побудить либералов не итти «слишком далеко», а прямые налоги установить так, как того хотели господа аграрии.

Либералы начали с того, что стали добиваться, чтоб обсуждение самого законопроекта об увеличении военных сил произошло отдельно, а затем уже — обсуждение способов покрытия расходов на это увеличение. Сначала обеспечим, мол, себе, что «военная мощь» во всяком случае будет увеличена, а уж потом поспорим о том, покрыть ли расходы прямым или косвенным налогом.

Так и сделал рейхстаг. Сначала обсуждался самый законопроект об увеличении военных сил. С.-д. депутаты решительно боролись против законопроекта. Буржуазия и помещики провели закон против социал-демократов.

После этого стал вопрос о способах покрытия расходов. И тут-то наступили серьезные разногласия внутри с.-д. фракции.

Социал-демократия всего мира требует замены косвенных налогов прямыми, как менее обременяющими народные массы. Но, с другой стороны, социал-демократия отстаивает принцип: ни одного человека, ни одной копейки на алтарь милитаризма! А при

данном положении вещей два этих принципа как будто столкнулись между собой.

Часть марксистов (около одной трети всей парламентской фракции) указывала, что с.-д. программа требует прямых налогов в м е с т о косвенных, что голосовать, таким образом, за новые прямые налоги на милитаризм можно было бы только в том случае, если бы они вводились в м е с т о уже существующих косвенных, или если бы, при голосовании социал-демократии против, угрожало введение новых косвенных налогов. Эти же товарищи справедливо указывали и на то, что и при прямых налогах надо все же прежде всего иметь в виду н а з н а ч е н и е этих налогов. Ведь едва ли мы могли бы голосовать за расходы, скажем, на тайную политическую полицию даже и в том случае, если бы расходы эти покрывались путем прямого имущественного обложения. Социал-демократия, добиваясь введения прямых налогов, вместо косвенных, требует вместе с тем, чтобы эти налоги были прогрессивно-подоходными. Она требует широкой и коренной финансовой реформы, а не мелкой заплаты на рубище нынешней финансовой системы. Неоднократно вожди германской с.-д. (Зингер и др.) заявляли, что н и в к о е м с л у ч а е с.-д. не проголосуют ни за одну ассигновку, если назначение ее противоречит целям и стремлениям социал-демократии. А ведь милитаризм несомненно противоречит им...

Большинство фракции, к которому принадлежали все ревизионисты, взглянули на дело иначе. Оно слишком всерьез вняло воплю консервативной партии. Ораторы большинства фракции— известные ревизионисты Зюдекум и Давид — в своих речах тоже объявляли предложенные либералами прямые налоги «победой социал-демократии», началом новой эры и т. д.

Сначала ревизионисты надеялись, что им удастся заключить союз с либералами и провести хоть более или менее серьезно обложение имущих классов. Но либералы обманули их ожидания. Они вошли в темную сделку с клерикалами (центром) и провели такое прямое обложение, при котором богачи очень мало «пострадают».

Но большинство с.-д. фракции все-таки голосовало за эти прямые налоги на милитаризм, подчеркивая, что с.-д. голосуют не за милитаризм, а за прямые налоги.

Главные мотивы большинства фракции таковы: 1) если бы с.-д. голосовали против, их не поняли бы массы, и 2) содействуя

прохождению прямых налогов, мы избавляем массы от худших косвенных налогов.

Меньшинство справедливо возражает: второе просто неверно. К концу той же сессии увеличен, например, ненавистный косвенный налог на сахар. Да и прямые налоги на милитаризм буржуазия ухитряется в конце-концов выколотить из рабочих же. А первое соображение есть оппортунизм. Массы иногда многого не понимают. Долг с.-д. разъяснять им действительное положение вещей, а не принижать свою тактику до предрассудков масс. Когда Бебель и Либкнехт в 1870 г. в рейхстаге одни среди всех выступили против «патриотической» франко-прусской войны, — массы, несомненно, их «не поняли». Но прошло время, и массы убедились, что это был единственно честный и демократический образ действия.

Поживем — увидим, как выскажется съезд германской социал-демократии. Во всяком случае, дискуссия вокруг милитаризма и прямых налогов еще раз показала, как усложнилось положение в партии. Ревизионисты изо всех сил тянут германскую социал-демократию в п р а в о. В парламентской фракции у ревизионистов около половины голосов, хотя в партии они составляют, вероятно, не более $^1/_5$ части. Таков уж удел последовательных марксистов: они сильнее среди пролетарских масс, а их противники, ревизионисты, имеют непропорциональную силу на парламентской почве. Такое положение, конечно, чревато многими сюрпризами, которых лучше бы избежать пролетарскому движению.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газетах — «Рабочая Правда», № 4, от 17 июля 1913 г. и «Северная Правда», №№ 7 и 14, от 9 и 18 августа 1913 г.; подпись — «Н. Скопин».

«Рабочая Правда» вышла 13 июля 1913 г., прекращена была 1 августа. Официально редактировал ее с № 1 по № 11 С. И. Груздев, с № 12 до № 17 (последнего) — Г. Е. Кудрявцев. Издателем был обозначен В. Е. Шурканов (впоследствии его изобличили как провокатора). В передовице начального номера отмечалось, что «времена для рабочей газеты настали самые трудные. Репрессии, посыпавшиеся на рабочую печать, делают ее существование тяжелым и требующим неимоверных трудов. Мы не сомневаемся, конечно, что пока дождь и ведро на нашем общественном горизонте будут делать Пуришкевичи и иже с ними, пока заправилы Совета съездов и Общества фабрикантов и заводчиков будут иметь постоянный доступ для своих нашептываний с заднего крыльца к «власть имущим»,

рабочая печать неизменно будет вызывать против себя самые яростные нападки и гонения».

В том же номере А. Г. Бадаев опровергал «распространившиеся слухи, что меньшевистская газета «Живая Жизнь» является продолжением приостановленной газеты «Правда», предупреждая читателей, что означенная газета никакого отношения к «Правде» не имеет».

[2]) Ландтаг — законодательное собрание в отдельных составных частях Германии. В Пруссии, Баварии, Саксонии, Вюртемберге, Бадене и Гессене ландтаги делятся на две части — верхнюю и нижнюю, и та и другая требуют от своих сочленов довольно высокого имущественного ценза, чем и объясняется крайне-буржуазный уклон ландтагов. Прусский ландтаг с давних пор служит оплотом консервативных течений в Пруссии, находивших себе отклик в правых кругах остальной Германии.

[3]) Премудрые пискари — заимствовано из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь». Сказка вышучивает непомерную осторожность мелкой рыбьей породы, которая, укрывшись в мрак, боится жизни с ее треволнениями. Сказка и поныне имеет глубокое значение, как ироническое изобличение всякого оппортунизма, боящегося борьбы.

[4]) Коральник, А. — берлинский корреспондент газеты «Речь» его корреспонденции всячески преуменьшали события германского рабочего движения, особенно деятельность социал-демократии.

[5]) Бланкизм — метод революционной работы, основанный на системе политического заговора по теории французского революционера О. Бланки (1805 — 1881 г.г.). Очень сложная и полная противоречий натура Бланки удивительным образом сочетала в себе свойства убежденного демократа и фанатика, прибегавшего даже к «умерщвлению плоти». Бланки проповедывал необходимость крайне замкнутой конспирации со строжайшей централизацией, и поэтому его деятельность, оторванная от непосредственного соприкосновения с широкими массами, успеха, конечно, иметь не могла.

[6]) Диссиденты появились в Польше в XVI веке. Так называли католики сторонников религиозной реформации, отошедших от господствующей церкви и папской власти. Впоследствии диссидентами стали именоваться уже лица, отпавшие от какой-либо организации вообще.

О ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ [1].

Земский съезд министерства внутренних дел недавно выработал достойный внимания законопроект об увеличении окладов содержания земским начальникам [2] и непременным чиновникам по крестьянским делам.

До сих пор жалование земского начальника составляло 1.600 руб. в год, не считая разъездных, на которые выдавалось по 600 руб. в год в одних губерниях, по 1.200 руб.—в других. «Этот оклад, — говорит министерство, — должен быть признан явно недостаточным».

«Обстоятельство это, — продолжают составители законопроекта, — уже давно тревожит и заботит министерство внутренних дел... Современная дороговизна жизни является причиной общепризнанной и не требующей особых доказательств».

Для русского рабочего, с его грошевым месячным заработком, дороговизна жизни, должно быть, значения не имеет. А вот на бедненьких земских начальников эта дороговизна жизни ложится тяжким гнетом!..

Министерство предлагает повысить жалование земским начальникам с 1.600 руб. в год до 2.500 руб., а разъездные поднять с 600 руб. до 1.000 руб. в год. Расход на содержание земских начальников вместе с отпуском средств на разъезды и канцелярские расходы в настоящее время выражается в сумме 5.923.800 руб. в год. Нынешний законопроект желает увеличить эту сумму на 2.626.700 руб., т.-е. довести ее до 8.550.500 руб. в год.

И надо сказать, что этот законопроект, несомненно, имеет все шансы на самый радушный прием как в помещичьей 4-й Думе, так и в Государственном Совете. Составители законопроекта отнеслись к своему детищу прямо любовно. В десятках тщательно разработанных таблиц они сумели убедительно для помещиков доказать, сколь важную для имущих классов (прежде всего — для дворянства) роль играет институт земских начальников.

Помилуйте! За первые годы после введения института земских начальников одному земскому начальнику приходилось в год разрешать в среднем 325 судебных и административных дел и иметь годовую переписку в числе 3.530 входящих и исходящих.

Да и в 1911 году было на производстве в среднем земском участке 288 административных и 457 судебных дел. Не ясно ли, сколь плодотворна (для помещиков!) деятельность земских начальников?

С особым увлечением и почти что с поэтическим подъемом говорят составители законопроекта относительно тех многотрудных и многоразличных обязанностей, которые лежат на любезных их сердцу земских начальниках. Тут и заботы об «обирании наделов», тут и «попечение о взимании с крестьян окладных сборов», и многое, многое другое. Не считая отходящих теперь от земских начальников судебных функций, обязанности их все же и ныне исчисляются министерством в целых 23 рубриках. А особенно, видите ли, «велика и плодотворна работа земских начальников по применению закона 14 июня 1910 года (указ 9 ноября 1906 года) в деле землеустройства»... Так утверждают составители законопроекта... Ну, как же не пожалеть столь переобремененных и столь плодотворно (для дворянства!) работающих земских начальников? Как не накинуть им из народных денег еще по тысяченке рублей в год? Ведь жизнь так сильно вздорожала!

Крайне любопытны еще цифры, приводимые авторами законопроекта, относительно личного состава земских начальников.

К 10 марта 1913 года штатное число земских начальников по всей России равнялось 2.487, да еще 246 мест оставались незанятыми. И вот, из 2.487 земских начальников дворян было 1.991 (80%); 48% общего числа земских начальников—1.054— кроме того, владеют довольно высоким имущественным цензом. Эти цифры неопровержимо доказывают, что данный институт начальников не только служит классовым интересам дворянства, но и прямо вербуется из дворян... Среди земских начальников половина владеет имущественным цензом, стало быть, это — те же помещики. У одних пошатнулись дела, и они пошли на службу. Другие взяли службу как «подсобный» заработок. Третьи стали земскими начальниками не столько ради жалования, сколько ради того влияния, которое она дает местному помещику и которое довольно-таки легко переводится и на деньги.

Демократия выскажется не только против нового налога в размере 3 миллионов рублей, но и поставит более общий вопрос о том, нужен ли в интересах крестьян и рабочих самый институт земских начальников.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Рабочая Правда», № 6, от 19 июля 1913 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Земские начальники были едва ли не любимейшим созданием Александра III. Этим только по видимости выборным институтом он желал по мере возможности затушевать даже призрачные следы так называемого «освобождения крестьян» с его тусклыми намеками на какое-то крестьянское «самоуправление». Поэтому закон 12 июля 1889 г. о земских начальниках довершил целый ряд предшествовавших крайне реакционных мероприятий царя и уничтожил остатки крестьянской «конституции», превратив прежние «присутствия по крестьянским делам» в простых исполнителей воли земских начальников из дворян-помещиков. Кроме того, земские начальники были облечены и судебною властью. Отсюда в лице земского начальника получалась совокупность судебных и административных прав, делавшая из него непосредственного вершителя судеб крестьянина и вполне заслуженно создавшая самую неприглядную историю этого мрачного института. Недаром автор «Записок емского начальника» (А. Новиков), при всей слащавости своих суждений о «народе» и его «пастырях», не мог не признать, что «земский начальник — поместный дворянин, тот самый, который привел народ к его отчаянному положению; других воспитателей у народа не было; воспитательных приемов, кроме розги и отдачи в солдаты, дворянин не знал».

ПОБЕДА МАРКСИЗМА [1].

(Голландские социалисты и буржуазное министерство.)

Голландским социалистам недавно было предложено три портфеля в новом либеральном министерстве. Предложение это было сделано и короной, и либеральной буржуазией в лице д-ра Босса, которому королева поручила составить новое министерство.

Как случилось, что буржуазия и правительство принуждены были обратиться к социалистам с приглашением вступить в министерство—это мы уже видели в статье «Об участии социалистов в буржуазном министерстве». Главное обстоятельство — это последние выборы в голландскую палату, давшие большую победу социалистам, почему получилось такое положение, что без социалистов либералы не имеют большинства над реакционерами.

Сначала голландские либералы колебались, снизойти ли им до того, чтобы разделить власть с социалистами. Многие из либералов боялись, что это «скомпрометирует» их в глазах всего «благомыслящего общества» и т. д. Но среди либералов все же возобладало мнение (вполне справедливое, надо сказать), что совместное участие в министерстве либералов и социалистов скорее скомпрометирует именно последних. И вот, голландским социалистам пришлось дать ответ: согласны ли они итти в буржуазное министерство или нет?..

Сначала для разрешения этого вопроса предполагался созыв специального съезда социалистической партии. Но предварительно созвана была конференция, в которой приняли участие Центральный комитет партии, редакция центрального органа партии («Народ») и новая парламентская фракция. Здесь вопрос об участии в министерстве подвергся всесторонней дискуссии, в результате которой, 13-ю голосами против 8-ми, решено было отказаться от участия в министерстве.

Сторонники участия в министерстве, скрепя сердце, подчинились этому решению и, не надеясь собрать большинство на съезде, отказались и от самого созыва съезда.

Отказ голландских социалистов от участия в министерстве можно, таким образом, считать окончательным.

Всякий марксист может только приветствовать это решение голландских товарищей. Своим решением голландцы съэконо-

мили международному социализму спор, который неминуемо должен был принять резкие формы. А главное—они уберегли голландский пролетариат от опыта, который ничем хорошим кончиться не мог.

Сейчас крайне интересно познакомиться с аргументацией каждой из сторон среди голландских социалистов, и с положением партии вообще.

В голландской партии до последних лет был чрезвычайно силен оппортунизм. Часть марксистов (во главе с Горстером и др.) 3 года назад была исключена из партии. И исключена именно за марксистское направление (вот как расправляются со своими противниками ревизионисты там, где они в большинстве!), за резкую марксистскую критику поведения вождя оппортунистов — Трульстры — и оппортунистического большинства парламентской фракции. Часть марксистов (во главе с Роланд-Гольст, Вибо и др.) остались в старой партии и не примкнули к новой партии (численно очень слабой), организованной исключенными марксистами.

И вот прошло 3 года развития. Непримиримым марксистам удалось организовать лишь небольшое число передовых рабочих. На последних выборах они собрали всего 1.340 голосов против 144 тысяч старой партии. Но победа непримиримых марксистов заключается в том, что самих их оппортунистических противников жизнь заставила делать уступки марксизму.

Известный голландский социалист Блиген рассказал в печати о той борьбе на конференции, которая произошла между сторонниками и противниками участия социалистов в министерстве.

Сторонники участия говорили: надо пойти в министерство, иначе правое крыло либералов станет искать сближения с реакционерами; надо итти в министерство, иначе массы нас не поймут и будут недовольны партией за то, что она боится взять на себя всю ответственность, вытекающую из ее победы на выборах; надо итти в министерство, чтобы связать либералов и заставить их провести всеобщее избирательное право и рабочее страхование.

Как все это старо, как знакомы все эти оппортунистические мелодии! Свой собственный оппортунизм сваливают на массы! «Бороться» с либералами хотят тем, что «свяжут» их своим участием в министерстве! Изолировать реакцию надеются тем, что сами станут приспособляться к либералам!

Противники участия мотивировали свою позицию не столько принципами, сколько практическими соображениями. Если мы пойдем в министерство, — говорили они, — мы попадем в плен к либералам. А в партии неминуем будет новый раскол, ибо рабочие не потерпят, чтобы мы были ответственны за те подлости по отношению к рабочему классу, которые неминуемо будет делать и либеральное министерство.

И победили противники участия.

Нет сомнения, что в числе голосовавших против участия далеко не все марксисты. Определенных марксистов в старой партии — небольшая горсть. Но тем знаменательнее, что ход классовой борьбы заставил оппортунистов отступить от своей «теории» и поступать так, как того требует марксизм.

Разногласия в Голландии не устранены. Остается, например, вопрос о поведении с.-д. депутатов при голосовании либерально-буржуазного бюджета и пр. Но марксизм, тем не менее, одержал в Голландии большую победу.

В прошлом году такую же победу одержал марксизм в Италии. Мы дожили до того, что Турати, известный итальянский оппортунист, открыто заявил, что массы отворачиваются от сторонников участия в министерстве; он же примирился с изгнанием из партии его бывших друзей—итальянских ликвидаторов Биссолати и К°.

Если в таких странах как Италия и Голландия, где так живучи мелкобуржуазные тенденции, жизнь доказала правоту марксизма, — значит, ортодоксальный, неурезанный, непримиримый марксизм действительно находится на верном пути. Ему одному принадлежит будущее.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Рабочая Правда». № 7, от 20 июля 1913 г.; подпись — «Гр.».

ИЗВЕЩЕНИЕ ЛЕТНЕГО 1913 ГОДА СОВЕЩАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ (1).

Товарищи! Недавно состоялось второе в нынешнем году совещание Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с местными работниками (2). На совещании присутствовали 22 товарища — деятели нелегальной и легальной социал-демократической работы в Петербурге, Москве, Центрально-Промышленном районе, на Юге, на Урале, в Польше. Часть членов Ц. К. не могла присутствовать по полицейским препятствиям. Все решения, принятые Совещанием, утверждены Центральным Комитетом и, таким образом, приобрели обязательную силу для нашей партии.

* *
*

Неудержимо шло все вперед и вперед рабочее движение в России и в течение первых трех четвертей 1913 года, которым призвано было подвести итог наше партийное совещание. Партия наша, разумеется, сильно отставала от событий в организационном отношении. Далеко не везде и не всегда мы имели на местах сплоченные и вполне оформленные партийные организации, которые могли бы руководить движением. Организационный аппарат партии нельзя еще считать вполне восстановленным, исправленным, усовершенствованным, приведенным в полную боевую готовность. В этом направлении всем нам, товарищи, предстоит еще много поработать. Но зато партия могла с чувством полного удовлетворения отметить нечто более важное: вся политическая линия, намеченная партией еще на заре нового подъема, ходом событий подтверждена самым очевидным образом.

Рабочее движение разливается все более бурным потоком. Экономическое движение сливается с политическим и обратно. «Политика» и «экономика» переплетаются друг с другом и взаимно дополняют друг друга. Рабочий класс снова становится вождем и вдохновителем всего освободительного движения в стране, беря на себя задачу пробуждения и сплочения всей демократии. Во главу угла всей общественно-политической жизни вновь выдвигаются три старых лозунга революции: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабо-

чий день. Вера в частичные реформы отцветает, не успевши расцвесть. Либеральный (и ликвидаторский) реформизм блекнет с каждым днем, не находя опоры в окружающей действительности и не встречая поддержки в массах. В лагере контрреволюции увеличивается развал. Всеобщее «полевение» буржуазии, значение которого само по себе не следует преувеличивать, крайне характерно, как симптом, как признак надвигающейся новой эпохи, как отзвук глубоких революционных процессов, происходящих там, внизу, в глубинах народных. Вопрос о новой революции господствует над всей политической жизнью страны. Одни с надеждой, другие с ненавистью, — но все сознают, что приближаются новые бурные времена. Невидимо присутствует этот коренной вопрос о революции при всех сколько-нибудь важных дебатах даже в черной Думе. Могучее стачечное движение рабочих не ослабевает, а приобретает все новую силу, втягивая в движение все новые слои, развертываясь все шире и шире и точно смеясь над теми людьми, которые еще год назад объявляли, будто стачечное движение «подошло к грани, дальше которой начинается стачечный азарт». Политическое положение обостряется. Кризис назревает...

* *
*

Вопрос о ликвидаторстве, как особый пункт порядка дня, не стоял перед совещанием. Рабочее движение все больше и больше отметает со своего пути ликвидаторство. Совещание заслушало целый ряд докладов из десятка городов и фабрично-заводских центров. Перед совещанием в докладах с мест прошло описание современного состояния рабочего движения в Петербурге, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске, Владимире, Серпухове, Екатеринославе, Киеве, Мариуполе, Кременчуге, Кривом-Роге, Харькове, Перми, Екатеринбурге, Варшаве, Лодзи и в целом ряде крупных фабрично-заводских поселков Московской, Екатеринославской и других губерний. Всюду в партийном сознании стало уже непреложной истиной, что восстановлять нелегальную партию и вести революционную агитацию в массах можно только вопреки и против ликвидаторов. Всюду товарищи мыслят себе единство только как вхождение всех, желающих работать, в нелегальные партийные ячейки, куда доступ свободен всем социал-демократам. Объединение с ликвидаторским течением, как таковым, признается совершенно невозможным до тех пор, пока ликвидаторы

продолжают борьбу против революционных стачек, против революционной агитации в массах, против «подполья», т.-е. против существования Р. С.-Д. Р. П. Разногласия с ликвидаторским течением теперь более непримиримы, чем когда бы то ни было. На местах ликвидаторы почти нигде не играют сколько-нибудь значительной роли. Даже в Петербурге они не имеют абсолютно никакой нелегальной организации. А из легальных (профессиональные союзы, страховая кампания и т. д.) рабочие вытесняют их все более и более. Легальная газета ликвидаторов пользуется гораздо большим успехом среди либералов, чем среди рабочих. Она и держится не поддержкой со стороны рабочих групп. Своим существованием она обязана, главным образом, поддержке со стороны буржуазной интеллигенции.

При таком положении вещей партии не было надобности еще раз особо формулировать свое отношение к ликвидаторству. Оно остается прежним. Единство всех рабочих возможно и необходимо. Но только — единство снизу, единство на деле, единство всех тех, кто действительно признает нелегальную партию и готов в духе ее решений и под ее контролем работать.

* * *

Особое внимание товарищей мы хотели бы обратить на одну часть резолюций по организационным вопросам. Мы имеем в виду вопрос о доверенных лицах.

Несомненно, что почти всюду на местах руководство работой перешло уже в руки самих рабочих. И это — важнейший шаг вперед по пути партийного строительства. Но этого мало. Теперь встает вопрос об объединении городов между собою, об областном объединении, о более широком всероссийском руководстве. Рабочие на местах не должны возлагать надежд ни на кого, кроме как на самих себя. Дело областного и всероссийского руководства они тоже должны брать в свои собственные руки. Рабочие из своей среды должны выдвигать доверенных лиц. Эти доверенные лица должны совещаться между собой. Они должны начать связывать между собой отдельные города. И из них должны вербоваться кандидаты на центральные партийные должности. Нынешний Ц. К. партии уже и теперь состоит в большинстве своем из рабочих. Только приобретшие опыт на местной работе и выдвинувшиеся из числа рабочих доверенных

лиц товарищи могут решить задачу правильного руководства центральной работой. В каждом городе, в каждом крупном рабочем поселке рабочие из своей среды должны выдвигать доверенных лиц. Это единственный путь начать действительно сплачивать нашу работу в общероссийском размере.

* * *

Совещание сделало, что могло, чтобы дать ответ на все вопросы партийной жизни, стоящие перед нами.

Обсуждайте, товарищи, принятые решения. Вносите ваши коллективные мнения по поводу их и сообщайте их Центральному Комитету и в нашу печать. Приступите к обсуждению вопроса о партийном съезде и к созданию фонда на созыв его. Давайте, не покладая рук, работать над укреплением наших организаций на местах и сплочением организаций между собою.

Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке и при новых условиях работы. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины.

За работу же!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Издано было за границей отдельной брошюрой, под заглавием «Извещение и резолюции летнего 1913 года совещания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками». Издание Центрального Комитета (1913 г.).

Текст «Извещения» составлен был Г. Зиновьевым. Резолюции совещания даны в приложении к настоящему тому.

[2]) Совещания ЦК с партийными работниками были крайне важны в истории нашей партии, так как без периодического обращения к ним невозможно было бы существование партийной организации. Эти совещания, подобно конференциям, являлись как бы дополнением к съездам партии и помогали проводить решения того или иного съезда. В период подъема рабочего движения — в 1912—1913 гг. — было созвано три подобных совещания.

РЕАКЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ [1].

(Письмо из Германии.)

Вся политическая жизнь в новейшее время принимает все более и более международный характер. Рабочий класс только тогда делает практические выводы из экономического развития, когда старается в свою очередь организоваться в международном масштабе.

Фабриканты, заводчики, капиталисты давным-давно уже начали свои интернациональные организации. От «экономики» господствующие классы идут к «политике». Политическая жизнь тоже интернационализируется. И мы дожили теперь до того, что уже на самых вершинах господствующих европейских кругов заговаривают открыто о необходимости создать свой реакционный «интернационал».

Две самых «высокопоставленных» реакционных газеты Германии — «Kreuzzeitung» [2] и «Danzers Armeezeitung» [3] — на-днях обратили на себя внимание всей европейской прессы двумя крайне характерными статьями, в которых, очевидно, выражены мнения и настроения весьма «влиятельных» сфер.

По мнению органа германских феодалов «Kreuzzeitung», со времени 1905 года все в Европе пришло в брожение, а демократия пришла в наступление по всей линии.

— «Россия получила конституцию с народным представительством. Через три года пал абсолютизм в Турции [4] и сменился современным парламентаризмом. Король португальский должен был бежать из своей страны, хотя он всегда покорялся парламенту [5]. Китай и Мексика еще посейчас находятся в революционном процессе». В Англии демократия ограничила право верхней палаты [6]. В Голландии королева вынуждена вступать в переговоры об образовании министерства с вождем социалистов [7]. Сильные республиканские трения замечаются в Испании, Бельгии и Италии».

И орган феодалов замечает от себя далее:

— «Если социалисты и демократы хотят усилиться посредством интернациональных союзов, то правящие персоны не только тоже имеют право, а прямо обязаны в свою очередь осуществлять солидарность — против наступления демократии».

Эту же необходимость международной солидарности между реакционерами всех стран еще более любопытными соображениями защищают в «Danzers Armeezeitung».

«Если повелители Норвегии и Голландии приглашают к себе социалистов или без сопротивления подчиняются парламентскому большинству, то они тем самым — надо высказать открыто — угрожают престижу не только своей собственной короны, но и монархам других стран. Монархические государства Европы связаны общностью интересов. Преданность и благочестие их подданных являются общим фундаментом их существования. Как только эти начала подорваны в каком-нибудь одном государстве, так подрыв их в остальных странах становится лишь вопросом времени».

Мы привели эти отрывки из статей консервативных германских газет потому, что высказанные здесь мысли кажутся нам крайне характерными признаками времени. Раз о международном объединении и о международной солидарности заговаривают такие сферы, то тем паче должны об этом позаботиться «низшие» классы общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 13, от 17 августа 1913 г.; подпись — «Г.».

[2]) «Kreuzzeitung» («Крестовая Газета») — один из старейших органов крайне-правых политических группировок Пруссии, прусских аграриев и «юнкеров».

[3]) «Danzers-Armeezeitung» («Армейская Газета Данцера») — военно-политическая газета, где проводились взгляды германского генералитета.

[4]) Пал абсолютизм в Турции — военно-либеральный переворот, произведенный в 1908 г. «младотурками», т.-е. офицерами, находившимися под влиянием западно-европейского парламентаризма. Султан Абдул-Гамид II вынужден был согласиться на конституцию; через год, опираясь на духовенство и черносотенную часть армии, он попытался произвести контр-революцию, но потерпел поражение и был вовсе отрешен от власти.

[5]) Король португальский должен был бежать из своей страны — после революции 1910 г., лишившей трона короля Мануэля, сына убитого в 1908 г. короля Карлоса. После этого была провозглашена демократическая республика.

[6]) В Англии демократия ограничила право верхней палаты — путем «билля (закона) Асквита», тогдашнего вождя либералов. Этот билль, проведенный в парламенте, лишал «палату лордов» так называемого «права вето» (запрещения) на законы, проведенные в «нижней палате». Лорды подчинились не без борьбы. Билль, таким образом, уравнивал феодальную аристократию Англии с буржуазным капитализмом и всеми разновидностями мелкой буржуазии.

[7]) Переговоры об образовании министерства—велись в Голландии в 1913 г. В голландской палате депутатов образовалось либерально-социалистическое большинство, и поэтому королева Вильгельмина поручила вождю либералов Боссу составить новый, коалиционный, кабинет, куда входили бы три социалиста. Это были бы первые социалисты-министры за всю парламентскую историю Голландии. Босс вел переговоры с лидером голландских социалистов Трульстрой. Центральный комитет голландской социалистической партии уклонился от посылки социалистов в министерство Босса, но обещал ему поддержку при условии всеобщего избирательного права и некоторых социальных реформ.

СКОЛЬКО ЗАРАБАТЫВАЕТ НАШ РАБОЧИЙ? (1)

I.

Московский ткач.

Текстильная промышленность в России занимает первое место по числу занятых в ней рабочих рук. По переписи 1897 года в ней занято было 19,9 процента всего числа рабочих Российской империи. Согласно подсчету совета съездов фабрикантов и заводчиков, в России в 1908 году насчитывалось 762 текстильных заведения, в которых работало 505.557 человек.

Главное место по величине текстильного производства во всей России занимает, конечно, Московская губерния. В 1908 г. там считалось 307.773 фабрично-заводских рабочих. Из них было половина текстильных рабочих.

Спрашивается: сколько зарабатывает рабочий в этой главной текстильной губернии России?

Козьминых-Ланин (2) собрал сырой материал за 12 месяцев 1908 г., касающийся 44.343 текстильных рабочих и работниц и дающий интересные сведения для ответа на поставленный вопрос.

В исследование Козьминых-Ланина вошло 19.419 рабочих и 24.924 работницы. Это соответствует и действительному положению вещей. В Московской губернии, согласно данным Фабричной инспекции, женщины в текстильном производстве составляют большинство.

Вот главные итоги исследования Козьминых-Ланина.

Зарабатывают в месяц текстильщики-рабочие:

В возрасте:	Обследовано:	Получают в месяц:
12—15 лет	386 человек.	9 руб. 18 коп.
15—20 »	3.658 »	13 » 54 »
20—25 »	2.987 »	19 » 56 »
25—30 »	3.220 »	21 » 12 »
30—35 »	2.553 »	22 » 69 »
35—40 »	2.250 »	23 » 43 »
40—45 »	1.687 »	24 » 36 »
45—50 »	1.262 »	23 » 51 »
50—55 »	736 »	22 » 69 »
55—60 »	310 »	18 » 79 »

Меньше 20 рублей зарабатывают в месяц 47 текстильщиков из 100. Немногим больше 20 рублей в месяц зарабатывают 53 текстильщика из 100. Самую высокую заработную плату (24 руб. 36 коп. в месяц) получают рабочие текстильщики в возрасте 40 лет. Меньше 15 рублей в месяц получают не только дети и подростки, но и 20-летние рабочие. Когда рабочему перевалило за 45 лет, плата его идет уже все ниже и ниже.

А главный вывод таков: средняя плата рабочего-ткача Московской губ. — 20 руб. 16 коп. в месяц или 60 коп. в день. Настоящая голодная заработная плата.

Положение женщин-текстильщиц еще хуже. Из 24.924 работниц, подвергавшихся обследованию, зарабатывали в месяц:

В возрасте:	Обследовано:	Получают в месяц:
12 — 15 лет.	526 работниц.	8 руб. 14 коп.
15 — 20 »	5.424 »	12 » 92 »
20 — 25 »	5.060 »	15 » 76 »
25 — 30 »	4.219 »	17 » 17 »
30 — 35 »	2.817 »	16 » 88 »
35 — 40 »	2.624 »	15 » 96 »
40 — 45 »	1.762 »	16 » 27 »
45 — 50 »	1.189 »	15 » 63 »
50 — 55 »	713 »	14 » 45 »
55 — 60 »	364 »	13 » 46 »
Свыше 60 »	226 »	11 » 23 »

Из 100 работниц текстильщиц 63 зарабатывают меньше 15 руб. в месяц, и лишь 37 — немногим более 15 руб. Около 10 рублей в месяц зарабатывают не только старухи, но и 20-летние женщины.

В среднем работница получает 15 руб. 20 коп. в месяц или 50 коп. в день.

А если взять женщин и мужчин вместе, то выйдет, что средняя плата в текстильном производстве Московской губ. 16 — 17 руб. в месяц или 200 руб. в год.

Как назвать такую плату?

И это в то время, когда текстильные фабриканты кладут в карман такие барыши, которые не снятся фабрикантам за границей.

По преувеличенным данным самих господ фабрикантов (см. их «Ежегодник»), плата в Московской губ. была в 1908 году — 238 руб. Но цифры инженера Козьминых-Ланина, конечно

ближе к действительности. В 1902 году плата текстильщикам Московской губ. была, по данным фабрикантов, — 191 руб.; в 1904 — 204 р., 1905 — 202 р., 1906 — 224 р., 1908 — 238 р., 1909 — 228 р., 1910 — 244 р. Только в пятом — шестом годах, когда рабочие усиленно боролись, плата значительно поднялась.

Заработок текстильных рабочих есть нищенский заработок. Он вопиет к тому, что нужна упорная, настойчивая борьба за лучшую плату, за то, чтобы текстильщик мог жить сколько-нибудь по-человечески.

II.

Владимирский ткач.

Те цифровые данные, которые опубликовал по этому вопросу Козьминых-Ланин, были собраны фабричными инспекторами в 1897 году. Поэтому они скорее преувеличены, чем преуменьшены, ибо сведения получались при посредстве фабрично-заводской администрации. И тем не менее интерес этих данных огромный.

Оказывается, что на бумаго-прядильных и механическо-ткацких фабриках зарабатывали рабочие-мужчины в возрасте:

20 — 25 лет	13 руб.	52 коп.	в месяц.
25 — 30 »	15 »	70 »	» »
30 — 40 »	17 »	28 »	» »
40 — 50 »	17 »	63 »	» »
50 — 60 »	15 »	91 »	» »
Старше 60 »	11 »	66 »	» »

Дети и подростки:

12 — 15 лет	4 руб.	09 коп.	в месяц.
15 — 17 »	6 »	52 »	» »
17 — 20 »	10 »	13 »	» »

Старики-рабочие (свыше 60 лет) по количеству заработка уравниваются с подростками. Грамотные зарабатывают в среднем на 5 — 10% больше неграмотных.

А все рабочие этой отрасли зарабатывают в среднем 14 руб. 72 коп. в месяц, или около 50 коп. в день.

Заработки женщин, занятых в текстильном производстве, разумеется, еще ниже, и значительно.

Из работниц, занятых в бумаго-прядильных и механическо-ткацких фабриках, зарабатывало:

20 — 25 лет	10 руб.	66 коп.	в месяц.		
25 — 30 »	11 »	79 »	»	»	
30 — 40 »	12 »	06 »	»	»	
40 — 50 »	10 »	96 »	»	»	
50 — 60 »	8 »	63 »	»	»	
Свыше 60 »	6 »	62 »	»	»	

Подростки получали 4 руб. 23 коп., 7 руб. 18 коп. и 9 руб. 22 коп. в месяц.

Всего в среднем женщина-работница в текстильном производстве получала 10 руб. 56 коп. в месяц, или 35 коп. в день!

Если взять все вообще фабрики и заводы Владимирской губ., то, по данным Ланина, рабочий получал в среднем 14 руб. 44 коп. в месяц, или 48 коп. в день, а женщина-работница — 9 руб. 88 коп. в месяц, или 33 коп. в день.

Если принять в расчет, что женщин в ткацком производстве занято больше половины всех рабочих сил, то получим безотрадный вывод: во Владимирской губ. в 1897 году рабочий и работница зарабатывали в среднем — по данным самих фабричных инспекторов — едва 35 — 40 коп. в день.

Это ли не голодная, нищенская, позорная заработная плата?!

Но скажут: с тех пор много воды утекло, и плата теперь значительно увеличилась...

Нет, это неверно.

Вот вам данные, изданные хозяйской организацией. Мы говорим о «Статистическом Ежегоднике», издаваемом Советом съездов фабрикантов и заводчиков. Согласно этим данным, рабочий-ткач Владимирской губ. получал в год:

В 1901 г.	161 руб.	В 1906 г.	191 руб.
» 1902 »	161 »	» 1907 »	203 »
» 1903 »	190 »	» 1908 »	192 »
» 1904 »	163 »	» 1909 »	188 »
» 1905 »	162 »	» 1910 »	186 »

Итак, в 1897 году рабочий-ткач Владимирской губ. зарабатывал 176 руб. в год, а в 1910 году, через целых 13 лет, он получает на целых 10 руб. больше. Прибавка на 80 коп. в месяц! Нечего сказать, большой прогресс! Движение вперед со скоростью... черепахи.

И заметьте: было время, когда плата падала даже явно вниз. Только за 1905 — 1906 гг., когда рабочий повел свою великую борьбу, плата поднялась сразу на 30 руб. в год (с 162 до 191 р.).

А потом, в годы контр-революции, плата опять упала. Фабриканты воспользовались затишьем и в союзе с администрацией повели атаку. Поучительно!..

По данным фабричной инспекции за 1911 год, рабочие, занятые по обработке хлопка, во всей России в среднем зарабатывают 218 руб. в год, т.-е. 18 руб. в месяц или 60 коп. в день. А ткачи-владимирцы находятся в еще более ужасном положении.

III.

Костромской ткач.

После Московской и Владимирской губерний текстильное производство в центральной России больше всего развито в Костромской губернии.

К началу 1912 года фабричной инспекции в Костромской губернии подчинено было 103 текстильных заведения, в которых занято было 83.918 рабочих и работниц. Не будет преувеличением считать, что теперь текстильщиков в Костромской губернии не менее 100.000.

Бросается в глаза, прежде всего, что здесь сильно эксплуатируется женский труд. Из 83.918 рабочих к концу 1911 года было мужчин — 38.286, женщин — 45.632. В числе 83 тысяч рабочих было 1.161 малолетних и 8.215 подростков. На каждые 8 рабочих — 1 малолетний и подросток. На каждые 100 лиц — 46 мужчин и 54 женщины.

Уже из одного этого распространения детского и женского труда ясно, что заработная плата здесь должна быть весьма и весьма низка.

Больше всего текстильных рабочих в Костромской губернии занято при обработке хлопка. К концу 1911 года их было 65.086.

И средняя их заработная плата была 183 руб. в год, или 15 рублей в месяц, или 50 коп. в день. Таковы сведения самой фабричной инспекции.

В обработке шерсти здесь занято было в 1911 году 1.030 рабочих и зарабатывали они по 165 руб. в год, или 14 руб. в месяц, или 47 коп. в день.

Обработки шелка в Костромской губернии нет. В обработке льна, пеньки и джута занято 17.802 рабочих и зарабатывают они 160 рублей в год, или 13½ руб. в месяц, или 45 коп. в день.

В среднем, таким образом, ткач Костромской губ. зарабатывает от 45 — 50 коп. в день, или от 13 руб. до 15 руб. в месяц.

Можно ли назвать эту плату иначе, как нищенской?..

Если взять заработки ткачей во всем Московском округе, то окажется, что костромичи стоят на одном из самых последних мест. В обработке хлопка москвичи зарабатывают 213 рублей в год, ярославцы — 215 руб., владимирцы — 197 руб., смоленцы — 197 руб. Затем только идут костромичи с их несчастными 183 руб. Только рязанцы зарабатывают еще на 1 рубль в год меньше: занятые в Рязанской губернии ткачи при обработке хлопка зарабатывают только 182 руб. в год.

Средняя плата ткача по обработке хлопка во всем Московском округе равна 200 рублям в год, т.-е. 16½ рублей в месяц. На такие деньги можно только голодать. Но если в Московском округе мы видим голодную заработную плату у ткачей, то в Костромской губернии плата — голодная из голодных.

Из данных совета съезда представителей промышленности и торговли, т.-е. опять-таки из хозяйского источника, мы имеем сведения о заработной плате костромских ткачей за целое десятилетие (см. «Сборник», под ред. Шарого, за 1912 год).

И что же оказывается? Из всех 7 губерний России, где распространено текстильное производство, Костромская губерния стоит на самом последнем месте. Так было в 1901 году. И так же осталось в 1910 году.

В 1901 году ткач Костромской губернии зарабатывал только 140 рублей в год или менее 12 рублей в месяц. Меж тем, тогда же ткач в С.-Петербургской губернии получал 302 рубля, в Эстляндской — 271 р., в Петроковской — 230 р., в Московской — 203 р., в Тверской — 191 р., во Владимирской — 161 рубль.

В 1910 году ткач Костромской губ. зарабатывал 177 рублей, тогда как в упомянутых губерниях ткачи получали 355 рублей, 289 р., 323 р., 244 р., 220 р. и 186 рублей. Выходит, что и десять лет назад, и теперь костромской ткач зарабатывает вдвое меньше, чем питерский.

За 10 лет плата ткача в Костромской губернии изменилась следующим образом. Он получал:

	В год.		В месяц.	
В 1901 году	140 руб.	или	11 руб.	65 коп.
» 1902 »	142 »	»	11 »	83 »
» 1903 »	143 »	»	11 »	92 »
» 1904 »	148 »	»	12 »	33 »
» 1905 »	145 »	»	12 »	08 »
» 1906 »	163 »	»	13 »	54 »
» 1907 »	175 »	»	14 »	54 »
» 1908 »	182 »	»	15 »	16 »
» 1909 »	172 »	»	14 »	39 »
» 1910 »	177 »	»	14 »	75 »

За целых десять лет плата костромского ткача, божией милостью, увеличилась с 11 руб. 65 коп. в месяц до 14 руб. 75 коп., т.-е. на 3 руб. 10 коп., или 37 руб. в год. А цены на хлеб и все необходимое за это время, конечно, возросли не меньше, если не больше.

Наибольшее увеличение наблюдается за 1905—1906 год. Плата подымается сразу на 18 руб. — с 145 до 163 руб. Это был год наибольшего подъема и размаха рабочего движения... Наибольший упадок наблюдается за 1908 — 1909 год. Плата упала на 10 рублей — со 182 рублей до 172 р. Это был год наибольшего упадка рабочего движения, год торжества черных сил.

Так вот она — жизнь ткачей Костромской губернии! Мы взяли нарочно цифры только самих хозяев и их фабричной инспекции. Здесь о преуменьшении заработков рабочих не может быть и речи. Скорее — обратное.

IV.

Заработок ткача в 1910 — 1911 гг.

К 1 января 1912 года числилось под надзором фабричной инспекции во всех 5 группах текстильного производства 868.776 рабочих и работниц. Это — почти треть общего числа всех вообще рабочих разных отраслей, подчиненных фабричной инспекции (2.511.980). Теперь число текстильщиков в России, вероятно, близко к миллиону.

Из 868.776 лиц, занятых в текстильном производстве, — мужчин — 415.852, женщин — 452.924. Женщин-работниц —

52,1%, иначе говоря, — в текстильном производстве больше половины рабочих рук вербуется из женщин.

В достаточной степени эксплуатируется здесь также и детский труд. Из 868.776 рабочих в 1911 году было 10.808 малолетних (12—15 лет) и 85.048 подростков (15—17 лет).

Наибольшее развитие имеет хлопчато-бумажное производство. Сопоставив данные фабричной инспекции и совета съезда фабрикантов и заводчиков, получаем следующие цифры относительно того, сколько рабочих занято и как быстро растет число рабочих во всех 5 текстильных группах.

Было рабочих и работниц:

Производство:	1900 г.	1908 г.	1911 г.
I. Хлопчато-бумажная промышленность	399.503	505.557	538.535
II. Обработка шерсти	136.658	148.290	157.281
III. » шелка	31.976	33.771	33.224
IV. » льна, пеньки и джута	—	80.456	100.949
V. Смешанное производство по обработке волокнистых веществ	27.371	36.296	38.787
Всего рабочих	595.508	804.370	868.776

За десять лет общее число занятых рабочих рук увеличилось почти на 200.000. Обработка шерсти и шелка развивается медленно. Главный рост — в обработке хлопка, льна, пеньки и джута. Крупное производство преобладает. Концентрация, т.-е. сосредоточение производства в немногих очень крупных предприятиях идет очень быстро. В обработке хлопка приходилось в 1900 г. — 548 рабочих на одно предприятие, а в 1908 г. — 663 рабочих, т.-е. прирост 20%. Число рабочих текстильщиков, работающих не на фабрике, а «на стороне» (т.-е. у себя на дому и т. д.) еще весьма значительно. Но оно падает. В 1900 году «на стороне» работало 53.763 текстильных рабочих, в 1908 г. — это число уменьшилось до 38.954. Производство все более и более переходило на фабрику. А фабрика становится все более и более крупной. Все больше и больше рабочих стягивается под одну крышу. Число эксплуатируемых неудержимо растет.

Теперь, сопоставляя те же два источника, т.-е. данные хозяев и фабричных инспекторов, мы получаем следующую таблицу относительно заработной платы рабочих-текстильщиков в России.

Зарабатывали в год рабочие:

	Рубли.		
	1900 г.	1908 г.	1911 г.
I. Обработка хлопка	162	214	218
II. » шерсти	168	227	246
III. » льна, пеньки и джута	137	190	170
IV. » шелка	155	182	212
V. Смешанное производство по обработке волокнистых веществ	214	267	276

Главная группа — обработка хлопка. В ней занято почти $^2/_3$ всех текстильных рабочих. Средняя заработная плата в ней по всей России была 162 руб. в 1900 году (13 р. 50 к. в месяц), 214 руб. (17 р. 86 к. в месяц) — в 1908 году и 218 руб. (18 р. 16 к. в месяц) — в 1911 году. За 12 лет заработная плата возросла на 4 руб. 66 к. в месяц.

Главный вывод таков:

Более полумиллиона русских рабочих, занятых в обработке хлопка, зарабатывают — по сведениям самих хозяев — в начале 1912 года менее 20 рублей в месяц.

Дневной заработок — по сведениям тех же хозяев — равен немногим более 60 коп.

Около 100 тысяч текстильщиков (обработка льна, пеньки и джута) зарабатывают только 170 рублей в год (14 руб. в месяц).

Обработка шелка дает менее 18 руб. в месяц и т. д.

Вот на каком нищенском уровне стоит заработная плата ткача во всей России, где он едва зарабатывает в среднем 18 рублей в месяц.

Какова же эта плата в отдельных губерниях России?

По сведениям совета съездов фабрикантов и заводчиков, средняя плата ткачей во всей России за 10 лет подверглась следующим изменениям. Она равнялась в:

1901 — 203 руб.	1906 — 232 руб.
1902 — 202 »	1907 — 232 »
1903 — 209 »	1908 — 245 »
1904 — 214 »	1909 — 239 »
1905 — 206 »	1910 — 244 »

В этих общих данных прежде всего опять бросается в глаза одна общая черта. В год 1905 — 1906 мы видим наиболь-

ший рост заработной платы. Она поднялась с 206 до 232 руб. Это — год наиболее высокого подъема освободительного движения вообще и рабочего — в частности. И политическая, и экономическая борьба достигли высшего пункта. В год же 1908—1909 плата упала с 245 до 239 рублей. Это—наиболее глухой контр-революционный год. Так экономика связана с политикой.

А вот данные по губерниям — в порядке наибольшего количества занятых рабочих-текстильщиков:

Московская губерния. Текстильный рабочий зарабатывал: 1901 г. — 203 р., 1902 — 191 р., 1903 — 199 р., 1904 — 204 р., 1905 — 238 р., 1906 — 221 р., 1907 — 229 р., 1908 — 238 р., 1909 — 228 р., 1910 — 244 р.

Владимирская губерния. 1901 г. — 161 р., 1902 — 161 р., 1903 — 160 р., 1904 — 163 р., 1905 — 162 р., 1906 — 191 р., 1907 — 203 р., 1908 — 192 р., 1909 — 188 р., 1910 — 186 р.

Костромская губерния. 1901 г. — 140 р., 1902 — 142 р., 1903 — 143 р., 1904 — 148 р., 1905 — 145 р., 1906 — 163 р., 1907 — 175 р., 1908 — 192 р., 1909 — 188 р., 1910 — 186 р.

Петроковская губерния. 1901 г. — 230 р., 1902 — 243 р., 1903 — 243 р., 1904 — 241 р., 1905 — 254 р., 1906 — 243 р., 1907 — 301 р., 1908 — 319 р., 1909 — 311 р., 1910 — 323 р.

С.-Петербургская губерния. 1901 г.—302 р., 1902—336 р., 1903 — 335 р., 1904—366 р., 1905—295 р. (?), 1906—375 р., 1907 — 381 р., 1908 — 374 р., 1909 — 342 р., 1910 — 355 р.

Тверская губерния. 1901 г. — 191 р., 1902 — 197 р., 1903 — 193 р., 1904 — 196 р., 1905 — 197 р., 1906 — 189 р., 1907 — 218 р., 1908 — 221 р., 1909 — 202 р., 1910 — 289 р.

Эстляндская губерния. 1901 г. — 272 р., 1902 — 267 р., 1903 — 260 р., 1904 — 255 р., 1905 — 254 р., 1906 — 267 р., 1907 — 268 р., 1908 — 298 р., 1909 — 304 р., 1910 — 289 р.

По высоте заработной платы 1-е место занимают текстильщики Петербургской губернии, 2-е Эстляндская губерния, 3-е Петроковская губ. (Польша), 4-е Московская губ., 5-е Тверская губ., 6-е Владимирская губ., 7-е Костромская.

Свыше 300 рублей в год (25 рублей в месяц) зарабатывали в 1911 году текстильщики только в двух губерниях,—Петербургской и Петроковской; от 250 рублей до 300 руб. — 1 губерния — Эстляндская. Менее 200 рублей в год две губернии,—Владимирская и Костромская. От 200—250 руб. — все остальные.

*

Для сравнения мы приведем еще следующую табличку, составленную нами опять-таки на основании сведений фабричной инспекции за 1911 год. Таблица эта дает нам указания насчет заработков рабочих в различных отраслях текстильного производства и по различным округам:

Вот эта табличка:

Округа.	Обработка				Смешанное производство.
	Хлопка.	Шерсти.	Шелка.	Льна, пеньки и джута.	
Петербургский	246 р.	252 р.	64 р.	177 р.	282 р.
Московский	200 »	208 »	205 »	150 »	262 »
Варшавский	297 »	339 »	327 »	261 »	298 »
Киевский	233 »	153 »	75 »	171 »	249 »
Поволжский	162 »	155 »	—	146 »	—
Харьковский	176 »	125 »	—	216 »	51 »

Тут картина несколько другая, чем по хозяйским данным. Но надо помнить, что в каждый округ (деление фабричной инспекции) входит несколько губерний. По данным фабричной инспекции, 1-е место по уровню платы принадлежит уже Польше, 2-е Петербургскому округу, 3-е Киевскому, 4-е Московскому и т. д.

Во всяком случае, главный вывод остается во всей своей силе.

Главную массу текстильных рабочих составляют рабочие по обработке хлопка. И они еще к концу 1911 года зарабатывали от 162 до 297 рублей в год. При этом в главном округе, Московском — с его $^1/_2$ миллионом текстильщиков — заработок был 200 рублей в год или $16^1/_2$ рублей в месяц.

Легко представить себе, какую жизнь могут вести текстильные рабочие при таких, с позволения сказать, заработках.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газетах: «Наш Путь», № 4, от 29 августа 1913 г., подпись — «Г. Зиновьев»; «Северная Правда», № 28, от 4 сентября 1913 г., подпись — «Г. З.»; «Правда Труда», №№ 7—8, от 18 и 19 сентября 1913 г., подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Козьминых-Ланин, И. М. — инженер, автор напечатанного в Москве (1912 г.) труда «Рабочие Московской губернии, занятые обработкой хлопка и металлов».

О СБОРАХ НА РАБОЧУЮ ПЕЧАТЬ [1].

Необходимая справка.

Преследования против нашей рабочей печати продолжаются. Рабочие все более энергично стараются при помощи сборов и подписки поддержать свою печать, без которой они — как без рук. Но и здесь не обходится без споров и свары, подымаемой ликвидаторами.

Какой именно газете будут отдавать рабочие свои гроши? Как разделят они свои сборы?

Казалось бы, кто же может спорить против того, что этот вопрос должны решить сами рабочие. Кто какой газете сочувствует, тот ей и отдаст свою помощь. Где есть сторонники различных направлений, там может быть пущено 2 или 3 листа. Во всяком случае приставать к рабочим с требованием поделить свои сборы так, а не иначе — прямо неприлично.

Ликвидаторы, однако, ни за что не хотят понять всего неприличия своего образа действия. В ряде статей и заметок они требуют, чтобы рабочие непременно отдали им такую же часть, какую они отдают своей «Северной Правде», при чем эти люди с наивным цинизмом уверяют, что ежели их газете дадут равную часть, тогда сборы будут иметь большое политическое значение, станут крупным политическим выступлением рабочих, а если ликвидаторская газета получит поменьше, то сразу все движение потеряет свое политическое значение, примет характер «лавочки» и т. д.

Но дело не в этом. Здесь мы хотели бы указать на один новый прием ликвидаторов, имеющий политическое значение. Мы имеем в виду их попытку соединиться с народниками против марксистов.

Наши оппортунисты не впервые прибегают к этим приемам. Они любят уверять, будто бы большевики делают уступки некоторым народническим предрассудкам, а на деле в особенно трудные для оппортунистов моменты они всегда апеллируют к народникам против марксистов.

Вспоминаются выборы во 2-ю Думу. Большевики выступили против блока с кадетами. Будущие ликвидаторы яростно добивались во что бы то ни стало союза с кадетами. Ради этого союза они не остановились перед расколом петербургской

организации. Но и раскол не помог. Подавляющее большинство рабочих требовало выступления против кадетов.

Тогда наши будущие ликвидаторы обратили свои взоры в сторону народников, где были обычные колебания. Такие народники как «народные социалисты», конечно, всячески стояли за союз с кадетами. У них у самих так много либерального. Рабочие-народники были против блока с кадетами. Это выяснилось потом на общегородском собрании рабочих уполномоченных в Вольно-Экономическом обществе, где почти все рабочие-народники голосовали вместе с большевиками против блоков с кадетами. Но народнические «верхи» колебались. И вот за их-то спину и пытались спрятаться будущие ликвидаторы. Не их вина, если рабочие своей настойчивостью преодолели шатания и ликвидаторов и интеллигентных кругов народников.

Так было недавно и на знаменитом совещании представителей печати для протеста против маклаковского законопроекта (2). Мы уверены, что, если бы спросить мнения рабочих-народников, то 90 из 100 согласились бы с нами, что нам не надо было жертвовать демократическими принципами ради «единения» с кадетами и кадетствующими. Но народнические «верхи» по обыкновению опять колебались. И ликвидаторы поспешили соединиться с ними для того, чтобы пойти с кадетской «Речью», октябристским «Голосом Москвы» (тоже присоединился к либеральному «протесту») и т. д. против «Правды» и всех профессиональных рабочих органов Петербурга.

Теперь, в связи со сборами на рабочую печать, ликвидаторы опять делают попытку соединиться с народниками против марксистов. Сторонники «Новой Рабочей Газеты» (3) требуют прямо, чтобы все сборы делились на 3 равных части: марксистам, ликвидаторам, народникам. В трудную минуту ликвидаторы опять пытаются, не помогут ли народники против марксистов.

Разумеется, мы были бы очень рады, если бы и народническая печать могла бы свободно существовать и идейно бороться за свои взгляды. Разумеется, мы возмущены гонением против народнической печати так же, как и гонениями против нашей марксистской печати. Но рабочий-марксист все же должен отдавать свои сборы на свою печать. Мы—не миллионеры. Мы едва-едва можем поддерживать свою газету. Наших грошей едва-едва хватает на поддержку нашей рабочей газеты. У нас нет излишков, чтобы помогать чужой газете, хотя мы

и очень сочувствуем ее борьбе против реакции и полны негодований по поводу преследований против нее.

Мы не претендуем и на то, чтобы рабочие и сочувствующие народникам отдавали почему-то третью часть своих сборов нам, марксистам. Нисколько! Пусть те, кто сочувствует народникам, помогают им, те, кто сочувствует ликвидаторству, пусть помогают ликвидаторам, а марксисты—своей марксистской газете. Ведь не предложит же «Новая Рабочая Газета», чтобы другие пожертвования, поступающие к ней, кроме рабочих сборов, тоже делились на 3 равных части. Почему же только средства, собираемые из рабочих грошей, должны делиться на 3 части?..

Мы не отвергаем в известных случаях соглашений с народниками, хотя, конечно, считаем величайшей нелепостью слияния с ними. Но в данном случае никакого соглашения социал-демократия с народниками не заключала. Налицо лишь попытка группы ликвидаторов вступить в негласное соглашение с народниками против социал-демократии.

Этот шаг ликвидаторов войдет в историю как образец политической беспомощности и шатаний, приводящих к самым рискованным опытам. Раз ликвидатор ищет союза с народниками против марксизма, то так и знайте: ликвидаторство переживает особо трудные дни, рабочая масса весьма недвусмысленно намекнула ликвидаторам, что ей с ними не по дороге.

Так было, так будет...

Товарищи - рабочие!.. Помогайте попрежнему вашей газете— «Северной Правде».

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 24, от 30 августа 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

[2]) Знаменитое совещание представителей печати— вызвано было проектом нового «закона» о печати, выработанным министром внутренних дел Маклаковым, братом кадета и недавнего еще «посла» в Париже. Конечно, при этом более всего имелась в виду встававшая на ноги рабочая печать. Как раз по ее адресу и была направлена новая карательная система, выдуманная Маклаковым: ответственным лицом за орган печати являлся уже не редактор, а издатель, и форма репрессий становилась преимущественно денежной, при чем штрафы доводились до очень высоких цифр. Это било прямо по рабочей печати, которая всегда велась на рабочие гроши, и финансовая сторона была ее самым больным местом. Для «ответственного издателя» вводился и образовательный ценз, что окончательно изобличало затаенную мысль автора

закона, направленную против рабочей печати, которой трудно было обзавестись лицом с образованием «не ниже среднего».

Но переполошилась и буржуазная печать, тоже попадавшая в тяжелое положение, ибо она-то строилась на капиталистических началах, и маклаковский законопроект одним концом палки попадал на буржуазного предпринимателя, для которого издательство было одним из видов коммерческого дела. Газета требовала больших денег, и немудрено, что кадетская «Речь» довела до разорения своего издателя, инженера-промышленника Бака, который покончил с собой самоубийством. Вся буржуазная печать принялась совещаться для принятия контр-мер. Крайне-правая печать совещалась на квартире черносотенного депутата Балашева, опираясь на спешно выработанный депутатом Шульгиным собственный проект закона. Октябристы мобилизовались под председательством Гучкова, поручив графу Беннигсену создать свой «закон». А 8 апреля 1913 г. должно было, под флагом кадетов, произойти совещание представителей всей «умеренной» и «прогрессивной» печати. Тут-то и случился раскол печати. Редакции «Русского Слова», «Русских Ведомостей», «Речи» и «Биржевых Ведомостей» не явились на совещание, объясняя свое отсутствие тем, что разосланные им приглашения носили личный, поименный характер, а не были адресованы редакциям, и поэтому последние должны были послать на совещание именно тех лиц, которые организаторами решающего совещания — октябристами — были намечены. А меньшевики не упустили случая посетовать на то, что социал-демократическая печать не «проявила единства действия» и не «оказала организованного давления на представителей печати». (См. статью меньшевика Е. Маевского «Редакция и печать» в «Нашей Заре», 1913 г., № 4 — 5, стр. 88 — 96). Другими словами, меньшевикам очень хотелось проявить «единство действия» с кадетами, на что, конечно, большевики не пошли бы.

[8]) «Новая Рабочая Газета» — продолжение меньшевистского «Луча», прекрасно была охарактеризована в «Северной Правде» заявлением группы приказчиков-социал-демократов: газета «формулирует мировоззрение так называемого рабочего либерализма, т.-е. того рабочего течения, которое становится под опеку буржуазии». Родной сестрой «Новой Рабочей Газеты» была «Живая Жизнь».

ЖЕРТВЫ КАПИТАЛИЗМА (¹).

Несчастные случаи с рабочими по данным сотрудников министерства торговли и промышленности.

I.

Недавно вышла в свет в издании нашего министерства торговли и промышленности книга под заглавием «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности».

Вторая часть ее посвящена чисто технической стороне производства. Первая часть говорит о размерах несчастных случаев с рабочими, причинах, их вызывающих, и т. п. Эта первая часть представляет глубочайший интерес для каждого рабочего.

Вопрос о несчастных случаях едва ли где более жгуч и злободневен, чем у нас в России.

Рабочее законодательство отстало у нас, как нигде.

Фабричная инспекция — на службе у капитала и бюрократии. К тому же она численно ничтожна и не может ничего серьезного сделать для борьбы с несчастными случаями — даже если бы хотела. Достаточно сказать, что, по официальным данным инспекторских отчетов, из 1.000 заявленных и зарегистрированных инспекцией несчастных случаев ей в среднем удается только расследовать дело лишь в 35 — 40 случаях. А 960 случаев из 1.000 остаются даже просто нерасследованными.

Наконец, страхование рабочих от несчастных случаев только теперь вводится, да и то оно больше похоже на страхование капиталистов, чем на страхование рабочих.

В 1911 — 1912 году Россия переживала прямо эпидемии катастроф. Несчастные «случаи» стали настолько частыми и массовыми, что рабочий скорее должен был отмечать «счастливые случаи», когда он и его товарищи остались неискалеченными. Промышленный подъем всюду несет с собой страшное увеличение несчастных случаев с рабочими, а у нас в России — в еще гораздо большей мере. Фабрикантам и заводчикам — усиленные барыши, рабочим — усиленные поранения и калечения. Таков капитализм...

Что цифры несчастных случаев в России ужасно велики — это можно было, конечно, предполагать. Но что они окажутся столь ужасающими, как это получается из итогов указанной министерской книги, этого трудно было ожидать. Сотрудников министерства Пресса, Кирпичева, Быкова трудно заподозрить в том, чтобы они преувеличивали тяжесть условий труда рабочих. Профессор Быков сам оговаривается, что он всюду берет наинизшую из имеющихся в его распоряжении цифр о несчастных случаях. И все-таки те цифры, которые приведены в главной работе г. Быкова, прямо ужасающи.

Сотрудник министерства торговли и промышленности г. Быков «по наинизшим» данным приходит к следующим основным выводам. Он берет цифры за 1910 год, охватывающие $4^1/_4$ миллиона рабочих.

Каково же, прежде всего, число смертельных случаев с рабочими?

За год убито:

В заведениях, подчиненных фабричной инспекции (1.951.955 рабочих)	459 рабочих.
В горных и горнозаводских предприятиях (548.798 рабочих)	691 »
На железных дорогах (829.035 рабочих)	2.838 »
На внутренних водных путях (400.000 рабочих)	280 »
На строительных работах (500.000 рабочих)	250 »
На городских рельсовых путях (25.000 рабочих)	25 »
Всего	4.543 человека.

Прибавляя самые минимальные цифры несчастных случаев на сельских работах, Быков приходит к выводу, что число смертельных случаев с рабочими в России доходит в год до 6.000!

Всего несчастных случаев с рабочими за год (включая и смертельные) Быков считает 325.000. Из них тяжелых увечий 40.000, а «менее тяжелых» — 285.000. Наибольшее число несчастных случаев дают железные дороги — 103.148 за год. На втором месте стоят горные и горнозаводские предприятия — 81.822 несчастных случая за год. Далее идут промышленные заведения, подчиненные фабричной инспекции — 77.608, строительные рабочие — 15.000, водные пути — 10.000, сельско-хозяйственные работы — 35.000 и т. д.

Главный вывод Быкова таков (стр. 98): «Общее число жертв промышленного травматизма в России не может быть определено ниже 325.000 ежегодно... В числе этих 325.000 пострадавших — не менее 40.000 получают тяжелые увечья, а около 60.000 — смертельные. Расход на врачебную помощь и денежную поддержку пострадавших должен быть определен 33 — 34 миллионами рублей в год, а общий ущерб, наносимый промышленным травматизмом нашему отечеству — не ниже 55 — 57 миллионов рублей.

Г-н сотрудник министерства торговцев и промышленников сосчитал в рублях убытки. А кто сосчитает те страдания рабочих, которые приносит с собой «промышленный травматизм»? Кто учтет то море слез, горя, нечеловеческих мучений, которые несут с собой спутники капитализма рабочим, создающим все богатства?

325.000 несчастных «случаев» в год. Это значит свыше 27.000 несчастных случаев в месяц, или 900 несчастных случаев в день.

Подумайте, читатель, что сказал сотрудник министерства торговли и промышленности! По самым преуменьшенным подсчетам его, выходит, что каждый день на алтарь капитала в России приносится 900 рабочих, что каждый час русские фабрики, заводы и т. д. поглощают около 100 рабочих существований!

Вот каковы жертвы капитализма даже по самым «скромным» подсчетам защитников господ капиталистов.

Но это еще только цветочки, — ягодки впереди.

II.

Присмотримся теперь поближе к этим страшным цифрам, говорящим о числе разрушенных существований, о море пролетарских страданий и слез.

Прежде всего — растет или падает число этих «случаев»? Ведь правительство и капиталисты уверяют, что они усердно борются с этим злом.

Уже из данных самих господ фабричных инспекторов мы знаем, что общее число несчастных случаев с рабочими непрерывно растет. В 1904 году относительно заведений, подчиненных фабричной инспекции, зарегистрировано 62.697 несчастных случаев, а в 1911 году число это достигло уже 86.745!

Процент выясненных случаев со смертельным исходом увеличился с 0.23 в 1904 г. (на 1.000 рабочих) до 0,25 в 1910 году. Процент выясненной временной утраты трудоспособности возрос за эти годы с 24,60 до 26,75. Процент постоянной потери трудоспособности возрос с 3,52 до 4,94. И это всего в каких-нибудь 6 лет!..

Растет, как снежная лавина, число «случаев» смерти и калечения рабочих. Под этой лавиной гибнут сотни и сотни тысяч рабочих и работниц. Чем больше развивается капитализм, чем больше обогащаются капиталисты, тем больше рабочих жизней приносится на алтарь капитала.

Особенно вопиющи цифры относительно несчастных случаев с горнорабочими и на железных дорогах.

Общее число русских горнорабочих в 1907 году, по сведениям Быкова, равнялось 548.798. На это число несчастных случаев приходится в год 81.822, т.-е. 149 человек на каждую тысячу рабочих. Это почти в 4 раза больше, чем процент несчастных случаев в заведениях, подчиненных фабричной инспекции.

А в Германии в том же году на 825.777 горнорабочих было 12.112 несчастных «случаев», т.-е. на каждую 1.000 человек пострадало до 14,1 человек. Выходит, что горнорабочий в России терпит в 10 раз больше несчастных случаев, чем в Германии!

Процент тяжелых случаев и смерти в России равен 14 (на 1.000 горнорабочих), тогда как в Германии он равен только 5 процентам.

А вот полюбуйтесь-ка следующей табличкой, приводимой Быковым.

На каждых 10.000 рабочих, занятых в копях, число убитых в разных странах было таково:

В Бельгии	1901 — 1904 г. . .	10,1
Во Франции	1901 — 1905 » . .	10,8
В Англии	1898 — 1907 » . .	12,9
» Австрии	1901 — 1906 » . .	13,4
» Германии	1901 — 1906 » . .	19,7
» России (Донецкий басссейн)	1901 — 1906 » . .	28,2

Число убитых в России больше почти в три раза, чем в Бельгии.

Хороша жизнь русского рабочего! Мало того, что русский день в $1^1/_2$ раза длиннее, чем в Западной Европе; мало того, что его плата втрое меньше — капиталисты кроме того создают еще для него такие технические условия труда, что число убитых русских рабочих вдвое больше, чем в передовых промышленных странах Европы...

Относительно железнодорожных рабочих нет цифр для сравнения. Но достаточно и одних общих данных.

По сведениям Быкова, в 1910 году общее число железнодорожных рабочих и служащих равнялось у нас 829.035. А число пострадавших от несчастных случаев достигло 114.403.

Иначе говоря, — пострадал каждый восьмой рабочий.

Из общего числа повреждений Быков считает:

Легких повреждений 103.148, тяжелых повреждений 8.417, смертельных повреждений 2.838.

Кажется, эти цифры достаточно говорят сами за себя.

Русских рабочих калечат, как нигде. Вот что вытекает из данных, собранных в книге, изданной самим министерством торговли и промышленности.

Г. Быков, сотрудник министерства, утешает нас тем, что сами промышленники «и ради собственных выгод и из побуждений гуманитарного характера должны энергично стремиться к сокращению числа несчастных случаев». В следующей статье мы увидим, насколько господ промышленников интересуют соображения человечности («гуманитарные» побуждения). Пока заметим: лишь организованность и решительность рабочих могут принудить господ промышленников только хоть задуматься над этим вопросом.

III.

В этой же книге находим некоторые важные данные о несчастных «случаях» с рабочими на Западе.

В Германии за 24 года, с 1885 — 1908 гг., зарегистрировано одних смертельных случаев 97.714. И число смертельных случаев все растет: с 1890 года по 1908 год оно увеличилось с 3.597 до 4.939. Общее число несчастных случаев за это время г. Быков определяет в 4.000.000 (4 миллиона).

В Австрии число зарегистрированных несчастных «случаев» в год равно 129.186 (в том числе 1.252 смертельных).

Во Франции — 383.249 в год (2.450 смертельных).

В Англии—377.376 (3.474 смертельных).

В 6 промышленных странах Запада—Германии, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Франции, Англии—по минимальным подсчетам Быкова—ежегодно происходит: 1) всех несчастных случаев—1.572.000; 2) в том числе смертельных—16.491; 3) материальный ущерб в год—422.000.000 рублей.

Прибавляя сюда другие страны Европы, а также Японию и Америку, г. Быков приходит к следующему выводу:

— «Мы с полной уверенностью можем сказать,—пишет он,—что промышленный травматизм дает в промышленных странах в год не менее 3.000.000 (трех миллионов) пострадавших, не менее 30—35.000 смертельных случаев, и сверх того наносит ежегодный материальный ущерб, который должен быть определен ни в коем случае не ниже 1.000.000.000 (1 миллиарда) рублей».

Таковы страшные цифры жертв капитализма по данным сотрудников министерства. 3 миллиона искалеченных в год! 35 тысяч убитых сразу! Да ведь это—больше жертв, чем в самой кровавой и истребительной войне! И заметьте, читатель, еще раз: подсчеты эти сделаны не «какими-нибудь» социал-демократами, а друзьями и помощниками русского министерства торговли и промышленности.

Что в России дело стоит гораздо хуже чем на Западе—этого не скрывают и министерские сотрудники. Один из них, В. Л. Кирпичев, говорит:

— «В России, несомненно, труд охраняется очень плохо, и пропорция несчастных случаев к общему числу рабочих непомерно велика».

И далее прибавляет:

— «В современных заводах опасные части обыкновенно закрыты, и для указания опасности части эти окрашиваются яркой краской—цвета крови. Мне пришлось видеть одну вагонную мастерскую, где это покрытие было проведено систематически, и я должен сознаться, что вид такой мастерской производит потрясающее впечатление».

Ценные признания из уст министерского сотрудника!..

Как же бороться с этими ужасными миллионными «случаями» калечения и убийства рабочих? Что думают на этот счет министерские сотрудники?

Что отдельные частные технические улучшения не решают дела—признает и Быков:

— «Влияние... частных мероприятий в общей статистике травматизма затушевывается крайне серьезными общими условиями прогресса промышленности, поднимающими суммарные итоги травматизма».

И он же указывает:

— «Столь могущественны, в смысле повышения числа пострадавших, такие общие условия промышленности, которые по самой природе своей не поддаются какому-либо воздействию специальных... мер».

Другими словами говорится:

— Ничего не поделаешь! Пока существует капиталистический способ производства, до тех пор неизбежно и неминуемо каждый год будут калечить миллионы рабочих...

Другой казенный исследователь, Кирпичев, пробует наметить более широкую программу борьбы с несчастными случаями уже сейчас. Он говорит, что сюда относятся:

— «Фабричная инспекция, камеры для улаживания споров между работодателями и рабочими, свобода рабочих коалиций, свобода стачек, ответственность хозяев... фабричные больницы, богадельни, защита рабочих от грубого обращения, уничтожение унизительных обысков... справедливая расценка труда...» и т. д.

Программа — хороша. Вашими устами мед бы пить, г. Кирпичев. А подумали ли вы о тех общих политических условиях в нашей стране, которые стоят на пути действительной свободы коалиций и т. д.? Или, говоря о свободе коалиций, господин министерский сотрудник имеет в виду всего только октябристскую «свободу», а говоря о фабричной инспекции — всего только нынешнюю чиновничью анти-рабочую инспекцию?

Боимся, что так...

Крепкая, сплоченная организация рабочих — вот что прежде всего необходимо для сколько-нибудь успешной борьбы против несчастных «случаев»...

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 25, от 31 августа 1913 г.; подпись — «Н. Ск.»; № 29, от 5 сентября 1913 г.; № 30, от 6 сентября 1913 г.; подпись (в двух последних главках) — «Гр.». Первая главка напечатана также и в московской газете «Наш Путь», № 5, от 30 августа 1913 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

№ 2. Вторникъ 27 августа 1913 г. ЦѢНА: въ Москвѣ и провинціи 2 коп.

О СВОБОДЕ КОАЛИЦИИ (1).

I.

Что такое коалиция?

Коалиция — слово латинского происхождения. В буквальном переводе «коалироваться», «коализироваться» значит — итти вместе, соединяться, слиться воедино, установить между собою союз, связаться друг с другом.

Под словом коалиция в общем его смысле понимают всякое соединение людей, поставивших себе задачей достичь той или иной цели, или тех или иных целей. Таким образом, коалицией может быть названо каждое объединение, каждый союз людей, независимо от того, какие цели преследуются этим обществом, союзом или соединением людей.

В этом смысле можно говорить о коалиции людей, преследующей экономические задачи, или задачи политические, или научные, или задачи развития искусства и т. п.

В этом общем смысле не имеет значения и состав данного общества, или союза, или коалиции. Общество хозяев тоже может быть названо коалицией, как и общество рабочих.

Для «коалиции» в этом более широком смысле слова имеет значение также и то, разрешено ли законом данное объединение людей, или нет. Мы знаем из истории большие и многолюдные коалиции рабочих, не резрешенные законом. Пример — хотя бы Англия.

В этой ныне классической стране свобод в свое время коалиции были воспрещены, что не мешало им существовать тайно.

Свобода коалиции означает, что право объединяться в различные союзы для различных целей уже завоевано, уже признано существующим законом. Для самого же понятия

«коалиция» несущественно, завоевана ли уже эта свобода. Коалиция остается коалицией и тогда, когда она еще не признана законом.

Далее, коалиция в этом более широком смысле слова может быть временной и постоянной, прочной и скоропреходящей. Объединение рабочих для проведения, скажем, однодневной стачки тоже может быть названо в известном смысле коалицией. Это — коалиция на один день.

Окончилась стачка, цель, поставленная себе временной коалицией, достигнута, и коалиция прекратилась. Но это была коалиция, как, с другой стороны, коалицией является, примерно, какой-нибудь союз печатников или металлистов в Англии, существующий беспрерывно несколько десятилетий.

Таково значение слова коалиция — в общем, отвлеченном, расширенном смысле его. Всякое временное или длительное объединение людей, поставивших себе известную цель, независимо от того, каков классовый состав его членов, — может быть названо коалицией.

Но в действительной социально-политической жизни слово коалиция имеет теперь уже более узкое определенное значение. В результате исторического развития, его теперь применяют, главным образом, для обозначения рабочих объединений, рабочих союзов, рабочих экономических организаций.

Общества хозяев, союзы фабрикантов и заводчиков называют трестами, синдикатами.

Определенные соглашения фабрикантов и заводчиков между собой называют иногда конвенциями. Коалицией хозяйские объединения не называются или называются редко.

Под коалицией чаще всего понимают объединение, по составу рабочее — рабочий союз, рабочее общество.

Но ведь и рабочие объединения бывают различные. Политическая партия рабочих — социал-демократия — тоже является в известном смысле рабочим союзом. Но для обозначения политической организации общеупотребительным стало слово партия. Политическую партию редко называют коалицией. Так, возможны случаи, когда свобода коалиции признана законом, а свобода политической организации — нет. Это возможно потому, что исторически в понятие «коалиция» вкладывают более узкое содержание. Под ней понимают не всякое объеди-

нение людей, даже не всякое объединение рабочих, а большею частью один определенный вид объединения рабочих, а именно — профессиональное объединение рабочих, профессиональный рабочий союз.

Иногда слово коалиция и теперь все-таки употребляется еще в более широком смысле, как обозначение любого объединения лиц или групп. Говорят, например, о «коалиции держав», т.-е. о соглашении двух или нескольких правительств для определенной цели. Так, во время балканской войны часто говорили о «коалиции» таких-то государств против коалиции таких-то. Поэтому, говоря о рабочих объединениях, для точности иногда прибавляют: рабочая коалиция. Мы всюду в дальнейшем, говоря о коалиции, будем иметь в виду именно рабочую коалицию.

II.

Что такое свобода коалиции?

Когда говорят о свободе коалиции, то как-то молчаливо предполагается, что речь идет о свободе рабочей коалиции.

Почему это так? Почему это во всех капиталистических государствах вопрос о завоевании и упрочении свободы коалиции сводится к вопросу о завоевании и упрочении рабочей коалиции?

Потому, что имущие классы давным давно уже завоевали и упрочили свободу своей коалиции. Они могут объединяться в любые общества и союзы. А рабочим правящие слои мешают объединяться, пока только мыслимо этому помешать. Господство владеющего меньшинства основано на неорганизованности, распыленности, несознательности неимущего большинства. Интерес господствующего класса заключается в том, чтобы как можно дольше держать в распыленном виде миллионы пролетариев.

Еще не так далеко время, когда в «самых» передовых ныне странах (как Англия, например) господствующие классы не только отрицали за трудящимися массами право на организацию (свободу коалиции), но проводили прямые законы о максимальной заработной плате и минимальном рабочем дне (закон о максимальной заработной плате проведен в Англии в 1562 году при Елисавете). Положение масс было настолько рабским, что

господам оставалось только заботиться, как бы, боже упаси, рабочий вдруг не получил немногим больше нищенской платы или проработал не 16 часов, а 15.

Теперь времена не те. Теперь рабочие всюду поставили уже вопрос о минимальной заработной плате и максимальном рабочем дне. Но рабочий все же остается еще рабом. Еще несколько десятилетий назад рабочие почти нигде не имели свободы коалиции. Да и теперь полной свободы коалиции нет нигде. Господствующий класс продолжает смотреть на рабочего, как рабовладелец на раба...

В странах буржуазной политической свободы буржуазия любит кичиться тем, что там будто бы «все равны перед законом». Но это — фальшь и лицемерие. После Великой Французской революции французская буржуазия запретила рабочие союзы. Она при этом ссылалась на принцип «равенства, братства, свободы». Союзов не надо-де для того, чтобы одна группа граждан не отделялась от другой и не замыкалась в узкую профессиональную сферу. Но это было сплошное лицемерие.

Рабочим и ремесленникам запрещены были ассоциации, но хозяева на деле могли свободно объединиться против рабочих. В Англии, Германии, Австрии было время, когда на бумаге союзы хозяев были в таком же затруднительном положении перед законом, как и рабочие союзы. Но на деле хозяева свободно могли объединяться, а рабочих преследовали всеми скорпионами. Да и у нас в России. Закон 4 марта 1906 года о «свободе» союзов на словах одинаков и для рабочих и для хозяев... А на деле?

Свобода союзов теснейшим образом связана с другими свободами. Например, союз должен иметь свободу собираться и обсуждать свои дела. Иначе союз — не союз. Отсюда свобода союзов самым неразрывным образом связана со свободой собраний.

Далее, рабочий союз для успешной борьбы с предпринимателями должен иметь силу заставить предпринимателя пойти на уступки. Таким орудием воздействия на классового врага является стачка. Без стачки союз — не союз. Отсюда неразрывная связь между свободой союзов и свободой стачек.

Свобода коалиции означает, таким образом, свободу союзов, стачек и собраний. Бороться за право коалиции значит бороться за признание законом права

*

для всякого рабочего вступать в рабочий союз, участвовать в стачках и собраниях.

Рабочему классу нужна полная свобода классовой борьбы. Свобода коалиции есть лишь одна из составных частей этой свободы классовой борьбы. Сама по себе свобода коалиции еще не есть полностью свобода классовой борьбы. Для последней важна, например, и известная форма правления в стране. Возможна одинаковая свобода коалиции, скажем, в Америке и в Пруссии. Но американская свобода коалиции в сочетании с американской формой государственности дает бо́льшую свободу классовой борьбы, бо́льшую ясность и размежовку двух классов, чем прусская свобода коалиции... Свобода классовой борьбы определяется не только свободой коалиции. Понятие «свобода классовой борьбы» шире, нежели понятие «свобода коалиции»..

Право коалиции почти всюду в Европе в буржуазных законах определяется как

«право рабочих объединяться с целью добиться большей заработной платы и лучших условий труда».

Это — определение преднамеренно узкое. Исходя из классового своекорыстия, буржуазия стремится обрезать, обкарнать самую сущность, самую задачу рабочей коалиции. Те времена, когда рабу можно было просто не позволить объединиться, прошли. Так надо, по крайней мере, сузить размах его организации. Пусть борется за несколько бо́льшую плату. Пусть немного улучшает условия труда. Но он не смеет и мечтать о полном упразднении наемного труда. Наемным рабом он должен остаться. Можно позолотить ему цепи, но снять их — нельзя...

Но рабочий класс смотрит иначе. Он добивается свободы коалиции для гораздо более широких целей. Еще более 60 лет назад великий учитель рабочих Карл Маркс следующим образом описал сущность рабочей коалиции:

— «Крупная промышленность, — говорил он, — скопляет в одном месте массу незнакомых людей. Конкуренция разделяет их интересы. Но поддержание данного уровня заработной платы — их общий интерес, враждебный интересам их хозяина, — объединяет их в одной и той же мысли о сопротивлении, о коалиции.

«Таким образом, коалиция всегда преследует двоякого рода цель: прекратить взаимную конкуренцию между рабочими и тем

самым сделать возможной их общую конкуренцию с капиталистами. Если первоначальной целью сопротивления было только поддержание данного уровня заработной платы, то по мере того как капиталисты в свою очередь объединяются в видах репрессии — коалиции... формируются в группы, и... поддержание ассоциации становится для них более необходимым, чем поддержание уровня заработной платы.... В этой борьбе, настоящей гражданской войне, объединяются и развиваются все элементы, необходимые для грядущей битвы. Однажды достигши этого пункта, ассоциация (союз) принимает политический характер» ([2]).

Одним словом: свобода коалиции нужна рабочему классу не только для борьбы за более высокую заработную плату, но и для борьбы за упразднение самого наемного труда и эксплуатации человека человеком, для борьбы за свою конечную цель.

III.

Как была завоевана коалиция в Западной Европе?

Мы уже знаем, что следует понимать под свободой коалиции. Остановимся теперь — в самых кратких чертах — на истории завоевания свободы коалиции в Западной Европе.

Впервые право коалиции рабочих было завоевано в Англии. Здесь борьба за это право приняла особенно широкие размеры. Один историк рабочего законодательства справедливо говорит, что эта борьба в Англии, по своей грандиозности и широте захвата, так же относится к борьбе вокруг этого вопроса в других странах, как Великая Французская революция относится к небольшим революциям в остальных европейских государствах.

Сначала в Англии существовали законы, прямо запрещающие свободу коалиции для рабочих. Как вначале государство вырабатывало законы о максимальной заработной плате и минимальном рабочем дне, так оно же и устанавливало специальные запретительные законы относительно свободы коалиции. Положение рабочих было еще настолько бесправным, настолько рабским, что власть могла себе позволить откровенно сочинять законы о том, что рабочий должен работать столько-то часов и никак не меньше, что он должен получать столько-то грошей и никак не больше, что он должен покорно сносить ярмо и, под страхом наказания, не

имеет права объединяться со своими товарищами в союз.

При короле Георге II законы о запрещении коалиции в Англии распространены были не только на ткачей и прядильщиков, но и на рабочих всех других мануфактурных отраслей производства. Еще в 1799 и 1800 гг., когда промышленность в Англии уже сильно развилась, английский парламент на сопротивление рабочих понижению заработной платы ответил новым законом, запрещавшим всякие союзы рабочих под страхом наказания.

Но время шло, рабочий класс Англии становился многочисленнее и сильнее. «То, чего рабочие не могли делать открыто, они делали тайно» — рассказывает об этом времени И. Ингвер, автор книги «Рабочие и право коалиции». И то же подтверждают известные историки английского профессионального движения, супруги Вебб, рассказывающие в своей «Истории трэд-юнионизма», что у каждого старого союза, имеющего более 50 лет от роду, существуют свои романтические истории, когда союз существовал нелегально, когда списки членов закапывались для безопасности в землю и т. д.

В 1824 г. в Англии отменяются специальные запретительные законы против свободы коалиции. Право коалиций на бумаге как будто уже не отрицается. Но закон все-таки предусматривает, главным образом, те случаи, когда право коалиций не действует, и когда рабочим опять-таки угрожает тюрьма.

В 1875 г., наконец, закон уже категорически признает свободу коалиции — хотя некоторые серьезные «изъятия» все-таки остаются и существенно урезывают это право рабочих до сих пор.

Во Франции в средние века существовали законы, тоже прямо запрещавшие свободу коалиции. Но особенно интересно знать, как отнеслись к свободе коалиции тамошние буржуазные революционеры. Еще в начале Великой Французской революции, 14 июня 1791 г., проведено было прямое запрещение свободы коалиции, под тем предлогом, что будто профессиональные союзы являются «покушением на свободу и декларацию прав человека». В 1800 г. новый закон опять запрещает рабочую коалицию, имеющую целью стачку и повышение заработной платы. В 1810 г., при Наполеоне, знаменитая статья 415-я угрожает «подстрекателям» к коалициям и стачкам тюрьмой от 2 до 5 лет. Февральская революция ничего почти не изменяет в этом отношении.

В 1864 г., при Наполеоне III, свобода коалиции «в принципе» признана. Но тут же устанавливается кара от 6 дней до 3 лет тюрьмы за «подстрекательство» к стачке и «насильственным» действиям.

Только закон 16 марта 1884 г. отменяет это наказание и признает свободу коалиции.

В 1903 г. делается еще один шаг вперед — отменяются еще некоторые ограничения. Но и сейчас во Франции крупные категории рабочих и служащих лишены на деле свободы коалиции, и в законе остались суровые преследования за «угрозы» штрейкбрехерам, за посягательство на «свободу труда» и т. п.

В Германии еще в 20-х годах XIX века были законы, разрешавшие союзы хозяев и прямо запрещавшие союзы рабочих. В 1835 г. Саксонское правительство издало новый запрет против союзов ремесленников, которые стали образовывать тайные организации. В 1840 г. союзные правительства особым законом вводят черные списки неблагонадежных рабочих. В 1845 г. новый закон устанавливает кару в 1 год тюрьмы за призыв к стачке. В 1869 г. закон, наконец, признает известную свободу коалиции. В 1878 г., с изданием исключительного закона против социалистов, обрушиваются новые преследования и на союзы. И посейчас в Германии существуют очень большие ограничения, стесняющие свободу коалиции.

В Австрии развитие идет приблизительно так же, как в Германии. Драконовские законы 1845 г. применялись и в Австрии. Лишь в 1869 г. рабочие заставили правительство сделать шаг вперед. 30.000-я демонстрация перед зданием парламента оказала действие. 1870 г. свобода коалиции признается — хотя и с большими урезками...

В главнейших европейских странах мы видим, таким образом, как бы три ступени.

Сначала — прямой и откровенный запрет коалиций. Рабочий класс и его борьба еще очень слабы.

Вторая ступень — на бумаге «признается» свобода коалиции, на практике закон рассматривает только случаи запрета, что почти равносильно отсутствию коалиции.

Наконец, третья ступень — свобода коалиции признана, и власть стремится только сделать побольше «изъятий» из правил и связать рабочих угрозами...

IV.

Нужна ли свобода коалиции русским рабочим?

Мы познакомились в общих и кратких чертах с тем, как и когда завоевали свободу коалиции рабочие различных западно-европейских стран. Спрашивается теперь, нужна ли свобода коалиции и русским рабочим?

Среди сторонников рабочего класса не может быть двух ответов на этот вопрос. Свобода коалиции так же нужна для рабочих, как воздух для легких. Только организованной борьбой, только сплачиваясь в союзы, в партию, во всевозможные общества, могут рабочие отстаивать свои интересы по отношению к хозяевам и политическому представительству хозяев.

В связи с вопросом о свободе коалиции между марксистами и ликвидаторами происходит давнишний спор. Ликвидаторы пытаются представить дело так, будто мы, марксисты, недооцениваем значение свободы коалиции, будто мы не понимаем ее роли и значения для рабочего класса. Иногда ликвидаторы говорят даже прямо, будто мы, марксисты, — «против свободы коалиции».

Во всем этом нет ни слова истины. Спор идет вовсе не об этом. Что свобода коалиции нужна, необходима рабочему классу, — это марксисты знали тогда, когда ликвидаторы в России еще не родились на свет. Что рабочему нужна свобода союзов — эту азбучную истину доказывали еще первые с.-д. кружки 20 лет назад. Да и всякий толковый рабочий сам понимает, что ему необходимо добиться права соединяться с другими своими товарищами по труду, образовывать с ними союзы и т. д.

Весь вопрос в том — как бороться за свободу коалиции; какие еще другие способы нужны для того, чтобы свобода коалиции не оказалась звуком пустым; при каких условиях возможна в России действительная свобода коалиции; в какой связи стоит с общими политическими условиями жизни в нашей стране...

Недавно нам пришлось прочитать резолюцию одной группы рабочих, сочувствующих ликвидаторам, по вопросу о свободе коалиции. Резолюция построена так: в последние месяцы очень

развилась экономическая стачечная борьба; но все время беспрерывное вмешательство полиции, аресты, закрытие союзов и прочее мешали этой борьбе и не давали рабочим добиться результатов; все это происходит потому, что у русских рабочих нет свободы коалиции. Вывод: главным лозунгом русского рабочего класса должно стать требование свободы коалиции.

Такая постановка вопроса очень характерна для групп, подпадающих под влияние ликвидаторов.

Рабочие, рассуждающие таким образом, находятся еще на самой первоначальной ступени политического развития.

Разумеется, свобода коалиции нужна нам.

Но не в этом спор. Ведь нельзя же ставить точку как раз там, где вопрос только начинается. Как добиться свободы коалиции, при каких общественных условиях осуществима она, в какой связи стоит она с другими лозунгами — вот в чем вопрос. Из того, что нам нужна свобода коалиции, вовсе еще не следует, что она должна стать главным лозунгом рабочих. Ведь нам нужны также свобода слова, свобода печати, неприкосновенность личности и многое, многое другое. Значит ли это, что каждое из этих отдельных требований может считаться главным лозунгом рабочего класса?..

Что свобода коалиции нужна русским рабочим, это русские марксисты знают очень давно. В 1903 году вырабатывали они уже свою программу, при чем разделили ее на две части: программа-максимум, требующая полного уничтожения наемного труда, и программа-минимум, в которой перечислено то, что осуществимо уже в рамках буржуазного строя. И вот в этой второй части читаем (пункт 5) требование «неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов».

Марксисты там же перечисляют еще 14 требований, которые все вместе, по мнению марксистов, обеспечили бы действительно демократический (хотя и буржуазный) строй жизни. Спор, значит, идет не о том, нужна ли вообще рабочим свобода коалиции, а о том — как это требование относится к 14 другим, и какой главный, всеобъемлющий лозунг выражает все эти требования, вместе взятые.

В январе 1912 г., т. е. когда споры с ликвидаторами были в разгаре, русские марксисты опять обсуждали вопрос о свободе коалиции. Они формулировали свой взгляд так:

Марксисты «призывают всех» с.-д. разъяснить рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиции, причем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями... (неурезанной) агитацией в массах». В последних, подчеркнутых нами, словах — все дело. Не в том дело, что марксисты будто бы не понимают важности свободы коалиции для рабочих, — а в том, что бывшие марксисты, отрекшиеся от старых задач (т.-е. ликвидаторы), хотят выдвинуть одно требование свободы коалиции вместо старых общих неурезанных требований, не хотят поставить свободу коалиции в неразрывную связь с общими политическими требованиями.

Кто ставит вопрос так, как ликвидаторы, те на деле не борются ни за общие требования, ни за частное требование свободы коалиции.

Вот почему свободу коалиции в России приближает лишь тот, кто не отрекается от старых задач и кто на свободу коалиции смотрит как на часть общей борьбы за старые неурезанные требования...

V.

Русская буржуазия и свобода коалиции.

1.

Спор между капиталом и властью.

Буржуазия заговорила о свободе коалиции. Толкуют о ней в некоторых кругах фабрикантов и заводчиков. Говорили на недавнем техническом съезде. Говорят в «больших» либеральных газетах. Понадобился миллион рабочих стачечников в 1912 году и $1^1/_2$ миллиона бастующих в 1913 году, чтобы наша буржуазия вспомнила, что существует на свете вообще рабочий вопрос, а в частности — о свободе коалиции.

Мы сейчас увидим, что русская буржуазия не впервые заговаривает о свободе коалиции и вообще о необходимости «дать» рабочим кое-какие политические права. Мы познакомимся даже с тем, почему заговорила буржуазия об уступках рабочим, и какие условия ставила она при этом пролетариату. Но прежде всего необходимо отметить вот что.

Текущий момент как будто характеризуется некоторым внешним «полевением» буржуазии. Буржуазные съезды убедительно ходатайствуют «о воплощении в жизнь начал 17 октября». Октябристы намекают правительству, что они теперь, наконец, всерьез желали бы получить конституцию. Нижегородское купечество устами Салазкина (3) требует того же. Фабриканты и заводчики и их политические представители заявляют, что надо дать рабочим хоть некоторую свободу коалиции. Словом, в области «политики» как будто несомненный расцвет либерализма.

И в то же время обратите внимание на область «экономики». Никогда еще русская буржуазия не организовывалась так лихорадочно против рабочих, как именно сейчас. Тайные и явные хозяйские союзы растут как грибы. Клич — «хозяева, организуйтесь!» несется по всей стране. Создается целая система страхований фабрикантов и заводчиков от рабочих забастовок. Совещание 60 представителей московской металлообрабатывающей промышленности нашло, что «текущее забастовочное движение весьма сходно с рабочим движением 1905—1906 годов», и посему постановило «ни в коем случае не удовлетворять предъявляемых экономических требований». («Речь», № 181.) В области государственного страхования рабочих предприниматели не только не уступают рабочим ни пяди, но всюду мобилизуют полицейский закон и полицейское беззаконие против рабочих. Репрессии против рабочих на фабриках и заводах расцвели пышным цветом. Расчет, черные списки, отчаянное упорство при малейших экономических требованиях рабочих — достигают высшей точки.

Выходит, что якобы совершившееся «полевение» в области «политики» нисколько не мешает действительно совершившемуся поправению в области «экономики». Как только дело доходит до кошелька, так уж шутки в сторону... Предел буржуазного «левения» очень ограничен: пока дело не касается их собственной мошны.

Реакционные «Московские Ведомости» по поводу «конституционного» выступления Салазкина обратились к промышленникам со следующими словами: «Вы, господа, требуете правовых начал, но не вы ли при каждой забастовке прибегаете к полицейской власти с требованием ареста рабочих, совершенно несогласуемого с требованием законности?» — Не вы ли, господа «конституционные» промышленники, — могли бы продолжить мы, —

провозглашаете своим лозунгом по отношению к рабочим: «я вас арестую», «я вас вышлю»?

Получается обычная картина: добрые друзья торгуются между собой и слегка журят друг друга.

Когда рабочий класс расправляет спину и начинает серьезно бороться и за политические, и за экономические улучшения, предприниматель отсылает рабочего к правительству: пусть уступают они. А бюрократия, кроме мест «не столь отдаленных», отсылает рабочего к предпринимателям: пусть уступают они...

Знакомая картина! Так было и в 1903, 1904 и 1905 гг. Высоко, высоко поднимались тогда волны рабочего движения. По всей стране бурлило рабочее море. Поэтому великий тогдашний прибой немало обеспокоил и буржуазию и правительство. И вот началась перебранка между друзьями.

Крупная буржуазия—фабриканты, заводчики и т. д.—говорили своим друзьям—реакционерам и бюрократам: да, господа, так нельзя,—чрезмерный произвол, открытое казнокрадство, «злоупотребление» властью и т. д.—все это слишком раздражает рабочих. Дайте какую-нибудь «конституцию», и тогда мы замирим их скоро.

А бюрократия отвечала: нет, уж извините, господа, это вы виноваты в брожении среди рабочих. Помилуйте, у вас чуть ли не 16-часовой день, жалкая плата, штрафы. Дело не в конституции. Рабочим нужна не она; они борются только за экономические требования; уступите вы им немного, и сразу все затихнет.

В докладных записках фабрикантов и заводчиков за 1904—1905 годы всегда можно встретить указанные мотивы.

В январе 1905 года Коковцов, тогда еще только министр финансов, обращался к промышленникам с указанием, что он выдвигает «не требование и насилие, не приказ, а дружеский совет» пойти на экономические уступки рабочим. И получил в ответ, что «нужно вовсе не это,—не экономические уступки нужны, а более глубокие реформы обще-государственного характера».

А граф Витте весною 1912 года с трибуны Государственного Совета бесподобно изобразил этот спор добрых друзей.

— «Мы (т.-е. бюрократы) говорили им (промышленникам) о введении государственного страхования, о введении лечения рабочих, а они... подают следующую петицию. Не это, мол, необ-

ходимо: необходимо ввести равноправность всех и каждого перед законом..., необходима полная неприкосновенность личности и т. п.» («Россия», № 1975, стенограф. отчет о дебатах в Гос. Совете).

Такой же торг начинается и теперь. Если промышленники заговаривают теперь вновь «о равноправности», правовых началах, свободе коалиции и т. д., то только потому, что они видят в этом громоотвод от экономических требований рабочих. Великая стачечная борьба рабочих в 1912—1913 годах, борьба, шедшая под неурезанными политическими лозунгами, борьба, в которой экономические требования шли рядом с политическими, — эта борьба создала те условия, при которых должна была начаться перебранка между промышленной буржуазией и правительством. «Движение воды» могло начаться только в результате великой борьбы рабочих, шедшей не под знаком того или иного «частичного» требования, а отстаивающей полностью неурезанные требования рабочего класса.

Перебранку милых друзей рабочие должны использовать для своих целей: прежде всего — для того, чтобы усилить натиск в области экономики и в области политики. Но надо ясно отдавать себе отчет в характере этого «конфликта». Крупную буржуазию все-таки объединяет с помещичьей реакцией гораздо большее, чем то, что их разъединяет. Победы демократии и та, и другая сторона боится больше всего на свете. Бороться за политическую свободу и, в частности, за свободу коалиции рабочему придется не в союзе с этой буржуазией, а вопреки ей, против нее. Не надо создавать иллюзий насчет любви буржуазии к действительной свободе коалиции. Ее колебания, ее перебранки с реакцией являются чем-то производным. Когда рабочий класс встает во весь свой рост, когда он начинает старую борьбу за великие требования, когда он начинает сплачивать всю демократию для этой борьбы, когда он переходит в наступление и в политической и в экономической области, когда он отбрасывает подсовываемую ему либералами и ликвидаторами мирную и умеренную «борьбу за легальность во что бы то ни стало», когда он в своей борьбе не ограничивается требованием отдельной конституционной реформы («свобода коалиции»)— тогда начинаются колебания в лагере врагов, тогда у «них» возникают перебранки, тогда в стане противников начинается развал. Тогда, и — только тогда!

2.

Фабриканты и ликвидаторы.

Вопрос о свободе коалиции был уже однажды поставлен перед русской буржуазией на общероссийской арене. Мы говорим о запросе с.-д. партии в 3-й Думе по поводу гонений на профессиональные союзы рабочих. Дело происходило в 1909 году — в разгаре контр-революции, в эпоху наибольшего упадка рабочего движения. Буржуазия—в частности промышленники — могла рассуждать вполне хладнокровно. Над нами не каплет, — могли они себе сказать тогда. И они спокойно изложили результат своих размышлений по поводу рабочего движения бурных годов.

Что же именно сказала тогда буржуазия с общерусской трибуны? Поддержала ли она свободу союзов, или, наоборот, высказалась ли она против свободы коалиции?

В известном смысле буржуазия и тогда высказалась за свободу коалиции. Она журила правительство за «чрезмерные» преследования рабочих союзов. Но вместе с тем вся буржуазия ставила рабочему классу определенное условие: мы, буржуазия, будем за «свободу союзов», если вы, рабочие, откажетесь от «внесения политики» в союзы, если ваши союзы превратятся в умеренные и аккуратные общества взаимопомощи, не «разжигающие» классовой борьбы, не увлекающиеся стачками, а лишь проповедующие законность, порядок и «культурные» средства.

Вот «просвещенный» промышленник-октябрист Протопопов ([4]). Он журит правительство за слишком откровенный произвол по отношению к рабочим коалициям. Но тут же он обрушивается на рабочих и заявляет:

— «Такая политика... некоторых партий..., стремящихся использовать профессиональные организации в целях партийной борьбы, должна встретить решительное осуждение всех искренних (?) доброжелателей (??) трудящегося люда».

Вот польский буржуа (из польского коло) Ржонд. Он тоже за то, чтобы «дать» рабочим некоторую свободу союзов. Но и он заявляет:

— «Смешение этих двух элементов — политики и профессиональных задач — это... «ошибка» рабочих. Надо «дать» рабочим некоторую свободу союзов, тогда они оставят «политику», — убеждает он господ черносотенцев. Политика для рабочих союзов, это, видите ли—по мнению «передового» буржуа — своего рода корь для ребенка. Союзы «проболеют» и выздоровеют».

Вот «левый» кадет Щепкин ([5]). Он убеждает черную сотню дать рабочим союзам «свободу», так как есть уже часть рабочих, «которые когда-то основывали свои надежды на социалистических партиях», а теперь «отчаялись в социалистических партиях».

Вот другой кадет, Герасимов ([6]). Не менее горячо доказывает он реакционерам, что при полном отсутствии свободы союзов отечественную промышленность ставят на «лезвее ножа». Другими словами, как выразилась недавно «Речь»,—доказывает необходимость «дать» свободу коалиции:

— «У нас в промышленности (благодаря стачкам) воцаряется перемежающаяся лихорадка, при которой и крупнейшие предприятия не знают, будут ли они завтра работать» («Речь», от 5 июля 1913 г.).

Словом, вся буржуазия доказывает помещикам, что известная «свобода» коалиции нужна в интересах самой «отечественной» промышленности. Но, вместе с тем, вся же буржуазия в более или менее прикрытой форме заявляет: непременным условием даже этой куцой «свободы» мы ставим, чтобы рабочие отреклись от политики, чтобы они забыли и думать об общенациональных политических требованиях 1905 года, чтобы они порвали с социал-демократией, чтобы они пошли по пути умеренности и законности.

И этим условием буржуазия, разумеется, ведет на смарку всю свою «борьбу» за свободу коалиции. Черная сотня без малейших усилий сдувает карточные домики либерального глубокомыслия.

Что отвечала помещичья Россия в 3-й Думе на указанные речи буржуазии?

Замысловский (друг Пуришкевича) ([7]), например, сказал следующее:

— «Профессиональные союзы в качестве союзов беспартийных, стремящихся улучшить быт рабочих, чуждые политики (кроме политики «Союза Русского Народа», надо разуметь. — *Г. З.*). — явление весьма желательное, явление, которое надо приветствовать... Но где же вы возьмете такие союзы в России, господа либералы? Ведь наши союзы идут за социал-демократией».

И черносотенный депутат, с богатыми данными, добытыми из охранного отделения, убедительно «доказывает» буржуазии, что наши союзы «революционны», что ждать от них добра нельзя, что с ними надо вести истребительную войну.

По тому же пути пошел и Курлов, бывший тогда товарищем министра. «Может-быть, все, что вы говорили о беззаконности гонений, и правильно, — изворачивается он.—Но все это покрывается одним соображением: союзы помогают подготовке нового движения в духе 1905 года. Сейчас это неизбежно. Всякий союз становится орудием социал-демократии. Значит, для борьбы с ним хороши все средства».

Перед этими доводами умолкает вся буржуазия.

Почему? Потому, что она сама контр-революционна. Потому, что довод «от революции» для нее действительно крайне убедителен. Всерьез бороться за действительную свободу коалиции буржуазия не может, ибо жизнь каждый день показывает ей, что в самом деле ее маниловские мечты о смирных и покорных союзах, чуждых политики, враждебных с.-д., построены на песке, так как вся обстановка в России заставляет всякий рабочий союз стоять совсем на иной почве...

Вся «реформистская» позиция русской буржуазии бессильна, смешна и не выдерживает никакой критики ни с точки зрения демократии ни с точки зрения нынешних хозяев положения. Все мечты буржуазии о важных конституционных реформах остаются пустыми словами. И это особенно относится к реформам, касающимся рабочего вопроса, в частности—вопроса о свободе коалиции. Буржуазия и сама видит безнадежность этой позиции. Но это, конечно, не мешает ей, часто из своекорыстных целей, подсовывать рабочим слова о свободе коалиции и других частичных реформах, чтобы отвлечь их от серьезной борьбы за старые общие коренные требования, касающиеся всего политического уклада в России.

Усиленные толки о свободе коалиции среди буржуазии и теперь вызваны усиленным напором рабочего движения и смутной надеждой буржуазии отвлечь рабочих к частичным конституционным реформам от борьбы за коренные изменения, неугодные буржуазии. А наши ликвидаторы, поддаваясь и здесь буржуазному влиянию, объективно делают то же дело отвлечения рабочих от коренных задач.

Еще более 2-х лет тому назад вождь ликвидаторов Ф. Дан писал:

—«Недаром же, при первых же признаках оживления стачечной борьбы, вся пресса капиталистической буржуазии, с органом совета съездов во главе, заговорила о необходимости дать большой простор профессиональным союзам рабочих... Это показывает, в каком направлении лежит

линия наименьшего сопротивления буржуазии по отношению к требованиям рабочих (разрядка наша.—*Г. З.*). И то, что линия эта лежит именно в таком направлении, облегчает борьбу рабочих за право организаций».

Смысл этих слов ясен: рабочим надо итти по линии наименьшего сопротивления капиталистической буржуазии. Другими словами — рабочие, сделайте центром вашей борьбы те пункты, которые более приемлемы для буржуазии! Боритесь за то, против чего не особенно будет сопротивляться буржуазия. Выше лба уши не растут. Надо урезать свои лозунги до тех размеров, которые не особенно пугают буржуазию. Тогда объединенными усилиями рабочих у буржуазии удастся добиться хоть и небольших, но зато верных уступок. И так как буржуазия на словах согласна «дать» свободу коалиции, если рабочие откажутся от старых неурезанных требований — то, валяй, отказывайся от «утопии» 1905 года и, вместо старых требований, сделай центральным лозунгом «свободу коалиции».

Расчет этот, как и все расчеты мнимо «реальных» политиков из лагеря оппортунистов, построен на песке. Мы видели уже, что буржуазия, во-первых, не хочет «дать» свободу коалиции всерьез, а выдвигает ее лишь для отвода глаз, чтобы отвлечь от старых требований. Мы знаем, во-вторых, что буржуазия не может, не в силах «дать» действительную свободу коалиций, пока хозяйничают Пуришкевичи, — даже если бы она хотела «дать» эту свободу. Нам известно, в-третьих, что если бы рабочие, послушавшись ликвидаторов, заговорили бы только о свободе коалиции и борьбе применительно к линии «наименьшего сопротивления» для буржуазии, — то первый результат был бы тот, что сама буржуазия и думать забыла бы даже о свободе коалиции. Ибо только старой борьбой за общие требования рабочие заставляют буржуазию выдвигать планы отдельных реформ.

Вывод: ликвидаторы проводят влияние буржуазии на пролетариат; только старая борьба под неурезанными лозунгами и против реакции, и против шаткости буржуазии приведет к победе. Тот, кто приспособляется к линии наименьшего сопротивления для буржуазии, на деле предает и борьбу за общие требования, и действительное завоевание действительной свободы коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана — в нескольких главках — в газетах: «Северная Правда», №№ 25 и 26, от 31 августа и 1 сентября 1913 г.; подпись —

«Г. Зиновьев» (перепечатана в московской газете «Наш Путь», №№ 6 и 7, от 31 августа и 1 сентября 1913 г., за тою же подписью), «Правда Труда», №№ 4 и 13, от 14 и 25 сентября; подпись — «Г. Зиновьев», №№ 15 и 17, от 27 и 29 сентября 1913 г., — без подписи. Статья, с небольшими изменениями, была напечатана в 1914 г. партийным издательством «Прибой», в виде отдельной брошюры, под заглавием «Свобода коалиции».

«Наш Путь» издавался с 25 августа 1913 г. по 12 сентября того же года. Издателем газеты обозначался И. Д. Барщевский, редактором — Ф. А. Соколов. Закрытие газеты сопровождалось грубейшим обыском в помещении редакции и типографии, при чем были разбиты даже стереотипы набора. Московские рабочие уже предчувствовали катастрофу, с часу на час грозившую погубить с таким трудом созданную газету: в последней передовице, не успевшей уже попасть в печать и опубликованной потом в петербургской «Правде Труда», говорилось: «Под ножом гильотины выпускаем мы, товарищи, этот номер, может-быть, последний номер нашей газеты. Может-быть, он не дойдет до вас. Еще одно движение — нож упадет, и погибнет молодая газета, так недавно начавшая свою бодрую жизнь. Со всех сторон доходят до нас темные слухи, что газета уже закрыта, что заседание суда, вынесшее это постановление, уже состоялось. Но казнь отсрочена, чтобы настигнуть обреченного в тот миг, когда он сделает свое последнее жизненное усилие...».

[2]) К. Маркс следующим образом описал сущность рабочей коалиции — в своей книге «Нищета философии» (1847 г.), см. главу 2-ю, статью «Стачки и рабочие союзы».

[3]) Салазкин, С. С.—один из виднейших представителей торгового капитала, действовал в Нижнем Новгороде (председатель ярмарочного комитета), считался в либеральном лагере.

[4]) Протопопов, А. Д. — богатейший суконный фабрикант, член 4-й Гос. Думы, октябрист, товарищ председателя, потом — министр внутренних дел, последний перед Февральской революцией, пытавшийся остановить переворот полицейскими пулеметами.

[5]) Щепкин, Е. Н. — член 1-й Гос. Думы, левый кадет, профессор-историк, потом резко порвавший с кадетами и изобличивший их политику в одесской газете «Южная Жизнь» (см., например, статью «Кадетская тактика», 1912 г., №№ 308 и 310).

[6]) Герасимов, П. В. — костромской кадет, член 3-й Думы.

[7]) Замысловский, Г. Г. — товарищ секретаря 3-й Гос. Думы, черносотенец, внедренный в Думу всякими выборными махинациями правительства в качестве представителя «русского» населения г. Вильны, при чем «русскими» выборщиками были, главным образом, местные чиновники, запуганные начальством.

ИМЕЮЩИЕ УШИ СЛЫШАТИ... (1).

(По поводу собрания металлистов.)

«Северная Правда» дала уже некоторую оценку общему собранию металлистов от 25 августа (см. № 21 этой газеты). Собрание это имеет, однако, настолько крупное историческое значение, что необходимо осветить еще одну важную сторону его.

С чего началась организационная борьба ликвидаторов с марксистами? С того, что в годы наибольшего торжества контрреволюции (1908—1909) ликвидаторы окончательно покинули подпольную партию, бежали из нее и пытались обосноваться в легальном беспартийном рабочем движении с тем, чтобы отсюда вербовать элементы для создания новой, во что бы то ни стало легальной и «широкой» партии против строя «узкой», «сектантской», «омертвелой», и как там еще говорили эти господа — партии.

Можно было как угодно относиться к этому плану ликвидаторов, но в известной широте замысла нельзя было ему отказать.

— Мы идем туда, куда идут рабочие массы, — так говорили себе ликвидаторы. Пусть наша программа окажется более умеренной, пусть мы будем не такие ортодоксальные марксисты, пусть лозунги наши будут на самом деле несколько урезаны. Но зато мы будем с массами, а массы будут с нами. Зато мы создадим подлинную рабочую партию. Зато мы не оторвемся от жизни. А вы, сторонники подполья, может-быть, окажетесь и с очень хорошими принципами и неурезанными лозунгами, но зато жизнь пройдет мимо вас, зато живые рабочие массы будут сторониться вас, зато вы останетесь маленькой кучкой сектантов, штабом без армии.

Несомненно такова была «философия» лучших из ликвидаторов, т.-е. тех, которые не просто изменили рабочему делу, которых попрежнему влекло к рабочему движению, которых можно назвать «рабочими» оппортунистами.

Арену легального рабочего движения эти ликвидаторы считали своей особо неприступной крепостью. На этой почве они особенно старались дать бой своим противникам — закоренелым «подпольщикам». Ликвидаторы были глубоко уверены, что на этой почве победа у них, что называется, в кармане.

*

Но история подлинного русского рабочего движения жестоко насмеялась над этими надеждами людей, бежавших из «подполья». Марксисты приняли бой и на этой почве. И теперь уже всем ясно, что ликвидаторы и тут — на наиболее благоприятной, ими самими выбранной арене — тоже разбиты на голову. Выборы в Думу, давшие всю рабочую курию противникам ликвидаторства, борьба легальных газет, давшая подавляющее большинство марксистам, и, наконец, теперь борьба направлений в профессиональных союзах, сведшая ликвидаторов к нулю — все это ясно показывает, что именно ликвидаторы на выбранной ими самими легальной арене оказались маленькой кучкой интеллигентов, оторванных от масс как никогда.

В этом нет ничего удивительного и ничего неожиданного для нас, марксистов. Чем более сознательными становятся рабочие, заполняющие беспартийные организации, тем больше должны они прислушиваться к голосу марксистов, тем больше растет для них авторитет последних. А ведь все расчеты ликвидаторов были именно построены на том, чтобы развенчать «подпольную» партию перед рабочими.

Этот план объективно не мог удасться. Правильная оценка переживаемой эпохи была на стороне марксистов. «Подполье» еще в декабре 1908 г. в основном наметило позицию (²). С проповедью старой цели и новых путей оно пошло в массы, в низы, в гущу рабочей жизни. Свою правду оно понесло и на арену легального движения, отстранив «отзовизм», который влек партию на ту действительно губительную позицию, которые ликвидаторы, ради полемики, приписывали нам. «Подполье» не оторвалось от масс, а, наоборот—спаялось, слилось с ними, еще больше вошло в их повседневную жизнь, в их мелкую и крупную злобу дня. И, в союзе с жизнью, марксисты разбили ликвидаторов и на арене легального рабочего движения.

Союз питерских металлистов, где против 3.000 сторонников марксизма оказалось после страстной и долгой борьбы всего сотня-другая сторонников ликвидаторства, подчеркнул поражение ликвидаторства с такой силой, что оспаривать это поражение стало теперь просто ребячеством.

И это поражение нанесло тоже сокрушительный удар так называемому «примиренчеству».

«Примиренчество» (троцкизм) придерживалось следующей философии.

Цѣна 3 коп.

Г. Зиновьевъ.

СВОБОДА КОАЛИЦІИ.

1. Что такое коалиція.

Коалиція—слово *латинскаго* происхожденія. Въ буквальномъ переводѣ „коалироваться", „коализироваться" значитъ—*идти вмѣстѣ, соединиться*, слиться воедино, установить между собой *союзъ*, связаться другъ съ другомъ.

Подъ словомъ коалиція въ общемъ его смыслѣ понимаютъ *всякое* соединеніе людей, поставившихъ себѣ задачей достичь той или иной цѣли или тѣхъ или иныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, коалиціей можетъ быть названо каждое объединеніе, каждый союзъ людей, независимо отъ того, какія цѣли преслѣдуются этимъ обществомъ, союзомъ или соединеніемъ людей.

Общество *хозяевъ* такъ же можетъ быть названо коалиціей, какъ и общество *рабочихъ*.

Для „коалиціи" въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ слова не имѣетъ значенія также и то, разрѣшено ли закономъ данное объединеніе людей, или нѣтъ. Мы знаемъ изъ исторіи большія и многолюдныя коалиціи рабочихъ, неразрѣшенныя закономъ. Примѣръ—хотя бы Англія. Въ этой нынѣ классической странѣ свободъ въ свое время коалиціи были воспрещены — что не мѣшало имъ существовать *тайно*.

Свобода коалиціи означаетъ, что право объединяться въ различные союзы для различныхъ цѣлей уже завоевано, уже признано существующимъ закономъ. Для самаго же понятія „коалиція" несущественно, завоевана ли уже эта свобода. Коалиція остается коалиціей и тогда, когда она еще не признана закономъ.

Далѣе, коалиція въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ слова можетъ быть временной и постоянной, прочной и скоропреходящей. Объединеніе рабочихъ для проведенія, скажемъ, однодневной стачки тоже можетъ быть названо въ извѣстномъ смыслѣ коалиціей. Это—коалиція на одинъ день. Окончилась стачка,—цѣль, поставленная себѣ временной коалиціей, достигнута, и коалиція прекратилась. Но это, все же,

Факсимиле брошюры Г. Зиновьева «Свобода коалиции».

Во время контр-революции произошел-де разрыв **двух форм** рабочего движения: легального и «подпольного». Не наше дело разбираться, почему это произошло. Довольно того, что это — исторический факт. Теперь надо воссоединить ту и другую формы. Поэтому «деятели легального движения» являются **равноправной стороной** по отношению к партии. Партии, как таковой, даже нет, пока она не примирилась с «легальными деятелями». Под последними имелись в виду ликвидаторы, ибо марксисты, работавшие на легальной арене, никогда не претендовали на то, что они составляют особую категорию деятелей. Среди «деятелей легального движения» находятся-де наиболее ценные элементы. Они имеют за собой рабочие союзы, клубы, профессиональную печать и т. д. С ними надо воссоединиться во что бы то ни стало, они — «законный оттенок», с ними надо выработать среднюю линию, им надо уступить.

Эту точку зрения защищали главным образом Троцкий и некоторые ликвидаторствующие «националы». Многие из этих «националов», кажется, начинают сознавать свою роковую ошибку... И эту программу «примиренцы» осуществили ровно год тому назад на пресловутом августовском «совещании».

Что же, каков итог борьбы перед лицом самих масс?

Троцкий направо и налево уверяет (особенно иностранных товарищей), будто за ликвидаторами — большинство в легальном движении. Решится ли он теперь повторить это утверждение? Не будет ли он добр указать нам в Петербурге хоть пару крупных союзов, идущих целиком за ликвидаторами? А ведь вне Петербурга ликвидаторы уже давно нуль.

Когда разногласия дошли до подлинных масс, они резко отвернулись от ликвидаторства и попрежнему пошли под знаменем неурезанного марксизма. «Примиренцы» никого и ничего не примирили, а только сами попали в политический плен к горсточке интеллигентов-ликвидаторов, оторванных от масс. «Примиренчество» заставило их искать «принципиального» оправдания ликвидаторства. Постепенно они сами скатились к ликвидаторству, и сознательные рабочие вполне правы, когда они награждают примиренцев таким же отношением к ним, как к ликвидаторам.

Правы оказались марксисты. Собрание металлистов сказало это так громко, как только можно было.

Что собственно случилось на собрании металлистов 25 августа? В чем смысл события?

В том, что собралось более 3.000 самых передовых рабочих Петербурга, — цвет сознательного пролетариата в самом крупном центре рабочего движения, — и сказали:

— Сознательные рабочие против ликвидаторства, сознательные рабочие — за последовательный, неурезанный марксизм. Они отворачиваются от тех, кто отвернулся от подполья, они не верят лицемерным крикам об единстве, а требуют подлинного единства снизу — самих рабочих, верных марксизму.

Это сказано громко и внушительно. Имеющие уши слышати — да слышат!..

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 27, от 3 сентября 1913 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Подполье еще в декабре 1908 г. наметило позицию — Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П.; см. о ней Собрание сочинений Г. Зиновьева, т. I, стр. 118.

ДЕЛА «ПЬЯНЫЕ» (1).

Наше «пьяное» ведомство (главное управление неокладных сборов) опубликовало свой отчет «по винной операции» за 1912 г. Есть чем полюбоваться в этом отчете. Бойко идут дела в казенке. Извольте поглядеть на следующие цифры.

Милостию ведомства продано в России сивухи:

В 1909 году	84.321.000	ведер.
» 1910 »	89.542.000	»
» 1911 »	91.650.000	»
» 1912 »	96.469.000	»

Это — по предварительным данным, а в действительности — до 100 миллионов ведер.

В 1913 году подлежит продаже 95.500.000 ведер (так «предполагается» на бумаге; на деле, несомненно, перевалит за 100.000.000 ведер).

Сто миллионов ведер сивухи в год! Согласитесь — цифра почтенная даже для российского пьяного ведомства. Недаром по смете на 1913 год чистая прибыль от казенки составила ни больше, ни меньше как 896.694.727 рублей. Бог поможет — скоро до миллиарда доберемся, для круглого счета...

За 2 года потребление водки поднялось у нас в России на целых 7,5%. Вот какими быстрыми шагами шествует наш истинно-русский прогресс. Воистину — «великая Россия».

Казенных винных лавок — хоть отбавляй. Согласно отчету 1912 г., на каждые 5.922 души населения приходится по одной лавке. А всего казенных винных лавок — 26.010. Что же! Это ведь не школы и не больницы, чтобы стараться свести их до минимума. Совсем даже напротив, — да здравствует казенная винная лавка!

На каждую душу населения, согласно отчету 1912 года, приходится в год 0,62 ведра, в переводе на бутылки—по 12 бутылок сивухи в год на каждого жителя. А если вычесть детей и непьющее население (например, мусульман), то выйдет, что фактическое потребление — больше ведра в год на душу.

В одной Московской губернии выпито за 1912 г. $5^1/_2$ миллионов ведер водки, в Петербургской — 5 миллионов, в Киевской — 3 с лишним миллиона. Прирост в этих губерниях — 15% за два года. Казенка может не унывать. «Дела» идут бойко!

Пьет город. Не отстает и деревня. Только в местах, задетых голодом 1911—1912 гг., понизилось количество потребителей водки. В других губерниях оно возросло. В Бессарабской губернии потребление вина с 1910 по 1912 г. возросло на 40%, в Смоленской — на 36%, в Калужской — на 30% и т. д.

Хорошо идут дела «пьяного ведомства»! А вот у ведомств, сбирающих повинности и долги с крестьянства, дела не так хороши. Прижимист русский мужичок! Выпить любит «лодырь», а вот как подати платить — ищи, свищи его! Не правда ли, высокопочтенные господа Пуришкевич и Марков 2-й? «Не хочет» платить мужичок податей. Вот и приходится читать в газетах: в Рязанской губернии крестьянский банк продает с молотка 10.000 десятин крестьянских «хуторских» земель; в Симбирской 637 крестьян лишаются своих хуторов; в Саратовской губернии с молотка идет 2.000 крестьянских «владений». Объявление о продаже земли неисправных должников крестьянского банка имеет $5^1/_2$ аршин в длину и 2 аршина в ширину — до того велико число неплательщиков. В Оренбургской губ. с торгов продается почти половина Оренбургского уезда. И так далее, и тому подобное...

И хотя земские начальники расклеивают объявления с требованием «в виду окончания жатвы, внести безотлагательно в трехдневный срок казенные, земские, мирские, волостные и другие сборы»,—ан, мужичок упорствует, не несет. Злые языки говорят: потому, что мужик голоден, что нечем ему платить. Но мы с г. Пуришкевичем не верим. Мы-то отлично знаем, что виноват: во-первых, «жид», а во-вторых, то, что русский крестьянин, как изволил заметить просвещенный помещик Марков 2-й, — просто «лодырь».

Прекрасно идут дела «пьяного ведомства», и вместе с ним нищает, распродается с молотка русский крестьянин. Случайно ли это совпадение? Нет ли тут какой-нибудь связи? Нет ли каких общих условий в жизни страны, порождающих и «пьяный» бюджет, и благополучие «пьяного» ведомства, и нищенство крестьян?.. Не пораскинуть ли нам умом да не поискать ли ответа на эти вопросы не у Пуришкевича и не у Маркова 2-го?..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 29, от 5 сентября 1913 г.; подпись — «Г. З.».

РАБОЧИЕ И СЕМЬЯ (1).

Среди германских рабочих и работниц происходит теперь любопытное движение. Создалась целая группа социал-демократов, проповедующая так называемую «стачку родильниц».

Нужно, чтобы рабочие рожали поменьше детей! Тогда уменьшится-де количество безработных, ибо сократится предложение труда. Тогда правящим кругам труднее будет комплектовать свою армию и, таким образом, милитаризм не сможет расти. Тогда рабочий успешнее сможет сопротивляться эксплуатации. Тогда, одним словом, приблизится царство социализма.

«Стачку родильниц» объявляют, таким образом, новым орудием классовой борьбы пролетариата.

Движение это ново в Германии. Но оно давно уже существует во Франции. Там почти во всякой синдикалистской и анархистской газете вы можете встретить подробные указания насчет того, при помощи каких медицинских средств можно избегнуть деторождения. Там перелицованное учение Мальтуса, — вера в то, что сокращением народонаселения можно решить социальный вопрос — имеет широкое распространение (2). Мелкобуржуазные влияния вообще сильны во Франции.

В Германии в центре проводников «стачки родильниц» стоит группа врачей с.-д. во главе с Бернштейном и Мозесом. Партия выступила против этой агитации. Но, как показали недавние многолюдные собрания в Берлине, очень и очень многие рабочие и работницы все-таки сочувствуют этой идее.

Разобравшись хорошенько в вопросе, всякий рабочий осудит эту проповедь. Но надо понять психологию рабочего, который сейчас сочувствует «стачке родильниц».

Положение таково, что прокормить семью на один свой заработок рабочий не может. Нужно гнать на фабрику и жену. Да и детей с самого нежного возраста приходится отдавать в кабалу.

А какое огромное количество пролетарских детей гибнет в малом возрасте просто из-за того, что рабочий живет в ужасающих условиях! В одной Германии в год умирает 500.000 грудных младенцев. И в то время как у имущих родителей умирает около 6% грудных детей, в пролетарских районах этот процент достигает 43.

Рабочий из сил выбивается, борясь за существование свое и семьи. Он близок к отчаянию, видя, как семья его гибнет. Он мечется в поисках спасения. Он готов ухватиться за все. А тут приходят «образованные» люди, «социалисты» и предлагают «простое» средство: не рожать детей. Да еще уверяют, что этим рабочий ведет классовую борьбу, борется против капитализма, приближает социализм. Как не соблазниться таким «простым» средством...

Однако тысячу раз правы те социал-демократы, которые выступают против «стачки родильниц» и справедливо доказывают, что ничего общего с классовой борьбой такая «стачка» не имеет.

Конечно, не в том дело, чтобы кто-нибудь проповедывал рабочему: имей как можно больше детей. И не в том дело, чтобы кто-нибудь вмешивался в частную жизнь и считал противным морали, если та или другая супружеская пара не желает почему-либо иметь детей. Нет! Не против этого борется социал-демократия. Но она борется против того, чтобы «стачку родильниц» считать серьезным средством для изменения общественных условий. Она борется против того, чтобы этим мещанским вздором подменить действительную классовую борьбу.

— Сократив рождаемость, мы сократим армию солдат, которую буржуазия посылает против рабочих, — говорят сторонники «стачки родильниц».

— Но вы сократите тогда пролетарскую армию борцов за рабочее дело, — справедливо отвечает им партия.

А разве во Франции рождаемость не сведена к минимуму?! Что же сделала буржуазия? Она просто увеличила недавно срок военной службы.

— Ваше настроение есть настроение отчаяния, — говорит социал-демократия тем рабочим, которые увлеклись идеей «стачки родильниц» и которые верят, будто эта «стачка», как выразился недавно один из ее главных проповедников, «ставит капитализм перед гибелью».

Социализм есть идеология борьбы, а не отчаяния. Социалисты возлагают надежды только на борьбу самих масс. Они знают, что производительные силы развиваются, что богатств на земле достаточно для всех, они ищут исхода в росте своей массовой силы, а не в противоестественном самоограничении.

Рабочая партия, конечно, против всяких преследований абортов и т. п. Она знает, что на такие шаги часто гонит лютая нужда. Но социальный вопрос будет решен лишь на почве суровой экономической и политической борьбы, а не искусственными средствицами. Рабочий должен не отказываться от семьи, а борьбой добиться человеческого существования для нее уже сейчас, в рамках буржуазного общества. И, главное, воспитывать ее в духе борьбы за полное освобождение труда.

Во всяком случае, само обсуждение этого вопроса среди масс наводит на достаточно грустные размышления. Проклят тот строй жизни, при котором трудящимся слоям населения приходится даже только задумываться над такими вопросами!..

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 29, от 5 сентября 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Учение Мальтуса — теория английского экономиста Мальтуса (1766 — 1834). Исходя из того, что средства производства отстают от роста населения, Мальтус этим несоответствием объяснял развитие пауперизма (нищеты). Отсюда совет Мальтуса трудящимся классам — воздерживаться от раннего вступления в брак и деторождения. Мальтузианство, как типичное порождение буржуазной экономики, подвергнуто было резкой критике Ф. Энгельсом в его «Критических очерках политической экономии». Здесь учение Мальтуса по всей справедливости названо «бесстыдной, низменной доктриной, оскорбляющей элементарное человеческое достоинство».

УРОЖАЙ ИЛИ НЕУРОЖАЙ? (1)

Обычная картина:

С весны кричат: «виды на урожай — превосходны».

Приблизительно к июню формула уже более умеренная: «виды на урожай хороши».

В июле «благонамеренные» издания вынуждены немного понизить тон: «виды на урожай совершенно удовлетворительны».

В начале августа оказывается уже проще: «виды на урожай удовлетворительны».

В сентябре — «недород». А в октябре и ноябре — голод. Обычная унылая русская действительность!..

Как же обстоит дело с русским урожаем в нынешнем году? В данный момент мы находимся еще на той точке, когда официозы уверяют, что урожай «удовлетворителен» (просто удовлетворителен, или даже — «выше среднего»). Но, увы! — некоторые цифры, публикуемые официальными же учреждениями, внушают очень и очень серьезные опасения. Во многих губерниях опять недород. Русскому крестьянину придется вновь голодать...

Уже по опубликованным данным Центрального Статистического Комитета, в 37 губерниях и областях ожидается «недостаток» продовольственных хлебов в размере 383.890.000 пудов. Недобор в этих губерниях составляет около 10% всего ожидаемого урожая (ожидается от 3.247.410.000 до 4.314.750.000 пуд.).

В Московской губернии ожидается «недород» в 42.060.000 п., в Петербургской — 38.400.000 пуд., в Тверской — 12.880.000 пуд., во Владимирской — 17.190.000 пуд., в Минской — 16.740.000 пуд., в Витебской — 15.240.000 пуд. и т. д.

А ведь эти роковые цифры установлены уже в августе. К сожалению, есть все основания предполагать, что после сбора хлебов эти ужасные цифры еще более возрастут... Плохие «виды» на урожай способствуют тому, что уже сейчас цены на хлеб взвинчиваются. Это — с одной стороны. А с другой — мы наблюдаем привычную картину, как в Самарской и других губерниях крестьянский банк и другие ведомства налагают арест (за долги) на хлеб в поле, и даже на корню. И тем, конечно, заставляют крестьянина итти в кабалу к ростовщикам и продавать свой убогий урожай на 20—30 процентов ниже рыночной цены.

Знакомая, чересчур знакомая картина!

Русскому ли крестьянину привыкать - стать к «недороду», когда он голодает каждые 4—5 лет! За 38 лет — 1870 по 1912 — он голодал 9 раз: в 1871, 1875, 1880, 1884, 1892, 1897, 1901, 1906, 1911. Это годы прямого голода — «недород» не в счет. Удивительно ли, что про русского мужика давно уже сказано: «ведь он же привык»...

Почему голодовки стали у нас «бытовым явлением»?

Почему?.. А почему русский крестьянин становится все более безлошадным? Почему его урожай так страшно отстает от урожая западно-европейского крестьянина? На 100 жителей приходилось в 72 губерниях Российской империи: лошадей, — в 1905 г.—23, в 1910 г. — только — 20; крупного рогатого скота, — в 1905 г.—36, в 1910 г. — 30; овец, — в 1905 г. — 47, в 1910 г.—40; свиней — в 1905 г. — 11, в 1910 г. — 8,7.

Рожь в 50 губерниях Европейской России дала в 1909 г. — 51 пуд., в Германии — 123 пуд.; пшеница — в России — 52 пуд., в Германии — 137 пуд.; овес — 61 и 141 пуд.; ячмень — 63 и 142 пуд. И такова постоянная пропорция. Урожай германского крестьянина в 2—$2^1/_2$ раза больше, чем в России. Ибо там — меньше кабала, ибо там как-никак надломлено крепостничество, ибо там крестьянин может вести более культурное хозяйство.

А у нас малоземелье остается попрежнему страшным бичом крестьянского хозяйства. А у нас остается во всей силе знаменитая формула: «курицу и то негде выпустить».

30 тысяч помещиков владеют у нас 70 миллионами десятин земли. А $10^1/_2$ миллионов крестьян — 75 миллионами десятин. Не ясно ли, что пока дело коренным образом не изменится, — вопрос остается главным вопросом русской жизни?

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 31, от 7 сентября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

ПРАВДА ТРУДА.
РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:
СТАТЬИ:
ФЕЛЬЕТОНЪ:
ЗА РУБЕЖОМЪ:
СТРАХОВАНІЕ:
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ:
Женщины-рудокопы.
Трудъ портныхъ и портнихъ.
Крестьянская жизнь.

№ 1. Среда, 11 сентября 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

ДВА ПУТИ (1).

(Об отношении марксистов к народникам.)

Давно ли было время, когда чуть не со всех крыш кричали, что марксистов и организации их, как целого, просто «не существует»? Всего каких-нибудь два года прошло с тех пор. Стоило рабочему классу опять зашевелиться, и всем стало вновь ясно, что только марксизм является учением, проникшим в самую толщу пролетариата. И вот теперь, можно сказать, отбою нет от претендентов на объединение с марксистами. «Единства» с нами усиленно добиваются ликвидаторы. А в последнее время об этом заговаривают и некоторые народники.

В самом деле, почему бы марксистам не объединиться с народниками? — спрашивают некоторые добрые люди, наивно полагающие, что чем «шире» будет, тем лучше — хотя бы широта эта покупалась ценой отказов от принципов марксизма.

Прежде всего — занимались ли когда-нибудь марксисты, как целое, обсуждением вопроса об отношении к народникам?

Да, занимались много раз. И каждый раз резко высказывались не только *против* объединения с народниками, но всегда характеризовали народников как буржуазно-демократическое течение. Почти на всех конгрессах и совещаниях русских марксистов этот вопрос в той или иной форме стоял. И каждый раз он решался одинаково.

В последний раз этот вопрос стал в 1906 — 1907 году, в связи с первыми выступлениями ликвидаторов. Видный ликвидатор Ю. Ларин выступил тогда с прямым предложением создать, вместо старой организации, будто бы слишком «узкой», — «широкую» организацию, в которую вошли бы и марксисты, и народники, и беспартийные рабочие. Действительно, *многие* из сторонников так называемого «рабочего съезда» (2) в те времена стояли за слияние с народниками. Но все они, даже вместе взя-

тые, были только ничтожной группой интеллигенции, и почти вся эта группа впоследствии пришла к ликвидаторству. Марксисты же опять решительно отвергли всякое слияние с народниками и всякую ликвидацию старого «узкого».

Из чего же исходили и исходят марксисты, отвергая слияние с народниками? Почему считают они, что «широкая» организация отнюдь не всегда лучше, чем «узкая»?

А вот почему.

Марксизм смотрит на народников в целом как на направление не социалистическое, не классовое, не рабочее, а *мелкобуржуазное*. Марксизм родился и сложился, как целое, в непримиримой борьбе, между прочим, и с этим мелкобуржуазным направлением.

Было время, когда народники считали подобную оценку их направления со стороны марксистов просто бранным словом, резким полемическим приемом. Но время показало, что тут не было ничего похожего на «брань», а была трезвая классовая, научная оценка.

Посмотрите на «партию» так называемых «народных социалистов» (3), которая в 1907 году сделала попытку легализироваться, урезала даже просто демократические принципы и на деле стала партией кадетов.

Тем не менее эта «партия» по праву считает себя народнической. В ней нашли себе место почти все крупные литературные представители старого народничества. А кто станет теперь отрицать, что эта группа есть именно *мелкобуржуазная* группа? Ведь некоторые из народников вынуждены были это сами признать.

То же относится и к трудовикам (тоже народникам) (4). У них много заслуг. Временами они выступали как яркая демократическая группа. Но кто скажет об этих народниках, что это *социалисты*?

Оценка, данная марксистами народническому направлению, как целому, блестяще подтвердилась в бурное десятилетие русской истории.

Осталась, правда, еще небольшая группа народников, кое в чем отделившая себя от «народных социалистов» и трудовиков. Эта группа находит еще слабый отклик в рабочей среде, поскольку рабочие сочувствуют всякой яркой демократической борьбе. Поскольку эта группа народников боролась против *либе-*

ральных настроений в среде «народных социалистов» и трудовиков, — постольку она заслуживает похвалы. Поскольку она делала хорошее дело, постольку она шла от народничества к марксизму. Но мелкобуржуазная основа у нее осталась та же. Пуповина, соединяющая эту группу со старым народничеством, не разрезана. «Устои» остались одни и те же у этих народнических групп. Против мелкобуржуазного фундамента народнического учения «левое народничество» почти не выступало.

И поскольку старая оценка марксизма остается во всей своей силе, — «левое народничество» является не чем иным, как мелкобуржуазным течением с «социалистическим налетом»...

Но почему бы, тем не менее, не объединиться с «левыми народниками»? Почему бы не дать им возможности изжить мелкобуржуазные иллюзии внутри одной организации? Ведь ни для кого не тайна, что в некоторых социалистических партиях Запада нашли себе место и заведомо мелкобуржуазные элементы.

Ответ русских марксистов на это таков:

— Да, это верно, что в некоторые западные партии нашли доступ мелкобуржуазные элементы. Но это ли составляет силу западных партий? Или они сильны вопреки этому слабому пункту?

Мы полагаем, что верно как раз последнее.

Не случайно то, что некоторые из западных партий называют себя просто «социалистическими», а другие именуют себя определенно социал-демократическими. Здесь дело не только в названии, здесь — два пути, два метода строительства рабочей партии и воспитания рабочего класса.

Планы русских «объединителей» объективно к тому и сводятся, чтобы определенный марксизм заменить более «широким» «обще-социалистическим» объединением.

Обострение классовой борьбы во всем цивилизованном мире делает то, что развитие идет от «широкого» и туманного социализма к определенному социал-демократизму. А тут хотят проделать как раз обратное движение...

Не для того мы копили драгоценный опыт международного движения, не для того мы учились у него в продолжение десятилетий, чтобы итти назад теперь, когда на международной арене все идет вперед. Русским рабочим необходима именно марксистская партия, и никакая иная.

И в особенности у нас в России необходима эта марксистская определенность. Кто только не называет себя у нас «социалистом»! Если в таких странах, как Англия и Франция, рабочее дело много страдает от того, что там достаточно распространен расплывчатый «широкий» социализм, — то мы в России страдаем от этого втройне.

Русский рабочий класс более, чем какой бы то ни было другой, должен резко и ясно провести ту черту, которая отделяет марксизм от туманного «тоже»-социализма.

Не в том дело, чтобы рабочий класс должен был отталкивать от себя мелкобуржуазную демократию. Ничуть! Наоборот, у него сейчас с ней много общих очередных задач. Он должен итти с ней на временные соглашения в известных случаях. Он должен звать ее от половинчатых уступок либерализму к последовательной демократической политике. Мы видим благоприятный признак в том, что мелкобуржуазные элементы (частью и народники), сознавая, что рабочий класс становится крупной силой, тяготеют именно к нему. Это — признак здорового развития.

Но отсюда еще большой шаг до полного слияния рядов. Когда рабочие-марксисты отрывают народнические элементы от союзов с кадетами и увлекают их на демократический путь, это — шаг вперед. А если бы рабочие-марксисты вздумали слить свои ряды с народниками, т.-е. создать общую организацию и тем поставить себя в зависимость от туманного «социализма» и политических колебаний, — это был бы огромный шаг назад.

Действительно социалистические элементы среди народников (их немного, и искать их надо только среди рабочих) идут и придут к марксизму. Жизнь решает спор в пользу марксизма.

Переберите основные пункты разногласий между народничеством и марксизмом: 1) роль капитализма в России; 2) крестьянство и социализм; 3) характер русского освободительного движения; 4) роль интеллигенции; 5) значение артельного (кооперативного) начала; 6) вопрос о терроре; 7) тактика бойкота нынешней Думы; 8) отношение к профессиональным союзам; 9) аграрный вопрос в его практической обстановке и т. д.

Все эти вопросы, как мы покажем подробнее, жизнью решены в пользу марксизма. Многие рабочие-народники сделали и еще

*

сделают свои практические выводы, т.-е. придут к марксизму. Но «левое народничество», как интеллигентская группа, несмотря на полный крах своего направления, продолжает настаивать на своих старых мелкобуржуазных ошибках. Пытаться объединиться с этой группой значит задержать процесс высвобождения социалистических элементов из-под влияния старого народнического хлама. И это значит навязать рабочим такую бездну путаницы, разложения, растерянности, новой усобицы и ненужных споров, которые могли бы надолго повредить рабочему делу.

Итак, — два пути. Один — широкий туманный «социализм», с мещанскими предрассудками, другой — «узкий» марксизм, воинствующий, бунтующий против всякой мешанины, — конечно, мы, попрежнему, выбираем второй путь.

И потому говорим:

— Отдельные соглашения с народниками — да!

— Объединение, слияние — нет, ни в коем случае!

«Узкий марксизм» собрал уже под свое знамя сотни тысяч и миллионы рабочих в России. Он делает это и теперь. Ему надо только твердо итти по старому пути, чтобы выполнить свою великую историческую задачу.

Еще в 1903 году русские марксисты официально заявили:

«Организация рабочего класса... зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, «поскольку они переходят на точку зрения пролетариата».

Призыв не остался неуслышанным. Всякого рабочего-народника, понявшего необходимость классовой организации, марксисты зовут и теперь в свои ряды.

Мы не можем помешать тому, что тот или иной ликвидатор опять (подобно Ларину) проникнется любовью к «широкой» партии, к туманному «социализму» и пойдет искать единства с потерпевшим крушение народничеством. Но что русские марксисты, как целое, ничего общего не имеют с этакими, столь же нелепыми, сколь и губительными, попытками — в этом нет ни малейшего сомнения...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда Труда», № 1, от 11 сентября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

«Правда Труда» выходила с 11 сентября по 1 октября 1913 г., всего было 18 №№. Издателем подписывался Н. А. Чердынцев, редакторами — В. А. Скочин, С. Г. Григорьев.

[2]) «Рабочий съезд» — меньшевистская затея, ярым защитником которой, при поддержке Плеханова, был П. Аксельрод. Растерявшийся под напором реакции после 1905 г. меньшевизм предполагал путем «рабочего съезда» вызвать к жизни план открытой пролетарской организации, т.-е. вдвинуть рабочее движение в самые узкие рамки легальности, прикрывая это намерение словами о «расширении» рабочего движения. Аксельрод и Плеханов предполагали организовать «съезд» силами социал-демократии, а Ю. Ларин шел гораздо дальше и намечал полный разрыв новой легальной организации с какими бы то ни было прежними социал-демократическими ячейками. Ларин приглашал создать «широкую рабочую партию», куда вошли бы социал-демократы, социалисты-революционеры и внепартийные рабочие. Большевики сразу же увидели новую опасность для классового рабочего движения и энергично принялись разъяснять рабочим смысл ловушки, расставленной ликвидаторами. Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. (1907 г.) признал, что «идея беспартийного рабочего съезда, подхваченная анархо-синдикалистами для борьбы с с.-д. влиянием на массы, безусловно вредна для классового развития пролетариата».

[3]) Народные социалисты — выступили, как самостоятельная «партия», весной 1906 г. Ядром н.-с. была литературная группа журнала «Русское Богатство», считавшаяся среди тогдашней интеллигенции хранительницей традиций народничества 80—90-х гг. Программа н.-с., составленная Пешехоновым, формулировалась до крайности туманно и расплывчато, ибо приглашала «восстановить права человеческой личности и обеспечить интересы трудового народа». Как интеллигентская партия, н.-с. придавали серьезнейшее значение именно интеллигенции, называя ее «неоплатным должником народа», иначе — всецело примыкали к теории старого народничества о «кающемся барине». А как политическая организация, н.-с. пытались проявить себя главным образом в период 2-й Гос. Думы. Вначале они шли вместе с кадетами, затем запутались между с.-р. и «трудовиками», ничем не проявляя своей физиономии. После роспуска Думы партия н.-с., строго говоря, исчезла, и в дальнейшем о ней больше говорить не приходилось.

[4]) Трудовики образовались перед выборами в 1-ю Гос. Думу, выйдя главным образом из возникшего в Саратове интеллигентского «Союза трудящихся».

Развив довольно сильную агитацию среди оппозиционно настроенной части крестьянства, «трудовики» вели свою работу под крайне неопределенным флагом — «левее к.-д.». Это отдало им изрядное количество тех крестьянских голосов, которые отказывались проводить к.-д., правильно учитывая их реакционность, а истинно левые организации не могли выявить полностью свою программу из-за суровости предвыборного режима. Таким образом «трудовики» нечаянно попали на «левый фланг». В Думе «трудовики» отражали лишь политическое настроение демократической интеллигенции, не сумев стать в какой-либо мере действительными борцами за демократию, при чем в своих выступлениях в Думе усиленно подчеркивали, что «спокойная, планомерная и органическая работа возможна лишь при полной гражданской свободе, при полном развитии конституционных начал и в Думе, избранной по четырехчленной формуле».

Взгляды «трудовиков» на земельный вопрос отличались утопическим желанием сломить капиталистические отношения в крестьянском хозяйстве, не касаясь вовсе уничтожения таковых в других областях экономической жизни. Далее у «трудовиков» произошел развал, часть их примкнула к социалистическим организациям, часть — в роде Аладьина и Локотя — открыто перешла в реакционный лагерь. При третьей Думе «трудовики», как политическая партия, сходят почти совершенно на-нет.

СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ (1).

Кого выбирать?

Страховая кампания постепенно входит в новую фазу.

Изживаются неверные взгляды, будто рабочим выгодно бойкотировать страховой закон. Кампания идет вперед и развивается. Рабочая масса стоит уже перед целым рядом чисто практических вопросов, связанных с введением страхования.

Таков, например, вопрос о выборах уполномоченных от рабочих при образовании больничных касс. Завод за заводом, фабрика за фабрикой каждый день становятся перед практическим вопросом: надо выбирать уполномоченных — чем же руководствоваться при этих выборах, кого выбирать?

Мы не вдаемся здесь в вопрос, как рабочим добиваться свободы выборов, как бороться против «немых» выборов, как достигнуть возможности сговориться о своих кандидатах. Мы предполагаем, что, несмотря ни на какие стеснения, рабочие все же будут выдвигать и проводить своих кандидатов. И вот спрашивается — кого же выбирать?

Что рабочий кандидат должен иметь известные личные качества — это ясно само собой. Он должен быть надежным человеком, которому масса может доверить защиту своих интересов, он должен достаточно разбираться в том деле, на которое рабочие его посылают, он должен быть достаточно энергичен и т. п. Все это само собой понятно.

Но вот другой вопрос: должны ли рабочие при выборах уполномоченных считаться также с политическими взглядами кандидатов? Допустимо ли вообще вносить «политику» в такое дело, как страховые выборы?

Мы полагаем, что не только допустимо, но — необходимо, обязательно. Ибо в каждом, хотя в самом маленьком и скромном, деле рабочие должны отстаивать свои общие классовые политические интересы. На каждую частность надо смотреть с точки зрения общих задач.

Посмотрим на пример заграничных товарищей. Разве, скажем, в Германии при страховых выборах не происходит жестокая борьба между кандидатами социал-демократии и рабочими, идущими за либералами и черными? Разве в Австрии не про-

исходит такая же борьба между сторонниками социал-демократии и так называемыми «христианскими социалистами», т.-е. теми же черными? Такая борьба безусловно необходима. Ни одного кандидата, который не выставлен с.-д. партией или с.-д. профессиональным союзом! — Таков пароль сознательных рабочих на Западе:

Можем ли мы в России придерживаться другой линии? Ведь у нас, где страховое дело только начинается, где всякая легальная «зацепка» особенно ценна — еще более необходимо, чтобы все рабочие уполномоченные принадлежали к последовательным марксистам.

Пусть не говорят нам о «мнимом» расколе страховой кампании. Ничего подобного нет и не будет. Выбирать будут сами рабочие большинством голосов. Меньшинство всегда подчиняется большинству. Никакого раскола нет в том, что рабочие сами хотят разобраться в том, каких взглядов держится будущий их представитель, который будет ведь говорить от их имени.

Уполномоченные от рабочих будут сталкиваться с представителями правительства и капиталистов.

Возможно, будут случаи, когда этим уполномоченным придется разбираться не только в чисто страховых вопросах. Рабочим отнюдь не безразлично, будет ли их уполномоченный «беспартийным», или народником, борющимся против социал-демократии, или ликвидатором, отрицающим «подполье» и объявляющим, что рабочие стачки, это — «стачечный азарт». Надо добиваться того, чтобы все рабочие уполномоченные были последовательными рабочими демократами.

Надо добиваться: 1) полного единства страховой кампании; 2) того, чтобы все уполномоченные были марксисты. Одно не противоречит другому. Рабочие лучше всего используют страховую кампанию, рабочее движение больше всего выиграет, если уполномоченными рабочих будут именно марксисты.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда Труда», № 4, от 14 сентября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА ГЕРМАНСКИХ РАБОЧИХ [1].

I

Что дала стачка?

«Свободные» (социал-демократические) и профессиональные союзы Германии публикуют отчет о стачках и локаутах в 1912 г. и о результатах экономической борьбы германских рабочих, руководимой союзами.

Величайший интерес представляет этот отчет для всякого сознательного рабочего. Тактика экономической борьбы давно уже стала целой наукой. А германские социал-демократические профессиональные союзы теперь являются во многих отношениях школой и образцом для профессионального движения всего мира.

Важнейшую часть отчета представляют сведения о результатах экономической борьбы рабочих за год. Рабочий несет в союз значительные для его бюджета взносы. Он отчисляет особо в стачечный фонд. Он идет на всевозможные жертвы и лишения. Но вот прошел год. Рабочая организация подводит точный итог борьбы. Союз в состоянии сказать своим членам с полной точностью, что именно достигнуто за год тяжелой борьбы. Рабочий оглядывается назад и видит ясно, что дала борьба, во имя чего он делал жертвы и шел на лишения. И это, разумеется, лучшее средство агитации за профессиональный союз...

В 1912 году германские рабочие своей экономической борьбой достигли следующих результатов:

1) сокращен рабочий день для 378.185 рабочих и работниц в размере 830.151 часа в неделю;

2) увеличена заработная плата для 530.021 рабочего и работницы в размере 946.961 марки (марка — 46 коп.) в неделю;

3) кроме того, для 388.563 рабочих и работниц достигнуты другие улучшения условий труда.

Таков внушительный итог экономической борьбы за год. Германским профессиональным с.-д. союзам поистине есть чем гордиться.

Результаты борьбы за 1911 год были таковы: сокращение рабочего дня для 293.316 человек в размере 760.594 часов

в неделю и увеличение заработной платы в размере 1.058.594 марок в неделю.

Но к положительным завоеваниям нужно прибавить еще другое: сколько раз союзам удалось отбить атаки предпринимателей, не допустить ухудшения условий труда. В 1912 году удалось не допустить ухудшения: для 2.337 рабочих увеличения рабочего дня на 11.042 часа в неделю и для 19.840 рабочих сокращения заработной платы на 38.794 марок в неделю.

Замечательно, что в 1912 году, как и в прежние годы, большая часть результатов достигнута при помощи одной угрозы стачкой, — до самих стачек доходило реже. При помощи одной угрозы стачкой достигнуто сокращение рабочего дня для 319.547 человек, 84,5% всех добивавшихся сокращения (в размере 677.241 час. в неделю), 81,6% всех выигранных часов. Увеличения заработной платы добились одной угрозой стачки 345.074 рабочих (65,1%) в размере 644.501 марок (68,1%).

Таким образом, почти ¾ всех экономических завоеваний в год достигнуты при помощи одной угрозы стачкой. Предприниматели знают, что у рабочих прекрасная организация; они знают, что их угрозы стачкой—не холостой заряд; они не сомневаются, что при сопротивлении начнется стачка и будет поддерживаться всей мощью профессиональной и политической организации. И они очень часто предпочитают не допустить до прямой пробы сил. «Хочешь мира — готовь войну» — говорит пословица. Между рабочими и капиталистами «мира» — быть не может. Война идет непрерывно. Весь вопрос только в том, каковы должны быть формы этой классовой войны...

В заключение приведем некоторые данные о результатах экономической борьбы германских рабочих, начиная с 1905 года.

Достигнуто сокращение рабочего дня:

Год.	Одной угрозой стачки. Число рабочих.	Одной угрозой стачки. Число часов в неделю.	Стачкой. Число забастовщиков.	Стачкой. Число часов в неделю.
1905	106.165	453.297	61.666	213.467
1906	255.584	928.804	75.646	298.804
1907	187.295	694.388	50.895	191.500
1908	52.784	163.765	6.540	20.046
1909	49.692	168.587	17.102	47.226
1910	202.035	481.873	14.235	274.691
1911	207.583	534.984	85.733	225.610
1912	319.547	677.241	58.638	152.910.

И далее, достигнуто за это время увеличение заработной платы:

Год.	Одной угрозой стачки. Число рабочих.	Колич. марок в неделю.	Стачкой. Число забастовщиков.	Колич. марок в неделю.
1905	279.493	550.637	112.653	253.166
1906	491.878	852.389	154.253	359.506
1907	370.214	687.962	104.490	233.892
1908	207.631	312.095	29.010	53.828
1909	178.071	288.766	65.329	140.978
1910	438.649	800.495	388.978	1.015.042
1911	469.009	799.063	123.057	239.513
1912	355.074	644.501	184.947	302.460.

Таковы грандиозные результаты экономической борьбы германских рабочих. Хозяева в Германии организованы прекрасно. Вырвать у них что-нибудь можно только упорной, настойчивой борьбой, натиском, невероятными усилиями. Только могучая профессиональная организация в союзе с мощной политической партией в состоянии достигать таких результатов.

Счастлива та рабочая организация, которая имеет возможность каждый год, с точными цифрами в руках, подводить такие итоги борьбы!

II.

Организация борьбы.

Мы видели, каких значительных результатов удалось добиться германским рабочим в области экономической борьбы. Посмотрим теперь, каким образом достигли они этих результатов, каковы были размеры и формы рабочей борьбы.

Германские с.-д. профессиональные союзы в своей статистике различают экономические конфликты (или экономические движения) с применением стачки, и такие конфликты, где к применению стачки не пришлось прибегнуть. В 1912 году всех экономических конфликтов было 9.961, в которых участвовало 1.254.358 рабочих и работниц (в 1911 году — 9.670 конфликтов с 1.011.669 участниками). Без прямого применения стачки обошлось в 1912 году 7.196 конфликтов (71,6%) с числом участников 774.769 (61,8%). Стачки имели место в 2.825 случаях и участвовало в них 479.589 рабочих и работниц.

Выходит, что из 100 конфликтов в 1912 году — 71 конфликт кончился без стачки. Значит, германские фабриканты и заводчики ужасно миролюбивы. Они всячески стараются не довести дело до стачки и кончают дело «миром». И это явление наблюдается не только в 1912 году. В 1905 году процент «мирных» конфликтов был 56,1, а до стачек дошло лишь 43,9 случаев. В 1906 г. — 67,3 и 33,7%. В 1907 г. — 64,5 и 35,5%. В 1908 г. — 63,7 и 36,3%. В 1909 г. — 68,8 и 31,2%. В 1910 г. — 67,0 и 33,0%. В 1911 г. — 69,9 и 30,1%.

Мы видим, таким образом, что «миролюбие» хозяев растет в Германии из года в год. Чем же его объяснить? Да, разумеется, тем, что растет неудержимо организация рабочих. Своеобразное явление классовой борьбы, укрепление рабочей организации вызывает рост миролюбия и фабрикантов и заводчиков!..

На стачечную борьбу и вообще на все экономические конфликты рабочие союзы издержали в 1912 году 11.733.749 марок, или более 5 миллионов рублей. Как видите, чтобы заставить фабрикантов быть «миролюбивыми», надо быть вооруженным с ног до головы. Рабочих дней потеряно во время стачек 1912 года—4.776.818. Заработной платы во время стачек рабочие утеряли 21.141.000 марок, или около 10 миллионов рублей. Дорогой ценой куплена «уступчивость» фабрикантов!

Полной победой рабочих кончились в 1912 г.—71,1% всех конфликтов, частичной победой — 20,6%, проигрышем — 7,6% (в 1911 году — 72,9%, 17,6% и 8,9%). Из 100 конфликтов только 8 или 7 кончаются поражением рабочих. Вот каких результатов достигают германские рабочие своей великой организованностью.

Так было не только в 1912 году. Вот данные за 8 лет:

Конфликты, вызванные выступлением рабочих, окончились:

Год.	Полной победой рабочих. %%	Частичной победой. %%	Поражением рабочих. %%
1905	79,4	17,0	3,6
1906	77,5	20,4	2,1
1907	77,8	17,5	4,7
1908	54.2	30,7	15,1
1909	69,5	17,7	12,8
1910	70,0	25,9	4,1
1911	76,9	20,1	3,0
1912	73,8	24,0	2,2

Еще более благоприятно для рабочих кончались те конфликты, в которых наступающей стороной являлись хозяева, т.-е. те случаи, когда хозяева пытались ухудшить условия труда рабочих. Из каждых 100 таких конфликтов кончались:

Год.	Полной победой рабочих.	Частичной победой.	Поражением рабочих.
	%%	%%	%%
1905	93,2	3,9	2,9
1906	89,2	5,6	5,2
1907	84,9	6,8	8,3
1908	79,3	9,5	11,2
1909	77,3	13,4	9,3
1910	83,7	6,9	9,4
1911	79,5	10,5	10,0
1912	81,2	8,8	10,0

Мы видим, что господа германские фабриканты и заводчики вовсе не всегда уж так миролюбиво настроены. Они очень не прочь ухудшить положение рабочих. Они часто пытаются это сделать. Но не их вина, если организации достаточно сильны, чтобы отбить все атаки капитала. За «доброй волей» капиталистов остановки нет. Но удается им их поход только самое большее в 10 случаях из 100.

Роль профессиональных союзов в этом исходе борьбы особенно отчетливо выясняется из следующих цифр. В 1900 году 540 конфликтов были улажены «миролюбиво». Из них 351 — без участия профессиональных союзов и лишь 189 с участием их. В 1912 году из 2.162 конфликтов, окончившихся соглашением, в 528 случаях переговоры велись без участия профессиональных союзов, а в 1.634 случаях профессиональные союзы принимали самое непосредственное участие. Отсюда ясно, что классовый профессиональный союз начинает играть все большую и большую роль в экономической борьбе германских рабочих. Нередко происходят стачки из-за одного того, что хозяева не хотят считаться с профессиональными союзами рабочих. Рабочие все больше начинают ценить значение союзов и партии. Каждый шаг борьбы учит их тому, что без союзов и партии они обречены на ухудшение и без того нелегкой жизни. Только миллионные союзы, тесно связанные с с.-д. партией, могут так успешно вести экономическую борьбу рабочих.

III.

Оборона и наступление.

Конфликты, кончающиеся прямой борьбой, непосредственной пробой сил, распределяются германскими союзами на 3 категории: 1) стачки наступательные, 2) стачки оборонительные и 3) локауты. В первом случае рабочие добиваются известных улучшений условий труда, они первые начинают борьбу, они — наступают. Во втором случае рабочие отстаивают старые условия труда от ухудшений, они вызваны на сопротивление хозяином, они—обороняются. В третьем случае мы видим по сути дела то же, что и во втором: хозяин наступает, рабочие обороняются. Разница только та, что хозяин решается на более решительные шаги и крутые «меры»: он прямо объявляет расчет рабочим. В известном смысле можно складывать цифры о локаутах с цифрами об оборонительных стачках.

Это—явления, по существу своему более или менее однородные, хотя в то же время наступательные конфликты невозможно столь резко отделить от оборонительных и даже от локаутов. Нередко бывает так: рабочие начинают наступательную стачку—хозяева отвечают на нее локаутом. Или на локаут части рабочих другая часть отвечает оборонительной стачкой и т. п. Одна форма борьбы переходит в другую.

И вот, крайне любопытно посмотреть на всю картину экономической борьбы в Германии с точки зрения того, сколько раз наступающей стороной являются рабочие и сколько раз — хозяева. Вот данные об этом за 13 лет, начиная с 1900 года.

Из каждых ста случаев прямой борьбы было:

Год.	Стачек наступательных.	Стачек оборонительных.	Локаутов.
	%%	%%	%%
1900	60,6	34,3	5,1
1901	40,0	55,2	4,8
1902	33,6	59,9	6,5
1903	47,0	46,6	6,4
1904	54,5	38,6	6,9
1905	51,3	34,8	13,9
1906	58,8	29,1	12,1
1907	58,6	29,9	11,5
1908	33,1	54,4	12,5
1909	40,7	49,2	10,1
1910	43,3	26,3	30,4
1911	58,5	34,4	7,1
1912	54,6	32,8	12,6.

Вывод получается такой: процент наступательных стачек в среднем равен приблизительно п о л о в и н е всех случаев борьбы. Число колеблется в зависимости от промышленного подъема и кризиса и т. п. Если взять более точные цифры, то получается, что в среднем из каждых 100 случаев прямой борьбы: 49 стачек наступательных, 39 стачек оборонительных и 12 локаутов.

А если сложить число оборонительных стачек с числом локаутов, то выйдет, что число случаев, когда рабочие нападают, и число случаев, когда рабочие вынуждены обороняться, — приблизительно равны.

Это означает, что и та, и другая сторона—т.-е. и рабочие, и предприниматели — имеют в общем одинаково сильную организацию. Класс против класса! Армия против армии! Вооруженные с головы до ног, обе стороны ведут регулярную войну, тщательно рассчитывая каждый свой шаг, взвешивая каждое выступление.

Взглянем еще на непосредственные причины стачек и локаутов. Это покажет нам, ч е г о и м е н н о добивается каждая из сторон.

Наступательные стачки. Из 352.000 бастовавших в 1912 году 293.813 — т.-е. $^{3}/_{4}$ всех бастовавших — бастовали з а п о в ы ш е н и е з а р а б о т н о й п л а т ы, 5.167 человек (около $1^{1}/_{2}\%$) — за сокращение рабочего дня, 44.906 человек (12%) — за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня, 366 человек ($^{1}/_{10}\%$) — за устранение мастеров и т. п., 7.838 человек — за различные другие требования.

Главный предмет борьбы — увеличение заработной платы.

Оборонительные стачки. Чего добивались хозяева? Сокращения заработной платы для 9.973 человек, увеличения рабочего дня — для 673, различных репрессий (штрафов и пр.) — для 13.498 человек, выступления из рабочей организации — 933 человек, различных ухудшений — для 20.323 человек.

«Хозяева» отвечали на оба типа стачек локаутами. Причиной их были в 1912 году: желание хозяев ухудшить условия труда — для 6.521 человека; отказ рабочих исполнить работу тех предприятий, где идет стачка, — 152; требование хозяев, чтобы рабочие вышли из организации — 238. Локаут послужил ответом на наступательную стачку — для 50.277 рабочих. Ответом на оборонительную стачку — для 15.962 рабочих.

Грандиозная картина развертывается перед нами. Кипит, не умолкая, классовая борьба. Экономика переплетается с политикой, и обратно. Хозяева организуются. Правительства творят волю господствующих классов. Но все растет и крепнет могучая армия рабочих. Союзы и с.-д. партия все больше сближаются и в тесном сотрудничестве ведут тяжелую борьбу рабочих за лучшую жизнь . . .

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Правда Труда», №№ 12, 13 и 16, от 24, 25 и 28 сентября 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

О ГЕРМАНСКОМ РЕВИЗИОНИЗМЕ (1).

(По поводу Иенского конгресса германской социал-демократии.)

Нет ни малейшего сомнения в том, что внутри германской социал-демократии в последнее время замечается новое оживление ревизионизма. Германский ревизионизм не только ожил, он не только стал «законным оттенком» в партии, но уже явно переходит из обороны к наступлению.

Этому есть глубокие социальные причины. Одна из них такова.

В Германии, как и почти во всех странах передового капитализма, нет сколько-нибудь решительной, сколько-нибудь радикальной буржуазно-демократической партии. Социал-демократия все в большей степени является здесь не только единственной последовательно демократической партией, она все больше и больше становится единственной демократической партией вообще. И это приводит к тому, что все более значительным становится количество Mitläufer'ов, то-есть попутчиков социал-демократии из непролетарской среды.

Факт этот для социал-демократии чреват крупнейшими последствиями. Он, с одной стороны, косвенно свидетельствует о громадной силе социал-демократии, которая все больше больше становится уже не только в идее, но и в живой политической действительности, единственной народной партией, единственным прибежищем трудящихся и обездоленных масс. И он же, с другой стороны, ставит перед социал-демократией громаднейшие трудности. Социал-демократии приходится если не ассимилировать чуждые ей элементы из мелкобуржуазной среды, то, во всяком случае, считаться с влияниями «попутчиков», испытывать на себе тормозящее значение их колебаний, неуверенности, робости, половинчатости.

Все это особенно верно относительно стран всеобщего избирательного права и развитой парламентской жизни. А именно такова Германия.

Число «попутчиков» здесь несомненно значительно. Германская социал-демократия получила на последних общих парламентских выборах 1912 года — $4^1/_4$ миллиона голосов. Это не только в $4^1/_4$ раза больше числа членов социал-демократической партии (а в партию входят и женщины и молодежь,

не пользующиеся избирательными правами при выборах в рейхстаг). Это вдвое больше числа членов «свободных» профессиональных союзов — куда опять-таки входит много женщин и молодежи, не имеющих избирательного права.

Откуда же взялось 2 миллиона избирателей, голосующих за с.-д. — сверх тех 2 миллионов, которые организованы в партию и профессиональные союзы, примыкающие к партии?

Разумеется, было бы неверно утверждать, что все эти 2 миллиона являются попутчиками из непролетарской среды. Главной ареной влияния германской социал-демократии и на выборах является, конечно, рабочий класс. Согласно данным германского статистического бюро, германская социал-демократия на выборах 1912 года собрала в крупных городах 49,3% всех поданных голосов, в мелких городах — 35,8%, а в деревнях — 19% (всего по всей Германии с.-д. партия собрала 34,8% всех поданных голосов). Но вместе с тем остается несомненным, что в числе указанных 2 миллионов избирателей есть более или менее значительная часть попутчиков из мелкобуржуазных слоев населения.

А ревизионизм и является идеологией этих переходных слоев, этих попутчиков социал-демократии. Именно из этих общественных слоев, да еще из кругов менее сознательных рабочих питается ревизионизм и как настроение, и как «учение».

Не случаен же в самом деле и состав парламентских фракций социал-демократии. Всюду и везде фракция значительно правее, чем партия в целом. Это особенно наглядно видно в Германии. В нынешней с.-д. парламентской фракции 110 депутатов, и если не большинство — как уверяют буржуазные партии, — то во всяком случае половина голосов в ней принадлежит ревизионистам, между тем как в партии ревизионисты, как таковые, до сих пор не собирали ни на одном из съездов даже 1¼ голосов.

Замечательно, что оппортунизм всякий раз усиливался в партии именно тогда, когда наблюдался большой приток новых с.-д. избирателей, а значит, — и новых «попутчиков». Это можно проследить даже прямо хронологически.

Во время парламентских выборов 1884—1887 годов германская социал-демократия, оправившись от первых ударов, принесенных исключительным законом, не только возвращает себе утерянные 181 тысячу голосов, но и приобретает еще новых 270 тысяч избирателей. И в парламентской фракции сразу

усиливаются оппортунистические настроения — ревизионизма как оформленного течения тогда еще не было, было именно неопределенное оппортунистическое настроение. Осенью 1887 года, уже после парламентских выборов этого года, на нелегальном партийном съезде в С.-Галлене Август Бебель прямо констатирует эту болезнь. Говоря об упомянутых настроениях в парламентской фракции, Бебель ставит точки над і и заявляет открыто (см. протоколы С.-Галленского съезда):

— «Если бы наступило такое положение, что с.-д. фракция стала бы по числу голосов решающей, хотя бы во второстепенных вопросах, тогда создалось бы положение, чреватое опасностями. Большая склонность к законодательной работе могла бы даже вызвать раскол».

На выборах 1890 — 1893 годов партия завоевывает новый миллион избирателей. Прирост с.-д. голосов в 1890 — 664.200, в 1893 — 359.406. Новая волна, принесшая социал-демократии сотни тысяч новых убежденных сторонников из среды рабочего класса, вместе с тем принесла ей десятки тысяч новых попутчиков, привлеченных только ярким демократизмом рабочей партии. Оппортунизм нашел себе новый резонанс (отзвук), и мы видим, что и на «верхах» германской социал-демократии начинается оппортунистическая «переоценка ценности». В 1890—1893 годах Фольмар делает свои первые ревизионистские «открытия», находя себе поддержку в известной части парламентской фракции. Огромное большинство партии против «нового» слова оппортунистов. Бебель и Либкнехт во главе партийного большинства дают решительный отпор оппортунизму. Но известное усиление последнего — налицо.

Выборы 1898 — 1903 годов опять приносят германской социал-демократии $1^1/_4$ миллиона новых избирателей. На выборах 1893 года партия увеличивает число своих голосов на 320.300, в 1903 году — на 903.000. Ясно, что за эти годы в социал-демократию хлынул новый поток людей. Вместе с надежными социал-демократическими элементами к берегу социал-демократии вновь пришли элементы, в классовом отношении переходные, неустойчивые — «попутчики». Почва для нового расцвета мелкобуржуазных иллюзий, оппортунизма и шатаний опять налицо. Складывается ревизионизм. Выступает бернштейниада. И хотя партийное большинство в 1899 году (в Ганновере) и в 1903 году (в Дрездене) дает решительный

отпор ревизионизму — самого факта известного усиления оппортунизма в эти годы отрицать нельзя.

На последних парламентских выборах 1913 года германская социал-демократия приобретает целый миллион новых избирателей. Это — опять огромный шаг вперед. Но вместе с тем этот колоссальный успех ставит социал-демократию перед новыми трудностями.

* * *

Остановимся несколько подробнее на современной идейно-политической физиономии нынешнего ревизионизма в Германии. Огромный том предсъездовского номера ревизионистского журнала «Socialistische Monatshefte» дает великолепный материал для суждения об этом. Нынешняя платформа ревизионистов изложена здесь подробнейшим образом.

Предсъездовские номера этого журнала за последние годы стали известным событием для политической печати. Вся буржуазная печать обыкновенно злорадно торжествует по поводу этих выступлений. Ревизионизм хвалят, ласкают, превозносят, целуют. «Передовые» либеральные органы целиком перепечатывают в качестве своих передовиц статьи всех этих Кольбов, Фишеров, Шредеров, Бернштейнов и т. д.

Некоторые из германских марксистов, закрывая глаза на факты, пробуют отделаться от этих выступлений ревизионистов указаниями на то, что журнал их не влиятелен, что «ревизионизм умер», что за «Socialistische Monatshefte», как выразилась недавно одна марксистская газета,—стоят только те чернильницы, из которых пишут его сотрудники.

Такое отношение абсолютно неправильно. За журналом ревизионистов, к сожалению, стоят далеко не одни чернильницы. За ним стоит добрая половина парламентской с.-д. фракции, за ним стоит генеральная комиссия германских профессиональных союзов и вообще многие из известных деятелей профессионального движения, за ним стоят многие из причисляющих себя к с.-д. кооператоров. Это печально, но это — факт. Рядом с типичными интеллигентами - оппортунистами, в роде г. Блоха — редактора - издателя журнала, или д-ра Лео Аронса, или Шиппеля, Эйснера и т. п., вы в том же предсъездовском номере можете встретить таких людей как Легин, Эльм и друг.

Итак, каков идейно-политический облик современного ревизионизма в Германии?

Вот наиболее общая статья в предсъездовской коллективной работе ревизионистов, озаглавленная «Революция и реформа» и принадлежащая перу г. Эдмунда Фишера.

Речь идет о коренном вопросе социализма. Происходит ли в современном обществе обострение классовых противоречий или наоборот? Ограничивается ли социал-демократия реформизмом, или она исходит из неизбежности и социальной катастрофы?

— «... В демократических странах, как Англия, Швейцария, Норвегия, Дания, Италия, Голландия и т. д., где воля большинства всегда может найти себе выражение на законной почве, революции были бы вообще бессмысленны, здесь революции являются чем-то превзойденным. Перед нашими глазами во всех этих странах происходит политический, социальный и культурный прогресс в форме спокойной работы в области реформ. Но и в менее демократических странах, как Германия, тоже всего менее заметен застой... Социальное новообразование возможно только, как много раз уже излагал наш журнал, путем медленной работы реформ *)...

Спрашивается, что общего у господина, написавшего эти строки, с социал-демократией? Ведь излагаемая им «философия» есть философия либерализма, буржуазного социал-реформаторства, чего угодно — только не социал-демократии.

Но слушайте дальше. Философия нашего ревизиониста становится еще более любопытной; он переходит к России.

— «Когда началась революция в России (тогда капиталистическое развитие там только начиналось), тогда показалось, что наконец-то наступил момент, когда материальные производительные силы стали в противоречие к наличным производственным отношениям».

«Но, ах, как скоро разрушены были эти галлюцинации... Когда я после поражения московского восстания писал, что русская революция кончилась, и что для русских социал-демократов теперь остается только работа на полученной легальной почве, — меня безмерно осыпали за это ругательствами. И все-таки события целиком подтвердили (??) то, что я сказал. Россия развивается совершенно так же, как Пруссия после 1848 г. или Англия после 1649 г. **). В остальной Европе русская революция не оставила никаких других следов, кроме большого отрезвления в тех кругах, где в русской революции видели знамение наступающего конца капиталистического общества» (²).

---

*) «Soc. Mon», 18—20 Heft, 1913, стр. 1131—1132.

**) Там же, стр. 1132—1133.

Читая эти строки, в тысячу первый раз убеждаешься, что ревизионизм в приложении к русским условиям и есть ликвидаторство. Ревизионизм и ликвидаторство на наших глазах слились так тесно, что нельзя отличить, где начинается одно, где кончается другое. Можно прямо подумать, что Ларин, Дан и К° свои рассуждения о прусском пути легальной работы и проч. прямо списали у германского ревизионизма.

Но важно не только это. Замечательна поистине либеральная слепота ревизиониста, которая мешает ему видеть какие бы то ни было последствия от первой русской революции, кроме «отрезвления» умов. События в Азии ([8]), всколыхнувшие миллионы людей и послужившие в немалой степени отзвуком российских событий, для него не существуют. Колоссального обострения положения в Европе он не видит. Громадных революционных процессов, происходящих в том же английском рабочем классе, для него не существует. Ничего, кроме подслеповатого реформизма. Революции — «бессмысленны»...

И для увенчания здания наш «теоретик» ревизионизма заканчивает так:

— «В нормальные времена вообще не бывает революционных партий, а может существовать только реформистская работа... Как революционная партия, в нормальное время может выступать только такая партия, которая хочет *сделать* революцию. А это социал-демократия ныне благоразумно отвергает. Она поэтому является партией реформ... Ей только необходимо наконец найти в себе мужество выступать тем, чем она является в действительности» (стр. 1134).

Таков законченный реформизм. Наши российские либеральные рабочие политики *еще* не так откровенны, *еще* не так последовательны, ибо у нас еще не совсем «нормальны» времена. Но наши ликвидаторы завтра выступят столь же «законченными», столь же бесстрашными реформистами, как их германские собратья.

Горе революционной партии, которая признала бы «законным оттенком» течение, краеугольным камнем которого является формула: революции — бессмысленны, социал-демократия есть только партия мирных частичных реформ!..

Такова современная платформа германских ревизионистов в наиболее общем вопросе «революция и реформа». А вот несколько образчиков их платформы в отдельных — очень важных — тактических проблемах.

Вопрос об участии социалистов в буржуазном министерстве. Выступает «сам» Бернштейн. Он издевается над «хромой» резолюцией Парижского конгресса, над «паралитическим» абзацом резолюции Амстердамской, над той «жидкой водицей», которую преподносит Каутский, автор указанных резолюций, голландским социалистам, спросившим у него совета, следует ли им принять участие в либеральном министерстве. Но чего требует Бернштейн? Настаивает ли он на более категорическом запрете участия в министерствах? Как бы не так!..

Он говорит, что социалисты должны «бесстрашно» становиться министрами. А когда ему указывают, что частенько министры при крупных стачках двигают войска против рабочих, он возражает:

— «Но ведь даже либеральные министры выступали при стачках таким образом, что сами рабочие их благодарили. (Не в Дублине ли?—*Г. З.*). Так неужели же социалисты не смогут этого сделать? Неужели они неспособны будут провести такую же политику, какую провело теперешнее либеральное министерство в Англии при стачках горнорабочих и железнодорожников»? *).

Итак, давайте вступать в буржуазные министерства и будемте шествовать по стопам либеральных министров...

Вот еще другой вождь ревизионистов, В. Кольб, обсуждающий в статье «Тактика социал-демократии» основы с.-д. политики и гордо заявляющий:

— «Только при помощи последовательной, открыто провозглашенной реформистской тактики мы создадим основу для кооперации между социал-демократией и либерализмом всех оттенков и только при помощи такой кооперации мы преодолеем консерватизм... Чего хочет партия — развития или катастрофы (читай: революции. — *Г. З.*)? Партия не верит больше в теорию катастроф, несмотря на резкую фразеологию. Воли к революции у нее нет — для этого во всех кругах партии слишком сильно чувство действительности. Но тогда пусть она открыто и ясно выскажется за реформистскую тактику» (стр. 1081).

Хороша была бы с.-д. партия, если бы действительно все то, что говорит о ней Кольб, было истиной! Хороша была бы

*) Пусть читатель сравнит этот дифирамб английским либеральным министрам с тем, что рассказывает об избиении рабочих именно при либеральных министерствах т. Ротштейн в его письме из Англии, помещенном в этой книжке нашего журнала...

пролетарская партия без «воли к революции». Хороша была бы рабочая партия, которая вздумала бы устраивать «кооперацию» с либералами «всех оттенков» — т.-е., значит, и с национал-либералами, которые так похожи на русских октябристов...

Вот вам еще один видный ревизионист Людвиг Квессель, который пишет:

— «Действительные демократические и социалистические успехи возможны только в том случае, если и социал-демократия примет участие в правительстве (mitregierende Partei im Staat wird— станет тоже правительственной партией). Для этого необходимо, чтобы политическая кооперация между социализмом и либерализмом, которая робко начата избирательным соглашением на выборах 1912 года (Dämpfung), теперь осуществлялась настойчиво и ясно. Ибо только на этом пути достижима действительная демократизация государства» (1073).

И этот ревизионистский писатель единым духом уверяет, что он «тоже» социал-демократ и в то же время проповедует, что соц.-демократия не только должна участвовать в буржуазном министерстве, но «даже должна была бы поставить из своих рядов имперского канцлера для парламентского министерства» (1074)...

Вот вам еще... но довольно и этого. Читатель видит, сколь мало общего с социал-демократией у этих людей, которых Бебель справедливо назвал в 1910 году на магдебургском съезде национал-либералами.

И если эти люди начинают чувствовать себя в партии «как дома», если они имеют такое колоссальное влияние во фракции, если они начинают хвастаться тем, что партия идет за ними, если они печатно заявляют: «укажите нам хоть одну партийную газету, которая редактируется теперь в марксистском духе» (1133), — то это значит, что опасность, во всяком случае, серьезна. Можно и нужно понять те объективные условия, которые порождают ревизионизм в известную историческую эпоху и дают ему возможность питаться симпатиями «попутчиков», но нельзя ни на минуту мириться с этим течением, которое на деле является не только извращением, но прямо отрицанием социал-демократии.

* * *

Недавно закончившийся партейтаг в Иене, к сожалению, прошел не под знаком борьбы с ревизионистами, этими социал-

демократическими национал-либералами. Он, наоборот, прошел под знаком союза одной части марксистов с ревизионистами против другой части марксистов.

Главным вопросом был пункт о массовой стачке. Расхождения между двумя частями марксистов касаются здесь по существу дела вопроса о темпе событий, о скорости движения. Это верно, по крайней мере, относительно всех тех марксистов, которые не начали склоняться к ревизионизму и действительно в принципе-то признают революционную массовую стачку.

Но марксисты центра пожелали представить марксистов левой уклонившимися в «синдикализм», «анархизм» и т. п. ереси. И этим они только лили воду на мельницу ревизионизма. Даже если бы марксисты левой оказались совершенно не правы в спорном вопросе факта — о темпе движения, даже если окажется, что условия для более решительной тактики наступят лишь значительно позднее, чем предвидят левые, то и тогда обвинения в «синдикализме» должны быть признаны извращением действительности. Из-за мнимой опасности — «синдикалистской» — марксисты центра упускают из виду действительную опасность — ревизионистскую. Докладчик от правления г. Шейдеманн в своей далекой от марксистской прозорливости, но зато изобиловавшей демагогическими приемами речи, дал образец того, чего не надо делать марксисту, претендующему на роль вождя рабочего класса. Недаром даже «Vorwärts», орган правления, осудил речь Шейдеманна и назвал его ораторские приемы «фельетонными».

На съезде было три группы: ревизионисты, марксистский центр, марксистская левая. Как велики были силы каждой из них — сказать в точности трудно. В двух решительных голосованиях — о массовой стачке и о налогах — левая группа собрала 142 против 333 и 140 против 336 голосов. Таким образом, левая одна имела несомненно более $^1/_4$ всего съезда. Это — очень много, если вспомнить дисциплину в германской партии, громадный авторитет правления, поддержку марксистов центра ревизионистами и т. д. К тому же в рядах левого меньшинства оказались очень видные практики, старые деятели, как Гейер, Бок и друг. Так как ревизионистов было, вероятно, около сотни, то выйдет, что марксистский центр был приблизительно только в $1^1/_2$ раза больше марксистской левой. «Лейпцигская Народная Газета» уверяет даже, что марксистская

левая имела 211 голосов (число, поданное за их кандидата в Ц. К. Диссмана против 240 с лишним, поданных за Бартельса, человека, на котором сошлись и ревизионисты, и марксисты центра).

Выборы в правление имели, конечно, политическое значение. Они тоже прошли под знаком союза марксистов центра с ревизионистами. Эберта еще в 1911 году (при выборах вместо Зингера) ревизионисты выдвинули в председатели партии. С речью в его пользу выступил тогда депутат ревизионист Ульрих, которому возражал Бебель. Эберт не ревизионист, но он «наименьшее зло» для ревизионистов, так же как и Бартельс и Вельс.

«Correspondenzblatt» (см. № 39)—орган генеральной комиссии профессиональных союзов, руководимой в значительной степени ревизионистами, пишет с удовлетворением, что Иенский съезд представляет собой «сильный сдвиг направо». С другой стороны центральный орган партии «Vorwärts», до сих пор вполне защищавший тактику правления, как бы смущен слишком большой дружбой с ревизионистами. В своей редакционной статье от 17 сентября (№ 242) «Vorwärts» указывает на то, что «если Шейдеманн упрекал противников его резолюции в любви к диким стачкам и синдикалистской тактике, то это показывает только то, что он не смог отнестись объективно к мотивам другой стороны». И «Vorwärts» заключает:

— «Гораздо больше опасность, что обстоятельства постепенно втянут партию в оппортунистическое русло, в так называемую преимущественно «практическую» политику. Во всяком случае, мы считаем бесконечно более необходимой борьбу против политики, которую требуют столь многие товарищи хотя бы в последнем № журнала «Socialistische Monatshefte», чем поход против мнимого анархо-социализма, синдикализма, или как там еще называют это привидение».

Золотые слова! С этого надо было начать. Это центральный орган должен был сказать до съезда, до осуществления союза марксистов центра со «столь многими товарищами» из «Socialistische Monatshefte», которые, как мы видели, проповедуют в сущности отказ от социал-демократии...

Ревизионизм — вот враг германской социал-демократии, поскольку речь идет о внутренних условиях развития германского рабочего движения. Обострение классовой борьбы,

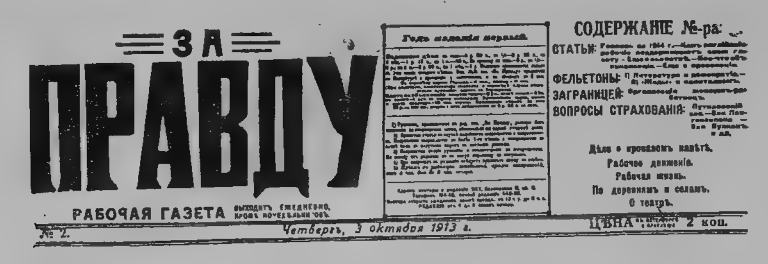
инициатива рабочих масс, надо надеяться, скоро подскажет старым вождям германской социал-демократии, что угроза движению лежит именно справа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1913 г., № 9, сентябрь; подпись—«Г. Зиновьев».

[2]) Англия после 1649 г. — т.-е. положение в Англии после казни короля Карла I, обвиненного в государственной измене, Англия была объявлена республикой, при чем власть фактически находилась в руках диктатора страны, Оливера Кромвеля, правившего Англиею на началах сурового подавления всяких попыток народной свободы.

[3]) События в Азии — ряд революций в различных ее странах, которыми изобиловала полоса 1911 — 1912 гг.: переворот в Персии (свержение власти шаха), революция в Китае (первое выступление недавно скончавшегося Сун-Ят-Сена), провозглашение независимости Монголии, революционное брожение в Индии.

ЗА ПРАВДУ

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ №-ра:

СТАТЬИ:

ФЕЛЬЕТОНЫ:

ЗАГРАНИЦЕЙ:

ВОПРОСЫ СТРАХОВАНІЯ:

Рабочее движеніе.

Рабочая жизнь.

По деревнямъ и селамъ.

О театрѣ.

№ 2. Четвергъ, 3 октября 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

ЛИЦЕМЕРЫ И РАСКОЛЬНИКИ [1].

Группа марксистов, знатоков страхового дела, при поддержке влиятельных рабочих организаций создает новый еженедельный журнал — «Вопросы Страхования», который должен стать органом самих рабочих, проводящих страховую кампанию. Шесть рабочих депутатов Государственной Думы, представляющих всю рабочую курию России и выражающих волю огромного большинства русского пролетариата, призывают рабочих помочь новому журналу в его трудном деле.

В это время господа ликвидаторы, якобы во имя «единства», подымают шум против не родившегося еще нового рабочего журнала.

Главный довод этих господ таков: ведь существует же наш (т.-е. ликвидаторский) журнал «Страхование рабочих»?! Зачем же вы создаете новый журнал? Это, мол, и есть «раскол». И далее следуют обычные жалкие слова, направленные к тому, чтобы запутать дело.

Хочется спросить господ из «Новой Рабочей Газеты»: не припомните ли вы, о, лицемерные сторонники единства, как и когда возникла первая ликвидаторская ежедневная газета «Луч»? Разве тогда не существовала уже давным-давно рабочая газета «Правда», созданная самими рабочими? Разве «Луч» не вышел накануне выборов в Государственную Думу и не внес хаоса в питерскую избирательную кампанию?

Вы скажете: зато линия «Луча» была правильнее линии «Правды». Ну, об этом пусть судят сами рабочие. Да они и дали уже оценку вашему отрицанию подполья, борьбе против «стачечного азарта» и т. д.

Но не в этом дело сейчас. «Вопросы Страхования» тоже уверены, что они будут защищать линию рабочих лучше, чем ликвидаторы.

И мы только спрашиваем вас: не лицемерите ли вы, когда приводите тот «довод», что не надо начинать второго органа, раз существует один?.. Иначе, как могли вы начать издавать «Луч», когда уже существовала «Правда»?..

Но ликвидаторы не только лицемеры, но еще и раскольники.

Они повели целую «кампанию» против 6 рабочих депутатов и против нового журнала. В политической организации рабочих ликвидаторы бессильны. В профессиональных союзах — тоже. В основных организациях рабочего класса ликвидаторство оценено уже достаточно.

А вот остались еще рабочие просветительные общества, в которых ликвидаторов еще кое-где терпят. И из этой-то последней «пушки» палят ликвидаторы. Просветительные общества они заставляют выступать против рабочих депутатов. Однако, и эти общества в большинстве выступают против раскольников-ликвидаторов, несмотря на все их усилия.

К чему поведет это? Да, конечно, только к тому, что внутри этих просветительных обществ пойдет междоусобица. Ибо ни один уважающий себя рабочий-марксист, член общества, не потерпит, чтобы от его имени правление общества выступало на подмогу обанкротившимся ликвидаторам и против рабочих депутатов.

Так мнимые сторонники «единства» на деле сеют раскол.

Люди, начавшие поход против нового рабочего журнала «Вопросы Страхования», — лицемеры и раскольники.

Пройдет короткое время, новый журнал станет на ноги и спаяется с рабочими. Ликвидаторские крики против него уже для всех покажутся жалкими и смешными. А пока нашим товарищам бросают палки под колеса и мешают выполнить насущное для рабочих дело, — наш долг сплотиться всем, поддержать морально и материально журнал «Вопросы Страхования».

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 7, от 11 октября 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

Газета «За Правду» выходила с 1 октября 1913 г. (день закрытия «Правды Труда») по 5 декабря того же года. Всего было 52 №№. Издателем подписывался Н. И. Черемовский, редакторами — И. Я. Гединский, Д. Е. Фокеев, П. П. Ефимов, А. М. Федоров.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ (¹).

I.

Свобода коалиции и ликвидаторский либерализм.

Спор марксистов с ликвидаторами вокруг значения лозунга «свобода коалиции» теснейшим образом связан с **основами** тактики той и другой стороны. Выяснить до конца этот спор, установить точные рамки разногласий в этом вопросе является самым насущным делом. А между тем ликвидаторы делают все от них зависящее, чтобы засорить этот спор извращениями, мелкими постановками и т. п. Перескакивая с одной ноги на другую, ликвидаторы чуть не каждый день дают различное толкование своей постановке «коалиционной кампании». Что ни ликвидаторский писатель, то своя особая «философия» этой кампании.

Однако, самым излюбленным приемом почти всех ликвидаторов является представлять дело так, будто мы, марксисты — против свободы коалиции. Это такой вздор, на который и возражать серьезно не стоит. Всякий сознательный рабочий понимает, что свобода стачек, собраний и союзов (свобода коалиции) **нужна**, **необходима** нам, как воздух для легких, как хлеб насущный. Марксисты с тех пор, как они существуют в виде определенного течения, не перестают распространять эту азбучную истину среди самых широких слоев рабочих. Наш учитель Карл Маркс обрушился со всей жестокостью своего бичующего сарказма на представителя мелкобуржуазных взглядов Прудона, который «доказывал», что свобода коалиции не нужна рабочим, что стачки бесполезны, так как «норма заработной платы определяет цены товаров», т.-е. не надо-де бастовать, ибо при проигрыше все равно будто бы рабочие завоевания пропадут из-за соответственного повышения цен на предметы необходимости, которые должен покупать и рабочий.

Маркс писал в 1873 году: «Нет права на коалицию, — говорит Прудон, — как нет права на обман и на воровство, как нет права на кровосмешение и прелюбодеяние». И Маркс саркастически прибавил по адресу Прудона: «Зато наверное существует право на **глупость**» *).

*) См. недавно «открытую» Н. Рязановым статью Маркса «Политический индифферентизм». Статья по-немецки появилась в «Neue Zeit».

40 лет назад Маркс сводил последние счеты с мещанскими взглядами тех, кто «научно» отрицал свободу коалиции. А нам подсовывают эту «глупость» теперь и пытаются обмануть рабочих, будто русские марксисты теперь проповедуют анархистско-прудонские взгляды.

Поистине — покушение с негодными средствами!

А между тем не далее как в последней книжке «Нашей Зари» г. Н. Гарви повторяет этот прием и пишет:

— «В какой еще стране мыслимо, чтобы «последовательные марксисты» внушали рабочим, что свобода коалиции — самое классовое требование пролетариата — является либеральным лозунгом». («Н. З.», № 7—8 стр. 57).

Это звучит громко и патетически. Но от этого оно не перестает быть простой... неправдой... Никогда и нигде мы не объявляли свободу коалиции «либеральным лозунгом». И от того, что Д. Маевский, Гарви и пр. повторяют эту неправду, ложь не становится истиной.

Мы говорили и говорим лишь то, что русские ликвидаторы ставят вопрос о свободе коалиции не социал-демократически, а либерально.

Требование свободы коалиции содержится в очень многих программах различных политических лагерей. В Германии, например, даже желтые союзы (т.-е. штрейкбрехерские организации, находящиеся на откупу у буржуазии) пишут в свою программу свободу коалиции. В России кадетская партия — на бумаге, по крайней мере, — признает свободу коалиции. Но разные политические лагери по-своему понимают этот лозунг, по-своему его истолковывают, по-своему связывают его со всей своей политической линией.

Значит, в известном смысле, как будто все три главных политических лагеря (реакция, либералы, социал-демократы), по крайней мере в передовых европейских странах, — признают свободу коалиции. И весь вопрос в том, как именно истолковывают эти три лагеря данный лозунг, какая политическая тактика стоит у них за этим лозунгом, какое живое реальное содержание получает он у них.

Либералы, конечно, смотрят и на этот лозунг по-либеральному. Не будут же отрицать и писатели из «Новой Рабочей Газеты», что, например, кадеты, вписав в свою программу свободу коалиции, отстаивают ее не иначе как либералы. Зна-

чит, возможна и либеральная постановка «борьбы за свободу коалиции». Не всякий, кто говорит — «я за свободу коалиции», тем самым становится уже социал-демократом. И вот вопрос только в том, какую постановку борьбы за свободу коалиции дают ликвидаторы: либеральную или социал-демократическую. Мы утверждаем, что ликвидаторы гораздо ближе к либеральной постановке вопроса. Мы доказывали это неоднократно на целом ряде иллюстраций из живой практики. В этом — все дело.

Что говорят русские либералы о свободе коалиции? Они не против нее. Они в известном смысле за нее. Они не стоят за «безграничную» (т.-е. действительную) свободу коалиции. В этом их отличие от ликвидаторов. Но они не верят в путь. Они полагают, что единственно серьезной (реальной) политикой является план — отказаться от «несбыточных» требований и бороться за частичные улучшения на почве данного.

Они полагают, что путь медленного и постепенного реформизма является единственно возможным. Но жизнь каждый день бьет по лбу либералов и доказывает безнадежность реформизма, а либералы, с упорством, достойным лучшей участи, все-таки продолжают твердить: частичные реформы, частичные реформы, частичные реформы, частичные реформы!

И вот в последнем отношении ликвидаторы во всей своей повседневной политике сбивают именно на этот либеральный путь. Они давно провозгласили, что рабочее «подполье» вредно.

Они давно заявили, что рабочий класс должен отказаться от идеи гегемонии, т.-е. от роли руководителя освободительной борьбы, ставящей себе общие широкие цели. Они давно говорят, что рабочий класс, отказавшись от роли руководителя во всей освободительной борьбе, должен ограничиться теперь своими «чисто рабочими» требованиями, как свобода коалиции и т. д. Они проповедуют рабочим трезвенную политику борьбы за частичные права вместо старых целей. Они договариваются до того, что и Дума (3-я и 4-я) может «дать» рабочим свободу коалиции. Они объявляют борьбу рабочих «стачечным азартом» и советуют рабочим, как якобы более сложное и высокое орудие борьбы, — петицию. Они вырывают вопрос о свободе коалиции из всей общеполитической обстановки в России. Они не связывают этого требования со всем политическим положением, поэтому они на деле не борются и за свободу коалиции, а лишь болтают о ней, подобно либералам.

Вот почему марксисты говорят:

Свобода коалиции—не есть либеральный лозунг.

Свобода коалиции насущно необходима рабочим.

А ликвидаторская «борьба» за свободу коалиции есть либеральная «борьба», есть отказ от старого знамени, есть проявление буржуазного влияния на пролетариат.

Но мы, — говорят ликвидаторы, — проповедуем свободу коалиции не вместо, а вместе со старыми общими требованиями. Так ли это?

II.

Свобода коалиции и политическая педагогика.

В №№ 53 и 54 «Новой Рабочей Газеты» помещены две статьи «Свобода коалиции и неурезанные лозунги», в которых автор (М. Островский) приводит в защиту ликвидаторской позиции несомненно лучшее из того, что ликвидаторы вообще могут сказать в пользу своей тактики в вопросе о свободе коалиции.

— Мы, — говорит автор, — вовсе не отвергаем основных «неурезанных» лозунгов. Мы выдвигаем свободу коалиции не вместо них, а во имя их. Массы не поняли бы нас, если бы мы начали прямо с неурезанных лозунгов. Массы еще не созрели для этого. В интересах скорейшего воспитания мы употребляем хороший педагогический прием: мы начинаем с понятного и доступного лозунга «свобода коалиции» с тем, чтобы постепенно довести массы до сознания необходимости неурезанных общих требований.

— «Если значение этих «неурезанных» требований ясно с.-д. передовым рабочим, то отсюда еще не следует, что оно ясно широким массам... Свобода коалиции является требованием наиболее близким, наиболее тесно связанным с повседневной борьбой рабочего класса... Не вместо общих неурезанных требований, а во имя их выдвигаем мы лозунг свободы коалиции» (см. «Н. Р. Г.», № 53).

Этот взгляд заслуживает особо тщательного разбора. Он очень распространен среди «лучших» из ликвидаторов. И он

действительно с поверхностной точки зрения как будто весьма благовиден.

Прежде всего — вопрос факта. Верно ли, что ликвидаторство, как целое, как определенное течение, ставит вопрос так, как утверждает М. Островский? Мы утверждаем, что нет.

Вот вам маленький эпизод из живой практики петербургской избирательной кампании. «Разъяснен» ряд уполномоченных с крупнейших фабрик и заводов.

Началась стачка протеста. Возникли большие рабочие собрания. В рабочей среде большое оживление. Надо дать обобщающий лозунг. На одном из крупнейших заводов (Семянниковском) руководящая заводская группа обсуждает вопрос о том, какой лозунг выдвинуть в резолюции рабочих... Марксисты говорят: надо из частного случая (лишения избирательных прав) апеллировать к системе, надо выдвинуть и обосновать наши «неурезанные» лозунги. А ликвидаторы соблазняют: надо выдвинуть лозунг... свободы коалиции.

Это очень характерный случай. Из него ясно, что речь идет не о том, чтобы кто-нибудь «отрицал» свободу коалиции. Речь идет о том, нужна ли в данную минуту старая и определенная линия за «неурезанные» старые требования. В этом действительное расхождение. Ликвидаторы считают, что лозунгом всей эпохи является свобода коалиции, и что дальше не надо делать ни шагу.

Не так давно газета «Луч» ясно и определенно заявила, что, по ее мнению, из «неурезанных» лозунгов общеполитический и земельный не могут служить предметом агитации в массах. И эту программу ликвидаторы последовательно проводят во всей своей политической работе. Исходя из такого взгляда на вещи, ликвидаторы называют главное требование эпохи «абстрактным», т.-е. отвлеченным, нежизненным, надуманным.

Таковы факты. Что пользы, если тот или иной ликвидатор (подобно М. Островскому) заявляет: я понимаю так, что свободу коалиции мы выдвигаем не вместо, а «во имя» неурезанных лозунгов? Для рабочей партии важно то, что на деле во всей работе ликвидаторство, как таковое, отвергает агитацию в массах за «три кита». Это и создает непримиримые разногласия между нами и ликвидаторами.

Но, тем не менее, разберемся далее,—правы ли хотя бы отдельные ликвидаторы, которые пытаются истолковать позицию

ликвидаторов в лучшую сторону? Верны ли их взгляды по существу?

... Массы не поймут «неурезанных» лозунгов. Им они еще не ясны, — говорит М. Островский. Педагогика требует, чтобы мы начали с более доступного — со свободы коалиции.

М. Островский копирует тут худшие стороны «экономизма», т.-е. того ликвидаторского течения, которое процветало в России в конце 90-х и начале 900-х годов. «Экономисты» тоже уверяли, что русские рабочие не поймут идей и лозунгов борьбы за политическую свободу, и предлагали начать с более «понятного—с борьбы за копейку на рубль и за частичные права, проводить рабочего через несколько «стадий» или подготовительных классов».

Что отвечали им марксисты? Они говорили: рабочую массу нельзя рассматривать как нечто сплошное и однородное. Есть в ней и отсталая часть, и передовой слой. Мы должны отсталую часть подымать до авангарда, а не принижать авангард до отсталой части. Вы видите только низину пролетариата. Вы присоединяетесь к отсталым. А главное — вы клевещете на рабочую массу. Вы свою интеллигентскую нерешительность и свой оппортунизм сваливаете на массы рабочих. Эпоха такова, что призыв к борьбе за неурезанные лозунги *должен* иметь успех—и *будет* иметь — среди самых широких слоев рабочих масс.

То же самое теперь мы скажем людям, рассуждающим как М. Островский.

Да, сейчас вы найдете такие слои рабочих, которые не поняли еще даже необходимости свободы коалиции. Да, и сейчас движение часто *начинается* под флагом самых элементарных, самых азбучных требований. Но какова наша задача, *задача авангарда*? Приспособляться к этим отсталым слоям?

Мы утверждаем, что весь передовой слой пролетариев уже сознал необходимость «неурезанных» требований. И мы утверждаем далее, что вся эпоха такова, что эти три требования будут отстаивать огромные, миллионные массы рабочих.

Другого решения нет. Либеральный реформизм вянет и гниет на корню. Рабочая *масса*, миллионы рабочих должны приходить и *приходят* к защите «неурезанных» требований. Наша задача — облегчать им понимание этого, обобщать происходящее.

Общий тон нашей агитации в стране должен быть именно таков. Это не значит, что на любом собрании любой группы

*

представитель наших взглядов должен с места в карьер начать с «китов». Это уже действительно дело педагогики, дело такта. Но наша линия в целом «неурезанная».

Политическая «педагогика», которую предлагает М. Островский, — плохая педагогика. Он хочет, чтобы вся линия агитации была иная — «частичная», если можно так выразиться. Этим он тащит движение назад. Этим он отодвигает нас от нашей цели. Отдельный писатель может сколько угодно божиться, что он выдвигает лозунг свободы коалиции не вместо, а «во имя» неурезанных лозунгов. Но положение имеет свою логику.

Перед нами вопрос: какова будет наша работа? Что выдвинуть во главу угла сейчас, во всей нашей повседневной политической работе? Требование той или иной — пусть очень важной для рабочих — конституционной реформы, или общий вопрос о «неурезанном» пути? Мы за последнее. Ликвидаторы за первое. Ликвидаторство, как течение, делает это потому, что оно не верит в «неурезанный» поворот событий. Отдельные добродетельные ликвидаторы — потому, что они видят в «частичной» агитации хороший педагогический прием. Намерения последних хороши. Но добрыми намерениями вымощен ад. Нам важно дело, а не слова.

На деле плохие педагоги идут вместе с ликвидаторами. Говоря, что они действуют «во имя» неурезанных лозунгов, они на деле — под самым благонамеренным предлогом — отстраняют их из живой повседневной работы. Мы же говорим, что задача эпохи требует нести в самые широкие массы именно все «неурезанные» требования. Нас поймут в рабочей среде. Нас там уже понимают. Работа марксистов в этом направлении уже принесла огромные плоды.

III.

Свобода коалиции и классовая точка зрения.

У ликвидаторов есть еще один довод, которым они мотивируют необходимость выдвинуть на первый план свободу коалиции, а не «неурезанные» требования. Свобода коалиции — говорят они — есть чисто рабочее, чисто классовое требование, меж тем как общеполитическое «неурезанное» требование можно

рассматривать как «общенародное», т. е. такое, которое одинаково могут защищать различные слои населения, стоящие на точке зрения простого буржуазного демократизма. Мы не желаем топить классовое требование пролетариата в так называемых общенародных требованиях. Мы боремся за классовую чистоту наших лозунгов. Поэтому-де главным нашим лозунгом является свобода коалиции.

М. Островский в «Новой Рабочей Газете» так и пишет:

— «Чтобы обеспечить себя, рабочий класс должен выступить в борьбе самостоятельно. Лозунг свободы коалиции и имеет то значение, что не дает борьбе рабочих расплыться в «общенародной» борьбе. Он, этот лозунг, делает выступления рабочего класса самостоятельными классовыми выступлениями... Для с.-д., как передового отряда рабочего класса, важно не только, чтобы рабочий класс выступил на борьбу за общие политические требования, но чтобы он боролся за них во имя и под давлением своих собственных классовых интересов. Поступать иначе — значит играть на руку буржуазии» («Н. Р. Г.», № 54).

Читаешь и глазам своим не веришь. Какой поворот! Ликвидаторы начинают требовать, чтобы классовые требования не потоплялись в общенародных. Ликвидаторы поучают нас тому, что не надо «играть в руку буржуазии», отодвигая на задний план классовые требования!

Да ведь вы бьете нам челом нашим же добром, господа!

Ведь именно большевизм вошел в историю общественной мысли как течение, которое во все время бурной эпохи отстаивало классовую непримиримость пролетариата и все время боролось против растворения его требований в «общенародных» требованиях.

Неужели найдется хоть один сколько-нибудь добросовестный противник наш, который решится это отрицать?!

Вспомним основные исторические факты.

Кто во время всей бурной эпохи защищал необходимость объединения всей так называемой «общенациональной оппозиции»? Конечно, не мы, а наши противники. Спрашивается, какой же объективный смысл имел этот лозунг «общенациональной оппозиции»? Да, разумеется, тот, что на время рабочим предлагалось отодвинуть свои чисто классовые требования, чтобы объединиться с либеральной буржуазией. Общий враг — реакция. Против нее надо соединять все силы вплоть до буржуазии. Буржуазия будет отпугнута, если рабочие тут же будут про-

являть классовую непримиримость по отношению к ней самой. Вывод: интересы самого рабочего класса требуют-де, чтобы на время было отодвинуто то, что отделяет его от буржуазии, и выдвинуто на первый план то, что объединяет его с ней против старого режима.

Из этой ложной идеи «общенациональной оппозиции» вытекли все главные ошибки наших противников: их тактика блоков с кадетами на выборах, их ложные линии поведения в самой Думе, которые они навязывали 1-й и 2-й с.-д. фракциям, их либеральный взгляд на роль крестьянства, их «критика» позиции Совета Рабочих Депутатов, их ложный взгляд на соотношения экономической и политической борьбы и т. д.

Вспомним хотя бы оценку буржуазной эпохи, данную ликвидаторами после событий—в известном ликвидаторском сборнике «Общественное движение». И Мартов, и Кольцов, и Ерманский, и другие писатели-ликвидаторы, резко критикуя пролетариат за «переоценку» своих сил, специально подчеркивали, что главной «ошибкой» рабочих было то, что они слишком тесно связали свою политическую борьбу с экономической. Если бы Совет Рабочих Депутатов не потребовал 8-часового дня, он не отпугнул бы политических союзников из рядов буржуазии, и небольшой, но верный успех был бы достигнут. Не надо было так резко подчеркивать чисто классовые требования рабочих, надо было больше объединять «общенациональную оппозицию». Иначе говоря, надо было целиком сосредоточиться на «общенародной» борьбе.

Неужели же М. Островскому и «Новой Рабочей (?) Газете» не известны эти основные факты из нашей десятилетней борьбы? Неужели не знают они также, что как раз за защиту этой «общенародной» точки зрения контр-революционнейшие из либералов, пишущие в журнале «Русская Мысль», осыпали похвалами ликвидаторскую «историю» движения («Общественное движение в России в начале XX века»)? Неужели незнакомы они с похвальными отзывами подголосков Струве об этом «теоретическом» труде ликвидаторов как раз за то, что ликвидаторы не занимаются-де безвкусным преувеличением роли пролетариата? И неужели не знают они, что именно мы, марксисты, всегда боролись против либеральной идеи «общенациональной оппозиции», доказывая, что своей классовой борьбой рабочие не ослабляют общенародное движение, а дают ему новый размах, зовя рабочих искать себе союзников среди тех слоев буржуазной демократии

(крестьянство), которые действительно способны бороться не только за умеренную конституцию?

А теперь ликвидаторы доказывают нам, что нельзя топить классовые требования в «общенародных». Но они забывают, что мы-то и теперь в числе «неурезанных» требований поставили 8-часовой рабочий день — требование чисто классовое. Меж тем все ликвидаторы находят «ошибочной» борьбу рабочих за это классовое требование 8 лет назад. И нас хотят уверить, будто разногласие в том, что мы не желаем подчеркивать чисто классовые требования.

Да что об этом спорить! Прислушайтесь к тому, что говорит буквально вся буржуазия относительно споров марксистов с ликвидаторами, и посмотрите, что говорила она всегда во время споров большевиков с их противниками. Ведь это общеизвестный факт, что именно на нас она обрушивалась всегда за классовую непримиримость, а наших противников трепала по плечу за государственную мудрость, умеренность и прозорливость, т.-е. — именно за проповедь «общенациональной оппозиции», именно за готовность стирать классовые грани, именно за согласие потопить (о, конечно, только на время!) классовые требования в «общенародной» борьбе...

Так в чем же, однако, дело? — спросит иной читатель. Раз теперь и ликвидаторы подчеркивают классовые лозунги, так значит как раз и наступила пора для объединения марксистов и ликвидаторов.

В том-то и дело, что ничего этого нет, что ликвидаторы только заметают следы своей либеральной политики. Или — в лучшем случае — сами не замечают, что они фактически говорят самой обыкновенной либеральной прозой.

Свобода коалиции, несомненно, — классовое требование рабочих. Но нельзя брать его вне времени и пространства, нельзя забывать о том, в какой связи стоит оно с другими требованиями, как стоит дело с этим лозунгом в современной России в переживаемую эпоху.

В самом деле, ликвидаторы любят говорить, что свобода коалиции — самое классовое требование рабочих. Но обратите внимание на следующий факт. Именно лозунг известной свободы коалиции склонна выдвигать для рабочих и либеральная буржуазия, между тем как «неурезанные» требования (якобы неклассовые) для нее — нож острый.

Посмотрите на либеральную кампанию в 4-ю Думу. Почти все либеральные партии в свою платформу вписали известную свободу коалиции. Но ни одна из них не выдвинула «неурезанных» требований. Выходит, что «самый классовый» лозунг, который должен был бы отделять рабочих от буржуазии, на деле мог бы объединить рабочих с известными слоями буржуазии.

В чем дело? В том, что при современной обстановке в России именно отстаивание «неурезанных» лозунгов стало главной классовой задачей пролетариата. В них узел задачи, в них центр борьбы. Действительная свобода коалиции в России достижима лишь на пути «неурезанных» требований. А буржуазия подсовывает нам лозунги известной «свободы» коалиции именно для того, чтобы совлечь рабочее движение с «неурезанного» пути и направить его в русло реформистской борьбы за частичные права и отдельные конституционные реформы. А ликвидаторы на этот проложенный буржуазией путь и тащат движение.

Ликвидаторы говорят нам, что не везде в свободных странах существует такая полная свобода коалиции. Это верно. Они говорят нам далее, что не везде осуществление «неурезанных» лозунгов тем самым приносило рабочим свободу коалиции. И это во многих отношениях верно. Но что отсюда вытекает? Только то, что мы должны заботиться о таком подлинном осуществлении подлинно «неурезанных» лозунгов, чтобы свобода коалиции подлинно была обеспечена.

Это ли говорят ликвидаторы? Если бы они говорили это, согласие было бы полное. Но на деле они из своих якобы классовых и якобы марксистских предпосылок делают подсказываемый либеральной буржуазией вывод: в центре внимания должна быть поставлена свобода коалиции, а не «неурезанные» требования, неурезанные требования не могут служить предметом агитации в массах и т. д. Их «марксизм», их апелляция к классовым требованиям целиком пошли на потребу либеральной политики.

Наша позиция иная: свобода коалиции необходима рабочему классу как воздух, как хлеб насущный. Но он никогда не завоюет ее, если будет следовать советам либералов и ликвидаторов. В центре внимания должны быть поставлены «неурезанные» требования. Вопрос о серьезной реформе в современной

России упирается в вопрос о «неурезанных» требованиях. От своих чисто классовых задач рабочий класс отказываться не может ни на минуту. Именно его классовые интересы требуют в настоящую эпоху сосредоточиться на борьбе за «неурезанные» лозунги . . .

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», №№ 16, от 22 октября, 25 и 26, от 1 и 2 ноября 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ [1].

Страхование и «политика».

Можно ли и должно ли вносить «политику» в страховую кампанию? Допустимо ли в вопросах страхования приурочивать свою работу к политической линии той или иной партии? Или страхование — такая область, где партийность и политика неуместны, где серьезных политических различий нет, где, одним словом, все кошки серы?

Буржуазия и ее представители изо всех сил доказывают рабочим последнее: в страховое дело не надо, мол, вносить «политики». Повторяется та же история, что с профессиональными союзами. Буржуазия—за то, чтобы «дать» рабочим «некоторую свободу» союзов. Но.. но только с условием, чтобы рабочие не вносили «политики» в союзы, чтобы они ограничивались маленькой взаимопомощью, сидели бы тихо и смирно и не совали бы нос туда, где их «не спрашивали».

...Политику предоставьте нам, господам жизни! Уж мы позаботимся об этом. А вы... ваше дело маленькое. Где же вам, при вашем недостаточном образовании и недостаточной культурности, заниматься таким делом, как политика?.. Дали вам страховые законы, — ну и страхуйтесь, несите членские взносы, производите слепые и немые выборы, слушайтесь начальства и не вносите политики в «беспартийное» дело страхования!..

Упорно и настойчиво «представители» рабочих классов проповедуют рабочему классу, что политика ему не нужна, что она вредна для него, что она губит его собственное рабочее дело. Но стоит только рабочему посмотреть на своих же собственных классовых врагов, чтобы понять, какое значение на деле имеет политика. Те самые господа, которые нам проповедуют пользу воды, сами пьют вино; распинаясь за то, что «политика» нам вредна и губительна, они сами всякий вопрос, хотя бы самый ничтожный, обсуждают именно с точки зрения своих политических интересов, своих партийных взглядов. Живой пример — как раз вопрос о страховании. Вспомните, сколько совещаний и конференций имели помещики, промышленники, чиновники в связи со страховым законом. Разве правые октябристы и кадеты не вносили на каждом шагу «политику» в обсуждение вопроса

о страховании? Только это была политика черносотенная, буржуазная, а не рабочая, не социал-демократическая. Вот и вся разница.

План задуман очень «тонко». Пусть рабочий сам оденет себе шоры на глаза, пусть он не смотрит дальше своего носа, пусть топчется на отведенном ему клочке. Но пусть не смеет он смотреть на всю общественную жизнь в целом, пусть не старается вникнуть во все пружины, в весь механизм современного уклада жизни... Что и говорить — прекрасный план с точки зрения... буржуазии. Но русский рабочий уже достаточно вырос, чтобы только посмеяться над теми радетелями рабочего класса, которые советуют ему не заниматься политикой, а оберегать свои «чисто рабочие» интересы.

В страховое дело рабочие должны внести свою рабочую политику. Каждый шаг свой в страховой кампании они должны оценить с точки зрения своих общих политических интересов. Только при этом условии они смогут хоть чего-нибудь добиться для себя от страхования.

Взять хотя бы вопрос о больничных кассах. Их свыше 3000 во всей России. Худо ли, хорошо ли, это — рабочие ячейки. И передовые рабочие давно сказали совершенно открыто: эти страховые рабочие ячейки мы, рабочие, используем для укрепления пролетарской организации; мы сделаем из них опорные пункты рабочего движения; мы постараемся при их помощи укрепить экономическую и политическую организацию рабочего класса. Так поступали рабочие на Западе, так поступим и мы... Мы должны особенно дорожить каждой пядью, завоеванной при помощи открытой организации рабочих.

Из реакционного лагеря, разумеется, раздаются вопли о «преступных замыслах», крамоле и т. п. Пусть кричат! Рабочим к этому не привыкать стать. Еще в мае 1908 года вице-директор департамента полиции Харламов на междуведомственном совещании выдал аттестат зрелости русским рабочим и их организациям ([2]). Вопрос шел о представительстве рабочих и предпринимателей в губернских страховых присутствиях. Харламов рядом цитат из рабочей печати доказал, как дважды два, что рабочие организации обратят это представительство в опорный пункт для своей «противоправительственной» деятельности; Замысловский, Пуришкевич, Курлов и К° в Государственной Думе неоднократно доказывали то же самое. Чудаки! Они хотели бы,

чтобы рабочий, как карась, любил, чтобы его жарили в сметане: Сказано ему: «не занимайся политикой, не смей организовываться», — и он должен слушаться.

Больничные кассы рабочим нужны не для того, чтобы они радовали глаз господ Харламовых или тех буржуа, которые ждут от страховой реформы шивесть каких социальных чудес. Они нужны рабочим для их пролетарского дела, для их движения, для их экономических и политических интересов. Вот почему для рабочего движения особенно важно и то, чтобы состав рабочих уполномоченных был вполне выдержанный, вполне марксистский.

Кто согласится со всем сказанным выше, тот легко поймет спор марксистов и ликвидаторов вокруг страховой кампании.

Ликвидаторы в этом вопросе поддаются влиянию буржуазии и тоже склонны кричать, что в страховое дело не надо вносить «политики». Отсюда они и делают тот ложный вывод, что все равно кого выбирать в уполномоченные: беспартийного, народника, ликвидатора, марксиста, — только бы он знал страховое дело. Л. М. в «Нов. Раб. Газете» откровеннее других ликвидаторов договорился до этой идеи беспартийности в страховой кампании. Ликвидаторы все более разучиваются смотреть на вещи как социал-демократы и все больше выступают как беспартийная группа интеллигентов, проводящих влияние буржуазии на пролетариат.

Тот рабочий, который действительно хочет оправдать лестный отзыв Харламова, должен добиваться, чтобы все рабочие уполномоченные, как один человек, были марксисты. Только тогда рабочие полностью извлекут из страховой кампании все, что можно из нее извлечь.

Разумеется, надо выбирать людей способных, энергичных, разбирающихся в вопросе. Но ниоткуда не видно, чтобы этаких людей было меньше среди марксистов, нежели среди беспартийных, ликвидаторов и т. п. Наоборот!

Разумеется далее, что надо оберегать единство страховой кампании, что в ходе ее надо сплачивать самые широкие круги рабочих. Но если мы будем проводить марксистскую линию, это вовсе не значит, что произойдет раскол. Пример петербургских металлистов лучше всего это доказывает.

Всюду в передовых странах Запада политическая организация рабочих вместе с с.-д. профессиональными союзами про-

водит на страховые должности от рабочих социал-демократов. Если бы там были люди, которые боролись бы против данной рабочей партии и разрушали ее (как наши ликвидаторы), — с ними на всех аренах была бы непримиримая борьба, в том числе — и на страховой арене.

За единство страховой кампании под испытанным знаменем!

Таков должен быть пароль всех передовых рабочих.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 16, от 22 октября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Аттестат зрелости — состоявшееся в мае 1908 г. «особое междуведомственное совещание по рабочему вопросу» под председательством товарища министра торговли и промышленности Остроградского. Представителем министерства внутренних дел был временный вице-директор департамента полиции Харламов, затем не угодивший своему ведомству, переведенный в департамент духовных дел и окончательно скомпрометировавший себя в глазах начальства расследованием черносотенной деятельности иеромонаха Илиодора в Поволжьи.

«ПРАВДИСТСКОЕ ПОВЕТРИЕ» (1).

Это словечко брошено на-днях сотрудником ликвидаторской «Новой Рабочей (?) Газеты», рекомендующим себя «примиренцем» — Эм-Эл. «В среде петербургского пролетариата» свирепствует, видите ли, «правдистское поветрие» (см. «Н. Р. Г.», № 58), и этим объясняются неудачи ликвидаторов и ликвидаторствующих примиренцев.

Относительно этих примиренцев давно уже идет среди рабочих молва, что они отнюдь не принадлежат к числу самых умных защитников ликвидаторства, но Эм-Эл все-таки побил рекорд. Подумайте, как гениально-просто его открытие! Нежданно-негаданно заболел петербургский пролетариат «правдистским поветрием», да и только. Воздух что ли такой плохой уж в Петербурге, или для процветания хилого ликвидаторского растения требуется более южный климат, но факт таков: сами ликвидаторы устами Эм-Эл признают, что наш героический столичный пролетариат, у которого учатся бороться рабочие всей России, пошел по правдистскому пути. Правда, это давно уже ни для кого не секрет. Но все-таки нельзя не поблагодарить Эм-Эл за ценное признание.

«Правдистское поветрие!» Жаль, что Эм-Эл не сговорился с другим сотрудником «Новой Рабочей Газеты», а именно с Л. М. (2). Этот последний еще совсем недавно доказывал, что мы, марксисты, — собственно, «сектанты», идущие «против» рабочих. И он блестяще подтвердил эту свою мысль ссылкой на то, что... за нашу линию недавно высказалась такая «секта» как союз 7.000 питерских металлистов.

«Правдистское поветрие!..» Бедные примиренцы! Для них вся происходящая внутри рабочего движения борьба направлений всегда была книгой за семью печатями. Примиренцы, — по крайней мере, некоторые из них, — имели... наивность верить таким... прямодушным политикам, как Ф. Д. (3), будто за ликвидаторами «девять десятых» рабочих. А теперь смотрят — на политической арене ликвидаторство разбито, в профессиональном движении — тоже, в страховой кампании — тоже. «Примиренец» ищет причин этого разгрома. Действительного смысла событий он не понимает. И, недоуменно разводя руками, он ставит диагноз: не иначе, как поветрие правдизма...

«Правдистское поветрие!» Эм-Эл этим определением затронул нешуточный вопрос. Каков в самом деле подлинный отклик рабочих масс на важный спор марксистов с ликвидаторами?

«Примиренчество», как «течение», главной своей задачей ставило — во что бы то ни стало не допустить до того, чтобы наши разногласия пошли на суд самих масс; чтобы широкие круги рабочих разобрались в вопросе — марксизм и ликвидаторство. Именно в этом примиренчество видело смысл своего существования. Разбор разногласий перед массами они объявили худшим видом раскола. Все споры надо-де решить «соглашением» и «компромиссом» на верхах, в узком кругу представителей различных «течений». Нам, марксистам, пришлось выдержать большую борьбу за одно то, чтобы перенести принципиальный спор по существу на суд рабочих масс.

И вот этого мы, наконец, теперь достигли. Основы расхождений стали известны самым широким кругам рабочих. Рабочие сами увидели на деле, что проповедуют ликвидаторы, и что предлагают марксисты. Теперь не мелкие кружки и интеллигентские «течения», теперь сам пролетариат высказывает свое мнение о тех разногласиях, которые существуют между ликвидаторами и марксистами. От этого, конечно, происходит не раскол, а только упрочение действительного единства самих рабочих, единства снизу. Но для ликвидаторства от этого получаются большие неудобства. Весь цвет пролетариата, подавляющее большинство рабочих организаций, когда до них дошел подлинный спор двух направлений, высказались единодушно за марксизм, п р о т и в л и к в и д а т о р с т в а.

Вот они, действительные источники «правдистского поветрия». «Правдистское поветрие» владеет рабочим Петербургом, оно сильно дает себя знать также и в Москве, на Юге, в Польше — всюду, где подымается на борьбу рабочий. И то ли еще будет, господа ликвидаторы! «Правдистское поветрие» скоро охватит всю рабочую Россию. Грозные признаки «стачечного азарта», «большевистской разнузданности», «правдистского поветрия» наблюдаются уже в очень и очень многих местах. Благополучных по «правдистскому поветрию» мест осталось совсем мало...

«Безумие стихии» — так характеризовали либералы великий размах рабочей борьбы 8 лет тому назад. И больше всего они винили за это «безумие» марксистов-большевиков. «Правдист-

ское поветрие!». Это только другое выражение для того же понятия: «безумие стихии».

Но что поделаешь! Такова уже судьба русских рабочих. Чем больше размах движения, чем резче стоит рабочий класс на своих старых «безумных» лозунгах, чем непримиримее выступает он за неурезанные требования, тем больше огорчает он либералов и ликвидаторов...

В ответ на плач и стенания ликвидаторов передовые рабочие России воскликнут: да здравствует это так называемое «правдистское поветрие!» Ибо это на деле — не болезнь, не скоропреходящее увлечение, не мимолетный порыв. То, что ликвидаторы и либералы называют «поветрием» и «безумием», на деле совсем другое: крепнет у рабочих решимость к борьбе под знаменем последовательного марксизма за старые цели, и в этой борьбе рабочие решительно отстраняют от своего пути все дряблое, половинчатое, нерешительное, путающееся в ногах!..

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 19, от 25 октября 1913 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Л. М. — инициалы Л. Мартова; буквами «М. Л.» обозначены — в обратном порядке — тоже начальные буквы его имени и фамилии.

[3]) Ф. Д. — инициалы меньшевика-ликвидатора Ф. Дана (Гурвича).

ФАБРИКАНТЫ О РАБОЧИХ СТАЧКАХ (1).

I.

Размеры и характер стачек.

Общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района только что выпустило в свет свой бюллетень, № 17, дающий обзор рабочего движения за первое полугодие этого года, т.-е. за январь-июнь 1913 года. Тщательно следят хозяева за каждым нашим шагом. О, если бы рабочие были в такой же мере осведомлены обо всем том, что делается в лагере фабрикантов и заводчиков!

Обзор отмечает прежде всего благоприятное положение промышленности. Ожидавшийся кризис отсрочен. Признаки приближения экономического кризиса, замечавшиеся в начале года, вскоре сменились более благоприятными признаками. Спрос на рабочие руки продолжает возрастать. На 41 металлическом предприятии петербургского округа число занятых рабочих возросло с 41.470 до 69.886 (на 68,5%). В московском округе число занятых рабочих металлистов с конца 1911 года до конца 1912 года повысилось с 55.685 до 60.419 и т. д.

Вздорожание цен на пищевые продукты продолжалось все время и даже, по признанию хозяев, «стало ощущаться еще более сильно». Заработная плата остается почти на одном уровне. Все это, по мнению господ фабрикантов и заводчиков, создавало условия, благоприятствовавшие развитию стачечного движения.

Главный итог московских фабрикантов таков.

Участвовало в стачках за первую половину 1912 и 1913 гг.:

	1913 г. (январь-июнь).	1912 г. (январь-июнь).
Политические и демонстративные стачки	432.000	515.000
Экономические:		
в фабрично-заводской промышленности	173.090	133.900
в горной промышленности	9.400	7.100
Итого	614.490	656.000

В первой половине 1913 года, по подсчетам фабрикантов, участвовало, таким образом, в политических стачках

432.000 человек и в экономических 182.490 человек. Число участников политических стачек упало, по сравнению с 1912 годом, на 83.000, число экономических стачечников поднялось на 41.490 человек.

Цифры эти, несомненно, чрезвычайно преуменьшены. Господа фабриканты и сами не претендуют на точность, но они явно стараются преуменьшить размах рабочего движения. Достаточно для примера указать на следующие цифры. По подсчетам фабрикантов, 1 мая 1913 года по всей России бастовало 195.000 человек, в том числе в Петербурге — 110.000. А между тем, по подсчетам рабочей газеты, в одном Петербурге 1 мая 1913 года бастовало до 250.000 человек. 9 января 1913 года, по подсчетам фабрикантов, в Петербурге будто бы бастовало только 55.950 человек, а всего, по всей России — 85.000 чел. В годовщину Лены — в Петербурге 55.000 человек, по всей России — 74.000 человек и т. д. Тут цифры явно преуменьшены, по крайней мере, вдвое. А если еще учесть, что в подсчеты фабрикантов вовсе не вошли ремесленные рабочие (даже печатники), рабочие городских предприятий и т. д., то выйдет, что цифру 614 тысяч надо будет, по крайней мере, помножить на 2.

Относительно экономических стачек обзор содержит более подробные сведения. Так, по районам эти стачки распределены следующим образом:

Районы.	Число стачечников в тысячах человек за 6 месяцев.		Прибавилось (+), или убавилось (—).
	1913 г.	1912 г.	
Московский	46,4	41,9	+ 4,5
Петербургский	42,8	40,4	+ 2,4
Южный	21,0	19,3	+ 1,3
Прибалтийский	8,3	13,9	— 5,6
Царство Польское	52,5	16,7	+ 35,8
Прочие районы	2,1	1,6	+ 0,5

Некоторый упадок экономической стачки даже господа фабриканты открыли только в Прибалтийском крае. Во всех остальных районах экономическая стачка возросла. Особенно в Царстве Польском, где она выросла за 6 месяцев на целых 35,8 %.

Наибольшее число бастовавших фабрично-заводских рабочих падает на текстильную промышленность (81.405 чел.). В металлообрабатывающей промышленности—68.932 чел., а в прочих отраслях — 22.753.

Число потерянных рабочих дней у экономических стачечников в фабрично-заводской промышленности за 6 месяцев 1913 г. равно 1.407.304 против 1.305.007 дней, потерянных в первую половину 1912 года. Заработной платы рабочие потеряли за это время 1.363.526 руб. против 1.248.904 в 1912 году. А «прямые убытки» промышленников, по московскому подсчету, составили 793.593 руб. против 767.443 руб. в 1912 году.

Господа московские фабриканты и заводчики очень хотели бы «констатировать» большой упадок политических стачек. Но как ни преуменьшают они цифры, к этому «отрадному» выводу они все же не решаются притти. «Мы полагаем, — вынуждены они заявить, — что еще *преждевременно* рассматривать эти обстоятельства как признаки минования максимума политического стачечного движения. Повидимому, демонстративные однодневные стачки, в виду их безрезультатности (?), теряют (??) симпатии в рабочих кругах, но зато стачечная энергия начинает выливаться в формы стачек, направленных против предпринимателя и имеющих не столько экономическое, сколько тактическое и этическое содержание» (стр. 18).

В такой туманной и малограмотной форме господа московские фабриканты и заводчики признают общеизвестный факт, что у нас политическое стачечное движение постоянно переплетается с экономическим и обратно.

Но напрасно обольщаются московские Кит Китычи «потерею» симпатий к политическим стачкам у рабочих. Рабочие вовсе не считают «безрезультатным» свое великое движение 1912—13 гг. Для политического просвещения всей демократии, для сплочения рабочих указанные стачки были отнюдь не безрезультатны.

В одном только правы господа фабриканты и заводчики: об упадке политического стачечного движения говорить преждевременно. Зато вполне своевременно, господа, говорить о продолжающемся неуклонном росте этого движения. Никакие ваши «выкладки» не помогут замалчиванию этого факта.

II.

«Экономика» и «политика».

Таковы размеры забастовочного движения за первое полугодие 1913 года по тем, хотя и преуменьшенным, данным, которые опубликовали московские фабриканты и заводчики.

*

Присмотримся теперь к причинам экономических стачек, как они рисуются обзором московских фабрикантов. Из-за чего бастовали рабочие? Какие требования они предъявляли в своих экономических забастовках? Нижеприводимая табличка дает ясный ответ на этот счет:

Требования бастовавших рабочих:	Число стачечн., предъявив. требования.	%% ко всему числу.	Число стачек.
Увеличение заработной платы	126.179	73	348
Удаление служащих	54.352	31	52
Вежливое обращение	42.296	24	44
Требования в связи с открытием больничных касс	28.164	16	18
Сокращение рабочего дня	18.804	11	41
Отмена штрафов	17.808	10	8
Улучшение санитарных условий и медицинской помощи	16.255	9	30
Введение института старост	12.294	7	8
Освобождение арестованных (в связи с экономическими требованиями)	12.888	7	2
Возвращение уволенных рабочих	9.825	6	24

Итак, огромное число всех экономических стачек в первые 6 месяцев нынешнего года, как и следовало ожидать, происходило в связи с требованием увеличения заработной платы. Кто сколько-нибудь знаком с действительным уровнем заработной платы русских рабочих, кто обращал внимание на голодные цифры, которыми характеризуется нищенская оплата миллиона русских текстильных рабочих, тот не удивится, что $^3/_4$ всех наших экономических стачек происходят под требованием увеличения заработной платы.

Видное место среди экономических стачек занимают конфликты из-за требования вежливого обращения и удаления наиболее «махровых» представителей администрации. 96 тысяч стачечников выставляли эти требования за первое полугодие 1913 года. Страховых стачек зарегистрировано фабрикантами 18, с 28.164 участниками. 41 стачка связана с требованием сокращения рабочего дня. Отмечая эти стачки, господа фабриканты прибавляют от себя:

— «Не следует упускать из виду, что в некоторых случаях рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня, каковое требование занимает обычно второстепенное (?) место и служит лишь лозунгом, а не является требованием момента».

Любопытны данные о силе и степени упорства экономического стачечного движения фабрично-заводских рабочих по районам. Бастовало:

Районы.	Число бастовавших рабочих.	Число потерянных дней.
Московский	43.518	287.418
Петербургский	39.907	510.806
Южный	20.978	68.553
Царство Польское	38.179	455.657
Прибалтийский	6.451	89.870
Всего	149.033	1.412.304
За первую половину 1912 года было	115.177	1.305.007

Сила экономического движения значительно возросла. По числу бастовавших на первом месте стоит Московский район, но по упорству, по силе движения на первом месте стоит Петербургский район. Господа фабриканты правильно замечают, что судить о силе и глубине стачечного движения следует не по числу бастовавших, а по числу потерянных рабочих дней. И вот, в Петербургском районе приходится средним числом 12 потерянных дней на каждого бастовавшего, а в Московском районе — только около 7 дней. В Московском районе движение идет пока только вширь, в Петербургском — и вширь, и вглубь.

В царстве Польском движение сразу разразилось и широко, и глубоко (около 12 дней на каждого стачечника). В южном районе темп движения слабый (3 дня на 1 стачечника). В Прибалтийском крае число бастующих было сравнительно невелико, но упорство стачечного движения достигло высших пределов (около 15 дней на каждого стачечника).

Как это ни печально для господ фабрикантов, а и они вынуждены признать, что экономическая стачка растет, что от нее теперь веет еще большей мощью, свежестью, силой. Но господа

фабриканты не видят, что этим самым признанием они засвидетельствовали также увеличение силы политической стачки. Ведь «политика» и «экономика» в нашем рабочем движении все время идут рука об руку, догоняя и обгоняя друг друга, сливаясь друг с другом и взаимно дополняя друг друга. Те же московские фабриканты сами пишут: «Сдвиг рабочих с линии собственно экономической борьбы в последние два года наметился довольно ясно, и трудно предвидеть дальнейшую его эволюцию».

Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то только тот, что чисто экономические стачки часто осложняются элементами политики и обратно. Стачка экономическая сливается со стачкой политической. Экономическая стачка дает новые силы политическому движению. Политическая стачка будит новые слои и вовлекает их в экономическую борьбу и т. д.

Возьмите недавнее московское движение. Кто разграничит в нем элементы «политики» от «элементов экономики»? Для г. московского градоначальника вопрос прост: стачечники требовали освобождения из тюрьмы своих товарищей; требование — не экономическое. Значит — стачка политическая. Для московских Тит Титычей вопрос ясен: трамвайщики требовали улучшения условий труда. Значит — стачка экономическая. На самом деле в московской стачке наглядно переплетались экономика с политикой.

Все стачечное движение в России идет под этим знаком. Экономика и политика только две стороны одного и того же явления. На определенном пункте оба потока сливаются в один, образуя еще более сильный, еще более могучий напор. Своеобразие русских условий и создает ту массовую стачку, которая проходит перед нашими глазами, окрашивая всю эпоху и стремясь ко все большему и большему развитию...

III.

Результаты стачек.

Рассмотрим теперь, как распределяются стачки за 6 месяцев 1913 г. по отраслям промышленности, и какова была успешность стачек, согласно обзору господ фабрикантов.

Нижеследующая табличка дает ответ на первый вопрос.

Районы.	Металлообрабатывающая промышленность.		Текстильная.		Прочие производства.	
	Число бастовавших рабочих.	Число пропущенных дней.	Число бастовавших рабочих.	Число пропущенных дней.	Число бастовавших рабочих.	Число пропущенных дней.
Московский . . .	11.197	66.144	25.352	178.222	6.969	43.052
Петербургский .	26.505	323.549	6.468	93.660	6.934	93.597
Южный	19.030	58.540	—	—	1.948	10.013
Прибалтийский .	4.611	69.730	306	2.561	1.534	17.570
Царство Польское	1.874	15.156	35.224	42.859	1.078	11.542
Всего за первую половину 1913 г.	63.217	533.119	67.350	317.302	18.463	175.774
За первую половину 1912 г. .	43.739	573.023	49.501	395.229	21.977	336.755

Стачечное движепие растет в обеих основных отраслях — и в металлической, и в текстильной группах.

Число стачечников-металлистов увеличилось, по сравнению с прошлым годом, почти на 50 процентов, хотя число потерянных металлистами дней держится приблизительно на одном и том же уровне. По количеству бастовавших металлистов на первом месте стоит, конечно, Петербургский район. Недаром Петербург идет во главе всего стачечного движения в течение всего последнего периода.

Число стачечников-текстильщиков, по сравнению с 1912 годом, тоже увеличилось почти на 35%, а число потерянных ими во время стачек рабочих дней увеличилось почти вдвое. Другими словами, упорство стачечного движения среди текстильных рабочих за первые 6 месяцев этого года очень сильно возросло. Примкнул к борьбе Польский район. Московский район только еще просыпается. Положение текстильных рабочих во Владимирской и особенно в Костромской губерниях настолько вопиюще, что возникновение там серьезнейшего экономического движения, безусловно, — вопрос близкого времени.

Крайне любопытны те сведения, которые господа фабриканты приводят относительно результатов стачек в фабрично-заводской промышленности империи в первой половине 1913 года. На основании фабрикантских данных рисуется следующая картина:

Отрасли производства.	Потерпели поражение.	Получили удовлетворение частичное или полное.	Не выяснен результат.
Металлообрабатывающая .	28.899	19.942	14.376
Текстильная	28.160	20.212	28.981
Прочие производства. . .	5.690	5.201	7.572
Всего за первую половину 1913 года.	62.749	45.355	50.929

Выходит, по данным господ фабрикантов, что из всех экономических стачечников полную и частичную победу одержали только 35.355 человек. В переводе на проценты получается, что из каждых 100 бастовавших потерпели поражение 42, выиграли (полностью или частью) — 24 и неизвестен результат относительно 34.

Если бы это действительно было так, это значило бы, что рабочие почти вдвое чаще терпели поражение, нежели выигрывали.

Но господа фабриканты здесь, как и в вопросе о размерах стачечного движения, несомненно отступают от истины и стараются преуменьшить успешность борьбы рабочих.

Прежде всего бросается в глаза огромный процент «невыясненных» господами фабрикантами стачек. Конечно, часть стачек могла быть еще не закончена к моменту составления обзора. Но очень вероятно, что в числе этих «невыясненных» для заводчиков стачек много как раз тех, которые окончились успешно для рабочих. Сами составители замечают по поводу приведенных ими цифр следующее: «На одного рабочего, выигравшего в истекшем полугодии стачку, приходится 1,8 чел. потерпевших поражение, тогда как в прошлом году соотношение было 1:1,5. Хотя для очень большого числа стачечников, 50,9 тысяч чело-

век, — результаты стачек к 1 июля еще не были известны, тем не менее выяснившееся в настоящее время поражение многих крупных стачек дает нам основание думать, что выведенное соотношение между выигравшими и проигравшими стачечниками вряд ли переменится в пользу рабочих».

Мы не можем противопоставить господам фабрикантам других проверенных данных об исходе стачечной борьбы. К сожалению, у нас нет еще своей рабочей статистики. Но мы не можем признать достоверными и те цифры, которые дают господа заводчики.

Проливая крокодилову слезу по поводу потерь рабочих, господа фабриканты от себя заявляют: «Мы склонны приписывать неуспех рабочих также и тактическим ошибкам их (рабочих) руководителей, призывавших рабочих к стачкам во что бы то ни стало». Повидимому, господа фабриканты начитались ликвидаторских статей о «стачечном азарте». Иначе откуда они взяли руководителей, призывавших к стачкам во что бы то ни стало? Во всяком случае, из данных, приведенных самими фабрикантами, между прочим, видно, что наибольший процент выигранных забастовок приходится на рабочих-металлистов. Число выигравших металлистов немногим меньше числа металлистов, проигравших стачки. Это значит, что, даже на основании фабрикантских данных, наиболее успешно ведут свою стачечную борьбу передовые рабочие—металлисты. Это значит, что рабочим других отраслей надо догонять своих более передовых товарищей — лучше организоваться, дружнее выступать...

В заключение господа фабриканты еще и еще раз негодуют на рабочих за то, что они часто выходят из рамок чисто экономической борьбы. «На-ряду с чисто экономическими требованиями явились, — жалуется обзор, — и попытки рабочих переменить уклад фабрично-заводской жизни и добиться если не фактического, то морального (?) подчинения им низшего служебного персонала».

Мало того! Послушайте дальше, какие еще преступные деяния совершают эти рабочие. «Еще в прошлом году рабочие на всех заводах вели настойчивую кампанию за введение института старост. Дружный отпор со стороны фабрикантов, данный этой попытке легализовать на заводе власть, независимую от владельцев предприятия, повидимому, не остался без влияния». Какие в самом деле преступники эти крамольные рабочие!

Подумайте только, они решили опереться на (реакционный во многих отношениях) закон о фабричных старостах! Ну, как же господам фабрикантам стерпеть этакую неслыханную вещь?..

— «Во всех важнейших промышленных центрах натиск рабочих был встречен спокойной организованной силой промышленников и разбился об эту силу» — такими «гордыми» словами заключают хозяева свой обзор результатов стачечного движения.

Рабочие ответят им на это: что же, господа, значит, нам надо удесятерить свою организованность для того, чтобы одолеть вашу «спокойную (?) организованную силу» и тактику тех, кто в известных отношениях является вашими политическими приказчиками!..

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», №№ 24 и 28, от 31 октября и 5 ноября 1913 г., и в газете «Пролетарская Правда», № 5, от 7 января 1914 г.; подпись — «Гр.».

ДВЕ РЕЧИ (1).

В речах, которые произносятся с думской трибуны, с одной стороны, с.-д. депутатами из «семерки» (2) и, с другой стороны — шестью рабочими депутатами (3), до сих пор редко всплывали полностью те громадной важности разногласия, которые существуют между ликвидаторами и марксистами. Но направление каждой из сторон все же часто сквозит в этих речах.

Возьмите, например, недавние две речи с.-д. в Думе по кадетскому вопросу о гонениях на свободу собраний. Говорили от «семерки» депутат Туляков, а от «шестерки» рабочих депутатов тов. Бадаев. И посмотрите, как ставят вопрос тот и другой.

Депутат Туляков составил всю свою речь из одних жалоб на происходящие гонения, из одних перечислений беззаконных гонений на собрания. К этому перечислению он прибавил несколько слов с освещением своей принципиальной позиции: в начале речи он сказал, что с.-д. голосуют «за каждый внесенный вопрос, который так или иначе дает возможность расширения свободы трудящемуся классу». В конце же он упрекал кадетов за то, что они не стремятся «взять на себя инициативу борьбы за свободу рабочих собраний и организаций», и заявил, что «наш лозунг — свобода коалиции за свободу собраний» (выдержки приводим по стенографическому отчету «России», стр. 86, 87).

А что сказал тов. Бадаев?

Речь его была короче, чем речь депутата Тулякова. Но точка зрения социал-демократии была выражена именно в ней. Стенограмма его речи доказывает, что он высказал марксистский взгляд на положение дел и указал, что в центре борьбы стоят все те же основные вопросы.

Спрашивается, кто же действительно выразил настроение рабочих, кто действительно поставил вопрос во весь его рост, кто на деле защитил то, что дорого всякому передовому рабочему марксисту? Рабочий депутат Бадаев или склоняющийся к ликвидаторам депутат Туляков? И кто решится сказать, что постановка вопроса у каждого из двух ораторов была случайна, а не вытекала из принципиальной позиции?

Это не первый случай, когда мы видим такую различную постановку вопроса у «семерки» и «шестерки». Вспоминаются, на-

пример, две с.-д. речи в 1-ю сессию. Говорили депутат Скобелев, представитель русского населения Закавказья, и тов. Петровский, представитель южных рабочих.

Речь Скобелева сводилась исключительно к жалобам на Кассо и исчерпывалась многочисленными отдельными фактами беззаконий и издевательства над учащимися. А единственно выразила точку зрения с.-д. на факты беззакония речь Петровского. Он заявил прямо, что только ханжи и лицемеры могут скорбеть по поводу того, что учащаяся молодежь «слишком рано» учится участвовать в политической жизни. Он выяснил молодежи, что только в союзе с рабочим классом она может чего-нибудь добиться. Он один поставил вопрос по социал-демократически.

Факты беззаконий и насилий, разумеется, оглашать с трибуны надо. Не об этом спор. Но кто делает т о л ь к о это, тот сбивается на л и б е р а л ь н ы й путь. Речи Тулякова и Скобелева в основных их чертах мог бы произнести любой «левый» либерал. Марксист не может этим ограничиваться. Он каждый частный вопрос подымает до степени о б щ е г о, как это сделал недавно тов. Бадаев в своей речи. И он развертывает при этом действительно основные лозунги рабочего класса в настоящую эпоху, а не подменяет их одним требованием свободы коалиции.

Пусть рабочие внимательно читают и разбирают речи с.-д. депутатов. И пусть скажут они, как должен говорить рабочий депутат: так ли, как говорили в указанных речах товарищи Петровский и Бадаев, или так, как говорили Скобелев и Туляков?...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 25, от 1 ноября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) «С е м е р к а» — семь думских меньшевиков — Бурьянов, Маньков, Скобелев, Туляков, Хаустов, Чхеидзе и Чхенкели. Эта группа произвела раскол в с.-д. фракции Гос. Думы, всячески поддерживая политику ликвидаторства.

[3]) Ш е с т ь р а б о ч и х д е п у т а т о в — большевики А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов («шестерка»).

СВИДЕТЕЛЬ ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ [1].

(К вопросу о разногласиях между 6 и 7 депутатами.)

Кто представляет большинство рабочих: 6 рабочих депутатов, образовавших с.-д. фракцию (а не «думскую группу», г. Ф. Д.!) в 4-й Думе, или 7 склоняющихся к ликвидаторству депутататов, смеющих утверждать, будто они, случайные попутчики социал-демократии, являются действительной с.-д. фракцией?

В настоящей заметке мы хотим привести мнение свидетеля противной стороны — грузинского писателя «Гареше».

Гареше — основоположник меньшевизма на Кавказе и самый крупный представитель с.-д. правого крыла в грузинском движении. До сих пор он был всегда официальным выразителем мнений всех кавказцев, кроме большевиков.

В годы контр-революции Гареше один из первых повернул к ликвидаторству и открыто заявил в грузинской (а потом и русской) печати, что идея гегемонии пролетариата в освободительном движении устарела и должна быть ликвидирована. Идейную линию ликвидаторства этот писатель, таким образом, в главном разделяет и, стало быть, в пристрастии к нам этот писатель заподозрен быть не может.

Недавно Гареше вел полемику в грузинской печати с ликвидаторской газетой «Дила», в которой некий грузинский ликвидатор г. Г. Л. отстаивал взгляды, развивавшиеся в русской печати с год назад г-ном Д. Грузинский сторонник г. Д. доказывал, что ликвидаторы составляют «девять десятых» в русском движении, что большевики — это синдикалисты, которых надо «убить» и т. д.

Более трезвый Гареше окатывает холодной водой своего пылкого коллегу и предостерегает кавказских ликвидаторов от увлечения. Он защищает наивную «теорию» о том, что большевики очень сильны в организационных вопросах, а меньшевики — в тактике. Во всей России — доказывает автор — нашелся один счастливый уголок, где «произошел синтез меньшевизма и большевизма в одной и той же группе, и тем самым большевизм исчез». Эта счастливая Аркадия — Кавказ, эта группа, конечно, — группа самого Гареше.

Но сейчас нас интересуют не эти глубокомысленные «теории», а признание Гареше, что за нами в России стоит большинство рабочих.

Друг ликвидаторов, влиятельнейший кавказский литератор, пишет:

— «По мнению Г. Л. (ликвидатора) у большевиков не годится ни тактика, ни организация. Так что же у них годится? Вероятно, ничего! Следовательно, большевизм — незаконное дитя, он не имеет смысла существования. Однако, несмотря на это, он существует, борется и, представьте себе, в России он даже является господствующей фракцией. 6 рабочих курий послали в Думу шестерых большевиков. Каким образом это случилось? Если у большевиков ничего не годится, так значит с ума сошли столько рабочих, которые следуют за ними. Г. Л. объясняет это случайностью, кознями большевиков и другими подобными свойствами, т.-е. объясняет поверхностно, «обывательски». Мы объясняем это глубокой причиной, внутренними свойствами большевиков, объясняем по-марксистски. Мы говорим, что заботы большевиков о партии и организации, их стремление к действию и к работе увлекает рабочих. Рабочий нуждается в крепкой организации и идет за той фракцией, которая обещает ее и проповедует ее. Ликвидаторское мышление (слушайте, т.т. Чхеидзе и Чхенкели! — *Н. Ск.*), объявление организации и партии вопросом будущего, внедрение только в легальные организации и т. д. — это не удовлетворяет пролетариата, это для него либерализм, хотя и это необходимо... Г. Л. говорит, что большевики умеют организовываться для выступлений фракционных, не политических. Так как Г. Л. не помнит старого, то напомню новейшее — выборы 6 рабочих депутатов. Что обозначает это крупное явление, если не организацию на политической арене?» (См. статью «Внутреннее непонимание» в журнале «Чвени-Цкаро».)

Не будем здесь останавливаться на указаниях Гареше о том, что «в первый раз»... в Лондоне на сепаратном собрании кавказских делегатов «кавказцы повели-де «энергичную атаку» против ликвидаторства, и о том, что в 1910 году вожди ликвидаторов первые хотели сделать раскол, — но кавказские делегаты не дали этого сделать».

Сейчас важно вот что. Гареше — наш противник с давних пор. 10 лет он ведет борьбу против большевизма. Он и теперь в цитируемой статье повторяет за ликвидаторами всякую хулу

на большевизм. Но даже он — свидетель противной стороны — должен признать, что большевики — господствующая в России фракция, и что 6 рабочих депутатов не случайно прошли во всей рабочей курии России.

Вот что говорит учитель Чхеидзе и Чхенкели в грузинской печати. А у нас в России Чхеидзе и Чхенкели, вслед за г. Ф. Д., повторяют сказки, будто они вместе со Скобелевым и Маньковым являются представителями большинства рабочих.

Стыдитесь, господа, так... смело извращать общеизвестные истины. Прислушайтесь к тому, что говорят ваши же друзья, единомышленники и учителя.

Представители огромного большинства русских рабочих, это — 6 рабочих депутатов. Они — единственно законное представительство рабочего класса в Думе. Они — с.-д. фракция 4-й Думы, а семеро — только группа попутчиков социал-демократии.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 29, от 6 ноября 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

БИОГРАФИЯ ОКТЯБРИСТОВ (1).

Происходит съезд октябристов. Октябристы пытаются вновь занять политическую авансцену. Внутри 4-й Думы именно они делают политическую погоду. От них зависит — дать ли перевес оголтелым черносотенцам или умеренным либералам. Теперь октябристы на словах «левеют» не по дням, а по часам. А у Милюкова и К° уже слюнки текут в предвидении того счастливого времени, когда кадеты осуществят, наконец, свою давнишнюю мечту: союз с октябристами.

Кто же они, эти октябристы? Какова политическая биография октябризма?

Октябристы, как партия, родились позднее, чем либералы. Почти до самых решающих месяцев 1905 года будущие октябристы шли вместе с будущими кадетами. Они также участвовали в земских съездах, также писали всеподданнейшие ходатайства и петиции, также подымали бокалы шампанского «за конституцию», одним словом, также «боролись» за «обновленный» строй.

Но скоро они откололись от обще-либерального лагеря. «Красная опасность» их первых толкнула в объятия Пуришкевичей. Это был первый отряд либерально настроенной буржуазии и помещиков, перебежавший в лагерь реакции и отряхнувший с ног своих прах «свободолюбия».

Формально октябристы откололись от либеральных земских съездов из-за разногласия по национальному вопросу. Провозглашения автономии Польши и Финляндии — вот чего не смогли снести эти господа. И они забили в набат: отечество в опасности, все «благомыслящие» люди должны выступить за «целость и неделимость России»...

Отношение к угнетенным национальностям — самый верный признак, чтобы судить о характере той или другой партии. Свободы и самостоятельности угнетенных наций не потерпит ни один добрый черносотенец... Поскоблите октябриста, и вы найдете черносотенца — вот о чем говорило первое выступление октябристов, вот под каким предзнаменованием родилась октябристская партия. В нее вошли первые фаланги купцов, буржуа и помещиков, настолько уже перепуганных народным движением, что

готовы были прямо лезть в хайло тем, против которых они недавно протестовали.

С места в карьер октябристы пошли настолько «резвым» реакционным галопом, что часть умереннейших и аккуратнейших сторонников цензовой конституции, как Шипов, граф Гейден и другие, должны были с ними порвать и устроить свою межеумочную партию «мирного обновления». Состав октябристов, очистившихся от более «левых» элементов, уже во весь опор понесся в болото реакции. И чем дальше шло народное движение, тем больше скатывались октябристы к черной сотне.

После декабрьских дней, вождь октябристов А. И. Гучков публично подымает бокал за адмирала Дубасова... Акт 3 июня тот же Гучков объявляет «печальной необходимостью»...

В 1-й и 2-й Думах октябристы были ничтожеством. В 3-й Думе, благодаря специально прикроенному избирательному закону, они получили большинство. И тут-то они начинают, как истинные хамы, лизать сапоги тех, кто их вывел в люди. Не было такого черного, подлого дела, перед которым остановились бы октябристы в 3-й Думе: укрывательство Азефа, выступления против Финляндии, разорение крестьян, расхищение миллионов народных денег на прокорм мнимых «жертв» революции из числа черной сотни—все, все это, с гордостью за свое «славное знамя 17 Октября», проделывали октябристы...

Все, что было в их силах, сделали октябристы, чтобы помочь диким помещикам подавить освободительное движение. Не их вина, если они все, вместе взятые, оказались жалкими пигмеями, бессильными остановить колесо истории. Не их вина, если народное движение вновь ожило, вновь выходит на широкую дорогу и готово сдунуть со своего пути всю эту малопочтенную компанию...

Теперь самих октябристов выгнали в три шеи Пуришкевичи. На выборах в 4-ю Думу дан был пароль: за открытых черносотенцев, против октябристов. Даже частицей власти не хотят поступиться дикие помещики, до сих пор остающиеся действительными господами положения. На октябристов нажимают с двух сторон. Сверху — Пуришкевичи, снизу — их же избиратели — купцы, «солидные» буржуа, не желающие мириться со всевластием Пуришкевичей. Ветер дует в другую сторону. Наступают опять такие времена, когда даже толстосум и контрреволюционный буржуа должен божиться, что он ужасно «поле-

вел». Октябристы повторяют старый затасканный прием либералов. Уступите нам, — уверяют они Пуришкевича, — не то «они» (т.-е. рабочие, крестьяне и т. д.) вновь устроят вам «великие потрясения». И в то же время эти истинно-октябристские хамы умильно заглядывают в глаза Пуришкевичам: смотрите-де, почтенное начальство, не так уже мы «полевели»: хотите душить печать — пожалуйста, прикажете возвеличить провокаторшу Шорникову — с нашим удовольствием (²). Мы—не либералы какие-нибудь...

Сгнивший насквозь октябризм хочет придать себе вновь «оппозиционный» вид. Найдутся простаки, которые поверят октябристам. Это будут те, кто сами спят и видят «соглашение» с реакцией. Рабочий класс видит в октябристах своих врагов — злобных, мстительных, коварных, готовых на всякую гнусность по мановению руки Пуришкевичей. У рабочего класса — вполне определенное отношение к октябристам...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в газете «За Правду», № 30, от 8 ноября 1913 г.; подпись — «Г. З.».

²) Провокаторша Шорникова — агент охранного отделения, под кличкою «Ирина» работавшая во «временном бюро боевых и военных организаций», состряпанном другим провокатором, Бродским, по плану жандармского генерала Герасимова в 1907 г. Эта комбинированная провокация сыграла роль в создании дела социал-демократической фракции 2-й Гос. Думы, когда 55 с.-д. депутатов были приговорены к каторге. Участие Шорниковой было изобличено лишь в 1913 г.

«КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?» (1)

Ликвидаторы и рабочее движение.

— «Победа, одержанная сторонниками газеты «Правда» на общем собрании петербургского профессионального союза металлистов, как и некоторые другие факты, свидетельствующие об усилении влияния большевизма в рабочей среде (особенно в Петербурге), заставляют невольно призадуматься: как это случилось, что опорные пункты меньшевистского направления и специально так называемого «ликвидаторства» начинают уходить из-под влияния течения, которое...» и т. д.

Так пишет теоретический орган ликвидаторства «Наша Заря» в только что вышедшем № 9 (стр. 52).

Как «это» случилось? Вот вопрос, над которым действительно надо подумать всякому сознательному рабочему.

Было время, страна наша переживала подъем еще гораздо больше нынешнего, оживление среди рабочих было еще грандиознее, политическая роль рабочего класса и рабочей партии была еще более огромной. Это было 8 лет тому назад. Столкновение между русским марксизмом и оппортунизмом (впоследствии ликвидаторство) впервые приобрело общероссийское политическое значение. Оппортунисты все время уверяли, что мы, марксисты — маленькая кучка, секта интеллигентов, штаб без армии, что подлинное рабочее движение идет не по тому пути, который мы ему предлагали, что рабочий класс идет за нашими противниками.

Прошло 5 лет. И в 1910 году мы выслушали следующее ценное признание из уст непримиримого нашего противника:

— «... В до-революционный период да, за немногими исключениями, и после, большевики имели большее влияние на массы... большевики были более точными выразителями этого движения. Организационные же настроения меньшевиков в особенности отличались надуманностью и даже доктринерством».

Эти знаменательные слова написал в 1910 году в той же «Нашей Заре» известный вождь ликвидаторства В. Левицкий («Н. З.», 1910 г., № 7, стр. 93).

История повторяется. Вот уже 5 лет идет новая борьба между марксизмом и ликвидаторством. Такие представители ликвидаторства как Мартов и Ф. Д. не устают твердить — один, что мы — «секта», что мы — «социалисты против рабочих»; другой, что именно за ликвидаторами идет «девять десятых» рабочих.

*

Но уже теперь марксисты получают высокое удовлетворение, выслушав из уст ярого противника признание того факта, что массы идут именно за нашим марксистским знаменем. Заявление, которое сделал В. Левицкий в 1910 году, теперь в новой обстановке повторил через $3^1/_2$ года в «Нашей Заре» ликвидатор Г. Ракитин.

Как объяснил в свое время ликвидатор В. Левицкий провал оппортунизма перед рабочими в первую кампанию освободительной борьбы?

Он писал тогда:

— «Его (т.-е. тогдашнего оппортунизма) безукоризненные в политическом и тактическом отношении лозунги большею частью оставались в виду своей сложности чуждыми и непонятными политически мало развитым русским рабочим массам» (там же).

Итак — безукоризненные рецепты интеллигентов, замечательно сложная тактика и — поразительно некультурный, малоразвитый русский рабочий класс. Такова трагическая антиномия (неразрешимое противоречие) русского рабочего движения, с точки зрения наших противников.

Как объясняет «Наша Заря» поражение ликвидаторства теперь, в 1913 году?

— «Его (рабочего класса) стихийно-революционному настроению более отвечает псевдо-марксистская тактика «последовательных», чем гибкая (ну, конечно) классовая (?) тактика действительного (??) марксизма (???)» — сиречь ликвидаторства) («Н. З.», № 9, 1913 г., стр. 55).

История повторяется. Плохие рабочие массы и хорошие ликвидаторские интеллигенты!

Изменилось только одно. Оттого, что рабочие массы уже во второй раз сыграли такую плохую штуку с оппортунизмом, ликвидаторские интеллигенты теперь не на шутку прогневались на рабочий класс. Послушайте, как отчитывает рабочие массы ликвидаторский журнал «Наша Заря».

— «Рабочие массы... колеблются из стороны в сторону, поддерживая любые (кроме ликвидаторских?) лозунги и легко поддаваясь влиянию большевистских (о, ужас!) идей... Масса легко переходит от чрезмерной веры в свои силы к столь же неумеренному разочарованию в них, от крайне революционных по внешности форм борьбы к малодушной покорности и индифферентизму... Те самые неорганизованные массы, которые сегодня бастуют по любому поводу... смиренно поплетутся тогда (когда начнется заминка) за победной колесницей организованных предпринимателей, униженно проходя под древом капитализма и обильно пополняя для него кадры штрейкбрехеров... Зеленая молодежь... возвеличивание *всякой* стачки... годы контр-революции, не оставившие почти ни-

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИЗВѢЩЕНІЕ и РЕЗОЛЮЦІИ

СОВѢЩАНІЯ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П.

съ партійными работниками.

ФЕВРАЛЬ, 1913

Изданіе Центр. Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Цѣна 30 сант.

Факсимиле обложки брошюры Г. Зиновьева «Извещение и резолюции совещания Ц. К. РСДРП с партработниками в 1913 г.».

какого (!) следа в сознании рабочих масс», и т. д., и т. п. (см. указанную статью).

Сколько презрения у этих отвергнутых рабочим движением ликвидаторских интеллигентов к русским рабочим массам! Можно подумать, что великое движение 8 лет назад и теперь выносят на своих плечах не эти рабочие массы, а — «безукоризненные» ликвидаторские интеллигенты... Нам вспоминается только один случай, когда русский «социалист» так разговаривал с рабочими массами. Жил-был некий народник-«максималист» г. Энгельгардт(²), удивительно «безукоризненный» и крайне левый человек. Он требовал, чтобы рабочие массы непременно в 24 часа произвели «социализацию» всех фабрик и заводов. А когда массы отвернулись от этой «гибкой» и «сложной» тактики, он чрезвычайно рассердился и закричал публично: разве это борцы? Русский народ — простая «фефела». И, сыгравши в чехарду от «левизны», этот «безукоризненный» интеллигент расстался с русским народом - «фефелой» и... перешел в политическое небытие.

Когда видишь такое хамское отношение к рабочим массам со стороны ликвидаторствующих интеллигентов, невольно спрашиваешь себя: а сколько из этих «безукоризненных» господ, обидевшись на рабочий класс - «фефелу», так грубо отвергающий «гибкую» тактику ликвидаторов, сыграет в чехарду от «сложного марксизма» и перейдет к господам Изгоевым?..

Замечательная вещь: огромный подъем среди рабочих масс не отрицается никем. Сама «Наша Заря» в указанной статье пишет, что нынешнее экономическое положение «создает в широких рабочих массах чувство уверенности в себе и сравнительно легкую подвижность», что атмосфера подъема «очень легко придает массовому движению, возникающему на чисто экономической почве, политический и революционный характер», что «рабочие массы воспринимают без труда политические лозунги». Спрашивается: почему же, господа, именно в такие периоды высочайшего подъема в рабочем классе вам-то больше всего и приходится брюзжать по адресу рабочих, скулить по поводу того, будто наш героический рабочий класс есть «фефела», и т. п.? Почему?

Это вплотную подводит нас к вопросу о том, «как это случилось», что рабочий класс опять отверг ликвидаторскую тактику?

* * *

... Русский рабочий некультурен. Русский рабочий переоценивает свои силы. Русский рабочий не понимает «сложной» тактики просвещенных людей. Русский рабочий легко поддается «безумию стихий».

Это объяснение своим поражениям среди демократии вообще, и рабочих в особенности, всегда давал русский либерализм. И никакого другого объяснения не в состоянии дать и ликвидаторство.

На самом деле рабочий класс выказал чудеса энтузиазма в годы подъема и громадную силу сопротивления в годы упадка и наибольших испытаний... Тяжелые годы контр-революции, вопреки мнению «Нашей Зари», оставили громадный «след в сознании» именно рабочих масс. Долго и мучительно переваривался урок, данный нам после бурных событий. Продумано многое. Примерено и взвешено неоднократно. Никакого другого пути, кроме «неурезанного», нет: мирнообновленческий путь — тупоумен, реформизм при нынешней обстановке — безнадежен. В тех или других простых формулах эти истины становятся достоянием самых широких масс. Жизнь учит их. Вся обстановка каждый день подтверждает им то, что говорят последовательные марксисты.

В этом, и только в этом, загадка успеха марксизма среди рабочих, и в этом же разгадка ваших поражений, господа ликвидаторы.

Рабочие массы отвернулись от ликвидаторства за то, что ликвидаторы отвернулись от старого знамени и борьбы за старые требования. И чем больше ликвидаторы теперь будут изображать рабочие массы как революционное «быдло», поддерживающее «любые» лозунги, шатающееся из стороны в сторону, как толпу, легко воспламеняющуюся, но столь же легко позорно отрекающуюся от своего знамени; чем больше ликвидаторы будут кричать о «стачечном азарте», «поветрии», охватившем массы; одним словом,—чем больше эти бедные карлики будут клеветать на рабочего-великана, — тем более рабочий класс будет им заявлять: господа хорошие, уйдите с нашего пути, избавьте нас от этаких друзей, а с врагами мы сами справимся...

Когда ликвидаторы 5 — 6 лет тому назад стали повально покидать «подполье», марксисты предсказали им, что это равносильно разрыву не с той или другой формой рабочего движения, а — с рабочим движением вообще. Ликвидаторы пре-

зрительно пожимали плечами и самоуверенно отвечали, что все «живые силы» собираются вне подполья, что рабочее движение превратит нас в маленькую оторванную кучку людей с хорошими принципами, но абсолютно безжизненную.

Прошло 5 лет. Спор наш взвешен судьбою. Наступил великий подъем рабочего движения. Кто же оказался с ним, кто радостно слился с этим движением, кто ушел в него целиком, кто окрасил его своими лозунгами?

Наши злейшие враги признали, что это мы — марксисты.

А кто в эту великую радостную эпоху истекает бессильным брюзжанием, кого движение оставило в стороне, кто обречен на роль кучки «критиков»?

Самые лучшие друзья ликвидаторов, да и они сами, признали, что это случилось — с ликвидаторами.

Вы спрашиваете себя, господа, как «это» случилось?

«Это» очень просто. Вы отвернулись от старой рабочей партии и все построили на «открытой рабочей партии» при Пуришкевиче. Рабочий класс отвернулся от вас, справедливо сказав себе, что вам место среди либеральных реформистов.

Чем сознательнее становились рабочие, участвующие в союзах, клубах и вообще в легальных организациях, тем больше стали они прислушиваться к марксистскому целому. И тем больше отворачивались они от ликвидаторства. Замечают ли ликвидаторы: раньше вопрос шел о том, чтобы обезопасить от ликвидаторства рабочую партию; теперь речь идет уже о большем — о том, чтобы изгнать ликвидаторство из всего рабочего движения вообще. И рабочие сами это делают прекрасно. Делом чести считают они, чтобы ни в одном союзе, ни в одном клубе, ни в одном страховом учреждении не пахло ликвидаторством. И они добьются этого, они окажутся безжалостнее по отношению к либеральной рабочей политике, чем иные марксисты-примиренцы...

Народилась новая рабочая интеллигенция. Целое новое поколение рабочих выступило на сцену. Рабочие, наконец, берут все дела в свои собственные руки. И в области легальной, и в области иной работы руководство, к счастью, действительно переходит уже к передовым рабочим. Под сильнейшим огнем неприятеля, с величайшими жертвами рабочие строят здание подлинного марксистского целого. С этими рабочими-строителями шутки плохи, господа ликвидаторы! Они не позво-

лят вам издеваться над марксистской организацией, как вы это делали всякий раз, когда это вам заблагорассуживалось. Рабочая партия создается вопреки и против ликвидаторствующих интеллигентов. И в этом еще один залог ее прочности и жизненности...

...«Как это случилось», что рабочее движение отодвинуло нас со своего пути? — спрашиваете вы себя теперь, господа ликвидаторы, бессильно разводя руками.

«Это» будет с вами случаться всякий раз, как вы пойдете по пути либеральной политики. Ваши жалобы на рабочие массы показывают одно: значит, рабочих можно поздравить с большим успехом. Значит, рабочие массы дали-таки вам понять, что им с вами не по дороге.

Тем лучше для русского рабочего движения!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 34, от 13 ноября 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Энгельгардт, М. А., — народнический писатель, естествоиспытатель и философ, автор книги «Прогресс как эволюция жестокости», сын А. Н. Э—та, известного народника 70-х гг., работавшего в «Отеч. Записках».

НА ПОМОЩЬ «СЕМЕРКЕ!» (1)

Да, именно «семерке», товарищи. Ее нужно спасти для социал-демократии и не дать ей окончательно перейти на политическую службу к ликвидаторству.

Что произошло в думской фракции? Пройдет еще короткое время, мелкие столкновения и мелочные разногласия отойдут на задний план. Останется только то, что имеет глубокое принципиальное значение. Останутся две политические линии — марксистская и ликвидаторская.

Какую линию представляет с.-д. фракция, составленная 6-ю рабочими депутатами, это ясно всем. Известны также политические взгляды ликвидаторов. Две тактики, две системы политики, две оценки переживаемого момента, роли рабочего класса, значения стачечной волны, взглядов на «подполье», на задачи агитации, на роль буржуазии, на соотношение экономической и политической борьбы, на задачи профессионального движения и т. д.

Каждый толковый рабочий знает, какую позицию по этим вопросам занимает шестерка и какую — ликвидаторы. Но кто может сказать, какова в этих вопросах позиция «семерки»?

«Семерка» не имеет еще своей политической позиции. По всему ходу политической борьбы в России для с.-д. депутатов возможны только две позиции: либо наша, марксистская, либо до конца ликвидаторская. Отчего политически погиб «троцкизм» (примиренчество) в России? Отчего внутри августовского блока (2) Дан и Ежов одержали такую несомненную победу над Троцким? Оттого, что «средняя» политическая позиция не имеет корней в современной обстановке, оттого, что третьего не дано: либо марксизм, либо ликвидаторство.

Каково было положение «семерки» до сих пор?

Она до сих пор могла хоть иногда оказывать некоторое сопротивление ликвидаторству... Ибо она не оставалась с ним лицом к лицу. Вот вам крупнейший факт: выработка первой политической декларации фракции (3). Ликвидаторы внесли во фракцию проект декларации откровенно ликвидаторский. Если бы «семерка» с ним выступила, она сразу дискредитировала бы себя в глазах массы. Только под влиянием критики большевиков вытравлено было из нее все отъявленно-ренегатское. Осталась

«культурно-национальная автономия», но удалены были в политической части все перлы либерализма.

Теперь впервые «семерка» остается с глазу на глаз с ликвидаторами, и — что всего важнее — впервые поставила она себя в положение, при котором она отрезала себя от всей марксистской организации, кроме ликвидаторов. По всей логике событий остается теперь стать думским представительством ликвидаторов, т.-е. начать с думской трибуны по вопросам политики защищать точку зрения ликвидаторства.

Вот от этого «семерку» рабочие должны попытаться спасти.

И путь для этого только один: поддержать всеми силами «шестерку» рабочих депутатов и тем заставить «семерку» пойти на соглашение.

Соглашение для думской работы неминуемо и неизбежно. Ведь с.-д. депутатам приходится в Думе входить в соглашение даже с трудовиками. Но ликвидаторы типа г. Д.—эти раскольники по профессии — стараются помешать даже этому соглашению или хотя бы оттянуть его. Для чего? Какой смысл?

А вот именно для того, чтобы оставаться с глазу на глаз с «семеркой» и заставить ее стать верным рупором ликвидаторства с трибуны, т.-е. грубо использовать ее в интересах своей антимарксистской линии.

«Семерка» неминуемо станет добычей ликвидаторства (и, разумеется, окончательно в политическом отношении сломит себе на этом шею), если она пойдет по пути, предуказанному ей г-ном Ф. Д.

— На помощь «семерке», — говорим мы. Она расколола с.-д. фракцию, она мешала шестерым рабочим депутатам полностью отстаивать пролетарскую линию, она много колебалась, путала, сбивалась с правильного пути. Она несомненно виновна, но она заслуживает снисхождения. Ее не надо отдавать на политическое съедение ликвидаторам типа г-на Ф. Д., которые тянут ее в свои цепкие объятия.

Рабочие Петербурга и рабочие всей России еще слишком недостаточно откликнулись на события в с.-д. фракции. Каждый кружок, каждый завод, каждое рабочее общество, каждый рабочий коллектив должны высказать свое мнение. Пора отодвинуть мелочи и склоку, которой засоряют спор «шестерки» и «семерки» писатели из «Новой Рабочей (?) Газеты». Надо разобраться в принципиальном, важном, в том, что касается всякого рабочего. Вопрос

стоит так: станет ли окончательно «семерка» политическим представителем ликвидаторства в Думе или нет? Это вопрос важный для каждого пролетария. Ибо, если станет, то будет неисчислимо вредить рабочему делу — и при политических стачках (положение обяжет ее кричать с трибуны о «стачечном азарте»), и при всей остальной работе с.-д. Мелочи забудутся через две недели, а этот главный вопрос останется.

Кроме всех прочих мотивов для выступления, у рабочих есть, значит, еще один: спасти «семерку» от того, чтобы она окончательно не стала органом «социал-демократических октябристов». Над этим стоит потрудиться. Пусть каждая рабочая группа скажет ясно: «мы, рабочие, признаем своей фракцией «шестерку» рабочих депутатов, и мы требуем соглашения «семерки» с рабочими депутатами на основах равенства».

Вопрос крайней политической важности. Ни один рабочий не должен остаться в стороне. До сих пор вынесли свои резолюции тысячи рабочих. В ближайшее время должны высказаться уже десятки тысяч рабочих. Ни одно рабочее собрание не должно пройти мимо этого вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 35, от 14 ноября 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Августовский блок — созванная в Вене ликвидаторская конференция. См. Собрание сочинений Г. Зиновьева, т. II, стр. 51, 52, 59.

[3]) Первая политическая декларация с.-д. фракции начата была оглашением в 8 заседании 4-й Гос. Думы, но не была допущена председателем Родзянкой. Текст ее был напечатан в газете «Правда», но № газеты был конфискован. Он целиком воспроизведен в «Приложении» к тому II Собрания сочинений Г. Зиновьева.

ЧЬЕ БЕЗУМИЕ? (1)

Знаменитая речь А. И. Гучкова на октябристском съезде надолго останется памятником того, насколько бессилен и тупоумен либеральный реформизм в современной России (2).

— «Мы — представители тех имущественных, буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства... Мы должны признать, что попытка, сделанная русским обществом в нашем лице, — попытка сближения с властью, попытка мирного безболезненного перехода от старого к новому строю, — потерпела неудачу» (цитирую по «Голосу Москвы»).

Так говорил А. И. Гучков.

Подумайте, читатель, кто сделал это ценное признание! Вождь контр-революционных капиталистов, бывшая опора Столыпина, председатель 3-й черносотенной Думы, московский первогильдейский купец, пайщик «Нового Времени», столп благонамеренности, патентованный «патревот», представитель тех групп буржуазии, которые — по собственному признанию Гучкова — состояли раньше в прямом договоре с правительством и которых черносотенное дворянство с чиновниками теперь прогнали в три шеи. Вот кто говорит устами Гучкова.

Гучковская буржуазия мечтала о мирном «безболезненном» обновлении путем «частичных» реформ. Подумайте, читатель, как ничтожны были те реформы, о которых мечтали Гучковы!

И даже это оказалось бессмысленным мечтанием, и даже это оказалось несбыточным при Пуришкевиче. И даже пророки этих убогих купцовских «реформ» теперь заявляют, что их попытка примириться с властью и поддержать безболезненный и мирный путь «потерпела неудачу»! Дальше некуда итти. Когда Гучков вынужден заявить, что и октябристы остались в дураках, тогда слепому становится видно, что верить в реформы при Пуришкевиче могут только тупоумные «человеки в футлярах», только те, кто сами одели себе реформистские шоры на глаза, те, кто сами обманывают себя и других...

Гучков говорил далее:

— «В дни народного безумия (!) мы подняли свой отрезвляющий голос против эксцессов радикализма. В дни безумия власти мы должны сказать этой власти серьезное слово предостережения».

Безумен народ, безумна власть, умны только господа Гучковы!..

О «безумии» народа мы не можем здесь сказать всего того, что нужно. Но вот — о безумии Пуришкевичей два слова.

Мы спрашиваем: о чьем безумии свидетельствует то положение, в которое попали теперь октябристы? У них — купечество, у них — миллионы, у них — промышленность и торговля, у них (и у кадетов) — все сколько-нибудь цивилизованное в лагере имущих, у них — большая группа в Гос. Совете, у них — сильная фракция в Думе. А Пуришкевичи нагло издеваются над ними, как над холопами. Ибо они уверены, что октябристы в конце концов сделают то, что им прикажет начальство.

Они изверились в «мирный» путь, они очень картинно рассказывают, как власть, использовавши их, порвала «договор» и выгнала их вон, они убедительно доказывают, что мечтать о серьезных реформах при Пуришкевиче могут только безнадежные идиоты. И они кончают... чем бы вы думали?.. Заявлением, что теперь они в последний раз — ей богу в последний, самый последний, раз — советуют Пуришкевичу одуматься, что они верят, что Пуришкевич не захочет потрясений и услышит голос благоразумия.

И они хотят, чтобы реакция смотрела на них иначе, как на лакеев!..

Кто же «безумен»? Реакционеры, которые не краснобаи, а люди дела и по-своему ведут свою определенную линию? Или—трусливая, дряблая буржуазия, которой и хочется, и колется, которая из боязни перед демократией приковала себя к Пуришкевичу, как колодник к тачке; которая в сто первый раз признала себя «в дураках» для того, чтобы затянуть в сто второй раз все ту же тягучую песенку о реформах и безболезненном пути, которая льет слезу и пробавляется фразой там, где «надо власть употребить»?..

Либерально-октябристская вера в «мирный» путь и частичные реформы при Пуришкевиче трещит по швам. «Безумна» не демократия, знающая, куда она идет. «Безумна» не реакция, спасающая себя так, как только могут спасать себя отжившие и отживающие. Поистине, лишена политического ума партия той либеральной (октябристской в том числе) буржуазии, которая все позабыла и ничему не научилась за долгие годы и которая никогда не станет в России крупной освободительной силой.

Ибо... ибо она больше боится торжества демократии, нежели самого дикого разгула Пуришкевичей...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 37, от 16 ноября 1913 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Съезд состоялся в ноябре 1913 г.

НЕДОПУСТИМАЯ ОШИБКА [1].

На этих днях в Государственной Думе обсуждался законопроект об оброчных податях на 1913 — 1915 годы в четырех сибирских губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. По раскладке на 1910 — 1913 годы оброк составлял в этих губерниях $5^1/_4$ миллионов рублей в год. Теперь министерство финансов предложило увеличить эту сумму до 6 миллионов.

Оброчная подать есть явный остаток крепостничества [2]. Оброки сохранились на Кавказе и в Сибири. Оброчная подать введена была на Кавказе и в Сибири в отмену подушных податей. В 1885 году подушная подать была отменена, но не всюду. И вот именно Сибирь-то и попала в число тех областей, где, вместо подушной подати, установлен оброк.

Итак, в Думе шла речь о том, чтобы на сибирских крестьян взвалить оброк в 6 миллионов рублей. Речь шла о чисто крепостническом налоге, о возложении на голодное и особенно пострадавшее от неурожая в нынешнем году крестьянство непосильных и разорительных тягот.

Что обязаны были сказать по этому поводу сибирские депутаты, если они хотели выступить действительными демократами? Они должны были, конечно, потребовать полной отмены оброков, внести предложение в этом смысле и голосовать против законопроекта о 6 миллионах.

Что сделали эти депутаты в действительности?

Некоторые из них (трудовики) произнесли очень недурные речи. Они обрисовали тяжелое положение крестьянства. Но практические их предложения были таковы. Депутат Тобольской губернии Дзюбинский [3] вносит предложение оставить для его губернии оброк в размере 1.635.000 р. (как предлагает и Тобольская акцизная палата) и не повышать этой суммы. Депутат Енисейской губернии Востротин [4] вносит «поправку в смысле уменьшения оброчной подати в Енисейской губернии с 447.000 рублей до 389.000 рублей». Такие же поправки вносят также Рыслев [5], Вершинин [6] и Дуров [7].

Но есть в 4-й Думе еще один депутат-сибиряк. Это—с.-д. депутат от Иркутской губернии Маньков [8]. Как поступил он?

Да совершенно так же, как кадеты и трудовики. Недаром он, входя в с.-д. фракцию, в то же время считает возможным вхо-

дить в кадетствующую «сибирскую группу» депутатов (а «семерка» с.-д. депутатов не протестует против такого странного совместительства). Принадлежность к кадетствующей группе обязывает. И вот Маньков тоже не вносит прямого предложения о полном отказе правительству в 6-миллионном оброке, а заявляет:

— «Я вношу предложение о том, чтобы Государственная Дума по Иркутской губернии уменьшила оклад оброка до раскладки 1908 года, т.-е. с 337.000 до 321.000 рублей» (стенографический отчет «России», № 229).

Каждый депутат печется только о «своей» губернии и ограничивается тем, что ходатайствует, чтобы оброк остался в старой норме. И ни один не ставит вопроса так, как должен поставить демократ, не говорим уже — как социал-демократ.

Когда перешли к голосованию, председатель заявил: «Была внесена членом Государственной Думы Маньковым поправка и ныне снята» (см. отчет, «Россия», № 231). Видно, все-таки зазорно стало «семерке», что ее член ставит вопрос так обывательски.

Конечно, всякое уменьшение крепостного оброка хоть на одну тысячу рублей желательно для крестьян, и всякий демократ должен быть за это уменьшение, если ему не удалось добиться полной отмены оброков.

Но неужели он может ограничиться указанными «поправками»? Неужели на его обязанности не лежит прежде всего борьба за полное упразднение такого крепостничества как оброк? Неужели депутат, называющий себя социал-демократом, мог забыть, что он-то должен прежде всего предложить отказать правительству во всех 6 миллионах оброку?

Совестно даже доказывать ликвидаторам такие элементарные вещи...

Мы в праве назвать эту ошибку Манькова ликвидаторской ошибкой. Его «тактика» действительно идет по линии ликвидаторства. Ограничиваться поправочками и мелкими заплатами вместо постановки коренных вопросов — это вполне в духе «трезвой» «положительной» работы и «законодательствования» ликвидаторов.

Мало-по-малу «семерка» выносит свое ликвидаторство и на трибуну Думы. Недавно это сделал Туляков (и г. Ф. Д. совсем не оправдал его указанием на то, что-де Туляков упомянул

и «социализм». Ведь такие кадеты как Туган-Барановский и даже Изгоев или Щепкин тоже иногда не прочь упомянуть «социализм». От этого либеральная речь не становится еще социал-демократической). Теперь выступил уже прямо как обыватель депутат Маньков.

Рабочие должны требовать, чтобы все с.-д. депутаты выступали с думской трибуны как социал-демократы, а не как ликвидаторы или просто обыватели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 37, от 16 ноября 1913 г.; подпись — «А. Б.».

[2]) Оброчная подать была введена в конце царствования Петра I. Целью ее было достигнуть добавочного подушного сбора с так называемых «однодворцев» для того, чтобы уравнять платежи последних с платежами дворцовых и вотчинных крестьян, которые платили своим «владельцам», кроме подушной подати, еще и «оброк».

[3]) Дзюбинский В. И. — тобольский депутат 4-й Гос. Думы, «трудовик», домовладелец.

[4]) Востротин С. П. — енисейский депутат 3-й и 4-й Гос. Думы, городской голова г. Енисейска, кадет, капиталист.

[5]) Рыслев А. И. — депутат 4-й Гос. Думы от Амурской области, «трудовик», носивший звание «городского старосты».

[6]) Вершинин В. М. — депутат 4-й Гос. Думы от Томской губ., «трудовик», домовладелец и торговец.

[7]) Дуров А. А. — депутат 4-й Гос. Думы, томский кадет, землевладелец и домовладелец.

[8]) Маньков И. Н. — депутат 4-й Гос. Думы, с.-д., от Иркутской губ.

К ПЕРЕДОВЫМ РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГА [1].

Нет в данный момент более важного для наших рабочих-марксистов вопроса, чем вопрос о том, что произошло в с.-д. думской фракции. Какой сознательный рабочий может не интересоваться этим вопросом? Какой пролетарий может пройти мимо него — воздержаться, не высказать своего мнения?

А между тем петербургские рабочие еще недостаточно откликнулись, в недостаточном количестве заявили свое мнение.

Рабочих в Петербурге — 300.000. Из них несколько десятков тысяч считают себя социал-демократами и интересуются делами с.-д. А до сих пор определенно высказали свое мнение только несколько тысяч человек.

Правда, все крупнейшие союзы, большинство влиятельных групп передовых рабочих заявили уже, что они стоят на стороне шестерых рабочих депутатов-марксистов и решительно протестуют против семерых, склоняющихся к ликвидаторству. Но этого мало, товарищи.

Нельзя рассуждать так, что мы, мол, все равно поддерживаем только «шестерку»; все и без того знают, что мы против ликвидаторства. Мы слишком мало приучены к гласности. Проклятые условия нашего существования способствовали этому. Мало ли что — все «сознают». А ведь находятся же господа ликвидаторы, которые смеют ссылаться в своих антимарксистских шагах и на волю петербургских рабочих.

Серьезный разбор самими рабочими в разногласиях, наметившихся в связи с борьбой в с.-д. фракции, имеет громадное воспитательное значение. Разумеется, надо отбросить прочь все мелочи, всю несерьезную перебранку, налипшую на серьезных разногласиях. Пусть их обсмаковывают ликвидаторские писатели из «Новой Рабочей Газеты», которые пальчики облизывают по поводу каждого скандала. Нам важно не это. А важно то принципиальное, что действительно затрагивает каждого вдумчивого рабочего. Вопрос о 6 и 7 имеет огромное значение. Этим спором закладываются основы будущего социал-демократического парламентаризма: быть ли ему «независимым», надпартийным, или — марксистским, подконтрольным рабочему авангарду? Спор идет о том, какую политику ведет русский рабочий класс: марксист-

скую или либерально-ликвидаторскую? Вот какие вопросы решаются.

И тут не в праве молчать ни один сознательный рабочий.

Нельзя говорить себе: все равно, дело решено — существуют уже 2 фракции, и теперь наши резолюции никому не помогут. Это совершенно неверно. Провинция только еще начинает откликаться. Но уже и теперь ясно, что огромное большинство социал-демократии высказывается за тактику 6 рабочих депутатов.

К мнению передовых петербургских рабочих, естественно, прислушиваются рабочие всей России. И когда окажется, что $^{9}/_{10}$ всех сознательных рабочих России высказываются за «шестерку», когда десятки тысяч рабочих скажут свое слово, «семерка» должна будет подчиниться. Вы слишком уже плохого мнения о «семерке», если думаете, что голоса десятков тысяч рабочих для нее так-таки ничего не значат.

Товарищи-петербуржцы! Ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной мастерской не должно остаться в Петербурге, которая не высказала бы своего мнения о поведении 7 ликвидаторствующих и о шагах 6 рабочих депутатов.

В данный момент высказались только тысячи петербургских пролетариев. Надо, чтобы высказались десятки тысяч.

С мнением петербургских рабочих будут считаться все — и враги, и друзья. Пусть только оно раздастся повнушительнее.

Всюду — в кружках, за станком, в дружеской беседе, на собрании, на митинге, на страховом совещании, в рабочем обществе — обсуждайте этот вопрос. Высказывайте свои мнения. Принимайте резолюции. Покрывайте их сотнями и тысячами подписей и шлите в свою газету. Все решения митингов и собраний сообщайте туда же.

Нельзя молчать! Каждый сознательный рабочий должен высказать свое мнение!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 37, от 16 ноября 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

ДВЕ ОЦЕНКИ [1].

Уже в конце прошлого года стало ясно, какую роль начинает опять играть массовая стачка в русском рабочем движении. По мере того как рос подъем в рабочем классе, по мере этого росла и стачка; все более выпукло выделялся ее своеобразный характер в России; все яснее становилось, как переплетаются в ней моменты экономики и «политики»; все бесспорнее становилось, что эта форма борьбы будет наиболее частой в переживаемую нами эпоху.

Однако, как ни внушительны были факты и цифры, среди участников рабочего движения нашлось «течение», которое оценило массовую стачку совсем иначе. Это были ликвидаторы. Они еще год тому назад нашли, что стачка превратилась у нас в синдикалистскую «гимнастику», в беспринципный «стачечный азарт», в какое-то озорство, где говорят только задор и непосредственное чувство, но где отсутствует политический разум.

Две оценки стачечного движения наметились в 1912 году. Приведем точно эти оценки в той формулировке, которую дала тогда каждая из сторон.

Марксисты (совещание их) в начале 1913 года заявили:

— «Самым крупным фактом в истории рабочего движения за 1912 год является развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата... Массовые стачки представляют исключительную важность еще и потому, что они являются одним из средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельско-хозяйственного пролетариата и крестьянства».

Всесторонняя поддержка и развитие этой формы движения выдвинуты были как одна из первейших задач времени.

Такова одна оценка.

Другая сторона — ликвидаторы — говорили:

— «Забастовка — орудие тонкое. От частого употребления оно изнашивается и тупеет, и если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать, — она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение.

«...Петербургские рабочие подошли к этой грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт».

Такова другая оценка.

Одни говорили о всесторонней поддержке и развитии, другие — об... азарте. И, заметьте, речь шла не об оценке той или иной отдельной стачки, а именно о в с е й полосе движения. Марксисты в начале 1913 г. прямо указали, что отвергают взгляд ликвидаторов «н е з а в и с и м о от того, как они оценивают ту или иную стачку».

«Стачечного азарта» не было среди рабочих. Но а н т и - стачечный азарт среди ликвидаторствующих интеллигентов несомненно был налицо.

Мы много раз напоминали рабочим о той оценке стачек, которую давали ликвидаторы. Но, думается, эту оценку следует вспомнить после к а ж д о й крупной стачки. Прошел год со времени наших споров. И вот, перед лицом недавней стачки 6 ноября мы позволяем себе опять спросить: чью оценку оправдал этот год?

Что мы имеем налицо — какой-то нездоровый мальчишеский «азарт» или мощное, жизнеспособное, бодрое, великое движение?

Стачку 6 ноября (²) господа ликвидаторы более или менее милостиво изволили одобрить. Они, кажется, не прочь даже приписать и себе кой-какие заслуги в этом протесте... Что же, господа, п о с к о л ь к у вы искренно одобряете, поскольку вы сходите со своей старой позиции и становитесь на почву ваших противников, п о с т о л ь к у вы, конечно, прогрессируете. По крайней мере, штрейкбрехерами не выступаете. И на том спасибо!

Движению 6 ноября ликвидаторы задним числом пытаются приписать ликвидаторский характер. Это, видите ли, была борьба за свободу коалиции, в том именно виде, как ее пропагандируют ликвидаторы.

Это, конечно, сущий вздор и клевета на рабочих. Ликвидаторы берут чисто внешний признак: стачка вызвана гонением против свободы стачек. З н а ч и т, лозунгом движения была свобода коалиции, и притом — как раз в л и к в и д а т о р с к о м истолковании: свобода коалиции в м е с т о «неурезанных» лозунгов. Но ведь были такие же движения, которые имели поводом гонения на печать, суд над матросами, лишение избирательных прав и т. п. Поводы были самые разнообразные. Что же,

можно ли было отсюда делать вывод, что лозунгом движения было то, что непосредственно вытекало из этих внешних поводов?

Весь дух движения 6 ноября был такой же «неурезанный», как и во всех предыдущих стачках 1912—1913 годов. Пусть ликвидаторы прислушаются хотя бы к тому, как оценили события 6 ноября политические противники рабочих из лагеря реакции и либералов. Рабочие, бастовавшие 6 ноября, и не думали объявить по-ликвидаторски: мы выдвигаем-де свободу коалиции вместо неурезанных лозунгов, ибо эти неурезанные лозунги — только «громкая фраза», тактика «великих праздников», несбыточные утопии, абстракции и т. п. От всего движения последних дней веет, наоборот, полным сознанием того, какие общие условия требуются для действительного завоевания свободы коалиции. Одним словом, 6 ноября 1913 года еще и еще раз подтвердило именно марксистскую оценку событий, а не либерально-ликвидаторскую.

Марксисты остаются при той оценке стачечного движения, которую они дважды дали коллективно в 1913 году.

Ну, а ликвидаторы? Как быть с их «азартом»?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 38, от 17 ноября 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Стачка 6 ноября — произошла в связи с судом над рабочими Обуховского завода, считавшимися зачинщиками стачки на заводе, бывшей 29 июля того же года. Обвинялись рабочие-обуховцы: А. Петров, А. Семенов, Г. Стрюков, А. Соловьев, Новиков, Стржедницкий и рабочий завода Польте—Олендский. Всех обвиняемых подводили под статью «закона», каравшую «отказ от исполнения общественно-необходимых работ» (водоснабжения). В день суда забастовало более 80.000 питерских металлистов, и поэтому суд не пошел дальше трехнедельного ареста подсудимых.

РИГА И ПЕТЕРБУРГ [1].

За последние 2 года подъема не было другого города, кроме Риги, в котором так дружно, так братски, рука об руку шли бы во всех своих выступлениях рабочие, как в Петербурге. Вспомните. Первой ласточкой возрождающейся весны были рабочие митинги и собрания 9 января 1912 года. Рига и Петербург пошли вместе. Затем последовал Ленский протест — апрельско - майские дни. Нигде так дружно и так стройно не прошли эти дни, как в Риге и Петербурге. Затем, и тут, и там начинается волна экономических стачек. Следует протест против известного суда над матросами (новое 9 января) 4 апреля, 1 мая.

Русские ликвидаторы громят со страниц своих изданий «стачечный азарт». Уныло подпевают той же малодушно-либеральной песенке ликвидаторские «верхи» латышей. А латышские рабочие радостно протягивают руку питерским рабочим и сливаются с ними в том бодром, молодом, могучем движении, в котором брюзжащие ликвидаторские мудрецы узрели только «азарт» и «махание кулаками».

Это была великая победа над разлагающим влиянием ликвидаторства. Это было истинное торжество пролетарского самосознания над вечными колебаниями ликвидаторствующих и примиренчествующих латышских «верхов». Пролетариат Риги пропускал мимо ушей премудрые поучения своих опекунов и уверенным шагом, в полном сознании своих целей шел плечо о плечо с петербургским пролетариатом.

А лозунги движения! Нигде не было такого полного единства в этом отношении, как между рабочим Петербургом и рабочей Ригой. И это — несмотря на то, что поперек дороги стояли официальные вехи латышских ликвидаторов. Ход классовой борьбы делал свое дело — он объединил для дружеских выступлений героический пролетариат столицы и оплот латышского рабочего движения. Все время и в Петербурге, и в Риге массовое движение шло против ликвидаторства — под «неурезанными» лозунгами — сколько ни старались ликвидаторы и тут, и там наклеить на него «частичные» ярлыки.

А формы организации! Русские ликвидаторы осыпали ренегатской бранью «подполье», призывая «бежать» из него. Еще

не так давно «Луч» презрительно вопрошал: сколько их там осталось еще, членов подполья, «две, три сотни»? Латышские ликвидаторы подпевали Данам и Ежовым и в этом отношении. А латышские рабочие? Они шли по тому же пути, что и питерские пролетарии. Они ни на минуту не отворачивались от той формы организации, над которой ликвидаторы посмеивались и издевались. И в этом коренном и важном вопросе латышские рабочие, через голову кружка своих ликвидаторствующих «примиренцев», подали руку самым передовым рабочим России — петербургским.

Так было, так будет!

Нечеловеческие усилия делают передовые рабочие России, чтобы преодолеть те колоссальные внешние препятствия, которые расставляют на их пути враги рабочего класса. И если рабочие справляются с этими помехами, то уж, конечно, они справятся и с теми заграждениями, которые валит на их пути куриная слепота интеллигенции, тянущей рабочее движение на либеральный путь.

Еще совсем в последние дни мы видели, какая тесная связь существует между Петербургом и Ригой. Ни один город не откликнулся так на питерскую стачку 6 ноября, как Рига.

А возьмите такой вопрос как вопрос о борьбе между 6 рабочими депутатами и «семеркой» полуликвидаторов. Кислые щи латышского ликвидаторства, разумеется, опять зашипели против марксистов. Латышские «примиренцы» сбросили с себя маску и выступили как заправские ликвидаторы. И что же? В руках этих ликвидаторствующих легальная газета. У них — «чины». Они выступают с кликушескими статьями на тему «не можем молчать». А из рабочих кварталов Риги несется единодушный протест против ликвидаторов и — горячие приветствия по адресу 6 рабочих депутатов.

Да, рабочая Рига идет вместе, плечо с плечом, с рабочим Петербургом. И никому не дано совлечь сознательных латышских пролетариев с этого пути!

Привет же вам, латышские рабочие! Знайте: в рабочих предместьях Петербурга прислушиваются к вашему голосу. Отбрасывайте, как и прежде, презренную «дипломатию» беспринципного «примиренчества», которое на деле является рабом ликвидаторства. Идите попрежнему с передовыми рабочими Петербурга — врагами ликвидаторства и сторонниками марксизма.

Продолжайте обсуждать вопрос о 6 и 7 депутатах и заявляйте все, что ваша думская фракция, как и наша, есть фракция 6 рабочих депутатов.

Да здравствует братский союз рабочей Риги с рабочим Петербургом!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 38, от 17 ноября 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

КАК И ЗА ЧТО МЫ ХВАЛИЛИ (1).

В № 79 «Новой Рабочей Газеты» ликвидаторы пытаются использовать одну мою статью в «Просвещении», чтобы «доказать», будто мы еще в июне (2) находили тактику с.-д. фракции во всех отношениях превосходной, а в ноябре — без всякой причины радикально изменили свое мнение (3).

«Доказать» это можно было только путем «умолчаний», равносильных передержкам. К этому жалкому приему ликвидаторы и прибегли.

Да, мы хвалили многие выступления фракции с думской трибуны. Да, мы писали статьи под заглавием «Первые шаги с.-д. парламентаризма в России», когда с.-д. фракция отвергла предложение кадетов пойти на собрание «объединенной оппозиции» (4). Да, мы рукоплескали Чхеидзе и Чхенкели, когда они, вопреки ликвидаторскому катехизису, говорили в Думе о наступлении новой эпохи «бурь».

Более того. Не мы одни, а целое совещание марксистов анти-ликвидаторов в феврале 1913 года официально заявило, что оно «приветствует энергичную деятельность с.-д. депутатов 4-й Думы, выразившуюся в ряде думских выступлений, во внесении запросов и в прочтении декларации, в общем правильно выразившей основные принципы с.-д.».

Но никто из нас ни на минуту не скрывал ошибок фракции. И ликвидаторы не могут не знать, что еще в январе 1913 года в том же «Просвещении» была помещена моя статья (5), в которой говорилось:

— «... У фракции были и ошибки ... Так, тов. Чхенкели от имени фракции выступил с требованием «создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности», официально отвергнутым марксистами при выработке программы. По существу дела Г. В. Плеханов был вполне прав, когда недавно печатно указал, что бундовская культурно-национальная автономия есть не что иное как «приспособление социализма к национализму».

И там же я писал:

— «Другая ошибка фракции, это — резолюция о Ягелло. Здесь 7 членов фракции сделали уступку не только националистам, но и раскольникам... Обе эти ошибки тем серьезнее, что сделаны они не по недосмотру. Все 6 рабочих депутатов, про-

шедших по рабочей курии, т.-е. представители $^{9}/_{10}$ всей рабочей России, голосовали против указанных постановлений. Майоризация (6) представителей огромного большинства рабочих случайным одним голосом Р. была особенно непростительна» («Просвещение», январь 1913 г., стр. 66 — 67).

То же самое мы говорим и теперь. Ликвидаторы это знают. Спорьте по существу, господа. Но — к чему заниматься... извращениями!

В № 6 «Просвещения» (7) мы писали: «Вся политическая обстановка в Думе и вне Думы сделала то, что для другой тактики рабочих депутатов, кроме как «большевистской», буквально не оставалось места». Эти слова мы готовы повторить и теперь, поскольку Чхеидзе не захочет плясать под дудку г. Ф. Д., поскольку он и теперь будет говорить речи, которым могут рукоплескать и большевики. Хорошую речь мы всегда назовем хорошей. Но если он станет защищать тот взгляд, что свобода коалиции хороша, «поскольку» действия, с ней связанные, «не составляют уголовно-наказуемого деяния», — он превратится из социал-демократа в социал-демократствующего октябриста.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Статья напечатана в газете «За Правду», № 38, от 17 ноября 1913 г. подпись — «Г. Зиновьев».

2) В июне — Г. Зиновьев поместил в «Просвещении» статью «К итогам думской сессии» (1913 г., № 6).

3) В ноябре — были две статьи Г. Зиновьева: «Что случилось?» («Просвещение», 1913 г., № 11) и «К чему приводит ликвидаторство» («Просвещение», 1913 г., № 11, за подписью — «А. Б.»; перепечатано в Собр. соч., т. II, стр. 289).

4) «Первые шаги с.-д. парламентаризма в России» — статья в «Просвещении» (1913 г., № 1, перепечатана в Собр. соч., т. II, стр. 249).

Вопрос об отношении с.-д. к «объединенной оппозиции» возник благодаря примирительной позиции меньшевиков, прельщавшихся союзом с либеральной буржуазией. Во время первой Гос. Думы меньшевики самым энергичным образом агитировали за поддержку требования создать кадетский кабинет. Но перводумская меньшевистская фракция, под давлением рабочих, не поддержала планов своего центра. Во время второй Думы меньшевики, как это признал Церетели на Лондонском съезде, часто действовали по принципам большевистской тактики, т.-е. опять-таки подчиняясь пролетариату. Третьедумская с.-д. фракция, среди которой опять преобладали меньшевики, после ряда крупных ошибок, встала на большевистский путь борьбы с ликвидаторами и сторонниками «соглашения».

С.-д. депутаты четвертой Думы решительно отклонили приглашения кадетов притти к ним на совещание «объединенной оппозиции», признавая возможность общения только с трудовиками.

[5]) В январе — статья Г. Зиновьева «Первые шаги с.-д. парламентаризма в России» (см. выше).

[6]) Майоризация — решение какого-либо вопроса при голосовании его, когда большинство складывается в виде незначительного, случайного преобладания.

[7]) В № 6 «Просвещения» — статья «К итогам думской сессии» (см. выше).

О «КАКИХ-ТО УСЛОВИЯХ» (1).

За свободу коалиции в России стоят — по крайней мере на словах — либералы. За свободу коалиции стоят также ликвидаторы. Свободу коалиции отстаивают, наконец, и марксисты. Но поистине — когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же.

Марксисты, отстаивая свободу коалиции, прежде всего указывают рабочим, что вопрос об этой свободе в современной России неразрывно связан с общим вопросом об освобождении страны, что для успешной борьбы за свободу коалиции надо, чтобы массы отдали себе отчет в тех условиях, которые господствуют в России; чтобы они поняли, где те препятствия, которые надо устранить для завоевания действительной свободы коалиции; чтобы они убедились, что в России на очереди не реформы, а «реформа»...

По понятным причинам марксистам приходится иногда выражаться не совсем точно. Но не понять их мысли нельзя: центральная задача рабочего класса в настоящую эпоху — борьба за старые «неурезанные» требования, выдвинутые со всей силой 8 лет тому назад...

Ликвидаторы и либералы выдвигают свободу коалиции именно взамен этих требований.

— «В наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни... для умения ориентироваться (разбираться) и постоять за себя — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении в частности»...

Так писал видный представитель ликвидаторства Ю. Ларин («Дело Жизни», 1911 г., № 2, стр. 18).

Здесь вся программа ликвидаторства. России предстоит только «конституционное обновление». Рабочий класс должен организоваться не «для революции», а «просто-таки». Рабочий класс должен думать не о каких-то там особых условиях России, а должен «просто-таки» бороться за известную свободу коалиции и т. д. На очереди — борьба за «чисто рабочие» требования. Все остальное устарело.

Так и ставят свою «коалиционную кампанию» все ликвидаторы. Г-н Ф. Д. на-днях так прямо и воскликнул в «Н. Р. Г.»: настоящие марксисты - мол «никогда не отсылают их (рабочих) к каким-то условиям» (см. № 85 указанной газеты). Марксисты зовут «просто-таки» добиваться улучшения коалиционного права.

Какие-то там условия! Это прямо великолепно...

Ликвидатор ни о каких «условиях» слышать не хочет. Ему достаточно того, что он без устали твердит: борьба за легальность, свобода коалиции. От этого, видите ли, исчезнут и Пуришкевич, и совет объединенного дворянства, и все прочие «условия» русской жизни. В Северо-Американских Штатах рабочий класс требует от своего выборного правительства полной свободы коалиции, т.-е. устранения всех стеснений ее. Ничего другого, по мнению ликвидаторов, не должен делать и рабочий класс России. Он должен «просто-таки» добиваться свободы коалиции от Пуришкевичей. Это только люди в роде злокозненных «правдистов» могут говорить, что от Пуришкевичей мы требуем одного: чтобы они перестали быть, чтобы они ушли... Это только разные «синдикалисты» могут говорить о каких-то там «условиях»... К чему говорить об «условиях», при которых только и осуществима свобода коалиции в России, когда этот вопрос давно разрешен ликвидаторами? Свободу коалиции, по их мнению, может «дать и Дума 3 июня».

Вот, например, что произошло в 1911 году. Ликвидаторы только начинали тогда свою «коалиционную кампанию». И вот в Петербурге состоялось совещание легальных деятелей, меньшевиков. Оно одобрило указанную кампанию, но поставило на вид, что в агитации «должно быть ясно оговорено, что рабочие на 3-ю Думу не возлагают надежд, а пользуются ею, чтобы огласить свои требования».

Что же сказали на это ликвидаторы?

Они объявили указанных деятелей «большевиками» и возразили им следующим образом:

— «С агитационной точки зрения этот прием (т.-е. сказать, что Дума 3 июня не даст свободы коалиции) ничего, кроме вреда (!), принести не может, так как необходимым условием вовлечения рабочих масс в движение за какое-нибудь конкретное требование является вера в то, что их борьба будет иметь осязательный успех... Чистейшей метафизикой является мысль

о том, что до такой-то политической черты в данном строе (т.-е. при режиме 3 июня — *Г. З.*) исключена возможность коалиции, а за этой чертой эти возможности начинают процветать». (См. «Наша Заря», 1911 г., № 9 — 10, стр. 21, 22.)

Вот она, философия ликвидаторской «борьбы» за свободу коалиции! Надо, чтобы массы поверили, что Дума 3 июня им что-либо «даст». Тогда эти массы втянутся в движение. И... и Дума им в самом деле даст свободу коалиции.

То же самое — только в более осторожной форме — говорит и г. Ф. Д. К чему «отсылать» рабочих к «каким-то условиям»? К чему массам вникать в сущность всего современного социально-политического уклада? Пусть «просто-таки» борются за легальность. А все остальное приложится.

И эти люди еще обижаются, когда им говорят, что они только по-либеральному болтают о свободе коалиции, и что борются за свободу коалиции лишь те марксисты, которые ни на минуту не забывают об «условиях».

Впрочем, извините, г. Ф. Д. Отныне мы будем говорить уже не об «условиях», а о «каких-то условиях»...

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 48, от 30 ноября 1913 г.; подпись — «Г. З.».

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? (1)

(К вопросу о расколе в с.-д. фракции.)

Вопрос о событиях в с.-д. думской фракции интересует не только каждого социал-демократа, но и каждого просто демократа. Что, в самом деле, случилось в с.-д. фракции, какие политические причины вызвали раскол?

Ни одна горячая политическая стычка не обходится без осложнения ее второстепенными, непринципиальными мотивами. Так было и в борьбе 6 и 7 с.-д. депутатов. Одной из сторон — ликвидаторам — политически выгодно подменять принциальный спор мелкими столкновениями. Мы все это отодвигаем. И спрашиваем себя:

1. В чем идейно-политическая сущность спора?

Для всякого политически грамотного человека уже теперь ясно, — а чем дальше, тем будет становиться все яснее, — что и 6 и 7 депутатов по существу дела разошлись из-за двух крупных политических вопросов: 1) должна ли думская с.-д. фракция быть «независима» от рабочей партии, должна ли фракция стоять над партией или наоборот, и 2) должна ли фракция быть столь же непримиримой к ликвидаторству, как непримирим к нему рабочий авангард, или фракция может поставить свое мнение выше мнения рабочих и относиться к ликвидаторству не только как к «законному оттенку», но и как к «передовому» течению в русской социал-демократии.

Первый вопрос — о «независимости» от партии — более или менее резко ставился во фракции с первого же дня ее работы. Ликвидаторы с самого начала стали твердить депутатам, что ничего выше фракции «не существует», что она одна, как орган «открытый» и всем видный, только и может решать все спорные вопросы, что существующие решения никому неизвестного «подполья» устарели и вообще ни для кого не обязательны, что рабочие массы прислушиваются только к легальному представительству с.-д. Одним словом, фракция превыше всего.

Нет никакого сомнения в том, что если бы не отчаянное сопротивление со стороны 6 рабочих депутатов внутри фракции,

семерка сразу пошла бы по этому пути «независимости». Да она и пошла по нему — только вначале с некоторыми колебаниями, неуверенно спотыкаясь.

В самом деле, мог ли во фракции даже возникнуть серьезно вопрос о принятии в ее ряды не-социал-демократа Ягелло, если бы семерка не считала себя «независимой», если бы она фактически не шла по пути беспартийности? Где видано, чтобы социал-демократическая фракция, подчиненная определенным рабочим организациям, принимала в свои ряды не-социал-демократа, человека, не принадлежавшего и не принадлежащего к данной политической организации? Изменить свой состав в беспартийном духе могли только люди, сами отрицающие партийность. Во второй Думе были, например, литовские с.-д. Они прошли не в борьбе с местными «российскими» с.-д. (как это было в случае с Ягелло), их прав никто не оспаривал, никакого конфликта с рабочими у них не было. Все-таки во втородумскую социал-демократическую фракцию их приняли только как «примыкающих», по той простой причине, что литовская с.-д. не входила в российскую. Еще в августе 1912 года на ликвидаторской конференции сами ликвидаторы не дали п. п. с. (партии Ягелло) решающего голоса, а лишь привлекли ее представителей в качестве гостей. Когда собралась фракция, и у тяготеющих к «независимости» оказалось 7 против 6, ликвидаторы провели принятие Ягелло.

Этот шаг означал, что семерка хочет быть не партийной, а беспартийной. При лучших внешних условиях, если бы марксистская организация не переживала таких тяжелых времен, одного этого беспартийного шага было бы достаточно, чтобы семерых «независимых» попросили или подчиниться, или — удалиться.

Шесть рабочих депутатов протестовали, но продолжали надеяться, что семерка исправится. Эта надежда, к сожалению, не оправдалась.

Оппортунисты всех стран тянут парламентскую фракцию к «независимости» от партии. Депутаты, это — верховные жрецы, непогрешимые сверхчеловеки. Как могут какие-то рабочие организации «навязывать» этим сверхчеловекам свою волю?

Тяготение к «независимости» и у нас, в России, тоже замечается уже давно. Еще на Лондонском конгрессе 1907 года вождь ликвидаторов г. Мартов внес официальное предложение

*

сказать, что парламентская фракция работает не под руководством марксистского центра, а в «тесном единении» с ним (протокол 421). Тенденция этой «поправки» ясна: сверхчеловеки-депутаты не признают руководства, они согласны лишь на «единение», т.-е. они, маленькая часть партии, служебный орган ее, должны быть равны партии целиком. Марксисты огромным большинством отвергли эту точку зрения.

Перед началом 3-й Думы вожди ликвидаторов предлагали образовать не с.-д. фракцию, а с.-д. думскую группу. Смысл опять ясен: «группа» есть нечто менее оформленное, группа может быть более «независима».

Марксисты опять провалили предложение ликвидаторов.

В декабре 1908 года ликвидаторы опять пробовали ограничить влияние марксистского целого на фракцию, и опять усилия их оказались тщетными.

В 1912 году их попытка удалась. Семь депутатов стали на путь «независимости». В течение первой сессии они шли по этому пути неуверенно, колеблясь. Отсюда — неопределенность положения. Затем семерка окончательно встала на этот путь. Тогда разрыв с ней стал неизбежен. Ликвидаторы одержали «победу», но эта победа будет роковой для них же. За это можно ручаться.

Первый и главнейший пункт расхождений между 7-ю и 6-ю: семеро требуют «независимости» фракции от рабочей организации и действуют так, как будто фракция стоит над ней, а не наоборот; шестеро же стоят за полное подчинение фракции рабочему авангарду в лице созданных им рабочих организаций. Принцип первых — ревизионистский, полулиберальный. Принцип вторых — марксистский.

Другой важный пункт расхождений касается вопроса о программе и о политической тактике.

Семерка, признав себя «независимой», отреклась от партийной программы, выставив требование культурно-национальной автономии. Можно как угодно относиться к этому требованию по существу, но — факт, что российская с.-д. в 1903 году при выработке программы отвергла это требование. Сделать его своим фракция могла, лишь отрекшись от партийных решений, лишь признав себя органом, стоящим над партией. Семерка пробовала в своих недавних выступлениях в печати оправдываться тем, что Стокгольмский съезд (1906 год) якобы разрешил

бундовцам отстаивать культурно-национальную автономию. Это — неправда. В Стокгольме решено одно: вопрос о национальной программе Бунда оставить открытым до следующего съезда. Если бы и это была правда, если бы бундовцам в самом деле разрешено было временно оставить в своей программе культурно-национальную автономию, то все же фракция как орган общероссийский, долженствующий выражать мнения всех марксистов в целом, не имела права нарушать общую программу и выдвигать этот бундовский лозунг от имени всего рабочего класса России.

«Культурно-национальная автономия» есть националистический лозунг по существу. Защита его фракцией есть раскольнический шаг в самом точном значении этого слова.

Сейчас дело уже не только в отдельных ошибках. Сейчас семерка по всему фронту становится на ликвидаторскую позицию. Она отрезала себя от всех, кроме ликвидаторов. Положение имеет свою логику. По всему политическому положению семерке теперь ничего не остается, как стать думским органом ликвидаторов. К этому она идет неудержимо.

В 4-й Думе две фракции: одна «независимая» и ликвидаторская; другая — выполняющая волю организованных рабочих, марксистская.

Вот что случилось в с.-д. фракции. Вот каков идейно-политический смысл событий.

2. Большинство думских кресел или большинство организованных рабочих?

В ходе борьбы между шестью и семью много споров было из-за того, где же и за кем большинство.

По мнению ликвидаторов, вопрос этот решается очень просто: 7 больше 6. Ликвидаторские писатели много острили по поводу того, что мы погрешаем против арифметики, и т. д.

Однако, так ли просто разрешается этот вопрос? Семь думских кресел действительно больше шести думских кресел. С этим спорить невозможно. Если исходить из числа думских кресел, если считаться только с тем, что происходит в той комнате, где заседают с.-д. депутаты, тогда, конечно, дело просто: шестеро да покорятся семерым.

Можем ли мы при данном положении вещей исходить только из количества думских кресел? Раз семерка становится на «независимый» путь нарушения программы и борьбы против партии, то не является ли долгом партийцев апеллировать к дисциплине высшего порядка — к воле организованных рабочих?

Существуют ли какие-нибудь данные для определения большинства при наших условиях?

Да, существуют. Марксисты приводили их много раз. Повторим их здесь в основном:

1) Число рабочих в 6 губерниях, представленных шестеркой, по отчетам фабричных инспекторов. . . . 1.003.000

Число рабочих в 7 губерниях, представленных семеркой. 214.000

2) Число рабочих групп, поддерживавших материально анти-ликвидаторскую печать за 1912—13-й годы (по 1 октября) 2.576

Число групп, поддерживавших за то же время ликвидаторскую печать 556

3) Все без исключения питерские профессиональные союзы рабочих, высказавшиеся о разногласиях между шестью и семью, высказались за шестерку.

4) Все три раза, когда дело доходило до референдума по вопросам, спорным между шестеркой и семеркой (о сотрудничестве в «Луче», о «Вопросах страхования» и теперь о равноправии шестерки и семерки), подавляющее большинство высказалось за шестерку.

Это все данные из области легальной работы. На иной арене ликвидаторы уже подавно — круглый нуль.

Наиболее прямодушные ликвидаторы и сами не отрицают, что они в меньшинстве среди рабочих. Виднейший грузинский покровитель ликвидаторов Гареше пишет, что большевики — «господствующая в России фракция». «Наша Заря» (Г. Ракитин) недавно черным по белому заявила, что ликвидаторов рабочие вытесняют даже с легальной арены, и что рабочее движение в России проходит теперь большевистский этап. Видный ликвидатор Эм-Эл недавно заявлял, что петроградский пролетариат переживает «правдистское поветрие».

Ведь все это — несомненные признания того, что в рабочем движении преобладают анти-ликвидаторы.

Раз так, то можно ли апеллировать к числу думских кресел?

Огромное большинство организованных рабочих России стоит за шестерку и ее тактику. Это — неоспоримейший факт. Может-быть, впоследствии все они — Маньков, Ягелло, Скобелев — проникнутся выдержанным «марксизмом», но в данный момент они на стороне семерки.

У семерки больше на одно - кресло в Думе. У шестерки подавляющее большинство среди сознательного российского пролетариата. Чем дальше, тем яснее это будет становиться для всякого.

Подчиняться ликвидаторским решениям семерки значит—изменять желаниям большинства организованных рабочих. Служить этому большинству рабочих значит — не признавать, что одно лишнее думское кресло решает все споры.

Шестерка сделала свой выбор.

Она осталась с большинством организованных рабочих России.

3. «Столыпинские курии» и — где фракция?

Когда мы указываем, что представителями большинства рабочих являются шесть депутатов самых промышленных губерний с особой рабочей курией, нам отвечают: но ведь эти курии придумал Столыпин; значит, вы апеллируете «от Маркса к Столыпину».

Этот «довод» о «Столыпинских куриях» повторяют изо дня в день. Его повторяют не только еврейские ликвидаторы из «Цайт», но даже друзья ликвидаторов из... «Речи».

Что сказали бы мы о человеке, который, стремясь подорвать значение победы марксистов в петерб. союзе металлистов, хотел бы говорить, что это — союз, существующий на основе Столыпинского закона 4 марта, и, значит, мы апеллируем к закону 4 марта?..

Мы ответили бы ему: да, конечно, союз этот ограничен Столыпинскими рогатками; конечно, он не может действовать свободно; разумеется, на его пути стоит масса препятствий. Тем больше заслуга, тем больше победа марксистов, если они даже при этих условиях смогли отвоевать в союзе влияние своему учению.

Так и со «Столыпинскими куриями». Они, конечно, так же плохи, как и закон 4 марта. Разумеется, мы стоим за всеобщее

избирательное право без всяких курий. Тогда не была бы исключена из числа избирателей вся рабочая молодежь («зеленая молодежь», по сведениям самих ликвидаторов, идет за большевиками), тогда вообще не было бы массы других стеснений. Если мы все-таки, вопреки стеснениям, отвоевали при этих тяжелых условиях всю рабочую курию для марксизма, то это показывает, что марксизм сильнее в рабочей среде, что ликвидаторству там совсем нет места.

Столыпинский закон дает возможность помещикам провести «от рабочих» любого черносотенца — если только хоть один черносотенец попадет в число выборщиков. Если марксисты анти-ликвидаторы сумели справиться с этой особенностью «Столыпинских курий», то это свидетельствует о том, что подавляющее большинство рабочих за них.

Столыпинский избирательный закон охотно обошел бы совсем рабочих. Однако, политическое положение обязывало дать рабочему классу известное представительство. Это представительство обставили миллионом ограничений, уловок, препятствий. Когда мы одолели все эти ухищрения и, несмотря ни на что, отвоевали для партии все представительство рабочего класса, — нам говорят: ну, да ведь это «Столыпинские курии», стоит ли считаться с результатами этих выборов.

Избирательный закон крайне плох и для крестьян и для городов. Все-таки для последних в 10, а то и в 20 раз менее плох, чем для рабочих. Значит, прелести Столыпинского избирательного закона гораздо менее отразились, скажем, на Манькове, Чхеидзе, Скобелеве, Чхенкели, которые прошли от городов и частью от крестьян, нежели на шести представителях «Столыпинских курий». Значит, семерке можно было бы поставить на вид, что она воспользовалась преимуществами «Столыпинского» закона. Налицо лишний довод против подавления одним случайным голосом шести рабочих депутатов. Ликвидаторы из этого ухитряются сделать вывод против шести рабочих депутатов...

Перед выборами в Думу сами ликвидаторы писали: «Депутаты от рабочей курии из шести губерний — вот надежный остов будущей с.-д. фракции в Государственной Думе, вокруг которого сгруппируются отдельные с.-д., которым удастся проскочить в общей курии там и здесь через все рогатки» («Наша Заря», № 6, 1911 год).

Как можно против этого спорить? Кому же не ясно, что рабочие Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской губерний—главное ядро русского рабочего класса? Как можно оспаривать, что их представители должны явиться хребтом с.-д. фракции? *)

Вопрос о том, где же думская фракция, представляющая подлинный российский пролетариат, — совершенно ясен. Она там, где сидят шесть представителей рабочего класса, которых пролетариат провел в Думу вопреки всем прелестям «Столыпинских курий».

В Думе может быть еще фракция людей, причисляющих себя к социал-демократии, но действительное рабочее представительство, это — шесть рабочих депутатов, плоть от плоти и кость от кости нашего российского рабочего класса.

Чхеидзе и Маньков могут сердито объявлять, что рабочие депутаты «откололись» от с.-д. фракции. Ф. Дан и Гамма могут осыпать рабочих представителей площадными ругательствами, но факт остается фактом. Рабочий класс не может отколоться от самого себя, а рабочий класс остался со своими рабочими депутатами.

В этом ликвидаторы уже имели достаточно случаев убедиться.

4. Где раскольники?

Среди сторонников семерки часть рабочих рассуждает так мы согласны, что фракция должна подчиняться марксистскому целому. Но где это целое? Где общепризнанные марксистские учреждения? Ведь учреждений два, ведь в партии раскол и т. п.

Мы не согласны с этими товарищами в оценке фактов. Мы думаем, что целое существует, и что оно — одно. Все, что вне его, это — небольшие, большей частью интеллигентские, оторвавшиеся от масс кружки.

Допустим на минуту, что эти товарищи правы в оценке фактов: налицо раскол, два центра, борьба двух направлений и т. п. Спрашивается: как должна поступить при таком положении дел думская фракция?

*) Указывают на то, что в Петербургской губернии часть рабочих избрала выборщиками ликвидаторов, но ведь и у Тулякова, и у Хаустова, и у Ягелло была большая часть избирателей анти-ликвидаторов.

Провозгласить свою «независимость», действовать, как бог на душу положит, большинством одного случайного голоса подавлять половину фракции?

Кажется ясно: именно при таком положении вещей шестерка и семерка в области думской работы могут работать вместе только на основе соглашения, только без подавления, только при признании равенства за обеими сторонами фракции.

Это и предложили 6 рабочих депутатов.

В ответ послышались крики о «расколе», началась брань, поднялся шум. Вся буржуазная печать поддержала семерку и усиленно помогала ей распространять басню, будто раскольники, это — 6 депутатов.

Пройдет еще короткое время. Мелочи забудутся. Брань надоест. Все спросят себя: кто все-таки предлагает известное соглашение двух частей фракции и кто отклоняет его?

И всякий увидит основной факт: соглашение предлагают 6 рабочих депутатов; соглашение отклоняют 7 депутатов.

Факты все-таки сильнее всяких слов, и каждый рабочий сделает свой вывод: раскольники, это — семерка, идущая за ликвидаторами.

Оппортунистическая интеллигенция во всем мире на парламентской арене имеет непропорционально большое влияние и всюду относительно сильнее на этой арене, чем представители ортодоксального марксизма.

У нас, в России, все-таки много шансов, что рабочий класс постоит за себя и в этом отношении. Атака оппортунистов отбита рабочими на арене профессиональных союзов, в страховой кампании, в рабочей печати. Теперь очередь за думской ареной. Надо, чтобы и здесь рабочие дали отпор оппортунизму и ликвидаторству.

Рабочие сделают это. Начало положено. Это начало гарантирует благоприятный исход: рабочие вправе рассчитывать, что при решении этой нелегкой задачи их поддержат все истинно-марксистские элементы России. Было время, когда и Троцкому, и Дану, и «Лучу», и августовской «конференции» верили, будто они за «единство». Теперь всякий толковый рабочий увидел, что это и были настоящие раскольники. То же будет и с семеркой депутатов, у которых с уст не сходит слово «единство», а которые на деле проводят раскол...

Что случилось в с.-д. фракции? От социал-демократии ушел к ликвидаторам последний отряд, колебавшийся между социал-демократией и ликвидаторством. Надо либо заставить его вернуться и стойко служить рабочему классу, либо победить его в открытом бою.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение» № 11, 1913 г., ноябрь, подпись — «Г. Зиновьев».

«ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА (1).

Не подлежит никакому сомнению, что оппозиционное настроение буржуазии, ее несогласие с реакцией, недовольство и хотя бы слабый протест против Пуришкевичей являются условиями, благоприятствующими освободительной борьбе рабочего класса. Ни один марксист не станет оспаривать также и то, что задачей рабочих является — использовать в своей повседневной политической борьбе те разногласия и споры, хотя бы самые частные, которые существуют между помещичьей реакцией и оппозиционной буржуазией.

Но вот два коренных вопроса, на которые приходится слышать различные ответы. Во-первых, как именно должен вести себя рабочий класс, чтобы своим политическим поведением увеличивать оппозиционность буржуазии? И, во-вторых, каковы пределы оппозиционности нашей буржуазии, заложенные в самых условиях русской социально-политической действительности, — иначе говоря, является ли наша буржуазия, в общем и целом, «движущей силой» освободительного движения, или она, несмотря на свои колебания и полевения, по существу является контр-революционной силой?

Существует такое мнение: для того, чтобы буржуазия оставалась оппозиционной, рабочий класс должен «не пугать» ее. Будьте умереннее в своих требованиях, поддерживайте те минимальные требования, которые выдвигает оппозиционная буржуазия, не будьте непримиримы, найдите общий язык и общую платформу с оппозицией, не заходите «слишком» далеко в подчеркивании своих классовых задач, и тогда — буржуазия будет «леветь». Тогда мы вместе с ней одолеем реакцию и завоюем, хоть небольшие, но реальные свободы.

Так твердят нам оппортунисты вот уже скоро 10 лет.

Марксисты, однако, не могут согласиться с этим рецептом. Годы реакции и нынешнего нового подъема рабочего движения показывали и показывают, что такая тактика была бы глубоко неверна. Именно непримиримая (и «неурезанная») тактика имеет своим побочным результатом и «левение» буржуазии. С того момента, как мы стали бы подлаживаться под буржуа-

зию, барометр ее оппозиционности стал бы падать. Всюду и везде те же конституционные реформы являются побочным результатом непримиримой, «неурезанной» борьбы масс за переход власти в другие руки другого класса. Можно ручаться, что если бы в России рабочий класс не выступил в 1912—1913 годах так решительно и непримиримо, «левение» буржуазии от этого только замедлилось бы, а отнюдь не возросло.

Но, разумеется, тут есть грань, которую русские марксисты всегда должны иметь в виду. Эта грань тесно связана с вопросом о контр-революционности русской буржуазии. В определенный момент буржуазия начинает колебаться в своей оппозиционности и даже склонна активно поддержать реакцию против демократии. Так было 8 лет тому назад после 17 октября, когда даже самая либеральная буржуазия закричала о «разнузданности» рабочих, о «безумии стихии» и т. д. В тот критический момент *вся буржуазия* предала интересы политической свободы. Очень может быть, что и в нынешнем кризисе наступит опять такой же критический момент. Буржуазия опять перестанет «леветь» и опять бросится в объятия Пуришкевичей. Это обусловливается ее классовым положением, всем социально-экономическим положением в России. Перед буржуазией выбор: или такая победа над реакцией, при которой рабочий класс чрезвычайно упрочивает свою классовую позицию для борьбы против буржуазии, или такая сделка с реакцией, при которой буржуазии достается только небольшая частица льгот, но при которой реакция помогает держать в ежовых рукавицах российский пролетариат.

Именно этого не хотели и не хотят понять наши ликвидаторы. Они не видят, что рабочий класс сможет победить лишь в союзе с городской и деревенской демократией против шаткости буржуазии. И они видят задачу рабочих в том, чтобы *приспособиться* к буржуазии, «не отпугивать» ее, итти с ней вместе. Они считают, что победа станет возможна лишь тогда, когда буржуазия созреет в своем «левении» настолько, что станет «движущей силой» освободительной борьбы.

— ... «Общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее движущей силой», — писал вождь ликвидаторов Л. Мартов в 1909 г. («Возрождение», № 1.)

Первая кампания оттого-де и потерпела неудачу, что буржуазия — отчасти и благодаря ошибкам рабочих — не стала

«движущей силой». Теперь буржуазия доучится, и тогда дело пойдет на лад...

Этот взгляд в корне неверен. «Движущей силой», активной силой подлинно демократического освобождения, — буржуазия в России никогда не станет. Ждать этого — значит сеять обманные надежды.

По поводу нынешнего «полевения» буржуазии ликвидаторы не выказывают уже, правда, таких радужных надежд. Другой представитель ликвидаторства, Ф. Дан, недавно писал, что своей самостоятельной политикой рабочий класс может «превратить бесформенный процесс брожения буржуазного либерализма в большую политическую силу». (Газета «Цайт», № 32; разрядка наша.)

Это звучит не так оптимистически, как прежние заявления ликвидаторов. Но и здесь сквозит ложная надежда на то, что наша буржуазия может не только «леветь», но и может стать «большой политической силой» — движущей силой демократического переворота.

А второго-то как раз и не может быть.

Каутский был тысячу раз прав, когда давно указывал в своей известной брошюре «Движущие силы», что, начиная с 1848 года, вся европейская буржуазия не играла такой роли, ибо уже стал появляться на исторической арене пролетариат, а буржуазия всюду попадала между двух огней: с одной стороны — реакция, с другой — пролетарские массы.

В недавно вышедшей поучительной переписке Маркса с Энгельсом находим следующее глубоко интересное место.

Энгельс переслал Марксу одну свою рукопись, в которой, между прочим, писал, что движение 1848 года потерпело неудачу потому, что буржуазия не хотела всеобщего избирательного права.

В своем отзыве об этой рукописи Маркс пишет Энгельсу:

— «Я бы не сказал, что движение 1848 года до 1849 года потерпело неудачу по той причине, что буржуа недоброжелательно отнеслись к всеобщему равному избирательному праву. Ведь франкфуртцы(²) тоже провозгласили его истинно-немецким требованием... В данном месте тебе невозможно распространяться подробно. Я бы употребил там такую фразу: я бы сказал, что буржуазия тогда предпочла перспективе борьбы — покой, сопряженный с рабством» *).

*) См. том III «Переписки», письмо от 11 февр. 1865 г., стр. 224.

Эти слова (в скобках заметим, что Энгельс согласился с Марксом), сказанные около 50 лет тому назад, имеют глубокое историческое значение. Политическая роль буржуазии во всей новейшей истории гениально схвачена здесь в немногих словах: дело не в том, как на словах относится буржуазия к тому или иному лозунгу конституционных реформ. Дело в том, что она не может и не хочет серьезно бороться, дело в том, что она предпочитает рабский «покой» даже одной только перспективе борьбы.

Слова Маркса как нельзя более характеризуют нынешнюю политическую роль русской буржуазии. Она может «леветь», она может выпустить «Выборгский манифест», она даже в лице своей самой «правой» партии (октябристы) может провозгласить различные конституционные требования. Но — бороться она не может и не хочет.

Все же «полевение» буржуазии сохраняет все свое значение, как симптом, как признак времени, как слабый отзвук того, что происходит там, в глубинах народных, в недрах подлинной народной России. Рабочий класс не должен питать ложных надежд на то, что буржуазия на самом деле станет «движущей силой» переворота. Поэтому пролетариат должен остаться вождем всей освободительной кампании. Он должен вести самостоятельную непримиримую, «неурезанную» борьбу. Он должен сплачивать вокруг себя подлинно демократические элементы города и деревни в борьбе и против реакции, и против шаткости буржуазии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «За Правду», № 49, от 1 декабря 1913 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Франкфуртцы — члены буржуазно-либерального парламента, собравшегося во Франкфурте под влиянием событий германской революции 1848 г. Этот парламент был, в сущности говоря, учредительным собранием, и главною его задачею явилась выработка новой германской конституции. «Франкфуртцы» состояли, главным образом, из представителей оппозиционной буржуазии, которой не удалось сломить сопротивления отдельных германских правительств, да большинство парламента — ученые и писатели — и не домогались глубоких результатов, больше интересуясь вопросами национального объединения. Впрочем, в некоторых областях Германии нашлись более радикальные группы, но пруссаки взяли на себя «восстановление порядка» и разбили повстанцев. Франкфуртский парламент перенес свои заседания в Штуттгарт, где вскоре и прекратил свое существование.

ПРОЛЕТАРСКАЯ
ПРАВДА
РАБОЧАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ

Годъ изданія первый.

СОДЕРЖАНІЕ № 3:

Конфискація газ. „Пролетарская Правда".
СТАТЬИ:
ЗА РУБЕЖОМЪ:
ФЕЛЬЕТОНЪ:
РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧАЯ ФРАКЦІЯ.
СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ.
Рабочее движеніе. — Профессіональное движеніе въ Россіи.—Изъ жизни рабочихъ.—О рабочей печати.

№ 3. Вторникъ, 10 декабря 1913 г. ЦѢНА коп. 2

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛАТЫШСКИМ ПРИМИРЕНЦАМ (¹).

(Ответ тов. Синусу.)

В ответ на мою статью «Рига и Петербург» («За Правду», № 38) появилась пространная статья тов. Синуса («Новая Рабочая Газета», № 95), который, повидимому, говорит не только от своего имени, но и от имени своих единомышленников, считающих себя латышскими «примиренцами». Статья тов. Синуса настолько интересна, что на ней стоит остановиться подробно. Вообще, если где-либо были искренние примиренцы, люди, которые, поддерживая ликвидаторов, действительно верили, что они делают это в интересах единства, — так это именно среди латышских с.-д. Латышские примиренцы проделали этот опыт на протяжении целых двух лет, и вот теперь они стоят у разбитого корыта. Лучшие из них сами теперь видят, что ликвидаторы грубо использовали их в своих анти-партийных целях, а латышские рабочие массы отвернулись от них и не могут им простить поддержки ликвидаторов...

В своей статье «Рига и Петербург» я выставил два основных положения: 1) что подлинные рабочие массы в латышском крае идут во всех своих выступлениях, во всей своей борьбе, во всей своей организационной работе по тому же пути, что и рабочий Петербург — оплот большевизма и анти-ликвидаторства; 2) что латышские официальные «верхи» находятся в последние годы в постоянном конфликте с рабочими «низами», ибо эти «верхи» пытаются — увы, тщетно — оттащить латышское движение на тот путь, который указует им интеллигентская группа ликвидаторов в России.

Первого — самого важного — положения моей статьи тов. Синус и не пытается оспорить. Напротив, сам того не замечая, он подтверждает его с такой определенностью, на которую я даже

не мог надеяться. Тов. Синус пишет, например, что латышские с.-д. «всегда призывали рабочих прежде всего укреплять свои «подпольные» организации, а потом уже использовать все легальные возможности». Легальной работе, — прибавляет он, — действительно придается громадное значение, но только при том непременном условии, если она ведется под руководством и в полном согласии с директивами «подполья».

Подумал ли тов. Синус, что он сказал в этих немногих словах? Ведь он режет ими ликвидаторов, что называется, без ножа! Ведь он, наш яростный противник, дал нам этими словами такое полное удовлетворение, о котором мы и не смели мечтать! Он подтвердил ту именно формулу, которую мы отстаиваем в борьбе с ликвидаторами вот уже 5 лет.

По спорному вопросу, вокруг которого вертятся все основные разногласия, латышский социал-демократ, готовый обвинять нас во всех семи смертных грехах, вынужден был согласиться с нами.

«Легальная работа имеет громадное значение при том непременном условии, если она ведется под руководством и в полном согласии с директивами «подполья»...

Вот именно, тов. Синус! Только этого мы и требуем! Только из-за этого мы и боремся с ликвидаторами! Вы дали прекрасную большевистскую формулу. Вы говорите большевистской прозой, сами того не замечая.

Неужели тов. латышские примиренцы не знают того общеизвестного факта, что именно такую постановку легальной работы их друзья и союзники — русские ликвидаторы — яростно отвергают? За что хвалит ликвидаторов вся русская буржуазия? За что расточают им похвалы «Речь», Изгоев, даже октябристы? Да, конечно, именно за то, что ликвидаторы отвергают «подполье», объявляют его «отжившим», «вредным», издеваются над ним, плюют на него.

Вспомните, как еще недавно газета «Луч» (№ 10) объявила «прискорбным явлением» уважение рабочих к подполью. Вспомните, когда недавно грузинский полу-ликвидатор, полу-примиренец тов. Ан (²) попробовал робко защищать право подполья на жизнь, — что ответила ему союзная вам редакция ликвидаторской ежедневной газеты? Она стала потешаться над тов. Аном как над фантазером и издевательски спрашивала его: а сколько там

всего осталось рабочих у вас в подпольи? «Две-три сотни» на всю Россию! Вспомните десятки выступлений ваших друзей ликвидаторов в легальной печати против зарубежной. Вспомните десятки «теоретических» (глубоко ренегатских) выступлений против «подполья» в «Нашей Заре». Мы не говорим уже о более ранних призывах господ Потресова, Ежова, Маевского, Дана и К°—«бежать из подполья» и т. д.

Протестовали ли вы, товарищи латышские примиренцы, против этих актов измены? Что-то не слыхать было.

Поразмыслите, что должны были бы думать о вас и вашей принципиальной честности русские марксисты — анти-ликвидаторы. Латышские рабочие массы с редким героизмом отстаивают свое «подполье». Их не страшат никакие жертвы. На них сыплются репрессии. Их терзают, их мучают. То, над чем они трудились долгие месяцы, — вражеской рукой уничтожают в 5 минут. А они все-таки не выпускают знамени из рук. Они справляются со всеми препятствиями. И в конце-концов имеют лучшую «подпольную» организацию во всей России...

А вы, латышские «руководители», вы, «примиренцы», вы в каком положении? Вы на бумаге прекрасно защищаете наши формулы. Вы утверждаете, что знамя «подполья» есть ваше знамя. И в то же время вы всеми силами поддерживаете русских ликвидаторов, топчущих грязными ногами, как ренегаты, это дорогое вам знамя. Эти ликвидаторы всюду и везде говорят от вашего имени. Вы защищаете их неправое дело перед латышскими рабочими. Вы ни словом не протестуете против них. Вы всеми силами поддерживаете их травлю против людей, действительно защищающих в России «подполье» и именно за это объявляемых «раскольниками», и т. п.

Что же это такое? Как должны мы оценивать людей, которые таким образом относятся к своему знамени? Приходится поневоле предположить, что такие люди либо явно не свели концы с концами, либо предположить худшее — беспринципную «дипломатию» самого худшего вида.

Но тов. Синус оспаривает другое положение моей статьи — именно, что латышские «верхи» ведут себя по-ликвидаторски. Синус уверяет, что «ликвидаторства нет в латышской организации», что среди «верхов» нет ни одного интеллигента и ни одного ликвидатора, что «имеются отдельные лица, но нельзя же, в самом деле, из-за блох сжигать всю шубу», что в вопросах

стачечной борьбы и т. д. латышские «верхи» вели себя совсем не по-ликвидаторски.

Допустим! Пусть будет прав тов. Синус, что у себя, в латышском крае, «верхи» вели себя совсем по-марксистски. Ну, а на общероссийской арене? Что же, может хоть один латышский примиренец отрицать, что на этой арене латышские «верхи» — вопреки воле рабочих — вот уже два года плетутся за Данами и Ежовыми самым беспомощным образом? Ведь это — общеизвестный факт! И, разумеется, латышские рабочие вам этого не простят. Если они, как рассказывает теперь тов. Синус, подымают знамя восстания против вас, — пеняйте на себя, господа! Нельзя безнаказанно играть честью рабочей организации. Нельзя поддерживать «от имени» рабочих, сторонников «подполья», политическую группу, поставившую себе целью разрушить его.

Вы возразили на это только одно: «...глубоко несправедливо загоняют очень часто в ряды ликвидаторов тех, которые не дали к этому никакого повода».

Загоняют в ряды ликвидаторов!! Это сказано, — простите, товарищи примиренцы! — по-детски наивно. Хороши «руководители», которых кто-то «загоняет» в ряды ликвидаторов!

Никто не загнал бы вас туда, если бы вы сами себя не загнали, товарищи. Вы оказались «загнанными», потому что вы хотели быть загнанными в ряды ликвидаторов. И если теперь вы потерпели полный крах, если теперь по вопросу о 6 и 7 депутатах $^5/_6$ латышских рабочих высказались против вас, — еще раз пеняйте на себя, товарищи примиренцы! Перед вами выбор: либо честно признаться в ошибке и порвать с ликвидаторами, либо — продолжать быть «загнанными» в ряды Ежовых и Данов.

Выбирайте!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Напечатано в газете «Пролетарская Правда», № 6, от 13 декабря 1913 г.; подпись — «Петербуржец».

«Пролетарская Правда» выходила с 7 декабря 1913 г. по 29 декабря того же года. Издателем подписывался Г. И. Петровский, редактором — С. М. Тотин. Всего вышло 17 №№.

[2]) Ан — псевдоним грузинского меньшевика Жордания.

---

*

О СОГЛАШЕНИЯХ С БУРЖУАЗИЕЙ (1).

(Чему учат рабочих «лево-народники»?)

Любимейшая идея правого крыла социалистов (оппортунистов), это — необходимость союзов и соглашений рабочего класса с либеральной буржуазией. У рабочих и либеральной буржуазии имеется, дескать, много общих точек соприкосновения. Если рабочие соединятся с буржуазией против реакционеров, то от этого-де получится увеличение «прогрессивных» сил, и помаленечку да полегонечку мы будем, таким образом, продвигать вперед колесницу «прогресса».

Люди не хотят видеть того, что на самом-то деле у самой наилиберальной буржуазии гораздо более общего с реакционерами, чем с социалистами, ибо то, что отделяет либеральную буржуазию от крепостников, неизмеримо меньше того, что отделяет либеральную буржуазию от социалистического пролетариата. Люди забывают, что толками об «объединении всех прогрессивных сил» буржуазия сознательно обманывает рабочих, используя пролетарские силы в своих буржуазных интересах.

Почему всего этого не замечают те социалисты, которые, рассудку вопреки, продолжают отстаивать союзы и соглашения с буржуазией?

Намерения у них самые благие, конечно. Но эти социалисты правого крыла еще сами не совлекли с себя ветхого Адама буржуазности. Они одной ногой стоят еще на почве буржуазных течений. Они подвержены буржуазным влияниям.

Германские социалисты правого крыла (ревизионисты, как их там называют) доходят до того, что прямо проповедуют «либерально-социалистическое» братство и т. п. Французские социалисты правого крыла («жоресисты», т.-е. приверженцы Жореса) несколько лет тому назад в своей жажде союзов с буржуазией доходили до того, что одобряли участие социалистов в буржуазных министерствах, ведших самую отчаянную борьбу против рабочих.

Время от времени вопрос о союзах с буржуазией начинают усиленно обсуждать в той или другой стране, особенно перед выборами в парламент. Буржуазии выгодно на выборах

увлечь за собою часть рабочих, и она всячески поощряет социалистов правого крыла в их проповеди блоков и соглашений.

Вот теперь, в связи с предстоящими вскоре парламентскими выборами, вопрос о соглашениях с буржуазией стал злободневным во Франции.

Там яростным защитником таких соглашений («великого блока») выступает Густав Эрве — образчик интеллигентского бесхарактерного оппортунизма. Еще вчера он был самым «левым» из левых, шел рука об руку с анархистами, синдикалистами и прочими «революционными» крикунами — против марксистов. Отрицал пользу парламентской с.-д. работы. Проповедывал нивесть какие «левые» выступления. Сегодня он «разочаровался» в «инсуррекционном» (повстанческом) методе действий и перекинулся направо. Стал проповедывать «великий блок» рабочих с «радикалами», т.-е. с партией прожженных буржуазных дельцов, готовых каждый день продать душу за пару министерских портфелей. — Не беда, что радикалы продаются за министерские места, — говорил Эрве. — Мы, социалисты, тоже имеем 60 — 70 мест в парламенте. Если мы пообещаем им, что мы поддержим их кандидатуры в министры, если они будут уверены, что и на нашу поддержку они могут полагаться, тогда они пойдут с нами и будут проводить реформы, выгодные для рабочих.

Против этой губительной проповеди союзов с буржуазией во Франции последовательно и стойко борются только гэдисты (французские марксисты с Гэдом во главе). Жоресисты по старой памяти, разумеется, готовы притти в объятия буржуазных радикалов. По сути дела они согласны с проповедью Эрве, только, наученные горьким опытом, они выступают поосторожнее.

Что же должен сказать всякий иностранный социалист (в том числе, русский), наблюдая эту борьбу направлений внутри французского социализма? Разумеется, социалист должен сказать рабочим, что прав в этом споре Гэд, что союзы с буржуазией, которые защищает Эрве, глубоко вредят рабочему делу и идут на руку буржуазии.

А что сказали по этому поводу русские «лево-народники»? Ведь русские рабочие, конечно, должны учиться у своих старших западно-европейских братьев. Чему же учат русских рабочих «левые» народники — тактике марксиста Гэда, или тактике типичного оппортуниста Эрве?

В № 1 газеты «Северная Мысль» этому вопросу посвящена статья («Около блоков и соглашений»). Изложив с возможно большей «убедительностью» позицию Эрве (за соглашение с буржуазией) и, по возможности, более скомканно позицию Гэда (против союзов с буржуазией и за самостоятельную тактику пролетариата), автор приходит к мудрому Соломонову решению, что... хороши оба — и Эрве, и Гэд — и что, собственно говоря, разницы между двумя тактиками нет.

Автор так прямо и пишет:

— «Таким образом, как нам кажется, между этими двумя течениями нет серьезного, глубокого расхождения. Среди социалистов нет (??) сторонников блоков... Оба течения, выраженные Гэдом, с одной стороны, и Эрве — с другой, исходят из общих для всех социалистических партий решений, отрицающих такие блоки».

Но ведь это — вопиющая неправда, господа лево-народники! Ведь вы здесь грубейшим образом замазываете глубочайшей важности для каждого рабочего принципиальный спор.

Ведь вы таким образом — только в уклончивой форме — сами защищаете союзы с буржуазией и оправдываете оппортунистическую тактику Эрве.

Как же мог произойти с лево-народниками такой печальный казус?

Ларчик открывается очень просто.

Русские лево-народники не прочь наговорить при случае очень «левых» фраз. Но на деле они во всем существенном согласны с ревизионистами. На деле они сами принадлежат к тому самому разряду «социалистов», которые не избавились от мелкобуржуазности. Их учителя из западно-европейских социалистов — Жорес, Эрве, Бернштейн, а не Гэд, Бебель, Маркс.

В России лево-народники сами защищали союзы с буржуазией. Перед выборами во 2-ю Думу лево-народники упорно защищали блок с кадетами в Петербурге. Только под давлением рабочих народники в последний момент отошли от кадетов и пошли за большевиками. Да еще этим летом, когда зашла речь о «протесте» против стеснений печати, лево-народники предпочли опять пойти с кадетами против «Правды» и против всех профессиональных рабочих органов.

Нам нужно учиться у заграничных социалистов. Но учиться их сильным сторонам, а не слабым. Тактике блоков

с буржуазией мы должны объявить войну. Нам не нужно в России жоресизма, который защищают лево-народники. Нам нужен **марксизм**!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 9, от 17 декабря 1913 г.; подпись — «Г. З.».

НАГЛЯДНЫЙ ШТРИХ.

Швейцария.

Давно уже известно, что оппортунизм в рабочей партии является одной из главных причин, порождающих увлечение рабочих анархическими или полу-анархическими (синдикалистскими и т. п.) идеями. Оппортунизм, нередко сильно развивающийся среди парламентариев, «вождей» и т. п., отталкивает от себя рабочие массы настолько, что они становятся способны поддерживать, из ненависти к оппортунистам, даже такую глупость как анархистский отказ от парламентаризма и т. п.

Эта старая истина, которая особенно важна для русских рабочих (ибо Россия — самая мелкобуржуазная страна, чрезвычайно легко «вскармливающая» оппортунистов), подтвердилась недавно в высшей степени оригинально в швейцарской социалистической партии.

В Цюрихе живет д-р Фриц Брупбахер, анархист, недавно разоблаченный, между прочим, в немецком с.-д. журнале (²). Брупбахер проповедует и в печати, и в собраниях нелепые анархические идеи против участия в парламенте, за «стачку рожениц» и тому подобную чепуху. Ясно как день, что такому господину не место в социалистической партии.

И вот, правление швейцарской социалистической партии предложило местной организации исключить Брупбахера. По уставу, собирается конференция местной организации для решения вопроса. Участвуют до 400 представителей партии и профессиональных союзов. Брупбахер лично дает объяснения и... большинство высказывается против исключения анархиста, нисколько в то же время не сочувствуя анархизму! — Мы отвергаем Брупбахера как теоретика, — говорят рабочие, — но он нужен как критик.

В чем дело?

В том, что Брупбахер от обороны перешел к нападению и безжалостно заклеймил перед собраниями рабочих бесстыдный оппортунизм цюрихских с.-д. вождей и депутатов, членов правительства и т. п. Полицеймейстер Цюриха — социал-демократ, постоянно посылающий отряды полицейских против стачечников! Члены городской думы с.-д. голосуют за запрещение выставлять стачечные пикеты — вот до чего дело дошло! С полным основанием

анархист Брупбахер назвал этих субъектов изменниками рабочему делу. — Пусть с.-д. представители рабочих в парламенте, в думах, в правительстве перестанут изменять рабочим, — воскликнул Брупбахер, — и я согласен тогда сам участвовать в выборах, я прекращаю всякую пропаганду против участия в парламенте.

Рабочие, давно уже негодующие против измен партии со стороны цюрихских оппортунистов, восторженно хлопают Брупбахеру. Оппортунисты довели партию до такого позора, что анархист справедливо клеймит ее. И здоровый классовый инстинкт рабочих повернул кампанию оппортунистов против Брупбахера так, что получилась кампания против оппортунистов.

Так и следует!

Вместе с анархистами должны быть удалены из социалистической партии бесконечно более позорящие и развращающие ее, вследствие своего «высокого» и ответственного положения, господа просиживатели кресел в парламентах и правительственных учреждениях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 11, от 19 декабря 1913 г.; подпись — «Гр.».

[2]) Брупбахер, Ф. — швейцарский анархист, автор изданной в 1913 г. книги «Маркс и Бакунин», вызвавшей несколько критических статей (см. журнал «Нейе Цейт», 1913 г., т. II, стр. 985, 1023; 1913—1914 г., т. I, стр. 150 и 266 (статья т. Рязанова) и стр. 393 (статья Ф. Меринга).

ЗАРАПОРТОВАЛИСЬ [1].

(Еще раз об «уголовных деяниях».)

Ликвидаторы внесли в свой законопроект пункт о том, что действия рабочих при осуществлении свободы коалиции не наказуемы лишь постольку, «поскольку они вообще не составляют уголовно-наказуемого деяния», — тем самым ликвидаторы пошли по пути октябризма [2]. Мы показали, что, внося этот пункт, ликвидаторы тем самым предлагают сажать в тюрьму рабочих за такое, например, «деяние», как вывоз на тачке штрейкбрехера или мастера.

Вместо того, чтобы честно признать ошибку и отказаться от полицейско-октябристского пункта, ликвидаторы стали городить «принципиальную» чушь для защиты этого пункта. По обыкновению, они изливают ушаты грязи на марксистов, чтобы замазать суть своего поступка. Но это им не удастся: рабочие добьются от них отказа от «уголовного» пункта или заклеймят презрением тех, кто, идя по стопам октябристов, продолжают называть себя социал-демократами.

Главный «довод» ликвидаторской самозащиты это то, что фракции 2-й и 3-й Думы выработали приблизительно такую же формулировку. Но это—насмешка, а не довод. Если та или иная комиссия при втородумской фракции во время короткого и тревожного времени работ фракции сделала ошибку, то мы обязаны не повторять ее, а — исправить. Если не было обращено своевременно внимания на ошибку 2-й или 3-й фракции, то это не значит, что надо ее защищать и «принципиально» оправдывать. Кто не желает исправить такую ошибку, кто возводит ее в принцип, тот — октябрист, а не социал-демократ, сколько бы он ни ссылался на 2-ю и 3-ю с.-д. фракцию.

Пробовали ликвидаторы еще ссылаться на международную социал-демократию, которая будто бы тоже предлагает сажать в тюрьму рабочих за «эксцессы» в экономической борьбе. Увы! Ликвидаторов взяли за ушко да вытащили на солнышко. Им доказали, что они просто-напросто... извращают истину.

Ликвидаторский «юрист» А. И. Горский написал, будто и у германских с.-д. в их законопроекте 1899 — 1900 г.г. был такой же пункт об «уголовных деяниях».

Ничего подобного не было! Это документально опровергается текстом законопроекта германских с.-д., который они вносили с 1893—1894 по 1902 год почти ежегодно. Он известен как законопроект с.-д. Ауэра и товарищей, а впоследствии как законопроект Альбрехта и товарищей.

Вот этот германский с.-д. законопроект полностью.

(См. «Социал-Демократический парламентский справочник» — М. Шиппеля, стр. 766, 767.)

§ 1. Все граждане, без различия пола, имеют право собраний.
Для устройства и проведения собраний не требуется ни заявки, ни разрешения властей. О собраниях и шествиях на улицах и площадях надо заявлять за 6 часов до их начала местному учреждению, занятому охранением свободного уличного передвижения.

§ 2. Все граждане, без различия пола, имеют право образовывать союзы.

§ 3. Отменяются все законы и распоряжения, противоречащие пунктам 1 и 2. В том числе — те законы, которые препятствуют союзам и соглашениям, имеющим целью достижение лучшей заработной платы и лучших условий труда.

§ 4. Кто препятствует или пытается воспрепятствовать использованию вышеуказанных прав, тот подлежит заключению в тюрьму на 3 месяца, поскольку общее уголовное уложение не предвидит более сурового наказания.

§ 5. Этот закон вступает в силу в момент его распубликования.

Мы привели здесь слово в слово, полностью, германский с.-д. законопроект. Ничего подобного октябристскому пункту ликвидаторов в нем нет. Караются только «уголовные деяния» хозяев и правительственных агентов, мешающих рабочим использовать право коалиции.

А ликвидаторы карают тюрьмой рабочих!

Зарапортовались бедные ликвидаторы! И чем больше будут они настаивать на реакционном пункте об «уголовных деяниях», тем неприличнее, тем скандальнее будет становиться их позиция.

Не срамитесь! Откажитесь от пункта, сажающего рабочих в тюрьму за «уголовные деяния» при использовании свободы коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 13, от 21 декабря 1913 г.; подпись — «Г.».

[2]) З а к о н о п р о е к т л и к в и д а т о р о в — законопроект о «свободе коалиций», выработанный «семеркою» с.-д. Гос. Думы, находившеюся всецело под влиянием ликвидаторов. Пункт 5-й ликвидаторского «закона» сближал рабочие стачки с «уголовно-наказуемыми деяниями». Предупредительное отношение ликвидаторов к хозяевам-капиталистам доходило до того, что «Новая Рабочая Газета», защищая изделие своей «семерки», доказывала, что рабочим нельзя даже произносить каких бы то ни было «бранных слов» по адресу штрейкбрехеров, срывающих рабочую забастовку.

РОДНОЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» (1).

(К учительскому съезду.)

Вопрос о родном языке в школе может и должен занять видное место на происходящем теперь съезде по народному образованию. Насильственная руссификация, гонения против «инородцев» настолько дики и реакционны, что, несомненно, встретят протест со стороны народных учителей. Надо отдать себе ясный отчет в том, как именно ставит вопрос о родном языке последовательная демократия.

В программе марксистов (1903 года) (2) мы, кроме ряда пунктов, направленных против всякого национального гнета, читаем следующее специальное требование:

— «8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях» и т. д.

В полном согласии с этим, марксисты и в своем последнем решении (летом 1913 года) требуют «обеспечения населению школ с преподаванием на всех местных языках».

Итак, не подлежит никакому сомнению, что рабочая демократия всеми силами отстаивает право преподавания на родном языке и отвергает какое бы то ни было насилие в этом отношении.

До этого пункта согласны между собою все социалисты и все демократы.

Но среди причисляющих себя к социалистам, к сожалению, существуют группы, которые сильно подвержены националистическим влияниям. Это — группы, принадлежащие к угнетенным национальностям. Грубый национальный гнет со стороны великорусских черносотенцев пробудил националистические настроения в этих группах. Нельзя, разумеется, смешивать национализм господствующей народности с национализмом угнетенных наций. Можно и должно понять тяжелые психологические переживания этих последних. Но действительный социалист и демократ должен противопоставить национализму угнетенных национальностей — принципы интернационализма, лозунг теснейшего слияния рабочих всех национальностей.

Еврейские ликвидаторы (бундисты) и некоторые из их грузинских коллег (в том числе депутаты Чхеидзе и Чхенкели) отстаивают ту точку зрения, что кто признал право преподавания на родном языке, тот будто бы должен одобрить и так называемую «культурно-национальную автономию».

Такая постановка вопроса чудовищно неверна.

Что такое культурно-национальная автономия?

Наиболее ясная бундистская формулировка определяет ее следующим образом:

— «Национально-культурная автономия — изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с запросами культуры (народное образование и пр.), и передача их нации, в лице особых учреждений — местных и центральных, избираемых на основе всеобщего и т. д. избирательного права».

Требование это предъявляется, разумеется, не к нынешнему государству. Оно предполагает демократизированное государство и демократизированное самоуправление. Бундисты прямо говорят, что это требование они выдвигают «помимо общей демократизации государственного строя».

Итак, ясно: народным образованием, «культурой» вообще, должны почему-то заведывать не демократизированное государство и не демократизированные местные и областные самоуправления, а какие-то «особые учреждения», создаваемые «нациями».

Каковы эти «учреждения»? Это должны быть «национальные сеймы» с национальными статс-секретарями, своим национальным бюджетом и т. д. Каждый гражданин должен приписаться к какой-нибудь нации, вся страна должна быть «размежована» по нациям, независимо от того, где живут члены данной национальности, школа должна быть разделена по национальностям.

Этот план, прежде всего, до крайности утопичен. Никогда не будут созданы нации путем искусственной «приписки» и учреждения бумажных национальных кадастров. Это — просто кабинетная выдумка мелкобуржуазных интеллигентов. Но этот план, кроме того, и глубоко реакционен. Пропаганда за «культурно-национальную автономию» подчеркивает сближение буржуазных и пролетарских элементов данной нации вместо того, чтобы подчеркивать момент сближения пролетариев разных национальностей между собой.

Федор Федорович Раскольников (Ф. Ильин), один из секретарей редакции «Правды» в 1912 г.

Фотография 1924 г

Народным учителям на съезде, несомненно, попытаются предложить — под видом протеста против угнетения национальностей — реакционную «культурно-национальную автономию», или — что то же — создание «особых национальных учреждений», заведующих культурой.

Вот, например, как полемизировала еще на-днях с марксистами еврейская ликвидаторская газета «Цайт», защищающая «национальные учреждения»:

— «Необходимо иметь гарантирующие учреждения. Какие? Еврейская рабочая демократия уже давно ответила: национально-культурную автономию. Но большевики (н е т о л ь к о большевики, уважаемые бундисты: культурно-национальную автономию отверг в е с ь партийный конгресс в 1903 году, еще недавно против нее спорил меньшевик Г. В. Плеханов. — *Г. З.*) находят, что это нечто еретическое, вредное, националистическое»...

«... Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности», — читаем мы в резолюции марксистского совещания.

«Почему? Ведь сами большевики (совещание) требуют, чтобы преподавание велось на родном языке! Таким образом ведь школа все равно будет разделена в каждой провинции по национальностям... Что же вредно? Что управление школами станет национальным, что должны быть созданы особые национальные учреждения, которые гарантируют для каждой национальной группы ее национальные школы? Почему это вредно?» («Цайт», № 36).

Бундисты притворяются, будто они не знают, в чем их расхождение с марксистами.

Ведь одно дело требовать, чтобы единое д е м о к р а т и ч е с к о е государство и единые д е м о к р а т и ч е с к и е местные и областные самоуправления обеспечили всем национальным группам свободное преподавание на родном языке. А совсем другое дело — требовать «изъятия из ведения» демократического государства и самоуправления всего школьного дела и передачи его каким-то «особым учреждениям», созданным «нациями».

В первом случае мы (марксисты) говорим о том истинно-демократическом строе, который обеспечивал бы и право преподавания на родном языке. Во втором случае они (национал-«социалисты») сосредоточивают внимание на химеричной затее со-

здания каких-то особых «национальных учреждений», которые якобы смогли бы гарантировать «права наций» лучше, чем демократическое государство и демократическое самоуправление. Одни привлекают все внимание к действительно насущной задаче, другие отвлекают его от этой жизненной задачи к мертвенным националистическим схемам.

В школе, как и во всей жизни, как и во всей нашей борьбе, мы должны стремиться к возможно более тесному сближению и слиянию пролетариев всех национальностей при обеспечении полного национального равноправия. «Культурно-национальная автономия» идет вразрез с этой задачей.

Создание «особых национальных учреждений, гарантирующих» и т. д., на самом деле ничего не гарантирует — кроме... усиления буржуазно-националистических влияний. Недаром почти все буржуазные группы еврейства одобряют план «культурно-национальной автономии».

Право преподавания на родном языке — да! Борьба против всякого национального гнета — да! «Культурно-национальная автономия» — нет! Создание «особых национальных учреждений» и т. д. — нет!

Таков должен быть ответ последовательных учителей-демократов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 16, от 25 декабря 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Программа марксистов 1903 г. — была формулирована и принята на 2-м съезде Р. С.-Д. Р. П.

ШКОЛА И ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ (1).

Русская либеральная буржуазия — в первую голову кадеты — старается уверить малоискушенную публику, будто в вопросах школьного дела либералы защищают интересы «всего народа», а вовсе не интересы буржуазии. Этим нехитрым приемом либералы издавна втирают очки политически неопытной аудитории. Нет никакого сомнения, что к этому же приему кадеты и кадетствующие прибегнут и на происходящем сейчас съезде, которому они попытаются контрабандно навязать свои либерально-ограниченные взгляды.

«В школе не должно быть места политике», — провозглашают кадеты. П о э т о м у они в существенном и основном поддерживают... реакционную политику в школе.

Возьмите вопрос о так называемом «религиозно-нравственном» воспитании. Известно, что понимают под этим истинно-русские патриоты. Кадеты, конечно, не проповедуют таких грубых взглядов, как представители черносотенства. Но по существу дела они в этом вопросе о ч е н ь б л и з к и к реакционерам. Они тоже не хотят сделать школу действительно светской и действительно свободной.

Они добиваются лишь того, чтобы якобы «религиозно-нравственные» начала были более утонченного характера, чтобы их не так грубо вколачивали в голову детям. Либералы тоже делают школу орудием своего класса. Они только не хотят, чтобы это делалось старо-дедовскими способами, которые плохи с точки зрения кадетов главным образом тем, что не д о с т и г а ю т ц е л и.

Перечитайте речи покойного депутата Караулова в 3-й Думе (2). Кадеты превозносили эти речи до небес. Меж тем, ни один демократ и теперь не прочтет их без чувства живейшего негодования против этого «либерального ханжества». Перечитайте елейные статьи в либеральном журнале «Русская Мысль», где с самым деловым видом обсуждают вопрос о реформе и усовершенствовании пастырского образования! Ведь эти либеральные ханжи, право, отвратительнее, чем откровенные реакционеры.

Никакая «дипломатия» Милюковых либерализма не изменит существа дела: в вопросе о религиозно-нравственных началах

*

требования кадетов отличаются от реакционных только формой, наиболее «целесообразными» методами.

Вот вам, например, законопроект прогрессистов — ближайших кадетских родственников — внесенный в Думу 5 апреля 1913 г., «об организации православного прихода и об изменении в порядке содержания православного духовенства».

В параграфе первом этого... законопроекта читаем:

«I. Православный приход имеет своею задачей удовлетворение религиозно-нравственных потребностей своих членов, а также дела просвещения и благотворения».

Проект заботится о том, чтобы распоряжение церковным имуществом находилось «под контролем епископа» (ст. 4), а минимальный оклад содержания: «священнику в размере 1.200 руб., диакону в соборных церквах — 600 руб. и псаломщику — 400 руб.» (ст. 7).

Зато народным учителям и учительницам по выслуге 20 лет либералы предлагают повысить жалование только до 240 руб. (т.-е. 20 руб. в месяц). Да и то лишь по случаю юбилея, да и то сделали это вместе с октябристами и черными. Соответствующий законопроект внесен в 4-ю Думу 13 февраля 1913 г. за подписью 174 членов Думы, среди которых находим правых — Маркова 2-го, Барача, Бобринского, Крупенского, Замысловского; октябристов — Клюжева, Хомякова и кадетов — Шингарева, Маклакова...

А затем — попробуйте внимательно вглядеться в кадетский (первые подписавшие — Милюков и Шингарев) «проект положения о школах». Это крайне интересно, ибо, по утверждению кадетской объяснительной записки, законодательное предположение кадетов «сходно во всех существенных частях с выработанным комиссией Лиги образования [3] и принятым правлением Лиги проектом школьного закона».

В области центрального управления школой почти все попрежнему остается в руках бюрократии. Великая кадетская «реформа» начинается с предложения: «Отдел Промышленных Училищ Министерства Народного Просвещения преобразовать в Департамент промышленных учебных заведений с соответственным переименованием Управляющего Отделом и его помощника в Директора и Вице-Директора означенного Департамента».

Удивительно радикальная реформа! «Переименовать» управляющего в директора!

Там же вы найдете следующий в высокой степени важный пункт относительно постановки центрального руководства школьным делом. Кадеты предлагают (см. стр. 14 их законопроекта):

«Совет министра народного просвещения состоит, под председательством министра, из товарищей министра, директоров департаментов, шести школьных директоров, вызываемых согласно инструкции министра народного просвещения, 6 лиц, избираемых губернскими земствами по очереди, установленной в порядке верховного управления, 6 представителей высших учебных заведений и ученых учреждений и такого же числа представителей местного педагогического персонала, избираемых способом, устанавливаемым в том же порядке».

Дело ясное: если бы осуществилась «великая» кадетская реформа, школьным делом управляли бы попрежнему Кассо и его чиновники. Только к ним прибавилось бы с десяток крупных помещиков да десяток либеральных профессоров.

Тот же законопроект фактически предоставляет помещикам решать вопрос о родном языке в школе: «родной язык определяется постановлением губернских земств» (§ 26).

Открытие частных школ ограничено десятками формалистическо-чиновничьих правил: § 44 гласит, что «частная школа может открыть свои действия не ранее как через месяц после того, как местный школьный инспектор и местная губернская земская управа будут письменно извещены учредителем школы о предстоящем ее открытии». В § 39 кадеты «забыли» упомянуть, что права открывать школы не лишены политические «преступники», судившиеся по знаменитой 102-й статье. В § 59 «чинам прокурорского надзора» дается право возбуждать обвинения и т. п.

Весь «либерализм» кадетов в вопросах школьного дела густо пропах приказно-чиновничьим «духом». Родство либералов с реакционерами яснее, чем где бы то ни было, сказалось в их позиции по школьным вопросам.

И если теперь кадеты на съезде говорят против внесения «политики» в школу, учителя должны знать, что кадеты — против внесения демократической и пролетарской политики. Зато они стараются внести политику либерально-чиновничью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 17, от 29 декабря 1913 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Караулов, В. А., — депутат Гос. Думы, кадет; раньше, в молодости, был революционером, прошел каторгу; далее, выйдя на волю, сильно поправел, сделался членом «религиозно-философского общества», занимавшегося в годы реакции (после 1905 г.) «богостроительством» и «богоискательством».

[3]) Лига образования — интеллигентская организация, пытавшаяся улучшить дело народного просвещения в условиях царского режима первого десятилетия 1900-х г.г. Не имея выдержанной платформы и лишенная прочного социально-политического мышления, «лига» все же подверглась репрессиям и была закрыта.

ЗА 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ (1).

Можно смело сказать, что ни один шаг социал-демократов в Государственной Думе не встретил такого всеобщего сочувствия в рабочей среде и такой горячей поддержки со стороны пролетариев России как законопроект о восьмичасовом рабочем дне, внесенный Российской социал-демократической рабочей фракцией (2).

И это нисколько не удивительно.

В области экономической требование сокращения рабочего дня есть самое важное для рабочего движения. Увеличение номинальной заработной платы далеко не всегда означает действительное улучшение жизни рабочих. Ибо цены на предметы первой необходимости часто возрастают за это же время еще больше, чем заработная плата. Другое дело — сокращение рабочего дня. Оно всегда приносит с собой действительное улучшение условий труда. Это улучшение может быть ослаблено только нечеловеческим усилением интенсивности труда.

Требование 8-часового рабочего дня есть самое важное социально-экономическое требование российского пролетариата в изживаемую эпоху. Рабочий класс России со всей силой выдвинул это требование 10 лет тому назад рядом с двумя другими основными требованиями — общеполитическим и земельным.

Требование 8-часового рабочего дня имеет еще то великое значение, что оно объединяет всех рабочих, без различия профессий. В этом требовании заинтересован и металлист, и текстильщик, и булочник, и шахтер, и приказчик, и железнодорожник. Это не требование одной какой-нибудь профессии, одного цеха. Это — поистине классовое требование, объединяющее всех наемных рабочих. Недаром вокруг этого требования 8 — 9 лет тому назад разыгрывались в России величайшие движения.

Рабочие откликнулись на выступление Р. С.-Д. Р. П. самым дружным образом.

Но это не избавило нас от того, что господа ликвидаторы, по обыкновению, пытаются помешать единодушному рабочему действию. Ну, что такое 8-часовой рабочий день — презрительно морщат нос ликвидаторы-интеллигенты. Ведь это, мол, лозунг не для агитации, а, самое большее, — для пропаганды.

Другими словами, этот лозунг будто бы не для масс, не для массового действия, а только для кружков.

Слепцы! Оторванные от жизни рабочих масс, они не видят, что именно 8-часовой день есть требование, более всего объединяющее массы.

Но всего замечательнее, что еще совсем недавно даже сами ликвидаторы признавали, что 8-часовой день может быть предметом агитации, а не только пропаганды. В нашумевшей статье № 194 «Луча» говорилось:

— «Из трех требований (общеполитическое, земельное и 8-часовой день) только одно — 8-часовой рабочий день — играет и может играть роль в повседневной борьбе рабочих. Другие два требования в данный момент могут служить предметом пропаганды, но не предметом агитации».

Итак, раньше ликвидаторы ликвидировали только два основных требования рабочих. Теперь они ликвидируют и третье: 8-часовой рабочий день. И те же самые господа Седовы и Даны, которые раньше одобрили лозунг «8-часовой рабочий день» для агитации, теперь ссылают его уже в отдаленную область «пропаганды».

Но беда невелика. Бессильное брюжжание ликвидаторов-интеллигентов стало уже необходимым спутником всякого массового движения рабочих: достаточно вспомнить великие массовые стачки рабочих, сопровождавшиеся массовыми криками ликвидаторов о «стачечном азарте». Так было, так будет...

Все профессиональные рабочие органы Петербурга перепечатали законопроект о 8-часовом рабочем дне. Рабочие союзы Питера и Москвы поставили этот вопрос в свой порядок дня. О нем заговорила и правительственная, и хозяйская печать. Откликнулись уже сейчас тысячи и тысячи рабочих. Даже ликвидаторская газета вынуждена печатать приветствия Р. С.-Д. Р. Фракции по поводу законопроекта о 8-часовом рабочем дне. Отозвались рабочие разных профессий — от шахтеров до булочников и приказчиков. В Одессе, в связи с движением рабочих за 8-часовой день, фабричной инспекцией начата анкета о продолжительности рабочего дня.

Товарищи-рабочие! Продолжайте же обсуждение законопроекта о 8-часовом рабочем дне!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 18, от 31 декабря 1913 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Законопроект о 8-часовом рабочем дне—был крайне важен по трем причинам. Во-первых, его внесение с.-д. фракциею имело огромное агитационно-пропагандистское значение, так как вовлекало широкие рабочие массы в самое оживленное обсуждение этого вопроса, столь животрепещущего для фабрично-заводского пролетариата. Во-вторых, законопроект преследовал задачу чисто политическую: рабочий получал возможность на убедительном примере оценить отношение к нему со стороны прочих партийных группировок Гос. Думы, отражавших настроения своих общественных кругов. И, в-третьих, законопроект теснейшим образом связывал фабрику и завод с с.-д. фракцией на чисто практической, повседневной почве.

«БОРЬБА ЗА ЛЕГАЛЬНОСТЬ» ([1]).

Известно, что так называемая «борьба за легальность» издавна является символом веры ликвидаторов. Какой политический смысл имеет этот лозунг в устах ликвидаторов? Почему марксисты обоих направлений объявили этому лозунгу решительную войну?

Разбитое на голову ликвидаторство теперь, в лице некоторых писателей, иногда пытается изображать дело так, будто лозунг «борьба за легальность» означал только призыв к использованию «легальных возможностей» и — ничего более. Поддерживая эту версию о «борьбе за легальность», ликвидаторская газета рассказывает тысячу и одну... басню о том, как мы, марксисты, будто бы отвергали использование легальных возможностей, «вышучивали предложение петербургских меньшевиков о создании марксистского органа в столице»; «вступали в соглашение с отзовистами о принуждении 3-едумской фракции сложить мандаты» и т. п.

Все это, мягко выражаясь, совершенно не соответствует истине. Уже в 1907 году марксисты-большевики своим большинством провели известные решения о профессиональных союзах и кооперативах, в каковых решениях усердно пропагандировалась необходимость самого усиленного использования «легальных возможностей». Уже в конце 1907 года марксисты-большевики приняли самое активное участие в первом открытом съезде (деятелей народного образования). В 1908 году эти же марксисты резко порвали с отзовистами именно из-за колебаний последних в вопросе о легальной работе. В 1909 году марксисты-большевики первые поставили в столице марксистский еженедельник (во время частичных выборов в СПБ.) ([2]). Первая ежедневная газета в России поставлена нами же.

Пусть они опровергнут хоть один из этих фактов. Иначе мы в праве будем сказать, что они из идейной трусости искажают факты...

Применительно к нынешнему времени ликвидатор г. Л. М. находит, что мы даже чересчур энергично ведем легальную марксистскую работу. Но и относительно прошлого, расхождение заключалось вовсе не в том, нужно ли марксистам использовать «легальные возможности».

«Борьба за легальность», с которой так носились и носятся ликвидаторы, имеет совсем особый смысл.

Послушаем сначала Г. В. Плеханова.

В конце 1910 года, в разгар ликвидаторских песнопений в честь «борьбы за легальность», Плеханов писал:

— «Однако, что же такое эта «борьба за легальность»?.. Какой же смысл придают ему (этому лозунгу) их (ликвидаторов) толкования? — Тот самый, какой он получил еще под пером публицистов «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» (т.-е. «экономистов»)».

И тот же Г. В. Плеханов, полемизируя с ликвидатором Мартыновым, писал в другом месте:

— «Посмотрите сами, может ли претендовать на гегемонию в освободительном движении та партия пролетариата, которая суживает свою политическую программу до формулы «борьба за свою собственную легализацию». Эта узкая формула воскрешает «экономизм», как он выражался даже не в журнале «Рабочее Дело», а... в газетке «Рабочая Мысль».

Одних этих выписок из статей Плеханова было бы достаточно, чтобы опровергнуть вздорное (заведомо для автора вздорное) заявление г. Мартова, будто спор о «борьбе за легальность» был спором о том, должны ли с.-д. использовать «легальные возможности».

«Борьба за легальность» имела совсем иное значение. Ликвидаторы по существу дела заявили: пора старой борьбы за демократию прошла; теперь главная задача добиться легализации партии («борьба за открытое существование»); подполье умерло, с остатками его необходимо покончить; надо бросить «иллюзии», изменить программу, ограничиться выдвиганием требования отдельных конституционных реформ, надо, одним словом, приспособиться к режиму настолько, чтобы можно было рассчитывать на легализацию партии.

Лозунг «борьба за легальность» имел своей оборотной стороной «лозунг»: «долой подполье». А оба эти «лозунга», вместе взятые, означали отказ от старого.

Недаром Г. В. Плеханов сразу указывает на то, что провозглашение ликвидаторской «борьбы за легальность» неразрывно связано с отречением от идеи гегемонии пролетариата, т.-е. руководящей роли рабочего класса.

Недаром именно своей «борьбой за легальность» ликвидаторы даже меньшевикам напомнили собой худших из «экономистов», т.-е. тех либеральных рабочих политиков, которые около 15 лет тому назад проповедывали, что рабочие должны бороться только за экономические улучшения, а политику — предоставить либеральному «обществу»; которые предлагали ограничиться только требованием отдельных конституционных реформ.

«Борьба за легальность» довела наиболее «последовательных» ликвидаторов до прямых измен, до призывов бежать из рядов, вообще всех тех подвигов, за которые их так хвалит вся либеральная буржуазия и за которые их так презирают сознательные рабочие.

Спорили и спорят не о том, надо ли вести и легальную работу, а о том, в каком духе вести всякую работу: марксистском или либеральном.

И этот спор остался во всей своей силе и теперь. Легальную работу марксисты ведут и будут вести еще вдесятеро энергичнее. Они и на этой арене вытеснят (и вытеснили) ликвидаторов. А вот ликвидаторскую «борьбу за легальность», т.-е. за такую «открытую» партию, которую разрешит Пуришкевич, мы предоставляем в полную и нераздельную собственность ликвидаторам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 23, от 7 января 1914 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Марксистский еженедельник — «Новый Путь», издание, ныне крайне редкое и почти ненаходимое.

КАК И ЗА ЧТО БОРЕТСЯ НАШ ШАХТЕР [1].

I.

Стачка 3.500 шахтеров на Рыковском руднике заслуживает гораздо большего внимания, чем то, которое уделила ей до сих пор рабочая печать. Эта стачка означает, что в движение вступает новый огромный слой пролетариев подземелья. Эта стачка показывает, что пробуждение шахтеров началось.

Шахтерам организоваться еще труднее, чем другим слоям русских рабочих. Уровень жизни у них настолько нищенский, масса настолько забита и к тому еще связана с деревней, «прижим», которым окружают шахтеров, настолько подавляет, что на пути ко всякой попытке организоваться стоят огромные препятствия.

Стачка на Рыковском руднике носила, конечно, чисто экономический характер. Вчитайтесь в экономические требования рыковских шахтеров, вдумайтесь в них внимательно, и на вас сразу пахнет всеми ужасами шахтерской нищеты и задавленности.

В области заработной платы главное требование — установить плату «не менее 1 рубля в день». Ясное дело, что теперь шахтеры зарабатывают еще гораздо меньше. Им еще приходится бороться за то, чтобы получить за свой каторжный труд каких-нибудь 25 рублей в месяц. Разве при нынешней дороговизне жизни это — не нищенская, голодная плата, в буквальном смысле этого слова?..

Среди требований вы встретите далее и такое:

«За сверхурочные работы — полуторная плата». Даже за такое элементарное требование приходится еще бороться товарищам-шахтерам. Миллионеры-шахтовладельцы, на которых изливается золотой доход барышей, отказывают рабу подземелья в том, чтобы за сверхурочную каторжную работу заплатить ему «лишний» грош. Дальше, кажется, некуда итти.

Или взять, например, такое требование рыковских шахтеров:

«Рабочие, пострадавшие от увечий, должны быть приняты на старые работы».

Картина шахтерской жизни сразу как на ладони. Нигде нет такого огромного количества несчастных «случаев», нигде так не

калечат рабочих, как на копях. И что же? Как только рабочий пострадал от увечья, ему отказывают даже в том, чтобы взять его на работу. И рабочим-шахтерам приходится стачкой добиваться того, чтобы таким пострадавшим рабочим не был закрыт доступ на работу.

Но на-ряду с такими требованиями, мы встречаем у рыковских шахтеров и другие, с несомненностью свидетельствующие о том, что классовое сознание сильно и среди товарищей-шахтеров.

Таковы требования:

«Устройства помещения на 500 человек, при нем библиотеки и читального зала».

«Выстроить новую школу».

«Санитарное улучшение поселка»; и т. д.

Нищие, голодные, закопченные дымом, шахтеры дают урок всем этим Дитмарам и прочим «европейски»-образованным миллионерам насчет того, что людям необходима библиотека, школа, гигиена.

Еще больше подчеркнуло сознательность шахтеров другое их требование — 8-часового рабочего дня. Это требование шахтеры поставили во главе всего списка требований. И на особом собрании, на котором присутствовало 3.200 человек, шахтеры особо приветствовали Р. С.-Д. Р. фракцию за внесение законопроекта о 8-часовом дне. (Для шахтеров этот законопроект требует 6-часового дня.)

Окружной атаман держал речь рабочим. — «Вас подбивают агитаторы» — бросил он толпе. И получил ответ: «Нет у нас агитаторов, голод у нас агитатор».

— Голод у нас агитатор, — вот слова, которые воистину в праве сказать вся многочисленная армия шахтеров.

Требования рыковских шахтеров частично удовлетворены. Но это — только маленькая капля в море нужды, нищеты, страданий и лишений.

II.

На каменноугольных копях Донецкого бассейна наши угольные бароны зарабатывают бешеные деньги. И вместе с тем, положение рабочих здесь настолько ужасно, что жизнь шахтера превращается прямо в каторгу.

Когда сами рабочие-шахтеры описывают свою горемычную жизнь, чиновники и капиталисты говорят, что рабочие пре-

увеличивают и выдумывают все это под влиянием «злонамеренных агитаторов». Но вот перед нами сведения, доставленные Екатеринославским губернским земством на Всероссийскую гигиеническую выставку. Сведения эти составлены не рабочими, а докторами Лященко и Каваляровым. В губернском земстве сидят не социалисты, а вполне «благонамеренные» помещики. Их-то уж никто не заподозрит в преувеличениях.

Какую же картину рисуют эти сведения?

Они охватывают целых 150 тысяч рабочих. Из них под землей работает немного более 100 тысяч. Детей занято на этих каторжных работах около 10 тысяч, а женщин — побольше 2 тысяч.

Воздух в шахтах имеет высокую температуру, большую влажность, содержит много углекислого газа, а также примеси рудничного газа. Все это порождает огромную опасность взрывов, которые, как известно, очень часто и являются непрошенными гостями на шахтах.

Выставленные препараты легких, желудка, гортани и сердца забойщиков, бурильщиков и других, пропитанные угольной пылью, наглядно показывают, какую массу пыли приходится вдыхать и проглатывать углекопам.

Бань и умывальников крайне мало. Из 40 обследованных шахт умывальники оказались только на 5. Бани из 40 шахт и 3 заводов — только на 24.

Освещение на 71 предприятии — самое опасное для жизни рабочих: открытые лампы, содействующие взрывам.

Сырость в шахтах огромная.

Квартиры — ужасны. На 100 шахтеров 42 живут в казармах, 42 — в семейных домах и 16 — на вольных квартирах. Из обследованных квартир оказалось: холодных — $51^1/_2$ процента, сырых — 42 процента, печи дымят — 30 процентов, крыши протекают — $38^1/_2$ процентов, потолки — 30 процентов, полы земляные — 30 процентов. Тюфяков приходится на 3 человека один.

Воздуха очень мало. Больше половины шахтеров имеет менее 1 куб. саж. воздуха, а 13 процентов — менее половины сажени.

В большинстве квартир царит мрак и полумрак. Ассенизация — отвратительная. Из 43 предприятий на 37 нет даже помойных ям. Водоснабжение — плохое, вода — вредная для здоровья.

Несчастных «случаев» на 150 тысяч шахтеров в 1911 году было 50 тысяч, т.-е. из каждых 3 шахтеров 1 пострадал. На каждую тысячу шахтеров, убитых во время несчастных случаев в 1908 году, было 5 с лишним. Смертных случаев вообще в 5 раз больше, чем в Бельгии, в 4 раза больше, чем в Англии, вдвое больше, чем в Пруссии, и т. д.

Рабочий день, по сведениям губернского земства, продолжается на поверхности 10 часов, у подземных рабочих — 12. А считая сверхурочные работы — еще гораздо больше. Женщины, подростки и дети работают столько же, как и мужчины.

Заработная плата указана земством такая: бурильщики — от 1 р. 15 к. в день до 1 р. 50 к., стволовые — 1 р. 50 к., забойщики — от 1 р. 30 к. до 1 р. 40 к., крепильщики — от 1 р. 15 к. до 1 р. 40 к., возчики — от 95 к. до 1 р. 10 к., насыпщики — 1 р., бутчики — от 85 к. до 90 к., ветрогонщики — от 70 к. до 90 к., выборщики породы — 40 к.

И при такой нищенской плате цены на пищевые продукты стоят очень высокие.

Так вот она, жизнь шахтера! 12 часов пребывания под землей, а то и больше. Скотские условия жилища. Заработная «плата» от 40 копеек в день. Пушечное мясо для взрывов и несчастных «случаев»!

Понятно, почему при таких условиях российская социал-демократическая рабочая фракция в Гос. Думе (6 рабочих депутатов), внося законопроект о 8-часовом дне, для шахтеров требует 6-часового рабочего дня. В рудниках, под землей, при условиях, столь вредных для здоровья, даже 8-часовой день был бы слишком длинен.

Теми же сведениями губернского земства установлено, что из 100 человек шахтеров около 45 страдает ненормальностями сердца. Да и продолжительность жизни у шахтеров едва ли не меньше, чем у кого бы то ни было.

Так жить нельзя — вот крик души шахтеров.

6-часовой рабочий день для шахтеров (при целом ряде других экономических улучшений) необходим по самому роду их производства, — заявляют вместе с шахтерами рабочие депутаты в Государственной Думе.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», №№ 24 и 34, от 8 января и 21 января 1914 г.; подпись — «Г. З.» и «Гр.».

ВОКРУГ 8-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ (¹).

Является ли требование 8-часового рабочего дня частичным или основным? Почему требование 8-часового дня есть «неурезанный» лозунг, а свобода коалиции — «урезанный» лозунг?

Эти вопросы особенно интересуют теперь рабочих в связи с законопроектом Р.С.-Д.Р. фракции о 8-часовом рабочем дне.

Скоро исполнится ровно 50 лет с того времени, как западноевропейские рабочие провозгласили требование 8-часового рабочего дня.

На всеобщем рабочем конгрессе в Балтиморе (16 августа 1866 года) (²) было заявлено, что первое и величайшее требование в настоящее время для освобождения труда от капиталистического рабства и заключается в издании закона, по которому 8 часов должны составлять нормальный рабочий день во всех штатах американского союза.

— «Мы решились напрячь все наши силы, пока не будет достигнут этот славный результат»,—так заявил этот рабочий съезд.

Тогда же — в начале сентября 1866 года — Женевский конгресс старого Интернационала, по предложению Лондонского Генерального Совета, которым руководил Маркс, постановил:

— «Мы объявляем ограничение рабочего дня предварительным условием, без которого все другие стремления к эмансипации должны потерпеть крушение... Мы предлагаем считать 8 рабочих часов законным пределом рабочего дня».

В своем «Капитале» Карл Маркс, защищая 8-часовой рабочий день, писал:

— «Установление нормального рабочего дня есть, следовательно, результат продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и классом рабочих».

В 1889 году, на первом же конгрессе возродившегося нового рабочего Интернационала, требование 8-часового рабочего дня вновь выдвинуто рабочими всех стран на самое видное место и подчеркнуто со всей силой.

5 десятилетий борется международный пролетариат за это требование. И борьба еще и сейчас — в полном разгаре.

Наше русское рабочее движение, по сравнению с передовыми странами Западной Европы, отстало на несколько десятилетий. Но юный русский пролетариат все же верит, что он догонит своих западно-европейских братьев. Русские рабочие борются за политическую свободу потому, что она нужна им самим. Они не хотят таскать каштаны из огня для буржуазии. Но рабочие ставят себе еще и иную задачу: если нам суждена победа, мы должны выйти из нее с 8-часовым рабочим днем. Это требование есть одно из коренных требований русского рабочего класса. Это — главное его требование, непосредственно касающееся экономического положения, условий труда российского пролетариата.

Маркс считал 8-часовой рабочий день «предварительным условием», без которого рабочие не могут пойти вперед. Русские рабочие намерены добиться этого «предварительного условия» вместе с другими «предварительными условиями», которые в странах Западной Европы частью уже отвоеваны.

Удастся ли это? Никто не возьмется этого предсказать. Но,—говаривал Н. Г. Чернышевский, — история, как бабушка, больше всего любит младших внучат. Во всяком случае, наш «младший внучек», наш юный, но полный сил российский пролетариат со своей стороны должен сделать все возможное, чтобы это удалось...

В этом смысле 8-часовой рабочий день есть одно из основных требований переживаемой эпохи. Оно теснейшим образом связано с двумя другими требованиями. В целом эти «три кита» составляют историческую задачу всей нынешней эпохи.

Но, с другой стороны, требование 8-часового рабочего дня, да и все «три кита», вместе взятые, являются частичными требованиями по отношению к конечному идеалу рабочего движения. Вся программа-минимум всех рабочих партий состоит в этом смысле из частичных требований. Не частичен только социализм. Все остальное марксисты рассматривают лишь как создание более благоприятных условий для борьбы за это новое общество.

— Так, значит, частичных требований марксисты вовсе не отвергают? Но почему же тогда вы боретесь с ликвидаторами? Почему 8-часовой день вы одобряете, а свободу коалиции нет?

Такими и подобными вопросами спешат нас засыпать ликвидаторы.

Вот наш ответ.

Свободу коалиции мы вовсе не «отвергаем». Это — извращение истины. Мы только хотим, чтобы ею дело не исчерпывалось, чтобы ее не подставляли вместо трех требований, составляющих главное содержание эпохи. «Три кита» и вся программа-минимум — тоже частичные требования. Это так. Но ликвидаторы-то хотят сделать лозунгом эпохи частичку «частичного», а все остальное объявляют громкими «фразами», пустыми «утопиями» и т. п.

Да, господа ликвидаторы, вся программа-минимум марксистов состоит из «частичных» требований. Но вы повинны в том, что из этой суммы частичных требований вы выбрали маленькую частичку, которая кажется вам более приемлемой для буржуазии. Все остальное для вас — от лукавого. На этой частичке «частичного» вы хотите сосредоточить все внимание, отвергая и высмеивая то, что является исторической задачей русских рабочих.

Расхождение в том, что вы ликвидируете те из «частичных» требований, которые кажутся вам и либералам несбыточными. Этим вы угашаете дух, этим вы тащите движение назад, этим вы — независимо от ваших добрых желаний — губите рабочее дело в России.

Внесение законопроекта о свободе коалиции мы тоже приветствуем, как и внесение законопроекта о 8-часовом рабочем дне. Разъяснять важность этого требования с думской трибуны надо. Но мы требуем только двух вещей. Во-первых, чтобы в законопроект о свободе коалиции не вносить октябристских ограничений (в роде пресловутых «уголовных деяний»). Во-вторых, чтобы рабочим разъяснялось то, что есть, т.-е., что задачами эпохи остаются не частичка «частичного», а три старых «неурезанных» требования.

Пусть ликвидаторы исполнят эти наши скромные требования, и мы тотчас же перестанем с ними спорить по этому поводу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 27, от 12 января 1914 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Рабочий конгресс в Балтиморе состоял, главным образом, из членов немецких рабочих союзов, переселившихся в Америку из-за реакции в Германии после революции 1848 г. Среди них было сильно влияние агитации Лассаля. Видную роль на Балтиморском конгрессе играл рабочий Э. Шлегель.

---

*

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ФРАКЦИЯ (1).

Чхеидзе и Геловани.

Кавказцы, оставшиеся верными марксизму, не раз уже указывали на то, что грузинские ликвидаторы, приняв лозунг «культурно-национальной автономии», оказались совершенно бессильными перед кавказскими националистами. В течение ряда лет кавказские марксисты боролись с так называемой партией «Дашнакцутюн» (2) и другими кавказскими группами буржуазных националистов, называющих себя «социалистами». Спор вертелся, главным образом, вокруг национального вопроса. Кавказские марксисты отстаивали принципы интернационализма, слияния рабочих — грузин, армян, татар, русских и т. д. Кавказские национал-«социалисты» проповедывали «разграничение» наций, собрание особых «национальных учреждений», передачу школьного дела «автономной нации» и изъятие его из рук демократического государства и демократического самоуправления.

Теперь ликвидаторы сдали позицию национал-«социалистам». И когда Чхенкели с думской трибуны провозгласил пресловутую культурно-национальную автономию, кавказские националисты заявили: мы вполне довольны заявлением Чхенкели, Чхенкели присоединился к нам, ничего больше мы требовать от него не можем.

Позорное положение, в которое попали кавказские ликвидаторы, сказывается на каждом шагу. Вот, например, недавний съезд народных учителей. В «инородческой» комиссии разбирался крайне важный вопрос о родном языке в школе. В комиссии участвовали социал-демократ Чхеидзе и национал-федералист (примыкает в Думе к трудовикам) князь Геловани. Вопрос шел о том, кто должен заведывать реорганизованной демократической школой. И что же? Ликвидаторскую точку зрения отстаивал не кто иной как... грузинский националист князь Геловани. Он внес «поправку», по которой школьное дело должно быть передано в руки «автономных наций». (Поправка не была принята.)

Бундисты и за ними ликвидаторы, как известно, требуют «изъятия» школьного дела (и всей «культуры») из ведения даже **демократизированного** государства и демократического

самоуправления и передачи его в руки «специальных учреждений». В этом и заключается гениальный план «культурно-национальной автономии». Еврейский, грузинский и т. д. рабочий должен думать не о слиянии с русским, польским, армянским рабочим, а должен, вместе с еврейской, грузинской и т. д. буржуазией, создавать общие «национальные учреждения» для заведывания культурой!.. Удивительно ли, что этот план пришелся по вкусу грузинским националистам, как, например, князю Геловани.

Газеты не сообщили, что ответил на предложение Геловани депутат Чхеидзе. Известно, однако, что возражал кавказскому националисту не депутат Чхеидзе, а... беспартийная либералка г-жа Кускова, которая указала, что это для нее совершенно новый вопрос, и т. п.

Депутат Чхеидзе при нынешнем его положении и не мог ничего возразить кавказскому федералисту Геловани. Ведь Чхеидзе вместе со всеми кавказскими национал-ликвидаторами сам отстаивает националистическое требование «культурно-национальной автономии»...

Для более успешной борьбы с буржуазным национализмом некоторые плохие «социалисты» сами делают шаг по направлению к национализму.

— «Мы уже видели подобные вещи в России, — писал в 1910 г. о таких плохих социалистах Г. В. Плеханов. — Для борьбы с сионистами наши бундисты тоже пошли по пути, которого никак нельзя назвать... марксистским. Наоборот, наши кавказские товарищи до сих пор держались в этом вопросе именно... марксистского пути. Что будет дальше, я не знаю; однако, опасаюсь, что ликвидаторство, проникшее также на Кавказ, облегчит там дело ревизионизма, между прочим, и в этом отношении».

Увы! Опасения Г. В. Плеханова оправдались раньше, чем этого можно было ожидать. Кавказские ликвидаторы покинули позицию интернационализма, чтобы заняться пережевыванием «идей» непоследовательных сионистов и кавказских национал-социалов, что тот же Г. В. Плеханов в прошлом году отметил, оценивая ликвидаторский «подвиг» — разъяснение пункта программы.

Для этого кавказские товарищи $1^1/_2$ десятилетия боролись против национализма?..

Можно, однако, быть уверенным, что раньше или позже кавказские пролетарии достаточно сплотятся, чтобы решительно заявить: мы попрежнему стоим за слияние рабочих всех наций, мы попрежнему отвергаем всякий национализм, хотя бы он и назывался «культурно-национальной автономией»...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 27, от 12 января 1914 г.; подпись — «Н. Ск.».

[2]) Дашнакцутюн — армянская национальная революционная партия, проявившая энергичную деятельность в период 1905—1907 гг. Она образовалась в 1890 г. в турецкой Армении, но затем работала в пределах русского Кавказа. Ее первое выступление (1903 г.) было связано с борьбою против конфискации царским правительством так называемого «армянского национального фонда». Партия «Дашнакцутюн» вышла из рядов армянской прогрессивной интеллигенции, при чем ее социалистические тенденции не помешали ей стать «общенациональной» партией. Это объясняется тем, что социалистические взгляды идеологов «Дашнакцутюна» носили утопический характер и были совершенно лишены научного обоснования; это особенно сказалось в сумбурно построенной платформе решения аграрного вопроса. «Дашнакцутюны» выступали в защиту рабочих лишь постольку, поскольку это было необходимо для удержания известного влияния среди них, чтобы вербовать из рабочих масс сторонников национального освобождения. Рабочие сразу же поняли отнюдь не классовые задачи и стремления «Дашнакцутюна» и, помогая партии в борьбе с царским правительством, остались равнодушными к ее общей идеологии. Грузинская и армянская социал-демократия выдвигала против «Дашнакцутюнов» ряд серьезнейших и обоснованных обвинений. Так, например, были засвидетельствованы факты, когда боевые дружины партии разгоняли с.-д. митинги и мешали организациям марксистов. Во время империалистической войны и вначале Октябрьской революции дашнаки ничем не отличались от правых эсеров и меньшевиков, а затем растворились в общей массе мелко-буржуазных «социалистов» с их контрреволюционным отношением к победе рабочих и крестьян.

НАРОДНИЧЕСТВО НА ПРАКТИКЕ (¹).

В последнее время наши «лево-народники» опять претендуют на внимание со стороны рабочего класса. Сознательный рабочий должен хорошенько разобраться в том, по пути ли ему с этим политическим направлением. Только мало разбирающиеся люди могут говорить: мне все равно, что марксист, что народник — раз народники тоже «левые», раз они горячо пишут и горячо говорят, так, значит, я должен их поддерживать.

Мы окружены таким несметным количеством врагов, препятствий на нашем пути так много, со всех сторон так ревностно стараются сбить нас с правильного пути, что каждая маленькая ошибка в нашей тактике приносит колоссальный вред пролетарскому движению. Поэтому тот рабочий, который хочет не только бороться, но и победить, не может верить на-слово каждому «хорошему человеку». Он должен строго проверить действия каждой из партий, выяснить себе, какая партия действительно намечает правильную линию поведения, а затем уж поддерживать данное политическое направление.

Возьмите, например, такой вопрос как бойкот Государственной Думы. Какой огромный вред был бы нанесен нашему рабочему движению, если бы рабочие послушали совета «лево-народников» и стали бойкотировать 3-ю и 4-ю Государственные Думы! Вредные последствия от этого ошибочного шага были бы прямо неисчислимы.

А между тем «лево-народники», как целое, продолжают и теперь проповедывать этот бойкот.

Было время, в 1905 и начале 1906 года, когда марксисты проповедывали и проводили бойкот Думы. Тогда положение было таково, что бойкот был выгоден для рабочего класса. Соотношение сил было совсем иное. Тогда бойкот был прежде всего активным и массовым. Предполагавшуюся Булыгинскую Думу прямо удалось сбойкотировать. Думе можно было противопоставить нечто другое непосредственно. Сотни и сотни тысяч граждан собрали тогда марксисты вокруг лозунга бойкота.

А теперь? Что было активного в теперешнем бойкоте, который проводили народники? Ничего! Никто и не заметил этого бойкота. Дело свелось к пассивному «бойкоту» выборов

несколькими группами, к безразличному, равнодушному отношению к выборам. И — только.

Какая разница между бойкотом 1905—1906 года и бойкотом 1912—1913 г. — видно из следующего. В 1905—1906 г., когда правительство узнало о решении марксистов призвать к бойкоту, оно издало специальное распоряжение, по которому «подстрекающие» к бойкоту карались тюрьмой до 6 месяцев. А теперь? Теперь на выборах всячески отстраняли избирателей от участия в выборах, теперь черносотенцы прямо заявляли, что им было бы приятно, чтобы рабочие бойкотировали выборы.

8—9 лет назад бойкот имел историческое значение. Но это был определенный эпизод, вызванный особыми историческими условиями. А «лево - народники» ни к селу, ни к городу продолжают проповедывать бойкот во все времена.

В лагере народников были отдельные лица, которые предлагали участвовать в выборах в 4-ю Думу. Другие говорили, что «надо пройти мимо Думы». Третьи находили, что не должны участвовать в выборах, а отдельным лицам можно разрешить участие. Четвертые проповедывали бойкот. Победило среди народников последнее мнение. Но весь спор показал, что народничество безнадежно заблудилось в трех соснах.

И как детски - наивны были «доводы» этих бойкотистов! Участвовать в выборах — значит-мол «признать» черносотенную Думу, значит от чего - то отказаться, значит — сдать свою позицию.

Какие пустяки! Что же, шестеро рабочих депутатов (Р. С.-Д. Р. П.) признали «черносотенную Думу»? Отказались они от своей линии? Мешают они рабочим отстаивать свои задачи? Кажется — наоборот!

Смешно даже ставить эти вопросы. Теперь всякий рабочий видит: кроме огромной пользы, участие в выборах и в Думе ничего не принесло. Рабочие депутаты в Думе не сдают нашу позицию, а отстаивают ее громко на всю Россию. Они клеймят там Пуришкевичей, они разоблачают там и измены либералов. Что же, это плохо или хорошо для рабочего движения?

Так народничество — исходя из самых лучших желаний — на практике вносило и вносит огромный хаос и разброд в ряды рабочих. Кучке оторванных от жизни интеллигентов показалось, что бойкот будет «левее» и «красивее». И вот они зовут рабочих на такой путь, который прямо губителен для рабочего движения.

Официально «лево-народничество» отстаивает и сейчас бойкот. И не вина народников, если сами рабочие не берут их всерьез.

В дальнейшем изложении мы увидим, что народничество на практике и в других отношениях вредило и вредит рабочему движению.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 28, от 13 января 1914 г.; подпись — «Г. З.».

ПУТЬ
ПРАВДЫ

Годъ изданія первый.

СЕГОДНЯ ВЪ №-рѣ:

Закрытіе газ. „Пролетарская Правда“.

СТАТЬИ:

ФЕЛЬЕТОНЫ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА:

СТРАХОВАЯ КАМПАНІЯ:

Въ литературномъ обществѣ

Движеніе рабочихъ.—Въ профессіональныхъ организаціяхъ.—Изъ рабочей жизни.—Жизнь деревни.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

№ 1 Среда, 22 января 1914 г. ЦѢНА 2 коп.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО [1].

Уже издавна предметом спора между марксистами и народниками является глубокой важности вопрос об отношении к крестьянству.

Составляют ли пролетариат и крестьянство о д и н класс, или д в а отдельных класса, у которых существует общность интересов только в некоторых отношениях? Какую организацию предстоит строить сознательным рабочим — самостоятельную рабочую или рабоче-крестьянскую? Является ли крестьянство столь же восприимчивой к социалистической проповеди средой, как рабочие, или нет?

Разберемся в этом вопросе. Но прежде всего необходимо отвести некоторые пункты спора с нами. Народники иногда пробуют представить дело так, будто мы, марксисты, — «против крестьянства», будто мы недостаточно сочувствуем ему, не понимаем его страданий, не видим его нищеты, а, попросту, причисляем всех крестьян к «буржуазии». Это — совершенно неверно. Марксисты прекрасно знают, как тяжело положение миллионов крестьянской бедноты. Они ясно отдают себе отчет в том, что зачастую положение крестьянской массы хуже, чем даже положение наемных рабочих, что уровень их жизни еще ниже, что нищета и страдания превосходят там всякую меру. В особенности русские марксисты не могут не видеть всей бездны задавленности, нищеты и бесправия русского крестьянства.

Сознательный пролетарий не может не быть полон самых горячих симпатий к разоряемой крестьянской бедноте, не может не жаждать помочь ее освобождению, не может не сочувствовать всей душой всякому освободительному веянию среди крестьян. Но — это вовсе еще не решает тех спорных вопросов, которые мы наметили выше.

Ведь народническая интеллигенция 70-х годов очень горячо сочувствовала крестьянству. Все свои надежды она возложила

именно на крестьянство. Весь ее идейно-благородный порыв был связан только с крестьянством. «Итти в народ» — по тогдашним понятиям значило именно итти в крестьянство. Но от этого крестьянство не стало социалистическим. От этого не исчез тот факт, что темные крестьяне скручивали руки явившимся в деревню социалистам и выдавали их начальству. Все социально-экономическое положение крестьянства таково, что социалистический идеал не может там встречать такого отклика, как среди рабочих.

В России на очереди — общегражданская политическая свобода, освобождение страны от крепостничества. Но рабочий, идя к этой очередной задаче, ни на минуту не забывает о конечных целях. Сознательный рабочий помнит, что если он сегодня добьется самого свободного политического строя, то завтра все-таки проснется наемным рабом, и завтра он опять должен будет пойти на фабрику или завод продавать свою рабочую силу капиталисту, который обладает всеми орудиями и средствами производства. Вот почему рабочие создают не просто демократическую, — а пролетарско-классовую организацию. И весь вопрос в том, способно ли и крестьянство, как таковое, стать социалистической силой.

В борьбе против крепостничества рабочие готовы вступить в союз со всякой общественной силой, действительно способной бороться с крепостничеством. В этой области не исключен был бы даже и союз с буржуазией, если бы она только хотела и могла действительно бороться с пуришкевичевщиной. А союз с крестьянством в этой области рабочие считают крайне желательным и необходимым.

Но нельзя не видеть того, что даже в этой сфере выполнения простой демократической задачи крестьянство страшно *отстало* от рабочего класса. По меньшей мере на $1^1/_2$ десятилетия *опоздало* первое массовое движение среди крестьянства по сравнению с массовым движением среди русского рабочего класса. Да и теперь, после нового возрождения массового *рабочего* движения, ясно, что крестьянское движение вновь опаздывает на ряд лет. Тут не вина, а беда крестьянства — распыленного, разрозненного, забитого, живущего в таких условиях, при которых сплочение страшно трудно. Но — это все-таки исторический факт. Во главе идет и может итти *только* рабочий класс — *даже* при выполнении простых демократических задач. И если народническая «Бодрая Мысль» на-днях

послала марксистам упрек за то, что «по их (т.-е. марксистов) представлению, крестьянство пойдет на поводу у пролетариата»,— эта газета только показала, что она ничему не научилась во все эти годы. Что во главе идет пролетариат, это, повторяем, — простой исторический факт.

Вместо того чтобы говорить крестьянской бедноте: учитесь у рабочих, идите по стопам рабочих,—интеллигенты-народники предпочитают бросать демагогические фразы о желании якобы марксистов вести крестьян «на поводу» у рабочих...

Та же народническая газета очень просто разрешает и вопрос о социалистичности крестьянства. Она пишет:

— «Мы, лево-народники, думаем, что классовые интересы пролетариата и трудового крестьянства заставят их бороться рука об руку под одним и тем же знаменем и во время ближайшей политической борьбы, и в течение всей борьбы за социализм».

Вы «думаете»!.. Это очень хорошо. Думать можно, что угодно. Но чем вы подтверждаете ваши предположения? Какими историческими фактами вы могли бы подкрепить свои соображения? Отчего это во всех странах света социалистические партии являются в то же время рабочими партиями? Пусть укажут нам народники хоть одну страну, где из крестьян вербовалась бы социалистическая партия так же, как из рабочих.

Великий учитель рабочего класса Фридрих Энгельс писал о крестьянстве следующее:

— «Наш мелкий крестьянин, как всякий другой пережиток прошлого способа производства, безусловно осужден на гибель. Он — будущий пролетарий. Как таковой, он должен был бы быть восприимчивым к социалистической пропаганде, но этому мешает внедренное в него чувство собственности. Чем тяжелее становится для него борьба за ускользающий из рук клочок земли, тем с большим отчаянием хватается он за него, тем более видит он в социал-демократе, говорящем о передаче земельной собственности обществу, такого же опасного врага, как в ростовщике и адвокате» (2).

Слова Энгельса подтверждаются политической жизнью во всех странах капиталистического развития. Кто не знает того, как часто крестьянство становится в европейских странах жертвой антисемитских реакционных партий, жертвой реакционных авантюристов, жертвой поповской реакции и т. д.!

Марксисты отнюдь не делают из этого факта того вывода, что не надо нести социалистическую проповедь в среду крестьянства. Но мелкое («трудовое») крестьянство в общем и целом становится социалистическим лишь по мере перехода в ряды пролетариата. Это — именно только «будущие пролетарии». Смешать ряды, стереть грань между пролетариатом и крестьянством, как таковым, значит нанести страшный вред рабочему делу, значит отодвинуть социалистические задачи назад, значит тащить движение вспять.

Скрывая от рабочих те социально-экономические трудности, которые мешают проникнуть социализму в среду крестьянства, народники выступают как плохие социалисты. Трудной задачи не решишь тем, что на бумаге изобразишь ее очень легкой и что придумаешь фальшивые, совершенно не соответствующие жизни, условия задачи. Народническая проповедь в этом отношении совершенно реакционна. Их недаром называли социалистами-реакционерами.

Наши русские рабочие сильно еще связаны с деревней. Многие из них хорошо знакомы лично с деревенским бытом. Пусть попробуют они взглянуть на указанный спорный вопрос хотя бы просто с точки зрения своего жизненного опыта. Много ли социалистов видели они в деревне среди мелкого крестьянства? Они видели там страшную нужду, бедность, граничащую с нищетой, лишения, горе, страдания. Они видели там назревающий протест против крепостничества. Но—видели ли они там сочувствие социализму, такое, как среди рабочих?

Действительно, социализм может быть только рабочим, пролетарским.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 1, от 22 января 1914 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

«Путь Правды» выходил с 22 января 1914 г. по 21 мая того же года, всего было 92 №№. Издательницами подписывались С. А. Малиновская и Д. А. Герб, издателем—А. Л. Леонтьев, редакторами—К. А. Теперин, Н. Н. Морозов, Н. Е. Карцев, А. М. Тенцов, Е. И. Баданов, А. П. Филиппов.

[2]) Ф. Энгельс писал о крестьянстве в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»; есть новейшее издание — Москва, 1922 г., перевод В. Величкиной, под редакцией Г. Плеханова.

СВОБОДА ПЕЧАТИ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ (1).

...*«В вопросе о борьбе с тяготеющим над печатью гнетом рабочий класс не одинок».*
(«Новая Рабочая Газета», № 9.)

Нет никакого сомнения в том, что наша либеральная буржуазия стоит за гораздо бо́льшую свободу печати, нежели та, которую склонны «терпеть» Пуришкевич и стоящие за ним. Неоспоримо и то, что внесенный теперь министерством внутренних дел законопроект, в котором Пуришкевич принимал, по его словам, непосредственное участие, во многом не нравится либералам.

Но, вместе с тем, было бы глубочайшей ошибкой думать, что в вопросе о свободе печати позиция рабочего класса совпадает с позицией либеральной буржуазии.

Совершенно неверно, будто либеральная буржуазия тоже стремится к полной свободе печати для всех без различия политических направлений. Позиция нашей буржуазии сказалась и в этом вопросе. Говоря о свободе печати, либералы всегда имеют в виду, что это не относится к подлинно-демократическим направлениям, к тем, кто, по мнению либералов, заходит «слишком далеко». А так как к числу последних либералы, конечно, относят прежде всего пролетарский лагерь, то действительной, полной свободы для рабочей печати либералы не отстаивают. Они добиваются только свободы для своей печати, стоящей на «конституционной» почве.

За доказательствами ходить недалеко. Только Иваны Непомнящие могли забыть о подвигах либералов на поприще борьбы против действительной свободы печати.

Самая «левая» из либеральных партий — кадеты — во время медового месяца либерализма в эпоху 1-й Думы выступала с законопроектами, явно направленными против свободы рабочей и вообще демократической печати. Не будем уже говорить о пресловутом «черновом наброске» кадетского законопроекта, в котором либералы требовали 4 лет каторги за «преступления» путем печати. Остановимся только на законопроекте, внесенном кадетами в 1-ю Думу 4 июля 1906 года. Он подписан такими столпами либерализма как Набоков, Петрун-

кевич, Винавер, Гредескул, Родичев, Шершеневич (2) и другие. Для освежения памяти некоторых любителей союзов с либералами приведем здесь ряд дословных выписок из отдела V этого законопроекта — «О взысканиях, налагаемых за нарушение правил о печати»:

— «17. Виновный в нарушении правил, установленных ст. ст. 6 и 13, наказывается денежною пенею не свыше 300 руб. Если означенное нарушение содеяно путем напечатания заведомо ложных сведений, то виновный наказывается — заключением в тюрьме не свыше 6 месяцев.

19. Виновный в нарушении правил, установленных ст. ст. 8, 9 и 10, наказывается заключением в тюрьме — сроком до одного года или арестом и денежною пенею не свыше 500 руб.».

Различные наказания предусмотрены и пунктами 18, 20, 21, 22, 23. Они так и пестрят: «арестом не свыше трех месяцев» (п. 22), «штрафом в 300 руб.» и т. п.

Но особенно хорош отдел VI — «О преступных деяниях *), совершаемых путем печати».

Полюбуйтесь, читатели, чем кадеты предлагают заменить знаменитые 129 и 128 ст. уголовного уложения:

I. Ст. 128 угол. улож. изложить так:

«Виновный в оказании дерзостного неуважения Верховной власти произнесением или чтением публично речи или сочинения, или распространением, или публичным выставлением сочинения или изображения — наказывается заключением в крепости на срок до одного года».

II. Ст. 129 заменить статьей нижеследующего содержания:

«Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или распространении, или публичном выставлении произведений, прямо призывающих к учинению убийства, разбоя, поджога или одного из преступных действий, предусмотренных ст. ст. 99, 100, 108 и 109 угол. улож., если сие учинено с целью побудить к совершению одного из сих преступлений, наказывается — заключением в крепости на срок не свыше двух лет».

«Если же последствием означенных действий было совершение одного из указанных преступлений, то виновный, если не подлежит более строгому наказанию, как соучастник, наказывается — заключением в крепости на срок не свыше пяти (пяти!!) лет» **).

---

*) Кстати. Ликвидаторы вполне резонно отвергают какое бы то ни было внесение кар за «преступные деяния» в закон о печати. Но почему они настаивают на внесении пункта, карающего «уголовные деяния», в законопроект о свободе коалиции? Это, по меньшей мере, непоследовательно. — *Г. З.*

**) Цитируем по кадетскому сборнику «Законодательные проекты» (стр. 21, 22).

Читатель, надеемся, не посетует на нас за эти длинные выписки. Ведь согласитесь, что взгляды кадетов на свободу печати очень интересны, раз заговаривают о союзе рабочих с либералами в борьбе за свободу печати. А взгляды кадетов на этот счет едва ли изменились за несколько лет. Об этом что-то не слыхать было. Раз накануне «Выборгского воззвания» кадеты сочиняли такие полицейско-чиновничьи изделия против свободы печати, то едва ли теперь, когда кадеты так «поумнели», есть основание ждать от них чего иного.

Приведенные выписки показывают, что с кадетами рабочие могли бы объединиться лишь на условии защиты полу-свободы печати. Ибо свобода печати и... 5 лет крепости за «преступления» печати — вещи несовместимые.

«Рабочий класс не одинок» в борьбе за свободу печати — говорят нам. Даже октябристы во многом недовольны существующим положением печати — поучали нас («Новая Рабочая Газета», № 9). И нам проповедуют «согласованные действия всех элементов буржуазной оппозиции с крайними левыми». Нам говорят, что такой союз с буржуазией и такие действия явились бы вполне возможными и целесообразными («Новая Рабочая Газета», № 11).

Со всем этим не могут согласиться передовые рабочие. Мы были бы очень рады, если бы рабочий класс был в самом деле «не одинок» в борьбе за полную свободу печати. Но нельзя обманывать себя и других. На деле это не так. На деле рабочие могут в лучшем случае ждать поддержки лишь со стороны крестьянской и городской демократии. Либеральная буржуазия не желает полной свободы рабочей печати. И это связано со всей ее политической линией, она боится полного торжества демократии больше, чем торжества Пуришкевичей. Это доказано всеми историческими событиями последних лет. Союз с буржуазией, который — хотя и с оговорками — проповедывала «Новая Рабочая Газета», мог бы состояться лишь в том случае, если бы рабочий класс отказался от последовательного демократизма.

Это не значит, конечно, что рабочие должны отказаться от борьбы за свободу печати. Напротив. Вполне сознавая, что рассчитывать они могут только на себя да на поддержку буржуазной демократии, не обманывая себя никакими ложными надеждами, — рабочие разовьют еще более энергичную борьбу за свободу печати.

Искать решения вопроса о свободе печати вне решения общеполитического вопроса значит — искать решения квадратуры круга. Эта задача неразрешима. Но — это уже другая тема.

Отказываться рабочим от поддержки со стороны буржуазии, если бы буржуазия хотела помочь, было бы, конечно, смешно. Но так же смешно думать, что хотя бы самой слабой поддержки со стороны буржуазии можно добиться, отказавшись от старых лозунгов. Нет, чем более непримиримую борьбу разовьют рабочие, чем больше будет размах движения, тем скорее колеблющиеся элементы станут оказывать нам ту или иную эпизодическую помощь.

Убаюкивать рабочих баснями о том, что они «не одиноки», что союз с буржуазией возможен и полезен — значит вносить разброд в рабочее движение.

В своих резолюциях рабочие не должны говорить: мы не одиноки, мы верим в союз с либералами. Они должны, наоборот, заявлять:

— Мы верим только в свои собственные силы и силы демократии, мы знаем, что либералы не хотят подлинной свободы рабочей печати. Мы идем своим старым, испытанным путем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 6, от 28 января 1914 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Шершеневич, Г. Ф., — один из виднейших кадетских деятелей, профессор гражданского права.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ (1).

В своем письме, помещенном в № 16 «Новой Рабочей Газеты», А. Богданов скрыл главную причину своего расхождения с «Правдой» (2).

Эта причина — та, что А. Богданов с давних лет выступает противником философии марксизма и защищает буржуазно-идеалистические взгляды против материализма Маркса и Энгельса.

По этой причине марксисты-большевики считали долгом выступить против Богданова уже несколько лет тому назад. По этой же причине против Богданова ведут литературную работу марксисты-меньшевики, в лице Г. В. Плеханова. Наконец, по этой же причине произошел разрыв Богданова с так называемой группой «Вперед».

Мы, действительно, с самого начала сотрудничества Богданова в «Правде» сомневались в том, чтобы он удержался от перенесения своей борьбы против философии марксизма на страницы рабочей газеты. И А. Богданов, к сожалению, поспешил подтвердить наши опасения. Поместив в «Правде» несколько популярных статеек на безобидные темы, он вскоре прислал в редакцию статью «Идеология», в которой — в самой популярной форме — начал борьбу против философии марксизма. Редакция отказалась печатать эту анти-марксистскую статью. Из-за нее и произошел конфликт.

Мы советуем А. Богданову, вместо жалоб на «семейные» нравы, напечатать указанную статью под заглавием «Идеология» (ликвидаторская газета, конечно, не откажет анти-марксистской статье в гостеприимстве). И тогда все марксисты увидят, в чем действительное наше расхождение с Богдановым, о котором он в своем пространном письме не сказал ни слова.

Мы полагаем, что рабочие создали свою газету для того, чтобы она защищала марксизм, а не для того, чтобы позволять в ней извращать марксизм в духе буржуазных «ученых».

Мы очень рады также, что А. Богданов еще раз поднял вопрос о своей летней статье в «Правде» по поводу группы «Вперед». Раз А. Богданов этого хочет, он получит (в журнале «Просвещение») самое подробное разъяснение того, сколько неправды было в этой статье, и какую массу вреда принесла рабочему движению в России эта авантюристическая группа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 9, от 31 января 1914 г.; совместная подпись В. Ильина (В. И. Ленина), Г. Зиновьева и Ю. Каменева.

[2]) Причину расхождения с «Правдой» А. Богданов в ликвидаторской газете объяснял чисто личными причинами, совершенно замалчивая свои погрешности против марксизма. Вся мотивировка Богданова сводилась к крайне натянутой попытке свести весь вопрос на какие-то якобы гонения на него со стороны авторов статьи. Между тем сам Богданов как раз и занимался личными выпадами.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ [1].

Одним из главных проявлений рабочего движения в России за истекший 1913 год несомненно явилась, как и в 1912 году, массовая стачка. Именно она окрасила собой все движение и заполнила собой всю борьбу рабочего класса.

В общей стачечной борьбе попрежнему выделялась политическая стачка, развернувшаяся с огромным размахом и силой и попрежнему отличающаяся своеобразным «русским» характером.

Размах нашего стачечного движения пробовали объяснить исключительно благоприятной экономической конъюнктурой и промышленным подъемом. В результате такого суждения видели в этом движении только скоропреходящее явление: минет промышленный подъем, и схлынет стачечная волна.

С этой точкой зрения едва ли можно согласиться. Промышленный подъем посещает и страны Западной Европы, а между тем мы там еще нигде не видели подобной волны политических стачек, растянувшейся вот уже более чем на два года и имеющей все шансы протянуться еще дольше. Ясно, что здесь дело не только в промышленном подъеме, а в особом положении нашей страны, которой предстоит пережить еще эпоху радикальной ломки.

В 1913 году промышленный подъем — за исключением отдельных отраслей — продолжался. Признаки надвигающегося промышленного кризиса оказались обманчивыми. «Русская промышленность в истекшем году пережила подъем. Судя по многим благоприятным показателям, в следующем году подъем нашей экономической жизни будет продолжаться»,—так писал в своем новогоднем обзоре орган объединенных фабрикантов и заводчиков «Промышленность и Торговля». Нет никакого сомнения, что наличность промышленного подъема сильно благоприятствовала стачечному движению рабочих. Этот подъем — только одно из условий, благоприятствовавших размаху стачечной борьбы. Массовая стачка в России порождена целой совокупностью обстоятельств. Нельзя ни шагу сделать на арене русского рабочего движения, не разобравшись в значении современной массовой стачки в России.

В настоящих беглых заметках мы попытаемся посильно разобраться в этом вопросе на основании тех новых данных, которые принес нам 1913 год.

I. Цифры и итоги.

Попробуем, прежде всего, установить в цифрах, как велико было политическое стачечное движение за 1913 год.

Первая из политических стачек 1913 г. произошла 9 января. Бастовало, по одним подсчетам, 180 тысяч, по другим — 160 тысяч. Мы в своем подсчете всюду будем брать меньшие из указанных цифр, чтобы избежать преувеличений. Район распространения забастовки 9 января был: Петербург, Рига, Москва, Варшава, Николаев, Херсон и некоторые небольшие центры.

В январе и феврале кое-где на юге происходили небольшие забастовки в связи с судьбой севастопольских матросов. Так как сколько-нибудь точных данных привести нельзя, эти стачки в наш подсчет не войдут вовсе.

19 февраля было отмечено одной забастовкой Николаевского судостроительного завода (3 тысячи).

21 февраля забастовок не было, но в связи с этим днем произошло около 20 стачек через несколько дней после юбилея. Согласно известному циркуляру, некоторые из предпринимателей остановили в этот день работы. Заработной платы они не пожелали отдать рабочим. На этой-то почве и произошли указанные конфликты. Так как спорным является, можно ли эти стачки отнести к числу политических, — мы и их не внесем в наш подсчет политических стачек.

Следующая крупная политическая стачка произошла 4 апреля— годовщина Лены. Бастовало, по одним подсчетам, 160 тысяч, по другим — 140 тысяч. Мы берем последнюю цифру. Район распространения этой стачки: Петербург, Рига (очень мало), Москва, Николаев, Бежецк (на Брянском заводе бастовало 11 тысяч рабочих), Сормово, Двинск и некоторые другие.

Особенно грандиозна была стачка 1 мая. В одном Петербурге бастовало 250-280 тысяч (в других стачках Петербург давал 100-110 тысяч). Всего в России бастовало до 500 тысяч. Мы берем минимальную цифру 420 тысяч. Район распространения: Петербург, Москва, Рига, Вильна, Митава, Либава, Харьков,

Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, Ревель, Томск, Сормово, ряд рудников Донецкого бассейна и некоторые другие. Если сравнить периоды 1 января — 1 мая 1912 г. и 1 января — 1 мая 1913 г., то получается следующая картина:

1912 г.		1913 г.		
9 января .	Всего 570 тыс. стачечников.	9 января . . .	160 т.	Всего 723 тыс. стачечников.
Лена . . .		19 февраля . . .	3 т.	
1 мая . . .		4 апреля . . .	140 т.	
		1 мая	420 т.	

В мае месяце происходили разрозненные стачки (Петербург и Рига) по поводу судьбы матросов Балтийского флота. Не имея сколько-нибудь точных цифр относительно числа стачечников, мы тоже пропускаем их в нашем подсчете.

Затем идет крупная политическая стачка 17, 18 и 19 июня по поводу ожидающегося приговора над матросами Балтийского флота. Стачка эта затягивается до 29 июня. По самым минимальным подсчетам, в ней участвовало 100 тысяч рабочих.

1 — 3 июня бастуют, главным образом в Петербурге, Риге и других городах, 85.000 рабочих. Цель стачки — протест против гонений на рабочую печать. В резолюциях рабочих говорится и о судьбе матросов.

В 20-х числах сентября начинается движение в Москве. В виде протеста против закрытия рабочей газеты «Наш Путь» и для поддержки требования трамвайщиков об освобождении арестованных, в течение трех дней бастуют не менее 80.000 рабочих. В Петербурге в эти же дни в знак протеста против гонений на рабочую печать и в знак солидарности с москвичами бастует 100.000 человек. И тут и там вместе с тем принимаются радикальные резолюции с известными «неурезанными» лозунгами.

Во время суда над Бейлисом [2]) в 17 городах Польши и Северо-Западного края происходят забастовки протеста. В забастовке участвуют польские, еврейские и русские рабочие городов: Варшавы, Вильны, Белостока, Минска, Риги, Гомеля, Бобруйска, Пинска, Гродны, Витебска, Двинска и других. Газета «Цайт» (№ 32) считает количество участвовавших в стачке — 50 тысяч. Из осторожности мы считаем 40 тысяч.

Далее идет стачка 6 ноября по поводу суда над стачечниками, — обуховцы и др. Минимальный подсчет бастующих 90 тысяч.

Далее стачка по поводу штрафа на депутата Бадаева.

Наконец, страховые стачки. Главная — в Варшаве, где бастовало 24 тысячи, затем стачка в Твери *) (происшедшая раньше), страховые стачки в Петербурге и т. д. Требования всюду были не только страховые. Варшавская стачка, например, была безусловно политической. Общее число страховых стачечников мы исчисляем в 50 тысяч. Очень вероятно, что мы и здесь преуменьшили.

Таковы, в основных чертах, политические стачки в 1913 году в цифрах.

Для удобства сравнения дадим здесь сначала табличку о политических стачках в предыдущем 1912 году:

Политические стачки рабочих в 1912 году.

1. Апрельско-майские дни	570.000
2. Суд над севастопольскими матросами	250.000
3. «Избирательная» стачка	75.000
4. Открытие 4-й Думы	50.000
5. Страховая стачка	60.000
Всего	1.005.000

Затем, на основании наших данных, заимствованных из рабочей печати, сопоставляется следующая таблица о политических стачках в 1913 году. Так как мы всюду брали минимальные цифры, а ряд невыясненных стачек вовсе не внесли в подсчет, то наша таблица дает, во всяком случае, не преувеличенные цифры.

Политические стачки рабочих в 1913 году:

1. 9 января	160.000
2. 19 февраля	3.000
3. 4 апреля	140.000
4. 1 мая	420.000
5. 17 - 18 - 19 июня до 29 июня (приговор над балтийскими матросами)	100.000

*) Лозунг тверской стачки был неправилен: бойкот осужден передовыми рабочими.

6. 1-2-3 июля (судьба матросов и гонение против рабочей печати) . .	85.000
7. Конец сентября в Москве (закрытие «Нашего Пути» и поддержка трамвайщиков)	80.000
8. Конец сентября в Петербурге (гонение против печати и сочувствие москвичам)	100.000
9. Суд над Бейлисом	40.000
10. 6 ноября (суд над стачечниками). .	90.000
11. Штраф на депутата Бадаева. . . .	4.000
12. Страховые стачки (Варшава, Тверь, Петербург и др.)	50.000
Всего	1.272.000

По размаху политических стачек 1906-й год оставлен далеко позади. Полученная нами цифра близко подошла к официальным данным о политических стачках в 1905 году.

Число политических стачечников в 1905 году было 1.424.000, в 1906 году — 650.000. Цифра 1913 года почти вдвое больше 1906 года и лишь на 150.000 меньше 1905 года.

Официальные цифры не совсем сравнимы с нашими. Официальные цифры охватывают только рабочих, занятых в тех предприятиях, которые подчинены фабричной инспекции. В эту статистику не входят рабочие железнодорожные, горные, трамвайщики, рабочие в подакцизных и т. п. предприятиях, строительные, сельские рабочие и т. д., между тем как наши цифры составлены на основании данных рабочей печати, отмечающей, конечно, всякую стачку, относительно которой до нее доходят сведения.

Интересно сравнить наши данные с официальными цифрами о политических стачках по четвертям года.

1905 год.

Четверти года:	I	II	III	IV
В тысячах	206	242	129	847
Всего . . .	1.424.000			

1906 год.

Четверти года:	I	II	III	IV
В тысячах	196	257	171	26
Всего . . .	650.000			

1907 год.

Четверти года:	I	II	III	IV
В тысячах	94	271	11	163
	Всего . . .		539.000	

1913 год.

Четверти года:	I	II	III	IV
В тысячах	173	670	275	154
	Всего . . .		1.272.000	

Вторая четверть 1913 года была наиболее богата политическими стачками. Она близко подошла к официальной цифре политических стачек в последней четверти 1905 года (870.000), «рекордной» во всей истории нашего стачечного движения. Одна вторая четверть 1913 года по числу политических стачек превзошла весь 1907 год и даже весь 1906 год. Бесспорные цифры показывают, что по размаху политическое рабочее движение — по крайней мере, в главнейших его центрах — вплотную подошло к уровню 1905 года.

Об огромном росте стачечного движения, как экономического, так и политического, дают наглядное представление и следующие, безусловно преуменьшенные, цифры министерства торговли и промышленности.

	Число стачек.	Число стачечников.	Число потерянных рабочих дней.
1910 год	222	46.623	256.385
1911 »	466	105.110	591.063
1912 »	2.032	725.491	2.375.606
1913 » (за первые 8 месяцев) . . .	1.671	678.564	3.131.218

Эти цифры чрезвычайно показательны. За первые две трети 1913 года число стачечников почти то же, как за весь 1912 год. Между тем в последнюю треть 1913 года произошло очень много и политических и экономических крупных стачек; московские стачки, стачка по поводу суда над обуховцами, кавказские экономические стачки, страховая стачка в Варшаве и т. д.

Число потерянных рабочих дней за первые две трети 1913 г. на 800.000 больше, чем за весь 1912 год. Из этих цифр ясно, что стачечное движение в 1913 году было почти в $1^1/_2$ раза сильнее движения 1912 года.

Распределение политических и экономических стачек за то же время было — опять-таки по данным министерства торговли и промышленности — следующим:

	Число забастовок: политических.	экономических.	Число забастовщиков: политических.	экономических.
1910 год. . . .	8	214	3,7 тыс.	43 тыс.
1911 »	24	442	8 »	97 »
1912 » . . .	1.300	732	550 »	176 »
1913 » . . .	761	910	379 »	299 »
(8 месяцев).				

Эти цифры сильно преуменьшены. По другим данным, не менее официального происхождения, число политических стачечников за 1910 год не 3 тысячи, а 42 тысячи, и в 1911 году не 8 тысяч, а 96 тысяч. Но во всяком случае даже из приведенной таблички м-ва торговли и промышленности видно, что политическая стачка крепнет и в 1913 году сильно выросла по сравнению с 1912 годом.

Если трудно установить с точностью количество политических стачечников, то еще труднее установить количество участников экономических забастовок за 1913 год. Попробуем сделать это хоть с некоторой приблизительностью.

По данным общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района (см. «Бюллетень», № 17), число экономических стачечников за первые 6 месяцев 1913 года увеличилось на 41.490 по сравнению с первым полугодием 1912 года и составило 182.490.

По данным м-ва торговли и промышленности, которые мы привели выше, выходит, что за первые 8 месяцев 1913 года экономическое стачечное движение почти вдвое переросло размеры движения за весь 1912 год и дало уже 300.000 стачечников.

Если считать, что и в последнюю треть 1913 года экономическое движение было не слабее первых двух третей (а это, по меньшей мере, так),— то выйдет, что число экономических стачечников за 1913 год равно 450 до 500 тысяч. Сильно возросшее число потерянных рабочих дней (за 8 месяцев более 3 миллионов) говорит за то, что число экономических стачечников в 1913 году было, пожалуй, еще больше. Во всяком случае, мы не преувеличим, если будем считать $^1/_2$ миллиона экономических стачечников.

Итак, оставляя в силе все то, что сказано выше о недостаточной точности наших цифр, мы приходим к заключению, что в 1913 году число политических стачечников — $1^1/_4$ миллиона, экономических — $^1/_2$ миллиона, всего — $1^3/_4$ миллиона.

Так как относительно политических стачечников мы почти всюду брали наименьшие из цифр, приводившихся в рабочей печати, и так как фабрикантские и министерские данные относительно экономических стачек сильно преуменьшены,—можно полагать, что общее число экономических и политических стачечников в 1913 году было недалеко от двух миллионов.

II. Экономика и политика.

Чтобы правильно вести осаду, надо прежде всего хорошенько изучить условия борьбы, надо знать не только силы своей армии, но и те особенности в приемах и передвижениях, которые неминуемо диктуются всем положением вещей. Вопрос о соотношении экономики и политики в современной стачечной борьбе российского пролетариата является одним из самых коренных вопросов всего рабочего движения. Изучить механику движения в этой сфере — необходимейшая задача для всякого, кто хочет сознательно участвовать в рабочем движении.

Оценим с этой точки зрения стачечное движение 1913 года. Каково было в нем соотношение экономики и политики?

Возьмем, напр., стачку 9 января. Движение, разумеется, чисто политическое. Окончилась однодневная политическая стачка. Целый ряд фабрик и заводов налагают штраф на рабочих за участие в политической стачке, местами объявляют локауты и т. под. Рабочие не хотят покорно примириться с этими экономическими репрессиями. Они начинают экономическую стачку из-за штрафов и т. д. Фабрикант пробует сдать свою спешную работу на другую фабрику, где рабочие 9 января, быть-может, вовсе не бастовали.— Из солидарности рабочие этой фабрики тоже объявляют экономическую забастовку и т. д.

Так было после 9 января 1913 года. Особенно сильно развились экономические стачки в связи с 9 января в Риге, Петербурге и т. д.

То же самое в широких размерах повторялось почти при каждой стачке — и 4 апреля, и во время «матросских» стачек, и во время остальных политических стачек.

Так «политика» поощряла «экономику».

Можно привести сколько угодно примеров и обратного. Вот, напр., в 20-х числах мая в Петербурге произошла однодневная политическая стачка на Балтийском, одном из крупнейших металлических заводов. Чем вызвано это выступление? На заводе начался экономический конфликт. По обычаю, скоро на сцену выступила «политика». Арестовывают уполномоченных от рабочих, и завод в виде протеста отвечает однодневной демонстративной стачкой.

Или — политическая стачка на заводе Феникс. В лесу, на собрании, задерживают рабочих, собравшихся для обсуждения ряда своих заводских дел. На задержанных 25 человек налагается штраф по 100 рублей. Завод отвечает однодневной демонстративной стачкой и заодно выносит резолюцию против гонений на рабочую печать и т. п.

Также политические стачки, вызванные репрессиями за экономическую борьбу, были в Ростове-на-Дону и в целом ряде других городов.

Так «экономика» порождала «политику».

Не надо думать, что дело только в репрессиях. Своеобразный ход движения у нас вызывается совокупностью целого ряда условий, всем вообще положением в России.

Особенно наглядно характеризуется это своеобразие московским стачечным движением, разыгравшимся в сентябре этого года.

До этого времени Москва сильно отставала. Многие слои московских рабочих совсем не приобщились к движению. Москва раскачивается страшно медленно. Среди одной группы рабочих— трамвайщиков — начинается брожение на чисто экономической почве. Брожение разрастается. Появляется много сторонников трамвайной экономической стачки. Пока рабочие взвешивают все «за» и «против», — вмешивается неизбежная истинно-русская «политика»: администрация арестовывает наиболее передовых и деятельных трамвайных рабочих. Это вызывает бурю негодования. Стачка трамвайщиков становится неминуемой и сразу приобретает большую силу. В это же время десятки тысяч рабочих, до сих пор бывших как будто только безучастными зрителями, смело бросаются в борьбу. Происходит закрытие славной московской рабочей газеты «Наш Путь», сразу, в 2 недели, заслуженно снискавшей самую горячую любовь в кругах рабо-

чих. Все, что накипело у рабочих, вырывается наружу в форме бурной политической стачки.

В борьбу ринулись совершенно свежие слои, до сих пор стоявшие как будто в сторонке. Политическая стачка одновременно пишет на своем знамени протест против гонений на рабочую печать, выдвигает 3 старых «неурезанных» требования и в то же время имеет целью подчеркнуть свою солидарность с экономическими требованиями трамвайщиков. Движение перебрасывается в Петербург, где рабочие чутко прислушиваются к тому, что происходит в «первопрестольной». Начинается экономическое брожение среди питерских трамвайщиков. Одновременно ускоряется назревающий политический протест в связи с походом против рабочей печати. Подымаются и здесь свежие слои, в движение втягиваются трактирные служащие, пожарные, мелкие чиновники, телеграфисты, дворники и т. п.

В этом московско-петербургском движении уже нельзя отличить элементов «экономики» от элементов «политики». Здесь политика неразрывно переплелась с экономикой. Та и другая превосходно дополняют одна другую, придавая мощь движению, втягивая новые резервы, собирая свежие силы, придавая свежесть и размах кампании.

Это видят и враги рабочих.

— «Сдвиг рабочих с линии собственно-экономической борьбы в последние два года наметился довольно ясно», — с досадой пишут деятели общества заводчиков и фабрикантов московского района («Бюллетень», № 17, стр. 15).

«Собственно-экономическая» борьба переплетается с политической, одна оплодотворяет другую, дает ей силы, сообщает жизненность.

Так идет стачечное движение в России. Так создается своеобразная массовая стачка в России...

Только ликвидаторы настаивали на том, что это переплетение «экономики» с «политикой» в современном русском стачечном движении является слабой его стороной и свидетельствует о «хаосе», стихийности и т. д. В «Европе» такого переплетения нет.

Критикуя движение 1904-1906 годов, ликвидаторы (см. их труд «Общественное движение») находили, что ошибкой рабочих тогда было «осложнять» политическую борьбу экономической.

В 1912 году, после Лены, те же ликвидаторы, оценивая новое движение, писали:

— «Перед нами полоса экономических стачек. Было бы непоправимой ошибкой, если бы они переплетались с политическими выступлениями рабочих» («Невский Голос», ст. В. Ежова).

Выходит, что «политика» и «экономика» всегда должны быть врозь; ни политику не следует «осложнять экономикой», ни — наоборот.

Над этой кабинетной постановкой вопроса жизнь жестоко посмеялась.

И в «Европе» соц.-демократы вовсе не проповедуют полного и постоянного разрыва экономики с политикой, ибо это невозможно при современном развитии классовой борьбы, у нас, при наших исключительных условиях, — в особенности. Оплакивать наше переплетение экономики с политикой, видеть в нем «хаос» — значит совершенно не понимать сильных и слабых сторон нашего движения, сбиваться на либеральный путь.

Уже подводя итоги стачечному движению 1912 года, открывшему новую эпоху, русские марксисты следующим образом формулировали свой взгляд. Они писали:

— «Особенного внимания заслуживает характер стачечной борьбы 1912 года. Рабочие выставляют в ряде случаев экономические и политические требования одновременно; полоса экономических стачек сменяется полосою политических и обратно. Борьба с капиталистами за отнятые завоевания и растущая дороговизна жизни поднимают новые и новые слои рабочих, ставя перед ними политические вопросы в самой острой форме. Все эти виды соединения и переплетения экономической и политической борьбы являются условием и залогом мощи движения, создавая массовую стачку».

Прошел еще один год величайшего развития рабочего движения. Чей взгляд на взаимосвязь экономики и политики подтвердил и этот год — наш или ликвидаторский?

Думается, что на этот счет не может быть двух мнений.

III. Анти-стачечный азарт.

Стачки были самым крупным явлением в русском рабочем движении за 1913 год, главным нервом его. При таких условиях идейная борьба, происходящая среди деятелей рабочего

движения,—марксистов, с одной стороны, и ликвидаторов, с другой,—не могла не найти себе отражения и во взглядах на всю стачечную волну. Две тактики, два взгляда на смысл переживаемой эпохи—две оценки стачечного движения.

Читатель помнит, на каком месте остановился спор вокруг стачек в конце 1912 года.

Обнаружилось два диаметрально-противоположных взгляда на современное стачечное движение. Подводя итоги 1912 году, марксисты заявили:

— «Самым крупным фактом в истории рабочего движения и... русского освободительного движения за 1912 год является замечательное развитие как экономической, так и политической стачечной борьбы пролетариата... Массовые стачки представляют исключительную важность еще и потому, что они являются одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельско-хозяйственного пролетариата и крестьянства...

«Марксисты должны выдвинуть на одно из первых мест своей деятельности всестороннюю поддержку... массовых стачек».

Таков был один взгляд.

Второй взгляд—ликвидаторов—был выражен в следующих знаменитых словах:

— «Забастовка—орудие тонкое... Если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать, она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение.

«Петербургские рабочие подошли к этой грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт».

«Этот азарт свидетельствует только (??) о том, что массы неспособны к систематическому действию».

В таких словах оценила стачечное движение петроградских рабочих за 1912 год газета «Луч» в редакционной статье (№ 53).

Что же нового принес в этой области 1913 год?

Прежде всего, совершенно ясно для всякого беспристрастного человека, что ликвидаторы жестоко ошиблись в оценке фактического положения вещей. Если в 1912 году они заявляли, что стачечное движение подошло уже к грани, дальше которой начинается простой азарт, и если в течение дальнейшего года дви-

жение не только не вырождается в «стачечный азарт» кучки рабочих, а политическая стачка, наоборот, пышно расцветает и охватывает $1^1/_4$ миллиона рабочих, то бесспорно, по крайней мере, одно: люди, которые говорили в 1913 году о «стачечном азарте», попали, что называется, пальцем в небо...

1913 год показал еще и еще раз, что мы имеем перед собой именно не «азарт» немногочисленных слоев слишком возбужденных рабочих, а здоровое, мощное движение, корнями уходящее в самую глубину рабочего класса. Это не болезненный азарт, это не вспышки отчаяния, это — могучее движение, выливающееся в те формы, которые единственно возможны при данном положении вещей. Движение это уже оказало огромное историческое влияние на судьбы нашей страны. Только благодаря ему и держатся те завоевания рабочих, которые так ценны для пролетарской борьбы. Этому движению в дальнейшем предстоит еще более блестящее будущее...

«Стачечного азарта» среди русских рабочих 1913 год не обнаружил, но зато не обошлось без анти-стачечного азарта среди интеллигентов-ликвидаторов.

Особенно наглядно сказался этот анти-стачечный азарт во время стачки 17-19 июня (в связи с приговором над матросами Балтийского флота). Это была в своем роде замечательная стачка. В ней участвовало гораздо меньше рабочих, чем, например, в стачке 1 мая. Благодаря своему замыслу, героизму, который обнаружили рабочие, бастуя по такому поводу, июньская стачка является золотой страницей в истории русского рабочего движения. Отклик на призыв к ней более чем 100.000 пролетариев показателен в большей степени, чем что бы то ни было другое. Против этой то стачки нашли уместным восстать ликвидаторы. Поистине трудно было придумать что-нибудь более... бестактное.

Стоило только произойти политической стачке 17-19 июня, как ликвидаторский «Луч» стал бороться против этого движения. Рабочие будто бы сами не знали, из-за чего бастовали, — такое «объяснение» событий пустила в оборот эта газета.

— «Если под «причиной» понимать непосредственный, осязательный факт, отчетливо сознаваемый всеми участниками забастовки, то, надо признать, указать его трудно», — так писал «Луч» в редакционной передовице № 139.

Е. М. в № 145 «Луча» определеннее заявлял, будто в недавней «стачечной вспышке» — «целые заводы ясно не представляли

себе: из-за чего и для чего (подчеркнуто «Лучом». — Г. З.) они начали забастовку».

Мы не желаем употреблять резких слов, но мы должны сказать, что это была — клевета на рабочих. Рабочие отлично знали «из-за чего и для чего» они бастуют. Сам «Луч» в отделе хроники называл эту забастовку — стачкой «в знак протеста против смертной казни и против суда над 52 матросами» (см. № 139 «Луча»). Причина стачки, кажется, указана достаточно ясно...

Движение разрасталось. Начавшись в Петербурге, где оно вовлекло 70.000 рабочих (из которых большинство — металлисты, т.-е. наиболее передовой элемент), оно перебросилось в Москву, в Ригу, Ревель и некоторые другие рабочие центры. Что же, рабочие всех этих городов «не представляли себе, из-за чего и для чего они начали забастовку»? Во всяком массовом движении могут быть отдельные группы и лица, недостаточно ясно отдающие себе отчет в происходящем. Это не значит, что все движение теряет свой ясно выраженный политический характер.

Вся политически грамотная Россия, в лице всех ее лагерей, отлично знала, «из-за чего и для чего» бастовало более 100.000 русских рабочих в конце июня 1913 года. Различные лагери (либералы, черносотенцы, демократы) по разному отнеслись к этой стачке, но в чем дело — знали все.

Извратив действительный характер июньской стачки, ликвидаторы переходят уже прямо к организованной борьбе против движения и к прямым призывам не поддерживать уже объявленной забастовки. На сцену вновь появляется пресловутая «петербургская соц.-дем. инициативная группа», относительно которой «Луч» в заметке под громким заглавием «Среди петербургских соц.-дем.» сообщает, что она (т.-е. инициативная группа)

— «к стачкам последнего времени отнеслась резко отрицательно» («Луч», № 149).

Изумительна «инициативная» группа, появляющаяся на сцене всякий раз только тогда, когда нужно начать поход против рабочих стачек. Недаром Г. В. Плеханов заметил однажды, что некоторые из ликвидаторских групп только потому называются «инициативными», что им принадлежит печальная инициатива борьбы с с.-д. рабочей партией...

Эта вспышка анти-стачечнаго азарта была тем более недопустимой, что как раз к тому же времени началась в полном

смысле слова анти-стачечная вакханалия в буржуазно-либеральной (не говорим уже о черной) печати. Время совпадает с усиленными гонениями против рабочей печати, кончившимися закрытием «Правды». Анти-стачечная лихорадка господ либералов приняла такие размеры, что газета «Речь» в статье, посвященной закрытию «Правды», довольно-таки откровенно намекала на то, что рабочие сами-мол виноваты: нельзя же беспрестанно бастовать и создавать такое положение, при котором никому неизвестно, будут ли завтра работать важнейшие фабрики и заводы.

В такой момент ликвидаторы дали волю своему анти-стачечному азарту.

В печати иногда пробовали изображать дело так, будто ликвидаторы протестуют только против неорганизованных стачек. Спор будто бы идет по линии: кто за организованность, кто за стихийность.

Ничего подобного, разумеется, нет в действительности. Спор ведется совсем не по этой линии.

Когда ликвидаторы доказывают нам, марксистам, пользу организации, они, что называется, нашим же добром да нам же бьют челом. Нынешние ликвидаторы всегда отстаивали знаменитую «организацию-процесс», т.-е. расплывчатость, бесформенность. Нынешние сторонники «Правды» всегда отстаивали необходимость прочной, крепкой, централизованной, ясно очерченной, сплоченной организации. Даже наши политические противники в этом никогда нам не отказывали... И разве тяжелые 1907-1910 годы, как и годы 1911-13, не показали опять и опять, кто на деле работает над созданием рабочей организации?

Весь вопрос только в том, действительно ли великое стачечное движение 1912-1913 г.г. идет вразрез с задачей организации, или, наоборот, оно помогает ей. Мы утверждаем, что если крепких рабочих организаций пролетариат в современной России еще не создал, то это происходит не из-за стачечного движения: «несмотря на то, что это здоровое движение создавало прекрасную почву для роста организаций, организация растет медленно, мучительно медленно (препятствий не мало), но растет и будет расти.

Ликвидаторы считают, что движение последних лет показало нам только распыленную, неспособную к планомерным действиям массу —

...«внезапно, хотя бы и часто вспыхивающую толпу», как выразился «Луч» (№ 53);

«...массы, которые «колеблются из стороны в сторону, поддерживая любые (?) лозунги»; «массы, которые сегодня бастуют по любому (?) поводу» и которые завтра «смиренно поплетутся . . . за победной колесницей организованных предпринимателей, униженно проходя под древом капитализма и обильно пополняя для него кадры штрейкбрехеров», — как выразилась недавно «Наша Заря» (№ 9, 1913 г., стр. 52-53).

Полное неверие в движение рабочего класса и непонимание его действительного смысла окрашивают все эти ликвидаторские оценки.

В этом виновата неправильная оценка всей переживаемой эпохи, даваемая ликвидаторами. После Лены и мая 1912 года они нашли, что «смысл развитой в ленские дни кампании — в том, что на очередь дня поставлен вопрос о свободе профессиональной борьбы». Всего только — о свободе профессиональной борьбы. В этой оценке ликвидаторы сошлись с либералами, которые после ленских дней тоже писали, что «в рабочем движении» выступила вперед на первый план не его революционность, а его строго профессиональный характер».

Из этой основной ошибки ликвидаторов вытекли все их дальнейшие ошибки. Это же создало почву для их анти-стачечного азарта. Рабочие должны заниматься профессиональной борьбой, в области политики — отстаивать только частичные реформы, самое большее — свободу коалиции. К чему забастовки из-за каких-то матросов? . . .

При ликвидаторской оценке переживаемой эпохи такие рассуждения вполне неизбежны и закономерны. Движение в действительности продолжает итти по своему «неурезанному пути». И стачка 9 января, и стачка 4 апреля, и матросские стачки — все это, разумеется, совершенно не укладывается в ликвидаторскую «борьбу за легальность», все это идет гораздо дальше «свободы профессиональной борьбы», все это ставит на очередь старую «неурезанную» борьбу, в которую ликвидаторы не верят. Вот почему все нынешнее стачечное движение остается для них книгой за семью печатями. Вот почему рабочие массы с их нынешней тактикой рисуются им какой-то толпой, «колеблющейся из стороны в сторону», легко воспламеняемой «демагогами» и бастующей по «любому» поводу . . .

*

Только одну из стачек этого года более или менее одобрили ликвидаторы: стачку 6 ноября по поводу суда над стачечниками. На всякий случай политический смысл ее они пытались извратить. Смешав внешний повод ее со всем ее политическим содержанием, ликвидаторы попытались представить дело так, будто эта стачка имела лозунгом «борьбу за свободу коалиции» в том специфическом смысле, который проповедуют ликвидаторы, т.-е. в смысле отказа от «неурезанных» требований и замены их свободой коалиции. На деле этого не было и в помине. В нашей таблице политических стачек читатель видел, как разнообразны были внешние поводы для стачек этого года. Внутренний их смысл был всегда один: борьба за старый путь ... В этом именно все величие современной стачечной волны.

Не со «стачечным азартом» русских рабочих приходится бороться марксистам, а — с анти-стачечным азартом ликвидаторских кружков. Этот анти-стачечный азарт давал себя знать и в 1913 году. Его только часто почти совсем было не слыхать, потому что его успешно заглушал мерный топот рабочих баталионов.

IV. Виды на будущее.

По «независящим» обстоятельствам здесь мы вынуждены ограничиться совсем немногим.

Едва ли можно сомневаться в том, что стачечное движение с тем же или еще большим размахом будет продолжаться и в 1914 году. Начало года было в этом отношении весьма знаменательным как в области экономической, так и в области политической стачки.

Забастовка 9 января 1914 года дала по всей России свыше 260.000 стачечников, между тем как 9 января 1913 года бастовало только 160.000 человек. В Петербурге число участников стачки 9 января почти удвоилось (с 80.000 до 145.000). Это увеличение числа участников первой «традиционной» политической стачки на 100.000 человек, во всяком случае, должно рассматриваться как предвестник роста политической стачки в 1914 году.

Такое же значение имеет в области экономической стачки забастовка шахтеров на Рыковском руднике. Она знаменует собой пробуждение нового слоя рабочих, приобщение к борьбе свежих, не бывших еще в бою сил, огромного резерва с массой еще не-

початой энергии. Начало экономической борьбы у нас почти всегда означает и начало политической борьбы, таким образом пробуждение шахтеров сулит усиление общего размаха стачки.

1913 год тоже пробудил к новой жизни много слоев рабочих, только впервые теперь примыкающих к движению после годов упадка. Таково, прежде всего, московское движение. Затем приобщение Кавказа (стачка нефтепромышленных рабочих в Баку и Грозном и 20.000-ая забастовка рабочих марганцевых копей в Чиатуре). Далее — пробуждение польских рабочих: забастовка 60.000 текстильщиков в Лодзи, 22.000 ремесленников в Варшаве, страховая варшавская стачка и т. д.

Тем не менее целые огромные районы еще спят. Прежде всего — центрально-промышленный район, имеющий такое решающее значение для всей России. Спит еще Урал, отстало Поволжье, затихла борьба на юге, да и в самой Москве далеко еще не чувствуется такого здорового биения пульса, как в Петербурге или Риге.

Вообще стачечное движение не приняло еще общероссийских размеров. Из одного с четвертью миллиона политических стачечников, по нашему приблизительному подсчету, на один Петербург приходится немногим менее 700.000, т.-е. — около половины. Движение еще носит преимущественно петербургский характер. На этот счет непозволительно обманывать себя. Оно имеет еще массу слабых сторон. Одной из главных является распыленность такой важной категории рабочих, как, например, железнодорожников.

Многое необходимо было бы здесь еще сказать. И прежде всего — о взаимоотношениях между городом и деревней и о том, каковы *необходимые* условия для действительной победы движения, но . . . мы *должны* здесь поставить точку.

Во всяком случае ясно, что у марксистов нет сейчас никаких оснований пересматривать свою оценку стачечного движения. Дело идет лишь о том, чтобы еще больше помочь ему получить планомерный и организованный характер, отдать ему все силы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», № 1-2, январь — февраль 1914 г.; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Суд над Бейлисом — киевская инсценировка ритуального убийства мальчика Андрея Ющинскаго в целях раздуть национальную вражду, устроить ряд еврейских погромов и тем направить усиливающееся революционное движение по ложному пути. Не взирая на то, что суд присяжных состоял большею частью из темных и забитых крестьян, Бейлис был оправдан.

О БЕСПАРТИЙНОСТИ [1].

По поводу выборов в Страховой Совет.

На наших глазах происходят события, имеющие несомненное историческое значение для судеб русского рабочего движения. Не подлежит никакому спору, что именно такое значение имеют выборы от рабочих во всероссийский Страховой Совет, происшедшие 2 марта 1914 года.

Впервые рабочий класс России выбирает своих легальных представителей в общеимперское учреждение по страхованию, которые будут там заседать вместе с представителями правительства и хозяев и будут открыто защищать требования пролетариата.

Худо ли, хорошо ли — в выборах рабочих представителей участвовало полсотни больничных касс, из которых некоторые учреждены на заводах с 10 и 15 тысячами рабочих. Почти все крупнейшие металлургические заводы в Петербурге участвовали в выборах. Голосовали женщины-работницы и рабочая молодежь, что сделало круг рабочих избирателей шире, чем при выборах в Государственную Думу. И хотя выборы были многостепенные, хотя в связи с выборами произведены десятки набегов и «изъятий»,— столичный пролетариат на первых выборах в общеимперское страховое учреждение все-таки послал вполне определенных представителей марксизма.

В этом именно великое значение этих выборов. Они показали, как вырос наш русский рабочий класс, как прочно стоит он на классовой позиции, как верен он знамени своей классовой организации. Вот почему выборы 2 марта несомненно войдут в историю русского рабочего движения, как очень важный и знаменательный этап в его развитии. Кто еще сомневался в том, что марксизм уже теперь является фактическим представителем русского рабочего класса **на всех аренах** борьбы, того должны были убедить выборы 2 марта.

Но в связи с этими выборами возникли крупные споры между марксистами — с одной стороны, и ликвидаторами и народниками — с другой стороны. На таком крупном деле не могли не сказаться принципиальные расхождения между указанными направлениями.

И спор этот имеет глубоко важное значение для всех отраслей нашего рабочего движения.

Народники, а вслед за ними и ликвидаторы, утверждали, что в такое дело как выборы в общеимперский Страховой Совет нельзя вносить «партийности», что это дело беспартийное.

— «Страховая кампания по смыслу и существу своему — кампания беспартийная», — писала народническая «Стойкая Мысль» (№ 4).

— «Страховые организации (больничные кассы) не являются партийными организациями, а потому (!) и их представительство не может быть формально партийным», — писала ликвидаторская «Северная Рабочая Газета» (№ 17).

— «Совет — не партийное учреждение, как Государственная Дума, куда мы пошлем скорее худшего с.-д., чем лучшего народника», — провозглашала программная резолюция ликвидаторов («Северная Рабочая Газета», № 18).

— «При выборах в Думу кандидатуры выставляются партийной организацией на основе партийной программы и платформы. Если редакция «П. Правды» полагает, что то же должно быть и при выборах в Страховой Совет, то она обязана была не иносказательно (почему «Путь Правды» говорил «иносказательно», кажется, не трудно догадаться), а ясно ..... Тогда мы и поспорим», — так писала «Северная Рабочая Газета» в № 19.

Рабочие-марксисты должны хорошенько отдать себе отчет в этой проповеди беспартийности. Перед нами — первые всероссийские страховые выборы. Перед нами — рабочая масса, которая, как масса, только еще начинает учиться организованному участию в общественной деятельности, которой вся современная обстановка в России страшно мешает учиться этой деятельности. Перед нами — гонимая рабочая классовая организация, за одно сочувствие к которой карают и преследуют. И когда огромное большинство (теперь уже цифрами доказано, что именно огромное большинство) столичного пролетариата хочет заявить о своей солидарности с этой классовой организацией, — являются люди, считающие себя членами этой организации (ликвидаторы), и говорят рабочим: не делайте этого, идите по пути «беспартийности»! Можно ли себе представить что-либо более чудовищное?!

Выборы в общеимперский Совет имеют несомненное политическое значение. Присмотритесь хотя бы к его составу. В нем

участвуют: 1) министр торговли и промышленности, 2) 15 различных чиновников, 3) по одному представителю С.-Петербургского земства и городской думы, 4) 5 представителей от фабрикантов и заводчиков и 5) 5 представителей от рабочих. Что же, это — не классовый состав? Что же, фабриканты и заводчики пошлют людей, которые не будут защищать политические интересы промышленной буржуазии? Совет состоит из трех групп представителей: правительства, буржуазии, рабочих. Что же, могут ли рабочие не считать своих представителей в Совете также своими политическими представителями? А раз так, то каким реакционным вздором являются толки о беспартийности!

Как гордились германские и австрийские социал-демократы тем, что при первых же выборах в общеимперские страховые учреждения им удалось провести членов своей организации! И — законно гордились. Нигде в мире социал-демократия, если она действительно — представительница рабочих масс, никому не уступит такого представительства рабочих интересов. Страховые выборы в Германии и Австрии, как и у нас, совпали по времени с эпохой исключительных гонений против социалистов. Тем более марксисты старались провести своих представителей в главные страховые учреждения — дабы использовать их как опорные пункты для всеобщей работы. И разумеется, и сейчас эти партии при страховых выборах всегда (вместе с с.-д. профессиональными союзами) проводят там на эти ответственные посты социал-демократов. Они рассмеялись бы в лицо тому, кто стал бы им проповедывать беспартийность, или приняли бы его за явного врага марксизма.

Мы можем еще понять народников, которые никак не могут себе усвоить даже азов социалистической политики. Но ликвидаторы ведь считают себя социал-демократами!..

Мы могли бы понять их позицию, если бы они призывали рабочих выбирать сторонников ликвидаторской «открытой рабочей партии» и вели бы свою кампанию под этим флагом. Это была бы все-таки принципиальная политика. Но нет, — ради минутных соображений они, как истинные оппортунисты, выдумывают наспех теорию «беспартийности» и прямо предают марксистскую точку зрения.

Так как в больничные кассы входят люди различных взглядов, то... марксисты не должны вести своей самостоятель-

ной кампании и должны звать рабочих к беспартийности! — Совестно даже разбирать серьезно этот вывод!

И заметьте: раз стать на точку зрения беспартийности, то, конечно, надо признать равноправными и народников. До этого в конце концов и докатились ликвидаторы. Но за несколько дней перед этим официальное постановление «руководящей группы» петербургских ликвидаторов призывало к проведению «единого списка, составленного по соглашению представителей обоих течений с.-д.» («Северная Рабочая Газета», № 18). Почему же только обоих течений с.-д.? Раз дело беспартийное, то почему вы сначала хотели исключить народников, а потом бросились в авантюру соглашения с народниками? Не ясно ли, что ликвидаторы совсем не свели концы с концами?

Не рыхлой и бесформенной «беспартийности» должны учить мы рабочих. Мы должны их закалять в оформленной политической деятельности. Иначе рабочий класс постоянно будет становиться жертвой буржуазных надувательств. Един рабочий класс, и у него есть и будет единая рабочая организация, которой он будет доверять защиту своих интересов во всех сферах общественной жизни. Проповедь «беспартийности» вредна, губительна для рабочего дела. Петербургские рабочие уже достаточно осудили эту мещанскую проповедь. Оценят ее и рабочие всей России. Чем более политически зрелым будет становиться наш пролетариат, тем больше будет он враждебен беспартийности.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 34, от 12 марта 1914 г.; подпись — «Г. З.».

ЗАРЯ ПОВОЛЖЬЯ

Цѣна 5 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На 1 годъ . . . 2 р. — к.
„ ½ года . . . 1 р. 10 к.
„ 3 мѣс. . . . — р. 55 к.
„ 1 мѣс. . . . — р. 20 к.
Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца
За перемѣну адреса городск. 10 коп.— иногородн.—15 коп

ПЛАТА за ОБЪЯВЛЕНІЯ:
Впереди текста за строку петита 25 к. позади—15 к., за одну стран. впереди текста—30 р. ½ стран.—15 р. позади ½ стр.—10 р. За многократныя объявленія плата по соглашенію

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ:
Самара, Николаевск., 146, кв. № 5,
Контора и редакція открыты по буднимъ отъ 2—3 ч. дня и отъ 7—9 ч. веч. а въ праздники отъ 10—12 ч. дня.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

посвященный интересамъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ служащихъ.

№ 1-й. Самара, 18-го Января 1914 года. № 1-й.

БУРЖУАЗИЯ И СВОБОДА ПЕЧАТИ (1).

Вопрос о новом походе против печати остается злобой дня. Комиссия Государственной Думы продолжает обсуждать новый закон против печати. Скоро вопрос станет уже перед самой Думой.

В «Заре Поволжья» выяснялось уже, насколько реакционен самый готовящийся закон, насколько он вреден для рабочего класса. Мы хотели бы затронуть здесь другой вопрос: может ли рабочий класс рассчитывать на то, что буржуазия поможет ему в борьбе за свободу печати, должен ли рабочий класс заключить некоторый союз с буржуазией на этой почве?

Новый закон против печати продиктован реакционным дворянством. Он и выработан в главных чертах на черносотенном съезде объединенного дворянства. Пуришкевич недаром хвастался тем, что он—один из главных авторов закона против печати.

Буржуазия же во многих отношениях недовольна черносотенным дворянством. Она в последнее время на словах «полевела», она требует «конституции». И она, конечно, знает, что без некоторой свободы печати конституция — не конституция.

Все это так. Но значит ли это, что буржуазия будет бороться вместе с нами за свободу печати?

Нет, далеко не значит.

Буржуазия знает, что конституция конституции рознь. В Германии в 1878 — 1889 г.г. была несомненная конституция и даже со всеобщим избирательным правом. Однако, свобода печати существовала там только для помещиков и для буржуазии, а для рабочих — нет. Был издан исключительный закон против социалистов, который загнал рабочую партию в подполье и отнял у нее свободу печати. Свою газету рабочим приходилось тогда издавать нелегально, за границей Германии. И все это было сделано с благословения буржуазии. Очень многие даже либералы голосовали за исключительный закон.

Эту нехитрую механику поняла и наша российская буржуазия. Свобода-то печати нужна при конституции, — говорит она. Но только — к а к а я? Свобода для нашей, буржуазной печати — да, конечно. Ну, а насчет рабочей, «бунтовщической», социал-демократической печати, — извините. Свобода этой печати нам вовсе не нужна.

Наша буржуазия — контр-революционна. Это доказано всем историческим десятилетием 1904 — 1914 г.г. Она боится и ненавидит демократическое движение. Ей не любы Пуришкевичи, но их господство для нее все-таки «меньшее зло», чем победа рабочих и крестьян.

Посмотрите, как держит себя влиятельная буржуазия в думской комиссии, обсуждающей закон против печати. Она борется против тех стеснений, которые неприятны для буржуазной печати. Но она решительно одобряет все меры, направленные против р а б о ч е й печати. Она именно ведет к тому, чтобы была свобода печати для буржуазии, но чтобы не было ее для рабочих.

Однако,—скажут нам, — существует ведь еще либеральная буржуазия: кадеты, прогрессисты. Она-то ведь стоит за полную свободу печати для всех. Почему же рабочим не вступить в союз с этой частью буржуазии?

Увы, и эта часть буржуазии на деле стоит п р о т и в полной свободы печати. В 1906 году, когда кадеты были еще «левее», чем теперь, они внесли в 1-ю Думу проект закона, по которому за некоторые «преступления печати» предполагалось карать «заключением в крепости на срок не свыше 5 (п я т и!!) лет».

Какая же это свобода печати?

На своих старых взглядах кадеты настаивают и теперь. Они добиваются свободы лишь для своей либеральной печати. Под-

линной свободы рабочей печати они боятся. Ибо и они боятся победы рабочих и крестьян больше, нежели засилья черносотенного дворянства. Ибо — они ищут все время только сделки, соглашения, частичных уступок от старой власти. Дальше они итти боятся и не хотят.

Наш либерализм весь насквозь — контр-революционный. В пятом году, когда движение подошло к решительному моменту, либералы по существу дела подло перекинулись на сторону врага. И оттого, что либералы боятся демократического движения, они — бессильны перед черной сотней. Они могут вздыхать, чинить словесную оппозицию, выражать недовольство, ворчать. Но они, как колодник к тачке, привязаны к «исторической власти». Ибо они боятся решительной ломки.

Вот почему либералы, во-первых, не хотят серьезно бороться за подлинную свободу печати, а, во-вторых, не могут за нее серьезно бороться.

Рабочие были бы очень рады, если бы либералы разделили с ними тяжесть борьбы за свободу печати. Но этого нет на деле. Не надо обманывать себя. Буржуазия нам не союзник в нашей борьбе за подлинно-демократические вольности.

Рабочим и всей рабочей демократии приходится вести борьбу собственными силами. Свобода печати мыслима только в свободной стране — вот истина, которую все мы должны усвоить себе прежде всего. Вот почему, как только мы поставим перед собой частный вопрос о свободе печати, мы сейчас же восходим к общему вопросу о всем политическом положении в нашей стране. Выяснить себе те общие условия, при которых единственно и станут возможны серьезные улучшения в народной жизни, — вот в чем задача.

Либералы на все лады доказывают, что при помощи частичных реформ возможно примирение и соглашение с «исторической властью». Этот путь—не наш путь, не путь рабочих, не путь демократов. От Пуришкевичей мы требуем одного: чтобы они ушли. Мы остаемся на почве «реформы», а не реформ. Мы отстаиваем попрежнему «неурезанные» лозунги, выдвинутые с такой силой 9 лет тому назад.

Вот почему для рабочих их борьба за свободу печати есть лишь часть их общей борьбы за демократию. Никаких специальных средств для достижения свободы печати при господстве Пуришкевичей не существует на свете.

Рабочие в ряде мест выносят теперь резолюции протеста против нового закона о печати. Это — нужное и важное дело. Надо только говорить в этих резолюциях всю правду и о помещиках, и о буржуазии. И не надо ограничиваться только резолюциями. Надо делами показать гонителям свободного слова, что вольная рабочая печать будет существовать во всяком случае в той или иной форме, как существовала она в России до 17 октября 1905 года, как существовала она у немецких рабочих во время гонений против социалистов.

Такова задача дня.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в еженедельном журнале «Заря Поволжья», № 9, от 15 марта 1914 г.; подпись—«Г. Зиновьев».

Современную характеристику «Зари Поволжья» см. в рецензии Г. Зиновьева, помещенной в газете «Путь Правды», № 23, от 27 февраля 1914 г., за подписью — «Г.»:

«Перед нами уже 3 номера еженедельного рабочего журнала «Заря Поволжья», выходящего в Самаре (Николаевская, 146, кв. 4) и ставящего себе целью обслуживать рабочее движение Поволжья.

«Сразу видно, что журнал быстро начинает становиться на ноги. С первых же номеров мы видим в нем ряд рабочих писем, приветствий от рабочих групп, пожертвований от рабочих и т. д. Отдел рабочей хроники с самого начала поставлен хорошо. Есть много писем из разных городов Поволжья, хорошо освещена местная жизнь, положению приказчиков уделено достаточно места.

«В первом номере обстоятельная статья посвящена новому законопроекту против печати. В следующей статье—«Общегородская больничная касса»—газета дает защиту того марксистского лозунга в страховой кампании, который объединяет рабочих Петербурга, Варшавы и т. д. Затем перепечатан полностью законопроект российской с.-д. рабочей фракции о 8-часовом рабочем дне и т. д.

«Во втором номере уделено много места профессиональному движению. Разобран новый законопроект против свободы союзов, дана статья о необходимости объединить и централизовать профессиональное движение посредством устройства съездов, помещена статья о приказчичьем движении.

«В третьем номере хорошая передовая статья посвящена теме «Предприниматели и рабочий день». Статья кончается словами:

«8-часовой рабочий день так же, как и 9 лет тому назад, в настоящее время является одним из основных требований. Теперь, когда проснувшаяся самодеятельность рабочего класса еще сильнее, чем раньше, подавляется отжившими общественными формами, перед нами все настойчивее и настойчивее встает очередной для настоящего момента вопрос: борьба за основные требования прошлых лет...

«Рабочие и приказчики Поволжья должны будут самым внимательным образом отнестись к вносимому фракцией законопроекту о 8-часовом дне, обсудить его на местах и вынесением соответствующих резолюций поддержать рабочих депутатов».

«Другие статьи посвящены женскому дню, сверхурочным работам и т. д. В обстоятельной статье «От 1905 года до наших дней» начато изложение приказчичьего движения и подготовка 4-го съезда приказчиков. — «Съезд стал лозунгом дня, — пишет автор. — Возникают новые профессиональные союзы... Возникает марксистский орган «Вестник Приказчика». Движение растет и принимает определенный характер».

«Статей по больным и спорным вопросам русского рабочего движения и марксизма пока еще не было в журнале. Нельзя не пожелать новому органу одного: побольше определенности и ясности в этих вопросах.

«Разногласий нечего прятать от рабочих. Да их и не спрячешь. Сама жизнь, самый ход рабочего движения выдвигают их каждый день и настоятельно требуют ответа. Сознательные рабочие могут и должны разобраться в этих вопросах. И редакция, мы уверены, придет им на помощь и в этом отношении.

«Все поволжские товарищи должны поддержать «Зарю Поволжья», — снабжать ее материалами и т. д. И вместе с тем добиваться того, чтобы направление органа было определенное — последовательно-марксистское.

«Мы шлем новому органу горячий привет и желаем ему с успехом продолжать то дело, которое он начал так хорошо».

«Журнал начал выходить 18 января 1914 г., прекратился 26 июня того же года. Всего появилось 27 №№.

ШАХТЕРЫ И 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ (1).

Рабочих-шахтеров во всем мире насчитывают теперь около $5^1/_2$ миллионов. И всюду во всем мире даже буржуазный закон оказывает шахтерам бо́льшую защиту, чем остальным рабочим. Причина понятна: подземная работа шахтеров во много раз труднее, опаснее, губительнее для здоровья и жизни, чем всякий иной труд рабов капитала.

В Англии в 1909 г. принят закон, вводящий 8-часовой рабочий день для рабочих угольных копей. Время на спуск и подъем не зачитывается.

В Австралии 8-часовой день для горнорабочих существует уже более двух десятилетий.

В Америке в целом ряде штатов законом признан 8-часовой рабочий день для подземных рабочих.

В Германии — в Нижней Силезии и в Рурском бассейне для углекопов существует 8-часовой день. В рабочее время не включается время, потребное на спуск и подъем, — против чего рабочие, конечно, протестуют. В Верхней Силезии часть шахтеров работает еще 10 часов, а треть работает даже 12 часов. Но там идет самая энергичная борьба против этого.

В Австрии законом 27 июня 1901 г. для горнорабочих установлен 9-часовой рабочий день, при чем сюда включается также время на спуск и подъем.

Во Франции закон 1905 г. ввел для подземных рабочих в угольных шахтах 9-часовой рабочий день. В 1907 г. норма понижена до $8^1/_2$, а в 1908 г. — до 8 часов. Но время спуска и подъема не зачитывается.

В Бельгии в угольных копях введен 8-часовой рабочий день. Введены также и рабочие делегаты (как и во Франции).

В Нидерландах установлен 8-часовой рабочий день для некоторых категорий, работающих под землей, для остальных рабочий день ограничен $8^1/_2$ часами.

Кроме того, во всех странах введена та или иная особая защита женского и детского труда в горнозаводской промышленности.

А у нас в России?

У нас все наоборот.

До 1897 г. даже общие положения фабричного законодательства не распространялись на горную промышленность. Число горнорабочих у нас скоро достигнет целого миллиона (в 1907 г., по официальным сведениям, — 656.448 человек). И они ведут самое тяжелое существование. Их жизнь — тяжелая жизнь рабов подземелья.

Закон 2 июня 1897 года об $11^1/_2$-часовом рабочем дне распространен и на горнорабочих. Но для золотых промыслов тут же сделано исключение: вместо 4-х дней воскресного отдыха в месяц горнорабочим закон гарантирует только 2 дня в месяц!

8-часовой день — вот первая задача русских шахтеров. Российская социал-демократическая рабочая фракция внесла специальный проект закона о 8-часовом дне. Для шахтеров она требует 6-часового дня, принимая во внимание тяжелые условия подземных работ и требования общественной гигиены.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 38, от 16 марта 1914 г. подпись — «Г.».

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ РАБОЧИХ В ГЕРМАНИИ [1].

Долго теперь не сойдет с порядка дня русского рабочего движения вопрос об охране здоровья рабочих в опасных производствах. Массовые отравления в Риге и Петербурге, взбудоражившие всю рабочую Россию, послужили только последней каплей, переполнившей чашу. Несчастные «случаи» с рабочими в России давно уже приняли у нас массовый характер и даже по официальным данным во много раз превысили число несчастных случаев на Западе. Особенно угрожающе возрастает число несчастных случаев в годы промышленного подъема, когда капиталисты ценою сотен рабочих жизней готовы купить «использование» благоприятного момента для увеличения барышей.

Дальше нынешнее положение продолжаться не может. Русские рабочие должны добиться хоть минимальной охраны здоровья рабочих. До тех пор, пока они этого не добьются, вопрос этот не сойдет с очереди.

В такой момент особенно полезно будет нам ознакомиться с тем, чего достигли уже рабочие в этой области на Западе.

Возьмем хотя бы Германию. Уже с очень давних пор там установлены особые правила внутреннего распорядка и охраны от несчастных случаев в пороховых заводах, химических фабриках и некоторых других предприятиях. За нарушение этих правил предприниматели карались штрафом в 300 марок или арестом.

Впоследствии законодательство стремится расширить охрану здоровья рабочих и распространить ее на все вообще виды производства. В 1891 г. делается значительный шаг вперед в этом отношении. Нынешний параграф 120/А промышленного устава обязывает всех предпринимателей устанавливать необходимые ограждения при машинах, чтобы уменьшить число несчастных случаев, и вообще принять все меры к тому, чтобы опасность для жизни рабочих была самая меньшая, какую только позволяет характер производства.

Особо оговорено, что предприниматели обязаны предоставлять рабочим помещения с достаточным количеством света и воздуха, устроить необходимую вентиляцию, устранить пыль и выделение вредных газов и паров.

Громадное принципиальное значение имеет то, что за профессиональными организациями признано право подавать свой,

хотя только и совещательный, голос в вопросе о внутреннем устройстве фабрик и заводов на предмет уменьшения опасности для здоровья. Этот голос должен быть «принят во внимание» органами, разрабатывающими обязательные правила распорядка на фабриках и заводах.

С начала 1900-х гг., в особенности с 1903 г., издается целый ряд правил, направленных к тому, чтобы оградить интересы рабочего в опасных для здоровья производствах.

Таковы правила о рабочих: в производстве свинцовых красок и свинцовых продуктов вообще; в производстве сигар и табачных изделий; в производстве различных щелочей; в словолитнях и книгопечатнях; в производстве электрических аккумуляторов из свинца и свинцовых соединений; в щеточном и щетинном производстве; в цинковом производстве; при вулканизации резиновых веществ; в стекольном производстве; в каменоломнях; в некоторых отраслях красильного и белильного дела и т. д.

Производство фосфорных спичек, ранее только ограниченное, в 1903 г. запрещено вовсе.

Штрафы против предпринимателей за неисполнение предписаний в опасных предприятиях значительно подняты.

Учреждениям по государственному страхованию, куда входят и рабочие, даны некоторые права по участию в выработке правил распорядка для опасных производств.

Все указанные правила распространены на всех взрослых рабочих мужчин. Кроме того, за последние годы опубликованы еще некоторые правила, специально ограждающие в опасных производствах женский труд и труд детей до 16 лет.

Так, для работы женщин существуют особые правила на сахарных заводах, в некоторых отраслях металлургического производства, в моторных мастерских, на шахтах, в стекольном производстве.

За нарушение этих правил предпринимателей штрафуют до 2.000 марок или 6 месяцев тюрьмы.

Для подростков существуют еще особые правила в строительной промышленности, при обработке животных продуктов и т. д.

Разумеется, и Германия отнюдь не рай, а капиталистический ад. Разумеется, и здесь на алтарь капитала приносятся тысячи и десятки тысяч рабочих жизней. И само собою понятно, что и здесь эти небольшие результаты в области охраны труда

достигнуты долгой борьбой рабочих за жизнь под руководством социал-демократической партии и социал-демократических профессиональных союзов.

Но все же кое-что уже достигнуто здесь. Нигде рабочая жизнь не находится в таком преступном пренебрежении, как в России...

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 47, от 27 марта 1914 г.; подпись — «Г.».

«УСТУПКА ПРЕДРАССУДКАМ» [1].

И кого они этими благоглупостями
благоудивить хотят?

Очень много шуму подняли ликвидаторы, защищая свой знаменитый пункт об «уголовных деяниях» в законопроекте о свободе коалиции. Наказания за «уголовные деяния» необходимы — доказывали ликвидаторы — ибо иначе мы были бы анархистами. Мы не можем требовать «привилегий» для рабочих. Раз мы считаем саботаж, вывезение на тачке и прочее нецелесообразными способами борьбы, то мы должны в своем законопроекте предложить наказывать тюрьмой рабочих, совершивших эти деяния. Пункт об «уголовных деяниях» выставлялся перлом с.-д. тактики. Кто отрицает его, тот — анархист.

Такова была позиция ликвидаторов. Добрый десяток статей посвятили они защите этой позиции.

Мы назвали пункт об «уголовных деяниях» *октябристским* пунктом, и мы предсказывали ликвидаторам, что им не удержаться на этой октябристской позиции, что рабочие их заставят сдать ее. Так и случилось. Сначала ликвидаторы сделали одну уступку: они великодушно соглашаются потребовать *смягченных* наказаний за «уголовные деяния» при стачках — этак месяца три тюрьмы вместо $1^1/_2$ лет. Когда их опять высмеяли, они с месяц помолчали, а теперь заявили (см. «Сев. Раб. Газ.»), что готовы сделать еще одну уступку и убрать вовсе «уголовные деяния».

Лучше поздно, чем никогда. Ликвидаторы не признали честно своей ошибки и продолжают вертеться, как вьюны.

Во время спора они попробовали сослаться на международную и в частности на немецкую социал-демократию: социалисты всего мира в свои законопроекты вносят октябристские пункты об «уголовных деяниях». Мы доказали им, что это — ложь, что ни *одна* с.-д. партия таких пунктов не вносила, и что *такого пункта нет и в законопроекте немецких* с.-д.

Обратного ликвидаторы доказать не смогли. Немецкого с.-д. законопроекта с пунктом «о деяниях» они не нашли, *ибо его не было*. Тогда они решили обратиться уже не ко всей немецкой с.-д. партии, а к отдельным немецким с.-д., — не поддержат ли они хоть своим личным авторитетом партию ликвидаторов.

«Анкету» проводили одни ликвидаторы. Вторая сторона не была выслушана. Ликвидаторы делали такие комментарии, какие им было угодно. И все-таки из трех опрошенных немцев — Легина, Гейне, Ад. Брауна — двое по существу дела стали на нашу точку зрения, и лишь один (Вольфганг Гейне — самый крайний ревизионист, из тех, кого Бебель справедливо называл «национал-либералами») условно встал на позицию ликвидаторов.

Все три опрошенных немца, разумеется, сказали несколько официально-любезных слов устроителям анкеты. По существу дела Ад. Браун заявил:

— «Я не отрицаю, что раз вырабатывают так далеко идущий законопроект, не имеющий видов на практическое действие, то можно спокойно выпустить подвергшиеся нападкам слова в ст. 5, «поскольку они вообще не составляют уголовно-наказуемых деяний» («С. Р. Г.» № 8).

Тов. Легин от себя предложил формулировку ст. 5-й, в которой нет ни звука об «уголовных деяниях» и в которой они, в отличие от октябристов, перечисляют только то, что ненаказуемо при стачках.

Один только крайний ревизионист Гейне согласился с «деяниями» ликвидаторов, да и тот оговорился, что он имеет в виду «упорядоченное мирное положение дел» и «время закономерного порядка» в стране. Не поздоровится от этакой защиты. Ликвидаторы уверяют, что Гейне — авторитет для всей герм. с.-д. партии в этих вопросах, — однако факт налицо. Несмотря на то, что в Германии давно уже господствует «упорядоченное мирное положение дел», ни Гейне, никто другой не смогли навязать Германской с.-д. партии пункта об «уголовных деяниях». В законопроекте Германской с.-д. партии о свободе коалиции, повторяем, нет такого пункта.

Так ликвидаторы своей «анкетой» сами себя жестоко высекли. Рушилась их последняя надежда. Теперь они вынуждены были окончательно отказаться от любезного им пункта «о деяниях».

Но отказаться по-честному не захотели. Они пишут:

«Поскольку... принципиальный вопрос выяснен, ничто отныне не мешает думской фракции сделать уступку предрассудкам большевиков» (С. Р. Г., № 6).

«Уступка предрассудкам». За кого вы принимаете ваших читателей? С каких это пор принято делать уступки предрассудкам?

Социал-демократы не уступают предрассудкам, а борются с ними. Кого вы этими благоглупостями благоудивить хотите? Всякий ведь видит, что вы сдаете позицию не в силу вашей «уступчивости», а потому, что вы прижаты к стене и не можете больше настаивать на октябристском пункте.

Больших трудов стоило нам добиться от ликвидаторов, чтобы они взяли назад свой октябристский антирабочий пункт. Иногда рабочие сетуют на избыток полемики. Однако, не разоблачивши ликвидаторов, не добьешься от них отказа от глубоко-вредных для рабочего дела предложений. Пример — налицо.

Царствие небесное ликвидаторско-октябристскому пункту об «уголовных деяниях». Да будет ему земля легка...

Странно только, что с.-д. фракция (Чхеидзе и др.) молчит. Ведь законопроект вносила она, а не редакция «Сев. Раб. Газеты». Стало быть она («фракция») должна заявить, что берет назад пункт о «деяниях», а то выходит: «без меня меня женили», и «навязали» «деяния», и взяли их назад литераторы из ликвидаторской газеты. Где же с.-д. фракция?

Пусть она заявит официально, что берет назад пункт о «деяниях». Тогда ее можно будет поздравить с избавлением от влияния октябристских идей на ее законодательное творчество.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1914 г., № 3, март; подпись «Г. З.».

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ГИГАНТЫ (1).

Все ближе и ближе к нам день рабочей печати. Все более практически ставится перед нами вопрос о том, как ознаменовать этот светлый день.

Отчисление однодневного заработка в железный фонд «Пути Правды» — вот самый важный практический вопрос, связанный с днем рабочей печати.

Теперь перед лицом надвигающегося нового закона против печати нельзя уже ограничиваться более или менее крупными случайными сборами. Нет, дело идет уже о большем: о создании именно железного фонда, который один только может создать солидный фундамент для нашей газеты.

Отчислить однодневный заработок нелегко для рабочего — что и говорить. Заработки настолько плохи, жизнь настолько дорога, что какой-нибудь рубль-полтора имеют большущее значение для рабочего. И — тем не менее—мы должны пойти на эту жертву. Слишком важные, жизненные интересы для всего рабочего класса зависят от удачи или неудачи дня рабочей печати.

Необходимо отчислить однодневный заработок! Кто подаст пример в этом деле? Думается, что этот долг лежит на крупнейших питерских металлургических заводах. Это они — петербургские гиганты — должны пойти впереди и в этом важном деле, как идут они во всех важных для рабочего класса выступлениях.

Подумайте: если бы только Путиловский, Обуховский, Семянниковский и Балтийский заводы — эти четыре петербургских рабочих гиганта — отчислили свой однодневный заработок в день 22 апреля, — это одно уже могло бы положить солидное начало железному фонду. Ведь на этих четырех заводах - гигантах занято до 30 тысяч рабочих. Прибавьте сюда другие металлургические заводы, и цифра еще больше увеличится.

Товарищи с крупных предприятий! Покажите же пример всему рабочему Петербургу, всей рабочей России!

Обсуждайте вопрос об однодневных отчислениях. Ставьте этот вопрос всюду и везде. Выносите уже сейчас решение, что 22 апреля всякий сознательный рабочий должен один день потру-

диться в пользу своей родной газеты «Путь Правды». Ибо — без этого ее существование не обеспечено.

Да здравствует день рабочей печати!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 57, от 10 апреля 1914 г.; подпись — «Петербуржец»

КАДЕТЫ ПОСЛЕ ИСПЫТАНИЯ [1].

Читатель знает уже об итогах недавней кадетской конференции. Но обратил ли он внимание на следующее?..

На кадетской конференции все было разыграно как по нотам,— Милюков держал «левую» речь и даже «склонялся» к тому, что, пожалуй, можно и отказать в 500 миллионах на милитаризм. Затем выступили еще более «левые» кадеты, которые предложили тактику «ответственной» оппозиции сменить на тактику «безответственную». Затем сказала свое слово группа правых кадетов. И в результате... в результате все сошлись на том, что новых 500 миллионов из народного кармана правительству дать надо.

Ради презренной дипломатии, для втирания очков демократическим избирателям, Милюков сказал «левую» речь, а на деле провел голосование за выдачу 500 миллионов. Совсем как те французские буржуазные министры, которые, для того, чтобы провалить прогрессивный подоходный налог, публично выступали за него. Свободного буржуазного строя у нас еще нет, а буржуазного аферизма и шарлатанства—хоть отбавляй...

Кадетская партия не выдержала испытания, как этого и следовало ожидать. И это не только в вопросе о 500 миллионах, но и в вопросе об общеполитическом поведении.

В стране назревает кризис. Приближаются самые серьезные события. Надежды на мирные реформы лопаются, как мыльные пузыри. Сами кадеты не раз заявляли, что надеяться на серьезные реформы могут теперь только безнадежные глупцы.

И что же? Кадеты на словах все время «левели». А когда собрались на свой съезд, они точно проглотили язык и сумели сказать только то, что они бы рады войти в союз с октябристскими помещиками,— да те, вишь, не хотят. Ведь именно таков политический смысл принятой кадетами резолюции Милюкова.

В тысячу первый раз кадеты показали себя партией воплощенной дряблости, нерешительности, колебаний между демократией и Пуришкевичами.

То, что нужно было правительству от кадетов, оно получило: и участие в тайном совещании, и — теперь — признание кадетской конференции, что надо голосовать за выдачу новых 500 миллионов на милитаризм.

Чего еще хотеть правительству? Можно подумать, что специально в его интересах и созывалась кадетская конференция. Собирается нелегализованная партия оппозиции, к мнению которой прислушивается буржуазная Европа, и эта оппозиция заявляет: да, мы за выдачу 500 миллионов, да, мы одобряем новый «патриотический» план. Чего же еще нужно министру финансов для демонстрации перед европейскими банкирами и биржей?

За такие услуги в «Европе» буржуазным парламентским вождям иногда платят чинами, доходными местечками, денежными кушами. А у нас правительство заплатит кадетам только... презрением за их готовность ползать у ног Пуришкевича.

По достоинству заплатит предателям народной свободы и русская демократия!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в еженедельном журнале «Заря Поволжья», № 13, от 19 апреля 1914 г.; подпись — «Г. З.».

ПОСЛЕДНИЙ ЛОКАУТ И ТЕОРИЯ «СТАЧЕЧНОГО АЗАРТА» (1).

Бурное движение недавних дней, закончившееся частичным локаутом, является настолько серьезным событием в жизни рабочих, что еще долго оно будет подвергаться всестороннему обсуждению в среде сознательных пролетариев. Посмотрим, не оправдало ли оно мнений той группы интеллигентов (ликвидаторов), которая вот уже 2 года воюет против «стачечного азарта» рабочих.

«Северная Рабочая Газета» утверждает, что последние события именно подтвердили точку зрения ликвидаторов на стачечный азарт. Не дождавшись даже конца локаута, газета, не считаясь с тем, что доставляет удовольствие фабрикантам-локаутчикам, провозглашает: ага, добились вы с вашим стачечным азартом локаута; вот теперь вы видите, как были правы мы, ликвидаторы, предупреждавшие вас против стачечного азарта.

Именно такова позиция ликвидаторов по вопросу о недавнем локауте. Они выражаются внешним образом несколько «приличнее», но суть дела несомненно такова. С обычным бессильным хвастовством ликвидаторы прибавляют еще, будто и «Путь Правды» и передовые круги рабочих теперь повторяют только то, что ранее говорил «Луч».

Вспомним же прежде всего, что именно говорил «Луч», в чем именно заключалась позиция ликвидаторов по вопросу о стачечном движении.

Еще в 1912 году редакция «Луч» в программной статье о стачках заявила:

— «Забастовка — орудие тонкое... И если от частого ее применения одни перестанут ей сочувствовать, другие перестанут ее замечать, она постепенно будет терять свое общественно-политическое значение. Петербургские рабочие подошли к этой грани. Дальше начинается уже не борьба, а стачечный азарт». («Луч», редакционная статья, № 53).

С тех пор прошло почти 2 года. Стачечное движение за это время колоссально выросло. Одни политические стачки за 1913-й год дали почти $1^1/_2$ миллиона участников.

Что же, всё это прошлое стачечное движение 1912 и 1913 гг. есть ошибка рабочих, «азарт», необдуманная шумиха, или, напротив, это было здоровое пролетарское движение? Что, это движе-

ние мешало делу организации рабочих, напр., в профессиональные союзы, или, наоборот, благоприятствовало, помогало ему? Что, это движение ослабляло рабочую печать или давало ей новую силу? Что, оно шевелило отсталые слои города и деревни, освежало всю политическую атмосферу или — нет?

Все это движение имело только огромное положительное значение; оно облегчало дело организации рабочих, оно будило отставших, оно укрепляло всю политическую позицию рабочего класса, оно вообще вносило оживление во всю политическую борьбу в нашей стране.

Если бы рабочие одобрили в 1912 году точку зрения ликвидаторов, если бы они тоже признали, что «петербургские рабочие подошли (в 1912 году уже) к той грани, дальше которой начинается уже не борьба, а стачечный азарт», — мы не имели бы всего великого стачечного движения 1913 года.

Рабочие к счастью хладнокровно прошли мимо истеричных криков ликвидаторской кучки о стачечном азарте. Летом 1913 года ликвидаторы опять дошли до прямого неприличия в борьбе со стачечным движением (вспомним выступление «инициативной группы» во время июньской стачки с заявлением, что она «к стачкам последнего времени... отнеслась резко отрицательно», вспомним статьи г. Л. М., доказывавшего, что рабочие «не представляли себе, из-за чего и для чего они начали забастовку»), — движение развивалось все более и более внушительно.

Ликвидаторы еще 2 года тому назад предлагали прекратить стачечную волну. Они были тогда неправы, они выступали тогда как кучка либералов — это теперь доказано незыблемо. Время — лучшая проверка.

Может-быть ликвидаторы правы теперь? Может-быть теперь, через 2 года, движение уже в самом деле подошло к той грани, дальше которой начинается «стачечный азарт»?

Конечно — и это сущий вздор.

Последняя стачка, окончившаяся локаутом, началась в связи с массовыми отравлениями (2), ленским запросом, гонениями на печать и т. д. Что же ликвидаторы не скажут прямо: «эту стачку не надо было начинать»?

Этого прямо они не говорят. Они плачут и брюзжат, отделываются темными намеками, но этого прямо не говорят.

Ведь локаут вызван именно данной стачкой. Если вы находите, что локаут был результатом неверной тактики рабочих,

вы обязаны сказать прямо, что последняя стачка была ошибкой. Вы этого не говорите, господа ликвидаторы. Почему? Потому, что вы знаете, что она была неизбежна; что если бы рабочие молчали на такие явления, было бы еще хуже для рабочего дела, чем локаут; потому, наконец, что вы и сами поддерживали последнюю стачку, увлеченные общей волной.

Первого натиска против рабочих вы выдержать не в силах и опять вернулись в «первобытное» ликвидаторское состояние. Вы думаете, что локаутом надо воспользоваться, чтобы понести в массы старую либеральную дребедень о «стачечном азарте».

Путь рабочих не розами устлан — это сознательные пролетарии давно знают. Рабочие должны быть готовы к тому, что противник применит против их борьбы самые крайние меры. Тактика рабочих должна быть гибкой; они должны уметь комбинировать различные методы, сегодня отдавая предпочтение одной форме выступления, завтра — другой.

Ликвидаторы заявляют: раз противник начинает прибегать к локаутам, остается одно — бросить стачки и взяться за петиции. Марксисты отвечают: нет, ничем еще не доказано, что стачечная волна достигла высшего пункта; напротив, есть много данных утверждать обратное. Есть и другие формы манифестации своего политического протеста (ничего общего не имеющие с пресловутыми петициями), на которые марксисты указали еще полтора года назад, как на выступления, которыми следует в известных случаях заменять стачки. 10-11 лет тому назад рабочий класс прекрасно владел этим иным способом — демонстрациями политического протеста... Ниоткуда не видно, что рабочие и теперь указанным способом не овладеют и не станут в этой форме продолжать борьбы за «неурезанные» лозунги...

У ликвидаторов есть еще один «довод» против нас: мы будто бы недооцениваем значение организации. Между тем всем известно, что, напр., союз металлистов с 12.000 членов организовали не ликвидаторы. Десятки других питерских союзов — тоже. Двенадцать московских союзов, на-днях так резко и принципиально осудивших ликвидаторство, — тоже. (Не говорим уже о других формах организации.) Зачем же вы нас бьете нашим же добром? Рабочие-марксисты в поте лица, не боясь никаких жертв, создают на деле пролетарские организации. Ликвидаторская группа интеллигентов, постоянно бросая палки в колеса рабочей организации, громко поучает нас: нужно строить организацию...

Это смешно.

Рабочее движение в России пойдет по прежнему, «не урезанному» пути. Один натиск противника мог обескуражить группу интеллигентов, но не великий русский рабочий класс. Время выступлений рабочие, конечно, будут выбирать не то, которое им подсовывают локаутчики, а то, которое сами рабочие находят нужным. Формы выступлений диктуются всем положением вещей. Рабочие овладеют обеими главными формами: и теми, которые получили блестящее развитие в 1912-13 годах, и теми, что так успешно практиковались 10-12 лет тому назад. Теория «стачечного азарта» попрежнему остается теорией отщепенцев от рабочего дела, теорией бессильной группки либеральной интеллигенции, проводящей буржуазное влияние на пролетариат.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение» 1914 г., № 4, апрель; подпись — «Г. Зиновьев».

[2]) Массовое отравление работниц на петербургском заводе «Треугольник» послужило одним из толчков дальнейшего рабочего движения, разразившегося летом 1914 г.

ПРОТИВ УЧАСТИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ [1].

Может ли социал-демократ принимать близкое участие в политической буржуазной печати?

Казалось бы, на этот счет не может быть двух мнений. Конечно, нет — не может. Ведь в печати ярче, чем где бы то ни было, отражаются коренные разногласия между социалистами и всем буржуазным обществом. Печать — это область идей, область пропаганды и агитации. Здесь каждая из сторон отстаивает свое святая святых. Может ли здесь быть мир между провозвестником нового строя, заклятым врагом всего капиталистического порядка и — человеком, защищающим буржуазное общество?

Однако, среди социалистов, — правда, очень плохих социалистов, — находятся люди, принципиально защищающие это участие.

1. Два взгляда.

Два различных взгляда на этот вопрос защищают на Западе марксисты и ревизионисты (или ликвидаторы).

Ревизионисты — это люди, выражающие настроение некоторых мелкобуржуазных слоев и отсталых рабочих, только начинающих примыкать к социал-демократии. Ревизионисты — это люди, еще не совлекшие с себя ветхого Адама буржуазного образа мышления. Буржуазное общество как бы мстит социалистам за их будущее торжество над всем этим строем насилия и угнетения: оно, разлагающееся и отживающее, заражает молодое социалистическое движение пережитками буржуазных идей. Это — самый утонченный вид мести со стороны отживающего буржуазного общества: послать своих эмиссаров в ряды социалистической армии. Из ревизионистов очень многие самым искренним образом считают себя социалистами. На деле многие из ревизионистов являются не чем иным, как эмиссарами старого мира, старой идеологии в лагере борцов за новый мир. Пуповина, соединяющая этих людей с буржуазным кругом идей, еще не разрезана. Эти люди стоят посредине между социалистическим мировоззрением и пережитками буржуазных идей.

Эти-то люди всюду на Западе отстаивают участие социалистов в буржуазной печати — по принципиальным соображениям.

Их система защиты этого участия ясна. Пролетариат не должен «слишком резко» отмежевываться от либеральной буржуазии. У рабочих очень много «точек соприкосновения» с либералами. Разговоры о диктатуре пролетариата являются «утопией». Надо бросить эти «заговорщические» мечты и думать о постепенном врастании в новое общество исключительно путем медленной эволюции. Надо не изолироваться (отъединяться, отделяться) от либеральной буржуазии, а устроить «либерально-социалистическое братство», как выражаются немецкие ревизионисты. Надо вместе с либералами медленно шествовать по пути мирного «прогресса».

Исходя из таких построений, ревизионисты отстаивают союзы с либералами на выборах, в парламенте, участие социалистов в буржуазно-либеральных министерствах, одним словом — союз по всей линии.

Отсюда — логический вывод: надо участвовать и в либерально-буржуазной печати для того, чтобы там осуществлять это сближение, для того, чтобы там подготовлять «великий блок» (т.-е. союз) либералов и социалистов. Это необходимо в интересах самих рабочих. К тому же запретить участие в буржуазной печати было бы «насилием над личностью» со стороны с.-д. рабочей партии, покушением на «свободу» своих членов.

Таков один взгляд.

Нечего и говорить о том, что марксисты решительно ничего общего не имеют с подобным взглядом. Они всюду и везде самым энергичным образом борются против постоянного участия членов с.-д. партии в буржуазной печати и настаивают на том, чтобы социалисты все свои силы посвящали своей рабочей печати.

Как и во многих других отношениях, мы и в вопросе об участии в буржуазной печати видим в западно-европейском движении два типа: французский и немецкий. Во Франции чуть не всякий сколько-нибудь заметный социалист-литератор (кроме марксистов) непременно сотрудничает в каком-нибудь буржуазном органе. Так делают все, от мала до велика. И так поступают чуть ли не все синдикалисты. Самого р-р-революционного синдикалистского крикуна вы можете встретить в отъявленно буржуазной газете. Буржуазии это выгодно: пикантная приманка, отрывание читателей от рабочей печати и внесение разброда и разложения в среду рабочих-социалистов.

Французский тип есть образец того, чего не надо делать. Здесь сказывается слабость французской рабочей партии, отсутствие контроля и дисциплины. Отсюда же и вытекает парламентский разврат, приносящий так много вреда рабочему делу. Отсюда же получило начало вхождение социалистов в буржуазное министерство (случай Мильерана).

В Германии, наоборот, рабочая партия строго порицает участие в буржуазной печати. Разумеется, и здесь многие интеллигенты не подчиняются партии. «Самого» Бернштейна, теоретика германского ревизионизма, систематически приходится раза три в год призывать к порядку за участие в буржуазной печати. То же происходит с другими германскими ревизионистами (часто они обогащают своими писаниями даже русскую буржуазную печать). В Германии около 100 с.-д. газет и журналов. Для сверхревизионистов это все еще недостаточная арена. Им непременно хочется итти в буржуазную печать. Причина ясна: налицо политическая тяга к буржуазии, стремление непременно быть принятым в «лучшем» буржуазном обществе. В рабочей партии слишком «скучно» и «однообразно». В Германии это все-таки только исключение. Миллионная рабочая партия заставляет ревизионистов подчиняться воле пролетариата.

В последний раз германская партия обсуждала этот вопрос на Дрезденском съезде. Постоянное участие в буржуазной печати запрещено. Ревизионисты выторговали себе одну уступку: исключение составляет та печать, которая не открыто враждебна социал-демократии. Сделаем эту уступку, — говорили марксисты, — тем более что «нейтральных» органов теперь, при обострении классовой борьбы, днем с огнем не сыщешь. Социал-демократия не такое явление, по отношению к которому можно оставаться ни теплым, ни холодным.

Из двух типов предпочтительнее для рабочего дела, конечно, немецко-марксистский, а не ревизионистский.

2. Решение русских марксистов.

В 1907 году вопрос об участии в буржуазной печати пришлось решать и русским марксистам. Широкой открытой рабочей партии в России тогда еще не было, а «социалистических» интеллигентов, тянувшихся к буржуазной печати, насчитывалось сколько угодно.

В 1906-1907 гг. вожди ликвидаторов заполнили буржуазно-«демократическую» печать. Многие видные литераторы-ликвидаторы фактически были редакторами этих газет. Это сотрудничество стало в особенности недопустимым, когда, после Лондонского конгресса, все эти господа стали в буржуазной газете осыпать бранью официальные решения «марксистского целого». Во многих буржуазных газетах был введен специальный информационный отдел—хроника жизни социал-демократической партии и т. д. Там систематически извращались решения марксистов, подтасовывались факты и т. д. (Так, впрочем, всегда поступают буржуазные газеты. Все до последней строчки у них проникнуто духом буржуазного обмана, в том числе и—информационный отдел).

Молчать было невозможно. Среди рабочих поднялось возмущение, и вот в ноябре 1907 года марксисты при самых «возмущенных» протестах нынешних ликвидаторов, отстаивавших «свободу личности» и свободу сотрудничества в буржуазной печати, вынесли официальное решение.

Вот это решение полностью:

— « . . . Участие с.-д. в либеральной и либерально-демократической печати приняло в данное время в России такой характер, который наносит серьезный вред марксистскому целому, и при дальнейшем развитии этого участия оно способно вести к серьезному идейному и организационному разложению в рабочей партии».

Таков пункт первый. Против кого он направлен? Против господ Мартова и К°. Он был вызван поведением нынешних вождей ликвидаторства.

Пункт 2-ой:

— « . . . Недопустимо такое участие в непартийной печати, которое связано с прямой или косвенной борьбой против марксистского целого и его руководящих учреждений или против тактических взглядов той или иной части партии».

Этот пункт был направлен против нынешних ликвидаторов.

Пункт 3-й:

— « . . . Недопустимо также такое участие с.-д. в непартийной печати, при котором темы и направление разработки политических вопросов ограничиваются интересами буржуазных редакций, что фактически ведет к идейно-политическому блоку социа-

листов и несоциалистов, единомышленников по острым вопросам международного социализма».

Это уже не в бровь, а прямо в глаз господам ликвидаторам.

Пункт 4-й:

— « . . . . Участие с.-д. в непартийной печати вне указанных условий допустимо, но должно быть поставлено под контроль «марксистского целого» во всех случаях, когда это участие способно иметь какое-нибудь практически-политическое значение и влияние на массы».

Трудно абсолютно запретить всякое участие в буржуазной печати. Для многих это вопрос куска хлеба. Иногда можно через буржуазную печать кое о чем осведомить рабочих, принести пользу делу и т. д.

Это — исключение из правила. Необходимо было во всяком случае ограничить участие одним условием: чтобы и это эпизодическое участие происходило под контролем во всех тех случаях, когда оно способно иметь какое-нибудь практически-политическое значение и влияние на массы. Это ограничение тоже было направлено против теперешних ликвидаторов, которые ни о каком марксистском контроле и слышать не хотели.

Пункт 5-й гласил:

— « . . . Недопустимо участие с.-д. в буржуазной прессе в качестве членов редакции, а также помещение статей без подписи».

Это ограничение понятно. Оно тоже всецело было направлено против нынешних ликвидаторов.

Наконец, пункт 6-й:

— « . . . Партийная хроника может вестись исключительно лицами, уполномоченными рабочими организациями».

Этот пункт тоже вызван был деяниями ликвидаторов, которые в буржуазной печати злоупотребляли марксистскими решениями.

Таково решение 1907 года.

Кем было проведено оно? — Нынешними «правдистами».

Как отнеслись к нему нынешние ликвидаторы? Они сначала отчаянно боролись против того, чтобы вообще вынесено было решение. Они затем резко боролись против большевистского проекта. Известный ликвидатор Д. выступил с контр-проектом, который был провален марксистами.

Ныне г. Л. М. пишет, что он и его друзья «одобрили решение марксистского целого» от 1907 г. («С. Р. Г. № 4»). Это — неправда. Решение было принято 20-ю (б-ки, польские и латыш-

ские марксисты) против 1-го, при 6 воздержавшихся. (Эти данные заимствованы нами из соответствующего отчета.) Друзья г. Л. М. не решились голосовать против, но зато они воздержались. С каких же это пор принято «одобрять решение» посредством . . . воздержания?

Пусть г. Д. опубликует свой контр-проект — тогда все увидят, какую вопиющую неправду сказал г. Л. М.

Как же относятся теперь марксисты к решению 1907 года? Они его безусловно поддерживают, они целиком стоят на его почве, или подтверждают это решение при первом же подходящем случае. Мы могли бы требовать только одного изменения: еще большей строгости в отношении запрещения сотрудничества в буржуазной печати, еще более строгого контроля в тех исключительных случаях, когда это участие признается допустимым, и, разумеется, распространения запрета сотрудничества в органах хозяйских организаций.

Мы уже говорили, что марксистское решение допускает известные исключения. Нельзя осудить человека, если он из-за куска хлеба выполняет техническую работу в буржуазных органах, или пишет там, скажем, информационные корреспонденции на нейтральную тему из-за границы, но это именно исключения из правила.

Напротив, сотрудничество ликвидаторов в либеральной печати носит совсем иной характер молчаливого политического союза. Недаром либеральная печать всегда и всюду хвалит ликвидаторов, гладит их по головке, создает поддержку прессы всем их планам и наступлениям. Тут сказывается политическое родство душ. Тут мы имеем дело с явлением политическим, вытекающим из природы ликвидаторства, из его тяги к постоянным союзам с буржуазией.

Против участия в буржуазной печати — таков пароль марксистов. Ликвидаторы, к сожалению, принимают его только на словах . . .

Пусть подчинятся ликвидаторы решению 1907 года на деле. Пусть «изыдут» из буржуазных газет те десятки ликвидаторских «лидеров», которые играют там фактическую роль редакторов, приноровляясь к буржуазным требованиям. Тогда этот спорный вопрос будет решен.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1914 г. № 4, апрель; подпись — «Г. Зиновьев.»

25-ЛЕТИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАЗДНИКА (1).

В нынешнем году исполнится 25-летие всемирного рабочего праздника 1 мая. Двадцатипятилетие первомайского праздника совпадает с двадцатипятилетием нового Интернационала и пятидесятилетием старого Интернационала, которое будет торжественно отпраздновано на предстоящем в августе нынешнего года международном социалистическом конгрессе в Вене.

История старого Интернационала обнимает собою памятное десятилетие 1864 — 1873 гг. Знаменитое «Международное Товарищество Рабочих» распадается главным образом под влиянием того, что разрастаются национальные социалистические движения в разных странах, и практически руководить всем движением из одного центра становится невозможно.

— «Десять лет Интернационал правил одной стороной европейской истории», а теперь... старый Интернационал пережил себя», — пишет Энгельс осенью 1874 года (2). А. К. Маркс еще в конце 1873 года, в тот самый момент, когда старый Интернационал распадался, предсказывает (3) что «события и неизбежный ход вещей сами позаботятся о восстановлении Интернационала в более соответствующем виде».

Так гениальные вожди старого Интернационала уже в наиболее тяжелый момент гибели его провидели возрождение нового Интернационала, который создастся на новой базе.

Около пятнадцати лет отделяют новый Интернационал от старого: в течение 1873 — 1888 гг. постоянных и оформленных организаций международного социалистического движения не существует. Только в 1889 году собирается в Париже первый международный конгресс нового социалистического Интернационала.

1889 — 1914 годы составляют новую эпоху в международном социализме. Как далеко подвинулись мы вперед за эту четверть века! Как гигантски выросло социалистическое движение пролетариата во всех странах света!

Когда собирался первый конгресс нового Интернационала, пролетариат Германии только еще разбивал цепи исключительного закона против социалистов. После 11 лет исключительных гонений, после целого десятилетия «подпольного»

существования партия германского пролетариата только еще выходила на широкую дорогу. А теперь через 25 лет мы имеем здесь с.-д. партию, насчитывающую 1.100.000 членов, и с.-д. профессиональные союзы, число членов которых скоро дойдет до 3 миллионов.

Во Франции в 1889 году движение тоже еще было очень слабо. Реакция, наступившая после страшного разгрома Коммуны, все еще давала себя знать. Еще не так давно вернулись на родину последние социалистические эмигранты, изгнанные из Франции восторжествовавшей реакционной буржуазией. Еще не так давно создалась новая социалистическая партия во Франции. А теперь, через 25 лет? Как ни много можно еще пожелать французскому социализму, а все ж за это 25-летие он вырос и возмужал чрезвычайно.

В Англии, Америке мы имели в 1889 году в лучшем случае небольшие социалистические кружки. Теперь в обеих этих странах социализм стал большой силой и, главное, растет с каждым годом.

За четверть века, отделяющую нас от 1-го конгресса нового Интернационала, социализм завоевал себе место во всех странах света, где только живет и борется рабочий. В Скандинавских странах, на Балтийском полуострове, в Китае и Японии—всюду мы видим теперь социалистические партии, все более крепнущие, все более завоевывающие симпатии.

Наша собственная страна, Россия — имела уже, правда, в 1889 году своего представителя на международном конгрессе в Париже (Плеханов). Но движение рабочих в России тогда еще только-только начиналось. Тогда, 25 лет тому назад, на парижском конгрессе были сказаны справедливые слова: «Освободительное движение в России восторжествует как движение пролетариата, или — не восторжествует вовсе». Теперь важнейшие исторические события, получившие мировое значение, показали, что именно так и будет. И теперь в отсталой России мы также имеем уже не отдельные кружки социалистов, а массовое социалистическое рабочее движение.

Первый же конгресс нового Интернационала (1889 год) провозгласил празднование 1 мая. Это решение встретило самый горячий отклик со стороны передовых рабочих всех стран. С тех пор идея не заглохла, а, наоборот, находила себе новые и новые тысячи и десятки тысяч сторонников. Первомайское празднество

было и осталось живой эмблемой международного братства пролетариев всех стран. Огромных жертв стоила дата 1 мая международному пролетариату. Если бы мыслимо было подсчитать все те жертвы, которые принес международный пролетариат за все эти 25 лет во время первомайских празднеств, цифры получились бы колоссальные. За это празднество рабочие подвергались особым гонениям в первые годы после парижского конгресса. Но гонения не прекращаются и теперь даже в «свободных» странах. Локауты, штрафы и т. п. ежегодно практикуются и теперь фабрикантами и заводчиками в Германии, Австрии и т. п. А кроме того на европейском континенте существуют, как известно, страны, где репрессии за участие в рабочем празднике отнюдь не ограничиваются штрафом и локаутом...

Гонения, однако, не достигли своей цели, как это, впрочем, обыкновенно часто бывало по отношению к великим общественным движениям. И можно без преувеличения сказать, что в победном шествии международного социализма за период 1889—1914 гг. одна из самых славных страниц принадлежит всемирному празднику рабочих.

* *
*

Идея ежегодной международной манифестации в пользу 8-часового рабочего дня уже и раньше бродила в головах рабочих Европы и Америки. Так, уже в 1885 году съезд некоторых рабочих союзов Соединенных Штатов решил 1 мая 1886 года устроить такую манифестацию. Решение это местами было проведено в жизнь. В Чикаго впервые пролилась кровь рабочих, участвовавших в первомайском празднике 1886 г. Американская буржуазия не удовлетворилась расстрелом рабочих на улицах Чикаго — ей понадобились еще судебные убийства. И буржуазный «суд», конечно, свято исполнил волю своих хозяев-миллиардеров: 8 «подстрекателей» были приговорены к смертной казни...

Впервые на строго социалистическую почву идею первомайского праздника поставил Парижский международный социалистический конгресс—первый конгресс нового, возрожденного Интернационала.

Новый Интернационал впервые оформил то, что бродило среди передовых рабочих, и впервые придал международной агитации за 8-часовой рабочий день планомерный и систе-

матический характер. И в этом—одна из величайших его заслуг перед всемирным движением пролетариата.

Восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных — таков был первоначальный пароль первомайского праздника, провозглашенный Парижским международным конгрессом. Лишь впоследствии, уже в ходе борьбы, к этому лозунгу присоединилось еще требование замены постоянной армии вооружением народа (милицией).

Первомайский праздник стал не только манифестацией в пользу 8-часового рабочего дня, но и демонстрацией против милитаризма. Правительства всех стран, состязающиеся между собою в деле возможно более обильных жертвоприношений на алтарь ненасытного милитаризма, позаботились о том, чтобы протест против милитаризма объединял все более и более широкие массы рабочих, на которых лежат все главные тяготы милитаризма.

Новый Интернационал и при своем возрождении даже не смог избегнуть на первых порах раскола. «Выступает на сцену старый раскол Интернационала», — писал Ф. Энгельс 8 июля 1889 года, накануне Парижского конгресса. И действительно. В июне 1889 года в Париже одновременно заседали два международных конгресса. Один из них был созван французскими марксистами при деятельнейшей поддержке германских с.-д. и под идейным руководством Энгельса. Другой организован был французскими «поссибилистами» (во главе с недавно умершим Бруссом) при поддержке, главным образом, англичан, во главе с Гайндманом. — «Те же спорящие стороны с той только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем поссибилистов, та же продажа своих принципов буржуазии» и т. д.,—писал со свойственной ему резкостью Ф. Энгельс по адресу поссибилистов. Попытки примирения и слияния обоих съездов в один конгресс— к великой радости непримиримого Энгельса — кончились ничем. Только через 2 года, в 1891 году, на международном конгрессе в Брюсселе установилось единство. Поссибилисты были окончательно побеждены.

Оба парижских конгресса 1889 года претендовали на звание международных социалистических конгрессов. Но в истории международного социализма, как крупное событие, вошел только конгресс, созванный под руководством марксистов. В этом последнем конгрессе участвовали уполномоченные от рабочих Германии, Франции, Бельгии, Австрии, Италии, Голландии, Англии, Испании,

Швеции, Дании и Америки. Были представители и от русских социалистических кружков. И именно этот марксистский конгресс провозгласил ежегодный пролетарский праздник 1 мая.

* * *

Разногласия, существовавшие между конгрессами 1889 года, отразились отчасти и на первом майском празднестве 1890 года. Участвовавшие во втором конгрессе (поссибилистов) англичане и французы не считали себя обязанными выполнять решения, принятые на непризнаваемом ими конгрессе. Это внесло на первых порах некоторые колебания. С другой стороны, в 1891 году англичане, немцы и швейцарцы перенесли праздник с 1 мая на первое воскресенье этого месяца, дабы избегнуть экономических репрессий за забастовку. В виду всего этого Брюссельский конгресс 1891 года счел необходимым остановиться еще раз на вопросе о первомайском празднике и принял по этому вопросу следующую резолюцию:

— «Чтобы сохранить за первым мая его истинный экономический характер: требование 8-часового дня и оттенение классовой борьбы, конгресс постановляет, что должна быть одна общая демонстрация рабочих всех стран, и что эта демонстрация будет иметь место 1 мая. Конгресс предлагает прекращать работу всюду, где это возможно».

Возрождение рабочего Интернационала не на шутку переполошило международную буржуазию и ее приказчиков — правительства. Ожил «красный призрак», который — господам буржуа так хотелось в это верить после распада старого Интернационала — сгинул, казалось, навеки.

Но с особенным остервенением встретила международная буржуазия призыв нового Интернационала к празднованию 1 мая. Недаром в 1890 и в 1891 годах в день первого мая пролилась рабочая кровь. На мирные манифестации рабочих в пользу 8-часового рабочего дня буржуазные правительства отвечали провозглашением чуть не осадного положения. В день 1 мая 1890 года большинство европейских столиц было превращено в военные лагери. Из Вены, например, накануне 1 мая 1890 года «телеграфировали»:

— «Солдаты стоят наготове; двери в домах заперты; в квартирах заготовлены запасы, как будто в виду осады; дела остановились; женщины и дети не смеют выйти на улицу».

Местами богатые буржуа в панике покидали город, а наиболее храбрые из представителей имущих классов стали поговаривать об образовании своей специальной буржуазной гвардии для борьбы с рабочими.

В 1891 году во Франции, в городке Фурми, 1 мая ознаменовалось расстрелом мирной рабочей демонстрации. 9 человек пало убитыми. Несколько десятков рабочих были ранены. Да сверх того буржуазная французская республика еще устроила судебный процесс рабочим руководителям, Кюлину и Лафаргу. Кюлин был приговорен к 6 годам тюрмы, а Лафарг (речь идет об известном французском социалисте Лафарге, скончавшемся в 1912 году) — к одному году заключения. До столкновения с вооруженной силой республиканских войск дошло и в Клиши.

Энгельс, доживший до первого смотра сил нового Интернационала, с замиранием сердца следил за первомайским выступлением 1890 года.

«Первого мая я жду с большим нетерпением», — писал он своему другу Зорге 19 апреля 1890 года. И старый боец заранее ликует по поводу того, что «во Франции 1 мая может сделаться поворотным пунктом», и по поводу тех благих результатов, которые проистекут для английского рабочего движения, «если у нас в Лондоне, в воскресенье, действительно состоится грандиозная демонстрация за введение 8-часового рабочего дня».

* * *

В ходе борьбы первомайское празднество, как мы уже отметили, перестало быть только манифестацией в пользу 8-часового рабочего дня. К этой манифестации присоединился также протест против милитаризма, и выдвинулось требование замены постоянной армии народной милицией (вооружением народа).

На том самом первом конгрессе нового Интернационала (в 1889 году), на котором было решено первомайское празднество, была принята также очень подробная резолюция о милитаризме. Требование вооружения народа и отмены постоянных армий было в ней выражено с полной ясностью.

Вопросами милитаризма неоднократно занимался уже и старый Интернационал. Это и неудивительно. Вопрос о милитаризме есть по существу вопрос международный. Каждая война всегда затрагивает, по крайней мере, два, а чаще — несколько государств. Каждое государство, увеличивая свою военную силу, всегда указы-

вает на пример других государств, уверяя, что оно само не стало бы увеличивать вооружений, если бы не соседняя страна, которая-де явно готовится к войне и угрожает безопасности «отечества». Обычная история: Франция ссылается на Германию, Германия на Россию, Россия на Австрию и т. д. Тут есть известное сходство со ссылками капиталистов одной страны на капиталистов другой страны при их нежелании вводить 8-часовой рабочий день. Бороться с милитаризмом рабочие могут лишь совместными усилиями — в международном масштабе. Вот почему и новый и старый Интернационал так часто занимались вопросом о борьбе с милитаризмом.

Уже на Лозаннском конгрессе старого Интернационала (1867 год) был поставлен вопрос о милитаризме. Конгресс указал в своей резолюции, что война является следствием классовой борьбы.

На третьем съезде старого Интернационала (1868 год), в Брюсселе, международный социализм опять вернулся к вопросу о милитаризме. Единогласно принята была резолюция Лонгэ, углубляющая и расширяющая резолюцию 1867 года.

Новый Интернационал в 1891 году, на конгрессе в Брюсселе, опять остановился на вопросе о войне. Резолюция будущего анархиста Нювенгюиса, предложившего на каждую войну непременно отвечать всеобщей стачкой, была отвергнута. Принята была резолюция Вальяна и Либкнехта, указывающая, что война есть последствие капиталистического строя, и что бороться надо систематической организацией и агитацией против главной причины, вызывающей войну.

Почти все дальнейшие международные социалистические конгрессы неизменно занимались вопросом о войне и милитаризме. Эти вопросы обсуждались: в Цюрихе на международном конгрессе 1893 года, в Лондоне на конгрессе 1896 года, в Париже на конгрессе 1900 года, в Штуттгарте на конгрессе 1907 года, в Копенгагене на конгрессе 1910 года и, наконец, в 1912 году на экстренном Базельском конгрессе.

За $2^1/_2$ десятилетия существования нового Интернационала милитаризм принимал все большие размеры и поглощал все большее количество миллиардов. Понятно, что рабочие не могли проходить мимо этого роста милитаризма, всей своей тяжестью ложащегося на трудящиеся классы.

До каких ужасающих пределов доходят расходы на милитаризм, видно из следующих цифр.

Одно французское издание подсчитало, во что обошелся милитаризм всей Европе в 1899 году:

Военный бюджет Европы за этот год составил 7.184.321.093 франков или $2^1/_2$ миллиарда рублей.

Занято было по всей Европе на военной службе 4.169.321 человек.

Считая, что каждый взрослый человек может заработать в среднем 3 франка в день, получается, что пропадает дневного заработка 12.507.963 франка — 4.690.487 рублей.

Далее, в армиях занято было 710.342 лошади. Считая, что работа каждой лошади может принести в среднем 2 франка в день, получаем, что пропадает в непроизводительном труде 1.420.684 франка — 532.756 рублей в день.

Помножая приведенные цифры на 300 дней, получаем, что в год тратится непроизводительно (вместе с военным бюджетом) 11.362.915.913 франков, или почти пять миллиардов рублей.

А с тех пор расходы на милитаризм более чем удвоились. На 1913 год шесть только европейских держав — Франция, Англия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Италия — ассигновали 10 миллиардов рублей.

В период 1883 — 1893 годов военные издержки этих 6 держав возросли на 589.000.000, что составляет ежегодное возрастание на 53.000.000.

За время 1893 — 1907 годов военные издержки увеличились на 2.036 миллионов, что дает ежегодное возрастание уже на 145 миллионов.

За годы 1907 — 1912 возрастание равно 1930 миллионам, или уже 386 миллионам в год.

Впереди идет Германия, которая увеличила издержки на милитаризм с 504 до 823 миллионов, т.-е. ежегодно — на 63 миллиона франков.

Англия за годы 1893 — 1907 увеличивает свои военные расходы на 49.400.000 франков в год.

Возрастание военных расходов России за 1907 — 1912 годы выразилось ежегодной цифрой в 139.400.000 франков — 52.275.000 рублей.

Постоянная армия Германии в 1906 — 1907 годах насчитывала 655.000 человек. Теперь она достигает почти миллиона. Свой военный бюджет Германия в 1913 году увеличила на 100.000.000 рублей.

Россия в 1913 году увеличила расходы на армию и флот на целых 144.000.000 рублей в сравнении с 1912 годом. Военный бюджет России достиг в 1913 году 866.000.000 рублей, а в 1914 году он достигает 1.000.000.000 рублей. Да еще 500.000.000 собирается истратить сверхкомплектно.

Колониальная политика буржуазии — т.-е. ее попытки огнем и мечом завоевывать себе новые колонии, новые рынки для сбыта товаров — обходится народам во все более чудовищные суммы. Не жалеют ни людей, ни денег для политики крови и железа.

За годы 1899—1906 в одной Германии военный бюджет возрос с 929.000.000 на 1.300.000.000, т.-е. более чем на 40%.

Содержание одного немецкого солдата в юго-западных африканских колониях Германии обходилось в 1906 году в 9.500 марок или 4.000 рублей.

Франция за 35 лет — от 1870 года до 1906 — издержала на военные расходы, связанные с колониями, ни больше ни меньше как 40.000.000.000 франков или более 15.000.000.000 рублей. Один специалист по военным делам недавно сделал в германской печати некоторые вычисления, насчет того, каких жертв стоила бы теперь война европейских держав. За основу вычислений он берет те потери, которые понесла немецкая армия во время войны с французами в 1870—1871 году. В действии тогда было 1.200.000 человек, из них убито — 1.871 офицер, 26.307 солдат и ранено 4.181 офицер, 83.304 солдата, от эпидемических болезней умерло около 100.000 человек.

В случае войны европейские государства выставили бы: Германия — 4.800.000 человек, Австро-Венгрия — 2.800.000 человек, Италия — 2.000.000 человек, Франция — 4.000.000 человек, Россия — 3.000.000. Если допустить, что потери будут не больше тогдашних, получим:

Убитых офицеров	1.871 × 14 = 26.194
» солдат	26.397 × 14 = 369.558
Раненых офицеров	4.184 × 14 = 58.576
» солдат	84.304 × 14 = 1.180.256
Умерших от заразных болезней. .	100.000 × 14 = 14.000.000

(или, если считать, что медицина сделала такие большие успехи, что от эпидемии умрет втрое меньше, то и тогда получится 466.000 умерших от эпидемии).

Но пошла вперед не только медицина, а и техника оружия, увеличившего свою смертоносность.

5 европейских государств, в случае войны, потеряли бы круглым счетом 1.060.000 убитыми и 1.868.000 ранеными.

Затем следуют денежные затраты. Во время войны тратится на каждого выставленного человека ежедневно около 3 рублей. На всю армию это составило бы около 49.000.000 рублей в день, а в месяц около 1.494.000.000. Убытки, которые война принесла бы хозяйственной жизни, не поддаются и приблизительному учету. А на кого легли бы все эти расходы? Конечно, на рабочих и крестьян.

Мы вынуждены ограничиться здесь голыми цифрами. Но полагаем — в подробных пояснениях эти цифры и не нуждаются. Цифры эти сами достаточно говорят за себя. Все зло, все беды, все несчастья, которые несут с собой войны и милитаризм всем народам без различия — и прежде всего рабочим,— достаточно известны.

* *
*

Энергичную борьбу против войн и милитаризма всюду и везде ведут только рабочие. Буржуазия в этом вопросе едина—начиная от крайних реакционеров и кончая самыми либеральными буржуа. Как только запахнет «военной мощью дорогого отечества» или колониальными захватами чужих земель, либералы забывают о том, что они либералы, и спешат в объятия к реакционерам. Интерес наживы стоит выше всего для всякого, даже самого либерального буржуа. Посмотрим ли мы на германских национал-либералов и «прогрессистов», на французских «радикалов» или на русских «кадетов», *) всюду мы видим одно и то же. Как только речь заходит о вооружениях, всякий либерал покорно — и даже с патриотическим восторгом — голосует за выдачу из народного кармана всех требуемых миллиардов. Либерал считает, что здесь «нет места оппозиции», что это дело «святое». Если можно говорить, что в известных случаях вся буржуазия

*) Вот и теперь, когда речь зашла об ассигновке сверх комплекта нового $1/2$ миллиарда рублей на милитаризм, кадеты готовы голосовать за отпуск этих средств. Недаром они пошли на тайное совещание по этому вопросу с Пуришкевичем и Хвостовым.

является сплошной реакционной массой, так это именно в тех случаях, когда речь идет о милитаризме.

Таким образом, вся тяжесть борьбы против милитаризма ложится на рабочих. Этим-то и объясняется, что самым ходом борьбы первомайский праздник включает в свою задачу протест против милитаризма.

В международном социализме и на международных конгрессах в вопросе о борьбе с милитаризмом наметилось нетерпеливое течение, которое выдвигает нецелесообразную тактику, могущую только удалить рабочих от желанной цели. Это полуанархистское и синдикалистское течение, больше всего связанное с именем француза Эрве *. Но к нему примыкают и некоторые социалисты крайнего правого крыла. Это течение насквозь проникнуто крикливым «анти-патриотизмом». Оно не хочет видеть главных корней милитаризма и, скользя поверх явлений, хочет бороться с милитаризмом как с чем-то самодовлеющим, самостоятельным и особым. Оно требует, чтобы рабочие непременно присягнули ответить всеобщей стачкой на всякую войну— не считаясь ни с состоянием рабочих сил, которое заранее ведь неизвестно, не предусматривая других, в том числе более резких, форм борьбы.

Это течение в рабочем Интернационале — в меньшинстве, большинство рассматривает милитаризм как производное явление и зовет рабочих вдуматься в классовые причины, порождающие это явление. Большинство нисколько не отвергает всеобщей стачки, но не хочет связывать себе рук непременно только одной этой, излюбленной анархистскими фразерами, формой борьбы. Большинство на конгрессах всегда проводит формулу: бороться с войной всеми средствами.

* * *

По независящим от нас обстоятельствам, мы не можем здесь подробно рассказать, какую роль на протяжении истекшего двадцатипятилетия сыграл первомайский праздник в России. Ограничимся немногим.

---

* Впрочем, сам Эрве в последнее время перестал быть «эрвеистом» и, как это свойственно архи-революционным интеллигентам, перекинулся теперь в обратную крайность: к самому беспринципному оппортунизму.

В 1890 году в первом мировом празднестве 1 мая сколько-нибудь заметное участие принимали только польские и еврейские рабочие кружки. Но уже в 1891 году картина меняется. В этом году и русские рабочие приобщаются к мировому рабочему празднеству. Правда, — это еще только отдельные избранные рабочие, небольшие кружки. Это — еще только десятки тех передовых рабочих, которые успели получить социалистическое воспитание во время недавнего периода кружковой пропаганды. Но — начало сделано. Семя посеяно, оно дает богатые всходы. В этом же году отдельными видными рабочими произнесены те речи о значении рабочего празднества, которые впоследствии оказались напечатанными и остались ценным памятником тогдашнего состояния рабочего движения.

Проходит пять лет. Картина значительно меняется. Полоса кружковщины, пропаганды в узких, замкнутых рабочих кружках сменяется эпохой массовой агитации. Внимание деятелей рабочего движения обращено уже не только на выработку всесторонне развитых избранных одиночек из рабочих, оно сосредоточено главным образом на политическом просвещении масс. Усиленное развитие капитализма в России, вся общественно-политическая обстановка подготовляют условия, делающие неизбежным более широкое рабочее движение. С 1894 по 1896 год в России возбуждено было целых 726 политических процессов, по которым привлечено было 3.531 лицо. Это, конечно, отнюдь не «рекордные» цифры. Позднее мы увидели нечто гораздо более внушительное. Но уже по одним этим цифрам можно судить о том, насколько движение расширилось. Вместе с этим расширилось и участие рабочих в первомайском празднике.

Еще через 5 лет, к началу 1900-х годов, движение сделало уже огромный шаг вперед. В 1901 году в Петербурге и в ряде других городов происходят крупные первомайские забастовки, которые местами стоили больших жертв рабочим. По официальным данным, в одном Петербурге состоялось 12 майских стачек, охвативших 14.300 рабочих, а по всей России число стачек, по тем же данным, достигло 120.

А еще через 5 лет, в 1906 году, мы видим величайшую в России первомайскую манифестацию рабочих. В 1906 году чуть не по всей России рабочие отпраздновали 1-е мая забастовками и митингами. Не было такого угла, где бы рабочие в той или иной форме не присоединились к первомайскому празднику.

Между 1901 и 1906 годами лежат знаменитая Ростовская стачка (ноябрь 1902 года) и всеобщие стачки на Юге (июль 1903 г.), охватившие 225.000 рабочих, и затем 1905-й год...

В 1907 году русские рабочие принимают еще довольно широкое участие в первомайском празднестве. А затем начинается мрачная полоса реакции, сковывающая энергию рабочих и отражающаяся, разумеется, на степени интенсивности майского праздника.

Однако, ни один год не проходит неотмеченным, — даже в самые тяжелые времена. С 1910 года начинают опять вспыхивать ободряющие огоньки. Глубокая идейная реакция проходит. Наступает оживление. 1913 год приносит почти такую же импозантную «маевку», как 1906 год, самый выдающийся по интенсивности празднества.

Что будет дальше — покажет будущее. Во всяком случае, оглядываясь назад, русские марксисты могут сказать себе: чем были мы 25 лет назад? Маленьким кружком, небольшой группой мечтателей. Чем стали мы теперь? Мы стали партией русского рабочего класса, идеологами подлинного движения миллионных рабочих масс. Что бы там ни было, а будет и на нашей улице праздник... Недалеко уже то время, когда русское рабочее движение займет одно из первых мест на международной арене и станет силой, не меньшей, чем рабочее движение гораздо более старых капиталистических стран...

Ширится и растет число участников в светлом пролетарском празднике 1 мая. Никакие преследования не могут удержать международной армии пролетариата от провозглашения своей рабочей солидарности, от систематической и неуклонной борьбы за 8 часовой рабочий день.

Празднование 1 мая стало делом не только социалистических партий, но и всех, даже чисто экономических, организаций рабочих. Профессиональные союзы — даже те из них, которые хотели бы сохранить свою пресловутую нейтральность — всюду, в Европе и Америке, самими рабочими, членами союза, принуждаются к деятельному участию в первомайском празднике. На любом съезде передовых профессиональных союзов в любой из европейских стран в числе пунктов порядка дня вы можете встретить вопрос о праздновании 1 мая. Попытки крайних ревизионистов ликвидировать празднование первого мая, на том основании, что это-де «устаревший обычай» и «искусственно

придуманное» выступление, встречают самый суровый отпор со стороны самых широких масс рабочих. 25-летний юбилей всемирного рабочего праздника сделает его еще более популярным среди мирового пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹) Статья напечатана в журнале «Просвещение», 1914 г., № 4, апрель; подпись — «Н. Скопин».

²) Старый Интернационал пережил себя — утверждение Ф. Энгельса, приведенное у Ф. Меринга («Карл Маркс»), Петр. 1920, стр. 390. В 1874 г. Энгельс писал: «Для того, чтобы создался новый Интернационал по примеру старого, необходимо было, чтобы образовался союз всех пролетарских партий всех стран, необходимо было поражение того рабочего движения, которое господствовало в период 1849—1864 гг. Для этого пролетарский мир стал слишком велик, слишком необъятен».

³) События позаботятся о восстановлении Интернационала — так определял К. Маркс будущее направление рабочего движения (см. вышеуказанное сочинение Ф. Меринга, стр. та же). В 1873 г. он предсказывал: «Социал-демократические партии образуют как бы национальные организации, вместе с тем и интернациональные группы это — уже не разрозненные секции, рассеянные кое-где по отдельным странам и сдерживаемые на периферии Генеральным Советом, а скорее — рабочие массы, находящиеся в постоянном, активном и прямом общении, сцепленные общением идей, взаимной помощью и общими усилиями. Таким образом, Интернационал не умер, а только после первого периода перешел в другой, более высокий, в котором отчасти уже осуществились его первоначальные стремления».

25 ЛЕТ [1].

В нынешнем году исполняется 25-летие первомайского праздника. В 1889 году, ровно четверть века тому назад, на международном социалистическом конгрессе в Париже был провозглашен пролетарский праздник 1 мая.

Парижский международный конгресс 1889 года был первым конгрессом нового, возродившегося рабочего Интернационала. Таким образом, 25-летний юбилей первомайского праздника есть вместе с тем 25-летний юбилей нового Интернационала.

И вместе с тем международный пролетариат в этом году отмечает еще один знаменательный юбилей: 50-летие старого Интернационала.

В 1864 году было основано Международное Товарищество Рабочих (т.-е. старый Интернационал). У колыбели его стоял великий учитель рабочего класса Карл Маркс. Старый Интернационал просуществовал всего 10 лет. Шестой и последний конгресс его состоялся в Женеве в 1873 году. Международное Товарищество сыграло огромную роль в истории мирового рабочего движения. Товарищество распалось, главным образом, вследствие огромного роста движения в отдельных странах. Старые формы Международного Товарищества переросли себя. Распадение старого Интернационала ускорилось, с одной стороны, благодаря страшным гонениям, которые особенно усилились после Парижской Коммуны, с другой стороны — благодаря большим внутренним разногласиям, разделившим Интернационал на два лагеря: анархистов — с Бакуниным во главе, и социал-демократов — с Марксом и Энгельсом во главе.

Но идея международного братства рабочих продолжала жить. Погибла только старая форма. Великий дух старого Интернационала остался жив. Великое семя, посеянное им, дало богатые всходы. Уже в 1877 году в Женеве состоялся новый международный съезд социалистов. В 1881 году в Хуре (Швейцария) собрался еще один съезд. В 1883 и 1886 годах состоялись две международные конференции в Париже. И, наконец, в 1889 году в Париже состоялся международный социалистический конгресс, положивший начало новому Интернационалу.

*

На этом съезде и было провозглашено празднование 1 мая. Сначала предполагалась только манифестация в пользу 8-часового рабочего дня. Потом к этому прибавился еще международный протест против войн и милитаризма и манифестация в пользу требования отменить постоянные армии и заменить их народной милицией (вооружением народа). Француз Трессо предложил подкрепить первое мая всеобщей забастовкой, которая должна послужить началом социальной революции. Конгресс высказался против этого, назначив на 1 мая только демонстрационное выступление рабочих всех стран.

2-й конгресс нового Интернационала состоялся в Брюсселе в 1891 году. Здесь приняты резолюции о профессиональных союзах, о равноправии национальностей и т. п.

3-й конгресс состоялся в Цюрихе в 1893 году. На нем произошло окончательное отделение с.-д. от анархистов.

4-й конгресс был в Лондоне в 1896 г. Рассматривался аграрный вопрос и др.

5-й съезд состоялся в 1900 г. в Париже. Обсуждались вопросы о международной охране труда, о союзах с буржуазией и пр.

6-й конгресс был в 1904 году в Амстердаме (Голландия). Главный вопрос — о тактике с.-д. Съезд высказался против участия социалистов в буржуазных министерствах и вообще осудил (хотя и в мягкой форме) оппортунизм.

7-й съезд состоялся в Штуттгарте (1907 г.). Здесь принята известная резолюция против «нейтральности» профессиональных союзов и за необходимость самой тесной их связи с рабочей партией.

8-й конгресс состоялся в 1910 г. в Копенгагене. Принято было решение, что рабочие всех национальностей внутри одного государства должны строить единую организацию, создавать единые профессиональные союзы, а не делиться непременно по национальностям, как того добиваются «сепаратисты».

9-й экстренный конгресс состоялся в Базеле (1912 г.). Здесь вся международная армия рабочих выразила великий протест против балканской резни.

10-й конгресс состоится в августе 1914 г. в Вене. В порядке дня — вопросы о борьбе с безработицей, тактике рабочих в борьбе с войнами и т. д.

Такова краткая внешняя история рабочего Интернационала.

Старый и новый Интернационалы олицетворяли два поколения борцов. Они отмечают две различных эпохи в международном

рабочем движении. Самым великим представителем первого поколения, времен старого Интернационала, был Карл Маркс. Самым выдающимся представителем нового Интернационала был Август Бебель (хотя он участвовал и в старом Интернационале, но его великая историческая деятельность на международной арене развернулась в новом Интернационале).

Непосредственное участие в революционных событиях наложило свой великий отпечаток на первое поколение борцов. Лица их посейчас кажутся нам обвеянными пороховым дымом...

Новое поколение, носители нового Интернационала являются представителями более «мирной» эпохи, когда идет накопление сил, великое строительство организации, неустанная работа просвещения.

За 25 лет существования нового Интернационала в этой области достигнуты громадные результаты. Там, где в 1889 году были тысячи, мы видим теперь сотни тысяч и миллионы. Быть может, пример России — самый убедительный. В 1889 году мы были лишь маленькой кучкой, и на первом конгрессе могли быть представлены только отдельные группы. А в 1914 году движение русских рабочих есть великое движение пролетарских м а с с.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 75, от 1 мая 1914 г.; подпись — «Г. З.».

РАБОЧИЙ КЛАСС И КРЕСТЬЯНСТВО В РОССИИ [1].

К спору между марксизмом и народничеством.

Вопрос об отношении марксистского рабочего движения к крестьянству стоит у нас сложнее, чем в странах Западной Европы, где политическая свобода уже имеется. У нас на очереди стоит вопрос именно о политической свободе. И тут у рабочего класса — общая задача с массой крестьянской бедноты. Это и выдвигает перед рабочим движением двоякую задачу: необходимо всячески помогать политическому пробуждению крестьянства, необходимо нести в деревню свет политического просвещения и т. д.; и в то же время пролетариат не должен забывать своих классовых целей, которых крестьянство, как масса, не может разделять: рабочие должны сохранить классовую чистоту своей партии, они не должны допустить смешения рядов, они должны во что бы то ни стало иметь свою самостоятельную рабочую классовую организацию.

Эту двуединую задачу правильно разрешают только последовательные марксисты.

Ликвидаторы вбили себе в голову, что крестьянство не может быть социалистическим, но они не умеют правильно оценить все политическое значение буржуазно-демократического движения в крестьянстве. Они во всех своих оценках исходят из того неверного взгляда, будто русская либеральная буржуазия скорее может стать союзником рабочего класса в борьбе за нашу ближайшую цель, чем крестьянство. Известное программное требование российских марксистов в области земельного вопроса (о переходе без выкупа) ликвидаторы в сущности отрицают. Они полагают, что русское крестьянство слишком отстало, слишком темно, чтобы поддержать борьбу за ближайшую цель раскрепощения. В этом — коренная ошибка ликвидаторства.

Темноты и отсталости в русском крестьянстве действительно много. Но экономический интерес сильнее этого. Крестьянину нужна земля, крестьянину нужен иной строй жизни, свободной от крепостничества. Жизнь показала (1903 — 1906 гг.), что это и было так.

Народники же делают другую, во многих отношениях еще более вредную для рабочего дела ошибку. Они усвоили, что

у крестьянства есть общая с рабочим классом задача — борьба за политическую свободу. Но дальше они ошибочно уверяют, будто и в борьбе за социализм крестьянская масса идет вместе с рабочими. Они доказывают, что не нужно особой рабочей партии, а что нужна рабоче-крестьянская (вообще так называемая «трудовая») партия. Они уверяют, будто классовые интересы пролетариата вполне совпадают с классовыми интересами «трудового» крестьянства.

И ликвидаторы, и народники делают, таким образом, крупнейшую ошибку. Одни урезывают демократический размах движения, другие подменяют социализм мелкобуржуазными мечтаниями.

* * *

Давным давно научный социализм установил, что носителем подлинного социалистического движения может быть только рабочий класс, лишенный всяких орудий производства, вынужденный продавать свою рабочую силу. Носителями социализма не могут являться все просто бедные слои населения. Мелкий собственник (маленький мастерок, мелкий крестьянин и т. д.) может быть очень беден, жизнь его может быть очень несладка, но от этого он еще не становится склонен к социализму. Во всех своих помышлениях он сознает себя, напротив, «хозяином», который, правда, сейчас беден, но который, глядишь, поправит свое хозяйство и станет более крупным собственником. За свой маленький клочок земли, за свою мелкую собственность крестьяне держатся очень сильно. Они часто и слышать не хотят о социализме. Народники просто возвращаются назад лет этак на 50, когда доказывают, будто и крестьянство может быть в такой же степени социалистическим, как и пролетариат.

К. Каутский в своей известной работе «Путь к власти» (1909 г.) писал:

— «Я указывал или, если хотите, предсказывал, что мы, немцы (т.-е. немецкие с.-д.), не можем рассчитывать на массовое сочувствие крестьян и городской мелкой буржуазии, что мы, наоборот, должны быть готовы встретить с их стороны противодействие нашей борьбе. То же самое можно сказать, например, о Франции и Австрии».

Эти слова Каутского — лучший ответ моему оппоненту, народнику Б. Воронову («Стойкая Мысль», № 5) (*), который

вместе с другими народниками уверяет, будто западно-европейские марксисты давно уже перешли на народническую точку зрения по вопросу о социалистичности крестьянства, и только мы, грешные, русские марксисты, упорствуем-де в своих «заблуждениях».

Тот же Каутский, в отличие от ликвидаторов, знает, что в России сейчас условия исключительные, что в нашем очередном деле (завоевание буржуазно-демократического уклада) крестьяне могут итти с рабочими. Он оговаривает особо, что в России в борьбе за эту задачу «рабочие не смогут шагнуть вперед без тесного сотрудничества с крестьянами».

Но с народниками мы спорим сейчас не об этом, не о роли крестьянства в борьбе за раскрепощение (хотя и здесь народники часто допускают вопиющие ошибки, отрицая, например, главенствующую роль пролетариата). Мы спорим с ними о том — является ли крестьянство столь же социалистическим, как пролетариат, должны ли рабочие иметь свою особую рабочую партию или должны смешать ряды с крестьянством.

В Германии, Франции, Австрии, а в таких странах как Англия, Бельгия и т. д. и подавно, социалистическое движение есть рабочее движение. Со стороны крестьянства, как такового, — говорит Каутский, — в борьбе за социализм приходится скорее ждать противодействия, чем помощи. Когда лево-народник Воронов приводит в пример не страны передового капиталистического развития (Германию, Англию, Бельгию), а... Данию, — на это можно только улыбнуться. Но даже относительно и Дании народники неправы. Действительно социалистические, действительно надежные элементы и там — только городские и сельские рабочие.

Социалистическая партия должна быть и будет и в России только рабочей, пролетарской, — говорим мы, марксисты. Да посмотрите на историю нашего собственного общественного развития. Демократическое движение среди крестьян (борьба против старых крепостнических форм) у нас было. А кто решится сказать, что у нас было социалистическое движение среди крестьянства, как массы? И в то же время, кто решится отрицать, что массовое социалистическое движение среди рабочих России есть бесспорный факт?

* * *

Посмотрите на тех же самых народников. Поскольку в их работе есть хоть какие-нибудь элементы социализма, они связаны именно с рабочим движением. Чем занимаются теперь народники? Насаждают они какое-нибудь социалистическое движение среди крестьян? Да ничего подобного! Они занимаются тем, что убеждают рабочих, будто крестьянство является столь же социалистическим, сколь и пролетариат. Они ведут теперь свое политическое существование исключительно за счет сочувствия части рабочих неясным «социалистическим» идеям народничества.

Мы приглашали народников призадуматься над тем фактом, что не только социалистического движения в крестьянстве у нас нет, но даже буржуазно-демократическое движение среди крестьян страшно опаздывает по сравнению с политической борьбой рабочих. Что ответила нам «Стойкая Мысль» (3)? Она писала: «Поскольку мы будем говорить о политическом движении крестьянства — Зиновьев прав: современная русская деревня еще не обнаруживает признаков массовой политической жизни. Но... классовая экономическая организация трудовых элементов деревни — в форме ли кооперации, в форме ли борьбы за повышение заработной платы — идет весьма усиленным темпом».

Подумайте, до чего сбивают с толку рабочих народники во имя своей ложной безжизненной доктрины. Они говорят: да, демократического движения среди крестьянства действительно еще нет, это мы признаем, в этом марксисты правы, но зато, мол, среди русского крестьянства есть социалистическое «классовое» движение.

Да ведь это—чудовищный вздор, господа! Демократическое движение бывает и без социализма Это — вполне реальная вещь. Пример — наше крестьянское движение в годы 1904 — 1906. Но социализма без демократической борьбы, без политической борьбы за демократию не бывает на свете. Это — бессмыслица.

Звать крестьянство итти за рабочим классом в борьбе за буржуазно-демократические перемены, это — дело, насущное, живое, важное дело. Но против этой задачи народнические интеллигенты фыркают. «Мы... считаем утопией, будто бы пролетариат может вести за собою крестьянство», — пишет тот же Воронов. А вот «вести» мертвенную, безжизненную и в социалистическом отношении реакционную проповедь, будто не нужно самостоятельной рабочей партии, будто крестьян-

ство в массе социалистично, и из деревни нам без особого труда жареные рябчики в рот полетят, — на это народники мастера.

Рабочие-марксисты полны самого горячего сочувствия к нищенствующему и разоряющемуся крестьянству; они зовут его на совместную борьбу за ближайшую цель; они несут свою социалистическую проповедь не только в город; они зовут в свои ряды сельских батраков. Но — они хотят и будут иметь свою особую классовую рабочую партию. Не для того еще 30 лет назад провозглашена в России идея необходимости самостоятельной рабочей партии, чтобы теперь дать потопить эту драгоценную идею в мещанских росказнях об едином и нераздельном «трудовом народе».

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 80, от 8 мая 1914 г.; подпись — «Г. З.».

[2]) Народник Воронов — Борис Воронов, автор статьи «Крестьянство и социализм» в «лево-народнической» (эс-эровской) газете «Стойкая Мысль» (1914 г., № 5).

[3]) «Стойкая Мысль» — эсеровская газета, издававшаяся в 1912 — 1914 г.г. «Стойкая Мысль» одна из разновидностей эс-эровской «Мысли» («Бодрая Мысль», «Смелая Мысль» и др.).

ТРУДОВАЯ
ПРАВДА
РАБОЧАЯ ГАЗЕТА
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 1.
СТАТЬИ:
Борьба съ рабочимъ словомъ.
ФЕЛЬЕТОНЪ.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА:
РОС. С.-Д. РАБ. ФРАКЦІЯ.
СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ:
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ:
РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ:
Москва.
ПО РОССІИ
Жизнь крестьянина.

№ 1 Пятница 23 Мая 1914 г. ЦѢНА 2 коп

ЧТО СНИТСЯ ЛИКВИДАТОРАМ? (1)

В № 16 «Нашей Рабочей Газеты» подробно приведено программное заявление пяти видных латышских товарищей примиренцев (2), которые убеждены, что с ликвидаторами теперь возможно единство, ибо таких ликвидаторов, которым снилась бы легальная («открытая») партия, больше уже не существует-де на свете.

Пять латышских товарищей, в изложении «Нашей Рабочей Газеты», пишут:

— «Латышская рабочая газета неоднократно поясняла, что она ликвидаторство понимает в буквальном смысле этого слова, т.-е. как течение, которому снится легальная политическая организация при теперешних обстоятельствах. Нам кажется, что борьба против такого течения излишня, ибо нельзя допустить, что среди с.-д. есть фанатики, которые питали бы такую утопическую мечту при теперешнем режиме, когда даже легализовать к.-д. партию считают невозможным».

Это — замечательное рассуждение!

Неужели латышские примиренцы в самом деле думают, что ликвидаторам «не снится» легальная партия? Да из-за чего же тогда весь сыр-бор загорелся? Да каков же тогда смысл всего ликвидаторского шума по поводу «открытой» рабочей партии?

Мы знаем, что среди так называемых примиренцев иногда можно встретить людей, имеющих глаза специально для того, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать. Но такой слепоты встречать еще не приходилось.

Ликвидаторам «не снится» открытая партия? Достаточно привести только одну выдержку из последней статьи признанного вождя ликвидаторства Л. М.

Совсем недавно этот ликвидатор выставил следующий основной тезис:

— «Опытом доказано, что «открытая рабочая партия» — не реакционная мечта, ибо в настоящий момент в России такая партия в известном смысле слова есть (курсив Л. М.), если слову «партия» придавать политическое, а не формально-юридическое значение» («Наша Заря», 1914 г., № 2, стр. 83).

Таким образом, журналу «Наша Заря» и виднейшему вождю ликвидаторства не только «снится» легальная партия в современной России, но они утверждают даже, что такая партия «в настоящий момент» уже «в известном смысле» есть!

Что скажут на это товарищи латышские примиренцы?

Мы не хотим допускать, что примиренцы, не желая раскрывать свои карты латышским рабочим, умышленно прикрашивают русское ликвидаторство. Мы думаем, что здесь речь идет о добросовестном заблуждении. Но, товарищи, ведь всякому заблуждению бывает предел...

Латышские примиренцы, вслед за правдистами, приводят то справедливое указание, что при теперешнем режиме «легализовать даже кадетскую партию считают невозможным». Но почему они не делают выводов, почему они не сводят концов с концами? Почему они не разоблачают, а поддерживают либеральную проповедь Л. М. и «Нашей Зари»?

Почему?

Потому что таков уж удел даже лучших из примиренцев: хотят попасть в одну дверь, а попадают совсем в другую...

Пора, пора, товарищи примиренцы, понять, что уметь логически связывать свои мысли, право, совсем не грех...

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статья напечатана в газете «Трудовая Правда», № 10, от 8 июня 1914 г.; подпись — «Петербуржец».

«Трудовая Правда» выходила с 23 мая по 8 июля 1914 г. Это была последняя разновидность «Правды», возродившейся лишь после февральской революции 1917 г. Всего вышло 35 №№. Издательницею подписывалась Д. А. Геро, редакторами — Е. И. Баданов, А. П. Филиппов, И. М. Михайлов.

[2]) Программное заявление пяти латышских примиренцев было напечатано в «Нашей Рабочей Газете», как выдержка из какой-то неизвестной «латышской рабочей газеты», при чем пять фамилий также опущены.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

РЕЗОЛЮЦИИ ЛЕТНЕГО 1913 ГОДА СОВЕЩАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р.П. С ПАРТИЙНЫМИ РАБОТНИКАМИ.

О задачах агитации в настоящий момент.

1. Положение в стране все больше и больше обостряется. Господство реакционных помещиков вызывает все больший ропот даже среди самых умеренных слоев населения. На пути к сколько-нибудь действительной политической свободе в России попрежнему стоит царская монархия, враждебная всякой серьезной реформе, оберегающая только власть и доходы крепостников и особенно жестоко подавляющая всякое проявление рабочего движения.

2. Рабочий класс попрежнему выступает как руководитель в революционной борьбе за общенациональное освобождение. Массовая революционная стачка продолжает развиваться. Действительная борьба передовых отрядов рабочего класса происходит под революционными лозунгами.

Массовое экономическое движение, часто начинаясь с самых первоначальных требований, в силу всей обстановки борьбы, все более сливается с революционным движением рабочего класса.

Задачей передовых рабочих является своей работой агитации и просвещения ускорить сплочение пролетариата — под революционными лозунгами эпохи.

Только при этом условии передовые рабочие выполнят также свою задачу пробуждения крестьянской и городской демократии.

3. Борьба рабочего класса, протекающая под революционными лозунгами, заставила часть промышленников и либерально-октябристскую буржуазию усиленно заговорить о необходимости реформы вообще и урезанной свободы коалиций в частности. С одной стороны, лихорадочно организуясь в хозяйские союзы, вводя страхование от стачек и требуя от правительства систематических гонений против рабочего движения, буржуазия, с другой стороны, рекомендует рабочим в м е с т о революционных требований ограничиваться отдельной конституционной реформой, подобием свободы коалиций. Рабочий класс должен использовать все возможные колебания правительства, как и те разногласия, которые существуют между буржуазией и реакционным лагерем, для усиления своего натиска в области экономической и в области политической борьбы. Но рабочий класс именно для успешного использования положения должен оставаться на почве неурезанных революционных лозунгов.

4. При таком общем положении вещей задачей социал-демократии является вести попрежнему широкую революционную агитацию в массах за низвержение монархии и за демократическую республику. Необходимо на живых примерах действительности неустанно доказывать весь вред реформизма, т.-е. тактики, которая вместо революционных лозунгов выдвигает в центр требование частичных улучшений.

5. В своей агитации за свободу коалиций и за частичные реформы вообще ликвидаторы сбиваются на либеральный путь. Они на деле отрицают революционную агитацию в массах, они прямо проповедуют в своих органах, что лозунги «демократическая республика» и «конфискация земель» не могут служить предметом агитации в массах. Свободу коалиций они выдвигают как всеобъемлющий лозунг эпохи, на деле подменяя им революционные требования 1905 г.

6. Предостерегая против вредной реформистской агитации ликвидаторов, совещание напоминает, что Р.С.-Д.Р.П. в своей программе-минимум уже давно выдвинула требование свободы коалиций, слова, печати и т. д., поставив все эти требования в тесную связь с революционной борьбой за низвержение царской монархии. Совещание подтверждает резолюцию январской конференции 1912 г., гласящую: «Конференция призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, при чем необходимо постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах». Главными лозунгами эпохи остаются: 1) демократическая республика, 2) конфискация п о м е щ и ч ь и х земель, 3) 8-часовой рабочий день.

Резолюция по организационному вопросу и о партийном съезде.

1. Отчеты с мест показали, что самой важной очередной организационной задачей является не только упрочение руководящих партийных организаций в каждом городе, но и — объединение отдельных городов между собою.

2. Совещание рекомендует, как первый шаг к областному объединению, организацию совещаний (а где можно и конференций) товарищами от отдельных пунктов рабочего движения. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы на совещании были представлены все отрасли партийной работы: политической, профессиональной, кооперативной и т. д.

3. Совещание признает, что система доверенных лиц при Ц. К. для дела объединения общероссийской работы совершенно необходима. Решение февральского совещания о доверенных лицах только еще начало применяться к жизни. Передовые рабочие на местах всюду должны позаботиться о том, чтобы выдвинуты были доверенные лица хотя бы в каждом крупном центре рабочего движения и в возможно большем числе.

4. Совещание ставит на очередь вопрос о созыве партийного съезда. Рост рабочего движения, назревание политического кризиса в стране, необходимость объединенных выступлений рабочего класса во всероссийском масштабе делают и необходимым, и возможным созыв такого съезда — после достаточной его подготовки.

5. Совещание приглашает товарищей на местах, по обсуждении этого вопроса, намечать предварительный порядок дня, желательный срок съезда, проекты резолюций.

6. Совещание указывает, что, помимо других трудностей, и вопрос о денежных расходах на съезд может быть разрешен только самими рабочими.

Совещание призывает товарищей приступить к созданию денежного фонда на созыв партийного съезда.

О стачечном движении.

1. Совещание подтверждает резолюции январской конференции 1912 г. и февральского совещания 1913 г., давшие оценку стачечного движения, соответствующую всему опыту последних месяцев.

2. Новая полоса подъема революционной стачки характеризуется движением в Москве и нарастанием настроения в нескольких местностях, до сих пор не участвовавших в движении.

3. Совещание приветствует почин Петербургского Комитета и ряда партийных групп Москвы, поднявших вопрос о всеобщей политической стачке и сделавших шаги в этом направлении в июле и сентябре текущего года.

4. Совещание признает, что движение подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки. Систематическую подготовительную агитацию за эту стачку необходимо начать немедленно и повсеместно.

5. Лозунгами политических стачек, которые следует распространять с усиленной энергией, должны быть основные революционные требования момента: демократическая республика, 8 - часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.

6. (Опубликованию не подлежит.)

О партийной печати.

Пункты 1—5 не подлежат опубликованию..........

Пункт 6. В виду обострения революционной борьбы масс за последнее время и необходимости ее полного и всестороннего освещения, недоступного легальной печати, совещание обращает особое внимание на необходимость усиленного развития нелегального партийного издательства, при чем, кроме нелегальных листков, брошюр и т. д., крайне необходим более частый и регулярный выход нелегального органа партии (Ц.О.).

О думской работе с.-д.

Разобрав детально резолюцию Р.С.-Д.Р.П. о думской с.-д. фракции, принятую на декабрьской 1908 г. конференции *), и обсудив все данные о думской работе с.-д. в 4-й Думе, совещание признает:

*) Упоминаемая выше резолюция декабрьской конференции 1908 г. гласит следующее:

«По поводу деятельности думской с.-д. фракции, являющейся одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету, конференция — в целях поднятия на должную высоту необходимой для партии деятельности фракции и в интересах правильного освещения ее работ всей партией в агитации и пропаганде — констатирует:

1. что указанная резолюция вполне правильно определила задачи и направление с.-д. думской работы, и что, поэтому, необходимо руководиться и впредь этой резолюцией;

2. что последний подотдел пункта 3 (3з) декабрьской резолюции о голосовании за или воздержании по вопросам об улучшении положения рабочих) должен быть пояснен следующим образом. Когда в законопроектах, формулах и т. д. дело идет о непосредственном и прямом улучшении положения рабочих, низших служащих и трудящихся масс вообще (напр. сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, устранение хотя бы небольшого зла в жизни рабочих и вообще широких слоев населения и т. п), то следует голосовать за те пункты, которые содержат эти улучшения.

В тех же случаях, когда улучшение, в силу условий, которыми обставляет его 4-я Дума, сомнительно, фракция воздерживается, непременно

что в деятельности фракции за истекший период, на ряду с правильными выступлениями, были уклонения от политической линии нашей партии, каковыми следует признать в особенности:

а) отсутствие в программной декларации, с которой фракция выступила в начале первой думской сессии, определенно выраженного классового и социалистического содержания и урезывание и затушевывание в ней последовательно-демократических требований нашей программы минимум;

б) отсутствие в общих бюджетных речах и формуле социалистической мотивировки голосования социал-демократии не только против бюджета современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства;

в) голосование за 6 с половиной миллионов — вместо воздержания — на нужды первоначального народного образования, в действительности ассигнованные в распоряжение ультра-черносотенного министра Шварца;

г) неоднократное некритическое восхваление 1-й и 2-й Дум, в их целом, как Дум «народных» и пр., и отсутствие указаний, что и в них голоса представителей рабочих и крестьян подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельных классов;

д) отсутствие принципиальной мотивировки отказа в разрешении правительству займа на 450 миллионов рублей и отсутствие критики либеральной оппозиции, соглашавшейся голосовать за заем в несколько уменьшенном только размере, и т. д.;

что фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контр-революции;

что фракция неоднократно не исполняла прямых постановлений Ц. К.

В виду всего этого, конференция, — констатируя вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Ц. К., которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии, — находит, что:

с особой мотивировкой воздержания, предварительно обсудив вопрос с представителями рабочих организаций.

Совещание признает, что:

По всем запросам, крупным законопроектам и т. п. с.-д. фракция должна вносить свои самостоятельные формулы перехода к очередным делам.

В тех случаях, когда после отвержения формулы с.-д. голосования фракции против правительства совпадают с голосованиями других партий, — необходимо, чтобы фракция старалась особо мотивировать свое голосование за чужую формулу или за часть чужой формулы.

---

1) в своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии, в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами Ц. К. партии;

2) основной задачей фракции в контр-революционной 3-й Думе является — служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию;

3) в интересах выполнения этих агитационно-пропагандистских задач фракции необходимо в возможно близком будущем:

а) внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства (8-часовой рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.);

б) в той или иной форме подымать возможно чаще вопрос о наступлении капитала в области экономической, связывая его с изменившимся соотношением сил в политической борьбе, вопрос о безработице в городах и голодовке в деревнях и т. п.;

в) внести ряд законопроектов, выдвигающих требования нашей программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступную широким слоям народа;

г) начать энергичную агитацию против контр-революционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов;

д) фракция должна раскрывать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе, постоянно обращать внимание на национальные вопросы внутри государства и энергично поддерживать выставленные партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей;

е) в той или другой форме поднять вопрос о положении армии и дать защиту требований, выдвинутых в дни революционного подъема солдатами и матросами;

ж) выступая в защиту местных, хотя бы мелких и частных, нужд населения, фракция должна связывать эти частные нужды с общими требованиями партии и ставить своей задачей — обнаруживать перед народом

О думской с.-д. фракции.

Совещание находит, что единство с.-д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако, совещание констатирует, что поведение 7 депутатов серьезно угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России.

7 депутатов, исходя из узко-фракционных интересов, лишают 6-х депутатов возможности выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам рабочей жизни. В целом ряде выступлений, когда с.-д. фракция выставляла двух и более ораторов, 6 депутатов, несмотря на свои требования, не получали возможности выставить своего оратора.

невозможность сколько-нибудь удовлетворительного разрешения местных нужд при современном режиме и отказываться от поддержки тех из местных требований, которые противоречат общим интересам пролетариата;

з) по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полиция, администрация, суды и т. д.) признается также недопустимым.

При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности во главу угла следует положить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны в полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому общим правилом должно быть голосование против проводимых в 3-й Думе так называемых реформ и статей расходов на так называемые культурные потребности.

В тех же исключительных случаях, когда имеются серьезные шансы на улучшение положения рабочих и низших служащих или на действительное удовлетворение культурных потребностей широких масс населения, фракция, смотря по обстоятельствам, воздерживается (со внесением особой мотивировки) или голосует за, обсудив предварительно вопрос с Ц. К. и представителями партийных и профессиональных организаций

Фракция должна связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с с.-д. группами, действующими внутри профессиональных союзов и других рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями; выступать на рабочих собраниях и вообще расширять, по возможности, свою внедумскую деятельность.

Конференция далее обращает внимание всех местных и национальных партийных организаций и Ц. К. партии на то, что недостаточное их содействие фракции, имевшее место до сих пор, в значительной степени затрудняло ее деятельность, и считает необходимым, чтобы все партийные организации:

7 депутатов при распределении мест в думских комиссиях (напр., бюджетной) таким же образом отказывают 6 депутатам там предоставить одно из двух мест.

При выборах во фракции в важные для рабочего движения учреждения 7 депутатов большинством одного голоса лишают 6-х депутатов представительства. Личный персонал, обслуживающий фракцию, всегда избирается односторонне (напр., отвергнуто требование второго секретаря).

Совещание находит такой образ действий 7 депутатов неизбежно создающим трения во фракции, мешающим сплоченной работе и ведущим к расколу фракции.

Совещание самым решительным образом протестует против подобного образа действий 7 депутатов.

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание, поэтому, находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство с.-д. фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия двух ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами охранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов.

О работе в легальных обществах.

1. В настоящий момент подъема экономической и политической борьбы рабочего класса особенно необходимо усилить работу во всех легальных рабочих обществах (профессиональные союзы, клубы, больничные страховые кассы, кооперативы и пр.).

2. Вся работа в легальных рабочих обществах должна вестись не в духе нейтральности, а в духе решений Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. и Международного Конгресса в Штуттгарте. Социал-демократы должны привлекать во все рабочие общества возможно более широкие круги рабо-

---

а) доставляли во фракцию всяческие сведения о положении рабочих, действиях администрации и объединенного капитала, материалы для запросов и речей, резолюции рабочих собраний и партийных групп, проекты речей, давали бы систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику прошлых ее шагов;

б) распространяли в массах речи, запросы, законопроекты и отчеты фракции, дополняя и используя ее выступления в массовой агитации, — в листках и пр.

чих, приглашая в состав членов всех рабочих, без различия партийных взглядов. Но социал-демократы должны внутри этих обществ составлять партийные группы и долгой систематической работой внутри всех этих обществ добиваться установления самых тесных отношений между ними и социал-демократической партией.

3. Опыт международного и нашего русского рабочего движения учит тому, что с самого зарождения таких рабочих организаций (профессиональные союзы, кооперативы, клубы и т. п.) необходимо добиваться того, чтобы каждое из этих учреждений было оплотом социал-демократической партии. Совещание приглашает всех партийцев иметь в виду эту важную задачу, которая является особенно жгучей в России, где ликвидаторы систематически пытаются использовать легальные общества против партии.

4. Совещание находит, что при выборах уполномоченных в страховые кассы, во всей работе профессиональных союзов и т. д. следует отстаивая полное единство движения и подчинение меньшинства большинству, проводить линию партии, добиваться избрания на все ответственные посты сторонников партии и т. д.

5. Для учета опыта практической работы в легальных рабочих обществах желательно устройство более частых совещаний с активными участниками работы в легальных рабочих организациях на местах, а также привлечение в возможно большем числе на общепартийные конференции представителей от партийных групп, ведущих работу в легальных обществах.

Резолюция по национальному вопросу.

Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д. Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С.-Д. Р. П., совещание — в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу — выдвигает следующие положения.

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном до конца демократическом республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета

самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях, — политических, профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей даст возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои анти-пролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то социал-демократическая партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и, в особенности, неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

5. Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос социал-демократическая партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций.

* *
*

Совещание ставит в порядок дня партийного съезда вопрос о национальной программе. Совещание приглашает Ц. К., партийную прессу и местные организации возможно подробнее освещать (в брошюрах, дискуссиях и т. д.) национальный вопрос.

О народниках.

1. Лондонский съезд, подводя итоги деятельности народнических партий и, между прочим, партии социалистов-революционеров, в революционную эпоху, точно указал на то, что эти партии постоянно колебались между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства, равно как и на псевдо(мнимо)-социалистический характер их проповеди, затушевывающей противоположность между пролетарием и мелким хозяйчиком.

2. Реакционная эпоха еще более усилила эти черты, создав в партии социалистов-революционеров, с одной стороны, отказ от последовательно-демократической политики и превратив даже некоторые элементы партии в идущих по следам либералов критиков революции, а с другой стороны— превратив ее в чисто-интеллигентскую группу, оторванную от жизни масс.

3. Партия социалистов-революционеров продолжает официально отстаивать террор, история которого в России совершенно оправдала с.-д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом. Рядом с этим бойкот выборов и полная неспособность этой интеллигентской организации к планомерному воздействию на ход общественного развития страны сделали то, что новый подъем революционного движения всюду прошел вне всякого влияния этой партии.

4. Мелкобуржуазный социализм народничества сводится лишь к вредной проповеди перед лицом рабочего класса идей, затушевывающих все растущую пропасть между интересами труда и капитала и пытающихся представить в смягченном виде остроту классовой борьбы, и приводит к мещанским утопиям в области кооперативной.

5. Шатания в области отстаивания демократических лозунгов, кружковый характер партии и ее мелкобуржуазные предрассудки в сильнейшей степени мешают народничеству развить республиканско-демократическую пропаганду в широких кругах крестьянства. Таким образом, и сами интересы этой пропаганды требуют в первую голову от с.-д. решительной критики народничества.

Совещание, отнюдь не исключая тех совместных действий с народническими партиями, которые специально предусмотрены Лондонским съездом, полагает поэтому, что задачей с.-д. должно быть:

а) разоблачать шатания и отказ от последовательного демократизма, проявляющийся в народнических партиях;

б) бороться с мелкобуржуазным социализмом народничества, затушевывающим противоположность между трудом и капиталом;

в) поддерживать республиканско-демократические течения в крестьянской массе, постоянно указывая, что только последовательный в своем демократизме социалистический пролетариат может быть надежным руко-

водителем масс крестьянской бедноты в ее борьбе с монархией и помещичьим землевладением;

г) направить усиленное внимание на пропаганду с.-д. идей среди тех, хотя и немногочисленных, групп рабочих, которые до сих пор не освободились еще от отсталых теорий народничества.

УКАЗАТЕЛИ.

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Римские цифры обозначают том, арабские — страницы).

*

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1911 г. «Воинствующий марксизм против «чисто-рабочей» политики». Статья за подписью «Гр.»; напечатана в первой книжке журнала «Просвещение» за декабрь. Стр. 3.

«Три запроса». Статья за подписью «Петербуржец»; напечатана в первой книжке журнала «Просвещение», за декабрь. Стр. 10.

«Историческая справка» (Гессен, Струве, Пуришкевич). Статья напечатана в первой книжке журнала «Просвещение», за декабрь, за подписью «Г.». Стр. 23.

1912 г. «Вопросы избирательной кампании». Статья за подписью «Г. Зуев»; напечатана в № 3—4 журнала «Просвещение», февраль—март. Стр. 27.

«На славном посту». Германская социал-демократия на выборах и после них. Статья за подписью «Н. Скопин», помещена в № 3—4 журнала «Просвещение», февраль — март. Стр. 53.

«О флюгерах». Статья за подписью «Г. З.»; помещена в № 3—4 журнала «Просвещение», февраль — март. Стр. 67.

«Третья Государственная Дума и страна». Статья за подписью «Г. Зуев», помещена в № 5—7 журнала «Просвещение», апрель — июнь. Стр. 71.

«Свобода коалиций». Статья за подписью «Г. Зиновьев»; напечатана в № 8—9 журнала «Просвещение», июль — август. Стр. 78.

«Ответственные и безответственные». Статья за подписью «А. Б.»; помещена в № 157 газеты «Правда», от 1 ноября. Стр. 106.

«Откровенность». Статья за подписью «Н. Ск.», помещена в № 58 газеты «Правда», от 3 ноября. Стр. 108.

«Денежный мешок на выборах в Думу». Статья за подписью «Г.»; помещена в № 160 газеты «Правда», от 4 ноября. Стр. 110.

«Рабство нашего времени». Статья напечатана за подписью «Гр.», в № 162 газеты «Правда», от 7 ноября. Стр. 112.

1912 г. «О чем думает октябрист, когда ему не спится»? Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 113 газеты «Правда», от 8 ноября. Стр. 114.

«Политика и экономика». Статья за подписью «З.», напечатана в № 168 газеты «Правда», от 14 ноября. Стр. 116.

«Думский президиум и рабочие депутаты». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в № 170 газеты «Правда», от 16 ноября. Стр. 119.

«Вопросы страхования». (О бойкоте страховых законов.) Статья за подписью «Н. Ск.», напечатана в № 170 газеты «Правда», от 16 ноября. Стр. 121.

«Стачки и локауты в Германии». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в газете «Правда», №№ 171 и 175, от 17 и 23 ноября. Стр. 123.

«Стоило-ли огород городить». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в газете «Правда», № 173, от 20 ноября. Стр. 129.

«Музей безопасности». Статья за подписью «Г. Зуев», напечатана в № 178 газеты «Правда», от 27 ноября. Стр. 130.

«Собрания рабочих по вопросам страхования». Статья за подписью «Г.», напечатана в № 178 газеты «Правда», от 27 ноября. Стр. 132.

«Цена крови». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в № 182 газеты «Правда», от 1 декабря. Стр. 133.

«Вместо Ушакова». Статья за подписью «Г.», напечатана в № 183 газеты «Правда», от 2 декабря. Стр. 135.

«Кадеты и евреи». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 192 газеты «Правда», от 13 декабря. Стр. 137.

«Хулиганы против «хулиганства». Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 197 газеты «Правда», от 19 декабря. Стр. 139.

«Воздушный милитаризм». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в № 197 газеты «Правда», от 19 декабря. Стр. 141.

«Прогрессисты и приличие». Статья за подписью «З.», напечатана в № 204 газеты «Правда», от 30 декабря. Стр. 142.

1913 г. «Рабочее движение в 1912 г.». Статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатана в № 2 газеты «Правда», от 3 января. Стр. 143.

«Кадеты и всеобщее избирательное право». Статья за подписью «Н. Ск.», напечатана в № 5 газеты «Правда», от 6 января. Стр. 147.

«Ненаписанная статья» (Письмо в редакцию). Напечатано за подписью «Петербуржец» в № 12 газеты «Правда», от 16 января. Стр. 149.

1913 г. «Стачки и дороговизна жизни». Статья за подписью «Н. Ск.», напечатана в № 23 газеты «Правда» от 29 января. Стр. 150.

«Хулиганство» в деревне». Статья за подписью «Гр.», напечатана в газете «Правда», № 28, от 3 февраля. Стр. 152.

«Несчастные случаи с рабочими». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в газете «Правда», № 33, от 9 февраля. Стр. 155.

«Газета «Zait». Статья за подписью «Г.», напечатана в № 38, газеты «Правда», от 15 февраля. Стр. 158.

«Хвостов и Барач». Статья за подписью «Г.», напечатана в № 43 газеты «Правда», от 21 февраля. Стр. 159.

«Женский труд в России». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 44 газеты «Правда», от 22 февраля. Стр. 161.

«10 миллиардов». Статья за подписью «З.», напечатана в № 44 газеты «Правда», от 22 февраля. Стр. 163.

«В деревне». Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 46 газеты «Правда», от 24 февраля. Стр. 165.

«Несчастные случаи с рабочими». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 46 газеты «Правда, от 24 февраля. Стр. 167.

«Марксизм в России». Статья за подписью «Н. Скопин», напечатана в № 52 газеты «Правда», от 3 марта. Стр. 169.

«О штрафах». Статья за подписью «Н. Ск.», напечатана в № 59 газеты «Правда», от 12 марта. Стр. 172.

«Расходы на тюрьмы». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 63 газеты «Правда», от 11 марта. Стр. 174.

«Расходы на полицию». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 65 газеты «Правда», от 19 марта. Стр. 176.

«Детский труд в России». Статья за подписью «Г. З.» напечатана в № 71 газеты «Правда», от 26 марта. Стр. 178.

«Не вмер Данило»... Статья за подписью «Н. Ск.», напечатана в № 71 газеты «Правда», от 26 марта. Стр. 180.

«И ты, Брут?» Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 72 газеты «Правда», от 27 марта. Стр. 182.

«На очереди». К страховой кампании. Статья за подписью «А. Б.», напечатана в № 74 газеты «Правда», от 27 марта. Стр. 183.

«Клубы и союзы». Статья за подписью «Н. Ск—н», напечатана в № 74 газеты «Правда», от 29 марта. Стр. 185.

«Наш бюджет». I. Рост косвенных налогов. II. «Пьяное» ведомство. Статья за подписями «Н. Ск.» и «Г. З.» напечатана в газете «Правда» №№ 75 и 76, от 30 и 31 марта. Стр. 188.

«Из итогов 1912 года» (К вопросу о стачках). Статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатана в № 3 журнала «Просвещение», мартовской книжке. Стр. 194.

1913 г. «Привет металлистов». Статья за подписью «З.», напечатана в № 80 газеты «Правда», от 6 апреля. Стр. 208.

«Уроки жизни». Статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатана в № 86 газеты «Правда», от 13 апреля. Стр. 210.

«Как поддерживать «Правду». Статья за подписью «А. Б.», напечатана в № 92 газеты «Правда», от 23 апреля. Стр. 213.

«4-я Дума». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 104 газеты «Правда», от 8 мая. Стр. 215.

«Перед промышленным кризисом». Статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатана в № 104 газеты «Правда», от 8 мая. Стр. 217.

«Депутатская неприкосновенность». Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 105 газеты «Правда», от 9 мая. Стр. 220.

«Либералы и ликвидаторы». Статья за подписью «Г. З.», напечатана в № 107 газеты «Правда», от 11 мая. Стр. 223.

«К итогам Думской сессии». Статья за подписью «Г. Зиновьев», напечатана в июньской книжке журнала «Просвещение», № 6. Стр. 226.

«К национальному вопросу». Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия. Статья за подписью «Н. Ск.», помещена в июньской книжке журнала «Просвещение», № 6. Стр. 248.

«Новые тактические дебаты в германской социал-демократии». I. В чем суть спора? II. Вокруг всеобщей стачки. III. Вокруг милитаризма и прямых налогов. Статья за подписью «Н. Скопин», помещена в № 4 газеты «Рабочая Правда», от 17 июля; в №№ 7 и 14 газеты «Северная Правда», от 9 и 18 августа. Стр. 258.

«О земских начальниках». Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 6 газеты «Рабочая Правда», от 19 июля. Стр. 269.

«Победа марксизма» (Голландские социалисты и буржуазное министерство). Статья за подписью «Гр.», напечатана в № 7 газеты «Рабочая Правда», от 20 июля. Стр. 272.

«Извещение летнего 1913 года Совещания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками. Брошюра издана Центральным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. в 1913 г. Написана тов. Зиновьевым по поручению ЦК. Вышла без подписи. Стр. 275.

«Реакция и международная солидарность» (Письмо из Германии). Напечатано за подписью «Г.» в № 13 газеты «Северная Правда», от 17 августа. Стр. 279.

«Сколько зарабатывает наш рабочий?» I. Московский ткач. II. Владимирский ткач. III. Костромской ткач. IV. Заработок ткача в 1910—1911 г.г. Статья напечатана в газетах: «Наш Путь», № 4, от 29 августа; подпись — «Г. Зиновьев»; «Северная Правда», № 28, от 4 сентября,

подпись — «Г. Зиновьев»; «Правда Труда», №№ 7 и 8, от 18 и 19 сентября, подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 282.

1913 г. **«О сборах на рабочую печать».** Необходимая справка. Помещено в № 24 газеты «Северная Правда», от 30 августа; подпись: «Петербуржец». Стр. 293.

«Жертвы капитализма». Несчастные случаи с рабочими по данным сотрудников министерства торговли и промышленности. Статья. Первая глава помещена в № 25 газеты «Северная Правда», от 31 августа, за подписью: «Н. Ск.», вторая — в № 29 той же газеты, от 5 сентября и третья — в № 30 той же газете от 6 сентября, в обоих последних главах подпись: «Гр.». Первая глава напечатана также в московской газете «Наш Путь», № 5, от 30 августа. Стр. 297.

«О свободе коалиции». I. Что такое коалиция? II. Что такое свобода коалиций? III. Как была завоевана коалиция в Западной Европе? IV. Нужна-ли свобода коалиции русским рабочим? V. Русская буржуазия и свобода коалиции. Статья напечатана—в нескольких главах—в газетах: «Северная Правда», №№ 25 и 26, от 31 августа и 1 сентября; подпись—«Г. Зиновьев» (перепечатана в Московской газете «Наш Путь», №№ 6 и 7, от 31 августа и 1 сентября, за тою же подписью), «Правда Труда», №№ 4 и 13, от 14 и 25 сентабря; подпись — «Г. Зиновьев», №№ 15 и 17 «Правда Труда», от 27 и 29 сентября — без подписи. Статья с небольшими изменениями была выпущена в 1914 г. издательством «Прибой» в виде отдельной брошюры под заглавием «Свобода коалиции». Стр. 304.

«Имеющие уши слышати»... (По поводу собрания металлистов). Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 27, от 3 сентября; подпись — «Г. З.». Стр. 323.

«Дела «пьяные». Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 29, от 5 сентября; подпись — «Г. З.». Стр. 329.

«Рабочие и семья». Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 29, от 5 сентября; подпись—«Н. Ск.». Стр. 331.

«Урожай или неурожай»? Статья напечатана в газете «Северная Правда», № 31, от 7 сентября; подпись — «А. Б.». Стр. 334.

«Два пути» (Об отношении марксистов к народникам). Статья напечатана в газете «Правда Труда», № 1, от 11 сентября; подпись — «А. Б.». Стр. 336.

«Страхование рабочих». Кого выбирать? Статья напечатана в газете «Правда Труда», № 4, от 14 сентября; подпись — «А. Б.». Стр. 343.

«Экономическая борьба германских рабочих». I. Что дала стачка? II. Организация борьбы. III. Оборона и наступление. Статья напечатана в газете «Правда Труда», №№ 12, 13 и 16, от 24, 25 и 28 сентября; подпись—«Н. Ск.» Стр. 345.

1913 г. «Как и за что мы хвалили». Статья напечатана в газете «За Правду», № 38, от 17 ноября; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 428.

«О «каких-то условиях». Статья напечатана в газете «За Правду», № 48, от 30 ноября; подпись—«Г. З.». Стр. 431.

«Что случилось?» (К вопросу о расколе в с.-д. фракции). 1. В чем идейно-политическая сущность спора? 2. Большинство думских кресел или большинство организованных рабочих? 3. «Столыпинская курия» и где фракция»? 4. Где раскольники? Статья напечатана в журнале «Просвещение», № 11, ноябрь; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 434.

«Левение» буржуазии и задачи рабочего класса». Статья напечатана в газете «За Правду», № 49, от 1 декабря; подпись—«Г. З.». Стр. 444.

«Открытое письмо латышским примиренцам» (Ответ тов. Синусу). Помещено в № 6, газеты «Пролетарская Правда», от 13 декабря; за подписью—«Петербуржец». Стр. 448.

«О соглашениях с буржуазией» (Чему учат рабочих «левонародники»?). Статья напечатана в № 9, газеты «Пролетарская Правда», от 17 декабря; подпись—«Г. З.». Стр. 452.

«Наглядный штрих». Статья помещена в № 11, газеты «Пролетарская Правда», от 19 декабря; подпись—«Гр.». Стр. 456.

«Зарапортовались» (Еще раз об «уголовных деяниях»). Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 13, от 21 декабря; подпись—«Г.». Стр. 458.

«Родной язык в школе и «национальные учреждения» (К учительскому съезду). Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 16, от 25 декабря; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 461.

«Школа и либеральная буржуазия». Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 17, от 29 декабря; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 467.

«За 8-часовой рабочий день». Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 18, от 31 декабря; подпись—«Н. Ск.». Стр. 471.

1914 г. «Борьба за легальность». Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 23, от 7 января; подпись—«Г. З.». Стр. 474.

«Как и за что борется наш шахтер». Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», №№ 24 и 34, от 8 января и 21 января; подпись—«Г. З.» и «Гр.». Стр. 477.

«Вокруг 8-часового рабочего дня». Статья напечатана в газете «Пролетарская Правда», № 27, от 12 января; подпись—«Г. З.». Стр. 481.

«Российская социал-демократическая рабочая партия». Чхеидзе и Геловани. Статья помещена в газете «Проле-

1914 г. тарская Правда», № 27, от 12 января; подпись — «Н. Ск.». Стр. 484.

«Народничество на практике». Статья помещена в № 28 газеты «Пролетарская Правда», от 13 января; подпись — «Г. З.». Стр. 487.

«Пролетариат и крестьянство». Статья помещена в № 1 газеты «Путь Правды», от 22 января; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 490.

«Свобода печати и либеральная буржуазия». Статья помещена в № 6 газеты «Путь Правды», от 28 января; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 494.

«Письмо в редакцию». Помещено в № 9, газеты «Путь Правды», от 31 января за подписями:—«В. Ильич (Н, Ленин), Г. Зиновьев и Ю. Каменев». Стр. 498.

«Итоги и перспективы». I. Цифры и итоги. II. Экономика и политика. III. Анти-стачечный азарт. IV. Виды на будущее. Статья напечатана в журнале «Просвещение». № 1—2, январь—февраль; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 500.

«О беспартийности». По поводу выборов в Страховой Совет. Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 34, от 12 марта; подпись — «Г. З.». Стр. 518.

«Буржуазия и свобода печати». Статья напечатана в № 9 журнала «Заря Поволжья», от 15 марта; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 522.

«Шахтеры и 8-часовой рабочий день». Статья помещена в № 38 газеты «Путь Правды», от 16 марта; подпись — «Г.». Стр. 527.

«Охрана здоровья рабочих в Германии». Статья помещена в № 47 газеты «Путь Правды», от 27 марта; подпись — «Г.». Стр. 529.

«Уступка предрассудкам». Статья помещена в № 3 журнала «Просвещение», за март; подпись — «Г. З.». Стр. 532.

«Петербургские гиганты». Статья помещена в № 57 газеты «Путь Правды», от 10 апреля; подпись — «Петербуржец». Стр. 535.

«Кадеты после испытания». Статья помещена в № 13 журнала «Заря Поволжья», от 19 апреля; подпись—«Г. З.». Стр. 537.

«Последний локаут и теория «стачечного азарта». Статья напечатана в № 4, журнала «Просвещение», за апрель; подпись — «Г. Зиновьев». Стр. 539.

«Против участия в буржуазной печати». I. Два взгляда. 2. Решение русских марксистов. Статья напечатана в № 4 журнала «Просвещение», за апрель; подпись—«Г. Зиновьев». Стр. 543.

«25-летие пролетарского праздника». Статья помещена в № 4 журнала «Просвещение», за апрель; подпись — «Н. Скопин». Стр. 549.

1914 г. «25 лет». Статья напечатана в газете «Путь Правды», № 75 от 1 мая; подпись — «Г. З.». Стр. 563.

«Рабочий класс и крестьянство в России». К спору между марксизмом и народничеством. Статья напечатана в № 80 газеты «Путь Правды», от 8 мая; подпись—«Г. З.». Стр. 566.

«Что снится ликвидаторам?» Статья напечатана в № 10 газеты «Трудовая Правда», от 8 июня; подпись — «Петербуржец». Стр. 571.

СОДЕРЖАНИЕ.

5р.

5р.
Цена ~~3~~ р. 25 к.

